

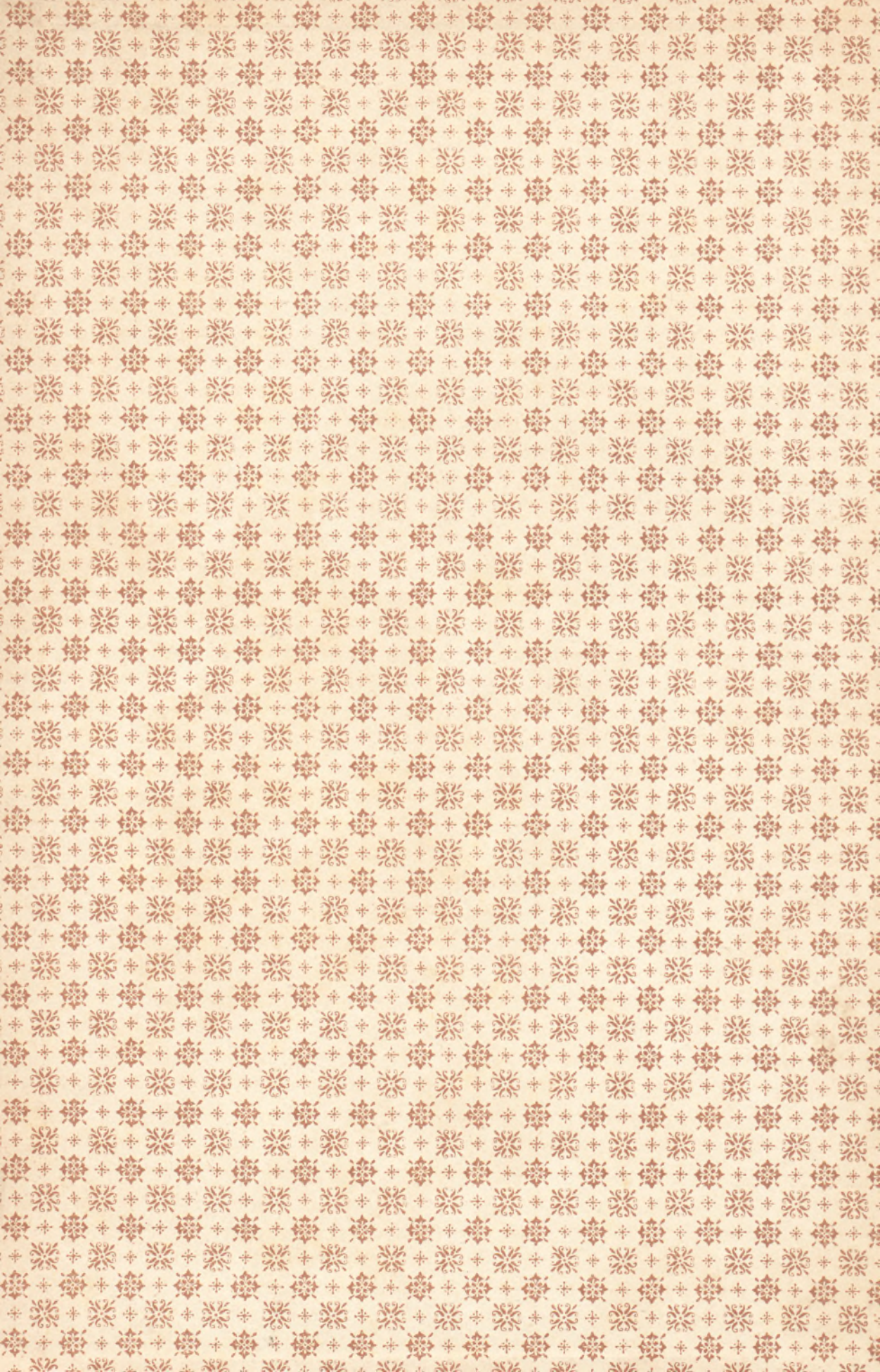
К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

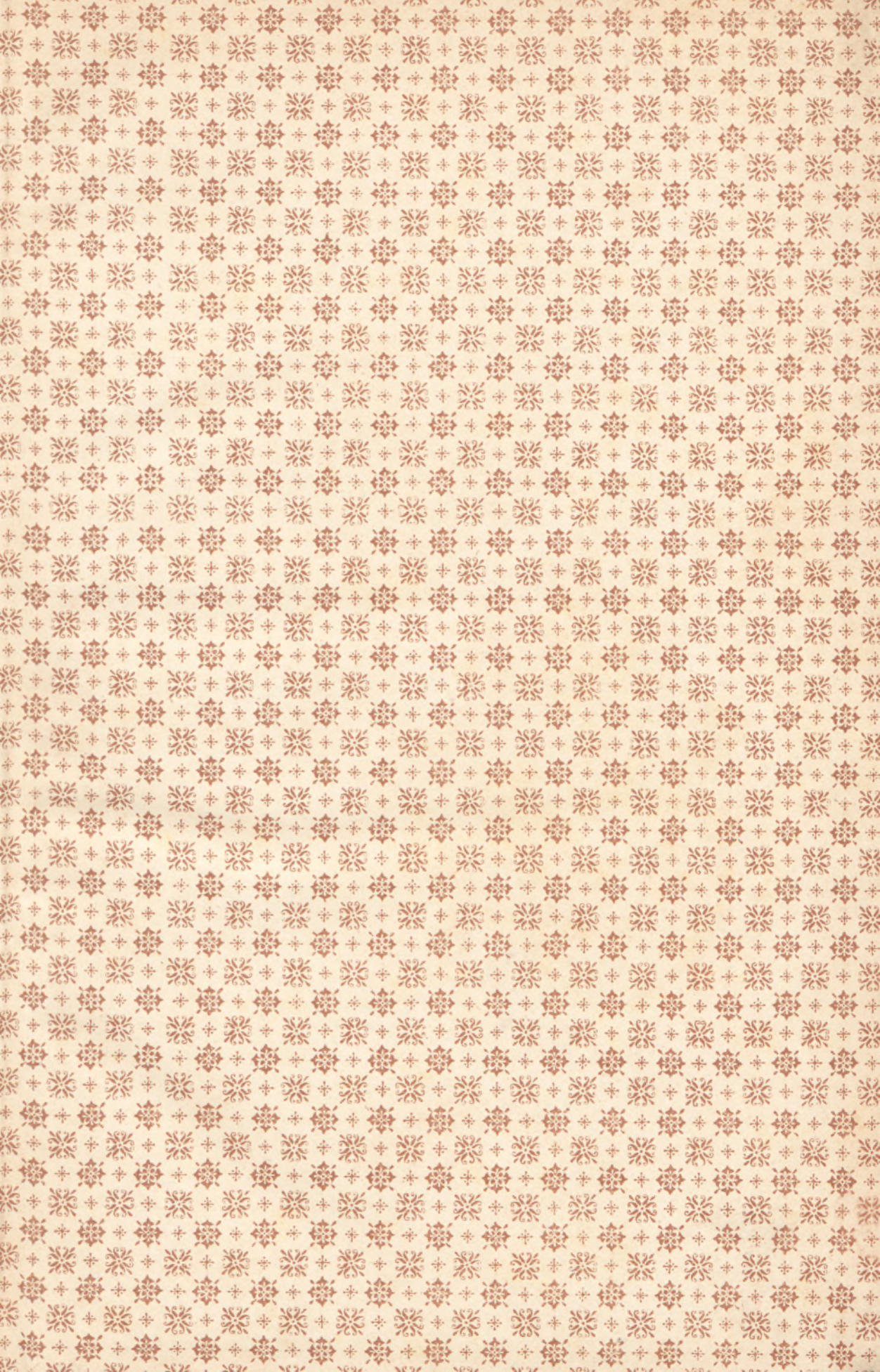
ПО

СЪВЕРО-ЗАПАДУ

РОССИИ

Изданіе А. Ф. Маркса & К^о.

„ПО СЪВЕРО-ЗАПАДУ РОССИИ“

ТОМЪ I.

„ПО СЪВЕРУ РОССИИ“

К. К. Случевскій

ПО СѢВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ

ТОМЪ I.

„ПО СѢВЕРУ РОССІИ“

Съ картою сѣвернаго края, отпечатанною въ **6** красокъ,
и **146** рисунками.

Издание А. Ф. МАРКСА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

100716

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср Подъич, № 1.

Дозволено цензурою 28 августа 1897 г. СПб.

Въ лѣтніе мѣсяцы 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 годовъ я имѣлъ счастье сопутствовать Великому Князю Владимиру Александровичу въ его путешествіяхъ по сѣверу и западу Россіи, а также по нѣкоторымъ центральнымъ губерніямъ. Я описывалъ эти путешествія въ корреспонденціяхъ, которыя помѣщались своевременно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и, наконецъ, въ 1886 и въ 1888 гг. появились двумя отдѣльными изданіями, не имѣющимися уже нынѣ въ продажѣ, подъ заглавіями: „По Сѣверу Россіи“ и „Валтійская сторона“.

При просмотрѣ книги для вторичнаго изданія ея предположено было, для большаго удобства, соединить всѣ шесть путешествій въ одно; но такъ какъ предположеніе оказалось невыполнимымъ безъ явнаго ущерба для точности содержанія, то мысль эта была оставлена и сохраненъ порядокъ, намѣченный въ первомъ изданіи, т. е. описано шесть путей. Въ настоящемъ, второмъ, изданіи исключены всѣ подробности, касавшіяся интересовъ дня и имѣвшія въ свое время высокое, иногда политическое значеніе. Сохранены и отчасти пополнены свѣдѣнія историческія, географическія, этнографическія и проч. Несомнѣннымъ пробѣломъ въ описаніяхъ надо считать то, что не всѣ замѣчательности того или другого города, той или другой мѣстности описаны; причина этого въ томъ, что не всѣ онѣ были посѣщены Августѣйшимъ Путешественникомъ и поэтому войти въ описаніе не могли.

Считаю своимъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность Л. В. Вейнбергу, взявшему на себя трудъ просмотрѣть всю работу и придать ей современный характеръ. Не могу также не помянуть и издателя А. Ф. Маркса, давашаго возможность труду моему вторично появиться въ свѣтъ въ весьма пополненномъ видѣ, въ особенности относительно иллюстрацій и по весьма недорогой, доступной для многихъ цѣнѣ.

К. Случевскій.

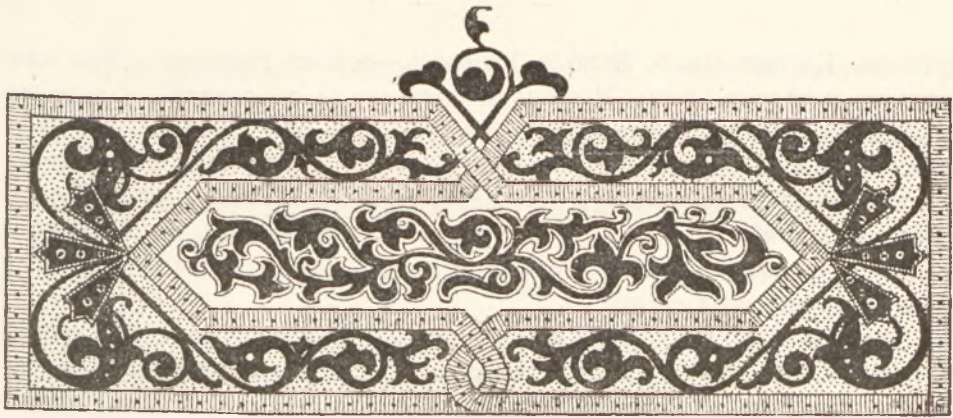

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(1884 г.).

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

(1881)

Очеркъ пути.

Характеристика мѣстъ, которыя предстояло посѣтить въ 1884 году.

Назначенный для отъезда день, 6-го іюня, начинался довольно пасмурно и изъ-за легкаго тумана, заволакивавшаго вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, нельзя было предвидѣть той долгой хорошей погоды, которая стояла во все время путешествія. На первый разъ предполагалось посѣтить только три губерніи: С.-Петербургскую, Новгородскую и Олонецкую. По заранѣ намѣченному маршруту, предстояло сдѣлать водою, желѣзными и грунтовыми дорогами около 2,000 верстъ.

Мѣстности, посѣщенныя въ этомъ путешествіи, представлялись чрезвычайно любопытными по весьма многимъ причинамъ, хотя, можетъ быть, нигдѣ во всей Россіи историческія памятники былого не исчезли съ такою обидною послѣдовательностью, какъ именно здѣсь, на нашемъ «деревянномъ» сѣверѣ. Человѣку, проѣзжающему этими мѣстами, на первый взглядъ легко можетъ показаться, что ничего тутъ особеннаго, исторически важнаго, не было, ничего замѣчательнаго не совершилось. Тихо, однообразно тянутся поля, лѣса, пустыри; скромно ютятся деревни; нечасто встрѣчаются усадьбы, а памятниковъ, каменныхъ и желѣзныхъ, свидѣтелей былого, имѣется гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать.

Но, если коснуться историческаго прошлаго этихъ мѣстностей, то впечатлѣніе сразу измѣнится. Край населится удивительными картинами, дебри оживутъ и воспоминанія о самыхъ отдаленныхъ историческихъ событіяхъ невольно возстанутъ въ памяти путешественника. Бѣлоозеро, Синеусъ, Рюрикво

крѣпость, Княгиня Ольга, Великій-Новгородъ,—все это говоритъ о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда Москвы не было еще и въ поминѣ,—о десятомъ столѣтїи; между тѣмъ берега Невы и Обонежской пятаины были уже новгородскими землями и политы обильно русскою кровью. Но не одни только имена названныхъ мѣстъ возрождаютъ въ памяти глубокую давность русскаго владычїя: во многихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ Олонецкаго края и пустынныхъ мѣстностей водораздѣла ладожскихъ и волжскихъ водъ сохранились до сихъ поръ чисто языческія основы.

Раньше другихъ лежало на предстоявшемъ пути Грузино. Это центры бывшихъ аракчеевскихъ военныхъ поселенїй. Отъ Грузина прямой путь ведетъ на Боровичи. Тамъ, въ Грузинѣ, искусственныя насажденїя Аракчеева, баловня судьбы, самолюбиваго человѣка; тутъ — одна изъ вѣчно-клокочущихъ артерїй народной самостоятельной жизни. И какая древность, какой ветхїй, почтенный обликъ: «Иде Ольга къ Новграду», говоритъ Несторъ: «и нача устанавливати по Мстѣ погосты и дани». Это десятый вѣкъ; и тогда уже рѣка Мста служила народной жизни, какъ служить она теперь и будетъ служить въ будущемъ.

Затѣмъ слѣдуетъ Устюжна, — небольшой городокъ, существовавшїй еще въ тѣ годы, когда надъ Россїею, не имѣвшею еще географическаго имени, проходилъ ея желѣзный вѣкъ. Тутъ былъ центръ металлическаго производства древней Руси; страна и до сихъ поръ полна слѣдами руднаго дѣла, погасшими кузницами-домницами. Еще при Иоаннѣ IV Устюжна служила чѣмъ-то въ родѣ арсенала и принимала царскїе заказы на оружіе. И недаромъ называли устюжанъ «желѣзными людьми»: они оправдали свое названїе въ тяжелую годину междуцарствїя, въ знаменитую свою защиту, въ 1608 году, отъ поляковъ и литвы, отъ навожденїя «латинскаго крыжа». Эта защита — одна изъ чудеснѣйшихъ страничекъ нашей исторїи.

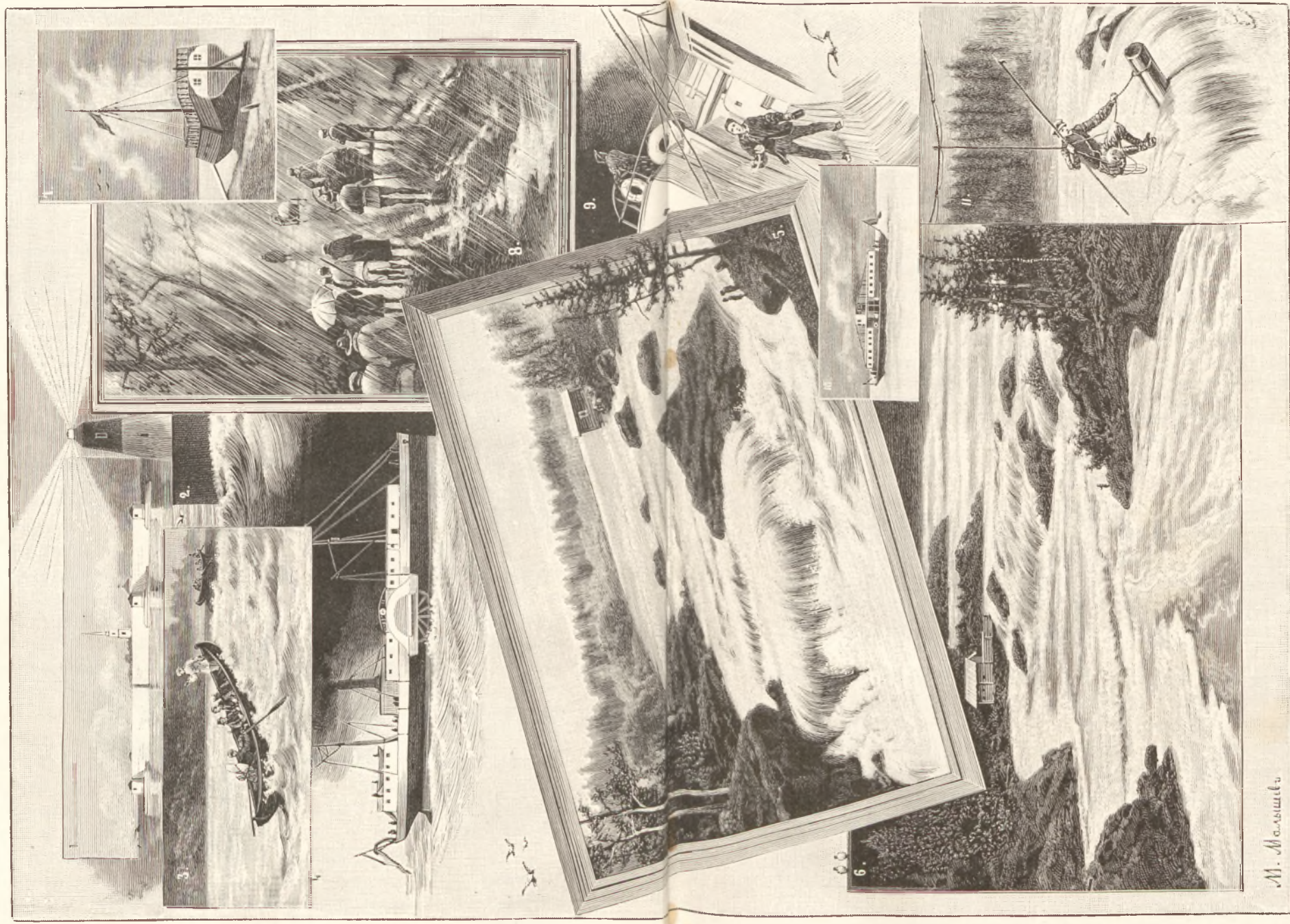
Далѣе на пути лежитъ Череповецъ: тутъ кипучая дѣятельность Марїинской системы, перевозящей къ Петербургу, въ теченїе одной навигаціи, до 40 милліоновъ пудовъ груза. За Череповцемъ находится Кирилловъ монастырь, эта древняя святыня русскаго народа. На ея стѣнахъ, надгробныхъ плитахъ, въ тайникахъ и подземельяхъ, на «мѣшкахъ» въ башняхъ, яркими красками живописана наша исторїя; вѣкъ Иоанна IV выступаетъ особенно ярко; Воротынскїе, Шереметевы, Сицкіе, Бѣльскїе, Хабаровы, Морозовы — всѣ они почиваютъ тутъ цѣлыми поколѣвїями; многіе изъ нихъ въ негнѣнной славѣ своихъ побѣдъ надъ литвою и татарами; другїе, — какъ поборники великаго московскаго единенїя. Съ исторїею этого монастыря связана память о такихъ крупныхъ подвижническихъ личностяхъ, какъ Кирилль Бѣлозерскїй и Нилъ Сорскїй, бывшихъ не только руководителями иноковъ, но и носителями умственнаго развитїя лежавшей въ глубокомъ мракѣ великой страны.

Затѣмъ слѣдуютъ рѣки Шексна и Вытегра. Начиная отсюда, вплоть до самаго Петербурга, путешественника не покидаетъ болѣе имя Петра Великаго; воспоминанїя о немъ въ этихъ мѣстахъ весьма живы: здѣсь онъ собственноручно возилъ тачки съ землею, тутъ лѣсъ тесалъ, тамъ паникадило работалъ, отсюда тотъ или другой указъ послалъ Сенату...

Одна изъ самыхъ любопытныхъ мѣстностей, лежащихъ на пути, — это, безспорно, Олонецкій край, съ его главнымъ городомъ Петрозаводскомъ. Подобно большинству нашихъ губернскихъ городовъ, Петрозаводскъ имѣетъ весьма скромный видъ, но самый край представляетъ исключительную, полную разнообразнаго интереса страну. Геологически онъ любопытенъ, какъ область озеръ, мрамора, болотной и озерной руды: этнографически — какъ страна кореловъ и финновъ, какъ богатѣйшій, исконный хранитель древнихъ былинъ. Нѣтъ ни одного края въ Россіи, который поспорилъ бы съ Олонецкимъ въ богатствѣ былинъ. Гитара и романсъ еще и понинѣ не проникли сюда и не замѣнили здѣшнихъ сказителей и сказительницъ, передающихъ, изъ рода въ родъ, заповѣдные мотивы самобытной родной мысли. Богатъ край былинами, но еще богаче онъ воспоминаніями религіозной жизни. Нѣтъ другого угла въ Россіи, который представлялъ бы столько типичныхъ подвижниковъ христіанства, такой плеяды проповѣдниковъ слова Божія и насадителей образованія; много ихъ было вездѣ на Руси, но тутъ они были сосредоточены въ большомъ числѣ. Сюда же убѣгалъ въ давнее время расколъ и произвелъ поразительныя, быстро погибшія произрастанія: Даниловскій и Лекенскій раскольничьи монастыри, такъ называемую Выгорѣцію. Олонецкій край отличается еще и тѣмъ, что это страна охоты на всякаго звѣря, на всякую птицу: половина населенія живетъ охотою.

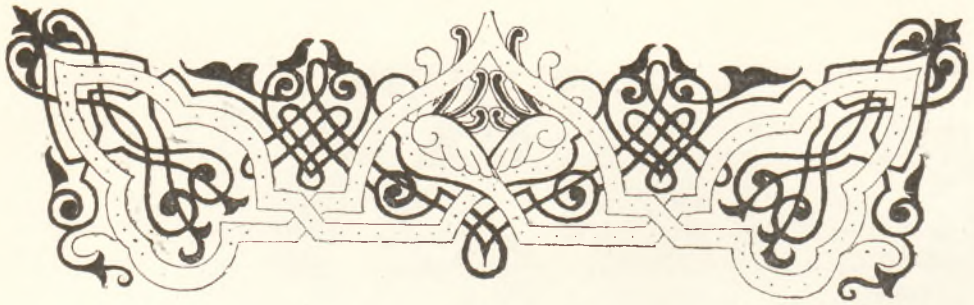
Обратный путь идетъ на Шлиссельбургъ: тутъ другія вѣянія, другія воспоминанія. Предстоитъ посѣтить Лодейное Поле — родину нашего балтійскаго флота, Новую Ладугу, Шлиссельбургъ, древній Орѣшекъ, на однихъ изъ воротъ котораго, какъ разсказываютъ, и понинѣ красуется ключъ «къ Петербургу».

Отъ Петербурга на Кивачъ. Ориг. рис. (собств. «Нивы») Малышева, грав. Раменский.

1) Шлезельбургская крепость, 2) Кошкинъ мазекъ, 3) На порогахъ, 4) Пароходъ «Онега», 5) Видъ на Кивачъ, 6) Пароходъ по каналу, 7) Надъ бездною, 8) Въ пути, 9) Качка, 10) Пароходъ по каналу, 11) Надъ бездною.

Грузино.

Достопримѣтельности. Соборъ и его памятники. Воспоминанія о графѣ Аракчеевѣ. Характеристика графа - «настоятели Грузинской обители». Отношенія его къ императорамъ Павлу I, Александру I и Николаю I. Часы и памятникъ. Общее впечатлѣніе Грузина. Завѣщаніе. Современныя свѣдѣнія о Шумскомъ.

Волжанъ—первая станція Николаевской желѣзной дороги въ предѣлахъ Новгородской губерніи; далье, отъ станціи Волхова предстояло сдѣлать переѣздъ парохомомъ до Грузина и обратно. День, казалось, установился хорошій; видъ на Волховъ, широко выступившій изъ береговъ, на Соснинскую пристань, на Волховской мостъ, на берегъ, усѣянный народомъ, и на стоящей подлѣ пристани новенькій парохомъ «Ильмень», былъ очарователенъ.

Отъ Волховской станціи до Грузина, внизъ по теченію, всего три четверти часа пути парохомомъ. Не успѣеть скрыться изъ виду Соснинская пристань подъ раскосами Волховского моста и церковь съ голубымъ куполомъ, усѣяннымъ звѣздами, какъ вдаль показывается Грузино. Ярче всего выступаетъ въ блескѣ полуденнаго солнца казарма Петровскаго полка, окруженная цѣлымъ моремъ зелени; изъ-за нея обрисовывается куполь собора и шпиль колокольни. Но вотъ и пристань, усѣянная народомъ; парохомъ даль кругъ, подходя къ ней.

Любопытная достопримѣтельность Грузина—его соборъ. Полъ не особенно большого храма, буквально загроможденнаго разными памятниками, медальонами, эмблемами и надписями,—каменный. Какъ это ни странно, но первое впечатлѣніе, производимое соборомъ, какое-то не совсѣмъ христіанское, чему больше всего способствуютъ два огромныхъ бронзовыхъ зодіака, смотрящихъ со стѣнъ, справа и слѣва отъ алтаря. Чѣмъ-то языческимъ отдастъ также отъ

богатой бронзовой гробницы Аракчеева съ темнымъ римскимъ воинь на ней. На сѣвѣрной стѣнѣ собора имѣется изображеніе императора Павла; тутъ же—воинъ (самъ Аракчеевъ), преклонившійся предъ жертвенникомъ; на щитѣ у воина—гербъ Аракчеева съ девизомъ «Безъ лести преданъ», а на жертвенникѣ надпись: «Сердце чисто и духъ правъ передъ Тобою». Могила Аракчеева—плоскій продолговатый камень съ надписью: «Да пребудетъ и прахъ мой у подножія изображенія Твоего»; далѣе другая надпись: «На семь мѣствъ погребень русскій новгородскій дворянинъ графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ; родился 1769 г. октября 23 дня, умеръ 1834 г. апрѣля 21 дня». Доска съ надписью (разумѣется, за исключеніемъ года и числа смерти) сдѣланы были при жизни Аракчеева въ 1818 г. Впереди гробовой плиты стоитъ колѣнопреклоненный бронзовый ангелъ, держащій въ одной рукѣ образъ, съ которымъ Аракчеевъ никогда не разставался, а въ другой—лампаду; на шеѣ у ангела, на золотой цѣпочкѣ, образокъ съ означеніемъ дней «тезонименитства двухъ христіанскихъ друзей», т. е. Аракчеева и Настасьи Минкиной, тѣло которой погребено было въ соборѣ рядомъ съ могилою Аракчеева; на ея могилѣ была надпись: «Здѣсь лежитъ 25-лѣтній другъ Анастасія, убіенная дворовыми людьми села Грузино за искреннюю ея преданность графу». Могилы этой теперь нѣтъ и, по преданію, тѣло Минкиной перенесено на кладбище. Весьма характерна приведенная выше надпись на жертвенникѣ: «Сердце чисто и духъ правъ».—Такъ ли это? Историки до сихъ поръ не пришли къ окончательному заключенію по этому вопросу.

Среди многочисленныхъ достопримѣчательностей храма выдѣляется знаменитое Евангеліе, въ которомъ написано завѣщаніе покойнаго графа. Въ немъ дѣйствительно замѣтны остатки вырванныхъ листовъ. Говорятъ, будто графъ Клейнмихель, посланный на разслѣдованіе извѣстнаго убійства, почелъ за нужное тогда же уничтожить ихъ. Что на нихъ было написано—неизвѣстно. Подъ голубымъ куполомъ собора бронза и мѣдь памятниковъ выдаются особенно ярко. Противъ алтаря помѣщены крупныя медальоны императоровъ Петра I, Александра I и Павла I. Памятникъ офицерамъ Ростовскаго гренадерскаго полка, шефомъ котораго Аракчеевъ состоялъ съ 1808 г., поставленъ у южной стѣны собора. На немъ изображены воинскіе доспѣхи и написаны имена офицеровъ, убитыхъ въ сраженіяхъ 1812—1814 гг.; надъ именами ихъ надпись:

«Се памятникъ сынамъ Россійскія державы,
Которы пламенемъ усердія горя,
Въ бояхъ противъ враговъ, на полѣ вѣчной славы,
Скончали жизнь свою за вѣру и Царя».

Тутъ же хранятся старыя изорванныя знамена Ростовскаго полка; здѣсь также можно видѣть и извѣстный образъ въ Алексѣевскомъ придѣлѣ съ характернымъ выборомъ святыхъ: Андрей, Алексѣй, Петръ и Анастасія, надъ которыми въ облакахъ паритъ апостоль Павелъ, держащій въ лѣвой рукѣ портретъ императора Павла I въ мундирѣ гатчинскихъ войскъ. Въ ризницѣ хранится портретъ архимандрита Фотія, черты лица котораго такъ же мало

привлекательны, какъ аракеевскія, и какъ бы родственны имъ по выраженію. Все это, вмѣстѣ взятое,—цѣлая эпопея, въ значительной степени тяжелая, грустная. Съ 1825 г. грузинскій Андреевскій соборъ пользуется единственнымъ въ Россіи отличіемъ: въ немъ, въ память преданія о посѣщеніи этой мѣстности св. ап. Андреемъ, разрѣшено совершать литургію въ храмовой праздникъ, въ воскресные и торжественные дни «при отверстыхъ царскихъ вратахъ», кромѣ того времени, когда совершается освященіе св. даровъ.

Въ храмѣ хранятся и французскія знамена, присутствіе которыхъ объясняютъ такъ: по волѣ графа Аракеева, послѣ каждой литургіи по немъ должна совершаться папихида. Для этого онъ еще при жизни приготовилъ на поминальный столикъ чехоль, по бокамъ котораго приняты десять знаменъ, отнятыхъ у французовъ въ 1812 году; четыре изъ нихъ—наполеоновской гвардіи; на столикъ устроено особое покрывало съ четырьмя штандартами итальянскихъ войскъ Наполеона (съ одноглавымъ орломъ, имѣющимъ желѣзную корону на груди).

При взглядѣ на большія сооруженія Грузина, невольно воспоминается, какъ покойному его владѣльцу, графу Аракееву, хотѣлось, во что бы то ни стало, оживить, населить его. Графъ, какъ сообщаютъ его современники, не терпѣлъ между своими крѣпостными холостыхъ и вдовыхъ. Ежегодно, къ 1-му января ему представляли списки дѣвушекъ, онъ дѣлалъ смотрины и назначалъ свадьбы.

Аракеевъ умеръ всего только шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ даже внѣшность его и выраженіе лица для насъ уже неясны, какъ бы подернуты туманомъ. Не много еще въ живыхъ людей, видѣвшихъ лично графа; сохранились также его портреты, и, тѣмъ не менѣе, даже печатныя свѣдѣнія о его внѣшности противорѣчатъ одно другому: «Русская Старина» объясняетъ, что онъ былъ очень некрасивъ и говорилъ гнусливо, а «Древняя и Новая Россія» называетъ его даже красивымъ.

Самъ себя Аракеевъ называлъ «настоятелемъ Грузинской обители». Это насмѣшка, конечно, если вспомнить существующій въ Грузинскомъ паркѣ островъ Мелиссина. Надо замѣтить, впрочемъ, что Аракеевъ, всегда сумрачный, иногда смѣялся, но тогда это выходило зло, обидно, грубо. Есть основаніе полагать, что далекимъ родоначальникомъ Аракеевыхъ былъ татаринъ, и, глядя на портретъ графа, это допустить нетрудно. «Не было ли въ самой природѣ Аракеева, — говоритъ одинъ изъ изслѣдователей: — той летаргіи равнодушія къ общему благу, близкой къ фатализму, которою по преимуществу заражены люди государственные на Востокѣ»? «Я учился по Часослову—говорить графъ—читать по Псалтырю за упокой родителей». Но и это неправда: великое слово «родители» звучало для него какъ-то особенно. Въ письмахъ его къ матери, которая его боготворила, множество пѣжныхъ словъ, но когда она, предчувствуя близость кончины, звала его въ недалекіе Курганы, онъ не пріѣхалъ ни при жизни ея, ни на похороны; позднѣе ссылалъ онъ въ Курганы провинившихся крестьянъ.

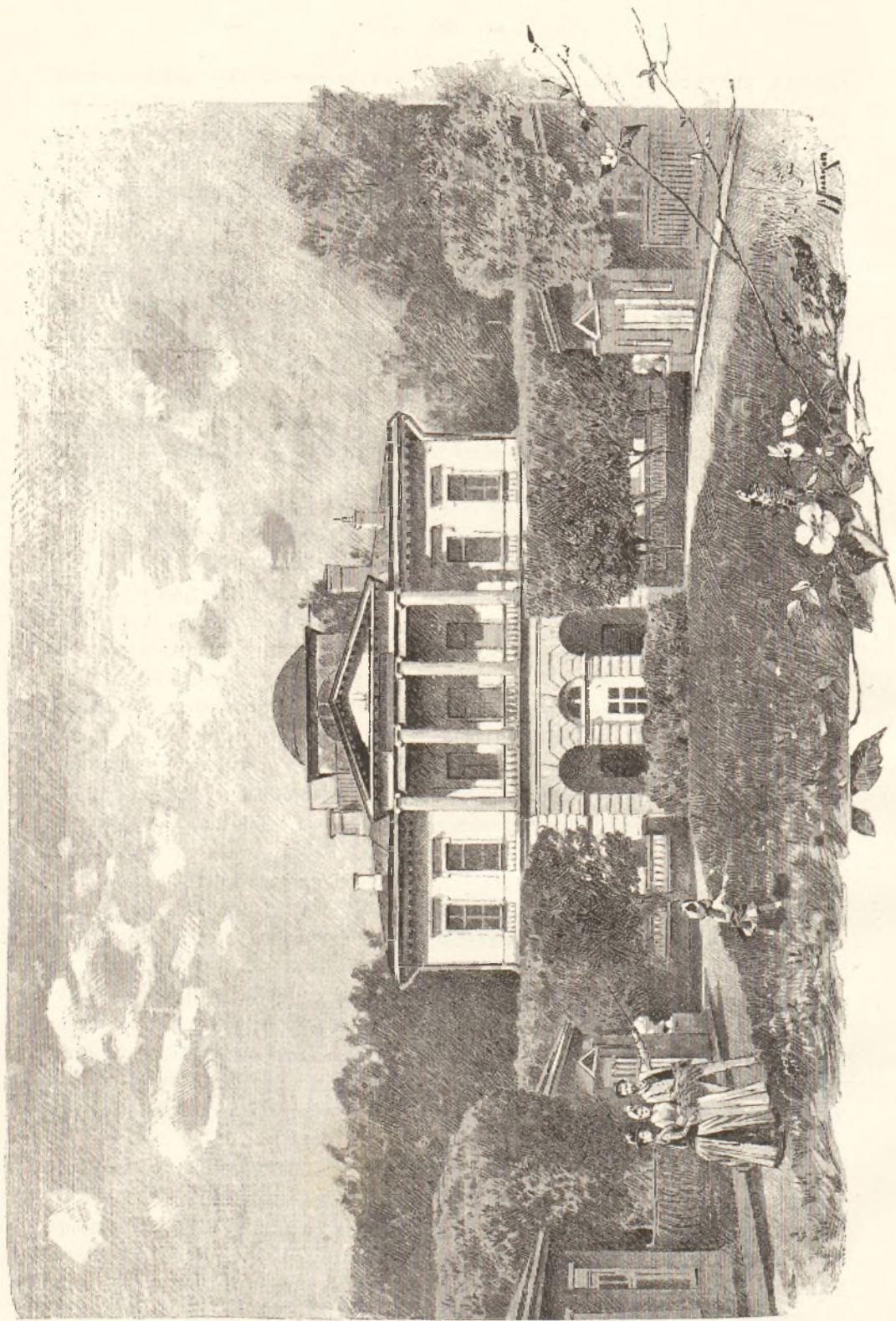
Для построекъ въ Грузинѣ, какъ извѣстно, были снесены съ мѣсть цѣлыя

деревни, уничтожены лѣса; при этомъ не были оставлены въ покоѣ даже кладбища. «Надо строить и строить, — писалъ графъ Аракчеевъ Бухмейеру: — ибо строенія послѣ нашей смерти нѣкоторое хотя время напоминаютъ о насъ; а безъ того со смертью нашею и самое имя наше пропадетъ». И Аракчеевъ, дѣйствительно, много строилъ и хотѣлъ, чтобы все имъ построенное напоминало о немъ: отъ надписей на домахъ и стѣнахъ нестрить въ глазахъ. На амбарѣ, между прочимъ, читаются слова: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». На другомъ зданіи: «безъ лести преданъ!» Злые языки немного переначили эту надпись, измѣнивъ только двѣ буквы; на третьемъ памятникѣ читается ужасное, метительное слово тому, кто дерзнетъ коснуться этого памятника: «будь проклять тотъ, кто...» и т. д., — и это проклятіе слышится изъ-за могилы! И зачѣмъ такъ страстно хотѣлось графу жить хотя бы въ строеніяхъ и надписяхъ? Отчего такъ удивительно ясно понималъ онъ, что исчезнетъ, непременно исчезнетъ, изъ памяти потомства? Недовѣрчивый, подозрительный, онъ даже въ этомъ случаѣ прибѣгалъ къ ухищреніямъ. Надписи могутъ стереть, думалъ онъ, и спряталъ какіе-то таинственные документы на колокольнѣ собора; верхъ колокольни собора весь чугунный, и въ колонны его, какъ гласитъ преданіе, подъ стеклянные колпаки положены неизвѣстныя бумаги.

Грузино, какъ извѣстно, было подарено императоромъ Петромъ I Мещинкову; позже императоръ Павелъ I подарилъ его Аракчееву, которому это сближеніе съ историческимъ именемъ любимца Петрова чрезвычайно пришло. Цесаревичу Павлу Петровичу, впоследствии императору, графъ Аракчеевъ былъ обязанъ своимъ первымъ возвышеніемъ. Онъ же указалъ на Аракчеева наследнику престола Александру Павловичу.

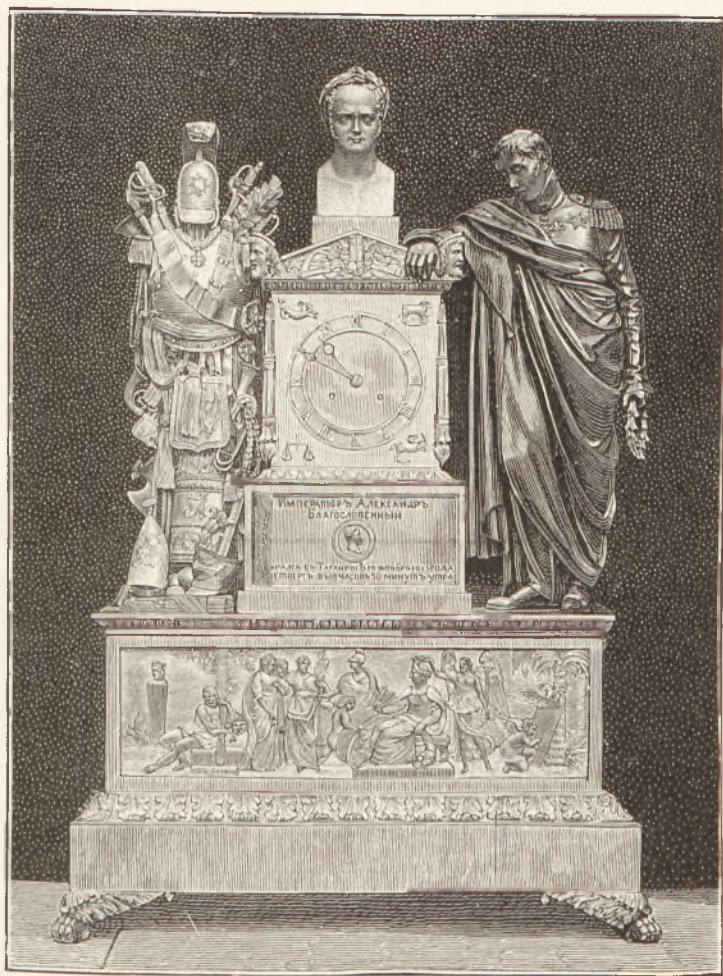
Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Аракчеевъ былъ человѣкъ чрезвычайно способный; въ этомъ убѣдиться не трудно, стоитъ только ознакомиться съ его отличіями въ корпусѣ, съ его раннею властью и значеніемъ въ гатчинскихъ войскахъ цесаревича Павла Петровича. 24-хъ лѣтъ Аракчеевъ былъ уже капитаномъ и ежедневно обѣдалъ за столомъ августѣйшихъ владѣльцевъ Гатчины. Ко времени воцаренія императора Павла I, онъ былъ полковникомъ артиллеріи и первымъ ближайшимъ къ нему лицомъ. При Александрѣ I, въ 1815 году, какъ это видно изъ бумагъ, хранящихся въ Грузинѣ, всѣ главнѣйшія государственныя дѣла, не исключая и дѣлъ подвѣдомственныхъ Святѣйшему Синоду, шли въ доклады Аракчеева. «Пріѣзжай ко мнѣ», писалъ графу Аракчееву императоръ Александръ I изъ Таганрога, послѣ извѣстнаго грузинскаго убійства, разслѣдованнаго графомъ Клейнмихелемъ: «у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искренно любилъ». Но неблагодарный графъ и тутъ, какъ при смерти своей матери, не поѣхалъ.

Обходя грузинскій домъ Аракчеева, украшенный фронтономъ и колонадами и густо обросшій вѣковой зеленью, можно, по множеству надписей, прослѣдить, гдѣ бывалъ, почивалъ, гдѣ занимался императоръ Александръ Павловичъ во время своего пребыванія въ Грузинѣ. Въ этомъ домѣ, какъ свѣтлыя, сохраняются его вещи. Большого вниманія заслуживаютъ хранящіеся здѣсь знаменитыя часы; они, послѣ кончины императора, были заказаны Аракчеевымъ

Грузино. Доля гр. Аракчеса.

въ Парижѣ за громадную, по тому времени, сумму—29,000 руб. ассигн. и должны были бить только одинъ разъ въ сутки: въ 10 час. 50 мин.—часъ кончины государя; въ этотъ часъ, медленно открывается медальонъ императора Александра I и раздаются грустные звуки «вѣчной памяти». Уныло разносится

Грузино.

Часы въ память императора Александра I.

Звонъ часовъ по небольшой комнатѣ, гдѣ все сохранилось въ первоначальномъ видѣ, только нѣтъ болѣе на кушеткѣ самого Аракчеева: говорятъ, во время боя часовъ, онъ всегда сидѣлъ на ней. Небольшая, но мастерски исполненная бронзовая фигура его на часахъ полна неописуемой грусти.

Въ центрѣ Грузина высится памятникъ, воздвигнутый тоже Аракчеевымъ императору Александру I и стоившій около 30,000 руб. Аракчеевымъ, кромѣ того, положенъ капиталъ для выдачи автору лучшаго жизнеописанія императора.

Капиталь этотъ возрастетъ къ 1925 г. до громадной цифры 1.918,000 руб., и все-таки есть основаніе думать, что Аракчеевъ не любилъ императора по той простой причинѣ, что у него не было сердца. Зато не любилъ Аракчеева императоръ Николай I. Когда, 14-го декабря, генералы, находившіеся въ Зимнемъ дворцѣ, вышли за государемъ на площадь, Аракчеевъ, блѣдный, испуганный, не послѣдовалъ за ними. Этого императоръ Николай I не забывалъ никогда.

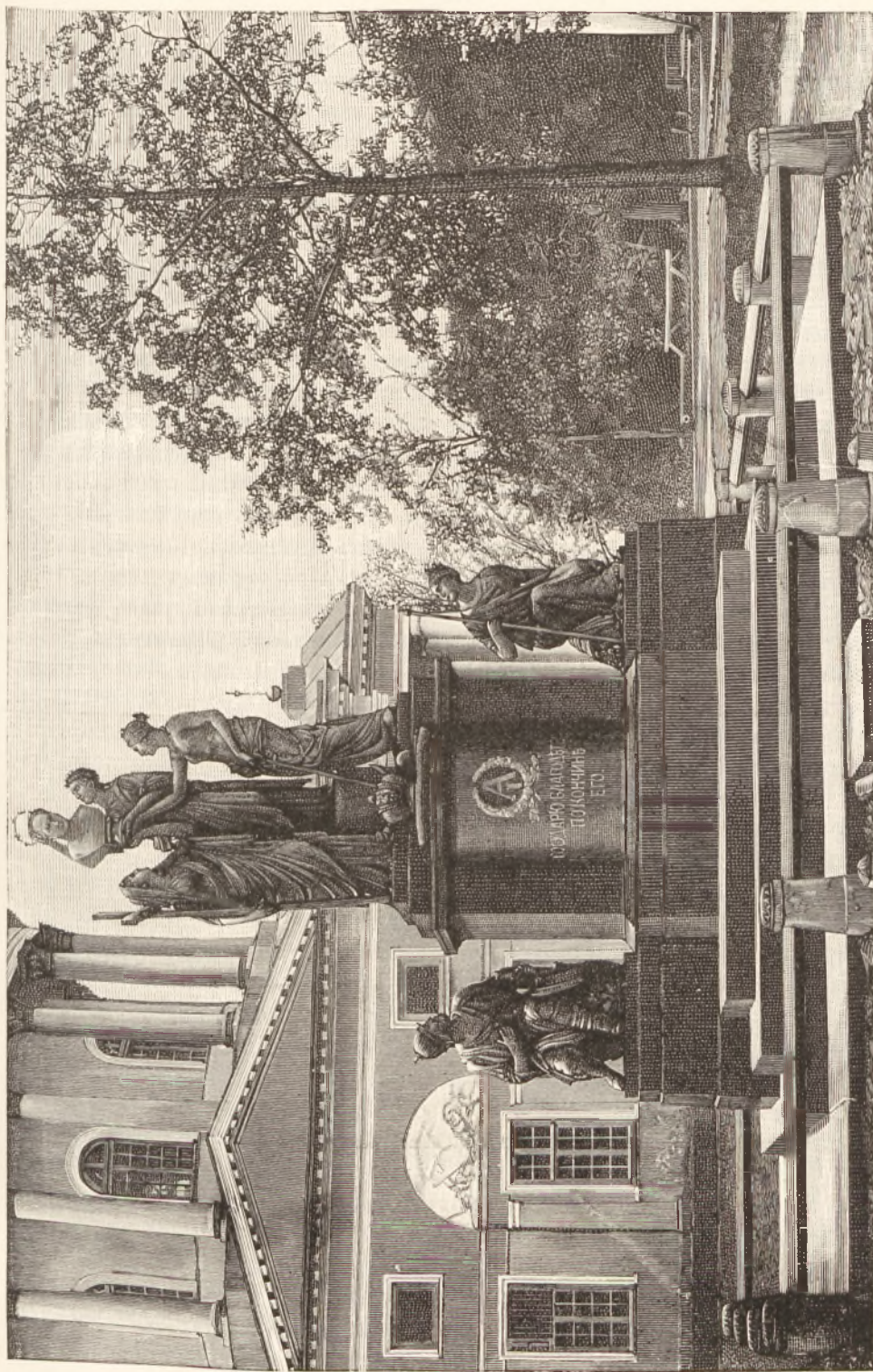
Въ Грузинѣ заслуживаетъ вниманіе путешественника густой паркъ съ его зеленѣющими прудами. Густою зеленью заросъ пзвѣстный островъ Мелисино съ его павильономъ, служившимъ когда-то мѣстомъ различныхъ таин-

Село Грузино. Общій видъ съ р. Волхова.
Съ фот. грав. Флётель.

ственныхъ пированій и имѣвшимъ за зеркалами изображенія, доступныя лишь не всѣмъ.

Грузино теперь и Грузино въ 1834 году, въ годъ смерти графа Аракчеева, это двѣ величины въ полномъ смыслѣ слова несравнимыя; тогда богатое помѣстье раскидывалось на пространствѣ 50,000 десятинъ и состояло изъ густо населенной Грузинской волости съ прилегающими къ ней деревнями, богатымъ движимымъ имуществомъ и крупными капиталами, завѣщанными графомъ на разные предметы по управленію,—капиталами, достигавшими 506,900 рублей. Грузино составляло одно вѣчно-нераздѣльное имѣніе, принадлежавшее новгородскому графу Аракчеева корпусу; имъ завѣдывалъ особый управляющій, надъ которымъ стоялъ хозяйственный комитетъ кадетскаго корпуса, а главное управленіе сосредоточивалось въ несуществующемъ болѣе департаментѣ военныхъ поселеній. Теперь, за надѣломъ крестьянъ, за отдѣленіемъ земель и лѣ-

Грузино. Памятникъ императору Александру I.

совъ, Грузинское имѣніе уменьшилось почти въ двѣ тысячи разъ, такъ какъ занимаетъ всего только 31 дес. 500 кв. саж., изъ которыхъ 21 десятина занята памятниками, строениями, прудами, цвѣтниками, парками; всѣ завѣщанные капиталы распределены по разнымъ вѣдомствамъ, а завѣдываніе мызой и ея памятниками поручено отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ особому чиновнику; Грузино не принадлежитъ болѣе Аракчеевскому корпусу, такъ какъ еще въ 1845 году, при передачѣ его министерству и согласно исчисленному доходу, Высочайше повелѣно было, чтобъ Аракчеевскій кадетскій корпусъ въ теченіе десяти лѣтъ получалъ уже не съ имѣнія, а прямо изъ государственнаго казначейства 18,000 рублей ежегодно, съ прибавкой половины того, что будетъ выручено сверхъ этого дохода; въ 1868 году состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣ вообще учрежденія, которымъ были въ свое время пожертвованы крестьяне (кадетскіе корпуса: новгородскій Аракчеева, орловскій Бахтина, воронежскій Михайловскій, орловскій Александровскій институтъ, ярославскій Демидовскій лицей и главный московскій архивъ), получали впредь соответствующія суммы доходовъ съ этихъ имѣній прямо изъ государственнаго казначейства и, кромѣ того, имъ выданы, на правахъ помѣщиковъ, на состоявшія въ надѣлѣ крестьянскія земли владѣнныя записи.

Какъ сказано, почти въ двѣ тысячи разъ уменьшилось Грузино противъ того, чѣмъ оно было, и заботливость объ его цѣльности, занимавшая графа Аракчеева во всю его жизнь, разлетѣлась прахомъ. Упомянутое выше духовное завѣщаніе Аракчеева, утвержденное императоромъ Александромъ I въ 1816 году и долгое время никому неизвѣстное, хранилось въ Сенатѣ, въ запечатанномъ конвертѣ; высочайшій указъ объ этомъ храненіи предоставлялъ завѣщателю право внести отъ себя въ Сенатъ другой запечатанный пакетъ съ обозначеніемъ имени избраннаго имъ наслѣдника, но этого второго пакета графъ Аракчеевъ Сенату никогда не предъявлялъ. Въ 1824 году высочайше утверждены нѣкоторые распоряженія графа на предметъ вѣчнаго поминованія въ грузинскомъ соборѣ императора Павла I; ходатайствуя объ этомъ утвержденіи, Аракчеевъ писалъ государю, что Грузино «единственное мое утѣшеніе, доставляющее мнѣ покой пріятный послѣ трудовъ дѣятельныхъ и несказанное удовольствіе заниматься благосостояніемъ крестьянъ, ввѣренныхъ моему попеченію». Слишкомъ пагядно и ярко начертаны въ исторіи какъ «труды дѣятельные», такъ и то, что разумѣлъ графъ Аракчеевъ подъ словами «удовольствіе заниматься благосостояніемъ крестьянъ».

Когда по смерти Аракчеева, въ 1834 году, хранявшійся въ Сенатѣ пакетъ былъ вскрытъ, то оказалось, что графомъ сдѣлано распоряженіе о нераздѣльномъ владѣніи и наслѣдованіи Грузинской волости, и что завѣщатель, въ случаѣ неизбранія имъ достойнаго наслѣдника, предоставляетъ это право государю. Такъ какъ второго пакета съ именемъ наслѣдника представлено не было, то Николай I призналъ наслѣдникомъ его новгородскій кадетскій корпусъ. Тогда же повелѣно было утвердить въ полной силѣ всѣ распоряженія покойнаго, изложенныя въ черновой собственноручно писанной тетради, «хотя они не были облечены установленными закономъ формами»; такое же значеніе, опять-таки

по высочайшему повелѣнію, придано было «особому словесному завѣщанію» его относительно денежныхъ награжденій, удостовѣренному лицами, находившимся при смерти графа.

Послѣднія распоряженія Аракчеева, миновавшія общія формы воплощенія въ законъ, были впослѣдствіи нарушены. Грузино, равно какъ и его капиталы, то и дѣло дробились и точно перебрасывались изъ рукъ въ руки, на зло той вѣчной устойчивости, которую думалъ создать графъ. Въ 1834 году село поступило въ военное вѣдомство, въ 1845 году перешло въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, въ 1857 году—въ удѣльное, въ 1859 году часть его, мыза и паркъ, переданы духовному вѣдомству для учрежденія тамъ миссіонерскаго училища и, за неосуществленіемъ этого, поступили въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ въ 1866 году.

Сомнительныя данныя о печальной судьбѣ сына графа Аракчеева, флигель-адъютанта Шумскаго, окончательно выяснились только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обнаруженіемъ одного изъ архивныхъ дѣлъ Соловецкаго монастыря, ва № 756. Оказывается, что сынъ Аракчеева, когда-то офицеръ гвардіи, флигель-адъютантъ съ 1824 года, былъ за неприличные поступки въ 1826 году переведенъ во владикавказскій гарнизонъ, съ лишеніемъ званія флигель-адъютанта; что онъ находился въ многочисленныхъ схваткахъ и сраженіяхъ до 1829 года и уволенъ отъ службы въ 1830 году. Послѣ различныхъ странствованій, Шумскій временно, хотя и насильственно, успокоивается въ Юрьевомъ монастырѣ, Новгородской губерніи, изъ котораго, по высочайшему повелѣнію и согласно собственной просьбѣ, переведенъ въ Соловки въ 1836 году. Въ Соловкахъ онъ содержался не какъ арестантъ, а жилъ свободно, только безъ права выѣзда, сначала велъ предосудительную жизнь, но затѣмъ, въ ноябрѣ 1836 года, просилъ архимандрита о принятіи его въ штатъ послушниковъ. Съ высочайшаго соизволенія, это было ему разрѣшено. Въ 1838 году, опять—таки съ высочайшаго разрѣшенія и по просьбѣ Шумскаго, ему дозволено покинуть монастырь, а въ 1839, въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую его просьбу, государь повелѣлъ производить ему по 1,200 рублей пенсіи. Заручившись этими деньгами, Шумскій, противъ ожиданія, остался въ Соловкахъ; новая попытка его стать отшельникомъ окончилась «пьянственнымъ штіемъ», и когда, снисходя на новую просьбу его о дозволеніи переселиться на родину, въ одну изъ пустыней Новгородской губерніи, послѣдовало соизволеніе, Шумскій, прибывъ, по пути туда, въ Архангельскъ, заболѣлъ и умеръ въ больницѣ въ 1851 году, 48 лѣтъ отъ роду.

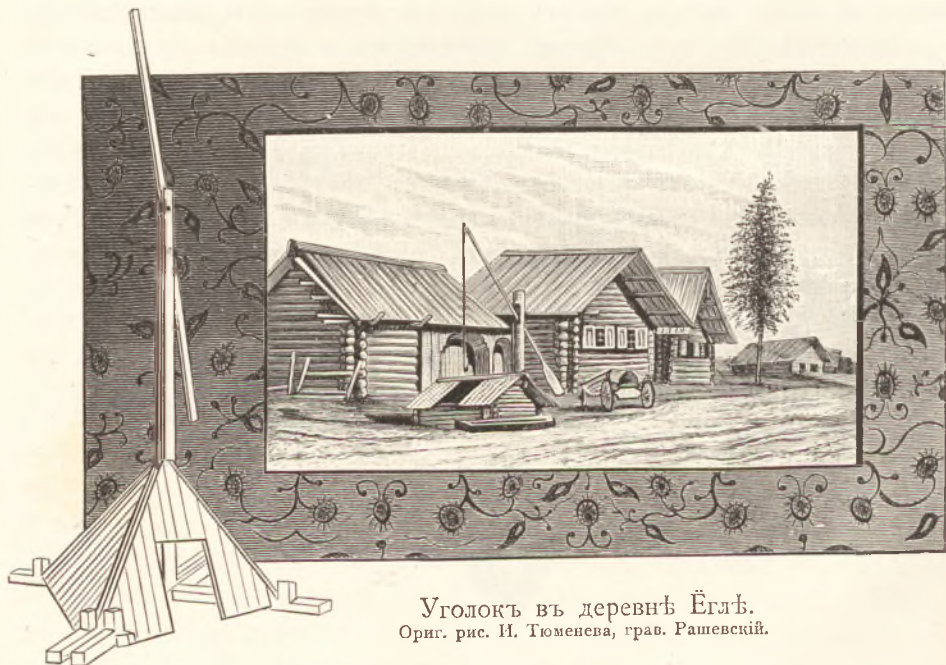

Боровичи.

Историческое о рѣкѣ Мстѣ. Великая княгиня Ольга. Новгородскіе ушкуйники. Остатки языческихъ обычаевъ. Почитаніе св. Параскевы - Пятницы. Свято - Духовскій монастырь. Воспоминаніе о Суворовѣ.

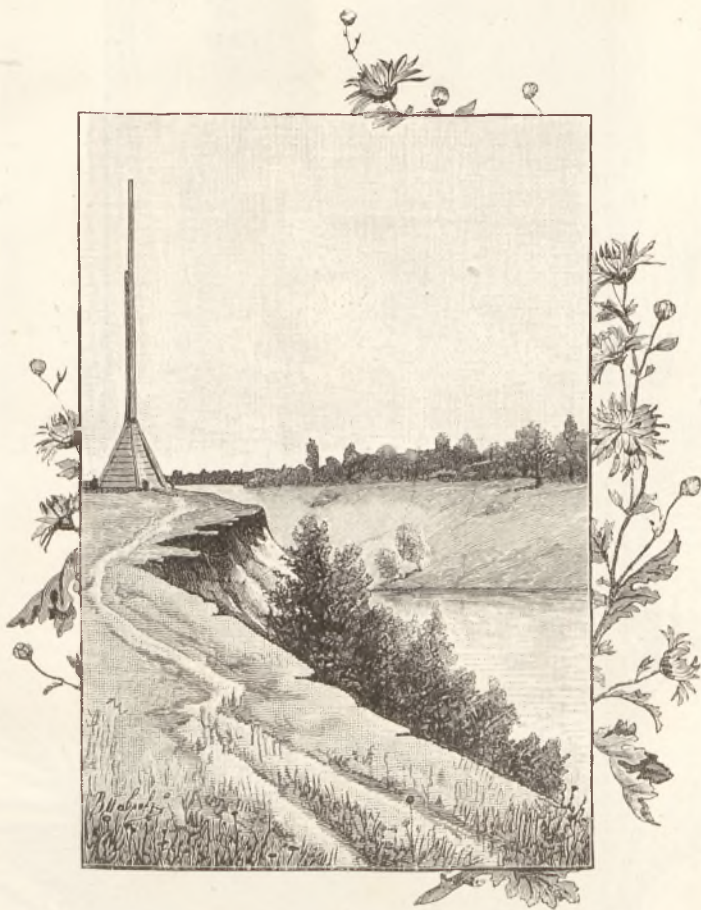
Вокзалъ Боровичской желѣзной дороги находится въ весьма не далекомъ-разстояніи отъ р. Мсты и отъ самаго города Боровичей. Съ довольно крутого спуска у Спаса Преображенія открывается видъ на городъ, раскинутый на другомъ, высокомъ берегу Мсты. Въ блескѣ яркаго утренняго солнца и при удивительной прозрачности воздуха картина нестрѣтъ

Уголокъ въ деревнѣ Ёглѣ.
Ориг. рис. И. Тюменева, грав. Рашевскій.

всѣми красками; глубокая, синѣющая даль окаймляетъ ее богатою рамкою. На первомъ планѣ блистала быстрая Мста и, пользуясь весеннимъ разгуломъ своихъ водъ, поднимала гребни бесчетныхъ волнъ, будто взглядывая вершинкамъ ихъ на то, что дѣлалось на берегу. Мста въ этомъ году была чрезвычайно полноводна, благодаря обилію дождей. Въ открытые шлюзы озера Пирость рѣка стремилась быстро и шумно.

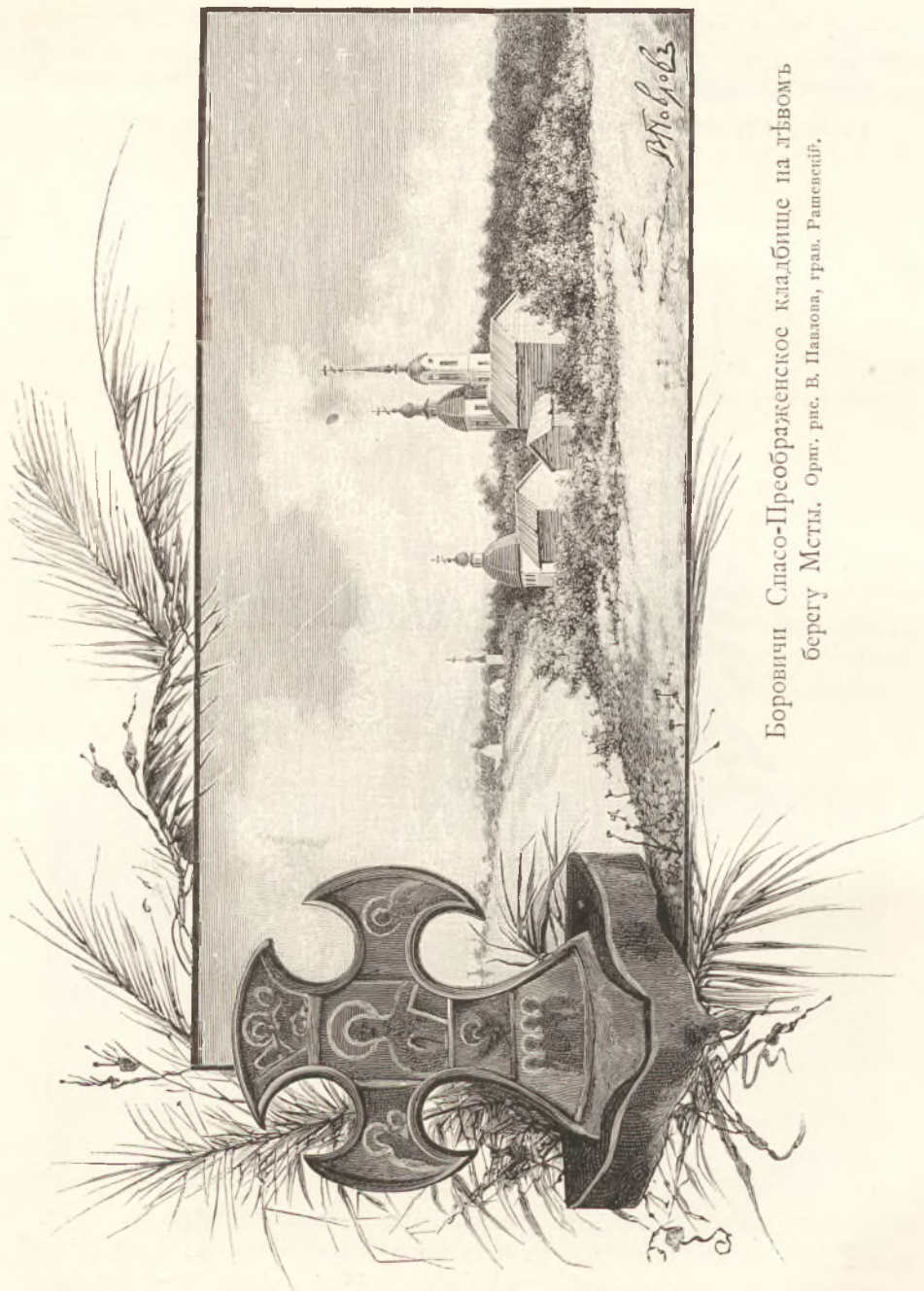
Городъ Боровичи, какъ уже сказано, очень красиво раскинутъ надъ

Порогъ Виты (въ 5 верстахъ отъ Боровичей).

Ориг. рис. В. Павлова, грав. Шинперъ.

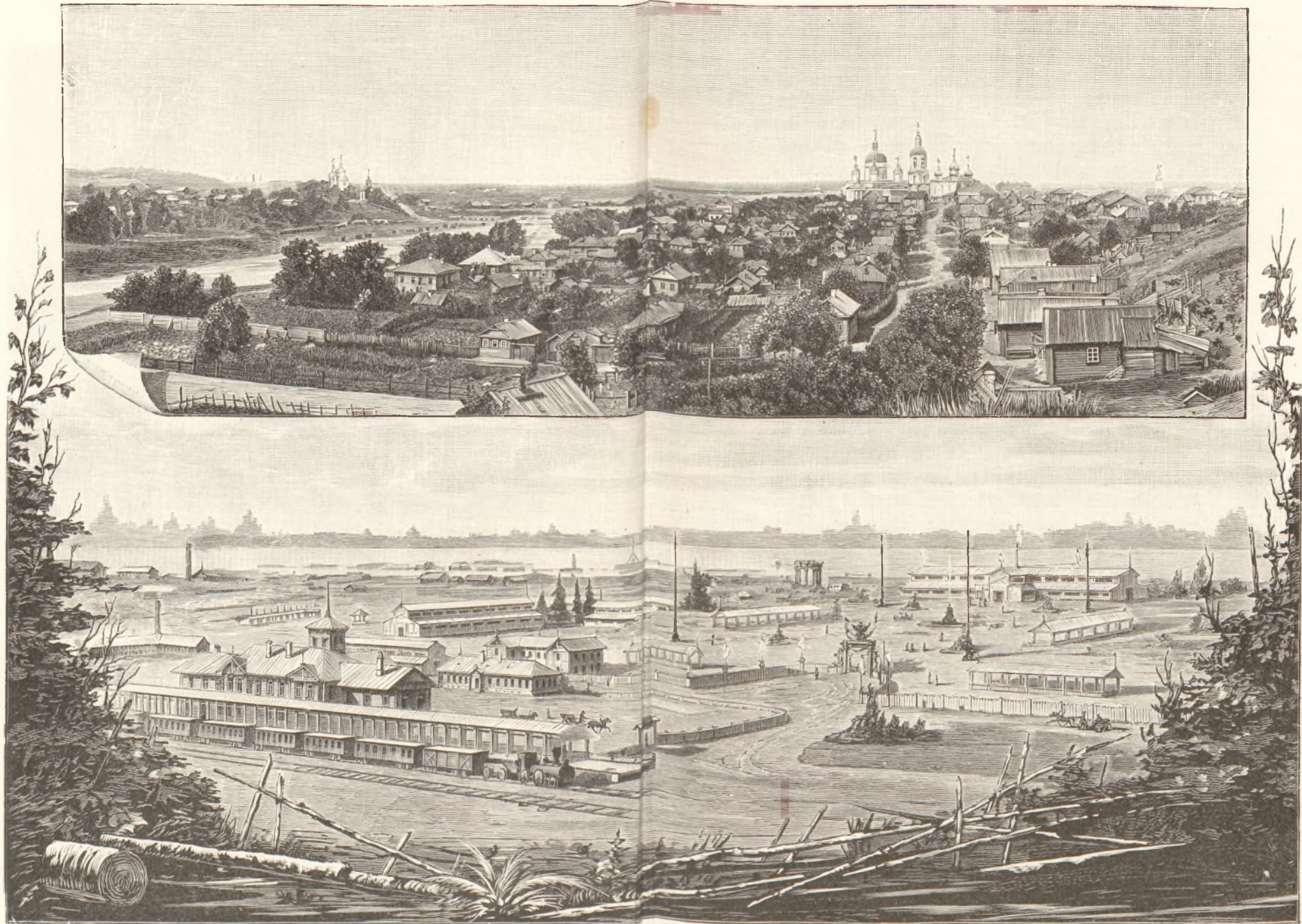
рѣкою Мстою, которая беретъ свое начало изъ озера Мстино и открываетъ себѣ дорогу между двухъ значительныхъ возвышенностей. Тамъ, у истока Мсты, на одной изъ возвышенностей стоитъ каменное зданіе, когда-то, во время процвѣтанія Вышневолоцкой системы, служившее жилищемъ для мѣстныхъ чиновниковъ вѣдомства путей сообщенія. Это зданіе было заброшено, и только недавно уступлено Академіи Художествъ съ цѣлью дать возможность нашимъ художникамъ жить здѣсь въ лѣтнее время и работать. Это тѣмъ болѣе

Боровичи Спассо-Преображенское кладбище на лѣвомъ берегу Мстк. Ориг. рис. В. Павлова, грав. Рашевскій.

Опеченский посадъ со стороны Боровицкой. Ориг. рис. В. Павлова, грав. Шамперъ.

Общій видъ Боровичей и сельско-хозяйственной кустарно-промышленной выставки 1894 г.
По фотогр. грав. Диницъ.

важно, что Мста — одна из красивѣйшихъ рѣкъ въ Россіи и представляетъ для художника чрезвычайно много разнообразныхъ, живыхъ мотивовъ. При этомъ нужно замѣтить, что Мста живописна не только у истока, но сохраняетъ свою красоту почти по всему теченію.

Самымъ опаснымъ мѣстомъ на Вышневолоцкой системѣ являются боровичскіе пороги на Мстѣ. Они начинаются отъ Опеченскаго посада (выше Боровичей), проходятъ мимо города и оканчиваются у Потериѣлицкой пристани, гдѣ обыкновенно исправлялись суда, потерявшія крушеніе на порогахъ. Существовалъ старинный обычай въ плесѣ ниже Боровичей устраивать пирушку, если судно проходило благополучно; этотъ плесъ получалъ даже названіе «вишнаго». Самъ Петръ Великій, неоднократно бывавшій въ этихъ мѣстностяхъ, миновавъ боровичскіе пороги, приказывалъ подавать себѣ рюмку любимой своей анисовки.

Между Опеченскимъ посадомъ и Потериѣлицкою пристанью находятся 35 пороговъ и 11 острововъ, не покрывающихся водою. Наиболее опасными порогами считаются: «Вынь», «Вязь», «Лѣстница», «Печки», «Гверстка», «Бѣли», «Гнилка», «Егла» (близъ деревни Егла, въ 9-ти верстахъ отъ Боровичей) и «Витцы». Въ полоую воду, когда уровень Мсты искусственно поднимается спускомъ водъ изъ озеръ, лежащихъ выше по ея теченію, барки на порогахъ мчатся, пробѣгая 36-ти-верстное разстояніе почти въ одинъ часъ времени. Мста не глубока, особенно на порогахъ, и даже въ полоую воду, когда вода на порогахъ кипитъ, какъ въ котлѣ, глубина ея мѣстами не превышаетъ аршина. Поэтому наибольшая осадка судна всегда опредѣляется въ 14 вершковъ. Полагаютъ, что «Опеченскій рядокъ» существовалъ еще въ XVI вѣкѣ. Въ 1820 году «Опеченскій рядокъ», какъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ на Вышневолоцкой системѣ, сдѣланъ посадомъ и въ немъ учреждена ратуша. Посадъ имѣетъ благоустроенный видъ; въ серединѣ находится церковь во имя Успенія Божіей Матери; устроена каменная набережная, усаженная деревьями. На самомъ видномъ мѣстѣ на соборѣ (противъ набережной) находится изображеніе св. Николая, спасающаго человѣка отъ потопленія.

Такъ вотъ она, эта рѣка Мста, древняя путина собиранія даней великою княгинею Ольгою по погостамъ, ею учрежденнымъ. Это было въ X вѣкѣ. Въ этихъ погостахъ, имена и мѣста которыхъ утеряны, великокняжескія ладьи нагружались собранными въ дань произведеніями и шли обратно къ княжескому двору, въ Великій-Новгородъ. Та же Мста, только позже, служила однимъ изъ путей для новгородскихъ ушкуйниковъ, которые ходили на сѣверъ въ Норвегію, а на югъ добирались даже до Астрахани, грабя и разбойничая по пути. Ушкуй—финское названіе косной лодки. Ѣздившіе на ней назывались ушкуйниками. Новгородская вольница спускалась по Мологѣ, въ Волгу, чтобы, пользуясь быстротою хода на нихъ подъ парусами и на веслахъ, нападать на суда, медленно тянувшіяся, и грабить ихъ. Въ случаѣ неудачи нападенія можно было легко уйти. Дерзость ушкуйниковъ въ XIV вѣкѣ доходила до того, что при Дмитріи Донскомъ они взяли города Ярославль и Кострому наѣздомъ съ Волги. Въ 1340 году сожгли они Устюжну и разорили Вѣлозерскую область.

Порогъ Вьшь. Видъ сверху, по теченію Мсты, со стороны Опенскаго посада.
Ориг. рис. И. Тюменца, грав. Ш.миллеръ.

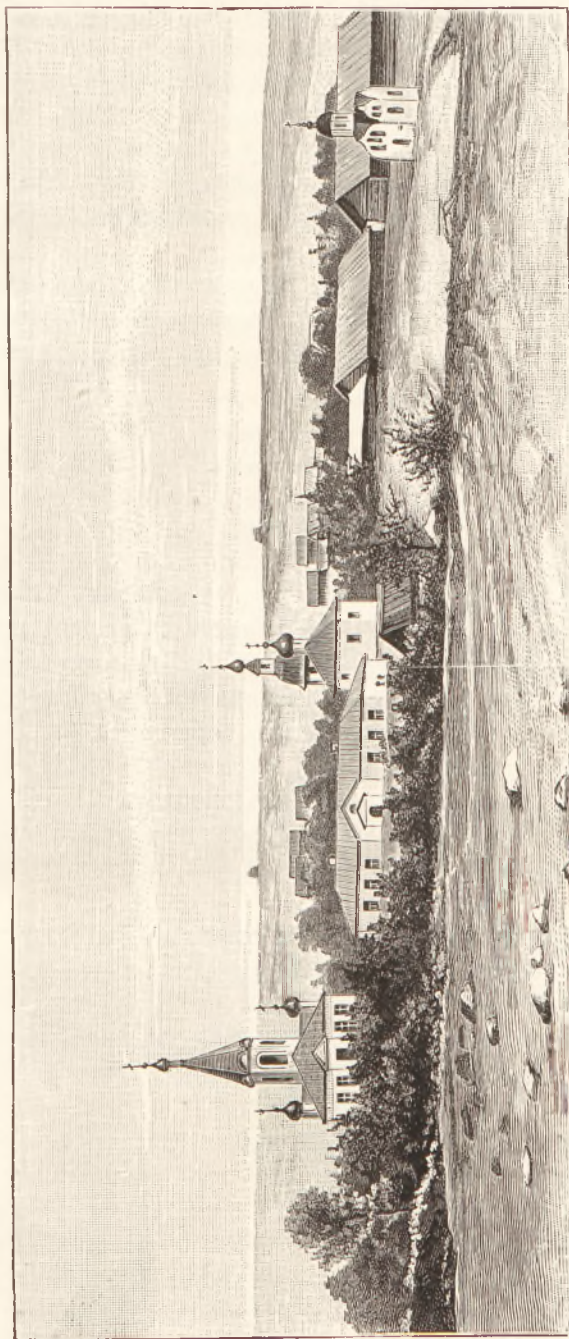
Новгородцы умывали руки въ разбойничествахъ этихъ шаекъ, говоря, что они пугъ позволенія на грабежи не давали. Многіе изъ князей ополчались на ушкуйниковъ открытою силою, при чемъ иногда сами терпѣли неудачу.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, говоритъ мѣстный изслѣдователь, что Боровичи и ихъ окрестности издавна были, такъ сказать, мѣстомъ встрѣчи московскаго и новгородскаго вліяній. До сихъ поръ къ западу и югу отъ Боровичей преобладаетъ нарѣчіе, близкое къ московскому, къ сѣверу — новгородское. До какихъ именно мѣстъ поднимались по Мстѣ Ольгины ладьи—сказать трудно, но что Боровичи представляютъ собою очень древній погостъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Существуетъ преданіе насчетъ происхожденія названія Боровичей: былъ въ древности богатый князь и имѣлъ онъ усадьбу близъ села Сушеней и подлѣ, на горѣ, скотный дворъ, на другой горѣ—овечій боръ; отсюда и названіе. Но въ Боровичахъ этого преданія не признаютъ и толкуютъ съ большимъ, конечно, вѣроятіемъ, что названіе города происходитъ отъ великаго боровища когда-то окружавшаго погостъ, ставшій впоследствии городомъ.

Изъ историческихъ письменныхъ памятниковъ извѣстно, что на мѣстѣ этого города въ древнее время существовали погосты Борисоглѣбскій и Спасскій; въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ первомъ погостѣ былъ таможенный дворъ и сосредоточены земскія учрежденія для окрестныхъ мѣстъ. Петръ Великій, для поощренія занятія жителей лопманскимъ дѣломъ, освободилъ ихъ отъ податей. Въ 1772 году Екатерина II въ домѣ, построенномъ Гутуевымъ, подписала указъ о наименованіи Боровичей городомъ (24 іюня). Въ память этого событія учрежденъ ежегодный крестный ходъ. Въ 1772 году Екатерина прибыла къ Боровичамъ на лодкахъ и высадилась противъ нынѣшней кладбищенской церкви; въ память этого поставленъ былъ крестъ, а потомъ сооружена Крестовоздвиженская часовня, куда ежегодно 14 сентября бываетъ крестный ходъ изъ кладбищенской церкви. Площадь передъ бывшимъ «Гутуевскимъ домомъ» («дворцомъ») называется Екатерининскою.

Древнее мѣсто—древніе обычаи; остатки языческихъ обрядовъ удержались тутъ и до послѣдняго времени. По пятницамъ, съ девятой недѣли по Пасхѣ и до половины іюля, къ мѣстнымъ часовнямъ приводятъ коней на окропленіе святою водою, бросаютъ въ колодцы деньги, какъ бросали при святомъ благовѣрномъ князѣ Константинѣ Святославичѣ Муромскомъ: «очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеса и серебрянницы въ ня повергающе». Святочные глумленія и воспѣванія коляды 24 декабря, кунанья 23 іюля, кувырганье при первомъ ударѣ весенней грозы, напоминающее поклоненіе Перуну,—все это имѣетъ здѣсь мѣсто и продолжаетъ жить самую безыскусственную жизнью.

Но эти остатки языческихъ повѣрій нисколько не мѣшаютъ безусловному значенію христіанской святыни. Въ Боровичахъ и его окрестностяхъ, далеко кругомъ, преобладаетъ въ народѣ почитаніе Параскевы-Пятницы. Въ самыхъ Боровичахъ есть церковь ея имени; въ двадцати верстахъ находитесь часовня Пятницы; при церкви Никольскаго погоста во всѣ пятницы, отъ девятой по Пасхѣ до Ильинской, бываетъ огромное стеченіе народа. Всѣ эти дни считаются

Боровичи Свято-Духовъ монастырь. Ориг. рис. В. Павлова, грав. Шлипперъ.

въ Боровичахъ народными праздниками. Наша церковь, какъ извѣстно, говорить одинъ изъ изслѣдователей старины, празднуетъ Параскеву 28 октября; но почему только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи посвящены ей особые дни, почему именно пятницы въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ и почему въ чествованіи особенно усердны женщины,—это остается неразгаданнымъ и должно имѣть свою связь съ язычествомъ. Были, вѣроятно, какія-либо языческія ликованія со стороны женщинъ, или онѣ чествовали этотъ праздникъ отдѣльно отъ мужчинъ. Въ Четы-Минеяхъ о св. Владимірѣ говорится, что «мужья ликовали дома, а жены въ поляхъ»; Карамзинъ опредѣляетъ время празднованія Ладо между 25 мая и 25 іюня, т. е. именно въ тѣ сроки, которые соотвѣтствуютъ боровичскому почитанію пятницъ.

При окончательномъ утвержденіи христіанства Параскева вытѣснила празднованіе Ладо, но въ боровичскихъ пѣсняхъ это языческое имя встрѣчается часто. Тотъ же мотивъ слышится и въ народной пословицѣ: «Пятница-Прасковей, пошли жениха поскорѣе».

Въ одной изъ пѣсенъ поется:

«Охъ, вы Ждани мои,
«Вы Сушани мои;
«А ты, Волгино село,
«Ты пристанище мое.

Къ сѣверу отъ Боровичей до сихъ поръ существуютъ всѣ три селенія, о которыхъ говорится въ этой пѣснѣ. Мѣстные крестьяне передаютъ, будто на Жданихъ бѣсъ сражался нѣкогда съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ, именно тамъ, гдѣ послѣднему на берегу Мсты поставлена часовня; Георгій побѣдилъ діавола, засушилъ его (Сушени), и онъ, засушенный, переселился въ Волгино. Объясненіе словамъ пѣсни можетъ быть дано такое, что языческій идолъ, стоявшій на холмѣ у Жданей, послѣ сверженія, былъ подхваченъ водой и занесенъ внизъ въ село Волгино. Извѣстно, что, четыре года спустя послѣ крещенія Владимірова, посланъ былъ въ эти мѣста Іоакимъ, и онъ «требища разори и Перуна посѣче».

Но какъ же древни должны быть эти скромныя три села, до сихъ поръ существующія! На пространствѣ не болѣе двадцати верстъ около Боровичей находится до двадцати чрезвычайно древнихъ погостовъ, съ древними же храмами. Вообще можно сказать, что этотъ скромный, маленькій уголокъ обширной Россіи представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для любителей и изслѣдователей родной старины.

Главная святыня Боровичей — Святодуховъ монастырь, основанъ, какъ полагаютъ, около 1327 года. Монастырь былъ много разъ «сженъ, воеванъ отъ нѣмецкихъ людей и отъ русскихъ воровъ». Онъ получаетъ отъ казны ежегодно 85 рублей 71 копейку «милостынной дачи». Къ Святодуховскому монастырю на Пасху 1452 года приплыли на льдинахъ мощи св. Іакова; въ 1657 году ихъ перевезли въ Иверскую обитель, гдѣ онѣ и почиваютъ. Изображеніе св. юноши на иконахъ рѣзко выдѣляется въ ряду другихъ, представляющихъ, болѣею частью, бородатыхъ старцевъ, ветхихъ дѣвми и испещренныхъ морщинами.

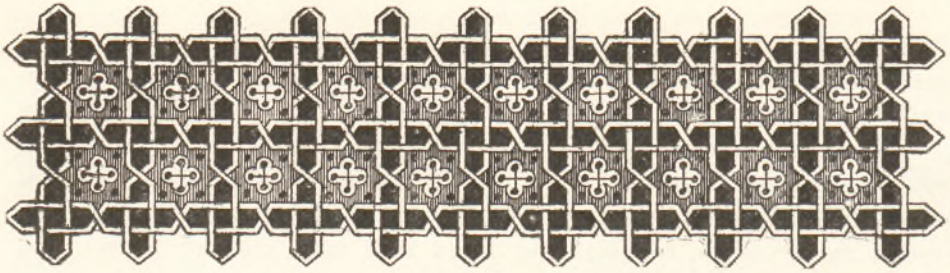

Между остальными древними памятниками въ Боровичахъ весьма замѣчательна еще церковь Параскевы-Пятницы, неизвѣстно кѣмъ, когда и по какому случаю построенная. Къ числу историческихъ достопримѣчательностей города необходимо отнести также домъ, занимаемый духовнымъ училищемъ. Когда императрица Екатерина II возвращалась изъ низовыхъ губерній, купецъ Гутуевъ въ два мѣсяца построилъ для нея роскошный дворецъ. Впослѣдствіи Гутуевъ, взявъ откупа, содержалъ въ этомъ домѣ свою контору; затѣмъ онъ лишился откупа, — дворецъ опустѣлъ, разрушился, и только позже, признанный выморочнымъ имуществомъ, былъ отданъ подѣ духовное училище.

Вмѣстѣ съ воспоминаніемъ объ императрицѣ Екатерицѣ Великой въ Боровичахъ живеть память о другомъ историческомъ лицѣ—Суворовѣ. Недалеко отсюда, къ сѣверо-востоку, находится знаменитое село Кончанское, въ которое удалился Суворовъ по кончинѣ императрицы. Тутъ читалъ и пѣлъ онъ на клиросѣ, думалъ о своихъ прежнихъ походахъ и тутъ же зорко слѣдилъ за усиліями Бонапарта. Отсюда же въ 1799 году былъ онъ вызванъ императоромъ Павломъ I, чтобы еще разъ блеснуть свѣтомъ своего генія у Чортова моста и за Альпами. Въ родовомъ селѣ Суворова, Кончанскомъ, два «суворовскихъ» дома: одинъ зимній въ самомъ селѣ, а другой лѣтній въ 1¹/₂ верстахъ, въ мѣстности, называемой «Дубихою»; послѣдній домъ построенъ при озерѣ въ роцѣ, и къ нему съ большой дороги идетъ дубовая аллея. Въ настоящее время оба дома въ страшномъ запустѣніи: окна выбиты, мебель поломана, на полу валяется безносый алебастровый бюстъ Суворова. Въ сельской церкви села Кончанскаго, построенной Суворовымъ, въ особой витринѣ хранятся иностранные ордена Суворова, султанъ съ его шляпы и книга «Апостоль» (въ кожаномъ переплетѣ), по которой онъ читалъ во время обѣдни *).

*) Къ мѣстнымъ событіямъ новѣйшаго времени относится бывшая въ 1894 году, съ 15 іюля по 1 сентября, въ Боровичахъ сельско-хозяйственная кустарно-промышленная выставка.

Устюжна.

Путь отъ Боровичей къ Устюжнѣ. Древнія огненные производства. Городище. Легендарная рукопись о защитѣ Устюжны въ Лихольтѣ. Описание этой защиты. Скоморошки—родина Нижегородской ярмарки.

Между Боровичами и Устюжной дорога идетъ по непрерывно-холмистой мѣстности, иногда чрезвычайно красивой. Самое большое озеро—Меглино — тянется вдоль дороги во всю первую станцію. Благодаря ясному солнечному дню, роскошная зелень почти непрерывныхъ лѣсовъ, безконечные ковры ландышей и ивана-да-марьи, извивы рѣчекъ Мегли, Ижины и другихъ смотрѣли весело и привѣтливо. Лѣсъ во второй половинѣ пути мѣняетъ свой характеръ, и чернолѣсье замѣняется сосновымъ боромъ; затѣмъ, ближе къ Устюжнѣ, онъ исчезаетъ почти совершенно; поля усажены множествомъ валуновъ. Около деревни Устье нельзя не замѣтить стоящихъ у самой дороги замѣчательно острыхъ, крутыхъ кургановъ, которые населеніе величаетъ «литовскими могилами».

«Устюжна желѣзна, люди каменны»—гласитъ старинное присловье. Дѣйствительно: проѣзжая по уѣзду, и теперь можно видѣть въ лѣсахъ заросшія угольные ямы, на болотахъ—проймы, на открытыхъ мѣстахъ—такъ-называемые «осорки», мусоръ, оставшійся послѣ старыхъ, погасшихъ «огненныхъ» производствъ. Вся площадь нынѣшняго Устюженскаго уѣзда—если судить по ямамъ и осоркамъ — представляла изъ себя въ глубокой древности богатый, почти сплошной пластъ желѣзной руды. Было время, когда на обѣихъ рѣкахъ, на которыхъ расположена Устюжна, Ижина (отсюда УстьИжина, Устюжна) и Молога, стояло до 800 кузницъ, и постоянный грохотъ отъ молотовъ поднимался надъ мѣстностью. Это было что-то въ родѣ современной Тулы. Изъ грамотъ царя Иоанна Грознаго видно, что въ Устюжнѣ былъ арсеналь и сюда шли заказы царскіе на изготовленіе оружія.

О старомъ времени нѣтъ болѣе и помину, хотя и до сихъ поръ понадаются въ странѣ домницы и кричныя фабрики крестьянъ, выдѣляющихъ желѣзо, но «устюжане-кузнецы», «люди каменны», перевелись почти совершенно. Повидимому, въ значительной степени исчезла и мѣстная одежда. Когда, въ 1823 году, императоръ Александръ I проѣзжалъ Устюжну, онъ лично выразилъ городничему, что ему всего пріятнѣе было то: «что дѣти и жены не переодѣты въ другое какое-либо платье, а были только въ древней народной одеждѣ, которая тѣмъ болѣе его величеству пріятна».

Чрезвычайно древнимъ является въ Устюжнѣ такъ-называемое «Городище», находящееся около Дмитріевской церкви. Валы его круты, поросли травой и совершенно ясно опредѣляютъ древнія очертанія. Тутъ же, на «Стрѣлкѣ», происходили знаменитые кулачные бои, столь любимые древнею Русью. Можно себѣ представить, чтó это было за зрѣлище, когда выходили одинъ на другого устюжане, «люди каменны». Шли одинъ на другого одиночки, выходили и «стѣнка на стѣнку», и взгляды красавиць ободряли ихъ. Мѣсто это называется и теперь «Буй на Бую». Вѣроятно, въ Городищѣ высилось въ былое время капище Купалы. Особенно старательно чествовали этого идола женщины. Повидимому, купанье и обливаніе водою входило въ его культъ, и до сихъ поръ въ внешнее заговѣнье, и въ понедѣльникъ Петрова поста здѣсь практикуются нѣкоторые характерные обычаи. Съ пяти часовъ берега Мологи покрываются толпами народа; въ понедѣльникъ имѣетъ мѣсто самое нелѣпое и задорное: обливаніе водою на улицахъ. Тотъ же обычай сохранился и въ Весъегонскѣ, только купанье происходитъ тамъ въ одномъ изъ омутовъ и кончается иногда печально: омутъ втягиваетъ въ себя купальщицу.

На темномъ фонѣ невѣдомыхъ историческихъ дней, проносившихся надъ устюженскою Стрѣлкою и Городищемъ, чрезвычайно ярко вырисовывается уже несомнѣнно историческій фактъ знаменитой обороны устюжанъ и бѣлозерцевъ отъ нашествія литвы и поляковъ въ 1608 году.

Въ эти тяжкіе годы Россію терзали самозванцы, и оборона Устюжны прошла какъ бы незамѣченною и мало освѣщенною, вслѣдствіе того, что въ тѣ дни, какъ извѣстно, защищалась, какъ могла, вся Россія. Защита Устюжны касалась маленькаго, далекаго отъ многострадальной Москвы города; кромѣ того, она совпала съ событіемъ большой важности—съ отравленіемъ Скопина-Шуйскаго. Ее, такъ сказать, замолчали. Все, что о ней извѣстно, сохранялось въ современной событію рукописи, и теперь существуетъ она только въ копіи; подлинникъ, насколько извѣстно, долго хранился въ рукахъ купца Д. Серебренникова и гдѣ-то затерянь. Замѣчательно, что когда указомъ царя Петра положено было начало собранію русской исторіи и археологіи и повелѣно было представлять все хранившіеся въ разныхъ мѣстахъ древнія рукописи и государственные акты, устюженскій соборный протопопъ—на требованіе ихъ воеводу—жаловался на церковнаго старосту Серебренникова, что «указа царскаго не слушается, хартіи не выдаетъ». Вѣроятно, въ числѣ невыданныхъ старостою древностей была и подлинная рукопись о защитѣ Устюжны, дошедшая до насъ въ копіи, въ которой даты годовъ не подходятъ къ подлиннымъ

фактамъ, что даетъ право заключить о позднѣйшемъ ея измѣненіи или переработкѣ.

Слѣдуетъ напомнить однако эту яркую страничку русской исторіи, при-держиваясь содержанія рукописи. Въ царствованіе Василя Ивановича Шуйскаго, при патріархѣ Гермогенѣ, послѣ Отрѣьева, появился самозванецъ Петричь. Русскую землю вдоль и поперекъ расхищали поляки, литва, крымскіе татары, шведы и даже русскіе измѣнники. 7-го декабря 1607 года бѣлозерцы прислали устюжанамъ грамоту, предлагая имъ защищаться «до смерти» отъ пришельцевъ. Начальства въ городѣ въ то смутное время не было никакого; имъ управлялъ какой-то приказчикъ Суворовъ. Укрѣпленій не было тоже никакихъ. Горожане собрались въ монастырь и дали клятву не сдаваться; при этомъ горожане избрали головою Солмена Отрѣьева и дали ему въ товарищи Богдана Перскаго, «да того же приказчика Суворова, да десять лучшихъ гражданъ въ придачу». Это назначеніе утверждено цѣлымъ обществомъ. Годныхъ къ бою оказалось въ городѣ всего 600 человекъ. Первымъ распоряженіемъ выбранныхъ лицъ было разослать гонцовъ съ просьбою о помощи въ Углицкій и Вѣжецкій уѣзды; при этомъ брали людей волею-неволею. Вѣсть о возстаніи Устюжны разнеслась далеко.

Стояла глубокая, суровая зима, когда начались эти подвиги. Провѣдали о возстаніи и въ обложенной отовсюду Москвѣ, и пріѣхалъ оттуда дворянинъ Ртищевъ, и сдѣланъ онъ въ Устюжнѣ главнымъ воеводою. Прибыла къ тому времени помощь и отъ бѣлозерцевъ, четыреста человекъ съ Оомой Подципаевымъ.

Поляки давно точили зубы на Устюжну и двинулись къ ней. Ртищевъ выступилъ противъ нихъ къ Дегтяриѣ, 5-го января 1608 года, но устюжане были разбиты и бѣжали въ городъ. Тогда они обратились за помощію къ иконѣ Смоленской Божіей Матери, и поляки, невѣдомо почему, отомли. Вздохнули устюжане и стали готовиться къ осадѣ. Составленъ былъ планъ укрѣпленій съ башнями вдоль Мологи и Ворожи; день и ночь строили ихъ, готовили пушки, пищали, самоналы, конья, ядра, дробь и «каракули»; дѣло спорилось потому, что устюжане знали это дѣло. Не сидѣли сложа руки даже женщины и дѣти.

А польская гроза продолжала надвигаться. Немногого не хватало устюжанамъ: пороховой казны, и рѣшили они послать и бить челомъ въ Новгородъ, къ Сконину-Шуйскому. Дать имъ Скоинъ совѣты, дать порохъ и еще самъ поставилъ его человекъ. Черезъ три недѣли послѣ первой неудачи велѣлъ самозванецъ полковнику Касаковскому идти и взять Устюжну. Чрезвычайно грозною была его прокламація; опечалились устюжане, но сдаваться и не думали. Ртищевъ, умудренный совѣтами Скоинна, продолжалъ приготовленія.

2-го февраля, къ полночи, прибылъ ожидаемый порохъ, а къ утру, черезъ нѣсколько часовъ времени, прискакали объѣздки сказать, что идетъ Касаковскій. Все повалило на стѣны. Чуть повѣтлѣло, въ третьемъ часу, увидѣли со сторожекъ всадниковъ и ударилъ вселохъ. Часъ спустя громили Дмитріевскую башню польскія пушки, затрещали пищали и понеслась туча стрѣлъ.

Съ крѣпости дали отвѣтъ. Поляки наполовину спѣшились и подвезли къ стѣнамъ стѣннобитныя орудія; но Ртищевъ не дремалъ и сдѣлалъ вылазку.

Кинулась на эту вылазку польская конница, но тутъ помогли «каракули». Разбросанныя передъ рвами, какъ тычки, якорьки, они вонзались въ ноги коней. Поднялась великая сумятица, и ляхи побѣжали-было къ Подсосенью, но рѣшили вернуться, идти на приступъ пѣшими и стали подвозить солому, сѣру, дерево, чтобы спалить. Не дремали и устюжане. Ждали они атаки къ 9-му февралю; просѣкли на Мологѣ ледъ, сами прободрились. На этотъ разъ приступъ повели отъ Никифорова села. Дневной приступъ отбили, ждали ночного—его не было.

Наступило роковое 10-е февраля. Церковная служба шла безъ звона. Поляки обложили городъ со всѣхъ сторонъ и метали горючія вещества и стрѣлы. Въ городѣ накупятили довольно воды. Пошла свалка. Дрогнули-было устюжане, но вынесли икону и Ртищевъ сказалъ воодушевляющее слово. Отъ звона ратныхъ колоколовъ, отъ стоновъ и воплей «яко бы и земля поколебалась». Наваливали груды мертвыхъ тѣлъ. Одно изъ захваченныхъ польскихъ знаменъ поставили на стѣну. Поляки думали, что ихъ взяла, бросились опростетью, но тутъ приняли ихъ какъ слѣдуетъ: варомъ варили, пожарами кололи, мечами сѣкли... Побѣжали поляки за Мологу, бросивъ свой богатый лагерь. Пошла за ними изъ всѣхъ воротъ погоня и гибли они тысячами въ озерахъ Синозерской пустыни, называемыхъ и до сихъ поръ Нѣмецкими и Литовскими.

Велико было празднество устюжанъ и тепла ихъ молитва...

Приходили недобрые гости и позже; были тутъ, говорится въ преданіяхъ, но, конечно, подлежатъ сомнѣнію, и Заруцкій, и другіе. Они искали наживы, рассчитывая также на то, что неподалеку отъ Устюжны находилось богатое имѣніе Бориса Годунова—Долоцкъ, то самое имѣніе, въ которомъ была Скоморошская ярмарка, перешедшая потомъ въ Холопье, а оттуда въ Нижній-Новгородъ. Жальникъ Скоморошки существуетъ и нынѣ въ десяти верстахъ отъ Устюжны. Въ языческія времена находилось тамъ капище и сходились жрецы для служенія какому-то очень большому идолу.

Череповецъ.

Первое знакомство съ Маринскою системою. Череповецкій уѣздъ. Характерныя судьбы Череповца въ минувшее царствованіе. Техническое училище. Путь по Шекснѣ.

Въ 300 верстахъ, почтовою дорогою, отъ Устюжны лежитъ село Луковецъ; отсюда до Череповца весьма удобное сообщеніе парохомъ по Шекснѣ. Погода была вполнѣ благоприятная, и послѣ трехъ четвертей часа плаванія, пароходъ бросилъ причалы у Череповецкой пристани. Влѣво на возвышенности раскидывался городъ, а по берегу, на лодкахъ и баркахъ, видѣлись тысячи народа. При первомъ взглядѣ на нихъ видно было, что это не мѣстные люди, какъ въ Боровичахъ и Устюжнѣ, а въ значительномъ большинствѣ народъ пришлый, работники Маринской водной системы, двигатели богатствъ Россіи, всѣ эти хозяева, крѣпичики, рулевые, коноводы въ своихъ обносившихся отъ труда и непогоды одеждахъ. Съ прїѣздомъ въ Череповецъ, съ западной стороны отъ Новгорода, впервые познакомились со знаменитою Маринскою системою, этою могучею артеріею нашихъ водныхъ сообщеній.

Череповецъ, задолго до образованія города, былъ богатѣйшею волостью на Шекснѣ, съ пристанью и удобнымъ мѣстомъ для нагрузки и перегрузки. Это сдѣлало его извѣстнымъ, и патриархи московскіе присвоили изъ Новгородской митрополіи въ свое личное управленіе, ради доходности обители, Воскресенскій монастырь въ Череповцѣ. Череповецъ, какъ и Кирилловъ, обязаны своимъ бытіемъ, какъ города, императору Александру I; но Череповецъ, какъ торговый попутный центръ, выдѣлялся уже давно. Историческими воспоминаніями Череповецъ не богатъ; необходимо однако упомянуть о находящейся въ 25-ти верстахъ отъ него Выксинской пустыни, въ которой была пострижена послѣдняя супруга Іоанна Грознаго, Марія Нагая; отсюда она и была вызвана самозванцемъ въ Москву. Гербъ Череповецкаго уѣзда имѣетъ классическаго для Новгородской губерніи медвѣдя; изъ одиннадцати уѣздовъ ея только три не имѣютъ этого «лѣснаго помѣщика» своимъ геральдическимъ украшеніемъ.

Череповецкій уѣздъ раскинулся по Шекснѣ на 160-ти-верстномъ протяженіи и лежитъ на полпути между Рыбинскомъ и Бѣлозерскомъ. Издавна въ уѣздѣ множество семействъ занималось кузнечнымъ ремесломъ. Выдѣлка желѣза не была здѣсь настолько развита, какъ въ сосѣдней Устюжнѣ, и мѣстные ремесленники ограничивались только ковкою гвоздей, хотя и имѣли кирпичныя заведенія. Кузницы по деревнямъ видны и до сего дня десятками; въ нихъ и нынѣ производится до 300.000 пудовъ въ годъ желѣзныхъ издѣлій. Крпцы выдѣлываютъ крестьяне изъ желѣзныхъ обточекъ и чешуи, за пудъ которыхъ они платятъ по 15—20 копѣекъ. Главное издѣліе—гвозди. Выдѣлка гвоздей играла здѣсь очень видную роль до самаго освобожденія крестьянъ; дѣсу тогда было еще много, заводская дѣятельность развивалась слабо и конкуренціи не существовало.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Череповцѣ насчитывалось всего 2.000 жителей; капитала въ то время городъ имѣлъ 6.000 руб. Въ описываемое время, при 6.000 жителей, городъ имѣетъ 30.000 рублей долгу, но зато въ немъ существуетъ, во-первыхъ, городской банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 78.000 руб., и изъ чистыхъ прибылей этого банка городъ получаетъ въ годъ отъ четырехъ до шести тысячъ рублей, т.-е. столько же, сколько въ прежнее время онъ имѣлъ капитала. Во-вторыхъ, въ городѣ находится нѣсколько учебныхъ заведеній, въ числѣ которыхъ имѣется учительская семинарія, Александровское техническое училище, Маріинская женская гимназія и приготовительная школа. При устьѣ р. Ягорбы построены казармы; затѣмъ въ городѣ имѣется Алексѣевскій сухой докъ, въ которомъ могутъ вмѣститься 20 пароходовъ и одновременно съ ними 60 судовъ. Пожарная часть въ Череповцѣ устроена прекрасно.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій въ Череповцѣ необходимо признать созданное здѣсь братьями П. и В. Милютиными Александровское техническое училище, названное такъ въ честь въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, бывшаго во время учрежденія училища Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

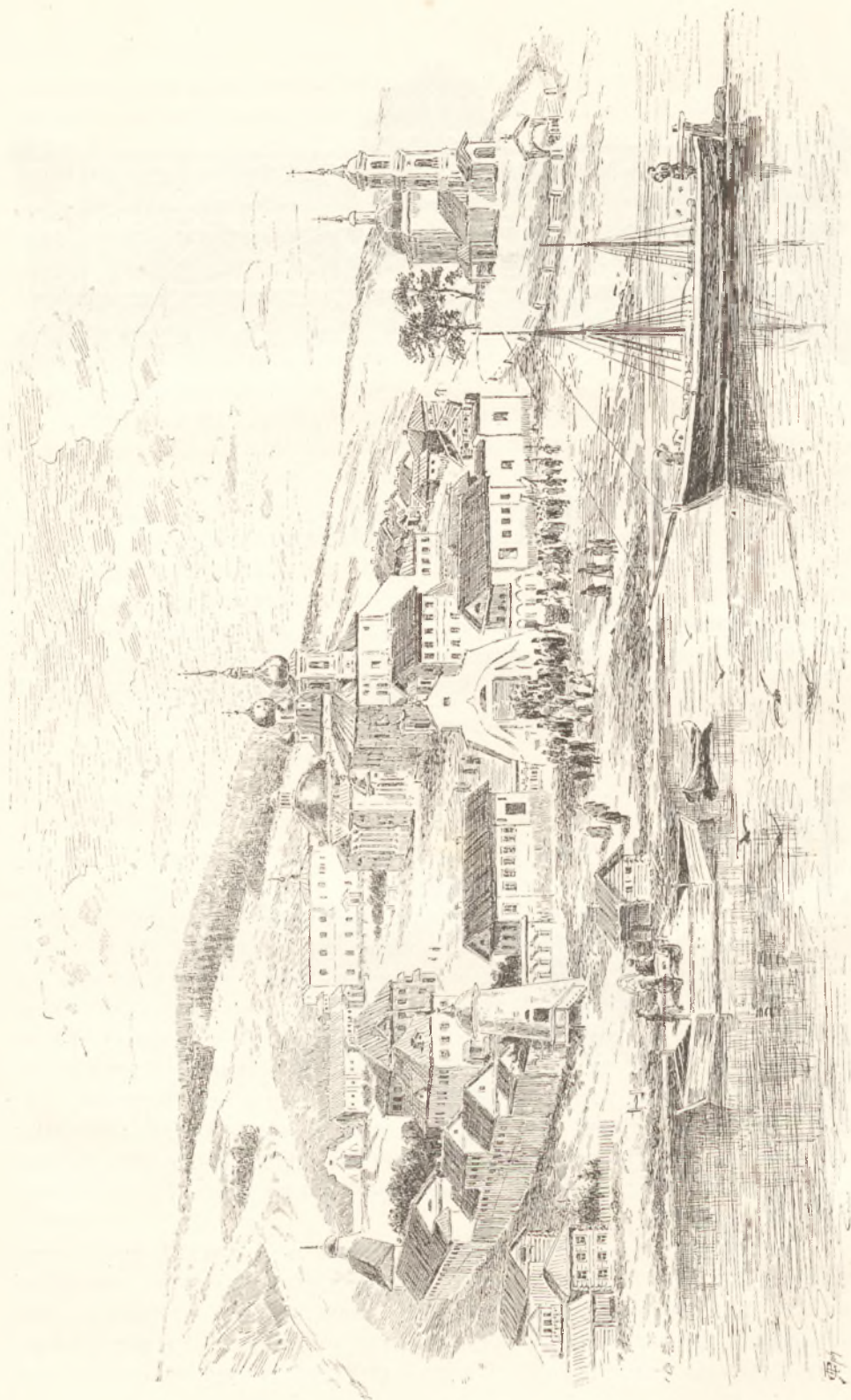
Братья Милютины, поддерживавшіе своими пароходами обширное судоходство по Волгѣ, Шекснѣ и Маріинской системѣ и впервые примѣнившіе къ буксировкѣ паровую силу, ближе другихъ понимали нужды своего дѣла. Съ развитіемъ пароходства существованіе мѣстнаго механическаго и технического заведенія стало настоятельною потребностью. Окрестное населеніе, не имѣя болѣе возможности пробавляться гвоздянымъ промысломъ и мелкимъ кирпичнымъ производствомъ, только и ожидало того, чтобы перейти отъ кузнечнаго дѣла къ слесарному; но для всего этого былъ нуженъ центр, какимъ и явилось, основанное по мысли и на средства бр. Милютиныхъ, Александровское техническое училище, открытое въ 1869 году. Въ настоящее время училище настолько окрѣпло и развилось, что въ него поступаютъ ученики не изъ одного только уѣзда, а изъ семнадцати губерній. Цѣль училища—подготовлять мастеровыхъ, машинистовъ и заводскихъ чертежниковъ съ необходимымъ элементарнымъ общимъ и техническимъ образованіемъ.

Путешествіе изъ Череповца далѣе по Шекснѣ, послѣ осмотра города, про-

должалось до деревни Звозъ, гдѣ предстоялъ ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы въ семь часовъ утра быть у Горицкаго монастыря. По Шекенѣ выдаются очень красивыя мѣста, напримѣръ Ирма, съ церковью Бориса и Глѣба на лѣвомъ берегу и церковью села Ирма на правомъ. Недалеко отъ Ирмы начинаются безконечныя вологодскіе лѣса, тянущіеся Богъ вѣсть куда; въ нихъ и по настоящее время обрѣтаются таинственные скиты и спасается много отшельниковъ. Недалеко въ сторонѣ существуетъ Вожья рѣчка, на которой живутъ старушки старообрядки, но попадаютъ между ними и молодья. Движеніе пароходовъ по Шекенѣ вообще не особенно быстрое; по объясненію мѣстныхъ жителей, они двигаются на три версты въ часъ медленнѣе, чѣмъ по Волгѣ, вслѣдствіе особенной, будто бы, плотности воды.

Тишина ночи и сравнительный недостатокъ судовъ на Шекенѣ, уже усиѣвшихъ втянуться въ капалы, отклоняли мысль отъ увѣренности въ томъ, что плывешь по главной артеріи Марининской системы. Будто отвѣчая на огни, коегдѣ мелькавшіе по берегамъ, паруходъ отъ времени до времени разбрасывалъ искры, и совершенное отсутствіе вѣтра обуславливало осыпаніе бѣлой палубы значительными слоями пепла. За ночь предстояло мнновать печальной памяти Иловницы, центральній пунктъ свирѣпствовавшей здѣсь когда-то сибирской язвы. Совершенно стемнѣло, когда съ парохода брошены были причалы у деревни Звозъ, въ получасъ хода отъ Горицкаго монастыря. На утро предстояло посѣщеніе знаменитой Кирилловой обители.

Горіцкій монастирь.

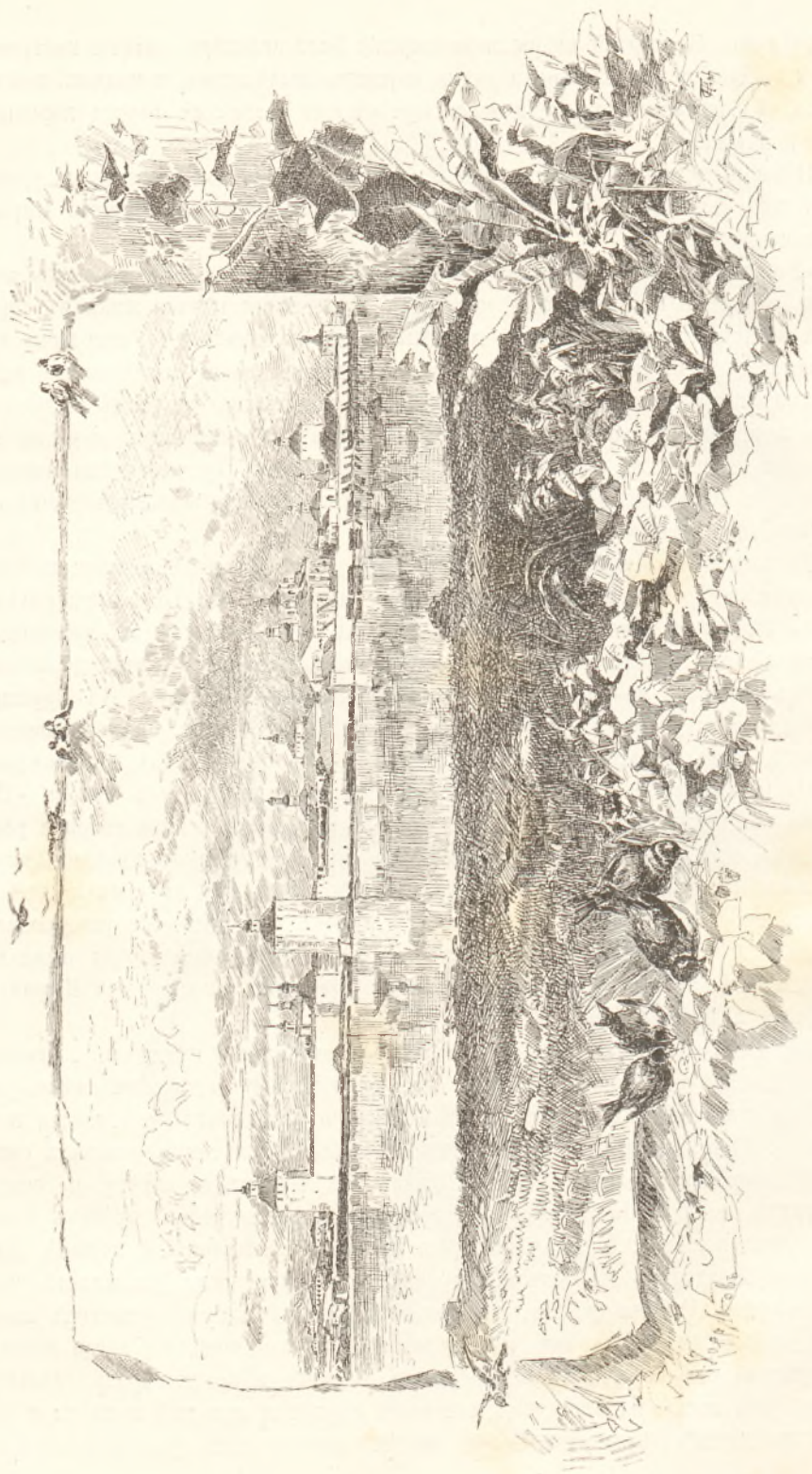
подъ спудомъ. Неширокіе дворы монастырскіе были вплотную залиты пестрыми толпами людей, между которыми очень картинно выдѣлялись монахи, всѣ въ черномъ. До святыни Кириллова монастыря отсюда всего семь верстъ хорошей, красивой дороги.

Темного восторонѣ отъ кипучей стремнины Маринской системы, въ сознательной вѣковѣчной неподвижности своего великаго призванія, высится Кирилловъ монастырь.

«Европа, говоритъ Шевыревъ, полна слѣдовъ сопротивленія разныхъ элементовъ единенію государства; у насъ ихъ нѣтъ: наши князья жили въ городахъ и вотчинахъ, наши замки—монастыри». И начинались-то твердыни эти съ землянки, съ брусяной церковки, съ деревянной кельи; владѣтелями ихъ, «вѣчными» владѣтелями, были отшельники въ овчинныхъ тулупахъ и худыхъ ризахъ, а не въ стальныхъ рыцарскихъ доспѣхахъ съ широкими перьями на шлемахъ и по плечамъ. Такими твердынями оказались: Троицкая для центра, для Москвы, Кіевъ—для юга, Кирилловъ и Олонецкое пустынно-жительство съ Соловками—для сѣвера.

Преподобный Кирилль Бѣлозерскій—XIV вѣкъ! Но это, новѣйшая исторія того уголка земли Русской, который путники посѣтили. На Бѣлозерѣ сидѣлъ Синеусъ, Рюриковъ братъ. Существуетъ тутъ до сего дня Синеусовъ курганъ и красивая о немъ легенда: вздумали люди курганъ копать, до клада дорыться, принялись за дѣло, но—выѣхалъ солдатъ на конѣ и помѣшалъ. На курганѣ попадается зачастую рыба шелуха; если принести ее домой, она обращается въ деньги. Вотъ богатство! Тѣмъ не менѣе нашъ сѣверъ, какъ справедливо говоритъ Буслевъ, далеко отсталъ въ своемъ развитіи отъ юга Россіи. «Въ то время, когда по Волгѣ, на Шекснѣ и на Бѣлозерѣ кудесники творили разные чудеса, а въ Новгородѣ волхвъ собиралъ около себя народъ противъ князя и епископа, Баянъ, нашъ южно-русскій пѣвецъ, былъ уже другомъ князей и не только прославлялъ ихъ подвиги, но и осуждалъ усобицы». Не раздавались на сѣверѣ сладкозвучныя струны Баяновы, но непроходимыя дебри ожидали святыхъ и умныхъ людей, нарождавшихся во времени; таковы были Кирилль Бѣлозерскій и Нилъ Сорскій.

Выходъ Шексны изъ Бѣла-Озера—мѣсто очень ранней цивилизаціи, засвидѣтельствованной съ первыхъ строкъ начала лѣтописи основаніемъ здѣсь въ XIII вѣкѣ самостоятельнаго удѣла, развивагося въ первыя десятилѣтія ига татарскаго. Послѣ службы въ Ордѣ, князь Глебъ Васильевичъ основалъ свое мѣстопребываніе при самомъ истоки Шексны, на южномъ ея берегу, и соорудилъ храмъ св. Василія въ полутора верстахъ отъ Карголома, противъ Крохина. Ручей или рѣчка, впадающая въ Шексню, называется и поныгѣ Васильевскою. Преданіе объ основаніи древнѣйшаго Бѣлозерска указываетъ, что мѣсто сооруженія храма св. Василія находилось подлѣ каніща финскихъ племени, пожертвовавшихъ имъ при обращеніи въ христіанство, когда нашли тутъ невѣдомо откуда явившійся образъ св. Василія, а подлѣ образа—теплую просфору. Это послужило поводомъ основанія церкви и при ней монастыря св. Василія при началѣ Бѣлозерска. Черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ существованія Бѣ-

Кирило-Бѣлозерскій монастырь.

озерска, уже въ 1459 году, городъ перенесенъ на Карголомъ, а оттуда, въ 1612 году, разоренный шайкою вельницъ, поставленъ на настоящее, третье, мѣсто.

Когда подъѣзжаешь отъ Горницъ къ Кириллову монастырю, передъ вами возникаетъ оны на берегу озера настоящее, внушительною твердынею въ двухъ своихъ оградахъ со множествомъ куполовъ. Такихъ оградъ теперь уже не дѣлаютъ: цѣли нѣтъ. Внутренняя имѣетъ 10 аршинъ вышины при 1¹/₂ аршинахъ ширины; паружная—16 при 9¹/₂. За такую бронею въ свое время можно было отсидѣться. Тихо плещется у стѣнъ монастыря Сиверское озеро. Изменные берега его кажутся еще болѣе плоскими, еще низменнѣе въ соразмѣрности съ монастырскими твердынями, бѣлѣющими надъ тихою гладью темныхъ озерныхъ водъ. Пейзажъ строгъ, задумчивъ, но не мраченъ.

Когда, въ 1775 году, губернаторъ, а впоследствии намѣстникъ новгородскій Сиверсъ праздновалъ день своего рожденія на берегу озера въ Кирилловомъ монастырѣ, оны, плѣненный красотою мѣста, заблагодарасудилъ упорядочить планъ города, и въ 1791 году былъ составленъ планъ его, донынѣ неосуществившійся: городъ возникъ, какъ оны самъ хотѣлъ, по своей фантазій, и скромно прилегалъ къ монастырю, въ тѣни его громадъ и безсчетныхъ воспоминаній.

Кирилловъ монастырь дѣйствительно вызываетъ длиннѣйшую вереницу воспоминаній.

Въ одномъ 1612 году приходившая сюда литва не менѣ пяти разъ «выжгла и высекла» монастырь; приходили сюда паны Бобовскіе, Песоцкіе и другіе. «Сколько святыхъ мужей пребывало здѣсь, говоритъ Шевыревъ: Мартиніанъ, Оеранонтъ, Христофоръ; отсюда вышли Корнилій Комельскій и Нилъ Сорскій. Цари и князья пріѣзжали сюда на богомолье. Здѣсь Іоаннъ Грозный возымѣлъ желаніе постричься въ монахи, искренно или неискренно — ему извѣстно да Богу. Здѣсь томилась въ изгнаніи многіе славные мужи древней Руси. Здѣсь столь многіе нашли вѣчное успокоеніе, иные скончались даже въ мукахъ, какъ наиримѣръ: князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, сосланный Годуновымъ при царѣ Оедорѣ Ивановичѣ и, можетъ быть, удушенный въ одной изъ башенъ».

Этихъ немощныхъ строкъ достаточно, чтобы уяснить себѣ, передъ какимъ внушительнымъ памятникомъ историческаго прошлаго русской жизни стоитъ тотъ, кто видитъ Кирилловъ монастырь. А съ чего началось? Преподобный Кириллъ родился въ 1337 году, въ Москвѣ, въ семьѣ достаточной, и крещенъ именемъ Космы; «остроумецъ же сущи отрокъ зѣло»; по смерти родителей оны переселился къ сроднику своему Тимошею, одному изъ вельможъ, окольникему великаго князя Дмитрія. Весьма рано задумалъ Косма постричься въ монахи, но никто не смѣлъ просить объ этомъ любившаго его всею душою Тимошею. Преподобный Стефанъ, которому юноша сообщилъ свои намѣренія, возложилъ на него однажды иноческія одѣянія, безъ постриженія, и объявилъ Тимошею, придя къ нему, что оны приноситъ ему благословеніе «богомольца Кирилла».

«Кто есть Кириллъ?» спрашиваетъ бояринъ. «Бывшій слуга твой Косма». Услыхавъ объ этомъ, «дростень былъ Тимошей», но, уговоренный преподобнымъ Стефаномъ, оны примирился, и юноша принялъ настоящее постриженіе.

Кириллъ поступилъ въ московскій Симоновъ монастырь. Въ Четыи Минейхъ

подробно разсказано, какъ быстро достигъ онъ въ монастырь великаго почета, какъ любилъ бесѣдовать съ нимъ, посѣщая монастырь, преподобный Сергій, какъ, чтобы избѣгнуть знаковъ уваженія къ себѣ, Кирилль «подъ образомъ буйства» юродствовалъ и принималъ за это радостно наказанія, какъ знали тогда уже, что онъ умѣетъ книги «добро писати», что «слово его солию разума растворенно» и какъ почти насильно повзели его въ званіе архимандрита Симонова монастыря.

Власть была не по сердцу преподобному: онъ отказался отъ архимандріи, удалился сначала безмолвствовать въ келію, а затѣмъ, имѣя видѣніе Богородицы, ушелъ на Бѣло-Озеро, гдѣ ископалъ себѣ малую келію въ густомъ, непроходимомъ лѣсу и унесъ съ собою «немного книжиць». Эти «книжицы» разрослись теперь въ значительную Кирилловскую бібліотеку и образовали школу писателей, извѣстныхъ всему православному міру.

Очень красиво преданіе о томъ, какъ, послѣ поселенія преподобнаго въ келіи, люди не разъ слышали «звонъ отъ этого мѣста и пѣвцовъ поющихъ», чего на самомъ дѣлѣ быть не могло. Чрезвычайно картиненъ разсказъ о томъ, какъ, чтобы ограбить пустытника, у котораго, будто-бы, были богатства скрыты, послалъ пѣкій бояринъ своихъ слугъ, и они своими глазами видѣли, двѣ ночи подъ-рядъ, окрестъ монастыря многое множество людей, воиновъ, изъ луковъ стрѣлявшихъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ опять-таки не было. Глубокое сердце-вѣдѣніе отличало Кирилла: онъ прозрѣвалъ людей. Въ числѣ чудесъ, имъ совершенныхъ, — что рѣдко въ жизнеописаніяхъ святыхъ, — сообщается даже о томъ, что онъ воскрешалъ мертвыхъ, а именно брата Далмата, умершаго безъ принятія Св. Тайнъ: Кирилль воскресилъ его, онъ причастился и умеръ вторично.

Слава Кириллова чрезвычайно быстро подняла монастырь и населила его. Отъ преподобнаго остались намъ три посланія его къ тремъ князьямъ, съ которыми былъ онъ, какъ видно, въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ: къ великому князю Василію Дмитріевичу, къ Можайскому князю Андрею, третье — къ Звенигородскому князю Дмитрію. Въ посланіяхъ этихъ имѣемъ мы краснорѣчивый и чрезвычайно характерный для нашей исторіи фактъ, который свидѣтельствуется — по словамъ Шевырева — о духовной связи, соединявшей отшельника съ державцами Русской земли.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ монастыря должно отнести между прочимъ, два томка Синодика, читаемаго всегда, кромѣ царскихъ дней, монахомъ, для того назначеннымъ. Въ Синодикѣ поминаются все великіе князья съ крещенія Руси, патриархи, изъ числа которыхъ былъ временно исключенъ Никонъ, митрополиты кievскіе и московскіе, удѣльные князья; поминается священно-инокъ Спиридонъ, онъ же поппъ Селявестръ, знаменитый совѣтникъ Іоанна, авторъ «Домостроя»; надъ именами иноковъ обозначены иногда ихъ мірскія имена: Іона — Веротыньскій, Оеодосій — Шереметевъ, Михаилъ — Морозовъ, Пимень — Щенятевъ, Іоаннъ — Хабаровъ. Безконечнымъ рядомъ тянутся историческія имена Шуйскихъ, Глинскихъ, Бѣльскихъ, Черкасскихъ, Ромодановскихъ и множество другихъ; чуть не каждое говоритъ о той или другой страницѣ русской исторіи, о блестящихъ или темныхъ дняхъ. Здѣсь же, по указу

царя Алексѣя Михайловича, монастырь поминаеть до сихъ поръ жертвы бунта въ Псковѣ въ 1650 г. и павшихъ подъ Смоленскомъ въ 1634 г.

Древнѣйшая плита, изъ тѣхъ, надписи которыхъ еще возможны для прочтенія и не стглажены временемъ, 1554 года, высится въ соборной церкви Успенія надъ прахомъ князя Владиміра Ивановича Воротынскаго, славнаго участника Казанскаго похода, стоявшаго во время болѣзни Иоанновой за сына его Дмитрія. Тутъ-же съ 1573 года покоится другой Воротынскій, вѣроятно «слуга государевъ», главный вождь при взятіи Казани, побѣдитель Девлетъ-Гирея. Въ 1560 году былъ онъ сосланъ сюда съ женою, сыномъ и дочерью; но жилъ пышно, потому что ему отпускали изъ государевой казны и лососей, и романею, и ренское; двѣнадцать человекъ состояло при немъ, тоже на царскомъ паживеніи. Въ 1565 году князь былъ прощенъ, но по извѣсту въ колдовствѣ обвиненъ снова и замученъ въ Москвѣ огнемъ. Существуетъ преданіе, будто Иоаннъ Грозный самъ подгрѣбаль уголья къ полумертвому тѣлу; едва, дышавшаго, его повезли въ Кирилловъ, и онъ умеръ на пути.

Кромѣ поколѣній Воротынскихъ, въ монастырѣ покоятся и многіе Шереметевы. Одинъ изъ нихъ, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ Большой, постриженный здѣсь подъ именемъ Ионы, былъ причиною знаменитаго язвительнаго посланія Иоаннова на имя игумена настоятеля Кириллова монастыря. Этому знаменитому представителю рода Шереметевыхъ, раненому при Казани и въ битвѣ при Судьбищахъ, воевавшему съ крымцами, шведами и въ Ливоніи, правившему, при учрежденіи опричнины, земщиною и въ отсутствіе государя вѣдавшему даже Москву, весьма подходило постричься въ Кирилловѣ «отъ лютаго треволненія мірскаго», такъ какъ тутъ уже схоронены были его два брата: Григорій, убитый подъ Казанью, и Пикита, казненный Грознымъ.

Иванъ Васильевичъ Шереметевъ-Большой, свѣдѣнія о которомъ замѣтнованы изъ замѣчательнаго труда Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ», подвергся, какъ извѣстно, вышней опалѣ, былъ посаженъ въ тюрьму и пытанъ. Курбскій рассказываетъ объ этой пыткѣ такъ: «Царь мучилъ его такою презлою, узкою темницею, острыми помостомъ приправленною, и сковалъ тяжкими веригами по шеѣ, рукамъ, ногамъ и по поясу обручемъ желѣзнымъ и къ обручу десять пудовъ привѣсилъ, и самъ говорилъ съ нимъ: «Гдѣ скарбы твои, скажи мнѣ?»— «Цѣлы сокровенны лежать», ствѣчаетъ Шереметевъ.—«Повѣдай, прошу тебя, о скарбахъ твоихъ!»—«Не можешь ихъ взять», ствѣчалъ Шереметевъ, «потому что убогими руками моими въ небесное сокровище ко Христу принесъ!»

Царь пощадилъ однако жизнь Ивана, но брата его Пикиту велѣлъ удавить. Постриженъ былъ Шереметевъ, инокъ Иона, въ 1570 году. Изъ посланія Царя къ настоятелю видно, что инокъ Иона, кромѣ келіи, имѣлъ за монастыремъ свой дворъ съ поварнями и многочисленною прислугою. «Монастырское благоразуміе—нишетъ Царь—погибло отъ Шереметевыхъ». «Есть у васъ въ монастырѣ Анна и Каіяфа, Шереметевъ и Хабаровъ, и есть Шплатъ, Варлаамъ Собакинъ, понеже отъ царской власти посланъ (самимъ Иоанномъ для наблюденія); и есть Христошь распинаемъ, Чудотворцево преданіе преобидимо... у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что Царь, и Хабаровъ къ нему прихо-

дить, да и иные черницы, да фдять, да пюють, что въ міру; а Шереметевъ, невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родниъ, разсылаеть по келіямъ постплы, ко-
врыжки и нныя прянныя составныя овощи... а нны глаголють, будто-де и вино
горячее потиховьку въ келію къ Шереметеву приносили»...

Знаменитый инокъ Іона, разсылавшій по келіямъ коврыжки, нѣкогда
водившій войска въ разныхъ концахъ Россіи, выдержавшій пытку и вѣдавшій
въ отсутствіе царево Москву, мирно поконтея теперь наравнѣ съ другими.
Не такъ вольготно, какъ ему, жилось въ монастырѣ другому большому чело-
вѣку тѣхъ дней—Николу, когда перевели его изъ Ораноштова монастыря:
келія его была «вельми неугожа» и съ постояннымъ угаромъ.

Выше упомянуто было о монастырскихъ Синодикахъ; но и другихъ ре-
ликвиі древности тутъ обильно; таковы: портретъ преподобнаго Кирилла, писан-
ный при жизни его, «многоступный, величавый»; его фелонь, овчинный тулупъ,
верши, его духовное завѣщаніе; золотая братина—даръ Грознаго, съ изобра-
женіями женщинъ; «не съ посланьями ли вмѣстѣ прислана она была Царемъ
для вящаго уязвленія?»—спрашиваетъ Шевыревъ. Библіотека монастыря—
единственная въ своемъ родѣ, въ особенности по числу и достоинству руко-
писей; въ ней имѣются рукописныхъ: 65 Евангелій, 31 Апостоль, 131 Псал-
тырь и т. д. Кирилловскіе списки встрѣчаются вездѣ, и они вездѣ въ почтѣ.
Помимо рукописей чисто духовныхъ, попадаются и такія, въ которыхъ есть
реалистическія объясненія явленій природы по Галену, что «земля съ устрое-
ніемъ яйцевиднымъ», что «молнію прежде видно, громъ слышеть потомъ, ибо
зрѣніе скорѣйшее есть, а слышаніе—чувство косное». Въ одномъ изъ сборни-
ковъ говорится о женитбѣ: «Лучше болѣть тряпцею, нежели быть обладаему
злою женою: тряпца, потрясиши, отпуститъ, а злая жена до смерти изсушитъ».

По штату 1734 года монастырь владѣлъ 21,590 крестьянами; села и про-
селки управлялись старцами чернецами, съ содержаніемъ настолько скуднымъ,
что одинъ изъ нихъ писалъ игумену, что «замеръ до основанія съ однимъ
квасомъ».

Разставаясь съ обителю преподобнаго Кирилла, было бы непросительно
не вспомнить другого великаго подвижника—Нила Сорскаго, вышедшаго изъ
нея же.

Въ пятнадцати верстахъ отъ Кириллова монастыря, слѣдовательно, какъ
говорится, почти рукою подать, находится на рѣкѣ Соркѣ обитель, основан-
ная преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ. Къ сожалѣнію, путешественникамъ не
предстояло возможности, въ виду разныхъ обстоятельствъ, посѣтить эту оби-
тель. Могучая, своеобразная, глубоко привлекательная личность преподобнаго
Нила должна быть однако помянута и при посѣщеніи Кириллова монастыря.

Въ умственномъ отношеніи, XV и XVI вѣка были несомнѣнно «темными».
Единственный путь образованія шель черезъ духовенство и монашество. Правда,
и оно было не знаменито: Акакій епископъ тверской, «малоученъ бѣ грамотѣ»;
іерей «мнози суть не умѣють книгъ»; невѣжды говорили, что читать Апостола и
Евангеліе «грѣхъ простымъ людямъ». Въ тѣ дни выработалась даже, такъ ска-
зать, особая форма, въ которую образованіе отливалось: это были «Сборники»,

форма вполне специфическая, отчасти напоминающая то своеобразное значение, которое имѣли и имѣютъ для насъ, благодаря совершенно особымъ условіямъ нашего книжнаго дѣла, наши толстые журналы. Монастырскіе «Сборники», имѣющіеся на лицо въ громадномъ количествѣ и въ Кирилловомъ монастырѣ, это были тогдашніе толстые журналы, и въ нихъ, какъ говоритъ изслѣдователь, рядомъ съ истиннымъ попадали и апокрифы.

Но сильно ошибся бы тотъ, кто предположилъ бы, что «темныя» времена не производили замѣчательныхъ людей, что подъ внушительнымъ единствомъ православія не работали умы и не развивались своеобразныя міровоззрѣнія. Можетъ быть, въ исторіи другихъ церквей нѣтъ примѣра болѣе рѣзко высказанныхъ двухъ направленій, высказанныхъ совершенно одновременно и такъ вполне законченно, какъ направленіе вышедшаго изъ Кирилловой обители Нила Сорскаго и основателя Волоколамскаго монастыря Иосифа Волоцкаго.

Это огонь и вода, имѣющіе общее только въ томъ, что они оба—стихиіи. Людямъ, посѣщающимъ эти мѣста, полныя слѣдовъ пустынножителства, параллель между Ниломъ Сорскимъ и Иосифомъ Волоколамскимъ напрашивается на память сама собою.

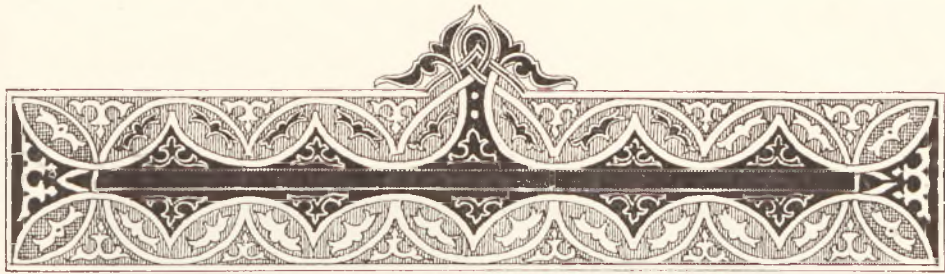
Иосифъ родился въ 1439 году. Это былъ человѣкъ чисто формальнаго направленія, для котораго оказывались равно святы, равно истинны и законы Моисеевы, и Евангеліе. Знаменито его ученіе, изложенное въ посланіи старцамъ, «о богопремудростномъ, богонаученномъ коварствѣ». Его монастырскій уставъ тяжелъ; настоятель чрезъ своихъ подручныхъ проникаетъ во всѣ келіи и заботится «прежде о тѣлесномъ благообразіи, а потомъ о внутреннемъ храненіи». Онъ допускаетъ въ монастырѣ тѣлесныя наказанія; онъ опредѣляетъ то, какъ стоять монахамъ въ церкви: «Стисни свои руцѣ и соедини свои носѣ и очи смежи и умъ собери»; онъ училъ даже тому, чтобы братія молилась на покаяніи: когда на нее смотрять міряне, «тогда паче»; онъ считалъ монастырь привилегіею избранныхъ и требовалъ для монастырей права владѣнія имѣніями и деньгами, для матеріальной помощи народу; Иосифъ видѣлъ въ монастырѣ разсадникъ епископовъ, митрополитовъ, аристократіи церкви. Само собою разумѣется, что карать непокорныхъ составляло необходимую принадлежность его ученія; онъ былъ противъ всякой новой мысли, противъ всякой свободы; одинъ изъ его учениковъ высказалъ даже слѣдующее: «всѣмъ страстямъ мати мнѣніе, мнѣніе второе наденіе». Далѣе этого идти было нельзя!

Нилъ Сорскій родился въ 1433 году, т.-е. только шестью годами ранѣе Иосифа Волоцкаго. Онъ постригся въ Кирилловѣ. Прямо противоположно Иосифу утверждалъ онъ: «писанія многи, но не всѣ божественны суть». У него самодержавны и полновластны только Священное Писаніе и Канонъ, а святоотческія творенія отпадаютъ во вторую категорію. Нилъ вполне отрицаетъ слѣпое отношеніе къ буквѣ писанія, онъ прежде всего философъ-богословъ. Ни продолжительное служеніе, ни посты не составляютъ, по немъ, заслуги; дурные помыслы дѣлитъ онъ на восемь видовъ и разбираетъ ихъ каждый отдѣльно, не оставляя безъ вниманія и физиологіи страстей. Онъ развилъ преимущественно жизнь въ скитахъ, издавна сохранившуюся на сѣверѣ; онъ отрицалъ

право монастырей на земельныя владѣнія и не думалъ готовить иноковъ къ высшей духовной іерархіи; власть настоятеля въ монастырѣ была для него только нравственною.

Трудно найти въ исторіи церкви двѣ болѣе рѣзкія противоположности, чѣмъ Нилъ и Іосифъ. Оба они были современниками, и сравненіе ихъ обоихъ свидѣлствуетъ чрезвычайно ясно противъ тѣхъ, кто, благодаря поверхностности взгляда, обвиняетъ нашу православную церковь въ какой-то, никогда не бывавшей, умственно-нравственной неподвижности; Нилъ и Іосифъ—достаточныя тому доказательства, и оба они признаны нашею церковью «преподобными».

Бѣлозерскъ.

Путь по Бѣлозерскому каналу. Бѣлозерскъ. Городской соборъ. Бѣлозерскіе комары и преданія о нихъ. Проходъ черезъ шлюзы.

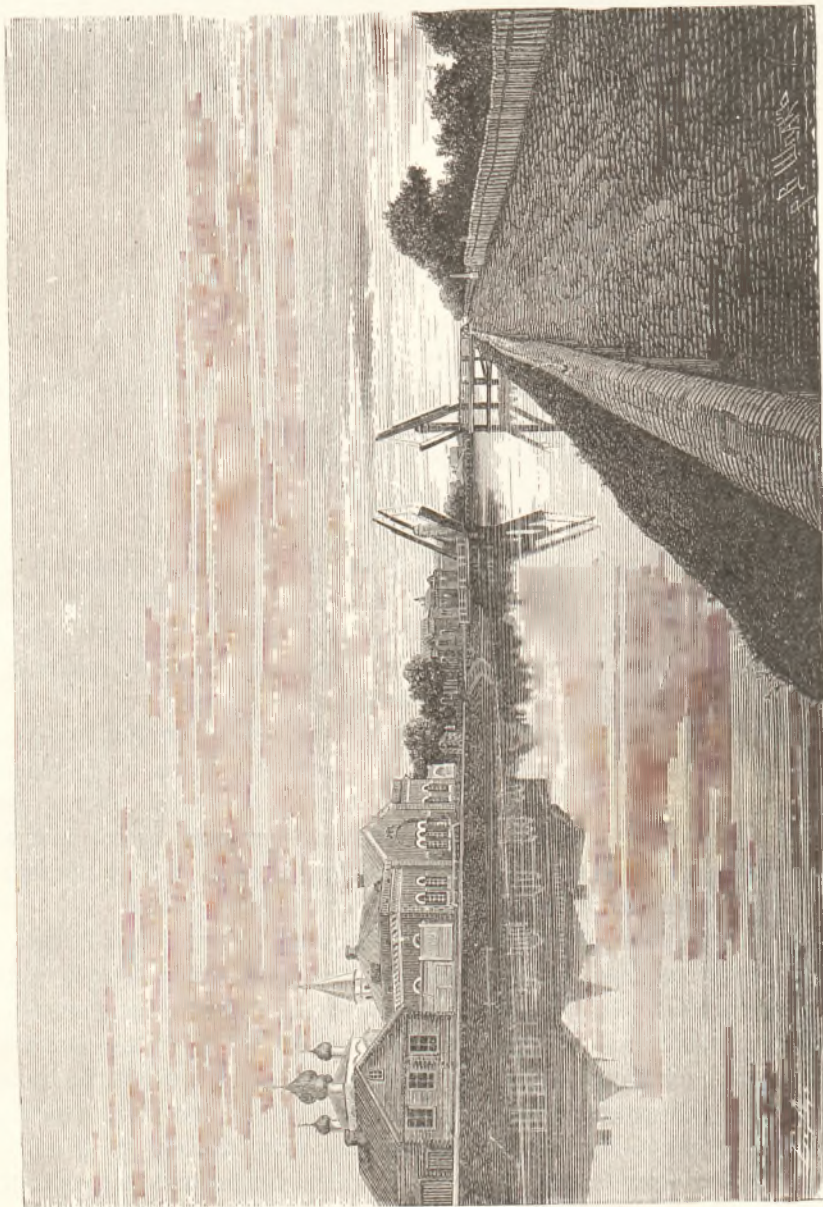

Если по Шекенѣ встрѣчалось, сравнительно, мало каравановъ, то здѣсь, въ Бѣлозерскомъ каналѣ, они потянулись безконечною линіею, вплотную, едва оставляя свободный путь пароходу, волна отъ котораго, несмотря на тихій ходъ судна, шла своимъ гребнемъ въ уровень съ низкимъ берегомъ и нерѣдко взбѣгала на него.

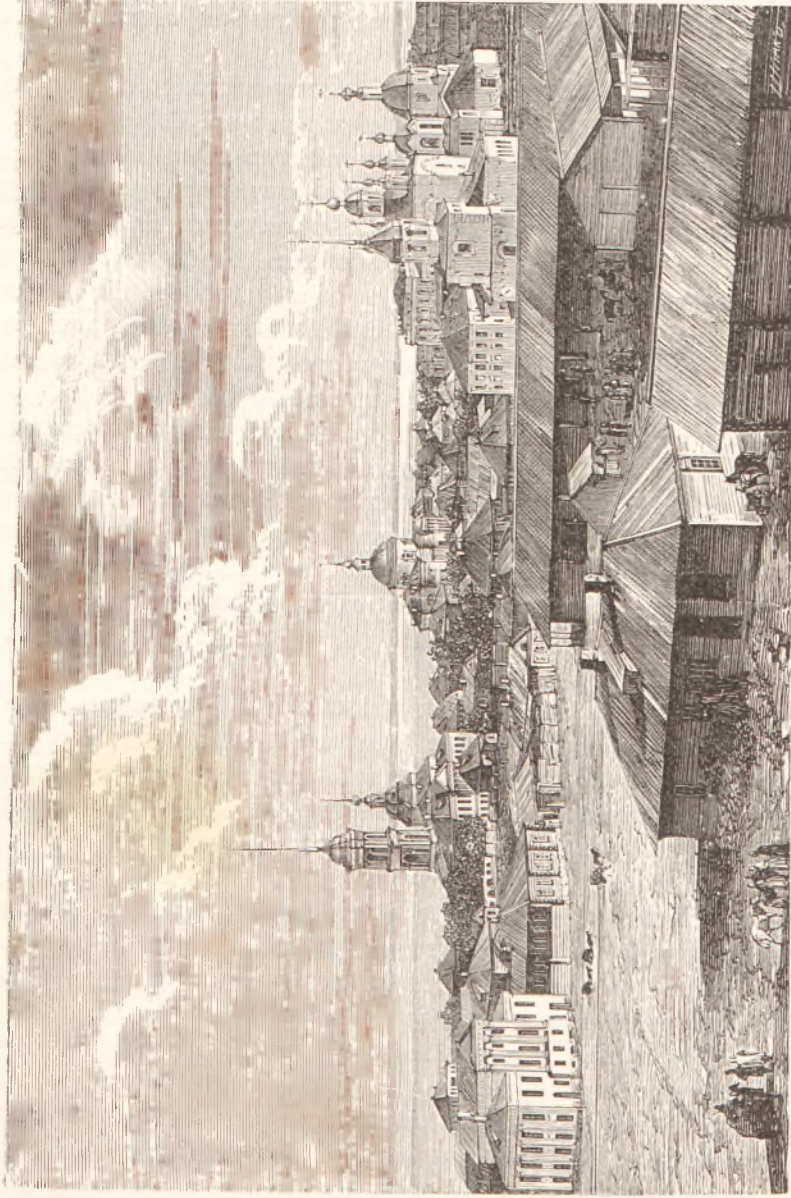
Бѣлозерскій каналъ, открытый въ 1845 г., въ теченіе полулѣтняго своего существованія не мало содѣйствовалъ къ развитію судоходства по Мариинской системѣ. Неумѣренная ловля снѣтковъ, которыми такъ обильно Бѣлое озеро, вызвала еще четверть вѣка тому назадъ замѣтный упадокъ этого промысла; но убытки отъ того уравниваются усиленіемъ прогона судовъ по каналу. Каналъ проходитъ черезъ городъ, въ обходъ мелководнаго озера.

Каналъ (длина его 63 версты), пропускающій черезъ три шлюза отъ 48 до 60 судовъ въ день, настолько узокъ, что пароходъ, двигаясь тихимъ ходомъ, правымъ кожухомъ едва не касается берега, лѣвымъ—вытянутыхъ въ линію судовъ. Какихъ только судовъ не встрѣчалось здѣсь: барки, полубарки, бѣлозерки, каюки, тихвинки, стародавніе трешкоты—эти плавающіе домики, все это тянулось безконечною вереницею, покачивая въ небѣ свои разнокалиберныя мачты, по мѣрѣ подваливанія волны парохода. Съ судовъ и съ береговъ доносились веселыя пѣсни. Лица людей были совершенно ясно видны съ палубы парохода,—рукой подать. Были сцены очень характерныя.

Около семи часовъ вечера, доносившійся съ берега звонъ колоколовъ возвѣстилъ о близости Бѣлозерска; городокъ не замедлилъ появиться влѣво отъ парохода; онъ раскинулся по совершенно пологому, низменному берегу Бѣло-

Входъ въ Бѣлозерскій каналъ.
Съ фотогр. А. П. Шевцова, рисов. В. Шпакъ, грав. Е. Даммелеръ.

Городъ Бѣлозерскъ.
Съ фотографіи А. П. Шелякова, рисов. В. Шпака, гравир. К. Вейерманъ.

Озера, при Бѣлозерскомъ обводномъ каналѣ. Съ XIII по XV столѣтіе Бѣлозерскъ былъ центральнымъ городомъ Бѣлозерскаго удѣльнаго княжества, въ составъ котораго входили Вологда и Устюгъ. Нынѣшній Бѣлозерскъ построенъ въ XIV вѣкѣ, когда жители ушли изъ «Стараго Бѣлозерска», находившагося въ 17 верстахъ и извѣстнаго тѣмъ, что тамъ, по преданію, княжилъ братъ Рюрика—Синеусъ.

Мѣстный соборъ стоитъ въ углубленіи, между высокихъ валовъ бывшаго кремля, изъ-за которыхъ его со стороны почти не видно. Соборъ имѣетъ чрезвычайно своеобразный иконостасъ, вѣроятно конца прошлаго вѣка. На самомъ его верху, подъ куполомъ, высится большая раскрашенная деревянная фигура Спасителя и передъ нимъ семь огромныхъ деревянныхъ свѣтильниковъ въ лучахъ. Подлѣ царскихъ дверей, съ обѣихъ сторонъ, видны четыре меньшія, золоченыя же, фигуры двухъ пророковъ и двухъ ангеловъ. На иконостасѣ имѣется еще одна фигура Спасителя, въ конхѣ, надъ дверями, тоже раскрашенная, но вмѣсто свѣтильниковъ подлѣ него ангелъ и символы Евангелистовъ. Этотъ иконостасъ сильно напоминаетъ католическіе приемы искусства.

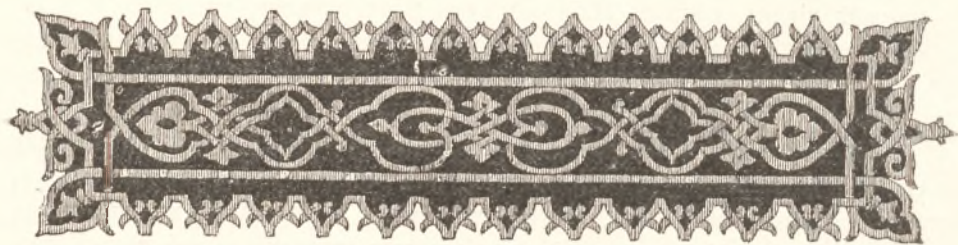
Когда пароходъ тронулся дальше, надъ Бѣлымъ озеромъ опускался свѣтлый, лѣтній вечеръ; путь продолжался по тому же каналу, но освѣщеніе уже было другое; тотъ же народъ, тѣ же безконечныя вереницы судовъ, покачивавшихъ свои мачты, то же набѣганіе волны на низкіе берега и та же близость деревьевъ, вѣтви которыхъ изрѣдка хлестали по правому кожуху. По мѣрѣ движенія впередъ, пароходъ удалялся отъ мѣстъ, освященныхъ преподобнымъ Кирилломъ, и близился къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ на каждомъ шагѣ должна была возникать память Петра I.

Во время ужина на палубѣ, комаровъ было такое множество, что пришлось съ навѣтренной стороны, подлѣ стола, жечь можжевеловыя вѣтви. Молодцы матросы, въ бѣлыхъ рубашкахъ, отлично исполняли эту обязанность, и вѣтви весело потрескивали на невысокихъ жаровняхъ. На Бѣломъ озерѣ такъ много комаровъ, что совершенно понятно, почему преданіе, въ числѣ благодѣяній, приписываемыхъ преподобному Кириллу, упоминаетъ и о заговорѣ имъ комаровъ. Цѣлыя тучи ихъ замѣтны были въ свѣтломъ полуночномъ воздухѣ. Словно огромныя змѣи, извивались продолговатыя тучи комаровъ надъ окрестными лѣсами и болотами. Глядя на нихъ, нельзя было не вспомнить одной южно-славянской сказки, передаваемой Буслаевымъ: въ какія-то незапамятныя времена вышелъ богатырь на поединокъ съ нечистою силою-змѣемъ; Господь помогъ ему осилить проклятаго; не довольствуясь смертію его, богатырь рѣшился сжечь тѣло и развѣять пепель по воздуху, что и было исполнено; но тогда-то изъ остатковъ, изъ пепла нечистой силы-змѣя, образовались эти воздушныя вереницы комаровъ и мошкары, безконечныя клубы которыхъ носилась и надъ пароходомъ. Но и болѣе далекій сѣверъ Россіи, одоливаемый комарами, имѣетъ подобныя легенды. Таково, напримѣръ, преданіе о Шишко, нечистомъ духѣ, въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Богъ отказалъ въ участкѣ земли, и нечистый, озлобясь на Бога, ткнулъ коломъ въ землю, и изъ образовавшейся дыры повалили комары, такъ что въ воздухѣ потемнѣло.

По просьбѣ мірянъ, пророкъ Ілія заткнулъ дыру горящею головнею, и дальнѣйшее появленіе комаровъ на свѣтъ прекратилось, но тѣ, что успѣли вылетѣть, остаются и составляютъ дьявольское навожденіе, и полчищамъ ихъ нѣтъ числа.

Около четырехъ часовъ утра, сквозь шлюзъ Польза, пароходъ вошелъ изъ канала въ рѣку Ковжу, нижняя часть которой свободна отъ шлюзовъ; затѣмъ, миновавъ шлюзъ Константина, достигъ шлюза Св. Анны около восьми часовъ утра. Въ этомъ мѣстѣ начало наиболѣе обильныхъ шлюзами частей рѣкъ Ковжи и Вытегры, и такъ какъ надобно было выиграть возможно больше времени, то путешественники оставили пароходъ и продолжали путешествіе почтовымъ трактомъ.

Вытегра.

Характеристика Мариинской системы. Историческое. Шлюзъ Св. Петра. Село Деятины.
Храмъ Вытегорскаго погоста.

особенно жаркимъ, палящимъ днемъ было 12-е іюня, и ѣзда почтовымъ трактомъ до Вытегры, отъ шлюза Св. Анны, на протяженіи пятидесяти слишкомъ верстъ, по желтымъ пескамъ, по глубокой, горячей пыли, представлялась очень трудною. Къ счастью, красота гористой, густо населенной мѣстности и интересъ посѣщенныхъ пунктовъ вознаграждали собою неудобства пути.

Дорога вьется все время между довольно высокими, поросшими лѣсомъ, холмами, вдоль шлюзированной части рѣкъ Ковжи и Вытегры. Передъ глазами, то и дѣло, мелькають одинъ за однимъ шлюзы, болѣе и менѣе длинныя, то возвышаясь надъ уровнемъ бѣгущей подлѣ нихъ рѣки, то сливаясь съ нею подлѣ одинъ горизонтъ. Несомнѣнно, что вся широкая, низменная долина служила когда-то, очень давно, продолженіемъ Онежскаго озера.

Можетъ быть, многіе не знаютъ, почему Мариинская система носить имя покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Именной Высочайшій указъ 1799 г. объясняетъ это: Ея Величество, какъ Главноначальствующая надъ воспитательными домами, допустила заимствованіе изъ сохранной казны петербургскаго воспитательнаго дома на скорѣйшее построеніе канала, по 400.000 руб. ежегодно. Въ память этого система, сослужившая Россіи такъ много службъ и имѣющая въ будущемъ еще гораздо большее значеніе, названа Мариинскою.

Въ настоящемъ своемъ видѣ система все-таки не достаточно удовлетворяетъ быстро возрастающему наплыву грузовъ. Грузовая способность ея, съ ея 34 деревянными шлюзами, не превышаетъ 50 милліоновъ пудовъ, тогда какъ грузовая способность судовъ, плавающихъ по Волгѣ и Каспію, достигаетъ 150 милліоновъ. Изъ 900 верстъ протяженія всей системы неудовлетворитель-

Девятинскій погостъ.
Шлюзъ Павла, Владимира и Оомы. Проходъ каракоев.

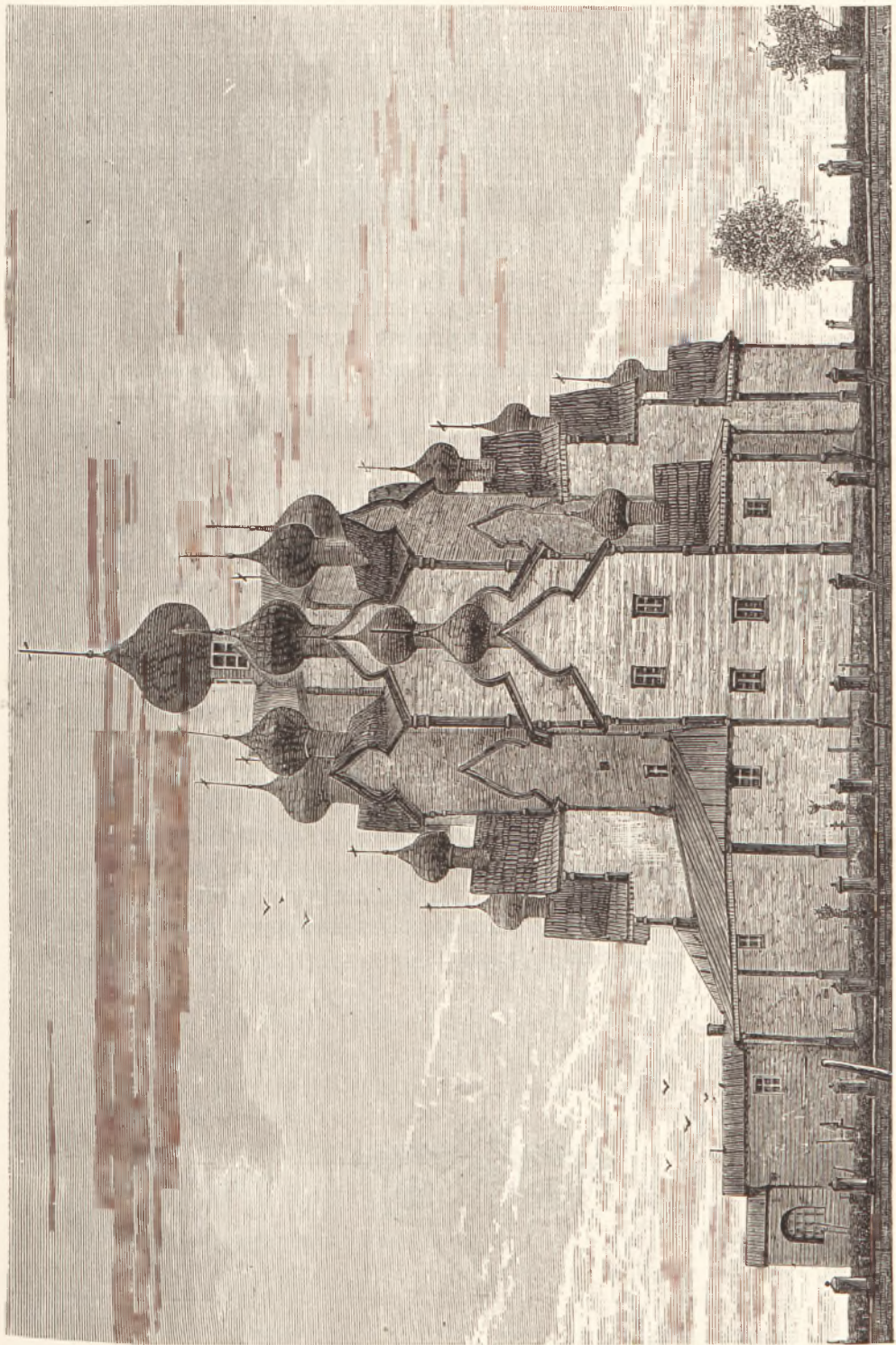
ными можно считать только 200 верстъ, и весь вопросъ сводился къ тому: для сорокасаженныхъ или для двадцатисаженныхъ судовъ должна быть приспособлена она? Министерство путей сообщенія, въ періодъ времени 1877—1882 гг., собирало статистическія и техническія данныя по этому существенному вопросу, и была образована особая коммиссія. Министерство признало несомнѣнно болѣе выгодными суда 40-саженныя, но зато и расходы по приспособленію системы легли бы на наше казначейство великою тягостью въ 61—79 милліоновъ рублей. Предположено, впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса о перестройкѣ или устройствѣ вновь шлюзовъ, достраивать ихъ въ нынѣшнихъ размѣрахъ (для судовъ 20-тисаженныхъ) и строить деревянные шлюзы (на случай предстоящей ломки), но при улучшеніи стрежней рѣкъ и каналовъ приспособлять ихъ для прохода судовъ 40-саженныхъ.

Мѣстность близъ шлюза Св. Петра — очень красивая — имѣетъ высокое историческое значеніе. Здѣсь именно, въ 1711 году, въ глухихъ дебряхъ, о которыхъ теперь нѣтъ и помину, Петръ I прожилъ нѣсколько дней въ землянкѣ, осматривая самолично ту мѣстность, на которой, по его повелѣнію, англичанинъ Перри, въ 1710 году, произвелъ изслѣдованія по соединенію Волжскаго бассейна съ Онежскимъ озеромъ. Только въ 1762 году обратились снова къ исполненію мысли Петра I. Проектовъ было нѣсколько: Деденева, де-Витте; къ работамъ приступилъ де-Волянъ, и въ 1810 году движеніе по системѣ открыто.

Возлѣ часовни поставленъ памятникъ, представляющій довольно высокій обелискъ на широкомъ постаментѣ, съ слѣдующими четырьмя надписями: «Зиждитель пользы и славы народа своего Великій Петръ здѣсь помышлялъ о судоходствѣ. — Отдыхалъ на семь мѣстѣ въ 1711 году. Благоговѣйте сыны Россіи! — Петрову мысль Марія совершила. — Въ ознаменованіе любви къ Отечеству каналъ сей наименованъ Маріинскимъ. — Щедрымъ покровительствомъ Императрицы Маріи, начатъ сей каналъ 1799 года по повелѣнію супруга Ея, Императора Павла I. Довершенъ при сынѣ Ея, Императорѣ Александрѣ I».

На дальнѣйшемъ пути въ Рубежѣ имѣется обширная земская больница. Она назначена главнымъ образомъ для рабочихъ на каналахъ. Ниже шлюза Св. Маріи видно было устье будущаго Маткоозерскаго канала; въ описываемое время, работы его шли весьма успѣшно; цѣль этого канала та, чтобы, при переходѣ изъ Ковжи въ Вытегру и обратно, судамъ проходить вмѣсто десяти шлюзовъ только два, что составитъ огромный выигрышъ времени и расходовъ. Каналъ обошелся въ 1.893.000 рублей, онъ длиною десять верстъ и оконченъ въ 1886 году.

Въ этихъ мѣстахъ почти вся дорога замѣчательно живописна. Обиліе воды даетъ знать себя ручьями хрустальной ясности, стремящимися изъ сосѣднихъ ущелій и логовинъ. Нѣкоторые виды очень красивы, какъ напримѣръ Собачьи Пролазы, гдѣ, по преданію, когда-то скрывались разбойники; они напоминаютъ Тюрингію или Гарцъ; очень красиво мѣсто у Алексѣевской горы, гдѣ одновременно видно шесть шлюзовъ, въ широкой рамѣ синѣющихъ за далью горъ и лѣсовъ. Мѣстность подлѣ села Деятины, безспорно одна изъ лучшихъ въ пути. Домъ начальника дистанціи расположенъ на высотѣ 18 сажень надъ уровнемъ

Двадцатиглавая древняя церковь на Вытегорскомъ погостѣ (Олонец. губ.).
Съ фотогр. Пекарскаго, грав. М. Рашевскій.

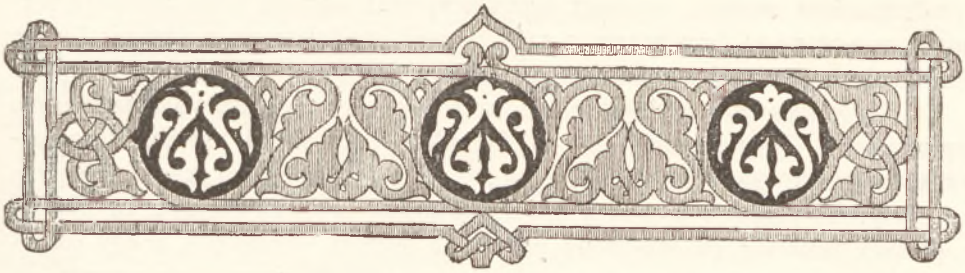
Вытегры, и видъ отъ него на шлюзъ Св. Павла, лежащій глубоко внизу, на противулежащя возвышенности, на самую рѣку, на многія села, поля и луга, разстилающіеся по широкой долинѣ, прекрасенъ.

Этотъ шлюзъ одинъ изъ самыхъ могучихъ. Разность горизонтовъ верхней и нижней плотинъ шесть сажень, напора воды—двѣ сажени; въ шлюзѣ три пролета, изъ которыхъ средній глубокій. По данному знаку была пущена вода; она ринулась внизъ, по всѣмъ пролетамъ, съ огромною силой, образуя настоящіе клубящіеся водопады. Они стремились вдоль всѣхъ трехъ пролетовъ, точно изъ гигантскихъ темныхъ ртовъ; вода, казалось, готова была поглотить все и вся; кудри, клубы и кольца ея, перешибая одни другіе, ревѣли невообразимо и, сгладившись по широкой поверхности стока, стремились подъ лѣстницу, вырисовывая пѣною необозримое количество двигавшихся арабесковъ. Въ яркомъ блескѣ горячаго подня все вмѣстѣ взятое—люди стоявшіе по крутымъ скатамъ, синѣвшая даль, kloкочущая вода,—представляло картину въ полномъ смыслѣ слова великолѣпную.

При выѣздѣ изъ Девятинь указываютъ, вправо отъ дороги, на кладбище голландцевъ, работавшихъ тутъ когда-то, во время проведенія канала; небольшое мѣсто огорожено высокимъ полуразрушившимся кирпичнымъ заборомъ; могучія деревья густою сѣнью своею покрыли бранные останки чужестранныхъ людей, потрудившихся въ свое время для русскаго народа. Миръ имъ!

Солнце палило немилосердно, когда вдали показалась старинная церковь Вытегорскаго погоста, построенная по собственноручному плану Петра Великаго. Церковь эта, одинъ изъ перловъ нашей архитектуры, чрезвычайно своеобразна: двадцать маленькихъ куполовъ, расположенныхъ на разной высотѣ, группируются очень хорошо поверхъ зеленыхъ крышъ и бѣлыхъ стѣнъ. По наружнымъ сторонамъ церкви, надъ стѣнами ея, высятся плоскіе, луковичеобразные кокошники, придающіе зданію совершенно подходящій сельскій видъ. Внутри церковь невысока; плоскій потолокъ покрываетъ внутренность ея и отъ центра его лучами расходятся небольшіе пояски, между которыми помѣщаются потемнѣвшія изображенія ангеловъ; иконостасъ, въ два яруса, полонъ ликами святыхъ, каждый въ отдѣльномъ обрамленіи.

Онежское озеро.

Выходъ въ озеро. Историческіе пути духовнаго подвижничества. Главнѣйшія имена дѣятелей. Впечатлѣніе прибытія въ Петрозаводскъ.

Отъ города Вытегры до устья рѣки, до Онежскаго озера—шестнадцать верстъ. Рѣка изгибается крутыми луками по болотистой, тундроватой мѣстности, и точно усталая въ долгомъ теченіи отъ массы тѣхъ грузовъ, которые вынесли воды ея на всемъ протяженіи системы, спѣшитъ къ озеру, чтобъ успокоиться. Тундры, кочки, жидкія деревья, не имѣющія возможности расти, коряги и пни виднѣлись по сторонамъ красиваго и легкаго парохода, лавировавшаго по изгибамъ. Туманъ и дождикъ дѣлали картину непривѣтливою. Сѣрая сплошная туча обложила все небо, когда у устья рѣки засеребрилась зеркальная поверхность открытаго озера. На картѣ значилось, что подлѣ устья рѣки стоитъ маякъ. Если признать маякомъ телеграфный столбъ со щитомъ наверху, окрашенный бѣлою краской, то карта не ошибалась. Скоро, очень скоро, пароходъ вошелъ въ область густого, словившагося тумана, такъ что едва можно было различить слѣдовавшія за пароходомъ суда; туманъ лежалъ надъ водой густымъ, но тонкимъ слоемъ.

Что путники близились къ сѣверу, въ этомъ не могло быть сомнѣнія: температура воздуха, достигавшая еще наканунѣ чуть не сорока градусовъ жары, сразу понизилась до 6°, въ водѣ было только 2°, и въ довершеніе картины встрѣтились плившія льдины—въ концѣ іюня мѣсяца; онѣ бѣлѣли вблизи и тихо раскачивались надъ глубокою чернью воды, составляющею особенность нашихъ сѣверныхъ озеръ, когда волна парохода кеснулась ея. Несмотря на густоту тумана, лѣтній день все-таки давалъ себя чувствовать безконечнымъ обиліемъ свѣта вокругъ; судно скользило точно въ какомъ-то серебрѣ, по которому высокія снасти парохода вырисовывались чрезвычайно рѣзко. Двѣ волны,

разбѣгавшіяся за нимъ по озеру, спокойному какъ зеркало, точно замирали темными полосками въ безконечности мало-по-малу разрѣжавшагося тумана. Такова была картина великой водной поверхности съ береговою линіею въ 1300 версть.

На Онежскомъ озерѣ нельзя было не вспомнить о временахъ давнымъ-давно прошедшихъ. Существованіе еще до XII вѣка Обонежской пятины Новгородскихъ владѣній, сѣверная часть которой доходила до Ледовитаго океана, говоритъ о безконечно раннемъ расцвѣтѣ нѣкоторой жизни въ этихъ мѣстахъ. По путямъ торговаго движенія къ сѣверному морю и на востокъ начиналось всюду сооруженіе монашескихъ обителей, служившихъ единственными гостиницами въ дѣбряхъ и пустынѣ. Духовное подвижничество предшествовало исторической жизни, и въ самой глубокой старинѣ поднимаются въ Прионежьи двѣ личности, о которыхъ нѣтъ ни преданія, ни сказанія, а сохранились одни только имена: Пахомій Кенскій и Корнилій Палеостровскій; въ XVI вѣкѣ является Кирилль съ «велей главой»; Антоній Сійскій, обнажавшій плечи и голову до пояса, дабы прилетали къ нему оводы и комары и обсѣдали и пили кровь нещадно; Никодимъ Кожеезерскій, извѣстный чудомъ, совершеннымъ имъ: было великое наводненіе, онъ взобрался на свою келійку, къ крышѣ которой подступала вода, пѣлъ псалмы, и—вода удалась.

Ошибся бы тотъ, кто вздумалъ бы утверждать, что пустынножителство, развивавшееся здѣсь по берегамъ и островамъ чрезвычайно сильно — о чемъ свидѣлствуютъ разбросанные по краю, попадающіеся очень часто кресты и часовенки,—чтобы это пустынножителство ограничивалось только духовными подвигами. Нѣтъ, люди пустыни приносили и образованіе. Соловецкій лѣтописецъ сообщаетъ, что игумень Филиппъ, въ XV вѣкѣ, такую телѣгу завелъ, что сама насыплется и привезется, сама и высыпаетъ рожъ на сушило; онъ сѣялку построилъ съ десятью рѣшетами: сѣетъ одинъ человекъ, а другое рѣшето то само насыпаетъ и сѣетъ отруби и муку; игумень Филиппъ вѣтеръ нарядилъ мѣхами рожъ вѣять и кирпичные заводы завелъ, и стекольчатые окна дѣлалъ; старецъ Тарасій, раньше его, научилъ рассоль отъ воды отлучать и соль варить.

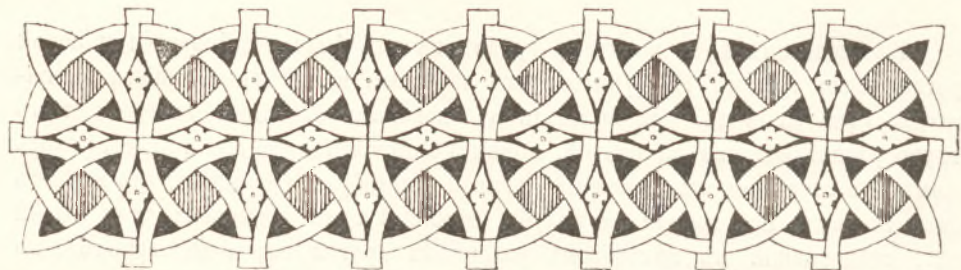
Цѣлые сонмы отшельниковъ-тружениковъ расположились по Онежскому побережью въ XV и XVI вѣкахъ, и отъ Олонецкаго края пошли они дальше, даже до 69½ градуса сѣверной широты, гдѣ, какъ видно изъ грамоты Иоанна Грознаго, преподобному Трифону, проповѣднику Св. Евангелія среди лопарей, скончавшемуся въ 1583 году, и настоятелю донинѣ существующаго Печенгскаго монастыря, дано было владѣніе по берегамъ, и онъ, Трифонъ, основалъ рыболовство, звѣроловство, ловлю устриць, соляныя варницы, лѣсные дворы, мельницы и обзавелся морскими крупными судами. Торговля съ иностранцами по нашему сѣверному побережью началась раньше его.

И сколько было, подумаешь, свѣтлыхъ видѣній этимъ людямъ, и умирали они, вѣруя въ обѣтованное свое спасеніе, покойно, безмятежно, какъ напримеръ Савватій, шедшій черезъ Святъ-Наволокъ и скончавшійся въ пути, сидя въ куколѣ и мантии. Правда, не всегда мирно жили и умирали подвижники; такъ, убиты язычниками: Адрианъ Ондрусовскій, Макарій Вышкоозерскій и другіе.

Къ половинѣ пути по озеру туманъ началъ было разсѣваться и порой проглядывало солнце. Наступило время завтрака, и всѣ находившіеся на пароходѣ, сѣвъ за столъ, рассчитывали на спокойное окончаніе завтрака, какъ вдругъ рѣзкая бѣготня на палубѣ, крики и остановка хода машины дали знать о томъ, что случилось что-то необыкновенное и недоброе. Оказалось, что матросъ упалъ въ воду. Всѣ вышли на палубу. Машинѣ тѣмъ временемъ дали задній ходъ; слѣдовавшій въ нѣкоторомъ разстояніи другой пароходъ, «Онега», по свистку, прибавилъ ходу и направился къ еле-видѣвшейся надъ водой, плескавшейся черной точкѣ: то былъ матросъ, отъ котораго первый пароходъ успѣлъ отойти сажень на сто. Къ счастью, онъ умѣлъ плавать и продержался на водѣ минутъ около пяти, пока съ подошедшей къ нему вплотную «Онеги» бросили буйки и веревки; за одну изъ нихъ онъ ухватился, и его втащили на палубу. Нельзя сказать, чтобы безмолвное созерцаніе возможной гибели человѣка, видѣвшагося небольшою темною живою точкой въ безконечности водъ и тумана, на 50-тисаженной глубинѣ, относилось къ чувствамъ особенно пріятнымъ. Привезенный немедленно на пароходъ обратно, матросъ, передѣтый и осушенный, оказался архангелогородцемъ, новобранцемъ: онъ упалъ, неосторожно черпая воду и не желая упустить изъ рукъ казеннаго ведра. Фамилія его Самадовъ. Изъ опасенія упустить казенное ведро свалиться въ воду—это характерно, въ особенности для новобранца.

Къ восьми часамъ вечера пароходъ подошелъ къ Петрозаводску. Городъ, съ его прямыми улицами, разбитый на квадраты, размѣстившійся по отлогой покатости, представляется со стороны озера красивымъ. Высоко надъ всѣмъ прочимъ поднимается своими луковичными куполами новый соборъ, а подлѣ него обозначается маленькимъ шпилемъ старѣйшая церковь города во имя Петра и Павла, построенная великимъ Преобразователемъ Россіи, въ 1693 году.

Петрозаводскъ.

Памятники Петру I и Александру II. Осмотръ завода. Историческое о рудномъ дѣлѣ въ сѣверномъ краѣ. Судьбы завода. Его особенности. Поѣздка въ Соломенное.

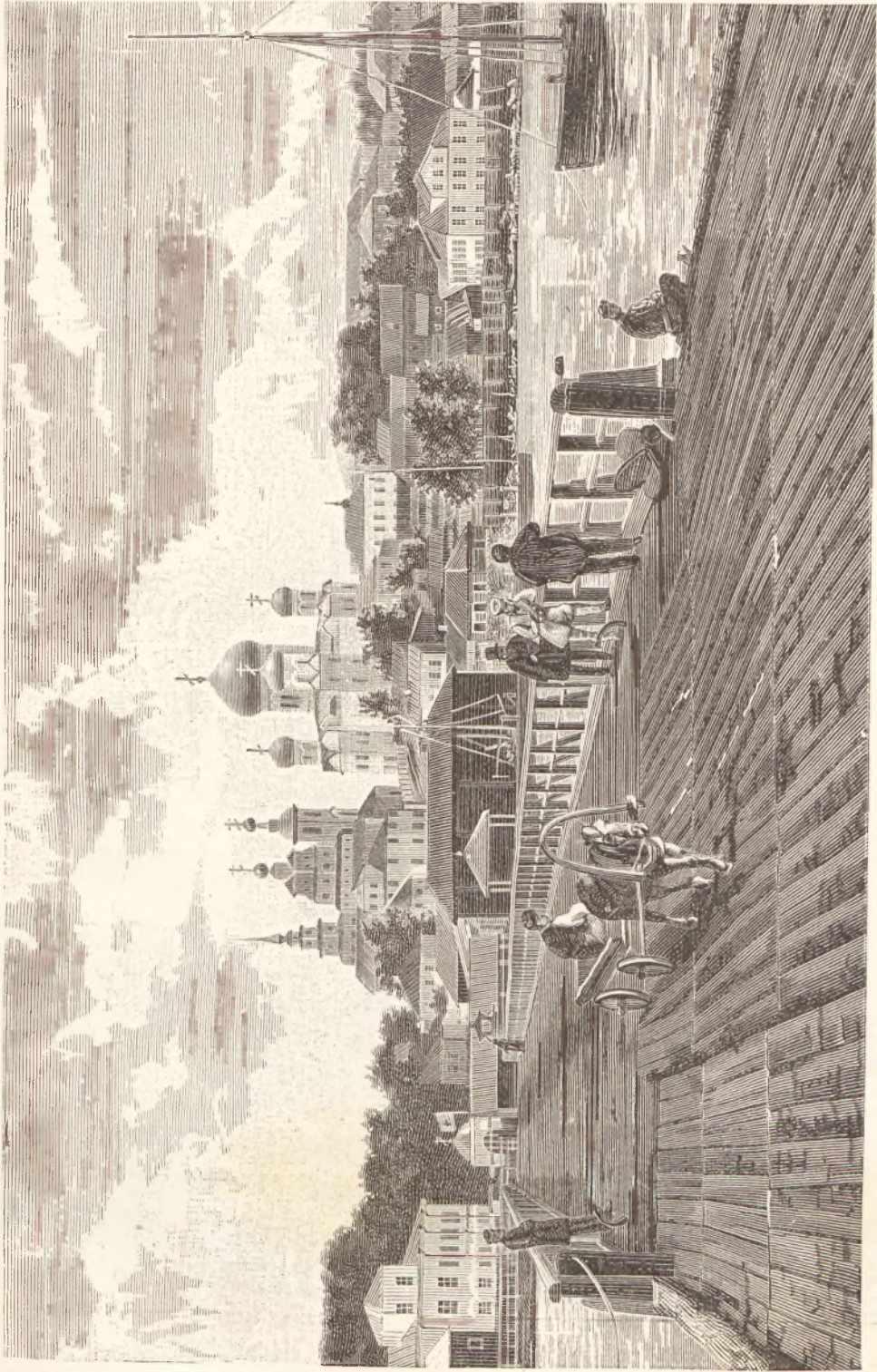

Вѣдовавшій за прибытіемъ парохода въ Петрозаводскъ день, 14 іюня, былъ такимъ же безоблачнымъ и жаркимъ, какъ всѣ предшествовавшіе. Памятникъ Петра Великаго работы Шредера, стоящій передъ губернаторскимъ домомъ, ярко горѣлъ съ утра своею бронзой. Онъ заложенъ 30 мая 1872 г., а открытъ въ 1873 г. Петръ изображенъ во весь ростъ; въ одной рукѣ у него свитокъ, другая простерта. Постаментъ сдѣланъ изъ чрезвычайно крѣпкаго матюковскаго камня. Памятникъ недурень; обликъ императора гораздо внушительнѣе того, который поставленъ въ Петергофѣ у Монплезира. Неудивительно, что горожане то и дѣло зовутъ пріѣзжающихъ сюда туристовъ полюбоваться имъ: посмотрите, да посмотрите! Тѣмъ же Шредеромъ сооруженъ здѣсь памятникъ императору Александру II, воздвигнутый мѣстнымъ земствомъ. Монархъ изображенъ стоящимъ въ порфирѣ; высота статуи пять аршинъ.

Однолѣтокъ Петербурга, Петрозаводскъ былъ и остался до сихъ поръ городомъ чисто административнаго характера. Недостатокъ дворянъ въ Олонецкой губерніи былъ причиною указа сената 24 апрѣля 1811 года, ограничившаго кругъ выборныхъ должностей. Даже предводителей не изъ кого было выбрать,—губернскимъ былъ назначенъ совѣстный судья, уѣздными—уѣздные судьи. Нынѣшнее земство не велико, но очень дѣятельно.

Однимъ изъ главнѣйшихъ достопримѣчательностей всего Олонецкаго края является Александровскій заводъ.

Заводъ этотъ и Петербургъ—однолѣтки: оба основаны въ 1703 году. Петръ I былъ въ Олонецкомъ краѣ десять разъ. Царственными руками своими тя-

Общій видъ города Петрозаводска.
Съ фотогр. Я. Цекерскаго, грав. М. Гамескій,

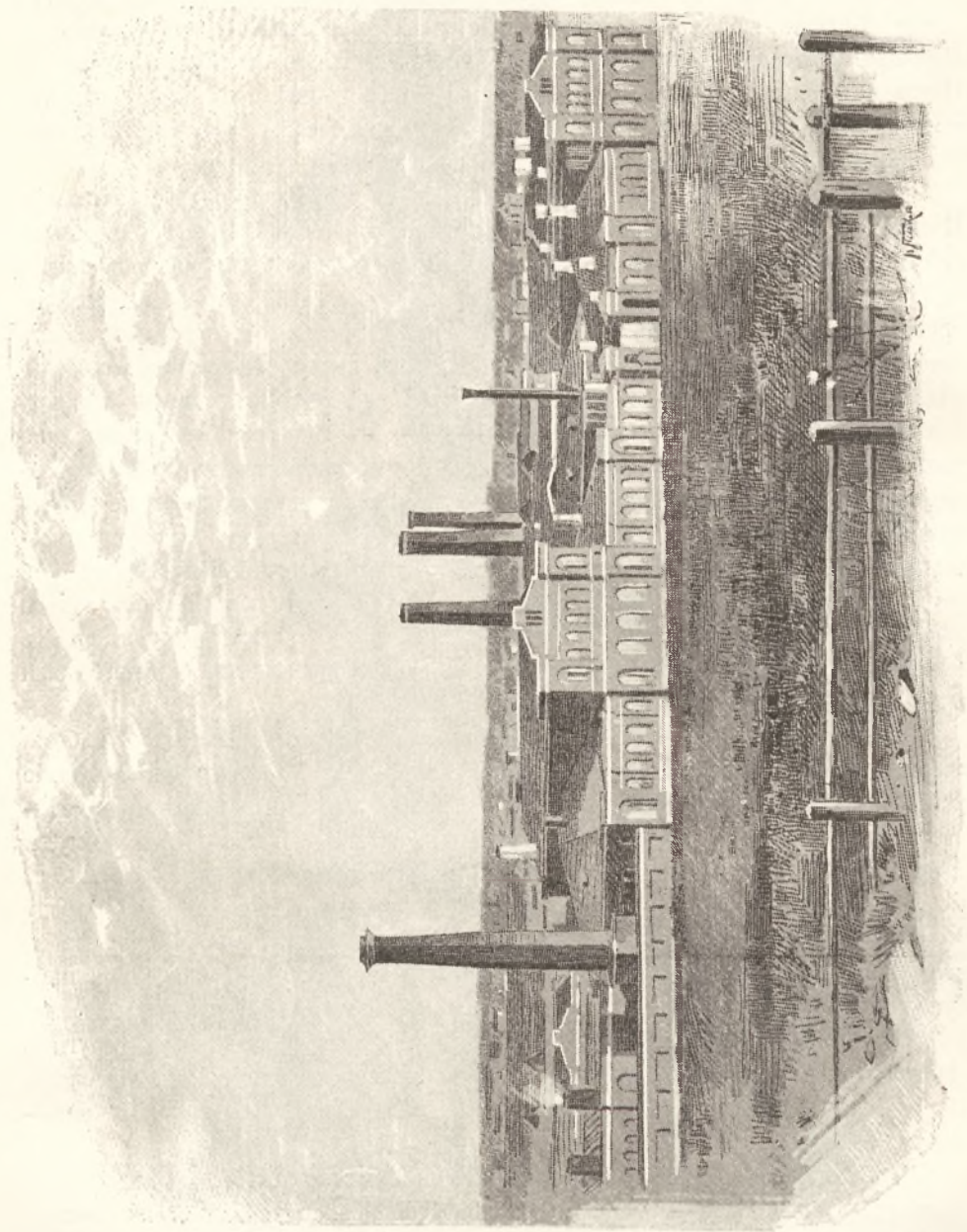
Петрозаводскъ. Памятникъ императору Александру II.

нулъ онъ крицы и заставлялъ приближенныхъ своихъ засыпать въ горны уголья. Память о немъ чрезвычайно жива въ краѣ, забѣгая далеко на сѣверъ по Суховѣ и Двинѣ, по Бѣлому морю, по такъ-называемой «Царской дорогѣ» между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ, проложенной имъ самимъ до Повѣнца. Преданіе гласитъ, будто въ Повѣнцѣ Петръ не посѣтилъ церкви св. Петра и поѣхалъ озеромъ; поднялась буря; «вѣрно повѣнецкій Петръ сильнѣе московскаго»,—сказалъ императоръ, вернулся, помолился, и озеро понесло ладью его дружелюбно. Повѣнецъ въ то время еще не былъ городомъ.

Но и раньше Петра на Олонецкій край было обращено царское вниманіе. Посланный въ Англію Іоанномъ Грознымъ посоль Іосифъ Непѣя привезъ съ собою рудокопы. Въ 1569 году англичанамъ позволено было работать далеко на востокъ, на рѣкѣ Вычегдѣ; шведовъ призывали въ 1571 и 1573 годахъ, но неизвѣстно, работали-ли они. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, крупный обликъ котораго, при новѣйшей разработкѣ исторической науки, выступаетъ все сильнѣе, все могущественнѣе, въ Олонецкомъ краѣ существовали заводы для выплавленія желѣза изъ рудъ; они принадлежали, съ пособіемъ отъ казны, датчанину Бутенату. Въ 1701 и 1702 годахъ Петръ поставилъ въ краѣ пять заводовъ, и въ 1704 году были приготовлены въ Россіи первые якоря на заводѣ Вычковскомъ, нынѣ не существующемъ. Основаніе же старому, прежнему Александровскому заводу, постановкою четырехъ доменныхъ печей, положено въ 1703 году, надъ рѣчкой Лососинкой, протекающею быстрой волной близъ самаго завода и теперь; слѣды этого Петровскаго завода еще существуютъ; онъ стоялъ немного въ сторонѣ отъ нынѣшняго. На этомъ заводѣ, кромѣ литья чугуна, дѣлали тогда на всю армію ружья и палаши.

Существованіе олонецкихъ заводовъ было не непрерывное: они были закрыты всѣ, кромѣ Кончезерскаго, въ 1783 году; въ 1784 положено основаніе нынѣ существующему Александровскому. Самымъ крупнымъ дѣятелемъ послѣдняго является Карлъ Карловичъ Гаскойнъ, вызванный изъ Шотландіи въ 1786 году, изъ лучшаго въ то время Карронскаго завода; онъ прибылъ со многими мастерами и дѣло было поставлено прочно. При немъ къ заводу приписано 17,000 крестьянъ, и заводъ пользовался многими привилегіями, на примѣръ правомъ отливать мѣры и вѣсы на всю Россію. Отъ времени цвѣтушей дѣятельности завода, помимо большого числа орудій и снарядовъ, сослужившихъ Россіи свою службу, въ Петербургѣ сохранилось много другихъ работъ; всѣ перила вдоль Мойки, всѣ металлическія части мостовъ: Краснаго, Поцѣлуева и Полицейскаго, рѣшетки Михайловскаго дворца и банка, всѣ онѣ—работы олонецкихъ заводовъ.

Въ ближайшіе годы заводъ работаетъ несомнѣнно въ убытокъ и дѣятельность его сокращена до крайности, но послѣдняя война доказала, что можетъ онъ дѣлать и насколько онъ полезенъ. Одинъ изъ главныхъ упрековъ—сравнительная недоброкачественность чугуна; но на дворѣ завода имѣется прямое опроверженіе въ такъ-называемой «ярцовской пушкѣ» середины прошлаго вѣка: 24-хл-фунтовая пушка эта выдержала чудовищныя пробы и послѣ нихъ, будучи пересверлена на 30 фунг., выдержала не меньшія, и «того ради»—значится

Петрозаводскъ. Александровскій заводъ.

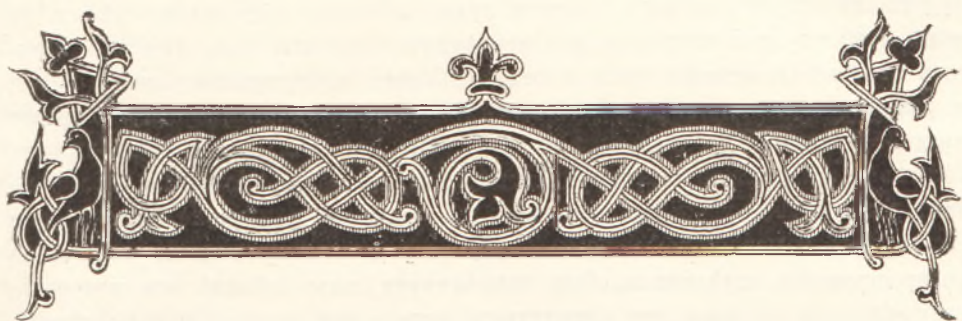
Погость Соломенное.

въ надписи—«въ знакъ крѣпости и доброты здѣшней артиллеріи, она на семь мѣстѣ и поставлена». Существованіе Александровскаго завода—дѣло государственнаго интереса. За сто лѣтъ существованія завода и трехъ вспомогательныхъ:—Кончезерскаго, Суоярвскаго и Валазминскаго,—проплавлено 53 милліона пудовъ руды и получено 19 милліоновъ пудовъ чугуна.

Заводъ расположенъ въ широкой котловинѣ, на берегу рѣчки Лососинки. Длинныя почернѣвшія трубы рѣзко обрисовываются на яркомъ полуденномъ небѣ. Рабочихъ на заводѣ около 800 человекъ—число несоразмѣрно малое по количеству заводскихъ приспособленій; въ немъ 63 различныя печи, двѣ турбины въ 120 силъ, шесть гидравлическихъ колесъ въ 100 силъ, три паровыя машины въ 100 силъ, два паровыя молота и множество исполнительныхъ механизмовъ. Когда-то очень дѣятельное отдѣленіе по отливкѣ орудіи стоитъ въ настоящее время заброшеннымъ, молчаливымъ, пустымъ, такъ какъ заказовъ на нихъ не поступаетъ; заводъ приготовляетъ только бомбы, гранаты и шрапнели, числомъ около 84,000 штукъ, на сумму 324,000 рублей.

Большой интересъ представляетъ также поѣздка изъ Петрозаводска на пароходѣ въ Соломенное. Обѣ церкви Соломеннаго погоста ясно видны изъ Петрозаводска на противоположной сторонѣ озера; до него пути водой около семи верстѣ. Мѣсто это замѣчательно красиво. На совершенно обнаженной скалѣ, такъ-называемой Соломенской брекчии, вдоль и поперекъ опоясанной трещинами, поросшими густымъ бурымъ мхомъ, поднимаются рядомъ старая и новая церкви погоста. Тутъ былъ когда-то монастырь, основанный въ концѣ XVI вѣка; его смѣнила пустынь, упраздненная въ XVIII в. и обращенная въ приходъ; въ числѣ древностей хранится бѣлая холщевая риза, шитая царевною Софіею Алексѣвною, и подолняный антиминсъ времени царя Ѳсдора Іоанновича. Подлѣ самыхъ церквей находится лѣсопильный заводъ Громова. Говорятъ, что изъ маленькаго озера—Логмозера, на которомъ онъ расположенъ и которое сливается съ озеромъ Онежскимъ, можно проѣхать на лодкѣ до Иматры.

Поѣздка на Кивачъ.

Село Шуя. Олонецкій пейзажъ. Добываніе руды. Кончезерскій заводъ. Корелы. Преданія и повѣрья. Водопадъ Кивачъ. Воспоминаніе о Державинѣ. Марціальные воды.

Въ семнадцати верстахъ отъ Петрозаводска, по пути къ Кивачу, расположено село Шуя. По обонмъ берегамъ широкой рѣки Шуи, состоя изъ тринадцати отдѣльныхъ деревень, раскинулось богатое село, очень людное и древнее, на много лѣтъ болѣе старое, чѣмъ Петрозаводскъ, потому что оно упоминается въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка. Маленькіе куполы и шпили двухъ старинныхъ церквей—погостовъ—высятся надъ гладью широкой долины, обрамленной олонецкими лѣсистыми холмами, и теряются вдаль и по сторонамъ безсчетныхъ, хорошо обстроенныхъ, крестьянскихъ дворовъ. Шуя—село торговое, ярмарочное, дома прочные, болшею частью двухъ-этажныя; надъ верхними балкончиками нѣкоторыхъ изъ нихъ, подъ длинными сѣтями, видѣлось вяленое мясо—весьма распространенный здѣсь способъ заготовки для рабочихъ.

Вслѣдъ за Шуей мѣстный олонецкій пейзажъ выступаетъ съ полною яркостью: бесконечно много озеръ, гранитныя и діоритовыя обнаженія древнихъ скалъ, поросшихъ густымъ чернолѣсьемъ. Дубовъ здѣсь нѣтъ уже совсѣмъ, клены очень рѣдки, зато царствуютъ вѣчно зеленая хвоя, береза и множество осинъ.

Осина, какъ извѣстно, то дерево, на которомъ, по преданію, повѣсился Іуда, и этому повѣрью обязана она своими мѣстными особенными качествами,—такъ: противъ «заклятыхъ», т. е. противъ такихъ людей, чрезъ которыхъ вліяетъ на смертныхъ «нечистая сила», дѣйствуетъ осиновый листъ; осиновый коль вбивается въ спину умершему заклятому, чтобъ онъ не вставалъ; на Вознесенской пристани, въ случаѣ пожара, на которомъ-нибудь изъ множества скупенныхъ

судовъ, необходимо бываетъ потопить судно, для чего обязательно сдѣлать въ немъ пробойну и воткнуть въ нее непременно осиновый коль. Все это мѣстныя повѣрья Олонецкаго края, и осинъ въ немъ дѣйствительно очень много, и разныхъ сортовъ, что нетрудно замѣтить всякому проѣзжающему. Гораздо труднѣе убѣдиться въ томъ, что однообразные пологи мховъ и лишаяевъ, отъ бѣлыхъ и желтыхъ до красныхъ и темнобурыхъ, одѣвающихъ скалы, вовсе не такъ однообразны, какъ кажется; ихъ неисчислимо количество видовъ; они составляютъ большинство мѣстной флоры, какъ по числу видовъ, такъ и по распространенію недѣлимыхъ. Они такъ живучи, такъ цѣлки, эти маленькія тайно-брачныя созданья, что покрываютъ даже самыя плотныя породы кварца, гранита и яшмы.

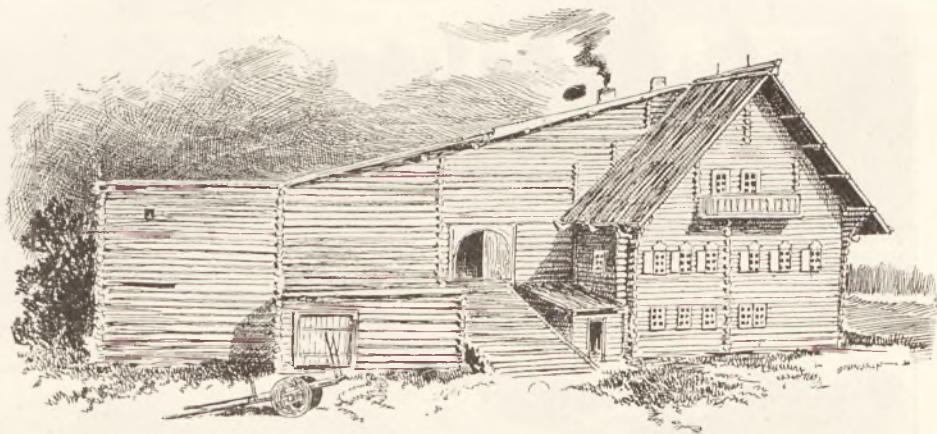
Любопытно ознакомиться съ приемами добыванія руды на Укшезерѣ. Озерная руда, состоящая изъ болѣе или менѣе крупныхъ катышковъ, образовалась, вѣроятно, отъ разложенія сѣрныхъ колчедановъ; она залегаеъ по дну озера на большей или меньшей глубинѣ слоями различной мощи и извлекается изъ воды деревяннымъ черпакомъ на плоты. Добыча ея составляетъ одинъ изъ существенныхъ заработковъ мѣстнаго населенія; озера обезрудѣвшія снова не наполняются, но запасы руды все-таки необозримо велики. Такая же руда есть и въ болотахъ. Ее поднимаютъ со дна озера на плоты, какъ сказано, простыми черпаками и тутъ же промываютъ на грохотѣ.

Кончезерскій заводъ—третья станція. Это тотъ единственный заводъ, который въ 1783 году, когда закрыты были все заводы Олонецкаго края, продолжалъ свою доменную работу. Раскинутъ онъ очень красиво. Три озера: Укшезеро, Кончезеро и Пертозеро, составляя какъ бы одно цѣлое, расположены тутъ террасами, одно выше другаго. Пертозеро лежитъ на четыре сажени выше Кончезера; скалистые перешейки, словно горбы чудовищныхъ допотопныхъ животныхъ, высятся между ними, раздѣляя ихъ водныя равнины. Заводъ расположенъ на самомъ высокомъ центральномъ мѣстѣ, и новая церковь его видна издали. Видимое водное пространство, перерѣзанное мысами и островами, очень велико; обрамленное безконечною бахромой зелени лѣсовъ, расположенныхъ по изогнутой линіи холмовъ и ложбинъ, оно образуетъ свѣтлыя перспективы вдаль и самыя характерныя первые планы пейзажа.

На Кончезерѣ, говорятъ, столько острововъ, сколько дней въ году, и все они расположены вдоль озера и носятъ имена святыхъ; одинъ только островъ, Богъ знаетъ почему, легъ поперекъ и за это кличка ему—«Дуракъ». Это обязательно рассказываютъ всякому проѣзжающему. Въ этнографическомъ отношеніи любопытно то, что Кончезеро отдѣляетъ корельскія поселенія отъ русскихъ, на двухъ берегахъ его звучатъ два разныхъ языка.

Пертозеро, вдоль котораго шель дальнѣйшій путь, окружено діоритами—замѣчательными жильными мѣсторожденіями мѣдныхъ рудъ, когда-то разрабатывавшихся. Въ этихъ мѣстахъ населеніе, главнымъ образомъ, корельское. Кореловъ считается въ краѣ всего около 40,000 человекъ; корельскіе жители попадались и ранѣе по пути, въ Новгородской губерніи. Оттѣсенные новгородцами. обращенные въ христіанство 600 лѣтъ тому назадъ, корелы отодвинулись въ

болѣе глухія мѣста края, предоставивъ лучшія русскимъ. Они люди робкіе и довольно терпѣливо выносятъ данныя имъ клычки: «корешки» и «бѣлоглазой корехи»; деревни ихъ большею частью бѣдны, не людны, отъ двухъ до шести дворовъ; церквей, часовень, крестовъ—множество: это память пустынножителей, что не мѣшаетъ однако ставить свѣчу «празднику», не вѣдая имени святого. Попадаютъ въ краѣ избы, построенныя 200 лѣтъ назадъ; избы кореловъ, большею частью, двухъ-этажныя, благодаря обилію лѣса, прочны, хороши; но это почти единственное что свидѣтельствуетъ о благосостояніи: хлѣбъ пополамъ съ соломою и сосновою корою не рѣдкость. Охота и рыбная ловля здѣсь существенное подспорье крестьянскаго быта: оно и не мудрено, такъ какъ $\frac{1}{6}$ часть края—вода, $\frac{5}{6}$ —лѣсъ. Рыбныя ловли бывають очень обильны: ловятъ рыбу неводами, мутниками, мережами, мордами; уловы на удочку даютъ иногда до двухъ пу-

Типъ крестьянской постройки въ Олонецкой губ.

довъ въ день: язь, сигъ, плотва, снятки, щука, окунь, ершъ—главная добыча.

Близость къ водѣ обуславливала сильную вѣру въ водяниковъ и цѣлый циклъ легендъ и пѣсень. Тутъ, на сѣверѣ, нельзя, конечно, ожидать яркости южно-русскихъ сказокъ, гдѣ дѣва вдѣваетъ въ иглу солнечные лучи, и вышиваетъ ими на основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ костей; тутъ больше сходства съ финскимъ эпосомъ, гдѣ пѣвецъ «Калевалы» говоритъ, что онъ «срываетъ пѣсни свои съ вересковъ», что «морозъ училъ его пѣснямъ и дождь приносилъ слова».

Невидимый міръ существъ, по мнѣнію мѣстныхъ людей, населяетъ нашъ міръ и чудесно сжился съ христіанскими понятіями. По океану-мору, говоритъ одна изъ былинъ, плавали два гоголя: одинъ бѣлый—Господь, другой черный—Сатана. По повелѣнію Бога и благословенію Богородицы, Сатана поднялъ со дна моря горсть земли; изъ нея Богъ сотворилъ ровныя мѣста и поля, а Сатана—непроходимыя пропасти и овраги. Ударилъ Господь въ камень и создалъ силы небесныя; ударилъ Сатана—и создалъ свое воинство. Была великая война, и воинство Сатаны попало на землю: кто въ лѣсъ—сталъ лѣсо-

викомъ, въ домъ—домовикомъ, въ баню—банникомъ, во дворъ—дворовикомъ, въ воду—водянымъ.

И крѣпка эта мѣстная вѣра въ безсчетную нечистую силу, залегающую повсюду; на человѣка можетъ она дѣйствовать только чрезъ посредство злыхъ людей, такъ называемыхъ «заклятыхъ». Живутъ эти заклятые въ особыхъ становищахъ въ Ишъ-горахъ и Мянъ-горахъ; тамъ въ темную ночь—бѣлый день, нѣтъ конца строенію, пляскамъ, игрищамъ, яствамъ и питію. Не дай Богъ попасть къ нимъ!

Изъ трехъ водопадовъ рѣки Суны—Гирваса, Порпорога и Кивача—последній самый значительный. Гирвасъ первый, считая отъ Петербурга, водопадъ на Сунѣ; видъ его очень живописенъ. Кивачъ стѣсненъ скалами и падаетъ однимъ уступомъ; Гирвасъ и Порпорогъ тремя и четырьмя каскадами.

По порогамъ.

Составить себѣ понятіе о красотѣ этихъ водопадовъ по однимъ описаніямъ невозможно:—надо ихъ видѣть самому. Ниже Кивача Суна имѣетъ нѣсколько уступовъ, но они проходны, если лодкою управляютъ ловкіе и опытные рулевые. Суна течетъ въ красныхъ возвышенныхъ, сплошь покрытыхъ березовымъ, сосновымъ и ольховымъ лѣсомъ берегахъ; быстрина рѣки по крайней мѣрѣ 15—20 верстѣ (въ часъ). Суна рѣка силавная: по ней проходитъ очень много лѣса. Иныя бревна, понавъ въ «падунъ» (водопадъ), выходятъ снова на свѣтъ цѣлыми, другія же разбиваются въ щепы; нѣкоторыя попадаютъ между камнями и образуютъ заломы. Для очищенія отъ «заломовъ» примѣняютъ

слѣдующій способъ: съ берега на берегъ протягиваютъ канатъ, по которому на блокъ ходитъ подвижная люлька; въ люльку садится рабочій и, вися на бездной, накидываетъ на застрявшія бревна петли, посредствомъ которыхъ вытягиваетъ ихъ на поверхность воды.

Къ часу пополудни, въ самый жаръ, путники остановились въ лѣсу, въ глубокомъ облакѣ водяной пыли, на краю спуска съ высокой горы. Подлѣ, гдѣ-то, изъ-за деревьевъ, ревѣлъ Кивачъ. Необходимо было спуститься къ Кивачу не въ экипажахъ, а пѣшкомъ, потому что иначе они лишились бы удовольствія видѣть, какъ мало-по-малу, влѣво, изъ-за густой листвы и стволовъ деревьевъ, сквозь прозрачныя полуденныя тѣни, залегавшія въ лѣсу, мѣстами пронизанныя яркими снопами лучей солнца, неслись однѣ за другими, сначала бѣлыми ключьями, а потомъ огромными, бѣшеными, бѣлыми массами, вихрившіяся стремнины Кивача.

Еще нѣсколько шаговъ, и лѣсъ отступилъ совсѣмъ, и свирѣпый «падунь» во всей своей дикой красѣ явился передъ путниками, влѣво отъ моста, перекинутого черезъ Суну. Моста этого ранѣе не было, и не было поэтому лучшаго вида на Кивачъ, съ разстоянія какихъ-нибудь ста сажень, прямо лицомъ къ лицу съ грознымъ водопадомъ, во всей совокупности богатаго пейзажа скалъ и лѣсовъ, обрамляющихъ его, съ большимъ павильономъ, поставленнымъ справа, и небольшою бесѣдкой съ лѣвой стороны. Подъ ногами зрителей уносились подъ мостъ истерзанныя пѣнившіяся струи воды, только что побывавшей въ водоворотѣ; множество столбиковъ бѣлой пѣны, которые по утрамъ и въ свѣжій ночи бывають очень характерны и высоки, точно плавающія башенки, двигались передъ глазами путешественниковъ съ замѣчательною быстротой, вальсируя по струямъ и группируясь самымъ фантастическимъ образомъ.

А влѣво, въ блескѣ полуденнаго солнца, выплелся самъ падунь, неумолкаемый, вѣчный, чудесный, точно бѣлый царь этой глухой, далекой мѣстности, изрекающей какіе-то невѣдомые, все покрывающіе своими звуками законы.

Чтобы подойти къ падуни вплотную, надо перейти Суну по мосту и взойти по деревяннымъ сходамъ, влѣво отъ моста, къ павильону, построенному въ 1858 году къ пріѣзду императора Александра II. Павильонъ возвышается почти надъ самымъ водопадомъ, чуть-чуть пониже главной стремнины его.

Вблизи Кивачъ страннѣе, величественнѣе своею семисаженною высотой, своими сердитыми, бѣлыми кудрями, но вы какъ-то не овладѣваете имъ, вы его не окидываете взглядомъ въ той несокрушимой рамѣ, которая ему назначена и которая такъ неподобна хороша при взглядѣ на него съ моста. Желтоватая вода Суны, точно ничего не предвидя, плавно, хотя и быстро подкатывается сверху къ водопаду; у самаго края его вы видите, какъ во всю ширину рѣки ее точно вздуваетъ; какъ бы слегка закипая, мощно изгибаясь, наливаясь широкою, круглою грудью, струи рѣки сразу падаютъ въ стремнину, въ острый уголъ, образуемый двумя главными утесами. Что происходитъ тамъ, между этихъ двухъ утесовъ, этого не описать. Всѣхъ глаголовъ русскаго языка, изображающихъ стукъ и дѣйствіе, не хватитъ для этого описанія. Между молотами и наковальнями всѣхъ силъ и величинъ дробится вода въ грозномъ падуни.

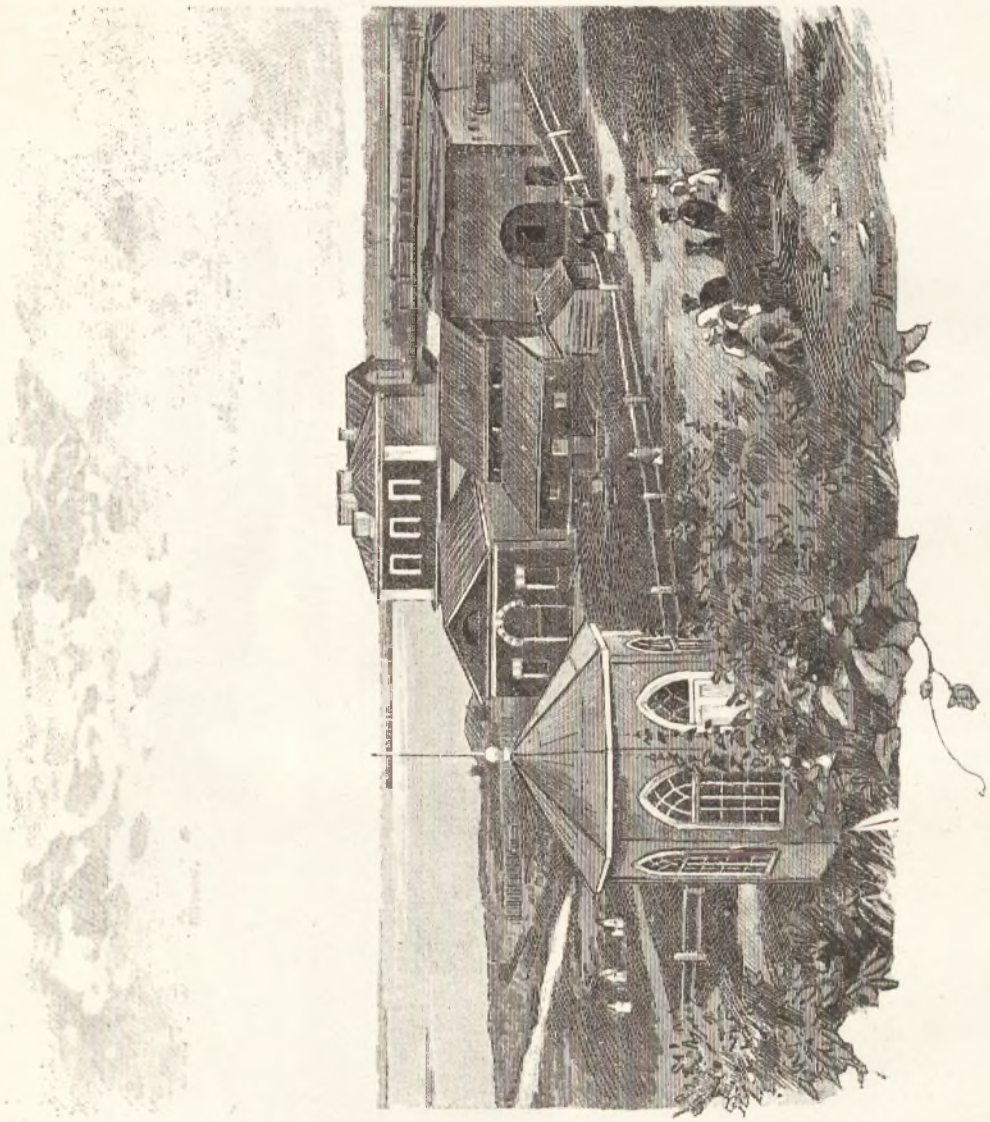

Водопадъ Кивачъ въ Олонецкой губ.

Съ аппарели профессора Боголюбова. Рис. И. А. Космакова, граф. Боярскій.

Домъ, гдѣ жилъ Г. Р. Державинъ, въ бытность олонцкимъ губернаторомъ, въ Петроаводскѣ (1784—1785 гг.).
Съ фотогр. Пискарскаго, граф. М. Раменскій,

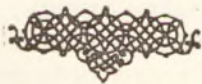
Коневскій заводъ.

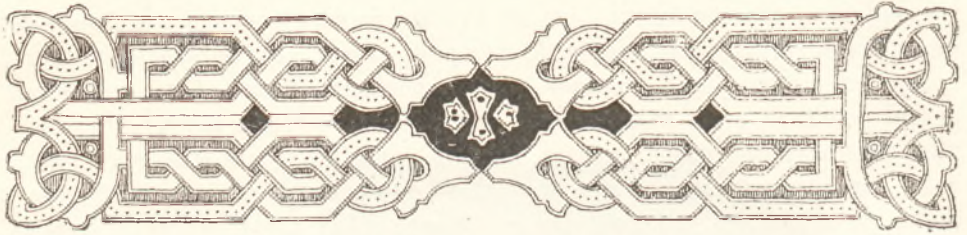
Лодка съ кукламъ, спущенная въ него, огромный плотъ съ зажженными на немъ грудями хвоя, десятки балоковъ—все это уходитъ въ него, поглощается. Говорятъ, что когда-то былъ такой смертный, который, попавъ въ водопадъ, увидѣлъ, пройдя его, свѣтъ Божій вторично. Трудно повѣрить. Должно быть, въ самомъ центрѣ водопада русло рѣки изрыто чрезвычайно глубоко, потому что огромныя пятисаженныя балки, попавъ въ него, пробывъ болѣе или менѣе долго подъ водой, выскакиваютъ изъ какихъ-то невѣдомыхъ глубинъ на $\frac{3}{4}$ своей длины, точно небольшіе карандашники. Отвести рѣку Суну человекъ можетъ, но узнать, чтѣ дѣлается въ холодномъ кипѣньи падуна—никогда!

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подлѣ Кивача находили много орудій каменнаго вѣка: топорики, молотки, такъ-называемыя «громовыя стрѣлы» изъ змѣвика, обсидиана и гранита; въ настоящее время, говорятъ, ихъ больше не находятъ. Каменный вѣкъ, какъ полагаютъ, окончился за 3.000 лѣтъ до насъ; чтѣ же это за люди жили здѣсь въ тѣ отдаленныя времена? Богатѣйшій въ мірѣ музей древностей каменнаго вѣка въ Стокгольмѣ изобилуетъ предметами того времени; но тамъ искали ихъ и находили; у насъ часто находятъ, не искавъ; ужъ нѣтъ ли здѣсь, подлѣ Кивача, чего-либо сходнаго съ найденными въ Даніи «Kjokkenmøddinge», со слѣдами прежней жизни, прежнихъ пришествъ?

Кивачъ, какъ извѣстно, послужилъ Державину, бывшему олонекимъ губернаторомъ, темою для знаменитаго стихотворенія его «Водопадъ». Особенной «алмазности» въ желтыхъ водахъ Суны нѣтъ, но это не мѣшаетъ красотѣ стихотворенія. Слѣдуетъ напомнить о томъ, что въ архивныхъ дѣлахъ Петрозаводска хранятся слѣды «пресмѣшнаго дѣла» о приводѣ медвѣдя въ присутствіе верхняго земскаго суда; казусная исторія эта осталась не безслѣдною и въ служебной карьерѣ самого Державина, бывшаго, какъ говорятъ, губернаторомъ не знаменитымъ. Кстати будетъ замѣтить, что въ Петрозаводскѣ сохраняется еще небольшой одноэтажный деревянный домъ, гдѣ жилъ Державинъ въ 1784—1785 гг., когда былъ олонекимъ губернаторомъ; онъ находится возлѣ зданія присутственныхъ мѣстъ. Академикъ Гротъ, осмотрѣвшій этотъ домъ въ 1863 г., нашелъ его пустымъ и перестроеннымъ.

На обратномъ пути отъ Кивача въ Петрозаводскъ путешественники присутствовали въ Кончезерскомъ заводѣ при выпускѣ изъ доменной печи чугуна. Выпущено было около 250 пудовъ; заводъ выплавляетъ ежегодно до 40.000 пудовъ, но могъ бы плавить и свыше 100.000. Недалеко отсюда находятся цѣлебныя желѣзныя воды. Дѣйствіе ихъ на себѣ, на «сердечной болѣзни», испыталъ крестьянинъ Рябоевъ; Петръ I далъ ему объѣдную грамоту, крестьяне звали его бояриномъ, потомки зовутся Бояриновыми. Открыты воды въ 1714 году. Петръ I считалъ ихъ цѣлебнѣе Спа и Пирмонта и пользовался ими въ 1719 году; здѣсь изданъ былъ манифестъ о первой народной переписи, регламентъ коммерцъ-коллегіи и назначены экспедиціи въ Сибирь, Хиву и Бухару.

Охота на Климецкомъ островѣ.

Охота въ Олонецкомъ краѣ. Мѣстные стрѣлки. Историческое и преданія. Облава. Отъездъ къ Вознесенью.

Охота и Олонецкій край, это понятія нераздѣльные. Лѣса Олонецкой губерніи обширнѣе лѣсной поверхности всей Франціи. По непрогляднымъ дебрямъ, трупцобамъ, разрѣженнымъ только по лядинамъ и вдоль сплавныхъ рѣкъ, между различныхъ хвойныхъ деревьевъ, березы, осины, ольхи, въ кустахъ шпильника, крушины и волчьего лыка, въ глубокихъ логовинахъ, по оврагамъ и болотамъ, въ цѣлыхъ поколѣніяхъ никѣмъ не подбираемыхъ вѣтвей и остатковъ сухоподстоя, звѣрю живется вольготно и хорошо. Главными являются тутъ медвѣдь, волкъ, лисица; есть барсуки, рысь и росомахи; очень рѣдокъ песецъ, такъ хорошо знакомый намъ по дамскимъ дорожкамъ ротондамъ. Всѣмъ хищникамъ есть пожива въ крестьянскомъ скотѣ. Медвѣдя зовутъ здѣсь «помѣщикомъ», овецъ—«волчьими просвирками».

Главное мѣсто въ промышленномъ отношеніи занимаетъ векша, бѣлка; по свѣдѣніямъ, за точность которыхъ, впрочемъ, ручаться нельзя, за десятилѣтнюю сложность, ея убивается около 150.000 штукъ ежегодно. На нее, какъ и на хлѣбъ, бываетъ урожай и неурожай; есть бѣлки «таборныя», остающіяся на мѣстѣ; есть «ходовыя», предпринимающія большія путешествія и не стѣсняющіяся при этомъ въ выборѣ пути: онѣ странствуютъ по крышамъ избъ и, по видимому, согласно увѣреніямъ мѣстныхъ жителей, переплывая озера на хвостинкахъ, дѣйствительно пользуются хвостами своими какъ парусами.

Много тутъ оленей, лосей, а птицъ видимо-невидимо. Какъ бѣлка въ числѣ грызуновъ, такъ рябчикъ между куриными занимаетъ первое мѣсто. Цѣна ему здѣсь пятнадцать копѣекъ; направляясь гужомъ въ Петербургъ зимой, онъ, какъ известно, доходитъ въ цѣнѣ до семидесяти и болѣе копѣекъ. Среднимъ числомъ, рябчиковъ добывается въ годъ до 100.000 штукъ. На долю ружья прихо-

дится мало, а все больше работают петлями, поножами, ловят ихъ въ кузовы или ступы.

Олончане, у которыхъ хлѣба дозрѣваютъ далеко не всегда, въ большинствѣ охотники, особенно въ Повѣнецкомъ уѣздѣ — чуть не всѣ поголовно. Между ними есть стрѣлки, бьющіе бѣлку въ глазъ, для того, чтобы не испортить шкурки. Но бьютъ они больше съ подставокъ, «вилановъ», чтобы не тратить даромъ пороха, да и ружья-то ихъ «стволь со Щукина, ложе съ Лыкина, замокъ съ Казани, курокъ съ Рязани, а забойникъ дядя съ полѣна сдѣлалъ». Такими ружьями стрѣлять страшно. Такъ какъ олончане предпочитаютъ стрѣлять съ подставокъ и на близкой дистанціи, то изъ нихъ, по отзывамъ военныхъ людей, стрѣлки выходятъ посредственные. Это не мѣшало однако тому, что въ 1812 году, когда 570 олонецкихъ стрѣлковъ составили дружину и имъ дали тирольскіе штуцера, на смотру императора Александра I, одинъ всадилъ пулю въ яблоко, другой пулю въ пулю, а третій расщепилъ ихъ пополамъ.

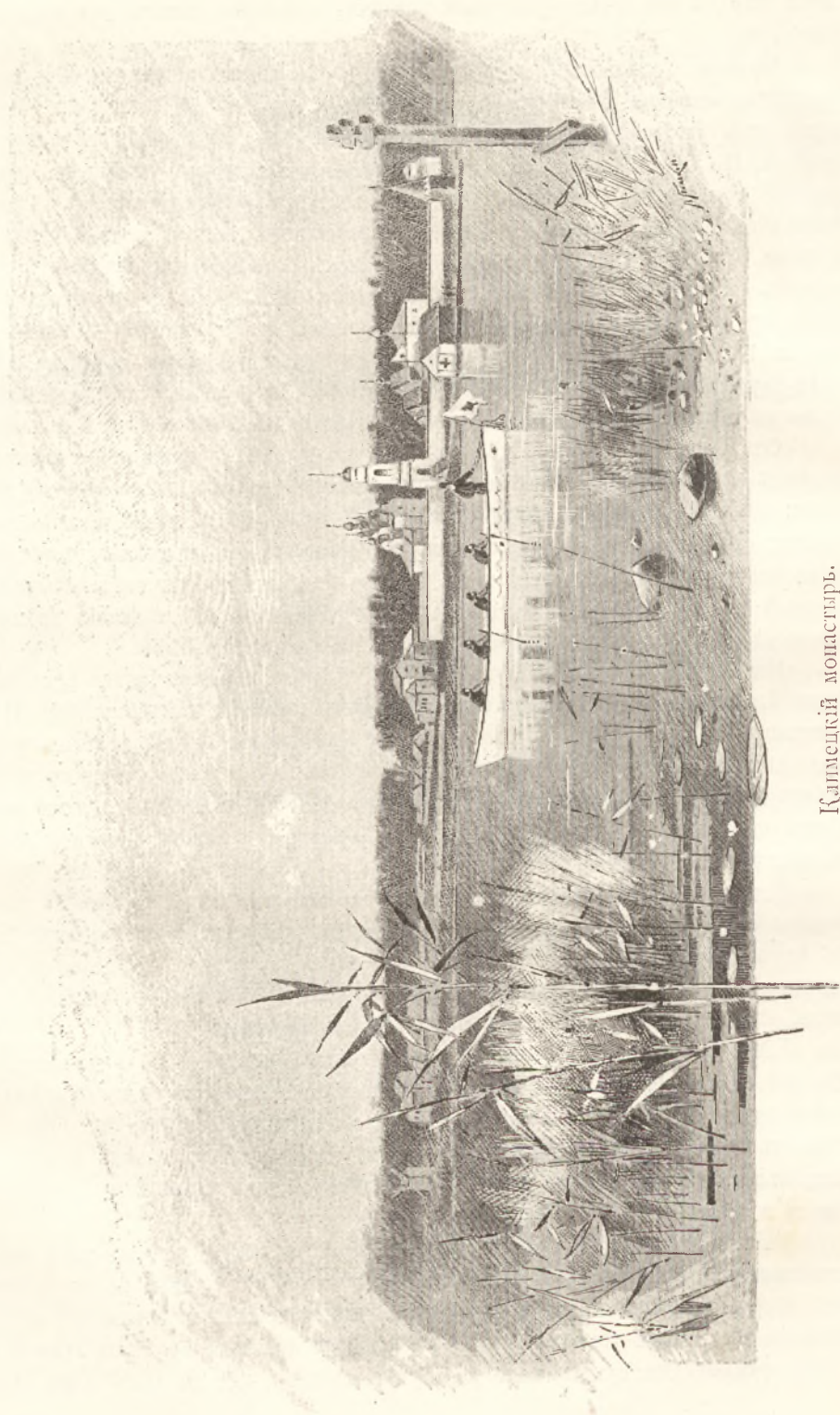
Относительно птицъ здѣсь есть все, что угодно; большинство водяныхъ зимуютъ въ болыняхъ, водохожахъ. По лѣсамъ попадаетъ множество избушекъ; это мѣста пристанищъ для охотниковъ: одинъ поставилъ, а десятки пользуются; ориентироваться охотники по корѣ деревьевъ; кто посмѣлѣе, тотъ отваживается и дальше отъ дома, и тогда вооружается компасомъ, такъ называемою «маткой»; подлѣ избушекъ на деревьяхъ устраиваются для храненія добычи и нищи «лавасы»; съ этихъ лавасовъ бьютъ на падалъ медвѣдей.

На Акснью полузимицу, говорятъ, медвѣдь переворачивается въ своей берлогѣ. Относительно медвѣдя есть тутъ одинъ разсказъ, напоминающій Пушкинскаго «Рыбака и рыбку». Вотъ онъ. Въ Кривомъ Поляѣ, Пудожскаго уѣзда, жилъ старикъ со старухой и она вела надъ мужемъ «большину»; старикъ началъ рубить дерево; оно взмолилось и исполнило два его желанія; третьимъ желаніемъ старухи было то, чтобы «всѣ ихъ боялись», и дерево обратило обоихъ въ медвѣдя и медвѣдицу; такъ они и гуляютъ до сихъ поръ и всѣ ихъ боятся.

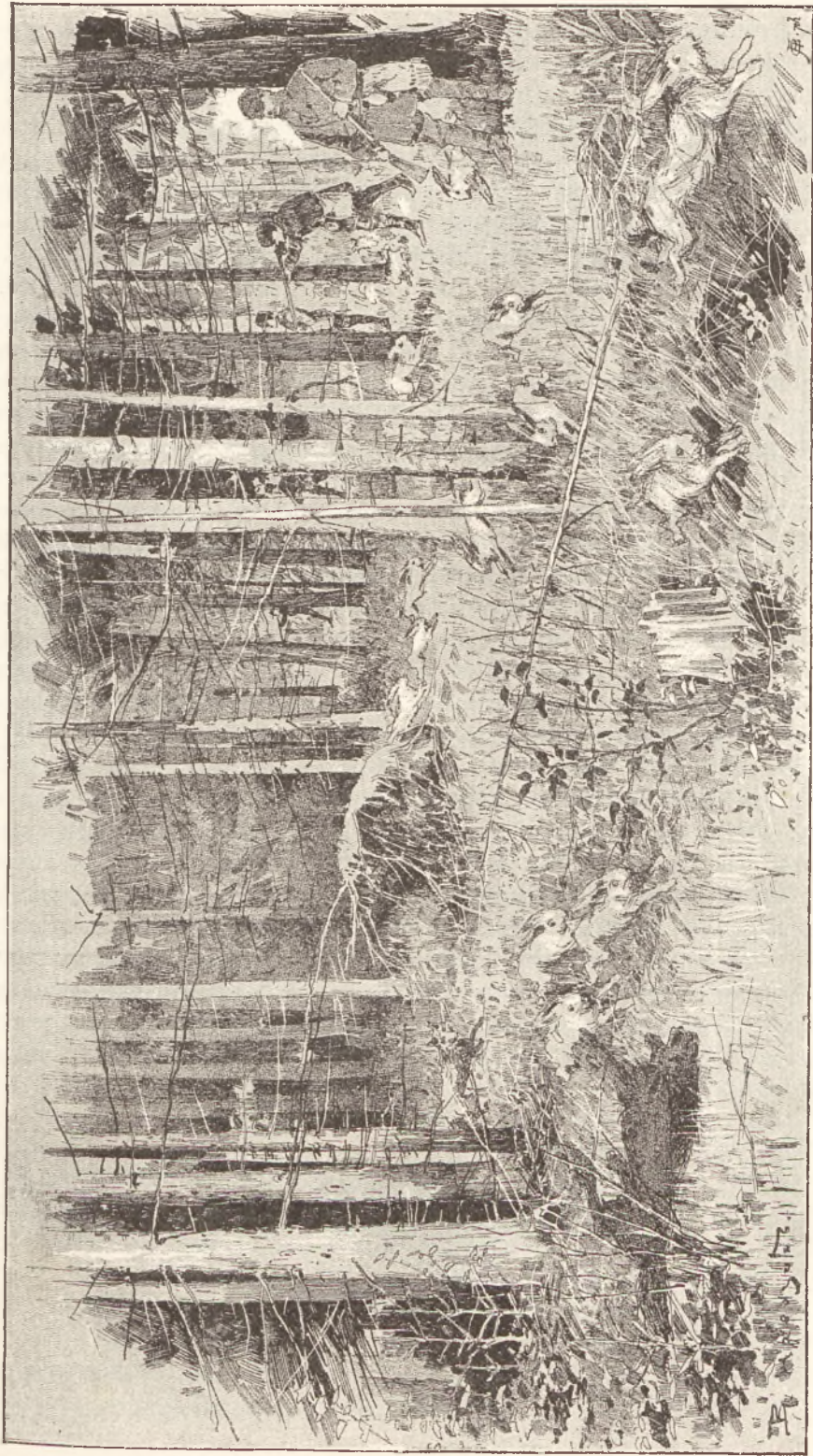
Есть и другой разсказъ, но уже не касающійся охоты, имѣющій значительное сходство съ Гоголевскимъ «Віемъ»: это объ Иванѣ купецкомъ сынѣ. Въ немъ имѣетъ мѣсто смерть одного изъ двухъ товарищей, чтеніе надъ нимъ молитвъ, поползновеніе мертваго съѣсть живого и просьба его открыть ему глаза, чтобы увидѣть. Дѣйствіе происходитъ на Грумантѣ.

Говоря объ олонецкой охотѣ, невозможно не вспомнить объ удивительной мѣстной собакѣ «лайкѣ», сильно смахивающей по внѣшности на волка и являющейся незамѣнимою при ея своеобразныхъ нападеніяхъ на медвѣдя. Она подлаиваетъ также глухарей и бѣлокъ, гонитъ оленя и лису; завидя птицу, собака занимаетъ ее своимъ лаемъ, а охотникъ, тѣмъ временемъ, подкрадывается и бьетъ.

Какъ ни борются мѣстные крестьяне противъ звѣря, онъ все-таки сильно хозяйничаетъ. Полезнѣе ружей являются тутъ всякіе капканы, пасти, кляпцы, ямы, огородки, иногда очень остроумные, тѣмъ не менѣе, на бѣдную Олонецкую губернію ежегодный убытокъ отъ звѣря ложится довольно крупною суммой въ 50.000 рублей. Эта сумма вовсе не шуточная тамъ, гдѣ до сихъ поръ суще-

Калужскій монастырь.

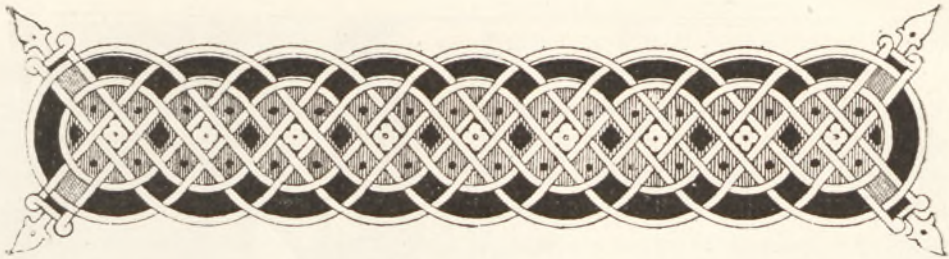
Волчья Смерть.

ствують берестяные сапоги, сбруя, домашняя утварь, любопытные образцы которых имѣются въ этнографическомъ музеѣ, находящемся въ домѣ губернатора и составленномъ по почину бывшаго начальника губерніи.

Климецкій островъ,—одно изъ самыхъ добычливыхъ мѣстъ для охоты ружьемъ; на юго-западной оконечности его находится небольшой монастырь; островъ имѣеть около тридцати верстъ длины, при значительно меньшей ширинѣ отъ 400 саж. до десяти верстъ; жителей на немъ 2.500 человѣкъ. Монастырь основанъ въ началѣ XVI вѣка сыномъ новгородскаго посадника, торговавшимъ блѣломорскою солью, постригшимся въ монахи и признаннымъ святымъ подъ именемъ Іоны Климецкаго. Онъ былъ выброшенъ бурей на «Луду», гдѣ и обрѣлъ на можжевеловомъ кустѣ св. икону. Въ 1865 году мѣстные крестьяне, выведенные изъ терпѣнія хищничествомъ волковъ, остающихся на островѣ по вскрытіи озера, рѣшили дѣлать ежегодныя облавы. На островѣ много сѣнокосовъ и много скота. Облава собирается обыкновенно на самомъ сѣверномъ краю острова, становится поперекъ его и гонитъ на югъ въ теченіе двухъ дней; къ концу этого времени люди подходятъ къ мѣсту, называемому Волчьей Смертью; это самое узкое мѣсто острова, — кажется, не болѣе полуверсты шириной. Звѣрь весь загнанъ на югъ, къ монастырю. Облава останавливается, загораживаетъ островъ во всю ширину изгородью, оставляя посреднѣ ея свободное мѣсто сажень во сто ширины, на которомъ въ три ряда разставляются сѣти. Исполнивъ это, крестьяне идутъ въ монастырь всею громадой помолиться и затѣмъ гонять звѣри обратно съ юга на сѣверъ, прямо въ сѣти. Говорять, что въ прежнее время въ сѣтяхъ убивали палками до пятидесяти волковъ.

День отъѣзда къ Вознесенію былъ прекрасный, теплый, тихій; на озерѣ стоялъ почти стиль. Вдали, на сѣверѣ, легкій туманъ заволакивалъ водяную равнину. Тамъ, на сѣверѣ, гдѣ сгущался туманъ, находится Палеостровскій монастырь, извѣстный самосожженіемъ 2.000 раскольниковъ. Еще выше, но по тому же направленію, процвѣтали когда-то Даниловскій и Лексинскій раскольниковы монастыри. Это теперь почти такой же мѣлъ, какъ и онежскій водяной царь, къ которому, какъ говорятъ легенда, ходитъ играть въ кости царь Кушмозера, въ тѣ дни, когда Кушмозеро отъ поры до времени высыхаетъ. Путь лежалъ на Вознесеень, къ истоку Свири. Около полудня легкій вѣтеръ зарябилъ дремавшую до того волну; четыре парохода шли одинъ за другимъ полнымъ ходомъ.

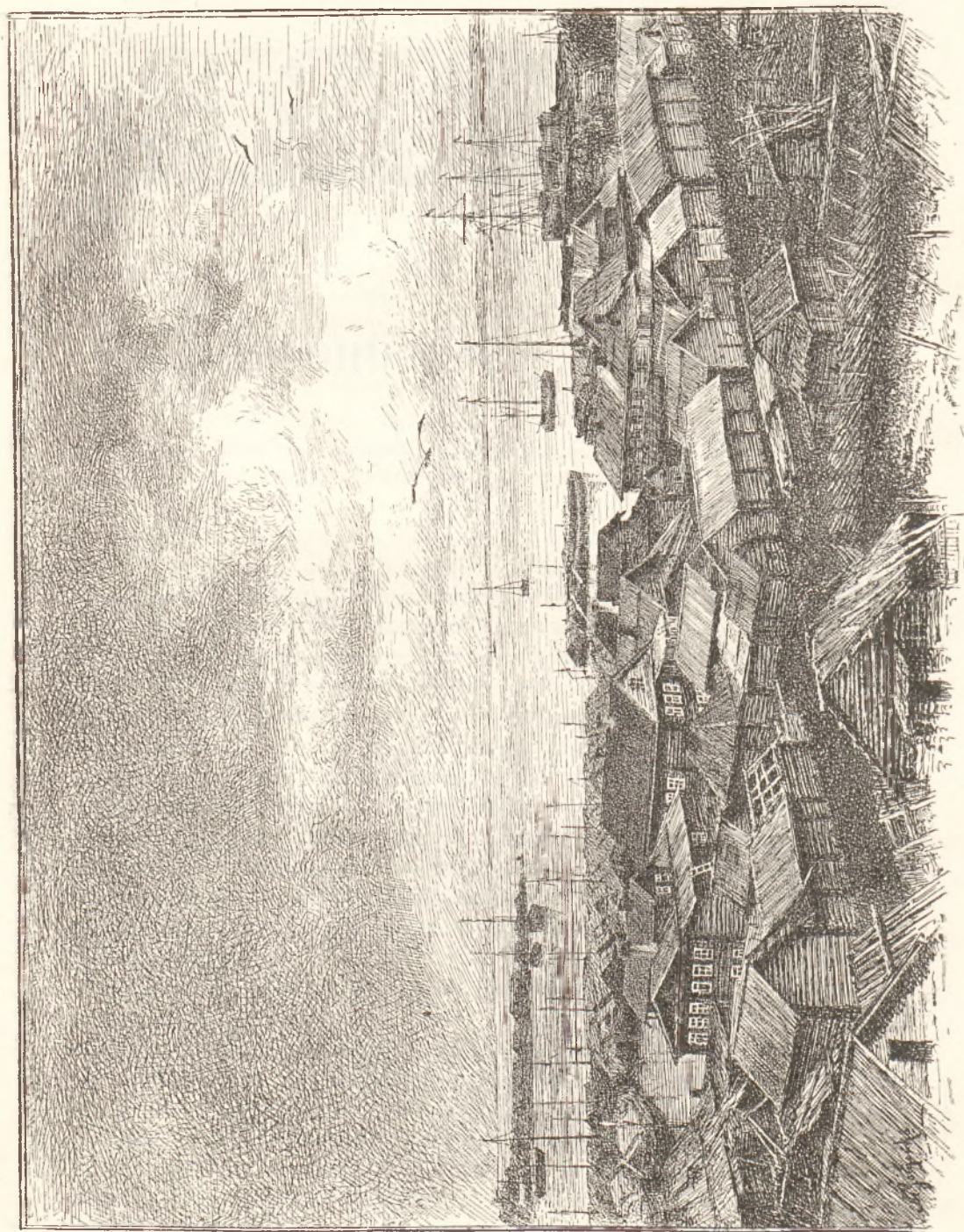
Вознесенье. Лодейное-Поле.

Значеніе Вознесенья для нашихъ водныхъ системъ. Характеръ р. Свири. Лоцмана. Историческое о 1812 годѣ. Лодейное-Поле, родина балтійскаго флота.

Вриблизительно около шести часовъ вечера, 16-го іюня, пароходъ подошелъ къ истоку Свири, къ Вознесенью. Собственно говоря, до вечера было далеко, потому что солнце стояло еще очень высоко и великая гладь лежавшаго позади Онежскаго озера, безмолвный, свѣтлый, голубой штиль и низменные берега, гдѣ песчаные, гдѣ поросшіе мелкимъ кустарникомъ, были залиты горячимъ свѣтомъ.

Подъ общимъ именемъ Вознесенья разумѣютъ какъ Вознесенскую слободу на правомъ берегу начинающейся тутъ Свири, такъ и Намойные-Пески, лежащія на лѣвомъ, южномъ берегу. Населеніе совершенно соотвѣтствуетъ послѣднему названію: оно тоже «намывается» сюда во время хода каравановъ. Постоянно новое, движущееся, пестрое, оно проскальзываетъ по пути къ Петербургу со всего неогляднаго бассейна Маринской системы. Больше чѣмъ на тридцать милліоновъ рублей проходитъ здѣсь всякаго добра, главнымъ образомъ хлѣба. Отъ Кавказа и Урала протягиваются сюда, къ этому узлу, нити изъ шестнадцати хлѣбороднѣйшихъ губерній, и какъ-то странно, невѣроятно видѣть въ такомъ важномъ путейскомъ пунктѣ такіе маленькіе деревянные дома, такую утлую обстановку. Съ устройствомъ Онежскаго обводнаго канала въ 1851 году, вся судоходная дѣятельность перешла изъ Вытегры въ Вознесенье. Есть тутъ три каменные церкви, телеграфная и спасательная станціи и Вознесенскій мореходный классъ, и почтовое отдѣленіе, и Вознесенское образцовое училище, и тѣмъ не менѣе это все-таки наша «деревянная» Россія. Чувствуется, что глубокая восьмимѣсячная зима покрываетъ это мѣсто неоглядными сугробами снѣга, и тогда отъ лѣтняго Вознесенья нѣтъ и помину.

Село Вознесенье, Истокъ Сирги.

Въ Вознесенѣ пожарная часть въ прекрасномъ порядкѣ. Хорошее устройство рѣчной пожарной части въ такомъ важномъ промышленномъ пунктѣ, гдѣ паузятъ сотни судовъ и до полусотни буксировъ, при небрежности присущей русскому человѣку вообще и пестротѣ проплывающаго народа въ частности,— вопросъ большой важности. Когда была произведена пожарная тревога, по данному свистку путейскій пароходъ, находящійся всегда подъ парами, двинулся по указанному направленію, буксируя паровую машину. Въ водѣ недостатка не было, и машина, выбрасывающая до шестисотъ ведеръ въ минуту, и брандспойтъ парохода, ее подтянувшего, не замедлили окатить огромными массами воды одну изъ барокъ, крытую деревянною кровлею. Брандспойтъ путейскаго парохода «Ледоколъ» выбрасывалъ до тысячи ведеръ въ минуту. Понятно, что въ-время захваченному огню трудно распространиться. Значительною помощью являются имѣющіеся налицо въ достаточномъ количествѣ казенные войлоки, очень различныхъ размѣровъ, назначенные для покрышки судовъ въ защиту отъ искръ. Оттаскиваніе загорѣвшагося судна не всегда можетъ удалиться, вслѣдствіе загроможденія и цѣлою сѣтн якорныхъ канатовъ и причаловъ сосѣднихъ судовъ; кромѣ того, именно канаты сгораютъ быстро, и напоръ судовъ, лишенныхъ якорей, на другія, ниже стоящія, при быстромъ теченіи Свири, можетъ причинить не меньшую бѣду, чѣмъ пламя; остается потопить судно, къ чему и прибѣгаютъ. Къ счастью, благодаря, конечно, предупредительнымъ мѣрамъ, въ Вознесенѣ крупныхъ случаевъ пожаровъ не бывало, а только-что упомянутая пожарная тревога была не только картинна, но и показала воочию силу противодѣйствія огню, если бы представилась надобность. Досталось отъ воды и баркѣ, и войлокамъ, и людямъ.

Свирь у самаго истока своего кажется рѣкою могучею, способною поспорить въ размѣрахъ съ Невою; но это только кажется, потому что она несетъ 85 кубическихъ сажень воды, тогда какъ Нева проноситъ ихъ вчетверо—340. Когда-то, но уже очень давно, Свирь была страшна своими порогами; теперь ихъ почти не существуетъ и обозначаются они только стремнинами; наиболѣе любопытный изъ пороговъ такъ-называемый Сѣдяха съ двумя рядами камней; самые сильныя—Сиговець и Медвѣдець; слабѣ ихъ—Пушпырыши и Собачья Дыра.

Лоцманъ, явившійся на пароходъ и не отходившій болѣе отъ руля, былъ однимъ изъ представителей «лоцманскаго общества». Лоцмана учреждены со времени Петра, поселившаго ихъ подлѣ Свири; при Екатеринѣ II они были освобождены отъ воинской повинности и этими правами пользуются до сихъ поръ; они приписаны къ станціямъ, поступаютъ сначала въ ученики, становятся лоцманами только при открывшейся вакансіи и получаютъ вознагражденіе по таксѣ; за проводъ парохода по Свири въ оба конца лоцманъ беретъ 50 руб., за большую барку въ конецъ—26 руб.; лоцманами завѣдуетъ выборный сотскій.

По мѣрѣ движенія парохода по Свири, наступала довольно свѣжая, туманная ночь, и у Пидмы пришлось остановиться. Съ близкаго берега слышались дергачи и коростели. Разсчитано было двинуться въ дальнѣйшій путь утромъ, такъ чтобы поспѣть въ Лодейное Поле къ обѣднѣ, въ воскресенье, 17-го іюня.

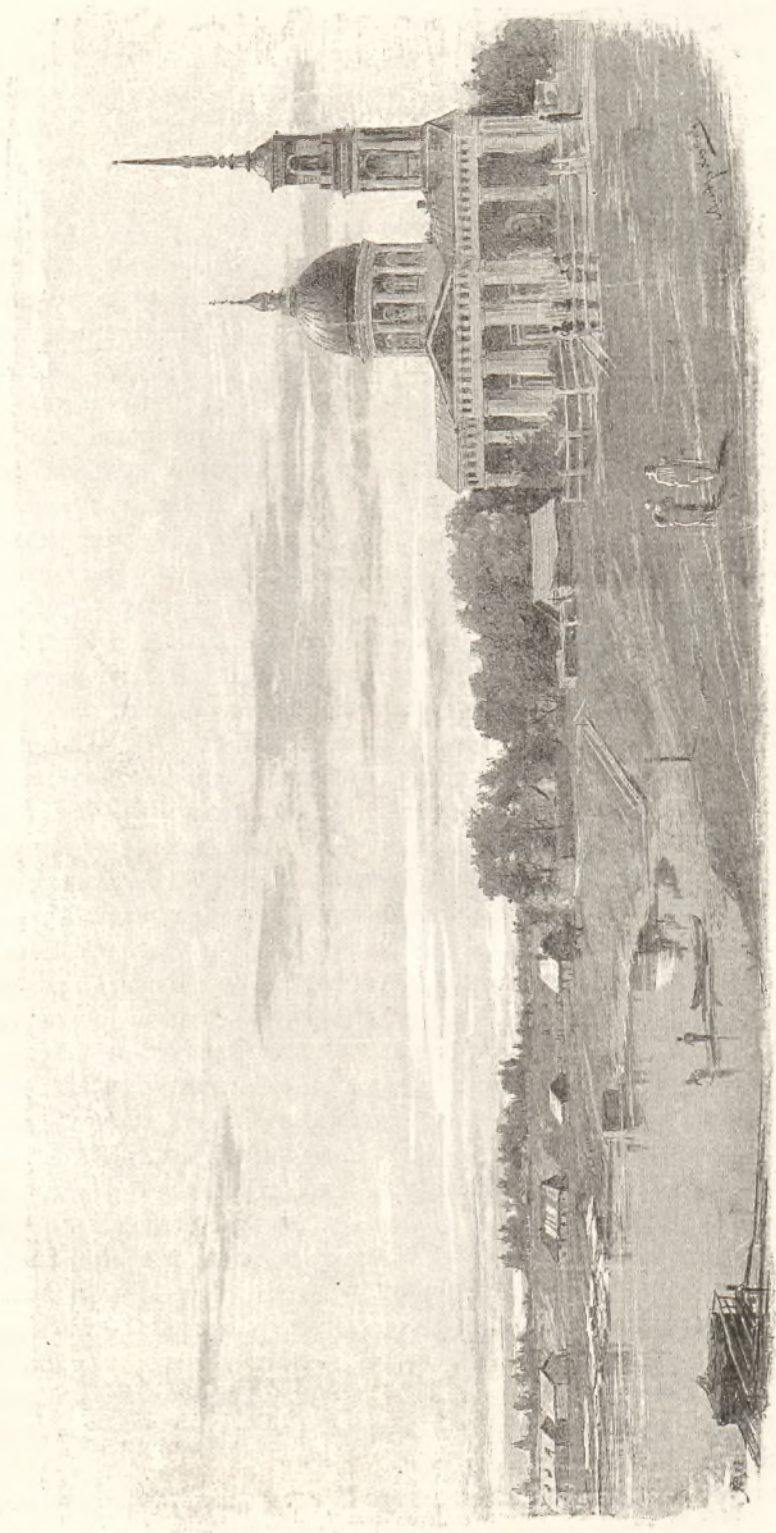

Рѣка Свирь, Селеніе Вадлы,

Къ воскресенью народонаселеніе Свири разрядилось особенно пестро и обрамляло почти сплошь оба берега. Взглянувъ на эти праздничныя одѣянія, слушая эти клики, нельзя было не вспомнить, что и надъ Свирью проходили тяжелыя минуты въ нашей исторической жизни. Правда, Свирь лежала всегда далеко въ сторонѣ отъ прогулокъ шведовъ; никакихъ крупныхъ сраженій тутъ не происходило; но когда, въ 1812 году, рѣшалась судьба Бородина и Москвы, и съ высоты престола обѣщано было не влагать меча въ ножны, доколѣ не останется ни одного врага въ отечествѣ, когда вовсе еще не было извѣстно, на Петербургъ или Москву пойдетъ Наполеонъ,—въ Олонецкую губернію были отправлены изъ Петербурга разныя сокровища. На 24 ластовыхъ судахъ прошли Свирью въ Вытегру вещи изъ Эрмитажа и Кабинета; въ Петрозаводскъ переведены были педагогическій институтъ и гимназія; въ Петрозаводскъ же на одномъ бригѣ, четырехъ доншкоутахъ и одной соймѣ отправлены были дѣла и вещи департамента народнаго просвѣщенія, медицинской академіи, академіи наукъ и публичной бібліотеки. Дальнѣйшія судьбы войны показали, что это было напрасно, но хорошо должно было быть впечатлѣніе, произведенное этими отправлениями на жителей тогдашняго рѣчного побережья? Это время давно минувшее; самыя имена судовъ, на которыхъ перевозъ совершался — бригъ, доншкоуть — устарѣли, но воспоминаніе объ этихъ тяжелыхъ дняхъ, пережитыхъ Россіею такъ доблестно, возникало само собою, какъ исторической контрастъ, при взглядѣ на наряженное населеніе Лодейнаго-Поля.

Лодейное-Поле раскинуто довольно высоко по лѣвому берегу Свири и стоящій вблизи соборъ окруженъ тѣнистыми деревьями; тутъ же, подлѣ, чугунный памятникъ, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ Петра Великаго. Памятникъ этотъ представляетъ пирамиду, съ двуглавымъ орломъ на верху; на самой пирамидѣ медальонъ Петра Великаго и надпись о его благодареніяхъ городу; сооруженъ въ 1820 году мѣстнымъ купцомъ Сафоновымъ. Ничто, ничто рѣшительно не напоминаетъ объ историческомъ значеніи Лодейнаго-Поля; жителей въ городкѣ съ небольшимъ только 1000 человекъ, каменныхъ домовъ три, деревянныхъ 153; но такъ какъ это уѣздный городъ, то въ немъ живутъ представители административныхъ учрежденій. Отъ истории осталось тутъ только одно—имя, происшедшее отъ слова: «ладья». Отсюда пошли въ Балтійское море первыя суда, построенныя Петромъ Великимъ; тутъ, слѣдовательно, на этомъ мѣстѣ, проблески мысли великаго монарха сосредоточивались на ладьяхъ, на простыхъ ладьяхъ, которымъ судьба была вырасти въ корабли и преобразить судьбы всего Сѣвера. Для тѣхъ, кто любитъ науку о языкѣ, кто вѣрится въ органическую силу слова и звука, переживающаго камни и желѣзо, имя Лодейное-Поле прекрасный образчикъ; съ 1702 года, когда тутъ поставлена была первая наша верфь, по настоящее время, меньше чѣмъ въ 200 лѣтъ, погибли всѣ слѣды, всѣ рѣшительно, кромѣ имени, — и имя это почтено. Въ память того, что въ Лодейномъ-Полѣ началось впервые строеніе судовъ русскими людьми, Петръ подарилъ городу штандартъ съ «перваго русскаго фрегата», вышедшаго изъ Лодейнопольской верфи.

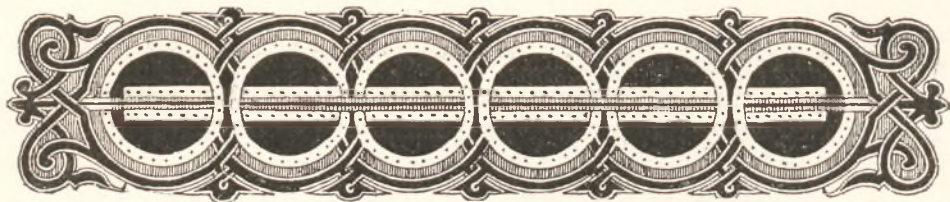
Выходъ парохода въ Ладожское озеро вызывалъ нѣкоторыя опасенія; зыбь

Лодейное-Поле.

поднималась довольно сильная и обуславливала качку. Судно направилось на юго-западъ, по пути къ Новой Ладогѣ, наперерѣзь угла озера, и шло, держась средины между двухъ, еле видѣвшихся, маяковъ. Справа надъ темной водою ярко бѣлѣлъ Торначекъ; влѣво, на берегу, маякъ Стороженскій.

Новая-Ладога. Шлиссельбургъ.

Новая-Ладога. Соборъ. Георгіевская церковь. Память Суворова. Шлиссельбургъ—древній Орѣньскъ. Центръ борьбы русскихъ и шведовъ. Историческое. Осада и взятіе Петромъ I. Осмотръ достопримѣчательностей. Ситценабивная мануфактура. Возвращеніе въ Петербургъ.

Въ вечеру зыбь на Ладожскомъ озерѣ все еще продолжалась, когда на низменномъ, южномъ берегу его, къ которому направлялся пароходъ и который возникалъ тоненькой темной полоской, обозначились бѣлыми точками, одна возлѣ другой, церкви Новой-Ладоги и Сяскихъ-Рядковъ. Между ними десять верстъ разстоянія, а онѣ казались такъ близки одна къ другой.

Къ девяти часамъ вечера пароходъ вошелъ въ рѣку Волховъ, и на пристань Новой-Ладоги, на лѣвый берегъ, брошены были причалы съ парохода. На берегу, какъ и вездѣ, множество народа. Весьма любопытенъ по своей архитектурѣ мѣстный соборъ. Чудотворная икона Св. Николая вѣлана почему-то въ наружную стѣну собора на очень значительной высотѣ, такъ что снизу ничего не видно; этому необыкновенному помѣщенію иконы должна быть своя историческая причина, разъясненіе которой весьма желательно. Въ самомъ храмѣ нѣсколько очень древнихъ иконъ XIV, XV и XVI столѣтій. По надписямъ на двухъ изъ нихъ видно, что онѣ сооружены въ первыхъ годахъ XVI вѣка. Церковь на этомъ мѣстѣ существуетъ съ незапамятныхъ временъ, такъ какъ объ урочищѣ Медвѣдкѣ, отъ котораго получилъ свое имя здѣсь стоявшій монастырь Медвѣдскій, упоминается въ договорныхъ грамотахъ очень рано. Это урочище Медвѣдка, которому теперь нѣтъ и слѣдовъ, было крайнимъ пунктомъ старинныхъ владѣній Новгородскихъ на востокъ.

Отъ собора путь лежалъ въ Георгіевскую церковь, во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, построенную въ 1764 году, полковимъ командиромъ Суздальскаго пѣхотнаго полка Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ. Это довольно любопытное совпаденіе имени Суворова съ именами древнѣйшихъ вождей русскихъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя путники посѣщали. Тамъ, въ Нов-

городской губерніи, село Кончанское и Синеусова столица на Вѣлоозерѣ, тутъ—церковь, построенная будущимъ генералиссимусомъ, и очень недалеко отъ нея, къ югу, только въ тринадцати верстахъ, Рюрикова крѣпость, подлѣ Старой-Ладogi. Въ церкви имѣется между прочимъ гипсовый бюстъ Суворова, поставленный вправо отъ входа, лицомъ къ алтарю. Сходства нѣтъ рѣшительно никакого; изображенъ не тотъ, всѣмъ намъ знакомый, характерный, почтенный, сухощавый обликъ предводителя екатерининскихъ орловъ, рѣзавшаго «правду-матку», а лицо какого-то чрезвычайно довольнаго собою, сытаго, откормленнаго, офранцузеннаго вельможи! Новая-Ладога—городъ купеческій, изобилующій каменными постройками; тутъ выходъ судовъ изъ системъ Вышневолоцкой и Тихвинской, тутъ большая дорога свирскихъ, сяськихъ и ладожскихъ каналовъ.

Быль поздній часъ вечера, когда пороходъ снова двинулся въ открытое озеро, для слѣдованія въ Шлиссельбургъ. Влѣво отъ парохода, на яркомъ красно-желтомъ, искрившемся фонѣ долгаго заката вырисовывались острия, высокія профили собора и церкви Св. Климента, шили ихъ колоколенъ и куполочки. Мотивъ подобной окраски неба не разъ бывалъ схваченъ нашими художниками Мещерскимъ, Лагоріо и другими и относится къ числу лучшихъ въ нашей сѣверной природѣ, въ нашихъ бѣлыхъ лѣтнихъ ночахъ. Плаваніе по Ладожскому озеру было удачно; вѣтеръ стихъ и качки не было. По словамъ лоцмана, въ іюнѣ вода бываетъ «мягкая», вѣтеръ скользитъ по ней и мутить не можетъ.

Около восьми часовъ утра судно приблизилось къ Шлиссельбургу, послѣднему исторически-важному пункту въ кончавшемся первомъ путешествіи. Идя на створъ маяковъ, оно подошло очень близко къ сѣверу-западному берегу озера, покружась достаточно между вѣхами, обозначающими ломанный фарватеръ. Шлиссельбургская крѣпость съ ея древними башнями и стѣнами на островѣ, часовенка влѣво съ чудотворною иконой, стоящая у входа въ каналы, навильонъ надъ реликвіями, оставшимися послѣ Петра I, городъ съ его церквами, а въ глубинѣ знаменитая Преображенская гора и зданіе ситценабивной мануфактуры обрисовывались одни за другими. Набережная, пристань, суда, стоявшія на рейдѣ, все это нестрѣло народомъ.

Здѣсь, у древняго Орѣшка, путники стояли снова на такой же древней почвѣ, какъ въ Боровичахъ и Устюжнѣ. Уже въ XI вѣкѣ Ижора, Вотъ, Ямъ и Кореля принадлежали Великому Новгороду, подъ именемъ Вотской пятинны. Исторія гласитъ, что всякій новгородецъ дѣлался владѣльцемъ земли, взятой имъ съ оружіемъ въ рукахъ или купленной; позже частныя владѣнія перешли къ Великому Новгороду. Уже въ 1164 году шведы нанали на мѣстныхъ финновъ, что и послужило первою причиною столкновенія ихъ съ русскими, и столкновенія эти продолжались—легко сказать—пятьсотъ-пятьдесятъ-семь лѣтъ!

Орѣшекъ—Нотеборгъ по-шведски—повторяется въ сказаніяхъ лѣтописныхъ съ 1323 года, когда новгородцы заложили здѣсь деревянную крѣпость, при первыхъ нападѣніяхъ шведовъ на корельскія волости съ явнымъ намѣреніемъ утвердиться на Невѣ. Значеніе Невы для своихъ торговыхъ оборотовъ хорошо понимали граждане древняго Новгорода и употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, чтобы не допустить шведовъ укрѣпиться на Невѣ. Съ 1300 г.

шведы предпринимают однако систематическій рядъ походовъ какъ изъ Выборга, основаннаго въ 1293 г., такъ и изъ западной Финляндіи и прямо изъ Швеціи, съ очень значительными силами, для овладѣнія Невомъ. Невскій бой на Ижорѣ, 15-го іюля 1240 г., былъ началомъ этой упорной борьбы ихъ съ русскими; основаніе Ландскроны, 1300 г., было вторымъ дѣйствіемъ ясно опредѣлившимся предпріятія, а укрѣпленіе, поставленное новгородцами на Орѣховомъ островкѣ, съ цѣлью запереть прорывъ шведовъ въ Ладожское озеро, служить доказательствомъ сознанія новгородцами того, что если входа въ Неву съ моря, при своихъ тогдашнихъ средствахъ, они запретить не могутъ, то могутъ сдѣлать—и сдѣлали—иное. Въ тѣ дни держать войско постоянное еще не было въ обычаѣ ни у кого, кромѣ монгольскаго хана; оставалось одно—укрѣпляться.

Осенью, въ 1323 г., на новгородское укрѣпленіе Корелу (Кексгольмъ по-шведски) шведы напали безъ объявленія войны, тайкомъ, но не могли взять его. Въ отместку за это князь Юрій Даниловичъ съ новгородцами, въ 1323 г., предпринялъ походъ къ Выборгу. Русскіе поставили 6 батарей, по тогдашнему «пороковъ», построенныхъ «порочными мастерами», и вооружили ихъ таранами; пушекъ и пороха въ тѣ дни не было; разбить массивныя стѣны они не могли, но перебили изъ луковъ множество народа, во многихъ бояхъ и схваткахъ осады, продолжавшейся цѣлый мѣсяць. Возвращаясь отъ невзятаго Выборга, князь Юрій построилъ на островкѣ, поросшемъ орѣшникомъ, въ истоки Невы изъ Ладожскаго озера, небольшое деревянное укрѣпленіе, назвавъ его Орѣховымъ, по мѣстности. Не успѣли еще отойти отсюда новгородскія силы, какъ прибыли послы шведскіе просить мира, и онъ былъ заключенъ въ только-что построенной крѣпостцѣ на основаніи прежнихъ трактатовъ. Спустя десять лѣтъ, новгородцы посадили въ Орѣховомъ острогѣ правителемъ окрестныхъ волостей и защитникомъ Невской стороны литовскаго князя Нариманта Гедиминовича, а въ 1338 году пришлось имъ сосредоточить значительныя силы, когда явившіеся въ Неву шведы чуть не овладѣли острогомъ на островѣ и сдѣлали набѣгъ на Ладогу. Въ 1347 г. явился въ Неву шведскій король Магнусъ и овладѣлъ, 1-го августа, Орѣховомъ. Но новгородцы осадили въ немъ шведовъ и взяли крѣпость приступомъ 25-го февраля 1348 г. Въ 1350 г. къ крѣпости еще разъ подходили шведы, и новгородцы, прогнавъ ихъ, въ 1352 году заложили прочныя каменныя башни и соединили ихъ стѣною. Благословить сооруженіе и помогать строить пріѣзжалъ архіепископъ Василій. Крѣпкія стѣны защищали до 1610 года, когда, въ лихолѣтье, понавъ въ шведскія руки, Орѣшекъ оставался во владѣніи ихъ девяносто-два года.

Въ 1702 году воздвиглась, для того чтобы никогда уже не погаснуть въ воспоминаніи народномъ, чудесная картина взятія Орѣшка Петромъ Великимъ. Вотъ что произошло.

Петръ 1, пройдя дебрями олонецкими и протащивъ по суху на 200-т-верстномъ разстояніи два фрегата, явился со своими гвардейцами въ Ладогу въ сентябрѣ, откуда и двинулъ силы къ Орѣшку. Осада началась съ южнаго берега, позже—съ обонхъ береговъ.

Крупная фигура царя-бомбардира такъ и рисуется подлѣ почтеннаго

облика фельдмаршала Шереметева, начальствующаго надъ осаждающими городъ войсками. Войска эти молодыя, войска эти воодушевленные, и какой бомбардиръ подлѣ нихъ! Который день однако длилась осада; стѣны и башни Орѣшка, освященные архіепископомъ Василюемъ, оказывались совсѣмъ крѣпкими, гарнизонъ стоекъ и опытенъ, и Шлиппенбахъ, имъ начальствовавшій, тоже не промахъ. Тратилась наша боевая сила, порохъ и чугунная казна, а со стороны Невы, открытой шведамъ, то и дѣло прибывали къ нимъ и припасы, и подкрѣпленія.

Тогда возникаетъ въ Петрѣ I исключительно смѣлая мысль переташить свои ладьи изъ Ладожскаго озера въ Неву и отрѣзать шведовъ. Какъ въ былое, далекое время славяне перетаскивались, при звукахъ трубъ и пѣсень, различными волоками по сѣвернымъ дебрямъ, такъ потянулись и теперь наши Петровскія ладьи сухимъ путемъ, по южному берегу Невы къ Преображенской горѣ; не легка была эта работа, но не легко было и крѣпостному гарнизону. На третій день осады, гласить журналъ осады, когда все въ крѣпости, что могло горѣть, горѣло, жена коменданта выслала просить Петра I дозволить выйти изъ крѣпости многочисленнымъ женамъ осажденныхъ. Бомбардиръ отвѣчалъ, что фельдмаршалъ не пожелаетъ, конечно, опечаливать храбрыхъ шведовъ разлукой съ ихъ женами, и что онъ ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы онѣ оставили крѣпость съ мужьями вмѣстѣ.

Когда бомбы пробили брешь въ башнѣ, Петръ I рѣшилъ взять крѣпость штурмомъ. Полѣзли гвардейцы. Штурмовыя лѣстницы не доходили однако до верха, пришлось навязывать на нихъ прибавки стремянокъ. Шведы оборонялись цѣлый день, и только къ вечеру проникъ въ крѣпость съ Семеновскимъ полкомъ князь Михайлъ Михайловичъ Голицынъ; когда Государь, уже не надѣясь на достиженіе цѣли, видя большую потерю людей, приказалъ было остановить приступъ, — «скажи Государю», отвѣтилъ князь Голицынъ посланному, «что я не его, а Божій теперь слуга», и вмѣсто отбоя удвоилъ усилія и овладѣлъ окровавленными твердынями. Приступъ длился 35 часовъ!

По сходѣ съ парохода на берегъ, путники прошли въ павильонъ, въ которомъ хранятся: ботикъ Петра Великаго, небольшой, плотный, удачно сопротивляющійся усиліямъ времени разрушить его; два знамени ладожскаго баталіона, лопаты Петра Великаго и Анны Иоанновны и катеръ императора Александра II.

Переѣздъ въ крѣпость былъ совершенъ на катерѣ. Путники вошли въ крѣпость сквозь Государевы ворота и направились прямо въ церковь, гдѣ отстояли молебенъ и разсматривали многія древнія вещи, между прочимъ великолѣпное Евангеліе съ рисунками, потребованное сюда Петромъ I изъ придворной кремлевской церкви, въ которую положено оно было отъ царя Алексѣя Михайловича.

Могучія стѣны крѣпости были перестроены въ XVIII вѣкѣ и, конечно, не даютъ права относить ту или другую часть ихъ, особенно верхи, къ первоначальному сооруженію. Шлиссельбургъ, какъ извѣстно, служилъ мѣстомъ заоченія многихъ важныхъ лицъ: князя Дмитрія Голицына, члена верховнаго совѣта при императрицѣ Аннѣ, князя Василія Долгорукаго, гене-

раль-фельдмаршала той же императрицы, герцога Бирона, просидѣвшаго здѣсь одинъ годъ, до ссылки его въ Пелымъ, въ 1741 году. Здѣсь же печально окончили дни свои, въ 1764 году, Іоаннъ Антоновичъ Ульрихъ. Есть основаніе полагать, что помѣщеніе, въ которомъ онъ сидѣлъ, не уничтожено, но только задѣлано; оно находится въ Свѣтичной башнѣ, второй отъ сѣвернаго угла крѣпости, между Угловою и Государевыми воротами.

По возвращеніи изъ крѣпости, была посѣщена часовня, стоящая у входа въ каналъ, съ чудотворною иконою Казанской Божіей Матери, найденною въ стѣнѣ шлиссельбургскаго крѣпостнаго собора. Время написанія иконы неизвѣстно; можетъ быть, она отъ времени Іоанна Грознаго. Замурована она была въ стѣну въ то время, когда шведы готовились занять страну. Этой иконѣ обязательно молится весь многочисленный народъ, прибывающій въ Неву съ водныхъ системъ всей Россіи. Поблизости находится Преображенская гора. На этой самой горѣ, во время осады, была разбита палатка императора Петра Великаго и шатры Преображенскаго полка; отсюда названіе горы.

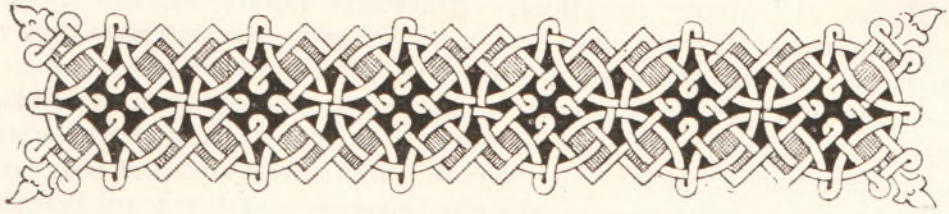
Въ довершеніе осмотра достопримѣчательностей въ Шлиссельбургѣ предстояло посѣтить находящуюся на Екатерининскомъ островѣ ситценабивную мануфактуру Губбартъ и К^о. Островъ этотъ былъ подаренъ императрицей Екатериной II иностранцамъ Сириціусу и Лиману для устройства фабрики. Въ то время на немъ стоялъ домъ, въ которомъ иногда останавливался Петръ Великій, при выѣздахъ своихъ для осмотра работъ каналовъ. Въ этомъ же домѣ, уничтоженномъ за ветхостью, бывала и Екатерина II и, вѣроятно, Елизавета Петровна. Объ одномъ изъ посѣщеній Екатериною II, въ 1784 году, свидѣтельствуешь имѣющаяся на стѣнѣ надпись.

Еще въ 1720 г. существовала въ Шлиссельбургѣ суконная фабрика, преобразованная позже въ ситценабивную. Отъ первыхъ владѣльцевъ фабрика перешла къ Битенажу, затѣмъ къ Адаму, но только съ 1864 г. дѣла ея пошли блестящимъ образомъ, со времени утвержденія товарищества и перехода къ нынѣшнимъ владѣльцамъ. Мануфактура почти всецѣло принадлежитъ семейству Губбартъ, имѣющему дѣла въ Россіи съ конца прошлаго столѣтія. Глава семейства Джонъ Губбартъ, членъ государственнаго совѣта Англіи, членъ парламента отъ Лондона, состоитъ директоромъ государственнаго банка Англіи. Мануфактура производитъ до 600.000 кусковъ ситца, коленкора и платковъ, стоимостью до 3¹/₄ милліоновъ рублей; на ней дѣйствуютъ одиннадцать печатныхъ машинъ; рабочихъ пятьсотъ человекъ. Городу Шлиссельбургу мануфактура служитъ большимъ подспорьемъ, что и было публично засвидѣтельствовано представителями города, при постановкѣ въ соборѣ колокола, пожертвованнаго мануфактурой.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВТОРОЕ.

(1885 г.).

Очеркъ пути.

Перечень и характеристика того, что предстояло посѣтить въ 1885 году.

Въ теченіе мая и іюня 1885 года предстояло посѣтить губерніи: Архангельскую и части Олоонецкой, Новгородской, Псковской, Тверской, Ярославской и Вологодской. Затѣмъ, въ концѣ августа, — Илжній-Новгородъ, съ его ярмаркой, и на обратномъ пути, — древне-престольный Владиміръ и его глубокознаменательныя святыни.

Въ первомъ путешествіи сдѣлано было 2.000 верстъ; вторая поѣздка заняла гораздо болѣе времени, причѣмъ сдѣлано 6.200 верстъ. Ранѣе посѣщены были такія, лежащая въ сторонѣ отъ большихъ путей, мѣста, какъ Боровичи, Устюжна, Кирилловъ, Бѣлозерскъ, Вытегра; теперь предстояли такія же забытыя путины на Холмъ, Новоржевъ, Демянскъ и еще болѣе пустынный дебри отъ Сумскаго посада на Бѣломъ морѣ до Повѣнца, и оттуда на лежащей совершенно въ сторонѣ Пудожъ. Кромѣ этихъ сухопутныхъ объѣздовъ, путешественники изъ Соловецкаго монастыря плыли Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, осмотрѣли Мурманскій берегъ вплоть до Колы и далѣе до Норвежской границы и посѣтили прибрежные города Бѣлаго моря: Кемь, Онегу и Мезень.

Вотъ маршрутъ по городамъ, отмѣтити который на картѣ очень любопытно: Островъ, Новоржевъ, Холмъ, Демянскъ, Валдай, Вышній-Волочекъ, Бѣжецкъ, Рыбинскъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ярославль, Ростовъ Великій, Вологда, Тотыма, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ, Холмогоры, Архангельскъ, Соловки, Кемь, Кола, Онега, Мезень, Сумской Посадъ, Повѣнецъ, Пудожъ, Лодейное-Поле, Шлиссельбургъ. Разнообразіе впечатлѣній, которыя ожидали путниковъ, сказывается вполне наглядно въ этомъ простомъ, но довольно длинномъ и очень пестромъ перечнѣ. Если прибавить къ этому перечню мѣста, посѣщенныя въ прошломъ году, то это будетъ дѣйствительно «По сѣверу Россіи».

Въ 1884 году путешествіе совершилось по древнимъ стогнамъ Новгорода

и Пскова, по пепелищу древнѣйшихъ славянскихъ народностей, мимо Рюриковой крѣпости, Ольгиныхъ погостовъ и Синеусова кургана, гдѣ жила весь и мера; въ 1885 году посѣщены тѣ страны, гдѣ жила чудь и финны,—страны, которыя назывались въ Новгородѣ и на Москвѣ «Заволочьемъ». Въ этихъ мѣстахъ сидѣли и правили вполне самостоятельно новгородскіе и враждовавшіе съ ними мѣстные двинскіе бояре; тутъ не было никогда крѣпостного права, зато безсовѣстно хозяйничала новгородская вольница, ушкуйники, эти Василии Буслаевы нашей народной пѣсни, «не вѣрившіе ни въ сонъ, ни въ чохъ». На судьбахъ Заволочья яснѣе чѣмъ гдѣ-нибудь видно, съ какимъ умѣньемъ, съ какою послѣдовательностью Москва, собирательница Земли Русской, сумѣла наконецъ оттѣснить могущественное новгородское вліяніе и сѣсть на мѣсто Новгорода сама.

Въ титулахъ Русскаго Царя значатся имена земель Обдорской, Угорской и Кандійской. Путешествіе коснулось если не самыхъ земель, составляющихъ въ настоящее время не болѣе, какъ три стана съ тремя становыми, то прошло вдоль и подлѣ тѣхъ пунктовъ, гдѣ купцы этихъ исчезнувшихъ странъ, со своими соболями и серебромъ, кречетами и желѣзомъ, какъ напримѣръ въ Лампожнѣ, сходились съ купцами новгородскими. Путь пролегалъ по древней Біарміи, по тѣмъ именно мѣстамъ въ сосѣдствѣ нынѣшней Пермской земли, гдѣ, по Геродоту, жили таинственные гиперборей, гдѣ и Тацитъ, и нашъ Несторъ, и византійскіе и норвежскіе источники гласятъ о таинственныхъ чародѣяхъ и хранителяхъ кладовъ. Хвастливые новгородцы говорили, что они бывали дальше: они видѣли рай земной!

Если въ 1884 году путешественники видѣли Маріинскую систему съ Шексной, Ковжей и Вытегрой, то въ 1885 году имъ удалось видѣть не менѣе любопытное—часть Волги и все теченіе Сухоны и Сѣверной Двины, изъ которыхъ послѣдняя, какъ рѣка государственнаго, а не только мѣстнаго значенія, въ недалекомъ будущемъ, съ проведеніемъ желѣзнодорожной линіи, будетъ играть несравненно большую роль, чѣмъ прежде, и оживить весь дремлющій Сѣверь.

Путь коснулся такихъ важныхъ центровъ древняго зодчества, какъ Ярославль и Ростовъ Великій, изъ «Затвора» котораго вышла и завершилась дѣятельность просвѣтителя Пермской земли, Стефана Пермскаго, создателя зырянской азбуки, сумѣвшаго побѣдить волхва Пама и ходившаго по языческимъ весямъ, «обухомъ въ лобъ бѣяше идоловъ и сокрушаше имъ носы». Въ этомъ же Ростовѣ составлялъ свои духовныя, мелодичныя пѣсни святитель Димитрій, отошедшій въ вѣчность, ставъ на молитву и «согрѣвшись сердцемъ», при слушаніи хора пѣвчихъ, исполнявшихъ эти пѣсни. Здѣсь же выработался главнымъ образомъ нашъ родной самостоятельный архитектурный стиль, извѣстный подъ именемъ московскаго, или, если хотите, суздальскаго.

За день до прибытія въ Холмогоры путники посѣтили обитель Сійскую, гдѣ томился долгіе годы преслѣдуемый Годуновымъ Филаретъ Никитичъ, впоследствии патриархъ московскій, отецъ славнаго царя Мпхаила Феодоровича, безъ сомнѣнія одна изъ самыхъ выдающихся личностей нашей исторіи; до заточенія, говоритъ Костомаровъ, былъ онъ самымъ виднымъ щеголемъ въ

Москвѣ; можно представить себѣ, что вытерпѣлъ онъ въ заточеніи, подъ надзоромъ годуновскихъ соглядатаевъ!

На-половинѣ пути встрѣтились имъ сперва Холмогоры, а затѣмъ Архангельскъ. Холмогоры были богатымъ торговымъ и административнымъ городомъ Сѣвера, когда Москва еще не существовала. Тутъ былъ когда-то духовный центръ чуди и высылось капище Юмалы и его изображеніе. Но дни Холмогоръ были сочтены: случай разбиваетъ англійское судно въ половинѣ XVI вѣка близъ устья Двины; возникшая съ иностранцами торговля не довольствуется болѣе Холмогорами, лежащими во 112 верстахъ отъ моря; ей нужно море, ей нуженъ прибрежный городъ, — возникаетъ Архангельскъ. Столѣтье спустя Петръ Великій даетъ Архангельску значеніе первенствующее, создаетъ свою собственную торговлю съ заграницей, подъ фирмой купца Соловьева, самъ торгуетъ, устриваетъ верфи, флотъ, но затѣмъ государственное соображеніе говоритъ ему, что возникшему Петербургу мѣшаетъ Архангельскъ, и онъ самъ, своею царственною рукою, останавливаетъ развитіе этого своего дѣтища.

Судьбы Архангельска послѣ Петра были чрезвычайно переменчивы; его временные расцвѣты, его славная служба русскому флоту кораблями, на верфяхъ его построенными, какъ на примѣръ «Азовомъ»; характерныя личности нашихъ самоучекъ-строителей этихъ флотовъ: Курочкина, Ершова, Загуляева, — все это очень живыя и любопытныя страницы не только нашего Сѣвера, но и вообще исторіи Россіи. Правда, это было давно, это было въ тѣ дни, когда матросы, встрѣчая начальство, кричали не «ура!» а какое-то непостижимое, намъ непонятное: «гузе! гузе!» Слѣдъ этого замолкнувшаго клика имѣется въ нашихъ старыхъ морскихъ уставахъ.

Въ вѣчно подвижныхъ устьяхъ Двины, сносящей и созидающей острова, въ ряду другихъ воспоминаній, навстрѣчу путникамъ вырисовалась колоссальная фигура нашего крѣпыша-помора Ломоносова, со всѣми его заслугами и удивительными пререканіями съ академическими Винцгеймами и Трускотами.

Въ 1884 году была посѣщена святыня Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; въ 1885 году путешественники объѣхали нѣсколько монастырей и между ними ставропигіальный Соловецкій — красивую, окруженную темнымъ моремъ твердыню нашего Сѣвера, имѣющую свой флотъ, свои мастерскія, свои школы, доки, не разъ отстаивавшую грудь своихъ монаховъ сѣверное побережье отъ всякихъ враговъ, отваживавшихся нападать на насъ отъ странъ полуночныхъ. Если въ Ростовѣ Великомъ мелодично гудѣли знаменитые своею музыкальностью соборные колокола, въ Соловкахъ подалъ свой голосъ колоколь «Благовѣстникъ», звучащій только въ великія торжества. Колоколь пожертвованъ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ II, и отлитъ изъ мѣдныхъ украшеній, служившихъ въ печальной церемоніи похоронъ императора Николая I. Съ именемъ Соловковъ связаны два крупныя историческія имени. Келарь Тропико-Сергіевой Лавры Авраамій Палицынъ, одинъ изъ великихъ, заслуженныхъ дѣятелей Россіи въ годину лихолѣтія, покоится въ Соловкахъ, въ оградѣ монастырской; еще болѣе славно имя московскаго митрополита Филиппа, вызваннаго отсюда Иоанномъ Грознымъ на митрополию, говорившаго

царю страшную правду, замученнаго имъ и удушеннаго Машутой Скуратовымъ. Весьма любопытно было вспомнить, хотя вкратцѣ, знаменитую исторію соловецкаго раскольниковъ мятежа; царское войско стояло предъ оградой его въ теченіе семи лѣтъ, и взять онъ былъ только хитростью въ 1677 году; павшіе за это время вонны почиваютъ невдали отъ главнаго храма. Могилу ихъ посѣщаютъ многіе.

Путники видѣли Мурманскій берегъ съ его типичною самостоятельною жизнью поморовъ, съ его удивительными, иногда невѣроятными ловлями акуль, китовъ, семги, трески, сельдей, палтусовъ и бѣлуги. Эти дрожація отъ вѣчныхъ прибоевъ волнъ морскихъ скалы, глубокіе заливы, порожистыя рѣки, эти страны безъ дорогъ и земледѣлія, гдѣ лѣтомъ ѣздятъ на саняхъ, а дебри полны звѣря и птицы, все это представлялось глазамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ свѣтѣ незаходящаго солнца, во всемъ угрюмомъ величіи, Богъ вѣсть какихъ градусовъ сѣверной широты. Двухмѣсячный мракъ покрываетъ эту страну зимой. Они доѣзжали до самой Колы и дальше до губы Ары. Кола упоминается въ новгородскихъ лѣтописяхъ очень рано, и въ настоящее время она менѣе велика, чѣмъ была въ тѣ далекіе годы, когда въ ней существовала крѣпость, вооруженная пушками. Они видѣли нашихъ поморовъ за работой въ океанѣ; между ними есть смѣльчаки удивительные, ныряющіе вглубь среди многосаженныхъ пороговъ сѣверныхъ рѣкъ, люди, предъ которыми должны блѣднѣть пловцы, показывающіе себя за деньги. Можетъ быть, думалось путникамъ, живъ еще тотъ Михаилъ Никитичъ и его жена, которые въ 1850 году вдвоемъ ходили на своемъ карбасикѣ на Новую Землю. Они ошиблись: даже имена этихъ смѣльчаковъ позабыты мѣстнымъ населеніемъ.

Обратный путь отъ Сумскаго посада у Бѣлаго моря, на Повѣнецъ, шелъ тѣми мѣстами, гдѣ пролегла такъ-называемая «государева дорога», по которой Петръ I совершилъ свой Нюхалкій походъ. Она не заросла до сихъ поръ, означаясь сваями и мостовинами: она не зарастетъ никогда въ народной памяти. Съ 4.000 преображенцевъ, съ помощью согнаннаго отовсюду народа, Петръ I пробивался сквозь дебри и болота, двигая за собою на катышахъ два морскіе фрегата, поднятые съ Бѣлаго моря. Это удалось Петру: фрегаты были спущены въ Онежское озеро; судьбы рѣки Невы и возникновеніе Петербурга были рѣшены.

Хотя—и въ этомъ нѣтъ сомнѣнія—для удобства путешествія сдѣлано было все возможное, но путешественникамъ, тѣмъ не менѣе, предстояли очень трудные переѣзды и такія дороги, которыя ни къ какой рѣшительно починкѣ не годны. Ледовитое море тоже не отличается привѣтливостью: его штормы и холода, испытанные отчасти въ пути, неожиданны, и шуба, какъ оказалось, даже лѣтомъ является предметомъ первой необходимости.

Породъ Островъ.

Историческое. Легенды. Храмъ Святого Николая. Торговля льномъ.

же пятьсотъ лѣтъ тому назадъ въ нынѣшнемъ Островѣ, близъ самаго собора, на островкѣ, омываемомъ порожиною рѣкой Великою, стояла крѣпость. Развалины ея высятся и до сихъ поръ; между ними бѣдется древняя церковь Святого Николая, а подлѣ, на шоссе, переброшены всякіе мосты черезъ оба рукава Великоя. Это мѣсто очень красиво въ сочетаніи сѣрыхъ развалинъ и убѣгающихъ въ даль холмовъ надъ быстрыми, пѣнящимися струями рѣки, носящей свое имя «Великая» самозванно, если вспомнить хотя бы и не Волгу, а многія другія рѣки поменьше послѣдней.

Извѣстно, что древній Псковъ, богатый и людной, окружилъ себя когда-то цѣлымъ кольцомъ пригородовъ для защиты отъ враговъ; противъ нѣмцевъ на западѣ имѣлъ онъ: Изборскъ, Гдовъ, Кобылій; отъ Литвы на югѣ: Опочку, Велье, Островъ, Вороничъ, Красный, Вышгородъ; въ защиту отъ любезнаго старшаго брата своего, Великаго Новгорода, съ сѣвера поставилъ онъ: Дубки, Вревъ, Котельный, Выборъ, Володимірець.

Первое упоминанье объ Островѣ имѣется у псковскаго лѣтописца въ 1341 году, когда происходила битва псковичей съ нѣмцами, длившаяся отъ восхода солнца до полудня; битва эта была повидимому не кровопролитная, потому что псковичи потеряли всего только семь челоуѣкъ и двухъ полководцевъ; помогли имъ въ этой битвѣ островичи; значитъ уже Островъ существовалъ. Какъ охранный пригородъ, Островъ относился къ самымъ важнымъ; это доказываютъ остатки стѣнъ и башенъ. Длина стѣнъ крѣпости 90 сажень. Стѣны имѣли до 4 сажень вышины, башни — 6; башенъ было числомъ пять, теперь можно указать только на три. Когда были онѣ возведены—неизвѣстно, какъ неизвѣстно и возникновеніе самаго города. Внутри крѣпости разведены теперь маршики и огороды.

Въ одной изъ башенъ, говорятъ, были скрыты богатства. Одинъ смѣльчакъ, кунеческій сынъ съ товарищами, въ Иванову ночь пошли было на поиски; изъ двери подвала въ нихъ пахнуло пламенемъ; двое перебѣжали по

лавамъ черезъ рѣку, но третій, перебѣгая, увидаль двухъ огромныхъ черныхъ собакъ, пльвшихъ за нимъ; перебѣжавъ, бросилъ онъ съ испуга на колокольню, поднялъ полуночный трезвонъ, сошелъ съ ума и умеръ. Другая легенда гласить, что во второй башнѣ живеть заклятая царевна съ кошечкой, выходящею разъ въ годъ на рѣку пить воду. Одинъ удалецъ пытался освободить узницу, но остановленъ кошкою, бросившеюся на него.

Пригороды служили псковичамъ не только защитой отъ враговъ, но въ нихъ они спасались отъ междоусобій. У Острова былъ свой посадникъ, свое вѣче, свое войско и стягъ, а съ 1463 года имѣлся, вѣроятно, и намѣстникъ. Въ 1426 году островичи бились въ ближнихъ лѣсахъ съ татарами. Въ 1501 году Островъ нѣмцы «выжгоша сентября 8 день, а душъ 4.000 скончалоса; овы сгорѣша, а инья истопша, овы мечю предаша, а инья въ плѣнъ, наши же воеводы стояли въ трехъ верстахъ отъ города неподвижно». Такъ гласить лѣтописецъ, что, по сравненію съ хладнокровіемъ битвы 1341 года, свидѣтельствуеть не особенно лестно о воинскихъ доблестяхъ псковичей. Псковъ, какъ извѣстно, кончилъ свое самостоятельное существованіе въ 1510 году; вѣроятно одновременно съ нимъ подчинился Москвѣ и Островъ. Въ 1581 году былъ онъ взятъ Стефаномъ Баторіемъ. Какъ мѣтко стрѣляли въ то время противники съ обѣихъ сторонъ, видно изъ того, что въ одинъ изъ дней осады поляки заплатились всего только «двумя рядовыми и очень хорошею лошадыю», а польскіе выстрѣлы то и дѣло попадали только въ верхи башень. Занявъ городъ, Стефанъ Батерій взялъ въ плѣнъ 1.500 рядовыхъ, 100 боярскихъ дѣтей, 200 стрѣльцовъ, 5 орудій, много ручницъ и ружей, и пороховой казны; послѣднее было полякамъ очень кстати; въ довершеніе горя, когда островичи вышли изъ замка, польскіе люди ограбили ихъ и оставили въ однѣхъ рубахахъ; это было, несомнѣнно, противъ договора.

Въ 1582 году Островъ возвращенъ Россіи по принадлежности. Особенно доходной статьи для казны онъ никогда не составлялъ, такъ какъ, напри- мѣръ, въ 1667 году, съ посада, лавокъ, огородовъ, рыбныхъ ловель и позжеи поступило всего 29 рублей и столько же съ таможенныхъ и мытныхъ сборовъ.

Въ 1708 году, при Петрѣ I, Островъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, и тѣмъ не менѣе, по отзыву новгородскаго губернатора Сиверса, въ 1767 году «замокъ представлялъ изъ себя груду мусора, соборъ — часовню, домъ воеводы—хижину;» въ немъ считалось 120 гражданъ, 120 разночинцевъ и 150 домовъ. Въ 1771 году количество народа уменьшилось вслѣдствіе язвы на людей. Въ 1812 году, по пути къ Двинску имѣли въ немъ ночлегъ императоръ Александръ I и цесаревичъ Константинъ. По поводу этого проѣзда совершилось нѣчто невѣроятное: содержатель почтъ генераль-маіоръ Беклешевъ въ дачѣ излишнихъ лошадей, какъ необязательной по контракту, отказалъ; понятно, что онъ былъ «вразумленъ» надлежащимъ образомъ. Въ 1848 году, въ сентябрѣ, проѣздомъ изъ-за границы имѣли здѣсь ночлегъ императоръ Николай I, государыня, наслѣдникъ цесаревичъ и великая княжна Ольга Николаевна.

Насколько неизвѣстно начало возникновенія города Острова, настолько же невыяснено и время сооруженія мѣстнаго храма Святого Николая, построен-

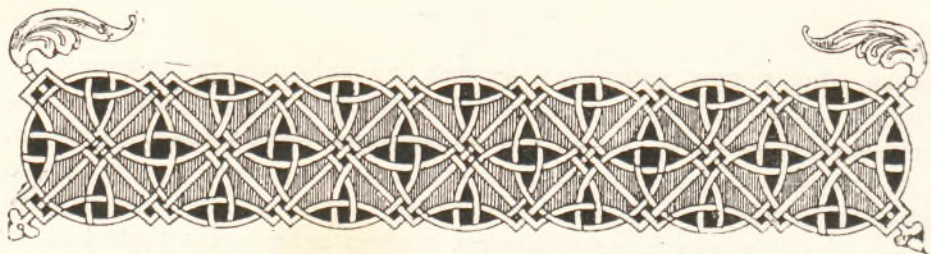
ваго по общему типу псковскихъ церквей, но имѣющаго ту замѣчательную особенность, что онъ обращенъ лицевою стороною на сѣверь. По однимъ источникамъ храмъ построенъ въ 1372 году, по другимъ — въ 1542; куполь его «вслѣдствіе необходимыхъ исправленій принялъ совершенно другой видъ». Замѣчательно полуразрушенное украшеніе на шейкѣ купола снаружи; оно состоитъ изъ связанныхъ непрерывнымъ поясомъ пятиглавыхъ храмиковъ съ образами; между ними колоколенки; весь поясъ какъ бы сложенъ изъ цѣлаго ряда створцевъ; многіе изъ нихъ незамѣтны: они или забѣлены, или стерлись. Внутри храмъ очень малъ; онъ двупридѣльный, и одинъ изъ нихъ несомнѣнно позднѣйшей пристройки; массивные два столба служатъ центральной опорой; своды и арки надъ алтаремъ въ особенности грузны и узки, и образуютъ самыя оригинальныя пересѣченія. Въ толстыхъ, неразрушимыхъ стѣнахъ имѣются темныя помѣщенія, высоко надъ землею, служившія, вѣроятно, для храненія цѣнностей и казны. Раскопки, произведенныя въ крѣпости въ 1872 году, дали только кусочки желѣзнаго плака, дѣтскую сломанную желѣзную вилочку, много древеснаго угля и человѣческія кости. Такъ безслѣдно исчезло довольно яркое былое этого древняго, позабытаго уголка.

Въ церкви мѣстнаго тюремнаго замка тоже имѣется древность: икона Архистратига Михаила, находившаяся прежде въ воеводской канцеляріи, а потомъ въ полицейскомъ управленіи. Она пользуется большимъ почетомъ: ее носятъ къ больнымъ по домамъ, и въ случаѣ предстоящаго выздоровленія больного, икона эта — такъ утверждаютъ — на обратномъ пути своимъ значительно облегчаетъ; если она становится тяжелѣе, человѣкъ умретъ. Архистратигъ написанъ чрезвычайно юнымъ, сидящимъ на скачущемъ конѣ. Серебряная риза иконы очень массивна.

Островъ, до проведенія желѣзной дороги, имѣлъ значеніе какъ пунктъ соединенія варшавскаго и новобѣлорусскаго шоссе. Главное занятіе жителей была изстари льняная трепля. Торговыхъ конторъ, сбывающихъ ленъ, въ настоящее время 13, изъ нихъ пять иностранныхъ; оборота въ годъ на полтора милліона пудовъ, около шести милліоновъ рублей. Сообщаютъ, будто за десятину подъ ленъ даютъ нерѣдко до 100 рублей; при девятипольномъ хозяйствѣ земля будто-бы не истощается.

Ровно въ два часа путники были уже въ экипажахъ по пути въ Новоржевъ къ Святымъ Горамъ. По шоссе ѣхали они только двѣ станціи, до Новгородки; отсюда предстояло свернуть на грунтовую дорогу и сдѣлать 22 версты до Святогорскаго монастыря.

Святогорскій монастырь.

Его исторія. Ярмарка. Походъ иконы. Могила Пушкина. Панихида надъ нею. Воспоминанія о Пушкинѣ. Письмо его къ Чаадаеву. Ночлеги въ селѣ Михайловскомъ.

Въ Новгородѣ, какъ сказано, путники оставили шоссе. Только 2-го іюня, то есть послѣ семидневнаго путешествія на лошадахъ, они снова приблизятся къ желѣзной дорогѣ; нѣтъ сомнѣнія, что подобные длинные переѣзды по почтовымъ и проселочнымъ путямъ, въ наши дни, въ Европейской Россіи,—большая рѣдкость.

Часамъ къ шести вечера, поверхъ густой зелени поросшихъ лѣсомъ холмовъ, показались куполь и колокольня Святогорскаго монастыря, гдѣ похороненъ Пушкинъ. До монастыря оставалось еще восемь верстъ. Они сдѣлали 22 версты въ полтора часа; въ распутицу пришлось бы проѣхать семь часовъ. Нашъ поэтъ, какъ извѣстно, родился 26-го мая 1799 года, и путники поклонились его праху въ самый день его рожденія.

Святогорскій монастырь, находящійся въ 108 верстахъ отъ Пскова, возникъ только во второй половинѣ XVI вѣка, на, такъ называемыхъ, Синичьихъ горахъ, и извѣстенъ всей Россіи потому, что пріютилъ останки Пушкина. Въ 1547 году Тимоѳею юродивый имѣлъ тутъ видѣніе иконы Пречистой Богородицы, и неизвѣстно откуда шедшій голосъ призывалъ его на это же самое мѣсто по прошествіи шести лѣтъ. Юродивый дѣйствительно явился и увидѣлъ другую икону Одигитрии. Объ этомъ пошла молва, появились странники и страннички; псковскій намѣстникъ князь Токмаковъ донесъ государю, присланы были слѣдователи и повелѣно было построить монастырь. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбахъ монастыря нѣтъ; въ 1780 году онъ истребленъ пожаромъ. Соборная церковь Успенія поставлена, вѣроятно, въ XVII столѣтіи. Монастырская ограда имѣетъ до 400 сажень длины. Статьями монастырскаго дохода являются двѣ мѣстныя ярмарки. Ежегодно изъ монастыря совершается крестный ходъ.

Святогорскій монастырь.

Крестъ на могилѣ Пушкина до постановки памятника.

Икона поднимается, какъ здѣсь привыкли говорить, «въ походъ» въ первое воскресенье послѣ девятой пятницы; ее несутъ во весь путь на рукахъ, но прежде это было картиннѣе: ее несли только до рѣки Сороти; по ней и по рѣкѣ Великой она слѣдовала на судахъ до Выбутскихъ пороговъ, затѣмъ ее поднимали снова на руки и шествовали на Спасо-Мирожскій монастырь, въ Псковъ.

Путники прибыли въ монастырь къ началу «похода» иконы. Обычная, многолюдная на этотъ разъ ярмарка была на псходѣ; тысячи народа, расположившагося по крутымъ скатамъ святогорскихъ холмовъ, обильно поросшихъ листовою высокихъ деревьевъ, вдоль крышъ и крылецъ лежащей у подножья монастыря слободы Тоболенецъ, ожидали начала торжества; колокола гудѣли неумолчно. Готовая къ походу, обставленная блестящими хоругвями, стояла на носилкахъ икона Одигитріи и предъ нею, въ полномъ облаченіи, окруженный монахами, архимандритъ Николай. Яркое солнце горѣло на золотѣ иконы и ризахъ духовенства. Прослушавъ краткое привѣтственное слово, приложившись къ иконѣ и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, путники, по обычаю народному, прошли подъ нею и направились въ монастырь.

Подъемъ по лѣстницѣ къ церкви крутъ и высокъ; онъ идетъ все время подъ навѣсомъ и, такъ-сказать, направляетъ идущаго прямо въ церковь. Отслушавъ молебенъ, они посѣтили могилу Пушкина, находящуюся снаружи церкви со стороны алтаря, подлѣ самой кручи монастырскаго холма. Съ одной стороны ея — три абсиды церковныя, съ другой — три высокія липы, и широкою кругомъ и далеко внизу — одинъ изъ типичнѣйшихъ и красивѣйшихъ сельскихъ видовъ нашихъ. Панихида по рабѣ Божию Александрѣ, пропѣтая всѣмъ соборомъ, въ присутствіи многихъ тысячъ непокрытыхъ головъ людскихъ, въ самый день рожденія безсмертнаго поэта, была величественна.

Пушкинъ, какъ извѣстно, за годъ до своей смерти приготовилъ себѣ могилу въ монастырѣ. Когда-то заказывалъ онъ въ этомъ монастырѣ обѣдню и панихиду по бояринѣ Георгіи—это значило по лордѣ Байронѣ! Инокамъ, конечно, и въ умъ не приходило, что они молятся за упокой души человѣка, не особенно-то ихъ долюбиваваго; но тотъ, кто объяснить себѣ эту панихиду кощунствомъ со стороны Пушкина, будетъ далекъ отъ истины. Пушкинъ несомнѣнно искренно молился, какъ молился искренно и Байронъ, потому что въ концѣ-концовъ человѣку безъ молитвы все-таки жить нельзя.

Дѣлать какую-либо характеристику Пушкина въ путевомъ очеркѣ не имѣло бы значенія. Основательные труды новѣйшихъ изслѣдователей хорошо извѣстны; всѣмъ еще болѣе извѣстенъ Пушкинъ самъ. Но нельзя было не вспомнить, присутствуя при только-что описанной панихидѣ, одного чрезвычайно характернаго письма Пушкина, замѣченнаго читающею публикой менѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Оно было писано къ П. Я. Чаадаеву въ 1836 году по поводу его «Философскихъ Писемъ» и помѣщено въ 1884 году въ «Русскомъ Архивѣ». Письмо это—пароль и лозунгъ, оставленные Пушкинымъ русскому человѣку.

«Вы говорите», пишетъ между прочимъ Пушкинъ, «что мы, то-есть русскіе, черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была до-

стойна презрѣнія и презираема, и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился іудеемъ, и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе дивно?.. Русское духовенство... никогда не оскверняло себя мерзостями панства». «Что же касается нашего историческаго ничтожества», говоритъ Пушкинъ, «я положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удѣльныя войны, вѣдь это та же жизнь кипучей отваги и безцѣльной, и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость всѣхъ народовъ. Вторженіе татаръ есть печальное и великое зрѣлище. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству (къ русскому, конечно, единству), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Ипатьевскомъ монастырѣ, какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ—цѣлая всемірная исторія? А Екатерина II, помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ насъ въ Парижъ и (положа руку на сердце) развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи, чего-то такого, что должно поразить будущаго историка?.. Клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, какъ намъ Богъ послалъ».

У насъ много людей, которые не захотятъ понять, что могло быть «величественнаго» въ положеніи Россіи въ 1836 году, при Николаѣ I, и почему именно могло оно показаться таковымъ Пушкину. Но выписки, только-что сдѣланныя, это такіе перлы въ славѣ Пушкина, которыхъ именно недоставало для уразумѣнія въ немъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ ясныхъ сторонъ. Человѣкъ, написавшій это письмо, несомнѣнно сталъ человѣкомъ чужимъ для многихъ несогласныхъ съ нимъ людей, но зато онъ передался всею силою своего великаго генія, своего горячаго сердца подавляющему большинству людей великорусскаго пошиба, того пошиба, который сдѣлалъ и сдѣлаетъ всю нашу исторію.

Письмо относится, по времени написанія, къ 1836 году, къ періоду полной зрѣлости нашего поэта, къ періоду, наставшему для него со времени прибытія его изъ Бессарабіи въ деревню Михайловскую. Но не одно Михайловское, а также и сосѣднее съ нимъ Тригорское, съ милымъ семействомъ Осиповыхъ, посѣщенія Языкова и Дельвига, и эта неподобная няня Арина Родионовна, и природа, и народъ, все это вмѣстѣ взятое, вотъ что подняло и утвердило духъ нашего поэта. «Деревня поставила его на ноги,—говоритъ новѣйшій изслѣдователь, Незеленовъ:—въ деревнѣ прошелъ онъ послѣднюю школу—школу Шекспира, памятниковъ русской исторіи и народной поэзи; въ деревнѣ создалъ онъ «Бориса Годунова», и послѣднія строки, писанныя имъ къ Осиповой въ 1836 году, гласятъ не напрасно: «мнѣ мило только Тригорское». Подъѣзжая къ монастырю, влѣво отъ дороги, видно это Тригорское.

Вечеръ этого полнаго впечатлѣвнѣйшаго дня проведенъ былъ въ Михайловскомъ, у Григорія Александровича Пушкина. Въ любезной бесѣдѣ хозяина и хозяйки время къ ночи подошло очень быстро; воспоминаніямъ о Пушкинѣ отведено было, конечно, первое мѣсто. Необходимо замѣтить, что на меню

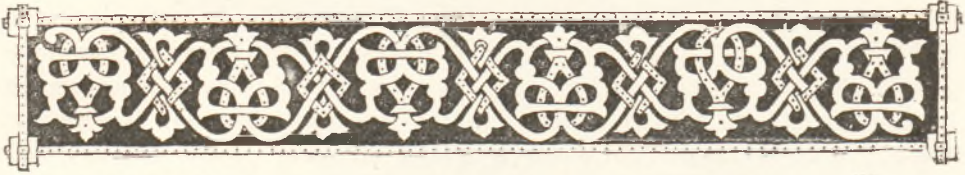

Сельцо Михайловское.
Съ литографии 1837 года.

обѣда было изображено Михайловское время Пушкина; хотя домъ, пріютившій путниковъ на ночлегъ, построенъ только въ шестидесятихъ годахъ, но нѣкоторое сходство въ общемъ расположеніи усадьбы сохранилось: длинный, одноэтажный домъ посрединѣ, съ обѣихъ сторонъ его два небольшіе флигеля. Передъ домомъ круглая куртina. Изъ вещей Пушкина остались: кресло, ятаганъ, подаренный ему на Кавказѣ графомъ Паскевичемъ, и четыре бильярдные шара.

Ночь была чрезвычайно ясная, какъ и минувшій день; на слѣдующее утро, передъ отъѣздомъ изъ Михайловскаго, послѣдовавшимъ въ 9 часовъ утра, 27-го мая, путники болѣе часу сидѣли на балконѣ. Видъ съ балкона въ ясный день очарователенъ. Отъ дома внизъ идетъ ступенями терраса; широкая долина разворачивается передъ глазами верстъ на шестнадцать, ее обрамляютъ далекіе, поросшіе лѣсомъ холмы; глубоко внизу течетъ по зеленому лугу синяя рѣка Соротъ; вправо и влѣво совсѣмъ близко блестятъ по одному озеру. Говорятъ, что простой народъ села Михайловскаго не знаетъ, а называетъ его Зуево.

Новоржевъ.

Возникновеніе города по указу. Преданіе о Церквищѣ. Единственное описаніе города въ біографіи Жукова. Стихи Пушкина.

Но пути на Новоржевъ пришлось снова проѣхать мимо Святогорскаго монастыря. До Новоржева отсюда 29 верстъ. Сначала лѣсъ, затѣмъ много болотъ, валуны, постоянно песчаная дорога. Пейзажъ не любопытный, и Новоржевъ вырисовывается на широкой равнинѣ, между двухъ озеръ и подлѣ болотъ, не очень эффектно.

Городъ лежитъ при озерахъ Оршо и Росцо; озера эти соединены рѣкой Вержой. Указомъ 1777 года повелѣно было: «Правленіе Пусторжевскаго уѣзда перевести на большую изъ Пскова въ Великія-Луки дорогу, подъ названіемъ Новоржевъ». Такимъ образомъ возникъ городъ. Вѣроятно, гдѣ-нибудь въ архивахъ хранятся документныя мотивы, послужившіе основаніемъ несжиданному возникновенію города на большой дорогѣ; можетъ быть, въ нихъ есть слѣды какого-либо прежняго историческаго бытія на мѣстѣ этого новаго возникновенія? Хорошо, что эти и тому подобныя пробѣлы въ исторіи вообще разукрашиваются преданіями. Такъ и тутъ: говорятъ, будто на мѣстѣ нынѣшняго Новоржева, на пескахъ, стоялъ замокъ съ церковью и сосною рощей; замокъ и церковь разорены литовцами, а изъ лѣснаго матеріала погибшей рощи построены въ Оршѣ Вожій храмъ. Несомнѣнно, что въ двадцатыхъ годахъ здѣсь еще видны были очертанія бывшихъ фундаментовъ, и въ грудахъ мусора находили остатки бисера, церковныхъ цѣпей отъ паникадилъ, монеты, куски долбленыхъ гробовъ и въ нихъ человѣческія кости. По мѣрѣ обнаженія костей ихъ зарывали въ ямы; это мѣсто, говорятъ, называется и донынѣ «Церквищемъ» и свидѣтельствуетъ о нѣкоторой долѣ основательности преданія и о томъ, что на мѣстѣ Новоржева до его возникновенія была какая-то другая, неизвѣстная намъ жизнь. Въ подтвержденіе преданія, крестныя ходы, совершающіеся отъ поры до времени по городу, останавливаются надъ «Церквищемъ», и духовенство служить по невѣдомымъ и безыменнымъ почившимъ литію.

Если ближайшій отсюда городъ Холмъ имѣеть очень длинное прошедшее и, какъ видно изъ писцовой книги, былъ впервые описанъ еще въ 1562 году, то первое описаніе Новоржева состоялось, кажется, только въ концѣ семидесятихъ годовъ текущаго столѣтія въ «Пековскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и большая часть его посвящена біографическимъ свѣдѣніямъ объ одномъ изъ первыхъ по времени новоржевскихъ гражданъ Петрѣ Ѳомичѣ Жуковѣ, составившемъ по исторіи этого города «Записку». Жуковъ былъ сынъ «попа Мишки Жука», изъ грамотныхъ казаковъ выбраннаго въ священнослужителю, но за двоеженство разстриженнаго. Когда возникъ неожиданно городъ, то по распоряженію губернскаго начальства сюда было переселено нѣсколько семействъ, въ томъ числѣ и Жуковы. Авторъ «Записокъ», Петръ Ѳомичъ, много лѣтъ служилъ возникавшему городскому обществу, начавъ съ присяжнаго добросовѣтнаго при соляннхъ и винныхъ магазинахъ, за 30—70 руб. ассигнаціями въ годъ. Въ 1799 году былъ онъ избранъ въ городскую ратушу, на восьмое трехлѣтіе, въ первые бургомистры, съ исправленіемъ должности городского головы. Въ отечественную войну французы въ эти мѣста не заходили, но тѣмъ не менѣе, радѣніемъ Петра Ѳомича, устроено было такъ, чтобы крестные ходы, въ память великой войны, между Святогорскимъ монастыремъ и Опочкой шли на Новоржевъ. Устройство этого крестнаго хода, равно какъ и другого, съ иконой Параскевы Пятницы, изъ погоста Лобно, по почину Петра Ѳомича, являются въ безмятежной исторіи городка, какъ значится въ «Запискахъ», событіями. Событіемъ была также холера 1831 года, вслѣдъ за которою «ничего особенно замѣчательнаго въ историческомъ отношеніи не произошло», вплоть до другой холеры 1848 года. Въ «Запискахъ» упоминается также какой-то юродивый Ананій Васильевичъ, что, по мнѣнію автора «Записокъ» Петра Ѳомича Жукова, составляетъ тоже нѣчто въ родѣ историческаго явленія.

Извѣстны стихи Пушкина, посвященные городу, гласящіе такъ:

Есть въ Россіи городъ Луга
 Петербургскаго округа;
 Хуже бъ не было сего
 Городишка на примѣтъ,
 Еслибъ не было на свѣтъ
 Новоржева моего.

Городокъ ничѣмъ не замѣчательнъ, очень бѣденъ и общественной земли почти не имѣеть; въ немъ около 2.000 жителей и три церкви. Въ Новоржевѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, былъ сооруженъ на средства частной благотворительности богадѣлennyй домъ въ память въ Бозѣ почивающаго императора Александра II; въ богадѣльнѣ находятъ себѣ пріютъ тридцать стариковъ, часть которыхъ составляютъ служившіе въ войскахъ ветераны. Ознакомясь съ этимъ человѣколюбивымъ учрежденіемъ, находящимся за городомъ, подлѣ почтовой дороги, путешественники выѣхали по дорогѣ на Холмъ.

Холмъ.

Путь къ Холму. Видъ города отъ Ловати. Попытка написанія исторіи города. Значеніе его для древняго Новгорода. Историческое и нынѣшнее положеніе. Печище и Городище.

тромъ 28-го мая, путники направились по дорогѣ въ Холмъ; предстояло сдѣлать четыре перегона, по 25 верстѣ каждый, по трудному, песчаному пути. Большая часть пути шла лѣсомъ, болотами; приходилось то и дѣло переѣзжать маленькіе мостики. Болотъ такъ много, что неудивительно существованіе въ Холмскомъ уѣздѣ десятка деревень, съ населеніемъ почти отрѣзаннымъ отъ всего міра болотами и пользующимся, несмотря на это, хорошимъ здоровьемъ и достаткомъ. Было жарко; оводы кружились подлѣ экипажей въ большомъ количествѣ; иногда по сторонамъ пути видѣлись небольшія насыпи, очень тщательно огороженные; это тѣ мѣста, въ которыхъ зарыты павшіе въ послѣдніе годы коровы и лошади отъ долго гостившей тутъ сибирской язвы.

Къ часу дня прибыли въ деревню Троица-Главница, въ 47 верстахъ отъ Холма. Послѣ непродолжительнаго отдыха, къ 2¹/₂ часамъ, они были вновь въ дорогѣ. Лѣсъ становился мельче, почва суше, холмы круче. На полпути къ Холму подѣхали къ быстрой и порожистой Ловати, подлѣ деревеньки Сопки, получившей свое названіе отъ четырехъ кургановъ, вѣроятно могильныхъ, ее окружающихъ и обуславливающихъ очень хорошенькій пейзажъ. Деревни попадались все чаще.

Церкви города Холма показались верстѣ за восемь. Наконецъ, лѣсъ отступилъ совершенно, и въ яркомъ сіяніи дня съ весьма высокаго, крутого берега Ловати очень красиво очертился предъ ними Холмъ, одинъ изъ древнихъ городовъ русскихъ. Съѣвъ въ другіе экипажи, путники съѣхали съ длиннаго, высокаго спуска къ рѣкѣ и направились по плувучему, поставленному наискось рѣки мосту. Видъ съ него на очень высокіи противоположный берегъ Ловати очень красивъ.

Подобно многимъ другимъ городамъ Россіи, у Холма нѣтъ опредѣлен-

наго начала, но какъ средоточіе дѣятельности ловатскаго судоходства онъ обозначился, несомнѣнно, очень рано. Въ «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1839 года помѣщены отрывки изъ записокъ о Холмѣ одного изъ мѣстныхъ жителей, статскаго совѣтника Войнауринаскаго; эти записки—единственный трудъ по исторіи города.

Авторъ «Записокъ» стилистъ не знаменитый и относитъ Холмъ ко «многимъ преданіямъ, осуществленнымъ вѣроятіемъ»; это видно—говоритъ онъ—изъ Нестора; вѣроятно основанъ Холмъ кривичами; вѣроятно былъ онъ отдѣльною «республикой, вышедшею изъ системы исторической отчетности». Вѣрно то, что другой уѣздный городъ губерніи, Великія-Луки, былъ основанъ холмтяниномъ и что холмтянинъ этотъ былъ Лука «ремесломъ разбойникъ»; несомнѣнно, слѣдовательно, что Холмъ древнѣе Великихъ-Лукъ.

Умные новгородцы, очень хорошо понимая выгоды соединенія рѣки Ловати съ озеромъ Ильменемъ, забрали себѣ городъ Холмъ, эту, какъ сказано въ «Запискахъ», «республику, вышедшую изъ исторической отчетности». Въ 1471 году былъ онъ значительнымъ погостомъ. Татары до Холма не доходили никогда; въ XIV вѣкѣ часто подходила къ нему литва, но разоренъ онъ при царѣ Іоаниѣ Васильевичѣ, когда на него напали король польскій Стефанъ Баторій и король шведскій Іоаннъ; поляки и литва зимовали тогда въ Великихъ-Лукахъ, венгры—въ Опочкѣ.

Въ 1580 году, по распоряженію гетмана Замойскаго, воевода Вольскій взялъ Холмъ набѣгомъ и полонилъ воеводу князя Барятинскаго и «осадную голову» Панина; одновременно съ этимъ была выжжена Старая-Руса. Уступленный Баторію въ 1581 году, Холмъ возвращенъ Россіи обратно въ 1582 году и названъ въ договорѣ «городомъ». Отъ этихъ далекихъ боевыхъ дней сохранились и до сегодня зеленѣющіе окопы и далеко по окружности виднѣются молчаливые курганы, въ которыхъ покоятся какъ приплыше воители, такъ и свои.

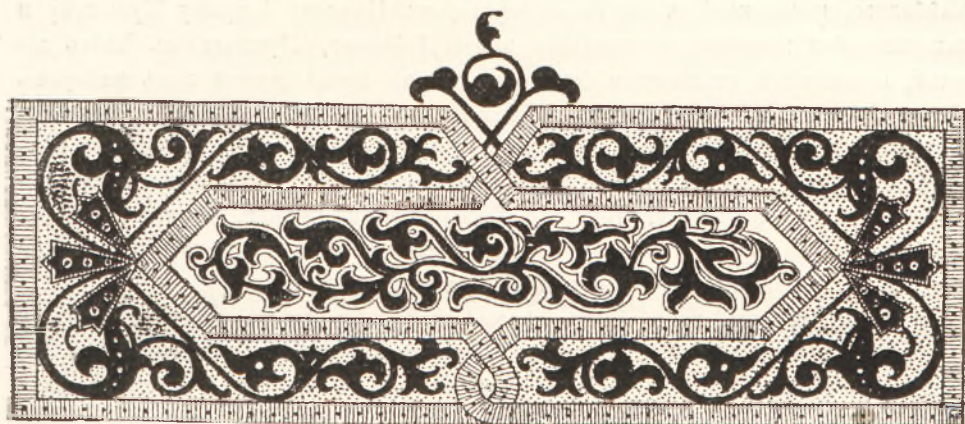
О великой цѣпкости и жизненности холмтянъ свидѣтельствуетъ слѣдующее. Въ 1609 году городъ былъ разоренъ до основанія; жители его, выселившись, образовали тогда по округѣ, въ дебряхъ и болотахъ, четырнадцать деревень; сто лѣтъ спустя, въ 1707 году, Холмъ сталъ снова посадомъ, и за неудобностью исчезли девять изъ образовавшихся деревень и сохранились и дошли до насъ только пять; на мѣстахъ безвозвратно исчезнувшихъ даже по имени селеній, лежатъ теперь пустоши, сѣнокосы, и на каждомъ изъ нихъ имѣется мѣсто, называемое «печищемъ», и старые колодцы съ обручами внутри. Въ 1738 году Холмскій посадъ подчиненъ торопецкой военной канцеляріи, которая давала указы холмскому посадскому старостѣ и холмской земской избѣ. Въ тѣ блаженные дни, одинъ и тотъ же староста представлялъ въ своемъ лицѣ «присутствіе» обоихъ названныхъ учреждений. Въ 1771 году императрица Екатерина II образовала Холмскій уѣздъ и въ городѣ открыта ратуша. Въ 1797 году императоръ Павелъ I упразднилъ всѣ присутственныя мѣста, кромѣ ратуши. Въ 1802 году Холмъ возстановленъ на прежнемъ основаніи императоромъ Александромъ Благословеннымъ, посѣтившимъ его дважды проездомъ въ 1820 и въ 1824 годахъ.

Холмъ стоитъ при соединеніи рѣкъ Ловати съ Кувей. Несмотря на обиліе окружающихъ его болотъ, самый городъ расположенъ на песчаной возвышенности. Главное занятіе холмитянъ составляетъ изстари славъ лѣса Ловатю; но эта отрасль промышленности, несмотря на давность, не развивается, не обогащаетъ городъ, но даетъ холмитянамъ кое-какіе заработки. Особенно сильно упали купческія дѣла съ 1865 года, со времени открытія желѣзныхъ дорогъ; внутренняя торговля значенія не имѣетъ, и мѣстное купчество окончательно стухивается. Въ городѣ около 5.000 жителей и шесть церквей.

Изъ древностей, имѣющихся въ наличности, слѣдуетъ упомянуть о «Городищѣ» новгородскихъ временъ, окруженномъ съ трехъ сторонъ Ловатю; замѣтенъ обрушенный валъ. Свидѣтелями давно умолкшихъ битвъ являются также многіе курганы, разсыпанные по окрестности. На Клинской сторонѣ города, въ часовнѣ, сохранилась деревянная свѣча длиной полтора аршина, раскрашенная цвѣтами, толщиной четыре вершка, съ надписью, гласящею, будто-бы 21 мая 997 года ее поставилъ холмскій посадскій человекъ Петровъ. Конечно, этотъ годъ невѣренъ, но свѣча несомнѣнно старинная, вѣроятно конца XVII вѣка. Есть въ городѣ «Татинова сторона»: названіе, происшедшее отъ слова тать—воръ; была здѣсь пѣкогда пещера, въ ней скрывались воры, и, какъ гласитъ преданіе, еще Іоаннъ Грозный посылалъ на нихъ своихъ дружинниковъ; только съ удаленіемъ татей, городъ, будто бы, сталъ обстраиваться.

Городской бульваръ, обсаженный очень старыми, густыми березами, идетъ по высокому, крутому кособору надъ самою Ловатю; на противоположномъ берегу ея, во мракѣ ночи вырисовывалось вдали освѣщенное кострами древнее Городище.

Демянскъ.

Демянскій уѣздъ. Хлѣбалово. Думина гора. Историческое о Демянскѣ. Впечатлѣніе, произведенное городомъ.

Изъ Холма путники выѣхали 29-го мая утромъ. Дорога отъ Холма къ Демянску рѣзко дѣлится на двѣ части: въ Демянскомъ уѣздѣ мѣстность очень красива. Какъ будто для того, чтобы оставить по себѣ хорошее впечатлѣніе, Псковская губернія дала тоже хорошенькій пейзажъ подлѣ сельца Тоготь, надъ рѣчкой Тудеръ, на которой стоитъ лѣсопильный заводъ.

Ближайшая остановка была въ погостѣ Аполицы. Верстахъ въ двухъ отсюда есть усадьба Заостровье, принадлежавшая въ 1824 году, при проѣздѣ императора Александра I, князю Шаховскому. Говорятъ, будто владѣлецъ усадьбы, встрѣтивъ государя на крыльцѣ, поднесъ ему въ даръ «самое дорогое, что у него было»,—своего маленькаго сына, и ребенокъ былъ немедленно зачисленъ въ какой-то корпусъ.

Часть Демянскаго уѣзда, по которой пролегаль путь, гориста и богата лѣсами; однихъ казенныхъ считается въ уѣздѣ 44.000 десятинъ, и между ними есть настоящія медвѣжьи трупцы. Красиво мѣсто подлѣ погоста Велилы, въ которомъ недалеко отъ новой каменной церкви стоитъ въ совершенномъ одиночествѣ съ заколоченными окнами очень древняя церковь, пережившая, вѣроятно, не одну сотню лѣтъ.

Было часовъ около четырехъ пополудни, когда они проѣзжали мимо усадьбы

Хлѣбалово, подаренной когда-то императоромъ Павломъ I графу Куселеву и находившейся временно во владѣнн князя Лобанова. Приходилось ѣхать дорогой, обсаженной столѣтними березами, сильно качавшимися подъ напоромъ вѣтра. Вѣтеръ не замедлилъ преобразиться въ мощные, рѣзкіе шквалы, и нельзя не признать большимъ счастьемъ того, что три березы, сломанныя вѣтромъ и опрокинутыя поперекъ пути, только задержали ѣхавшихъ и не коснулись самыхъ экипажей. Всѣ эти березы были крѣпки, богаты листвою, чрезвычайно велики и вѣтвисты; прошло четверть часа времени, пока подошедшіи съ топорами и пилами народъ очистилъ дорогу.

Очень хорошъ видъ близъ села Успенскаго: дорога проходитъ между двухъ церквей. Къ вечеру путники свернули съ дороги и направились въ усадьбу Кошкино. Вихрь, опрокинувшій на пути ихъ березы, прошелъ надъ усадьбою, до ихъ прибытія, съ особенною силою; огромныя, мощныя деревья лежали возлѣ дома на землѣ, перегородили дорожки и покрыли вѣтвями, трепетавшими совершенно зеленою, свѣжею листвою, куртины и клумбы богато распустившихся цвѣтовъ.

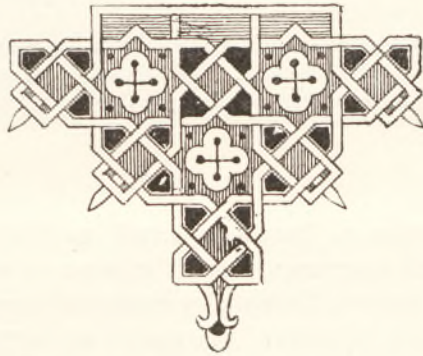
Въ восьмомъ часу утра, 30-го мая, они продолжали свой путь на недалекой отсюда Демянскъ; тотчасъ же вслѣдъ за усадьбой, спустившись съ Думиной горы сквозь довольно узкій прорѣзъ дороги, не могли они не любоваться очень красивымъ видомъ долины рѣчки Щеберихи; она бѣжитъ между двухъ горъ: Думиной и Георгіевской; на послѣдней церковь Св. Георгія; ряды холмовъ, покрытыхъ гдѣ лѣсомъ, гдѣ колосившимися нивами, уходили въ даль; отъ одной изъ сосѣднихъ рощъ—Корочинской, говорятъ, кругозоръ на 25 версть.

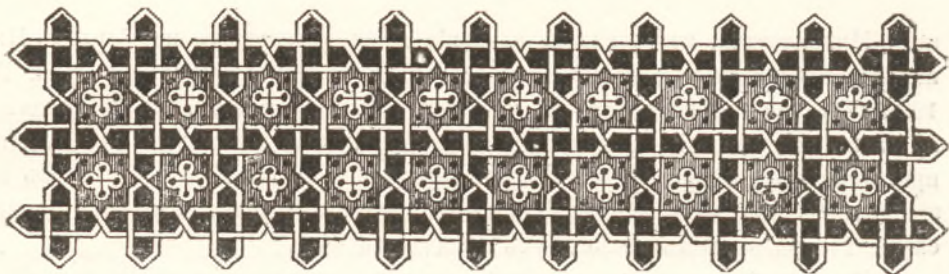
Названіе Думна гора, происходитъ—такъ сообщаютъ мѣстные жители—отъ слова дума, потому что на этой горѣ воеводы обдумывали свои походы отъ Москвы къ Новгороду и обратно. Можетъ быть, настоящее названіе ея—и это, пожалуй, вѣрнѣе—дѣмна—вѣтряная. Несомнѣнно, что въ этихъ мѣстахъ бывали и сраженія, такъ какъ въ курганахъ, попадающихся по пути, довольно часто находили и кольчуги, и бердыши. Лѣсъ, по мѣрѣ приближенія къ Демянску, рѣдѣлъ и уступалъ зачастую мѣсто полямъ. Къ Демянску они были около десяти часовъ утра.

Въ старину Демянскъ назывался Демань или Дѣмонь, что означало, будто бы—какъ и Дѣмна гора—вѣтряное мѣсто; оно и понятно, такъ какъ городъ расположенъ на плоской возвышенности, поднимающейся къ югу отъ озера Пльмень, на водораздѣлѣ. Путники испытали на самихъ себѣ справедливость пропехожденія его названія, такъ какъ вчерашніе шквалы перешли въ упорный, ровный, но замѣчательно сильный восточный вѣтеръ. Демянскъ былъ когда-то главнымъ мѣстомъ Новгородской Деревской пятины и вѣроятно тутъ стояло укрѣпленіе по дорогѣ изъ Торжка, которое и занялъ своими войсками великій князь Василій Темный, начиная войну съ Новгородомъ, въ отместку за помощь, оказанную новгородцами, въ 1441 году, обитателямъ Заволочья, возставшимъ на московскихъ воеводъ. Тридцать лѣтъ спустя, тоже съ войскомъ и тоже въ походѣ на Новгородъ, былъ здѣсь Іоаннъ III для окончательнаго покоренія Великаго Новгорода. Въ 1652 году Демянское село, по указу царя Але-

ксѣя Михайловича, поступило во владѣніе вновь устроеннаго патріархомъ Никономъ Валдайскаго монастыря, но оставалось за нимъ только два года. Въ 1824 году оно переименовано въ уѣздный городъ Демянскъ, съ присоединеніемъ къ нему селеній: Селища и Селищскаго-Рядка; 24-го декабря открыты присутственныя мѣста, но гербъ данъ городу только въ 1855 году; снопъ въ этомъ гербѣ изображаетъ прежній сельскій бытъ земледѣльческаго села Демянскаго. Теперь въ немъ около двухъ тысячъ жителей.

Въ началѣ второго часа выѣхали они по направленію къ Валдаю. При выѣздѣ изъ города предстала та же ровная, безлѣсная, безхарактерная мѣстность. Безтишичностью своею Демянскъ напоминаетъ Новоржевъ, только что въ немъ меньше воды, и Пушкинъ не посвятилъ ему ни одного стихотворенія.

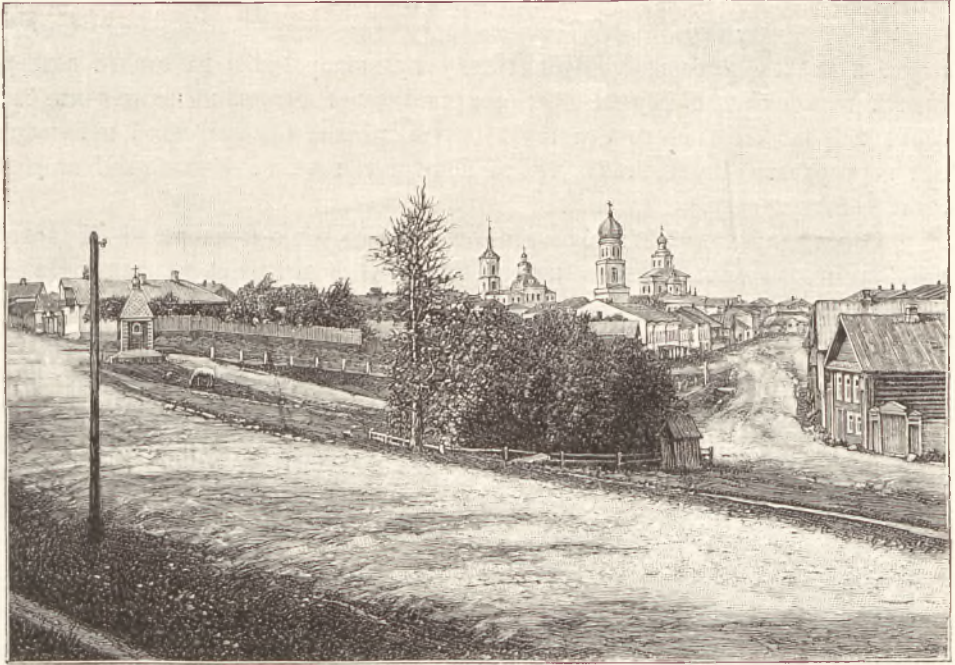
Валдай.

Путь къ Валдаю. Никольскій рыбопроизводный заводъ. Исторія этого дѣла. Короцкая обитель. Валдай. Историческое. Патріархъ Пиконъ. Преданіе о колокольчикахъ. Зимогорское побище. Валдайскій монастырь. Иверская икона.

Дуть отъ Деминска до Валдая гористый, но безлѣсный, если не считать лѣсомъ мелкій березнякъ, ивнякъ и довольно чахлая елочка. Мѣстность около погоста Линицы, стоящаго на быстрой, сплошь покрытой камнями рѣчкѣ Луковницѣ, впадающей въ такую же извивую, какъ и она, Явань—очень красивая: рѣчки, образуютъ цѣлую панораму несомнѣнно горнаго характера. Скоро лѣсъ исчезаетъ совсѣмъ и открываются уѣзныя валунами поля.

Къ вечеру, быстро подвигаясь по извилистой дорогѣ, вьющейся по изгибамъ довольно большаго озера Вельевскаго, путники прибыли въ казенный Никольскій рыбопроизводный заводъ, находящійся въ одной верстѣ отъ почтоваго пути и состоящій изъ нѣсколькихъ зданій, потонувшихъ въ густой зелени. Заводъ основанъ лѣтъ сорокъ назадъ частнымъ предпринимателемъ В. Врасскимъ, извѣстнымъ открытiемъ способа сухого оплодотворенія икры, сохраненія икринокъ и молокъ въ теченіе нѣсколькихъ дней внѣ организма рыбы и примѣненіемъ способа задержанія развитія рыбы при помощи низкой температуры. Врасскій задаясь широкою цѣлью—арендовать или скупить все окружныя озера, не исключая и Валдайскаго, и заселить ихъ форелью и сигамя. Смерть помѣшала ему, и иностранцы совершенно несправедливо отрицаютъ его право на первенство въ названныхъ выше открытiяхъ.

Въ 1869 году заводъ перешелъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, и назначеніе его измѣнено: онъ сдѣланъ опытной акклиматизаціонной станціей и долженъ стремиться, путемъ пересаживанія мальковъ, заселить наши водные бассейны и снабжать рыбоводовъ оплодотворенною

«Посадъ». Древнѣйшая часть г. Валдая.

Правая часть Валдайскаго озера.
Снято съ колокольни Иверскаго монастыря.

икрою и мелкою рыбешкой. Правильному культивированію на заводѣ подвергаются только сигъ и форель. Для акклиматизаціи сиговъ въ волжскомъ бассейнѣ избрано было озеро Селигеръ; оттуда рѣчкой Селижаровкой попадаютъ они въ верховье Волги, такъ что за послѣдніе годы въ Нижнемъ-Новгородѣ стали ловиться сиги.

Заводу принадлежитъ ближнее озеро Пестовское и на рѣчкѣ Пестовкѣ пять рыбопроизводныхъ прудовъ, поверхностью около четырехъ десятинъ. На самомъ заводѣ восемь нерестныхъ ящичковъ, въ которыхъ кишмя кишатъ рыбешки, чрезвычайно похожія на плавающія юркія булавочки. 1,000 икринокъ съ зародышами стоятъ 3 рубля, 100 трехлѣтнихъ форелей, ростомъ до пяти вершковъ—55 рублей.

Не доѣзжая пяти верстѣ до Валдая, на берегу небольшого Короцкаго озера, лежитъ село Короцко. Село это имѣетъ право на то, чтобы быть упомянутымъ, потому что въ немъ родился и воспитывался до четырнадцатилѣтняго возраста святитель Тихонъ Задонскій. Онъ былъ хиротонисанъ въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ 1761 году, и скончался въ Задонскомъ Богородицкомъ монастырѣ въ 1783. Въ селѣ Короцкѣ двѣ церкви; одна замѣчательно древняя, деревянная, Св. Николая. Она построена, какъ говорятъ, 200 лѣтъ назадъ; очень невелика, срублена изъ сосноваго лѣса и только недавно обита тесомъ. Стѣны ея бревенчатыя, иконостасъ трехъярусный; предъ иконами и въ алтарѣ деревянные точеные подсвѣчники; надъ алтаремъ деревянная сѣнь; окна чрезвычайно малы. Надъ церковью одинъ только куполь; возлѣ нея, въ выкрашенной зеленою краскою оградѣ, похоронены отецъ святителя Тихона, Савва, его дѣдъ, бабка и другіе родные.

Всего въ одной верстѣ отъ нея, опять-таки на берегу Короцкаго озера, стоитъ Короцкій дѣвичій общежительный, во имя святителя Тихона, монастырь. Это бывшая Короцкая женская община, основанная, послѣ прославленія святителя, на пожертванія, поступившія со всей Россіи; она была переименована въ общежительный монастырь съ Высочайшаго соизволенія 28-го февраля 1881 года, т. е. въ послѣдній день жизни Царя-Мученика, и составляетъ слѣдовательно одно изъ послѣднихъ дѣяній земного существованія въ Божѣ почитающаго императора Александра II.

Около девяти часовъ вечера, путники прибыли въ Валдай и направились прямо въ Троицкій соборъ. Въ описываемое время, весь городъ былъ еще полонъ слѣдовъ страшныхъ пожаровъ 1854 и 1881 годовъ, нестребившихъ его до тла; много кирпичныхъ стѣнъ свидѣтельствовали о томъ, что онъ былъ очень красиво обстроенъ. Соборъ—тоже пожарище, и служба совершалась во временномъ помѣщеніи, хотя, спаружи, онъ казался неповрежденнымъ; какъ-то странно было смотрѣть на древнія массивныя иконы, временно пріютившіяся на выбѣленной стѣнѣ. Время основанія собора неизвѣстно; нынѣшній начатъ построеніемъ въ 1694 году, но нѣкоторыя части его разобраны, другія пристроены; онъ много разъ горѣлъ, и послѣ пожара 1881 года возобновлены только придѣльные храмы; главный придѣлъ оставался нетронутымъ въ своемъ запустѣніи, съ черною копотью по стѣнамъ и порванными желѣзными связями на полу и подъ куполомъ.

Общій видъ мужского Иверскаго монастыря (на Валдайскомъ озерѣ).

Общій видъ Короцкаго женскаго монастыря близъ г. Валдая.

Видъ на городъ, при вѣздѣ въ него отъ Демянска, очень красивъ: предъ взоромъ путниковъ широко разстлалось Валдайское озеро и на одномъ изъ острововъ его, въ густой зелени, виднѣлся Иверскій монастырь; мѣстность кругомъ безусловно гориста, и оттѣняющія одна другую горы убѣгаютъ вдаль во все стороны. Гора значится и въ гербѣ Валдая.

Названіе Валдай, въ старину Волдай, Волю-дай, упоминаемое впервые въ повгородскихъ лѣтописяхъ въ 1495 г. «Валдайское Селище», означаетъ, по объясненію мѣстныхъ историковъ, отнюдь не какое-нибудь отношеніе къ вольностямъ Повгорода и его вѣчу, а болѣе скромное, непритязательное своеобразное начало города. Тутъ, мимо озера, шель когда-то большой скотопрогонный трактъ, которымъ двигались къ людному Повгороду гурты изъ нашихъ нынѣшнихъ низовыхъ губерній; здѣсь на вѣчно спорной границѣ Повгородскихъ вѣчевыхъ и Тверскихъ княжескихъ владѣній стояло, вѣроятно, нѣчто въ родѣ таможни, невдали отъ нынѣшняго Желбицкаго яма, на берегу озера, и отведены были для пастбы скота луга. Скоту, пущенному на пастбу, и давали волю. Другіе говорятъ, что таможня взидала не девами, а волами: «вола дай». Есть мнѣніе, производящее имя города отъ финскаго языческаго бога Валды. Повидимому, раньше XVI вѣка слово Валдай не встрѣчается; направляясь къ Новгороду, Иоаннъ IV выжегъ село до основанія, вмѣстѣ съ другими новгородскими селеніями; въ 1611 г. разорили его войска Де-ла-Гарди. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ здѣсь были поселены плѣнные поляки, по присоединеніи Смоленска—бѣлоруссы, при Петрѣ I—часть стрѣльческаго войска. Въ это время село было уже довольно людно и богато. Когда, при Алексѣѣ Михайловичѣ, патріархъ Никонъ задумалъ и создалъ на близлежащемъ озерѣ извѣстный монастырь, то къ обители приписана была, между прочимъ, и Подозерная слобода, или Валдай; патріархъ повелѣлъ именовать озеро Валдайское—Святимъ, село Валдай—Богородичнымъ, а самый монастырь—Святоезерскимъ. Село Богородичное, Валдай тожь, состояло подъ управленіемъ монастырскаго приказа съ 1764 года и при всеобщемъ отобраниіи крестьянъ отъ монастырей поступило въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, а въ 1770 сдѣлано городомъ. Съ цѣлью возможно большаго заселенія края, въ числѣ льготъ, дарованныхъ жителямъ указомъ 2-го апрѣля 1772 года, значится освобожденіе отъ постоя и повелѣно было все расходы на учрежденіе городскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ производить изъ казны, что подтверждено въ 1836 году и на полицію назначено тогда же по 200 руб. ежегодно. Проведеніе Московскаго шоссе оживило и обогатило городъ; проведеніе Николаевской желѣзной дороги, проходящей въ 38 верстахъ, сразу остановило его процвѣтаніе.

Существуетъ преданіе о происхожденіи знаменитыхъ валдайскихъ колокольчиковъ, пользующихся всероссійскою извѣстностью. Говорятъ, будто царь Иванъ, снявъ въ Новгородѣ вѣчевой колоколь, велѣлъ нести или везти его въ Москву. Государева рать дошла до Валдая, и тяжесть ли колокола, трудность ли пути или просто желаніе царево, но колоколь былъ разбитъ. Ушло царское войско, а обломки колокола остались лежать; изъ этихъ мелкихъ обломковъ, невѣдомою силою, образовались маленькіе колокольчики. По другому преданію,

осколки колокола подобрали валдайцы и стали лить свои колокольчики и льють их пресмтвенно до сихъ поръ. Преданіе это, не лишенное оригинальности и картинности,—все-таки не болѣе, какъ преданіе; но вотъ и историческое. 22-го іюня 1754 года, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, произошло здѣсь изъ-за клочка земли великое побоище между валдайцами и зимогорцами; сторону первыхъ принялъ монастырь, которому село принадлежало. Дралось до 10.000 человекъ; было много убитыхъ и раненыхъ; судъ тянулся долго, много было наказанныхъ, и только Высочайшимъ манифестомъ 1762 года, по случаю воцаренія Екатерины II, остальные прощены.

На слѣдующій день, рано утромъ, путники отправились въ экипажахъ въ Валдайскій Иверскій монастырь. Если-бы погода была мало-мальски хороша, переѣхать можно было бы къ монастырю на катерѣ всего три версты; но такъ какъ сѣверный вѣтеръ, называемый здѣсь «кромштадтскимъ», былъ очень силенъ, шелъ свѣгъ и порой градъ, то пришлось сдѣлать сухопутный объѣздъ, 18 верстъ въ оба конца.

Валдайское озеро красуется въ своихъ прихотливыхъ холмистыхъ береговыхъ извилинахъ подлѣ самаго города, къ сѣверо-востоку. На одномъ изъ острововъ этого озера, на самомъ большемъ, стоитъ извѣстная обитель иноческая, хорошо видная изъ города и носящая довольно длинное наименованіе: Валдайскаго Иверскаго Святозерскаго, Богородицкаго первокласснаго монастыря. Къ этому монастырю, какъ сказано, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ приписанъ городъ, тогда еще село, Валдай; озеро имѣетъ 25 верстъ въ окружности и соединено узкимъ проливчикомъ, называемымъ Копанью, съ другимъ озеромъ, Ужинскимъ, имѣющимъ въ окружности 10 верстъ. Островъ весь покрытъ могучимъ еловымъ боромъ и съ одной стороны его устроенъ къ матерому берегу плывучій мостъ.

Иконостасъ въ соборномъ храмѣ пятирусный, состоящій изъ одиночныхъ изображеній святыхъ, въ красивыхъ рѣзныхъ, золоченыхъ, оббитыхъ виноградною лозой и кистями, рамахъ; куполовъ пять; все они съ восьмигранными шейками и покрыты, какъ и четыре столба и стѣны, фресковою живописью. Влѣво отъ входа—рака съ мощами св. Іакова Боровичскаго, вправо—чудотворная икона Иверской Божіей Матери. У входа въ соборъ портреты царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона, основателя монастыря. Кругомъ всего собора идетъ крытая обходная галерея, въ которой покоятся прежніе настоятели, числомъ одиннадцать. Тутъ же виднѣются парадныя носилки, на которыхъ чудотворная икона совершаетъ свои далекіе крестные ходы. Ризница монастыря особенно богата дарами патріарха Никона.

Обитель начала отстраиваться въ 1653 году, при содѣйствіи патріарха Никона. За двадцать лѣтъ до того, въ качествѣ инокъ Соловецкаго монастыря, Никонъ жилъ на Анзерскомъ островѣ, окруженномъ непривѣтливими волнами Бѣлаго моря. Воспоминанія объ этомъ молодомъ подвижническомъ времени жизни были дороги патріарху, и онъ, пользуясь своимъ могуществомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, задумалъ создать монастырь на пустынномъ въ тѣ дни островѣ Валдайскаго озера. Монастырь былъ богато одаренъ угодьями,

и, кромѣ того, по ходатайству Никона, на Аѳонской горѣ была написана точная копія иконы Иверской Богоматери, причемъ во время работы «иконописецъ токмо въ субботу и воскресенье употреблялъ пищу, а братія по дважды въ недѣлю совершали всенощныя и литургія». Икона, находящаяся въ Валдайскомъ монастырѣ, ничѣмъ не разнится отъ древней иконы: «ни длиною, ни шириною, ни ликомъ, только слово въ слово акл старая». Четыре раза посѣтилъ Никонъ созданную имъ Валдайскую обитель, свое любимое дѣтище; при второмъ посѣщеніи находился при встрѣчѣ мощей св. Іакова Боровичскаго, перенесенныхъ сюда въ 1654 году изъ Боровичскаго Свято-Духова монастыря; при третьемъ посѣщеніи, въ 1656 году, онъ привезъ въ даръ монастырю упомянутую выше икону Иверской Богоматери. По отреченіи Никона отъ патриаршаго престола, строгость суда обрушилась и на созданные имъ три монастыря, въ томъ числѣ, и на Валдайскій; монастыри повелѣно закрыть, а имѣнія отобрать. Но опредѣленіе это не исполнено, и грамотой 1668 года обители возвращены всѣ прежнія права.

Въ настоящее время, въ обители четыре церкви, до 40 человекъ иноковъ и земли около 3.000 десятинъ, изъ нихъ на главномъ островѣ 320. Видъ на противоположащій Валдай отъ монастыря очень хорошъ.

Вышній-Волочекъ.

Гидротехническія сооруженія. Сердюковъ. Былое Вышневолоцкой системы. Казанскій монастырь. Богадьльня Ермакова. Владиміро-Маринскій пріютъ художниковъ у истока Меты.

Въ Валдая до Вышняго-Волочка 85 верстъ стараго московско-петербургскаго шоссе. Оно тянется во всю дорогу нескончаемою, утомительно прямою линіей; пейзажъ однообразенъ въ высшей степени; по пути изрѣдка попадаются длинныя села, бывшіе «ямы», въ которыхъ ютились и жили въ довольствѣ ямщики самаго бойкаго, самаго доходнаго до появленія желѣзной дороги тракта. Указъ о его постройкѣ состоялся въ 1817 году, къ работамъ приступили въ 1820 году; въ 1833 году оно было готово отъ Петербурга до Едрова, въ 1839 году—вполнѣ завершено. Трудно объяснить себѣ причину замѣчательной разницы между селами Новгородской и смежной съ нею Тверской губерніи; насколько первыя представляютъ изъ себя образчики разрушенія, настолько вторыя обстроены хорошо. Условія существованія повидимому тѣ же.

Вышній-Волочекъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ типичнѣйшихъ русскихъ городовъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, единственный,—онъ нѣсколько напоминаетъ Венецію. Особенность этого города, вся суть его—если можно такъ выразиться—въ его каналахъ и въ чудовищномъ водномъ бассейнѣ, достойномъ всякаго удивленія: онъ питаетъ Вышневолоцкую систему.

Разказываютъ почти невѣроятное: будто водный бассейнъ Вышняго-Волочка, съ его 60-ти верстною округой и чудесами гидротехники, въ настоящемъ своемъ видѣ сооруженъ при Петрѣ Великомъ извѣстнымъ Сердюковымъ, который былъ родомъ калмыкъ, безъ многосложныхъ проектовъ и смѣтъ, безъ комиссій и ихъ разсмотрѣній и наконецъ почти безъ всякаго административнаго наблюдательнаго персонала. Несомнѣнно, что бейшлотъ строили при Екатеринѣ II.

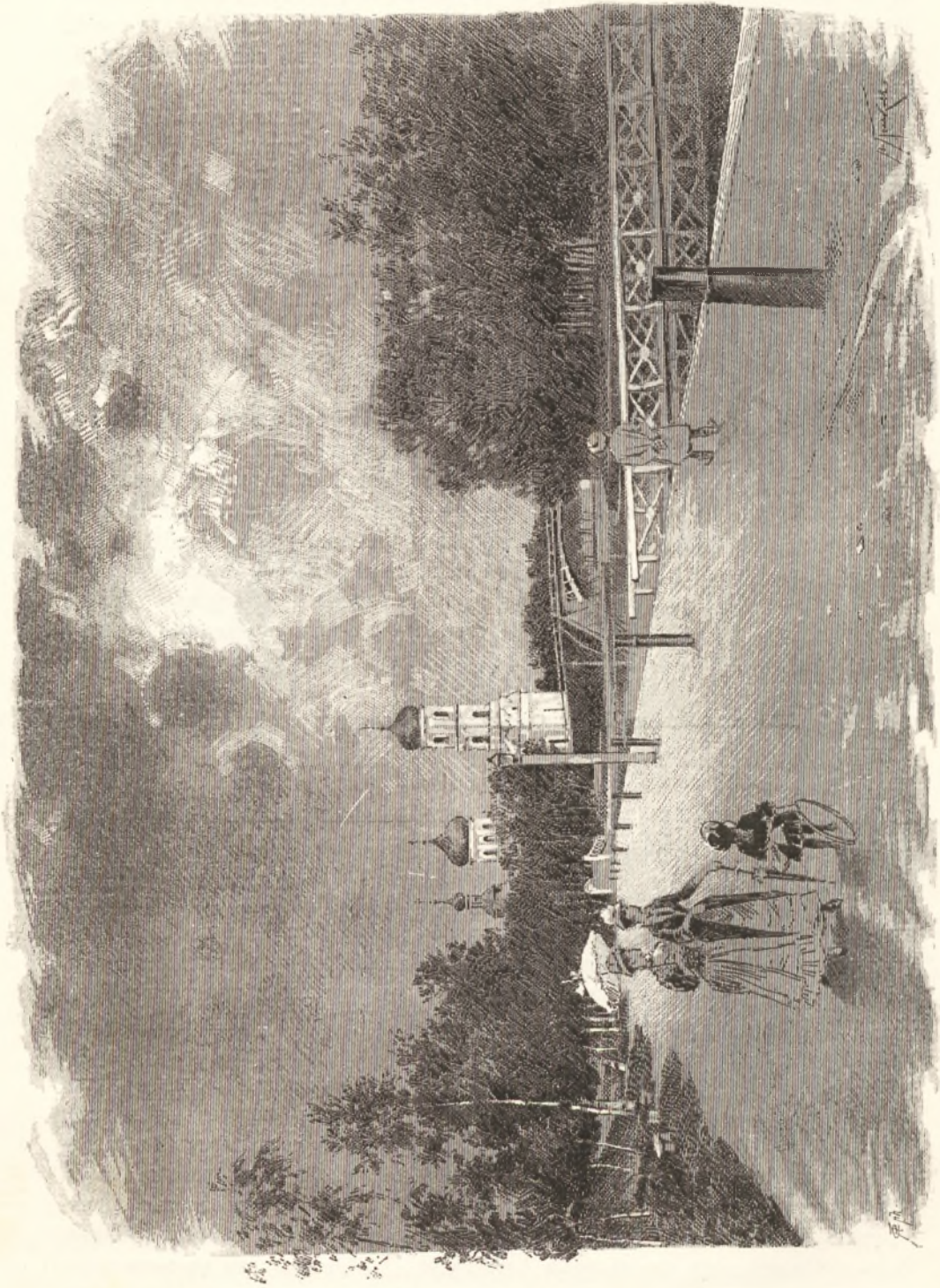
Вышній-Волочскъ. Набережная Цыя и лѣтній собора

И это водохранилище почти безъ ремонта прекрасно дѣйствуетъ второе столѣтіе! Говорятъ, будто Сердюковъ до кончины своей въ 1746 г. заботился только о себѣ, что онъ построилъ мукомольную мельницу и сдѣлалъ для нея запруду; бейшлотъ называется и до сегодня «заводскимъ», въ воспоминаніе сердюковской мельницы; каменный домъ, окруженный аллеями, бѣгущими подлѣ бассейна, современенъ тѣмъ днямъ и несомнѣнно голландскихъ очертаній, въ общемъ вполне сохранившихся.

Вышній-Волочекъ расположенъ на Тверецкомъ каналѣ, Цнѣ и Цяпскомъ каналѣ; тутъ водораздѣлъ Каспія и Балтики. Открытіе Николаевской желѣзной дороги и улучшение Маринской системы нанесли Вышневолоцкой системѣ смертельный ударъ. Тридцать лѣтъ назадъ сквозь первый Мстинскій шлюзъ, находящійся отсюда въ 15-ти верстахъ, у выхода Мсты изъ Мстинскаго озера, проходило до 10.000 барокъ; теперь проходитъ сотня, другая. До сихъ поръ на берегу красиваго, оживленнаго озера Мстинно и по теченію еще болѣе оживленной Мсты стоятъ, опротивѣвъ, огромныя двухъ- и трехъ-этажныя деревянныя зданія, служившія когда-то трактирами и ночлегами многимъ тысячамъ народа, шедшаго на баркахъ. Теперь все это опустѣло, вымерло, молчитъ. Шлюзы, въ виду ихъ стоимости и возможнаго будущаго, все-таки поддерживаются. Вышневолоцкая мѣстность водораздѣла дѣйствительно чрезвычайно богата водой. Множество озеръ, частью искусственныхъ, болотъ и рѣчекъ, по сторонамъ Вышняго-Волочка, Мсты и Тверцы, шлюзованы, и запасы воды огромны. Запасы эти, несмотря на незавидныя судьбы системы, все-таки необходимы, потому что они могутъ быть направлены въ случаѣ надобности и исключительно въ Волгу, чрезъ Тверцу.

Въ 1785 году, въ май, Вышній-Волочекъ дважды посѣтила императрица Екатерина II, по пути въ Москву и проѣздомъ оттуда обратно на Боровичи, по Мстѣ, озеру Ильмену, Волхову, Ладожскому каналу и Невѣ. Путешествіе это длилось съ 24 мая по 20 іюня. Въѣздъ въ Вышній-Волочекъ былъ торжественный. Императрица молилась въ церквахъ, дважды обходила шлюзы. Въ свитѣ императрицы находились, въ числѣ другихъ, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ и московскій генераль-губернаторъ графъ Брюсъ. 30 мая, значится въ «Камеръ-фурьерскомъ церемоніальномъ журналѣ», «въ 3-мъ часу, ея императорское величество изволила воспріяты отсуствіе въ путь» на Москву. Въ 1801 году, проѣздомъ на коронацію, былъ здѣсь также и императоръ Александръ I. Въ 1826 году, въ глубокую зиму, прибыли въ Вышній-Волочекъ печальные останки его по пути изъ Таганрога. Въ мѣстномъ соборѣ иконостасъ трехъярусный, и весь храмъ въ значительной степени покрытъ фресками.

Отъ собора путь лежалъ за городъ, гдѣ, въ двухъ верстахъ отъ него, поднимается богатый рядъ зданій Казанскаго женскаго монастыря. Лѣтъ двадцать тому назадъ тутъ находилась пустошь и стояла простая часовенка съ чудотворною иконой Казанской Божіей Матери. Энергіей управлявшей монастыремъ игуменіи Досіоеи, образована была подлѣ часовни женская община, а въ послѣдній годъ царствованія Александра II обращена она въ монастырь, въ которомъ около 500 инокинь. Совершенно новая, красивая, въ стилѣ Воз-

Вышній-Волоцкѣ, Набережная Цинскаго канала, Зимній соборъ.

Г. Вышній-Волочекъ.
Владиміръ-Маріинскій академическій иртыкъ (бывшій «Городокъ у Мстинскаго шлюза»).

рожденія, со многими куполами, построенная соборная церковь представляется очень красивой. Чудотворная икона принадлежит не монастырю, а вышневолоцкому собору и находится въ особо построенной для нея церкви.

Заводскій бейшлотъ,—главное водохранилище Вышневолоцкой системы,—находится въ четырехъ верстахъ отъ города. Поверхность его занимаетъ 55 квадратныхъ верстъ, а бассейнъ заключаетъ около 55 миллионовъ куб. сажень воды. На старинныхъ картахъ можно видѣть прежнее теченіе рѣки Цны и Шлны и тѣ роци и поля, которыя ступеивались, ушли въ огромный водный бассейнъ. Заводскій гранитный бейшлотъ, подлѣ котораго стоитъ каменный домъ голландской постройки, неоднократно посѣщавшійся Петромъ I, настолько старъ, что, на всякій случай, ниже его, по направленію къ городу, поставленъ вспомогательный, деревянный. Отсюда питается Вышневолоцкая система и можетъ быть питасма Волга черезъ Тверцу.

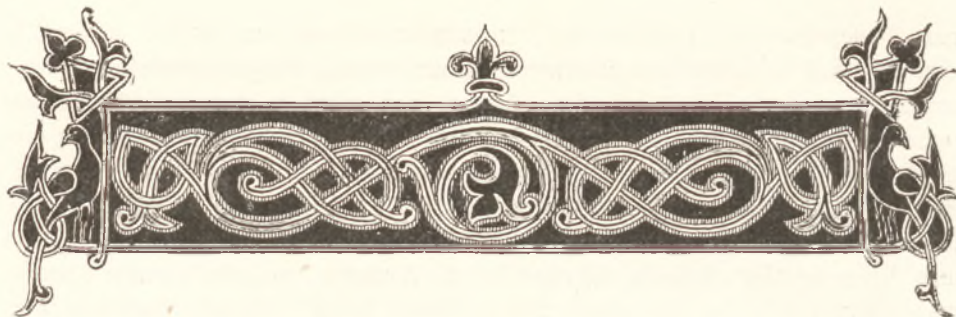
Большое удовольствіе можетъ доставить путешественнику посѣщеніе расположенной въ томъ же концѣ города богадѣльни Ермакова. Обидно, что такіе щедрые благотворители, какъ Ермаковы, недостаточно извѣстны у насъ. Въ В.-Волочкѣ существуетъ очень обширная бумагопрядильная и ткацкая фабрика товарищества Прохоровыхъ, бывшая Ф. Я. Ермакова съ сыновьями, возвышающаяся своими кирпичными стѣнами на самомъ берегу Цны. Я. Ермаковъ, отецъ бывшихъ собственниковъ, основалъ здѣшнюю богадѣльню на 160 человѣкъ и, закрѣпивъ за нею всѣ зданія, положилъ еще и вѣчный капиталъ въ 50.000 руб. Этого мало; для поддержанія дѣйствительно замѣчательнаго по роскоши и цѣлесообразности учрежденія, и сыновья покойнаго великодушно даютъ на богадѣльню «сколько нужно». И даютъ они «сколько нужно» не въ одномъ только Волочкѣ: Ермаковскіе приюты имѣются и въ Москвѣ; во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ призрѣваются цѣлыя тысячи старичковъ и старушекъ; да воздастся это имъ, благотворителямъ, сторицею! Портретъ основателя, висящій въ первой комнатѣ, изображаетъ человѣка глубоко привлекательной наружности.

Къ 2-мъ часамъ пополудни путники оставили Вышній-Волочекъ, съ тѣмъ чтобы прослѣдовать на станцію Мста и посѣтить Владиміро-Маринскій академическій приютъ, открытый въ 1884 году.

Дѣло въ томъ, что въ 20 верстахъ отъ Волочка, у самаго истока Мсты изъ озера Мстина, находится надъ озеромъ довольно высокая гора. Мѣстность очень красива; холмы, чуть-чуть пониже, окружаютъ ее; двѣ деревни и двѣ усадьбы находятся подлѣ; воды и зелени много. У самаго источника Мсты воздвигнутъ грандіозный, въ гранитномъ обрамленіи, первый Мстинскій шлюзъ. Во время процвѣтанія Вышневолоцкой системы тутъ было главное движеніе и сходились тысячи судовъ и тысячи народа. На горѣ возвышалось каменное зданіе, служившее мѣстопробываніемъ начальника дистанціи Вышневолоцкаго округа путей сообщенія. На этой горѣ, во время рытья каналовъ, часто живалъ Петръ I; этотъ домъ на каменномъ фундаментѣ поставленъ былъ Сердюковымъ для самого себя и возобновленъ Екатериною II. Онъ оказался совершенно ненужнымъ, когда прошли дни процвѣтанія Вышневолоцкой системы, и обращенъ теперь въ академическій приютъ. Цѣль его — дать возможность на-

шимъ академистамъ - художникамъ, проживая лѣтомъ въ очень красивой, разнообразной и типической мѣстности, дѣлать этюды, совершенствоваться, подготавливать картины; не безучастны будутъ при этомъ и историческія воспоминанія. Пріютъ носитъ имя Великаго Князя Владиміра Александровича и его Августѣйшей Супруги; въ 1884 году помѣщалось въ немъ 7 академистовъ въ 1885—29. Академисты получаютъ на проѣздъ, кромѣ того, небольшую стипендію и живутъ на всемъ готовомъ, подчиняясь одному начальствующему лицу. Попечителемъ пріюта состоялъ В. А. Кокоревъ, усадьба котораго находилась близехонько, на противоположномъ берегу Мсты. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1785 году, 10-го іюня, Екатерина II, возвращаясь изъ Москвы, обѣдала въ зданіи нынѣшняго пріюта, называвшемся тогда «городкомъ что при Мстинскомъ шлязѣ». Мысль учрежденія этого пріюта оригинальна, и удачна, и принадлежитъ Великому Князю Владиміру Александровичу, президенту академіи художествъ, а осуществленіе ея—В. А. Кокореву.

Б ъ ж е ц к ъ .

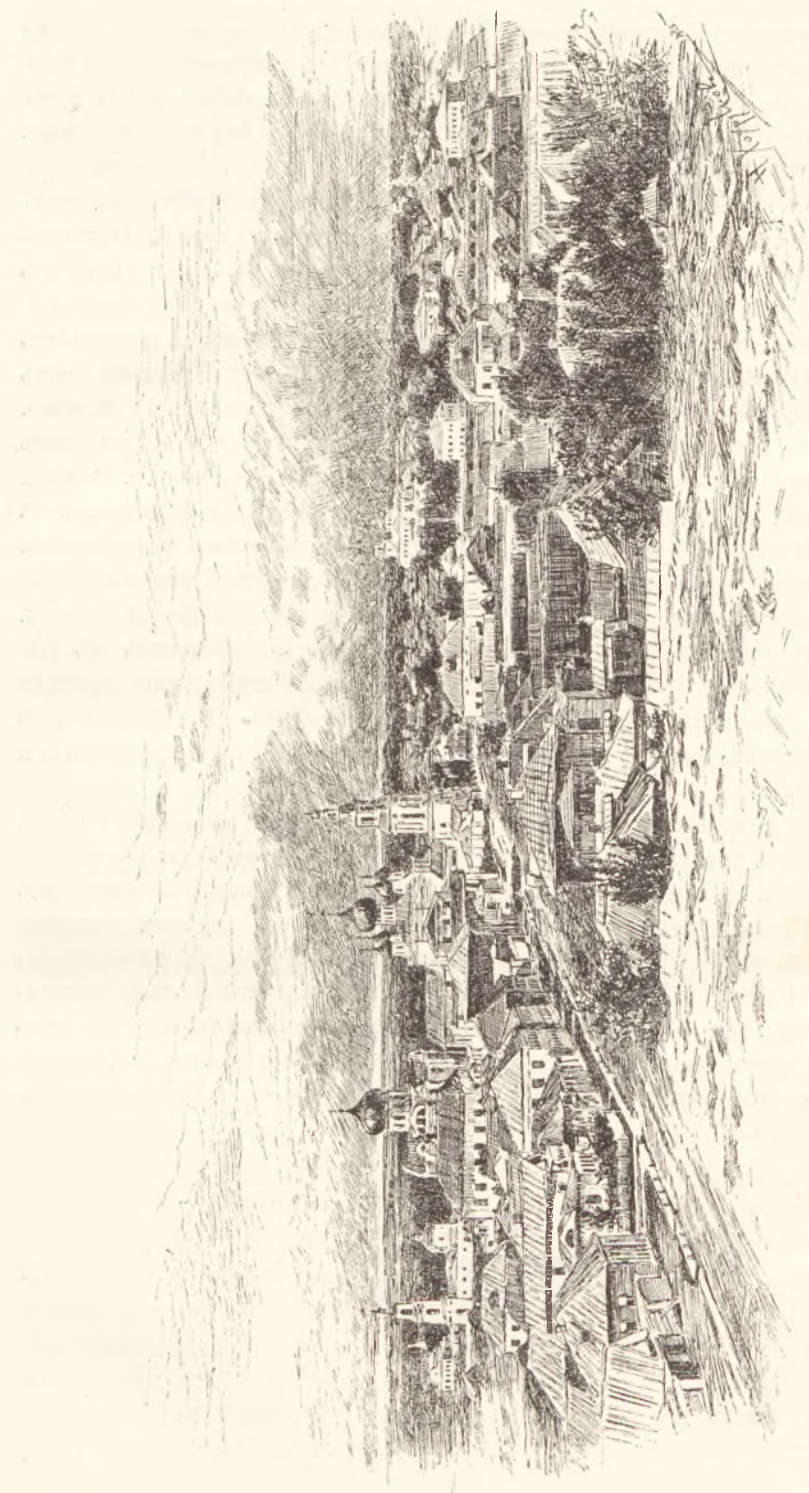
Историческое. Происхожденіе имени. Процвѣтаніе города.

Въ Бѣжецкѣ, на одну изъ станцій Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, путники прибыли 2-го іюня, въ началѣ 10-го часа утра, и проѣхали мимо старѣйшей церкви города, Введенской, съ ея небольшими синими куполами и отдѣльно стоящею шатровою колокольней. Внутренность собора замѣчательна тѣмъ, что изъ числа четырехъ массивныхъ круглыхъ столбовъ, поддерживающихъ барабанъ купола, два вошли въ иконостасъ и закрыты его богатыми рѣзными украшеніями, вслѣдствіе чего алтарная часть церкви очень просторна, такъ какъ она занимаетъ почти треть ея.

Бѣжецкѣ былъ когда-то центральнымъ мѣстомъ Новгородской пятины того же имени и упоминается уже въ уставѣ 1137 года о денежныхъ взносахъ въ пользу новгородскихъ епископовъ. Достоинно упоминанія, что перечисленія всякихъ взносовъ, даней, пошлинъ, всевозможныхъ видовъ фиска представляютъ для историческихъ изслѣдованій значительную долю опоры; исчезли люди, города, области, столѣтія, а скромная «цифирь» той или другой повинности неуклонно говоритъ изслѣдователю о далекомъ прошломъ. Въ помянутомъ уставѣ, между прочимъ, сказано: «А се бѣжитьской рядъ: въ Бѣжичехъ 6 гривень и 8 кунъ, Городецкѣ полпяты гривны» и т. д.

Бѣжецкѣ, Бѣжичи, находился прежде на другомъ мѣстѣ, на 11-й верстѣ ниже по теченію Мологи, тамъ, гдѣ теперь село Бѣжицы. Онъ построень новгородцами, бѣжавшими «отъ гибели и нестроения» изъ своего города. Легендарныя свѣдѣнія восходятъ до X вѣка и даже далѣе, ко временамъ Гостомысла. Въ 1245 году въ Бѣжецкой пятинѣ произошелъ несчастный бой съ литвой, но подоспѣвшая отъ Новгорода помощь поправила дѣло и отняла всѣхъ

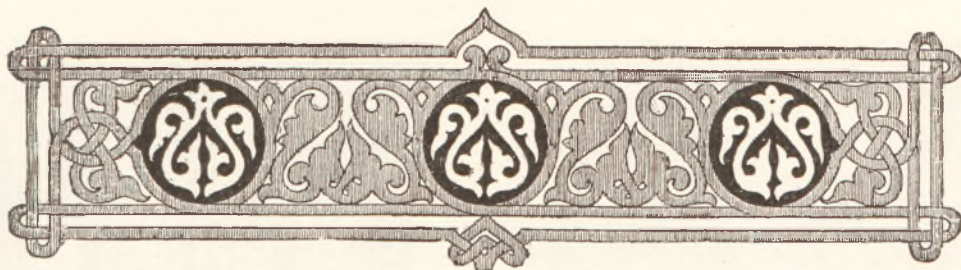

Общій видъ г. Бѣжска.

взятыхъ въ плѣнъ въ Бѣжецкѣ. Послѣ 1273 года, вслѣдствіе разгрома стараго города тверскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, новгородцы стали возобновлять его на новомъ, нынѣшнемъ мѣстѣ, вверхъ по рѣкѣ; отсюда лѣтописное названіе—Бѣжецкій Верхъ. Великій князь Василій Дмитріевичъ отнялъ Бѣжецкъ въ 1396 году отъ Новгорода, но потомъ возвратилъ его, потому что въ новгородской договорной грамотѣ съ княземъ Тверскимъ, 1426 года, говорится, что тверская граница проходитъ мимо Бѣжецкаго Верха. Бѣжецкій Верхъ былъ разоренъ Василіемъ Косымъ, когда онъ, въ 1435 году, шелъ изъ Костромы въ обходъ на Москву. Бѣжецкій Верхъ былъ границей новгородскихъ владѣній и въ 1436 году и въ слѣдующіе два года дважды разграбленъ княземъ Тверскимъ въ наѣздѣ его на Торжокъ. Въ 1449 году Бѣжецкій Верхъ уступленъ Василіемъ Темнымъ князю Можайскому послѣ примиренія съ нимъ, а въ духовномъ завѣщаніи 1461 года Василій Темный передалъ его уже какъ свою собственность въ наслѣдство Іоанну III. Упрямые новгородцы, однако, все-таки считали его своимъ городомъ и указывали на это, договариваясь съ Казимиромъ Польскимъ, принявшимъ любезное посредничество для улаженія распри Новгорода съ Москвой. Послѣ подчиненія Новгорода Іоанномъ III не могло быть болѣе и рѣчи о принадлежности Бѣжецка той или другой сторонѣ. Онъ сохранилъ предѣлы пятины до Петра I. Іоаннъ III построилъ въ Бѣжецкѣ укрѣпленіе — новый городъ, острогъ и посадъ; еще до того времени существовалъ тутъ монастырь Введенскій, упраздненный въ 1764 году; вмѣстѣ съ нимъ упраздненъ былъ и женскій Крестовоздвиженскій, просуществовавшій только 80 лѣтъ.

Городокъ расположенъ очень весело на холмахъ при рѣкѣ Мологѣ; онъ много оживляется присутствіемъ квартирующихъ здѣсь гвардейцевъ 1-го кавалерійскаго запаса. Повидимому это мѣсто значное для кавалеріи, такъ какъ сѣно въ иные годы стоитъ только 10 коп. пудъ. Главная торговля производится мѣшками, около 1½ милліона штукъ, на 300.000 руб., идущими отсюда въ Рыбинскъ, Нижній и Москву. Проведеніе желѣзной дороги не мало помогло городу, относящемуся къ гвардейскому кадру очень внимательно, такъ какъ за послѣднее время постройки для него обошлись городу около 35.000 руб. Съ 1872 года существуетъ городской общественный банкъ. Жителей въ Бѣжецкѣ около 10.000.

Рыбинскъ.

Царская рыбная слобода. Центр Маринской системы. Судьбы Крохина, Бьозерска, Череповца. Возникновение пароходства на Волгѣ. Данныя о движеніи грузовъ. Сравненіе трехъ системъ. Соборъ. Катанная фабрика и судостроительный заводъ Журавлева. Биржа. Гавань. Рѣчная полиція.

Рыбинскъ основанъ неизвѣстно когда, но уже въ 1137 году городъ платилъ «волжскую гривну» и назывался тогда Рыбанскъ. Въ 1504 году «Рыбная слобода» отказана въ завѣщаніи Іоанномъ III старшему сыну его Василю, съ обязательствомъ для жителей ловить рыбу для дворца. При Михаилѣ Феодоровичѣ назывался онъ «дворцовой Ловецкою слободой». Городъ сталъ быстро возрастать съ возникновеніемъ Петербурга и сдѣланъ уѣзднымъ въ 1777 году. Рыбинскъ живетъ перегрузкой съ большого волжскаго пути на пять отдѣльныхъ водяныхъ и желѣзныхъ путей, ведущихъ къ Петербургу.

Въ Маринской системѣ однимъ изъ существенныхъ узловъ является Рыбинскъ. Маринская система положительно подавляетъ всѣ остальные. Въ пятидесятихъ годахъ преобладающее значеніе въ перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ съ Волги въ Петербургъ имѣла Вышневолоцкая система, слѣдующее мѣсто занимала Маринская, Тихвинская же система никогда особеннаго значенія не имѣла. За десятилѣтіе 1850—1859 гг. отправлено изъ Рыбинска грузовъ вверхъ по Волгѣ (т.-е. по Вышневолоцкой и Тихвинской системамъ) 211.682.000 пудовъ, а по Шекснѣ (Маринская система) 181.564.000 пудовъ, или въ процентахъ: 54% и 46%. Въ шестидесятихъ годахъ Маринская система начала занимать преобладающее значеніе. Въ 1863—1869 гг. отъ Рыбинска вверхъ по Волгѣ отправлено 96.719.000 пуд. (въ среднемъ 13.817.000 п. въ годъ), а по Шекснѣ и Маринской системѣ 232.258.000 пуд., т.-е. по 33.180.000 пудовъ въ годъ. Въ 1869 году вверхъ по Волгѣ отправлено

Пристань въ городѣ Рыбинскѣ.
Съ акварели проф. Боголюбова рис. И. А. Космаковъ, грав. Хвѣланшій.

18.935.000 пуд., а по Маринской системѣ 45.234.000 пуд.; процентное отноше-
 шеніе 29% и 71%.

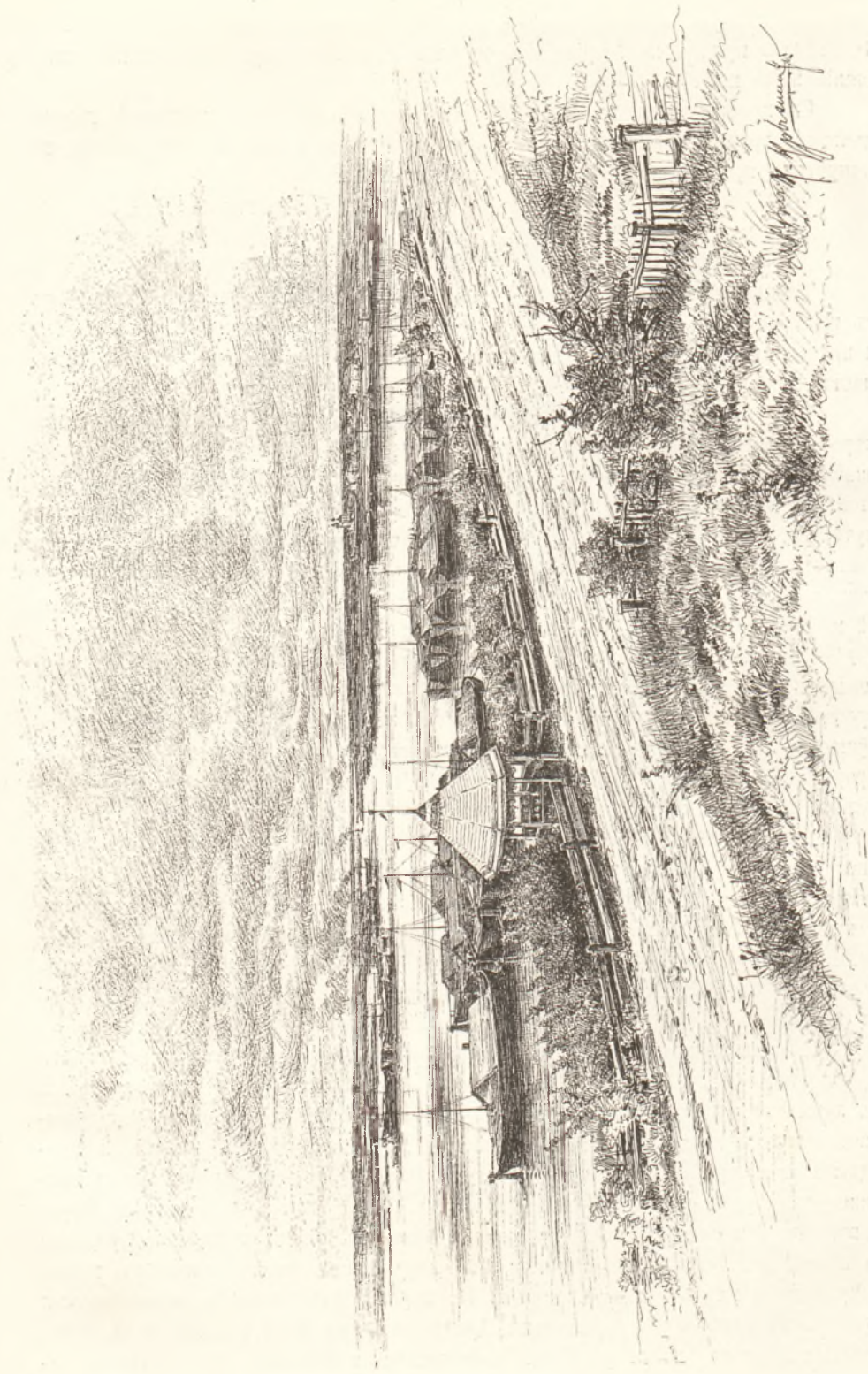
Съ проведеніемъ въ 1870 году Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги движеніе грузовъ по Маринскому водному пути не только не сократилось, но напротивъ продолжало увеличиваться. Отправлено:

	По Шекснѣ.	По Рыб.-Бол. ж. д.
Въ 1873—1879 гг.	237.272.874 п.	175.523.141 п.
» 1880—1889 »	396.590.003 »	235.928.594 »

Такимъ образомъ Маринскій водный путь всегда успѣшно конкурировалъ съ желѣзнодорожнымъ. Это преобладающее значеніе Маринской системы выяснилось не сразу; не сразу занялъ и Рыбинскъ то положеніе, которое занимаетъ теперь.

17-го апрѣля 1890 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на коренное переустройство Маринской системы и на отпускъ 12½ милл. рублей на производство работъ. Работы по переустройству системы продолжаются до настоящаго времени. Соотвѣтственно колебанію различныхъ порядковъ водяного пути, тѣ или другія мѣстности Маринской системы поочередно обмрпали или оживали. Тогда какъ на Вышневолоцкой и Тихвинской системахъ не появилось, за долгіе годы, ни одного судна новой системы, на первой ходятъ все тѣ же барки, на второй—тѣ же тихвинки и соминки, Маринская система то и дѣло примѣняла новое. «Водяная команда» ея слѣдовала измѣненіямъ системы, на которой чистили фарватеръ, вводили пароходство, ускоряли ходъ судовъ, увеличивали ихъ вмѣстимость. Теперь даже трудно представить себѣ то время, когда, словно черепахи, ползли расшивы и тянули ихъ бурлаки. До прорытія Бѣлозерскаго канала, большинство волжскихъ грузовъ шло по Вышневолоцкой системѣ; главными двигателями являлись тогда бѣлозерцы и крохинцы; имъ однимъ принадлежали лодки-бѣлозерки, единственный флотъ Бѣлаго озера, числомъ до 400 лодокъ. Они поднимались до Вытегры или Вознесенья, разгружались и возвращались назадъ за вторымъ и третьимъ грузомъ. Бѣлозерцы и крохинцы были монополистами по озеру и Шекснѣ; они же служили лодчанами, шкиперами и коренными; они одни строили суда въ то время, когда постройка одной бѣлозерки стоила двадцати унжаковъ; богатство приливало къ нимъ.

Но судьбы переменчивы. Съ прорытіемъ Бѣлозерскаго канала, въ 1846 г., прежде всего палъ Крохинъ; тамъ теперь почти ничего болѣе не строятъ, а въ лодманахъ и шкиперахъ надобности не встрѣчаютъ. Бѣлозерскъ поддерживается только тѣмъ, что въ немъ живутъ лѣтомъ путинные рабочіе и продаютъ свои заработки. Судьбы Крохина и Бѣлозерска—судьбы временно возникающихъ торгово-промышленныхъ центровъ. Ихъ счастье перехватили Череповецъ и Рыбинскъ; Рыбинскъ самъ завелъ тихвинки, межеумки, унжаки; послѣднія вытѣснили всѣ дорогія суда, такъ какъ они переживаютъ только одну воду и идутъ потомъ на дрова. Потянулись изъ Рыбинска разнообразныя суда не въ одиночку, а караванами. Для этого нужна была лошадь, и съ пятидесятихъ годовъ, по исправленіи бечевниковъ, лошадиная сила побѣдила че-

Сліяніе Шексин съ Волгой.

ловѣческую. Да и какъ было не побѣдить ей, когда подлѣ Шексны заливныхъ луговъ много, и лошадь обходилась дешевле человѣка. Всѣ харчевни по пути захватили въ свои руки череповцы; они богатѣли, благодаря порогамъ и заливнымъ лугамъ; они пошли бы и дальше Коленца, но тамъ уже встрѣтили бы ихъ кирилловцы, да и рыбинскіе не теряли времени: они тоже колонизовали Шексну.

Съ 1843 года учреждено первое пароходное «Общество по Волгѣ»; машины, привезенныя изъ Голландіи, собирались въ Рыбинскѣ. Съ 1854 года устроено кабестанное пароходство, и первымъ былъ пароходъ «Опытъ»; кабестаны, маленькіе пароходики которыхъ завозили впередъ якоря, исчезли, какъ неподходящая болѣе форма; исчезли и предшествовавшія имъ коноводки, имѣвшія по 300—400 лошадей. Нынѣ умершій Н. Журавлевъ имѣлъ 4 коноводки и самъ принялся за постройку сначала кабестановъ,—машины дѣлались на Выксунскихъ заводахъ,—а потомъ и буксирныхъ; съ 1862 года сосредоточилъ онъ постройку пароходовъ въ Рыбинскѣ, какъ буксирныхъ, такъ и пассажирскихъ, и въ 1879 году выпустилъ первую наливную шхуну «Шексна», для перевоза нефти изъ Баку; иностранцы напрасно утверждали въ журналѣ «Economist», что наливныя шхуны—ихъ изобрѣтеніе.

Съ развитіемъ работы паромъ прошло время исключительности конной тяги и ужасовъ сибирской язвы, цвѣтущее время мѣстныхъ коноводовъ, но Рыбинскъ не бѣднѣетъ. Въ немъ строятъ до 1.000 судовъ, въ немъ идетъ валовая перегрузка на желѣзную дорогу или на суда меньшихъ размѣровъ.

Преобладающее значеніе Шексны и важность для города перегрузки видны ясно изъ слѣдующей таблички. Въ Рыбинскѣ прибыло хлѣбныхъ грузовъ:

Годъ.	Пудовъ.
въ 1886	98.975,800
» 1887	89.675,200
» 1888	77.694,800
» 1889	58.412,200
» 1890	62.330,000
» 1891	33.444,700
» 1892	10.605,900

Изъ этихъ цифръ усматривается, что въ 1892 году хлѣбныхъ грузовъ прибыло въ Рыбинскъ почти въ десять разъ меньше, чѣмъ въ 1886 году. Упадокъ хлѣбной торговли на Волгѣ явился отраженіемъ остраго экономического кризиса въ Приволжьи. Неблагопріятное вліяніе на торговлю оказали также: неурожай въ Приволожьи въ 1888, 1889 и 1891 годахъ и конкуренція желѣзныхъ дорогъ, прилегающихъ къ низовому Поволжью, понижавшихъ сильно провозныя платы на хлѣбъ.

Отъ каждой перегружаемой четверти Рыбинскъ получаетъ свой доходъ; приносятъ ему доходъ и зимующіе грузы. Для показанія широты оборотовъ рынка достаточно сказать, что въ среднемъ ежегодно сюда прибываетъ болѣе полумилліона пустыхъ мѣшковъ и столько же роговъ и кулей. Наполните ихъ хлѣбомъ и прибавьте къ тому что привезено въ мѣшкахъ и куляхъ, и получите ясное

понятіе о грузовыхъ массахъ, идущихъ чрезъ Рыбинскъ и лежащихъ въ его амбарахъ и на пристаняхъ.

Уже къ вечеру путники отправились на пароходѣ на канатную фабрику и механическій и судостроительный заводъ М. П. Журавлева,—находящіеся въ Абакумовѣ, въ пяти верстахъ отъ города на Шекснѣ, въ трехъ верстахъ отъ ея впаденія въ Волгу. Когда пароходъ отваливалъ, видъ на высокій берегъ Волги былъ восхитительный. Всѣ откосы берега, вся далекая набережная были словно усыпаны людьми, и докуда могъ видѣть глазъ эту набережную — видѣлась темною полоской толпа, тянувшаяся вдоль зеленѣвшихъ откосовъ и высокихъ каменныхъ домовъ ея. Со всѣхъ судовъ несея говоръ, а судовъ, установленныхъ правильными рядами, было видимо-невидимо; видѣлись могучія бѣляны съ домиками надъ ними, видѣлись не меньшія, чѣмъ онѣ, расшивы; даже допотопная коноводка и та присосѣдилась къ нимъ, поражая глазъ своею неуклюжестью и несовременностью.

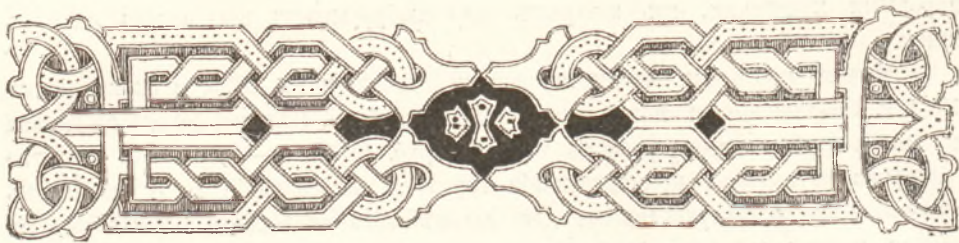
На самомъ устьѣ Шексны расположены съ двухъ сторонъ села Василевское и Покровское. Канатная фабрика Журавлева—одна изъ самыхъ большихъ не только у насъ, но и по сравненію съ иностранными. Длина строснія, въ которомъ тянутся и свиваются канаты, 240 саж., и оно трехъ-этажное; этой длины совершенно достаточно, такъ какъ канаты не дѣлаются длиннѣе 180 саж.; самые толстые имѣютъ 16 дюймовъ въ окружности. Очень оригинально пониженіе многихъ сотенъ барабанчиковъ, участвующихъ въ свиваніи прядей: это какой-то шумный концертъ охрипшихъ соловьевъ. Любопытнѣе другихъ тягальная машина, въ которой, на протяженіи какихъ-нибудь 5—10 дюймовъ, изъ нѣсколькихъ десятковъ отдѣльныхъ прядей получается и вытягивается сразу свернутая веревка. Человѣку, непосвященному въ этомъ дѣлѣ, приходится услышать тутъ совершенно незнакомыя наименованія: стренга, пѣсемъ, и т. д. На фабрикѣ 450 рабочихъ; канатовъ готовитъ она въ годъ до 120.000 пудовъ, по продажной цѣнѣ почти на миллионъ рублей; отсюда канаты и веревки всѣхъ сортовъ идутъ на Черное, Азовское и Каспійское моря, на суда и рыбную ловлю; такъ какъ въ послѣднее время кожаные ремни на машинахъ стали замѣняться канатами, то крупною потребительницею ихъ является Москва. Механическій заводъ выпускаетъ ежегодно 4—5 пароходовъ, преимущественно буксирныхъ, въ желѣзныхъ корпусахъ, съ нефтянымъ отопленіемъ. Здѣсь же выдѣлываются и нѣкоторыя заводскія машины и приспособленія; во время обзора фабрики, находилась въ работѣ седьмая по счету машина для 150-сильной мельницы. Есть тутъ также кручатный паровой заводъ, конный заводъ на 70 головъ и ферма на 20 головъ рогатаго скота. Очень хороша заводская больница на 30 человѣкъ. Достоинно вниманія, что всѣ служащіе на фабрикѣ и заводѣ—русскіе, и дѣло отъ этого идетъ нѣсколько не хуже, чѣмъ съ иностранцами.

Рыбинская рѣчная полиція имѣетъ четыре паровыхъ судна: паровой баркасъ, объѣздной катеръ и два парохода—одинъ въ 80, а другой въ 30 силъ, выбрасывающій 350 ведеръ воды въ минуту; при нихъ есть приспособленія для тушенія паромъ. Хорошо устроена и городская пожарная команда съ шестью

паровыми машинами, изъ которыхъ одна выбрасываетъ 300 ведеръ воды въ минуту.

Начало постройки рыбинской гавани относится къ 1875, а окончаніе къ 1885 г. Сооруженіе ея стоило около 440.000 рублей. Валовой доходъ съ гавани до 30.000 руб. въ годъ; расходъ до 7.000 руб. Цѣль ея — доставить удобство разгрузки въ амбары, принадлежащія городу и вмѣщающіе до 8 милліоновъ пудовъ, и на желѣзную дорогу, для дальнѣйшаго слѣдованія. Кромѣ того въ гавани ютятся на зиму 50 большихъ волжскихъ баржъ, до 20 пароходовъ и мелкихъ судовъ до сотни; устроена гавань шлюзироваіемъ рѣчки Черемхи и прорытіемъ вмѣсто стараго ея устья канавы; въ гавани имѣется и докъ для починки судовъ.

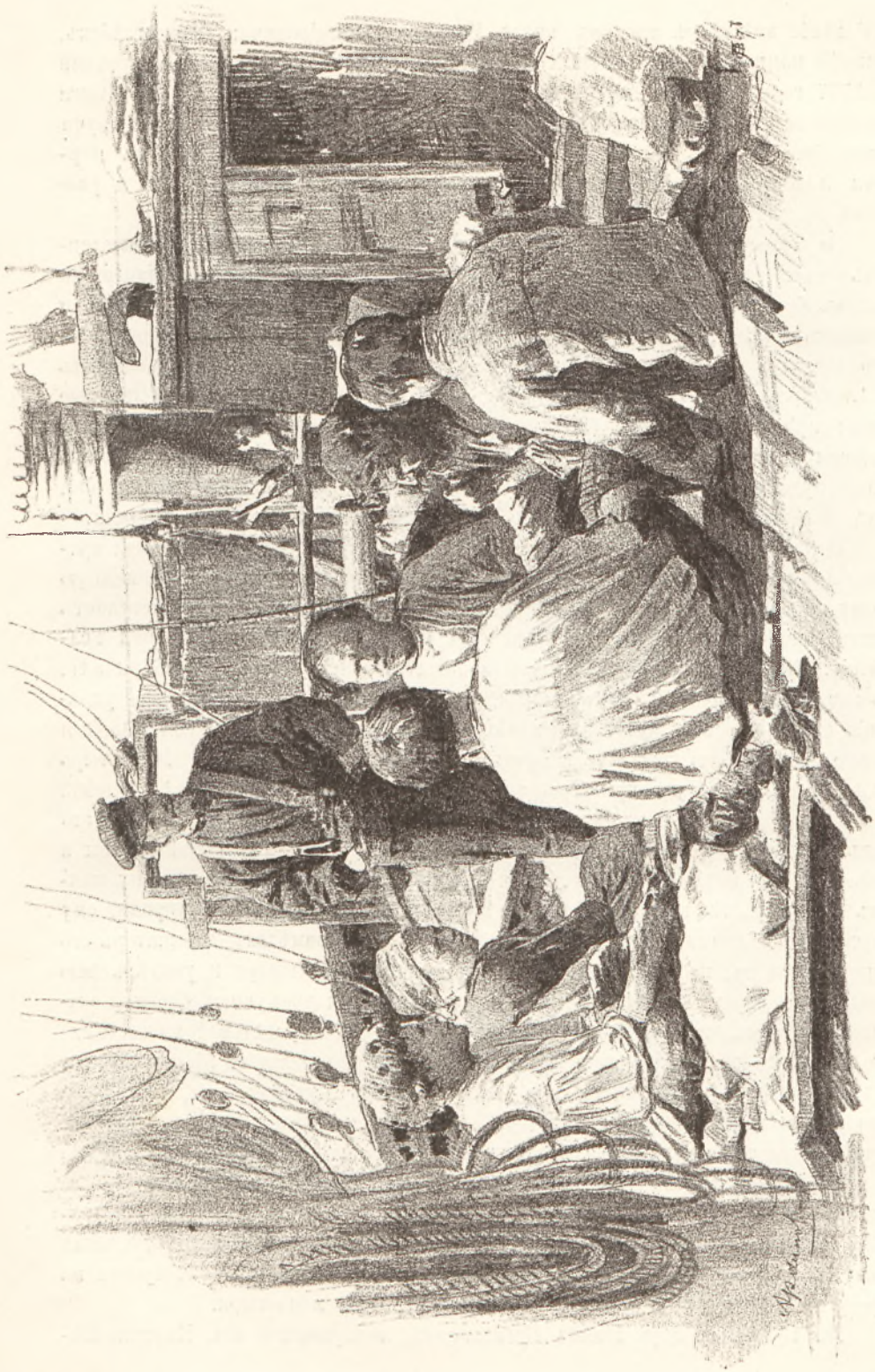
Волга отъ Рыбинска до Ярославля.

Романовъ-Борисоглѣбскъ. Толгскій монастырь. Преданія. Храмы. Авраамовскія постройки.
Кедровая роща. Полушкина роща подъ Ярославлемъ.

Какъ красива, какъ оживлена Волга между Рыбинскомъ и Ярославлемъ! Она еще не очень широка здѣсь, и оба берега, отступающіе назадъ при движеніи парохода, кажутся вамъ съ высокой палубы такъ близки, близки! Села, приселки, церкви, усадьбы, фабрики бѣгутъ справа и слева. Надъ желтоватою водою колеблются нестрые флаги судовъ и мелькаютъ ихъ названія, писанныя очень четко, но далеко не изящно; на палубахъ и полупалубахъ ползущихъ мимо васъ барокъ, баржей, лодокъ, полулодокъ и коломенокъ, имѣющихъ каждая свою особенную физиономію, очень хорошо здѣсь известную и весьма самостоятельную, видите вы вездѣ настоящихъ русскихъ людей, безъ примѣси другихъ элементовъ. На Волгѣ русскій человѣкъ дышитъ полною грудью. Волга не приняла еще здѣсь своей обычной, довольно утомительной физиономіи нагорнаго и луговаго берега. Оба они еще спорятъ другъ съ дружкой, которому одолѣтъ, порой перебѣгая, словно отыскивая свои мѣста. Подлѣ Романова-Борисоглѣбска оба берега круты и высоки и оба города смотрятъ на васъ съ двухъ сторонъ. Къ Романову путники подъѣзжали около 5 часовъ вечера. Пароходъ былъ только еще подлѣ первой, ближайшей по пути, древней церкви Казанской Божіей Матери, какъ понесся навстрѣчу къ нимъ отъ далекой пристани густой колокольный звонъ. Пока пароходъ описывалъ по Волгѣ широкую дугу, чтобы причалить къ пристани противъ теченія, нельзя было не любоваться тѣмъ, что представлялось взору: крутой, высокій берегъ, подлѣ пристани, прорѣзываемый глубокимъ оврагомъ, былъ оживленъ множествомъ людей.

Городъ Романовъ, лежащій на лѣвомъ берегу, упоминается впервые въ

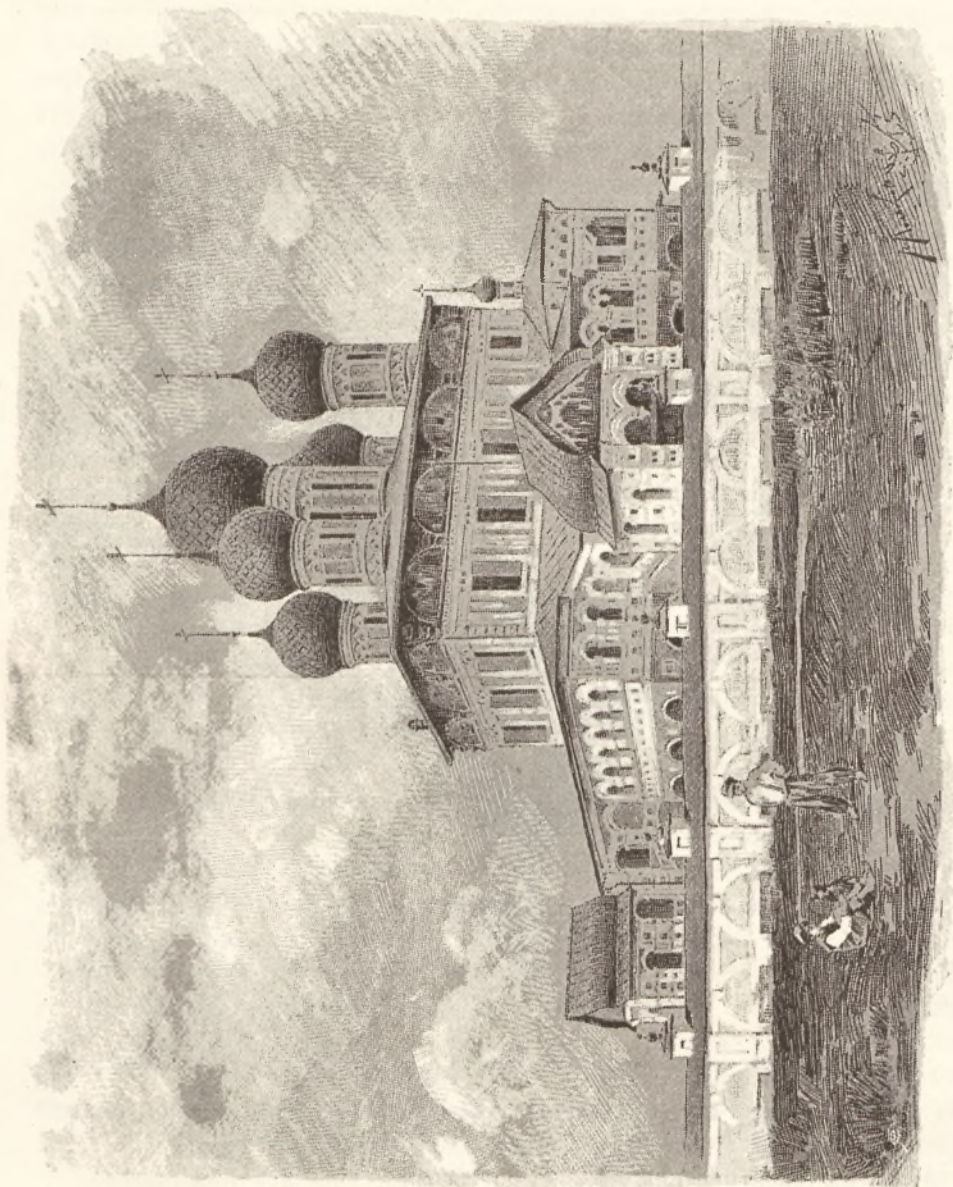
Обѣдъ судорабочихъ на волжской полубаркѣ.

XIV вѣкъ, вмѣстѣ съ имением князя Романа Владиміровича; Борисоглѣбекъ, лежащій напротивъ—не ранѣе XV. Оба они сдѣланы были уѣздными городами въ 1777 году, а слиты въ одинъ въ 1822. На каждой изъ сторонъ Волги кустится зелень садовъ, виднѣются церкви и строенія, тѣснящіяся вдоль кручи самаго берега. Какъ декорація, это одна изъ самыхъ законченныхъ, съ первыми и вторыми планами и дальними перспективами извивающей и уходящей въ даль Волги.

За Романовымъ-Борисоглѣбекомъ живописность береговъ и ихъ населенность остаются тѣ же самыя. Не доѣзжая восьми верстъ до Ярославля, на правомъ берегу раскинулась знаменитая Порекая мануфактура бумажныхъ и льняныхъ издѣлій, принадлежащая товариществу, главными пайщиками котораго состоятъ гг. Хлудовъ и Прохоровы. Она открыта въ 1860 году, имѣетъ до 1.800 рабочихъ и двухмилліонный годовой оборотъ. Ленъ, кудель и льняные очески приобрѣтаются изъ ближайшихъ губерній, а хлопокъ идетъ сюда изъ Америки и Египта. Фабрика вырабатываетъ пряжи бумажной и льняной по 75.000 пудовъ каждой. Посѣщеніе этой фабрики въ маршрутъ не входило, и она, будто декорація, оживленная людьми, быстро пронеслась передъ путниками.

Почти-что наискось фабрики, на лѣвомъ берегу Волги, какъ прямая противоположность движенію и шуму мануфактуры, замкнувшись въ бѣлокаменную ограду свою, изъ-за которой виднѣется темная зелень кедровъ, выступаетъ Толгскій монастырь, получившій имя свое отъ протекающей тутъ рѣчки Толгоболки. Зеленые и синіе жестяные купола, бѣлизна ограды въ бойницахъ, розовая окраска одного изъ монастырскихъ храмовъ, мѣстами изразцовыя украшенія стѣнъ—производятъ впечатлѣніе очень пестрое, отчасти сглаживающееся темною, задумчивою зеленью кедровъ, высающихся изъ-за стѣнъ. Монастырь основанъ въ 1314 году, при Ярославскомъ князѣ Давидѣ Ѳеодоровичѣ Святомъ, на мѣстѣ явленія иконы Божіей Матери святителю Трифону. Явленіе это очень замѣчательно. Святитель возвращался изъ обзрѣнія своей паствы и велѣлъ своимъ спутникамъ, слугамъ и сторожамъ раскинуть къ ночи на пустынномъ тогда мѣстѣ шатерьъ. Когда всѣ спали, и священники, и клирики, ему сопутствовавшіе, святитель, проснувшись въ полночь, замѣтилъ, что шатерь его озаренъ свѣтомъ, шедшимъ снаружи. Онъ вышелъ изъ шатра и увидѣлъ всю необъятную страну за Волгой, поросшую въ тѣ дни дремучимъ боромъ, озаренною свѣтомъ, а черезъ Волгу перекинулся будто-бы свѣтовой мостъ. Святитель, никого не разбудивъ и взявъ жезлъ свой, спустился къ рѣкѣ и пошелъ по этому мосту, чувствуя его подъ ногами, и олъ увидѣлъ тамъ, гдѣ сіяніе было сильнѣйшимъ, икону Богоматери. Помолвившись иконой, онъ по тому же мосту вернулся обратно, нашелъ всѣхъ спящими, какъ прежде, и самъ уснулъ. На утро пришло время собираться въ путь, но святитель, шествуя ночью къ видѣнію, забылъ на томъ берегу свой жезлъ. Посланные за нимъ, по его указанію, слуги перенесли рѣку въ лодкѣ и дѣйствительно нашли посохъ, а подлѣ между деревьями и икону. Къ полудню того же дня была уже отстроена на берегу церковь и икона внесена въ нее. Это начало монастыря.

Въ 1553 году царь Іоаннъ Васильевичъ, возвращаясь изъ Кирилло-Бѣ-

Борисоглѣбскій соборъ.

лозерскаго монастыря и будучи одержимъ болѣзною въ ногахъ, посѣтилъ Толгскій монастырь, гдѣ получилъ исцѣленіе; въ 1609 году монастырь разграбленъ литовцами и русскими измѣнниками, и 46 иноковъ и послушниковъ перебито. Въ 1681 году патріархъ Никонъ, возвращаясь изъ заточенія, застигнутый предсмертнымъ изнеможеніемъ, присталъ у монастыря и причащался; тутъ произошла трогательная встрѣча его, умирающаго, и сосланнаго сюда же архимандрита ярославскаго Спасскаго монастыря Сергія, когда-то судившаго патріарха и болѣе другихъ досаждавшаго ему. «Братъ Сергіе!—сказалъ ему умирающій Никонъ,—возстани, сотворимъ прощеніе», и старцы помирились. Въ 1683 году монастырь посѣтилъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ; въ 1763—императрица Екатерина II; въ 1863—псковскій цесаревичъ Николай Александровичъ.

Соборный храмъ Введенія, о пяти зеленыхъ главахъ на розовыхъ шейгахъ, и при немъ отдѣльная колокольня, построены въ самомъ концѣ XVII вѣка; кромѣ него, въ монастырѣ есть еще три церкви. Главная святыня — икона Божіей Матери, просіявшая надъ Волгой; она писана древнимъ греческимъ письмомъ на доскѣ и убрана жемчужною и алмазною ризою. Икона эта совершаетъ ежегодно четыре крестные хода. Иконостасъ изобилуетъ золочеными витыми столбами съ виноградными гроздьями; всѣ стѣны покрыты фресками, голубой фонъ которыхъ бросается въ глаза; въ куполь—громадный Деисусъ. Въ орнаменту наружныхъ стѣнъ входятъ, какъ сказано было, мѣстами цвѣтные изразцы. Зданія монастырскія очень велики. Ограда, въ 550 сажень длины, имѣетъ девять аршинъ вышины и три толщины и снабжена девятью башнями. Она опоясываетъ монастырь какъ бы широкою, бѣлою тесьмою, пзъ-за которой рѣзко выдѣляется темная зелень вѣковыхъ сибирскихъ кедровъ, разстилающихся горизонтально свои длинныя, отѣненныя мягкими иглами, вѣтви. Когда построена стѣна, когда посажены кедръ,—неизвѣстно. Монастырь имѣлъ игуменовъ и архимандритовъ съ 1392 года—58; сколько было ихъ до того времени,—также неизвѣстно. Съ 1834 по 1844 годъ завѣдывалъ имъ жительствовавшій на покой пресвященный Авраамъ, управлявшій до того ярославскою каедрю съ 1824 года и отличавшійся особеннымъ рвеніемъ въ ломкѣ и перестройкѣ древнихъ церквей. Много сокрушено было за его время безцѣнныхъ памятниковъ одной изъ старѣйшихъ епархій русскихъ; для новыхъ построекъ создавалъ Авраамъ свои планы, и зданія эти извѣстны подъ именемъ «авраамовскихъ построекъ». Съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ преслѣдовалъ онъ колокольни; такъ поступлено съ колокольнями ярославскаго кафедральнаго собора и толгскою монастырскою; рисунокъ послѣдней, 1806 года, сохранился: она была красива и типична; нынѣшняя, авраамовская, безхарактерна. Толгскій монастырь нестритъ архитектурною дѣятельностью Авраама; случайно уцѣлѣлъ и красивъ въ своей простотѣ придѣлъ св. Ѳеодора, Давида и Константина.

Отъ Толгскаго монастыря до Ярославля очень близко. Когда подъѣзжаешь къ «волжскому красавцу», Ярославлю, съ этой стороны и начинаешь отличать одну за другой его многочисленныя церкви, включительно до самой отдаленной,—до собора, съ его золотыми маковками. Пароходъ движется вдоль старой сосновой роши праваго берега; это—не лишенная историческаго значенія для русскаго

театра Полушкина роща—излюбленное мѣсто прогулокъ ярославцевъ. Полушкинъ, отъ котораго идетъ имя рощи, имѣеть прямое отношеніе къ русскому театру, возникшему, какъ извѣстно, въ Ярославлѣ. Мать Федора Григорьевича Волкова, родоначальника нашего театра, овдовѣвъ, вышла замужъ за Полушкина, и онъ, какъ отчимъ, оказалъ на Волкова очень благотѣльное вліяніе. Когда, по возвращеніи изъ Петербурга въ Ярославль, Волковъ, въ день именинъ отчима, поставилъ на сцену драму «Эсепръ», старикъ былъ въ восторгѣ; ему особенно понравились поднимавшіяся и опускавшіяся облака. Видѣвшій это представленіе, ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ уговорилъ дворянъ и купцовъ построить въ Ярославлѣ театръ, съ котораго и пошло театральное дѣло въ Россіи. До его построенія, Волковъ давалъ свои представленія въ одномъ изъ сараевъ Полушкина двора. Скоро вслѣдъ затѣмъ Екатерина II вызвала Волкова въ Петербургъ.

Облака, которыя понравились старикъ Полушкину, давно исчезли, а тѣ, которыя ходили надъ Ярославлемъ къ вечеру 3-го іюня, въ день приѣзда путниковъ, были расцвѣчены всѣми чудесными красками лѣтняго вечера, тихо переходившаго въ свѣтлую, теплую ночь.

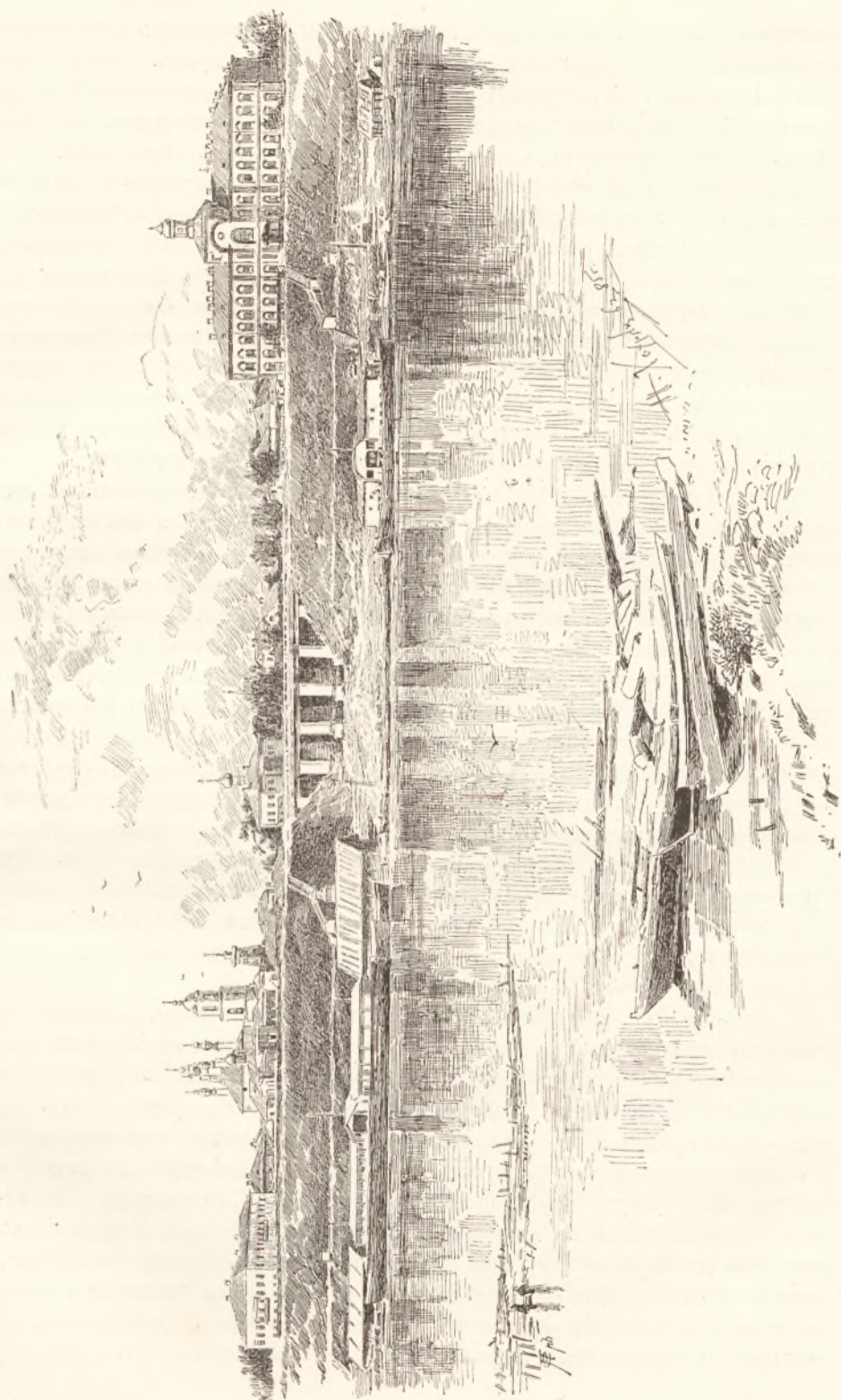
Ярославль.

Историческое о городѣ. Успенскій соборъ. Архіерейскій домъ и его воспоминанія. Первые дни воцаренія дома Романовыхъ.

Въ восьми часамъ вечера пароходъ пришелъ въ Ярославль. Отъ пароходной пристани довольно пологій подъемъ идетъ подъ мостъ, перекинутый здѣсь надъ спускомъ и соединяющій обѣ части бульвара, тянущагося параллельно Волгѣ и устроеннаго въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Исторія Ярославля начинается въ повѣствованіи Карамзина довольно оригинально. «Думаю,—пишетъ нашъ знаменитый исторіографъ,—что городъ построенъ великимъ княземъ Ярославомъ; двое изъ жителей его, кудесники и обманщики, ходили по Волгѣ и объявляли, что бабы причиной всего зла и скрываютъ въ самихъ себѣ хлѣбъ, медъ и рыбу; къ обманщикамъ приводили женщинъ, и они, надрѣзывая имъ плечи и высыная изъ своего рукава жито, кричали: «Видите, что лежало у нихъ за кожей!» Въ концѣ-концовъ кудесниковъ повѣсили. Карамзинъ не говоритъ о томъ, когда это происходило; но лѣтопись указываетъ на 1073 годъ, то-есть время великаго голода, постигшаго Ростовскую и Ярославскую области.

Разоряли окрестности города повгородцы, хозяйничали татары, опустошали и пожары, и язвы, и, тѣмъ не менѣе, одною изъ волжскихъ красотъ былъ и, вѣроятно, надолго останется Ярославль. Очень возможно, что онъ существовалъ уже тогда, когда далеко кругомъ этихъ мѣстъ еще жили весь и меря; но

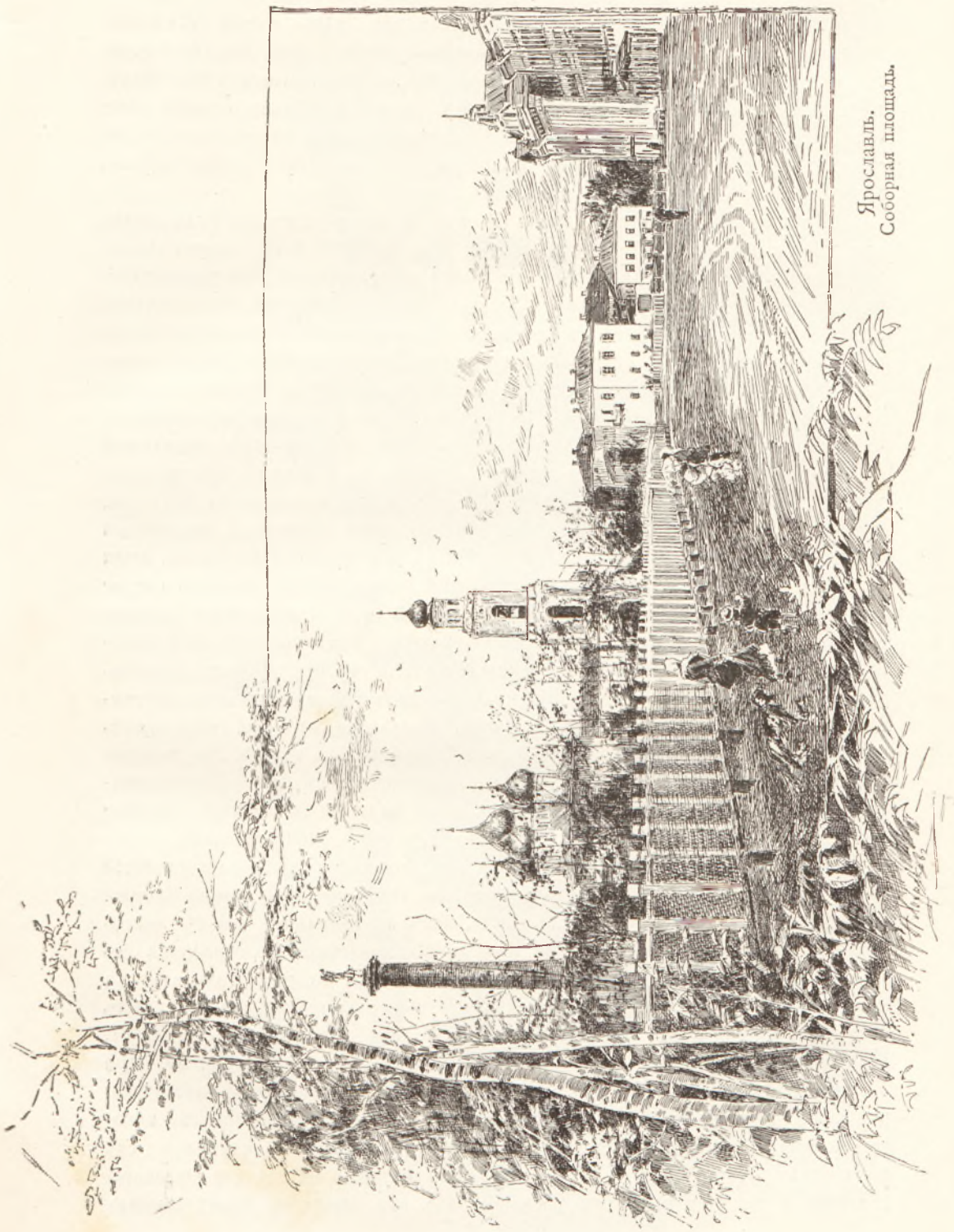
Дрославль. Видъ на бульваръ и проѣздъ къ городу отъ Волги.

центромъ края былъ не онъ, а Ростовъ, за которымъ утвердилось даже названіе Великаго и въ который уже Рюрикъ посадилъ «своего мужа». Много пользы было Ярославлю отъ открытія торговли съ Англіею черезъ Бѣлое море при Іоаннѣ IV; этотъ городъ, какъ и Вологда, служилъ складочнымъ мѣстомъ и имѣлъ иностранныя конторы, закрывшіяся съ основаніемъ Петербурга. Лихолѣтіе со всѣми его ужасами тоже не прошло даромъ для края; здѣсь въ 1606 году жила подъ надзоромъ жена Лже-Димитрія, красавица Марина; она пробыла здѣсь до 1608 года, когда Ярославль сдался полякамъ и примкнулъ было къ самозванцу, но не замедлилъ отречься: въ 1612 году сюда къ князю Пожарскому стягивались рати, шедшія на освобожденіе Москвы, и отсюда шли съ нею переговоры. Выборные, назначенные призвать на царство Михаила Ѳеодоровича, собралась тоже въ Ярославль, и здѣсь же, съ 21-го марта по 16-е апрѣля 1613 года, молодой царь Михаилъ Ѳеодоровичъ провелъ первые дни своего воцаренія, такъ что въ исторіи благополучно Царствующаго Дома на первыхъ страницахъ, такъ сказать въ первыхъ строкахъ, красуется Ярославль.

Много имѣется на свѣтѣ неоконченныхъ сочиненій, недописанныхъ книгъ, но тѣ нѣсколько точекъ, которыми заканчивается исторія Карамзина, возбуждаютъ всегда глубочайшее сожалѣніе. Исторія его точно оборвана. Яркія страницы ужасовъ 1611 года, выступающія у нашего историка такъ наглядно, какъ хорошо завершились бы описаніемъ стойки князя Пожарскаго и его рати, этой надежды Россіи, въ Ярославль; какъ сердечно звучали бы его вдохновенныя строки, пренеполненныя любви къ Россіи, повѣствуя о первыхъ дняхъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича, проведенныхъ имъ въ Ярославль, о наступленіи времени умиротворенія! Эти дни мира и тишины не могутъ не рисоваться въ памяти каждаго, посѣщающаго городъ, и красота Ярославля, глядящагося съ высоты нагорнаго берега въ матушку-Волгу, становится и понятнѣе, и внушительнѣе. Думалъ ли о чемъ подобномъ Биронъ, когда, въ 1742 году, онъ былъ сосланъ сюда и жилъ съ семьєю до 1761 года? Чѣмъ была, чѣмъ могла быть для бывшаго правителя Россіи ярославская святыня?

И дѣйствительно, если на Москвѣ храмовъ много, то въ Ярославль ихъ, сравнительно, еще больше, и они поражаютъ глазъ, какъ блестящее осѣненіе города. Общій видъ на Ярославль безподобенъ.

Два князя, свв. Василій и Константинъ, почиваютъ въ соборѣ, и три иконы ихъ перенесены сюда изъ домовъ ихъ. Успенскій кафедральный соборъ основанъ въ 1215 году, но сгорѣлъ въ 1501 году; его смѣнилъ второй храмъ; нынѣшній, третій счетомъ, построенъ въ 1646 году, но и онъ не разъ страдалъ отъ пожаровъ, и въ 1744 году обгорѣли даже мощи благовѣрныхъ князей, и останки ихъ были собраны въ два ковчега и положены въ новую раку, которую въ 1862 году замѣнили нынѣ существующею. Иконостасъ пяти-ярусный, богатъ иконами; въ восточной алтарной части четыре абсиды; окна въ два свѣта, небольшія; наружныя стѣны расчленены простыми пилястрами, и главный корпусъ собора — почти правильный кубъ; надъ крышею высятся на довольно высокиихъ барабанахъ пять золоченыхъ куполовъ, снабженныхъ массивными восьмиконечными крестами. Одно изъ богатствъ собора — это обиліе

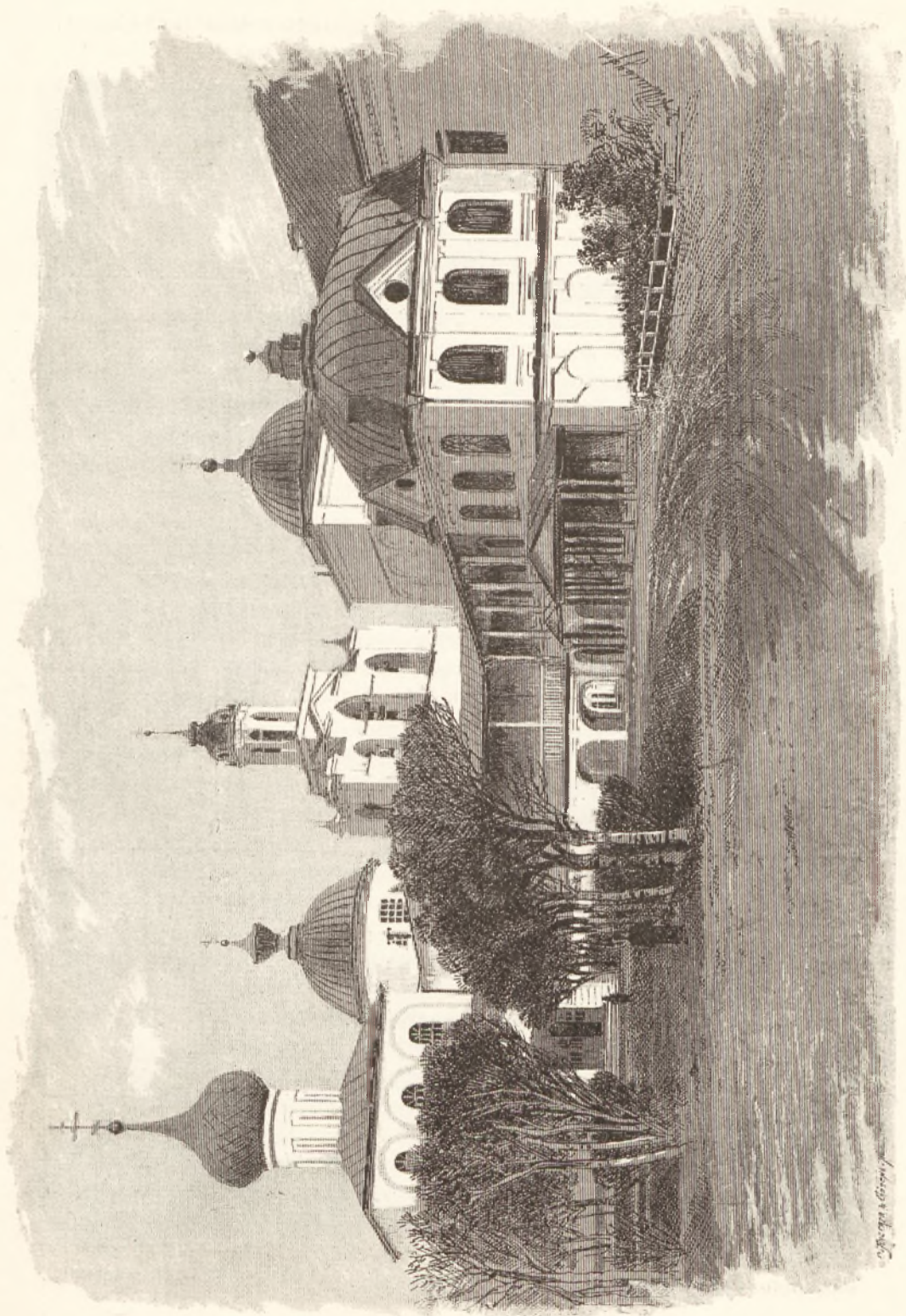

Ярославль.
Соборная площадь.

стѣнописи, произведенной въ 1674 году, о чемъ свидѣтельствуесть надпись, начертанная крупною вязью и опоясывающая три стѣны собора. Живопись покрываетъ сплошь все стѣны, своды, алтарныя части и даже дверныя и оконныя откосы. Это цѣлый міръ изображеній, едва ли не пѣз самыхъ обильныхъ, имѣющихся на Русской Землѣ. На южной и сѣверной стѣнахъ олицетвореніе семи вселенскихъ соборовъ, на западной—страшный судъ, на столбахъ—мученики, въ алтарѣ—учрежденіе таинствъ причащенія и отцы православной церкви, храмъ оживленъ, одухотворенъ ими.

Къ несчастію, стѣнопись дошла до насъ не такою, какъ она была писана при митрополитѣ Іонѣ Сысоевичѣ, потому что въ 1825 году отчасти подновлена при архіепископѣ Авраамѣ, о странной дѣятельности котораго упоминалось при описаніи Толгскаго монастыря. Общая планировка собора, его размѣры, темень времени, положенная въ купола съ ихъ оконцами,—все это очень близко напоминаетъ московскій Успенскій. Отсюда, отъ собора, двинулась рать Пожарскаго на освобожденіе Москвы. Соборъ стоитъ въ центрѣ «Рубленаго» города, древняго города; по выраженію Несторовой лѣтописи, у насъ не строили, а «рубилъ города». Въ Ярославлѣ сохранился очень оригинальный, невидимый слѣдъ этого рубленаго города, о которомъ нѣтъ болѣе и помину: это крестныя ходы съ иконою Владимірской Божіей Матери, которые совершаются, будто бы, какъ разъ по тому пути, гдѣ стояли нѣкогда давно позабытыя деревянныя стѣны тогда еще небольшого Ярославля. Въ тѣ дни, во дни Ярославовы, люди обходили въ дѣйствительности существовавшій городъ; теперь обходить они не существующій, но невидимо присущій призракъ его. Можетъ быть, остатки оврага, называемаго «Медвѣдницей», напоминаютъ о томъ времени, когда Ярославъ, убивъ на охотѣ медвѣдницу сѣкирой, велѣлъ срубить на этомъ полюбившемся ему мѣстѣ городъ. Медвѣдъ и сѣкира въ гербѣ ярославскомъ напоминаютъ объ этомъ полумифическомъ событіи. Нельзя не замѣтить, если судить по колоссальному деревянному гробу, или, правильнѣе, колодѣ, въ которой обрѣтены мощи князя Оеодора Чернаго, хранящейся въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, что люди минувшихъ дней были не въ примѣръ крупнѣе намъ современныхъ и смѣло могли ходить на медвѣдя одинъ-на-одинъ.

Главная святыня Ярославля велѣдъ за соборомъ, безспорно, архіерейскій домъ, бывшій Спасо-Преображенскій монастырь. Это—тоже своего рода Кремль, обнесенный могучими стѣнами; въ нихъ, какъ въ каменномъ кольцѣ, заключены пять каменныхъ церквей; до упраздненія монастыря, до обращенія его въ архіерейскій домъ, въ 1788 году ихъ было семь. До этого года владыки ярославскіе жили въ Ростовѣ, а монастырь существовалъ самъ по себѣ, былъ богатъ, люденъ и имѣлъ славное, долгое прошедшее. Онъ основанъ въ 1216 г. великимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ; въ 1463 году, при Іоаннѣ III, открыты нетлѣнныя мощи князей Оеодора, Давида и Константина, неизвѣстно почему оставшіяся въ склепѣхъ подъ церковью болѣе столѣтія непогребенными. Когда рѣшено было предать ихъ землѣ, началось отпѣваніе, отъ княжескихъ тѣлъ пошли чудеса, ясно стало нетлѣніе ихъ, и они признаны святыми и покоятся въ храмѣ, носящемъ ихъ имя. Этотъ же храмъ служидь

Ярославль. Спасо-Преображенскій монастырь. Внутренность двора.

С. Давыдовъ

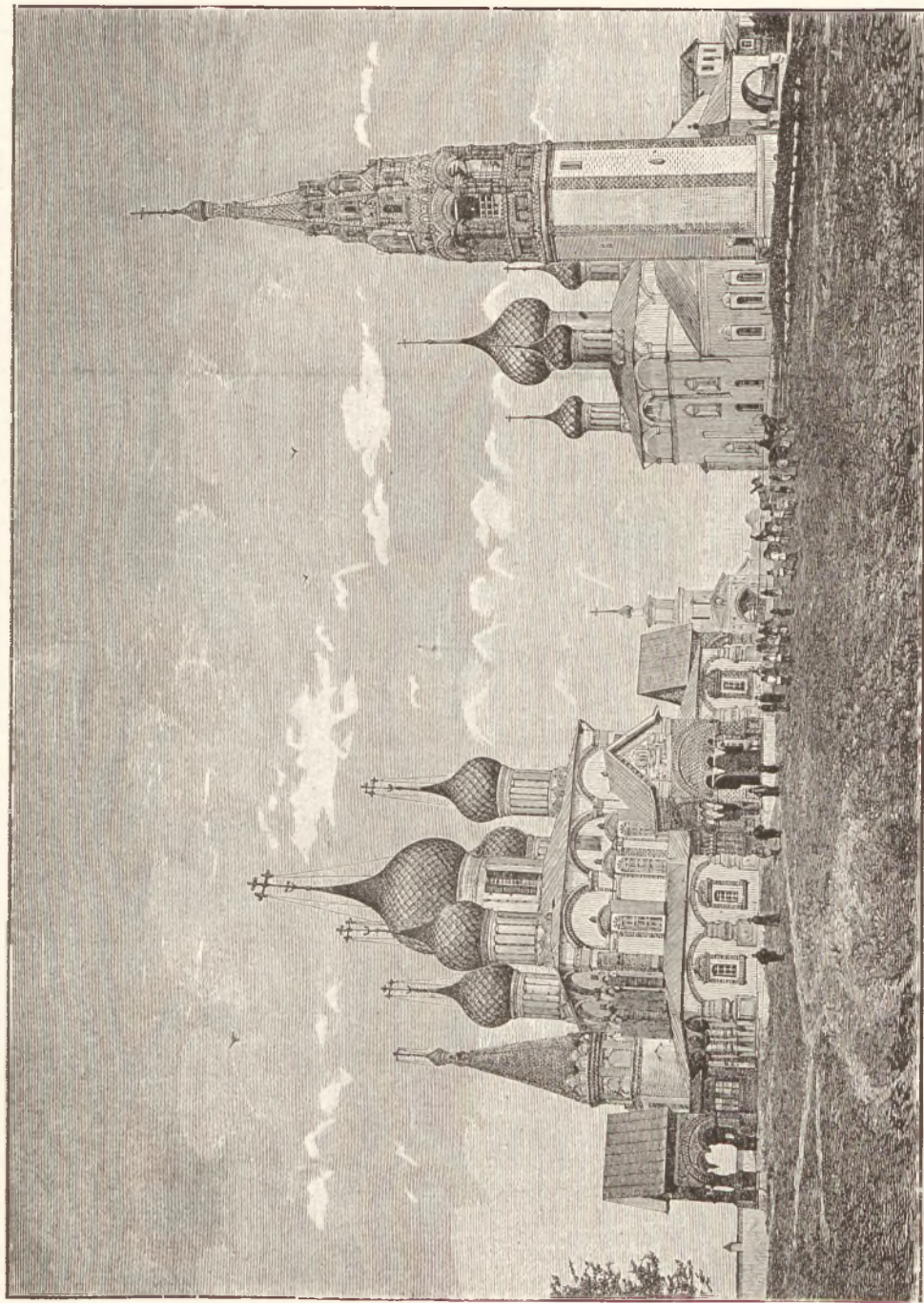
родовою усыпальницею князей ярославскихъ и другихъ знаменитыхъ родовъ; но даже слѣдъ этихъ могилъ исчезъ, остались одни воспоминанія.

Замѣчательно у насъ это исчезновеніе могилъ; какъ неизвѣстны начала множества городовъ, церквей и монастырей, такъ свѣянны и воспоминанія могильныя; страннымъ можетъ показаться, напримѣръ, что неизвѣстно гдѣ покоится послѣдній удѣльный ярославскій князь Александръ, скончавшійся уже совѣмъ въ историческое время, въ 1471 году, и похороненный въ Спасскомъ монастырѣ. Въ этихъ неясностяхъ всякихъ началъ и исчезновеніи слѣдовъ кроется какое-то необъяснимое, но чувствуемое присутствіе вѣчности: точно самъ Господь создавалъ ихъ, самъ и убралъ. Какъ особенность Спасо-Преображенскаго храма, слѣдуетъ указать то, что алтарный иконостасъ его и амвонъ выше солеи на одну ступень, а солея двумя ступенями выше церковнаго пола.

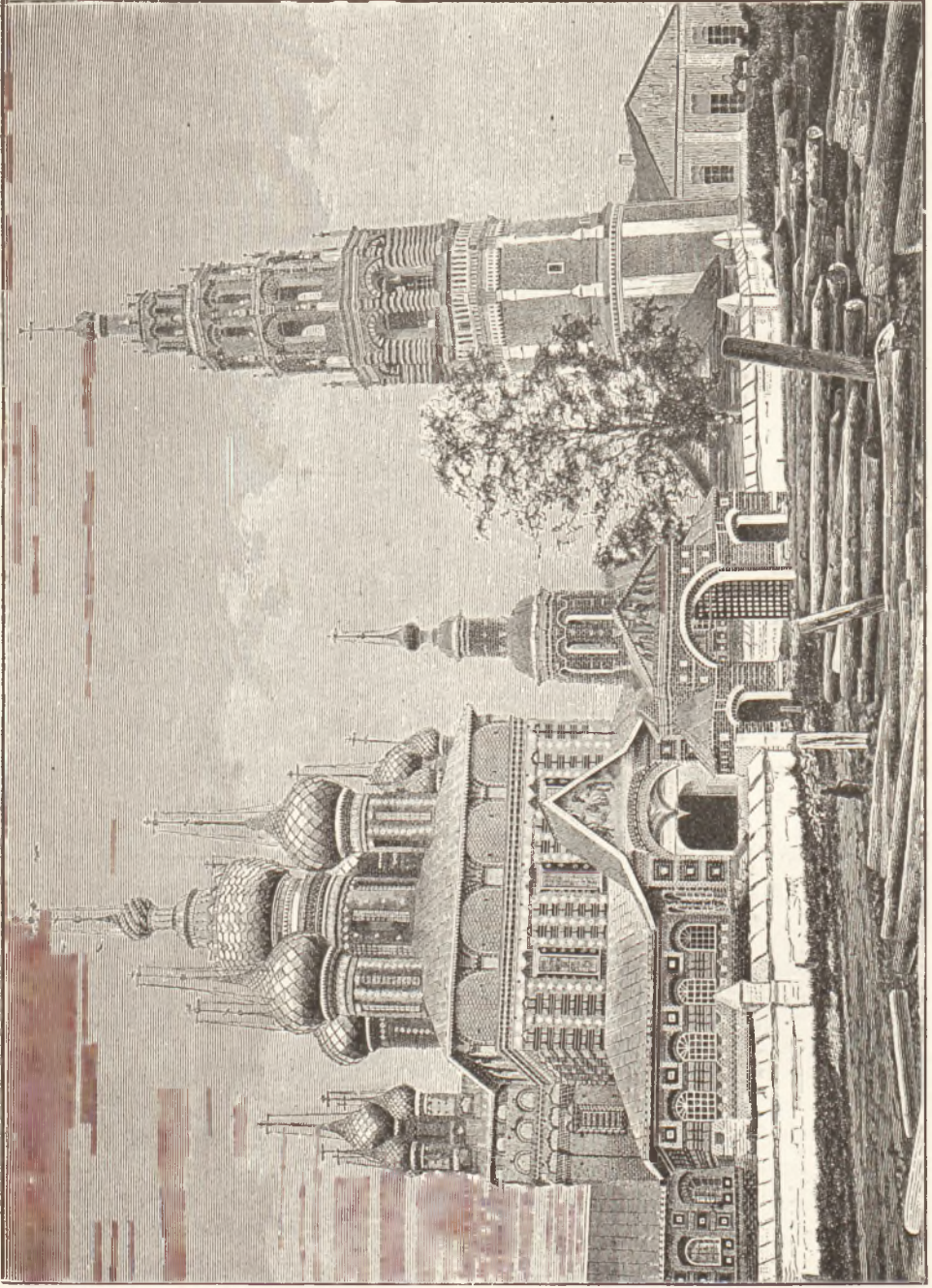
Изъ болѣе выдающихся событій за время существованія монастыря можно упомянуть о неудачной осадѣ его въ 1609 году поляками; о томъ, что въ 1612 году митрополитъ Кирилль, призванный изъ Москвы для умиротворенія несогласій въ дружинахъ Минина и Пожарскаго, стоявшихъ въ Ярославлѣ, и достигшій цѣли, жилъ въ Спасскомъ монастырѣ; о томъ, что 21-го марта 1613 года прибылъ сюда и встрѣченъ крестнымъ ходомъ, хлѣбомъ-солью и богатыми дарами юный царь Михаилъ Феодоровичъ; что онъ прожилъ 26 сутокъ въ архіерейскихъ келліяхъ со своею матерью и временнымъ совѣтомъ и встрѣтилъ св. Пасху, и что отсюда же послана имъ въ Москву въ земскую думу первая грамота о согласіи его на принятіе царскаго вѣща. Почти все Государя, Государыни и Великіе Князья наши посѣщали Спасскій монастырь. Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III и Великій Князь Владиміръ Александровичъ были здѣсь въ августѣ 1866 года.

Слѣдуетъ упомянуть, что въ 1747 году открыта была въ монастырѣ славяно-латинская семинарія, и что въ библіотекѣ послѣдняго изъ настоятелей монастыря, Іоила, найдена знаменитая рукопись «Слова о полку Игоревѣ». Необходимо также замѣтить, что въ 1786—1787 годахъ въ городѣ Ярославлѣ издавался журналъ подъ характернымъ названіемъ: «Уединенный Пошехонецъ»; это былъ чуть ли не первенецъ въ числѣ провинціальныхъ печатныхъ органовъ.

Къ числу достопримѣчательностей города Ярославля, представляющихъ научный интересъ, относятся также и, такъ называемыя, «падающія башни». Оба храма съ подобными башнями сооружены въ чертѣ города. Первый изъ нихъ находится въ предмѣстьи Коровникахъ. Онъ построенъ «посадскими людьми» Неждановыми въ 1654 г. Внутренность храма украшена изразцами и кирпичами; внутри—старинная живопись, а въ ризницѣ—богатая массивная серебряная утварь. Второй храмъ—во имя Іоанна Предтечи—находится въ предмѣстьи Толчковѣ, построенъ въ 1680 году и въ архитектурномъ отношеніи напоминаетъ храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Пизанскую башню, въ Италіи, покачнувшуюся на бокъ во время кладки перваго яруса, какъ извѣстно, нарочно достраивали въ такомъ видѣ съ утолщеніемъ стѣнъ съ одной стороны; но отчего существуютъ русскія падающія башни до сихъ поръ—не выяснено.

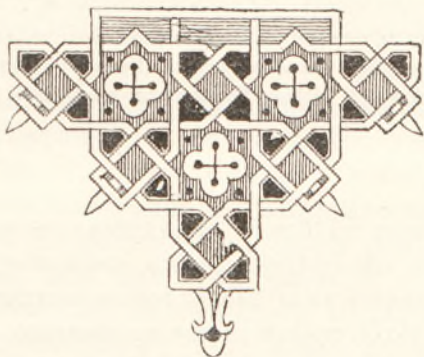
Русскія падаюція башні. Храмъ въ Коровникахъ, въ гор. Ярославль. Съ fotogr. грав. М. Ганевскій.

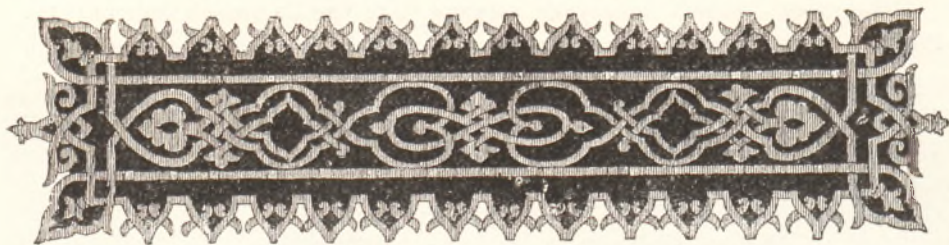

Церковъ Іоанна Предтечи въ Толчковѣ, въ г. Ярославлѣ. Русскія падающія башни. Съ фотогр. грава. М. Раменскій.

Около трех часов пополудни путники были уже въ вагонѣ, направляясь къ Ростову, и простились съ Ярославемъ, съ волжскимъ красавцемъ. Въ описаніи Ярославля, составленномъ А. Титовымъ, приведены стихи на Ярославль мѣстнаго поэта XVIII вѣка, сравнивающаго египетскій Нилъ съ великорусскою Волгою. Если бы, говоритъ поэтъ, древній Египетъ взглянулъ на нашъ Ярославль, то

онъ быobeliski,
Которы къ облачнымъ предѣламъ сдѣлазъ близки,
Давно бы возносить хвалами пересталъ,
Когда-бъ еще тотъ планъ хоть темно начерталъ.
Который въ новый видъ нашъ градъ преображаетъ
И славу тѣмъ его повсюду расширяетъ...

Ростовъ Великій.

Реставраціи древняго кремля. Историческое. Центръ дѣятельности святыхъ Стефана Пермскаго и Дмитрія Ростовскаго. Ихъ характеристики. Какъ и кто реставрировалъ кремль. Бѣлая палата. Пещерная церковь. Музей. Яковлевскій монастырь. Ростовскіе колокола.

Ростовъ расположенъ на берегу одноименнаго съ нимъ озера, называемаго, впрочемъ, также Церо. Берега озера плоски; тѣмъ рельефнѣе выдаются многочисленныя церкви города, составляющаго древнѣйшій центръ края, болѣе старшій по своему значенію, чѣмъ Ярославль.

Посѣщеніе Ростова составляетъ экскурсію въ сторону отъ прямого пути, которая была предпринята исключительно во вниманіе къ древностямъ ростовскимъ и къ замѣчательной реставраціи древняго кремля, завершенной сравнительно недавно. Шевыревъ посѣтилъ Ростовъ въ 1847 году, видѣлъ все это въ печальныхъ развалинахъ и глубоко грустилъ. Если бы онъ посмотрѣлъ на кремль теперь! Реставрація дѣйствительно стоитъ самаго полного одобренія: кремль опять существуетъ, воскресъ.

За годъ до освященія реставрированной святыни кремля, рассказываютъ очевидцы, глазамъ представлялись развалины безъ крышъ, безъ столбовъ, съ потоками отъ дождей, птичьими гнѣздами и даже цѣлыми рябинами, приносившими плоды и выраставшими на крышахъ; одну изъ этихъ рябинъ сохранили въ назиданіе потомства, чтобы показать, до чего мы небрежны и какъ много могутъ сдѣлать частный починъ, энергія и пожертвованія. Въ храмѣ Григорія Богослова помѣщались курень и бойня. А между тѣмъ въ Бѣлой палатѣ угощались трапезой Великаго Петра святитель Дмитрій Ростовскій!

Значеніе Ростова въ исторіи нашего Сѣверо-Востока очень велико, какъ центра Суздальской земли, въ которой развилось и окрѣпло великорусское племя и которая предшествовала Москвѣ въ пониманіи объединенія и собранія разрозненныхъ силъ нашихъ въ одно великое цѣлое. Кромѣ того, тутъ находился

духовный центръ; изъ него пошла проповѣдь христіанства въ языческую Пермскую землю, во главѣ которой стоялъ знаменитый св. Стефанъ Пермскій. Почти одновременно съ нимъ жилъ и трудился въ Ростовѣ другой видный дѣятель церковный, извѣстный жизнеописатель святыхъ нашей церкви, Елифаній Премудрый. И тотъ и другой воспитывался и учился въ той братской духовной академіи, которая существовала здѣсь 500 лѣтъ назадъ подъ именемъ «Затвора»; существующій при ней храмъ недавно возобновленъ.

Стефанъ Пермскій, сынъ псаломщика,—одна изъ крупнѣйшихъ подвижническихъ личностей нашей церкви, какъ Кирилль Бѣлозерскій, Нилъ Сорскій и многіе другіе. Онъ пришелъ въ Ростовъ пѣшкомъ изъ Великаго Устюга, прослышавъ о томъ, что въ тамошнемъ «Затворѣ» «книги многи быша ту»; это то же самое, что «книжицы» преподобнаго Кирилла: прочная основа дальнѣйшаго пути для человѣка готоваго подвизаться. «Затворъ» не былъ мертвою схоластическою школою; въ немъ имѣли мѣсто ученые и богословскіе препирательства и диспуты между учениками. Десять лѣтъ пробылъ Стефанъ въ «Затворѣ» и рѣшился просвѣтить сосѣднюю Пермскую землю. Онъ составилъ зырянскую азбуку, перевелъ на зырянскій языкъ нужныя книги и, въ санѣ іеромонаха, съ охранными грамотами великаго князя, пошелъ на подвигъ. Охранныя грамоты защищали его, однако, мало; на него не разъ нападали, намѣревались убить, свергли съ моста. Безстрашно ходилъ онъ по кумирнищамъ, и ночью, и днемъ, и по лѣсу, и по полю, и безъ народа, и предъ народомъ, «обухомъ въ лобъ біяше идоловъ и сокрушаше имъ носы»; онъ снималъ съ главныхъ кумировъ священныя пелены, «и ихъ безъ вреда износилъ отрокъ его Матвѣйка». Пермь была уже присоединена въ то время къ Москвѣ, но это не помогало преподобному. До насъ дошли любопытныя свѣдѣнія о борьбѣ его съ главнымъ волхвомъ Памомъ, говорившимъ своимъ людямъ, что непригодно имъ слушать Стефана, потому что «Москва угнетаетъ васъ податями; развѣ отъ Москвы можетъ вамъ быть какое-нибудь добро? Не оттуда ли тиуны и приставники, дани и насильства»? Но преподобнаго все-таки слушали. Памъ думалъ взять обманомъ и предложилъ ему пройти сквозь огонь и воду. Зажжена была хижина, огонь уже пылалъ и трещалъ; Стефанъ двинулся къ огню и сказалъ волхву: «идемъ!» Волхвъ не пошелъ, однако; не рѣшился онъ нырнуть и въ прорубь, чтобы вынырнуть изъ другой, на что былъ готовъ Стефанъ; народъ хотѣлъ предать обманщика волхва смерти и только по настоянію Стефана ограничился изгнаніемъ его въ Сибирь.

«Читая житія святыхъ, составленныя другимъ ученикомъ «Затвора», Епифаніемъ Премудрымъ,—говоритъ извѣстный изслѣдователь Барсовъ,—мы присутствуемъ при двухъ основныхъ процессахъ нашей исторіи: мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ древнерусскимъ человѣкомъ, который, неуставно двигаясь съ крестомъ, топоромъ, съ сохой, въ зипунѣ и монастырской рясѣ, дѣлалъ одно немалое дѣло—расчищаль мѣсто для исторіи отъ береговъ Днѣпра до Сѣвернаго океана и въ то же время, несмотря на такую растяжимость, умѣлъ собрать силы на созданіе государства, сдержавшаго вторженіе съ востока и пропаганду съ запада».

Третьимъ замѣчательнымъ лицомъ въ длинномъ ряду іерарховъ ростовскихъ является святитель Димитрій, вдохновенный составитель духовныхъ пѣсень и Четы-Миней. Въ самый день кончины своей, стоя у печки и «грѣясь сердцемъ», слушалъ онъ, какъ исполняли ихъ его любимый, прекрасно обученный хоръ. Паслушавшись пѣсень волю, онъ отпустилъ пѣвчихъ, также слугъ своихъ, остался одинъ, склонился на молитву и умеръ. «Св. Димитрій,—говоритъ Барсовъ,—былъ мужъ высокаго образованія. Онъ зналъ языки: славянскій, латинскій, греческій, еврейскій и польскій. Были и другіе въ его время славные ученые, но ихъ слава менѣе прочна въ исторической наукѣ. Теофанъ Прокоповичъ былъ больше политическій дѣятель и панегиристъ тогдашнихъ преобразованій; Стефанъ Яворскій былъ больше проповѣдникъ и православный полемизаторъ; честь перваго археолога и историка въ Великой Россіи, безспорно, принадлежитъ св. Димитрію Ростовскому».

Неудивительно, что Ростовъ, центръ широкой духовной дѣятельности, избывовалъ памятниками историческаго зодчества, воздвигшаго величественныя кремлевскія зданія. Ростовскій соборъ служилъ образцомъ при постройкѣ суздальскихъ храмовъ вообще, а слѣдовательно и для характернаго суздальскаго стиля. Возстановленіе въ прежнемъ видѣ церкви св. Григорія Богослова, княжскихъ теремовъ, Бѣлой палаты, начавшееся въ 1883 и завершенное въ октябрѣ 1884 года,—фактъ въ высшей степени замѣчательный. Дай Богъ, чтобы нашлись ему подражатели. Очень много сдѣлать для этого бывшій начальникъ губерніи Левшинъ, примѣры подражанія которому были бы очень желательны. Главнымъ руководителемъ почти всѣхъ работъ былъ И. А. Шляковъ.

Почти все существенное въ кремлѣ—говоритъ мѣстный изслѣдователь—построено или возобновлено митрополитомъ Ионой III Сысоевичемъ въ концѣ XVII вѣка. Реставрація произведена прекрасно; небольшіе остатки стѣнныхъ бойницъ дали рисунокъ для возстановленія стѣны съ бойницами; едва замѣтныя детали одной дымовой трубы послужили образцами для возведенія остальныхъ трубъ. То, что погибло совершенно, возстановлено по соответствующимъ современнымъ образцамъ: такъ, оконныя рамы исполнены по образцу слюдяныхъ рамъ ярославскихъ церквей XVI и XVII вѣковъ; узоръ возстановленнаго на конькѣ крыши гребня взятъ изъ рукописи XVI вѣка; отштукатуренныя у сводовъ сѣрпы придѣланы вновь, и т. д.

Слѣдуетъ упомянуть, говоря о ростовской каедрѣ, что тутъ было когда-то у ростовскихъ святителей сильное желаніе облечься «величавыми образами свѣтской власти», о чемъ въ своемъ повѣствованіи, вспоминая патріарха Никона, говоритъ Шевыревъ. Это довольно явственно сказавшееся въ свое время стремленіе, какъ нѣчто совсѣмъ неподходящее, несогласное съ остальнымъ складомъ русской жизни, отошло, конечно, въ вѣчность. Духовенство этимъ самымъ будто отдѣлило себя отъ народа, и характернѣйшимъ образчикомъ этого, если можно такъ выразиться, католическаго пошиба является реставрированная храмо-крестовая церковь — Спасъ-на-Сѣняхъ, гдѣ солея поднята выше роста человѣческаго и шестью золочеными колоннами съ высокимъ архитравомъ точно отрезала прихожанъ отъ причта. Странно, что это негармоничное движеніе

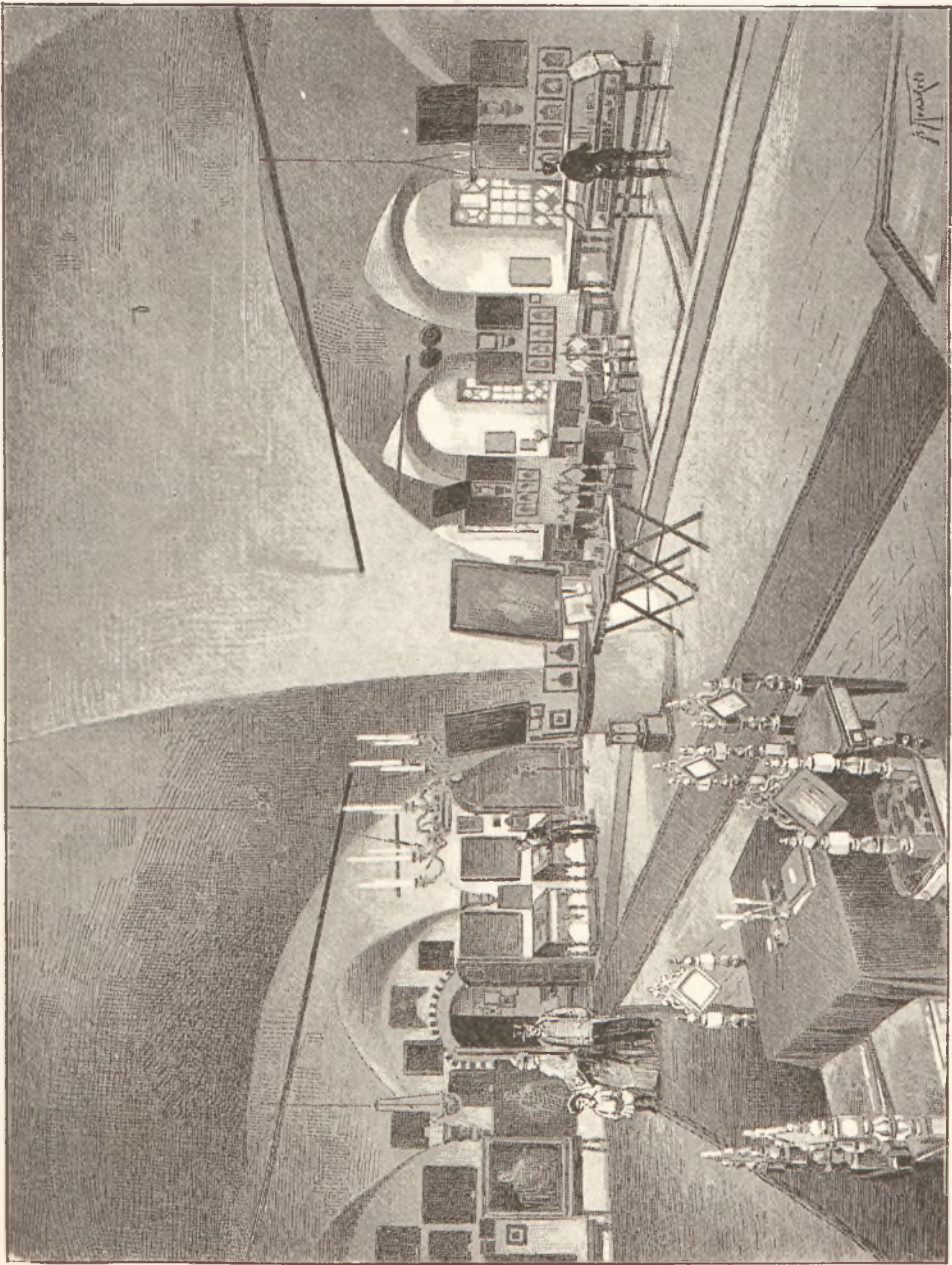
Ростовъ Великій. Видъ съ озера.

имѣло мѣсто именно въ Ростовѣ, въ чисто православномъ центрѣ, отличающемся и теперь самыми гармоничными колоколами. Ростовскій соборъ, древнѣйшее зданіе города, 1230 года, въ которомъ почиваютъ ростовскіе митрополиты, имѣетъ на своей колокольнѣ замѣчательный подборъ колоколовъ и свои особенные музыкальные звоны. Звоны эти обозначаются именами учредителей колоколовъ: Іонинскій, Георгіевскій, Іоакимовскій. Всѣхъ колоколовъ тринадцать, отъ 2.000, 1.000, 500 пудовъ вѣса до 20 и менѣе. Совершенно правы тѣ, которые говорятъ, что подобнаго звона нѣтъ нигдѣ рѣшительно; но, помимо достоинства колоколовъ, необходимо и умѣнье пользоваться ими, и оно тутъ есть; и звонъ этотъ удивительно пріятенъ.

Говоря о ростовскихъ реставраціяхъ, нельзя не сказать о послѣдней: о нещерной церкви, открытой въ 1884 году въ Успенскомъ соборѣ при перестилкѣ чугунаго пола. Въ нещерную церковь эту, совершенно уже обновленную*), спускаются изъ собора; она очень невелика; справа и слѣва фрески XV вѣка, значительно пострадавшія, съ изображеніемъ сценъ погребенія и явленія мощей преподобныхъ Леонтія, и Пгнатія и Исаія. Первый изъ нихъ поконится тутъ же, направо отъ входа, тогда какъ свв. Игнатій и Исаія почиваютъ въ ракахъ своихъ, въ соборѣ, съ обѣихъ сторонъ алтаря. Фрески самаго собора сохранились хорошо; очень красиво изображеніе Тайной Вечери въ большихъ фигурахъ въ самомъ алтарѣ; Спаситель и апостолы окружаютъ алтарь впушительнымъ полукружіемъ, ясно виднымъ и изъ церкви, благодаря своимъ блестящимъ оглавіямъ. Говорятъ, будто поиски мощей св. Василья оказались тщетными. Замѣчательно, какъ быстро исчезаютъ воспоминанія: при расконкахъ этой церкви стали также искать входа въ находившуюся подъ соборомъ усыпальницу; нашлось нѣсколько человѣкъ, когда-то ходившихъ въ нее, и, тѣмъ не менѣе, входа не нашли — все это будто свѣялось.

Путники обошли весь кремль; посѣтили церковь Іоанна Богослова, съ ея массивными иконами предъ алтаремъ и горнимъ мѣстомъ, обильно снабженную фресками; были въ Крестовой церкви, о которой упоминалось; посѣтили терема, проходя по узкимъ галлерейкамъ, по которымъ можно обойти весь кремль. Бѣлая палата задержала ихъ особенно долго. Это довольно обширное четырехугольное помѣщеніе, подъ паруснымъ на четыре ската сводомъ, съ могучимъ столбомъ по срединѣ; она обращена въ музей ростовскихъ древностей. Здѣсь слушали она исполненіе двухъ очень характерныхъ вещей: былъ спѣтъ кантъ Спасителю, сочиненный св. Димитріемъ Ростовскимъ и начинающійся словами: «Похвалу принесу сладкому Іисусу», и тутъ же священникъ, отецъ Аристархъ, далъ возможность слушателямъ насладиться его превосходными камертонами. Камертоны эти построены въ ладъ ростовскихъ колоколовъ, и на нихъ воспроизводятся съ удивительною точностью всѣ ихъ характерные звоны. Эта гармоничнѣйшая музыка долгое время разносилась кругомъ по Бѣлой палатѣ; толпа посѣтителей стояла неподвижною, безмолвною; и можно бы было слушать музыку эту бесконечно, — такъ она удивительно хороша. Не надо

*) Возстановленіе ея торжественно отпраздновано въ Ростовѣ 29-го сентября 1885 г.

Ростовъ Великій. Бѣлая палата.

забывать обстановку, въ которой ее удалось слушать: въ этой палатѣ угощаль когда-то Дмитрій Ростовскій—Петра Великаго.

Яковлевскій монастырь находится вблизи города. Направо отъ входа въ церковь почиваетъ св. Дмитрій, налѣво, близъ алтаря — св. Іаковъ. Храмъ обильно снабженъ фресками, расположенными однѣ надъ другими по параллельнымъ поясамъ. Въ монастырѣ 45 иноковъ; здѣсь хранятся древняя шапка и посохъ св. Дмитрія; шапка эта находилась на немъ во время обрѣтенія мощей; сохранился также эклипажъ, служившій когда-то святителю; это нѣчто въ родѣ огромной брѣчки, съ весьма узкимъ верхомъ, на изогнутыхъ дрогахъ и огромныхъ, чуть не въ ростъ человѣка, колесахъ; онъ выкрашенъ сѣрою масляною краской.

Путешественники возвращались изъ монастыря въ Ростовъ на небольшомъ пароходѣ и любовались съ него однимъ изъ лучшихъ нашихъ видовъ, не смотря на безусловную плоскость береговъ озера. Тихо плескавшееся въ зеленѣющихъ берегахъ озеро Неро, обрамленное множествомъ деревень, въ которыхъ живутъ знаменитые ростовскіе огородники,—деревень, въ каждой изъ которыхъ бѣлѣла церковь, видѣвшійся рядъ ростовскихъ храмовъ, числомъ 22, и почти непосредственно подходящая къ городу мощная стѣна съ шестью башнями Яковлевской обители съ ея куполами—составляли удивительную декорацію. Съ берега доносились праздничныя пѣсни толпы, а поверхъ всего стоялъ густой, гармоничный, музыкальный звонъ ростовскихъ колоколовъ. Этотъ чудный звонъ нужно слышать именно съ озера и, если возможно, въ вечерній часъ, какъ слышали его путники, для того, чтобы насладиться имъ вполнѣ. Органы католическихъ церквей, звучащія подъ сводами, какъ бы хороши они ни были, не могутъ сравниться съ мелодичностью ростовскихъ колоколовъ, говорящихъ подъ открытымъ небомъ и посылающихъ звуки свои далеко, далеко...

Вологда.

Историческое. Чудскія могилы. Пребываніе Іоанна Грознаго и его постройки. Соборъ. Пять посѣщеній Петра I. Непѣя и Саватѣевъ. Домикъ Петра I. Спасообыденная церковь. Воспоминанія о Батюшковѣ и архіепископѣ Иринеѣ. Прилуцкій монастырь. Двѣ поговорки.

Вологда, одинъ изъ древнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ русскихъ городовъ, лежитъ на совершенно ровной, частью болотистой мѣстности и страдаетъ недостаткомъ хорошей воды для питья.

Вологжане считаютъ свой городъ, по числу храмовъ, пятымъ въ Россіи, а ихъ 42. Соборъ построенъ при Іоаннѣ Грозномъ, подъ личнымъ его наблюденіемъ, въ 1568—1570 годахъ; говорятъ, будто постройка производилась съ такою тщательностью, что строеніе покрывалось на ночь лубками. Однажды царь вошелъ въ соборъ; что-то оторвалось отъ свода и упало ему на голову. Царь разгнѣвался, велѣлъ было сломать постройку, едва смилостивился; мѣсто въ сводѣ, съ котораго что-то упало, показываютъ и до сихъ поръ. Соборъ о пяти куполахъ, иконостасъ пяти-ярусный; по зеленому фону окраски золоченая орнаментика; фрески, покрывающія стѣны, — конца XVII вѣка; но сильно возобновлены лѣтъ 30 назадъ и кажутся свѣтловатыми, блѣдными. Въ храмѣ покоятся мощи неканонизованныхъ угодниковъ Антонія и Пимена. Красиво смотрятъ изъ алтаря высокія, въ полтора роста, фигуры святыхъ. Въ соборѣ почиваютъ вологодскіе архіереи. Совершенно не подходитъ къ собору новая колокольня въ стилѣ не то ренессансъ, не то готики. Недалеко отъ собора протекаетъ рѣка Вологда, вѣроятно, давняя имя городу.

Вологодская губернія — одна изъ частей древней призрачной Біарміи, того Заволочья, отъ котораго богатѣль Великій Новгородъ, торгуя съ Азіей; это — бывшія пепелища чуди, потомками которой являются зыряне, населяющіе два уѣзда губерніи: Яренскій и Усть-Сысольскій; когда-то было ихъ гораздо

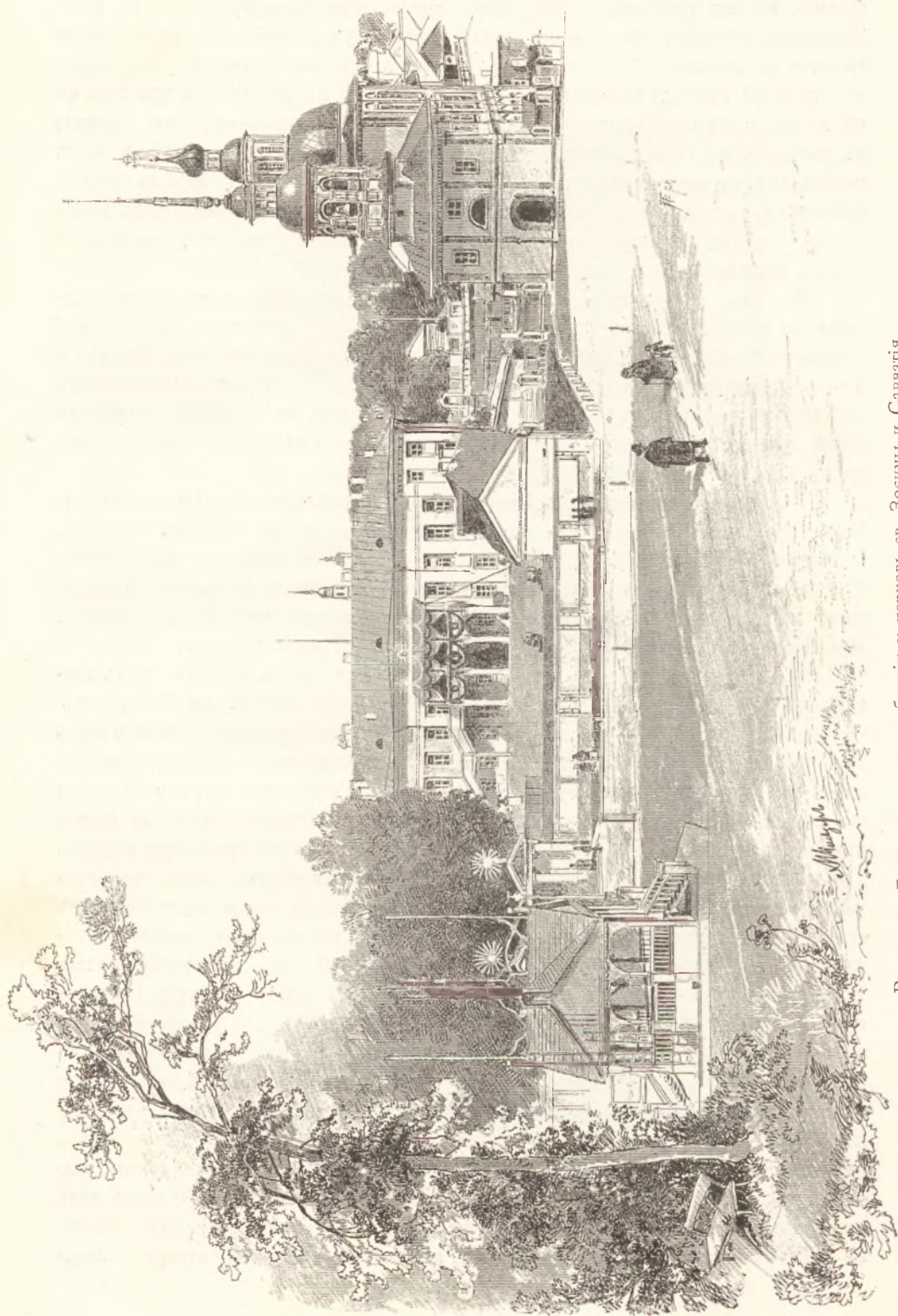
Вологодскій соборъ.
Съ фотогр. А. П. Шевцова, рис. В. Шнабъ, граи. Е. Даммолеръ.

больше, но они русѣютъ. Должно бытъ, борьба чуди съ направившимися на нихъ славянами началась Богъ вѣсть когда; первое упоминаніе объ этой борьбѣ имѣется въ лѣтописи 1078 года, гдѣ говорится, что въ Заволочѣѣ убитъ князь новгородскій Глѣбъ Святославичъ. Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ? Борьба эта шла не на жизнь, а на смерть; смерть выпала на долю чуди, жизнь — на долю славянъ; въ качествѣ послѣдней защиты чудь выкапывала ямы, укрывалась въ нихъ настилками на подпоркахъ, и если, отбиваясь въ этихъ ямахъ, видѣли они неминуемость пораженія, то разрушали подпорки и гибли; такъ объясняютъ нѣкоторые специалисты происхожденіе «чудескихъ могилъ», этихъ ямъ «погибельницъ», имѣющихся въ большомъ числѣ въ Вологодской губерніи.

Вологда возникла въ одно время съ Москвой, если вѣрить легендарному сказанію, въ которомъ говорится, что когда, въ 1147 году, въ эти мѣста прибылъ изъ златоверхаго Кіева преподобный Герасимъ, то онъ нашелъ уже здѣсь селеніе и малое торжище на площади и вскорѣ имѣлъ споръ съ купцомъ Пятышевымъ за участокъ земли; домъ противъ церкви Св. Троицы, въ которой почиваютъ мощи преподобнаго Герасима, до 1843 года принадлежалъ Пятышевымъ. Это ли не прочность землевладѣнія?

Вологда упоминается, какъ волость, въ грамотѣ Ярослава III въ 1265 г. Много потеряла она отъ новгородцевъ, потому что, словно предвидя будущее, постоянно тянула къ Москвѣ, подъ власть которой окончательно закрѣпилась и успокоилась при Василии Дмитріевичѣ. Ослѣпленный Шемякою, Василий жилъ здѣсь и съ помощью вологжанъ возвратилъ себѣ московскій престолъ. При Іоаннѣ III Вологда служила для многихъ мѣстомъ заточенія.

Особенно нравилась Іоанну Грозному Вологда, чрезъ которую шелъ торный путь нашихъ царей на богомолье въ Кириллову обитель на Бѣло-Озерѣ. Онъ хотѣлъ даже сдѣлать ее столицей, началъ обносить каменною стѣной и былъ тутъ три раза, въ 1545, 1565 и 1568 годахъ, проживъ въ послѣднее посѣщеніе очень долгое время. Онъ построилъ, какъ сказано, Софійскій соборъ и недалеко отъ него, вдоль теченія Вологды, заложилъ огромное подземное зданіе для казнохранилища, слѣдовъ котораго искали, но не нашли; имъ же прокопаны канавки для осушенія города. Съ 1553 года завязался, какъ извѣстно, торгъ съ англичанами чрезъ Бѣлое море, и городъ Вологда сдѣлался тогда очень важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Первый русскій посолъ въ Англію, сопровождавшій отъѣзжавшаго Ченслера, былъ вологжанинъ Іосифъ Пепѣя. Въ междоусобіи Вологда пострадала отъ польскихъ шаекъ; молодому царю Михаилу Осодоровичу пришлось обнести городъ деревянною стѣною. Въ 1655 году половина жителей погибла отъ моровой язвы, и въ эту-то тяжкую годину была построена въ одинъ день «Спасообыденная Всеградская церковь». Храмъ начали строить въ ночи, срубили за два часа до свѣта, святить начали въ 5-мъ часу дня, такъ что въ храмѣ въ тотъ же день совершили всѣ божественныя службы. Отъ этого храма нѣтъ и слѣда; онъ имѣлъ 3 аршина длины и 8 ширины; нынѣшняя, каменная церковь построена въ самомъ концѣ XVII вѣка; сводъ надъ церковью въ видѣ шапки, о четырехъ скатахъ, встрѣчающійся здѣсь часто; по стѣнамъ, на штукатуркѣ, живопись масляными красками; алтарь — полу-

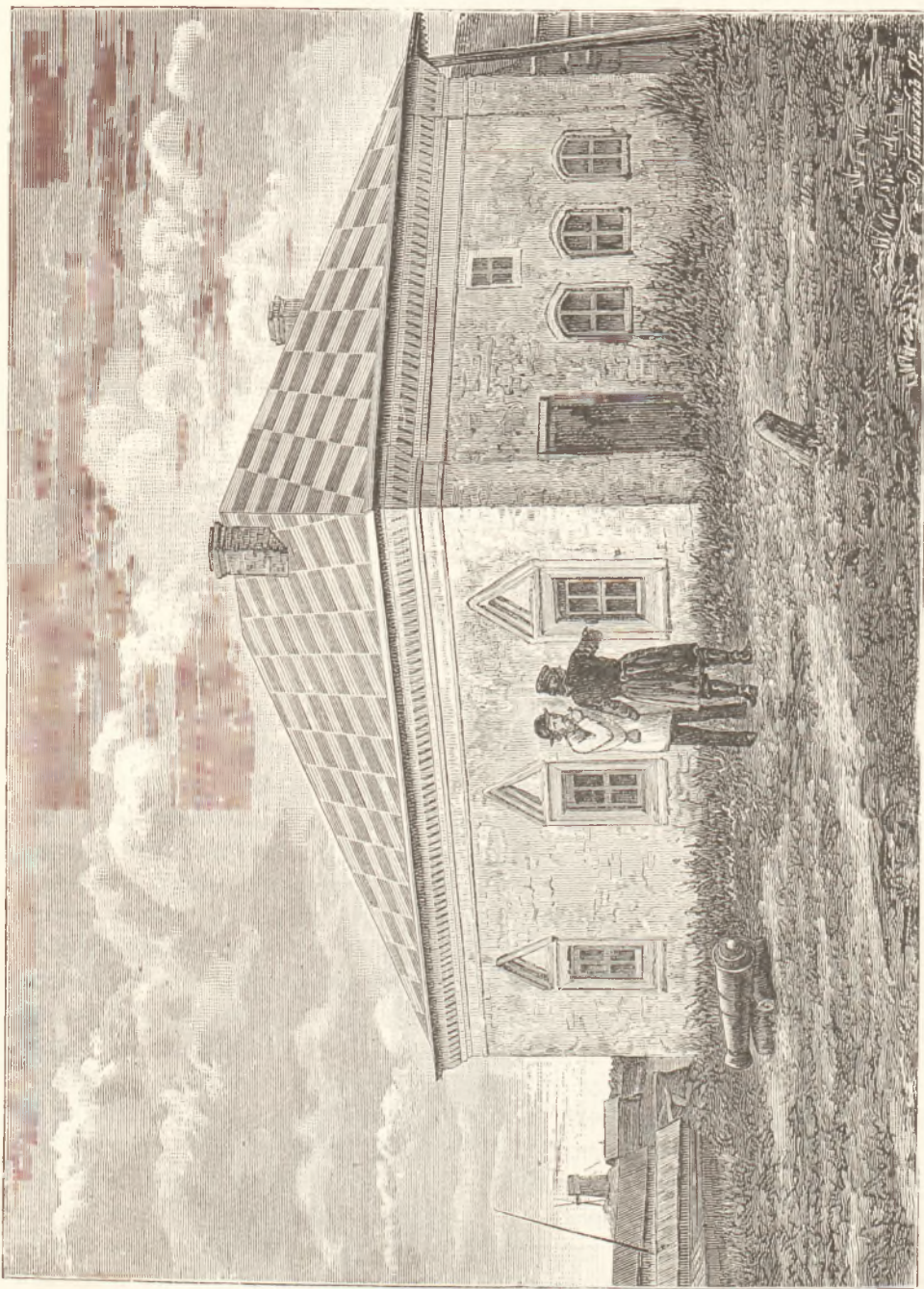
Вологда. Домъ начальника губерніи и церкви св. Зосимы и Савватія.

кругомъ. Въ 1780 году открыто въ Вологдѣ намѣстничество, въ 1796 году городъ сдѣланъ губернскимъ; въ 1824 году посѣтилъ Вологду императоръ Александръ I, въ 1858 — Александръ II, въ 1870 — Великій Князь Алексѣй Александровичъ, а въ 1885 году — Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Вологда относится къ числу тѣхъ городовъ, торговое значеніе которыхъ убито Петербургомъ. Петръ I былъ въ этомъ городѣ пять разъ. Къ несчастью, все дошедшія до насъ свѣдѣнія — говорить г. Арсеньевъ — толкуютъ больше о томъ, что дѣлали «для» царя Петра во время его приѣздовъ, а не о томъ, что дѣлалъ онъ самъ. Въ первый разъ царь прибылъ, вѣроятно, въ первое путешествіе къ Архангельску, въ 1693 году, и взялъ съ собою Макарова, будущаго кабинетъ-секретаря. Вторично былъ онъ здѣсь въ 1694 году, когда въ немъ созрѣла окончательно мысль открыть Россіи черезъ Архангельскъ морской путь; Петръ прибылъ въ Вологду въ іюнь, со свитой въ 105 человекъ, и прожилъ здѣсь три съ половиною дни; до Вологды ѣхалъ онъ изъ Москвы въ каретѣ на рессорахъ, обитой внутри разноцвѣтнымъ триномъ; въ свитѣ его было сорокъ стрѣльцовъ и два карлика, Ермолай съ Тимоѣемъ; царь обѣдалъ у архіепископа, а готовили дворцовые повара. Отъ Вологды до Архангельска, гдѣ царь оставался болѣе двухъ мѣсяцевъ, ѣхали на семи карбасахъ.

На третье путешествіе Петра I къ сѣверу заготовлены были для царя въ Вологдѣ 22 карбаса, и въ свитѣ его находилось 300 человекъ. Четвертое посѣщеніе состоялось въ 1702 году, и на этотъ разъ по адресу шведовъ взяты были Петромъ, кромѣ свиты, 4.000 преображенцевъ; державному отцу сопутствовалъ двѣнадцатилѣтній царевичъ Алексѣй; царь возвратился не черезъ Вологду, а совершилъ знаменитый богатырскій нюхацкій походъ отъ Вѣлаго моря черезъ дебри Архангельской и Олонецкой губерній къ Повѣнцу, навстрѣчу шведамъ. Въ пятый и послѣдній разъ великій преобразователь Россіи посѣтилъ Вологду въ 1724 году, возвращаясь съ императрицей Екатериной Алексѣевной съ олонцкихъ «марціальныхъ» водъ. Замѣчательно, что какъ первымъ посломъ нашимъ въ Англію былъ вологжанинъ Пелѣя, такъ и съ Китаемъ, при Петрѣ, вель торговля сношенія опять-таки вологжанинъ Иванъ Саватѣевъ. Въ 1872 году открыты документы, касающіеся любопытнаго факта, — это грамоты царя Саватѣеву. До того были извѣстно только шесть случаевъ сношеній русскихъ съ Китаемъ; при Петрѣ I эти документы прибавляютъ къ нимъ еще одно. Насколько выгодна была эта торговля, видно изъ того, что кунчина Саватѣевъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Китай, доставилъ государству прибыли на 223.550 рублей, что составляло ни болѣе, ни менѣе, какъ $\frac{1}{14}$ часть всехъ государственныхъ доходовъ того времени.

Память объ Иоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ какъ-то сочеталась и живетъ въ Вологдѣ. Близъ церкви Оеодора Стратилата находится домъ, въ которомъ пребывалъ въ теченіе двухъ дней Петръ I, а церковь эта построена Иоанномъ IV при полученіи имъ извѣстія о рожденіи сына его Оеодора. Домикъ Петра I стоитъ на берегу рѣки Вологды; онъ невеликъ и состоитъ всего изъ двухъ отдѣленій: одного — большого, другого — малаго. Въ немъ помѣщается небольшой историческій музей, въ которомъ сохраняются нѣкоторыя мѣстныя

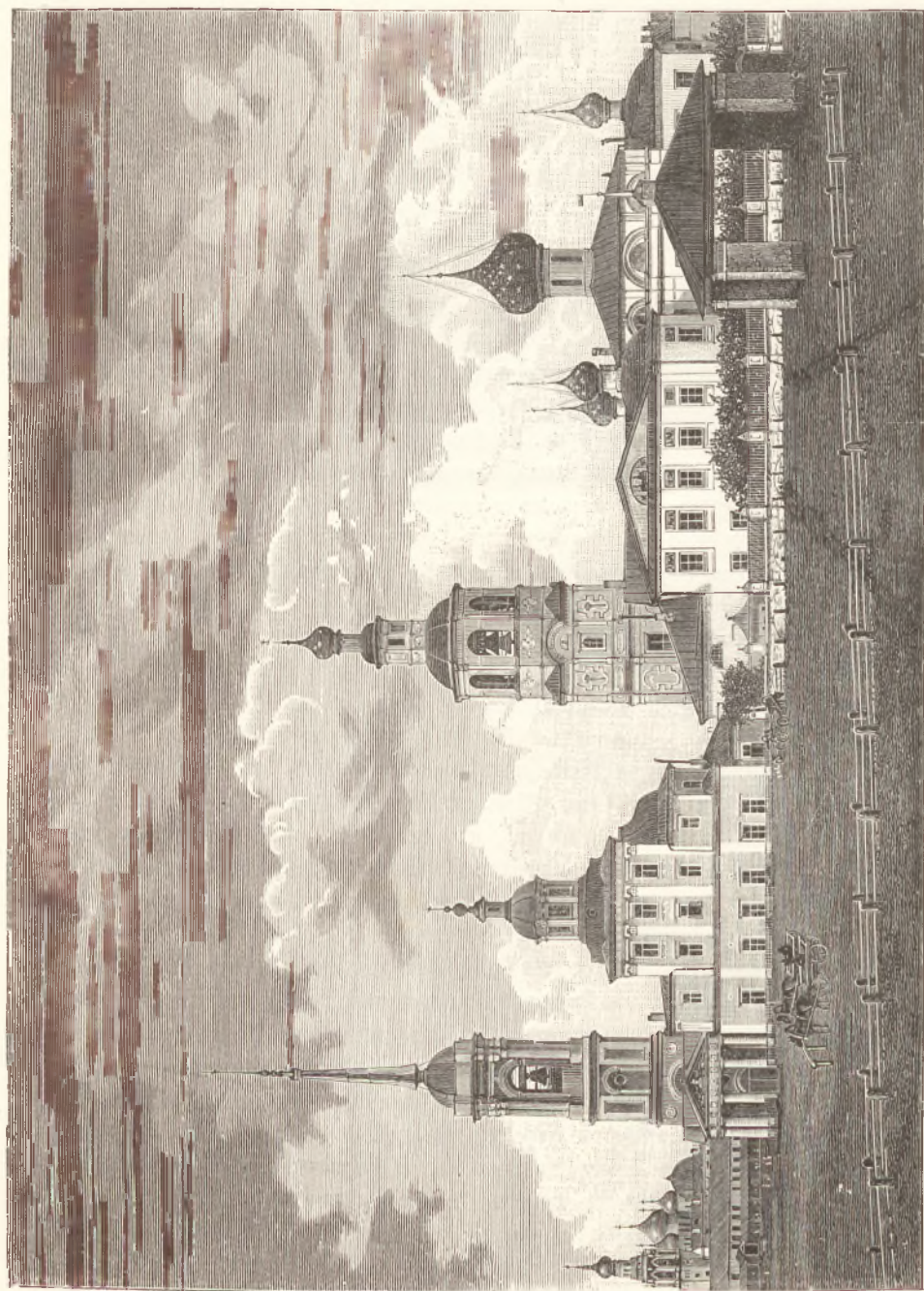
Домъ, гдѣ жилъ Петръ I, въ городѣ Вологдѣ, съ фотогр. грав. Галактионъ,

древности; тутъ же имѣется столикъ, ножки котораго подпилены собственноручно Александромъ I, такъ какъ столикъ, должно быть, качался, и хранится мѣдное яблоко съ балкона, на которое императоръ опирался; замѣчательна бронзовая ваза, несомнѣнно, древнегреческая, найденная въ Усть-Куломской волости, Усть-Сысольскаго уѣзда. Въ садикѣ передъ домомъ стоитъ петровская пушка, и виситъ старое церковное било.

Тридцать четыре года тому назадъ, т. е. въ 1862 году, печально окончилъ въ Вологдѣ свое существованіе нашъ поэтъ Батюшковъ. Онъ жилъ тутъ долгое время сумасшедшимъ, сначала буйнымъ, затѣмъ кроткимъ, меланхоличнымъ. Милость государя Николая I не забывала его: онъ получалъ пенсію. Но будучи безумнымъ, Батюшковъ, однако, сохранилъ память и читалъ наизусть Корнеля, Тасса, Державина; онъ любилъ вспоминать время своей военной службы, походы, бой при Гейльсбергѣ, въ которомъ былъ раненъ. Малиповая бархатная ермолка не сходила съ его бѣлыхъ волосъ; главное занятіе его состояло въ рисованіи; онъ воспроизводилъ все одинъ и тотъ же пейзажъ: бѣлая лошадь, разноцвѣтныя деревья, замокъ, крестъ, вдали море съ кораблями, темное небо и блѣдная луна. Батюшковъ родился въ Вологдѣ; литературное имя его было уже составлено, когда, во вниманіе къ нездоровью, онъ назначенъ былъ состоять при нашемъ посольствѣ въ Неаполѣ; но это не помогло; въ 1823 году уже въ Симферополѣ замѣчено было начало умопомѣнательства; Батюшкова перевезли въ Вологду, гдѣ онъ прожилъ послѣ того около сорока лѣтъ.

Въ Вологду же привезенъ былъ въ 1831 году извѣстный своими странностями Ириней Пестеровичъ, архіепископъ Иркутскій. Въ нашихъ историческихъ журналахъ помѣщено было нѣсколько статей и замѣтокъ о немъ, о его рѣзкихъ пререканіяхъ съ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири Лавинскимъ, о такъ называемомъ «бунтѣ», имъ произведенномъ, окончившемся поселеніемъ его въ Вологду, въ Спасо-Прилуцкій монастырь. Его считали одно время помѣшаннымъ; другіе полагаютъ, что онъ былъ послѣднимъ представителемъ духовной оппозиціи мѣстной свѣтской власти, былъ подражателемъ архимандрита Фотія. Въ Вологдѣ онъ жилъ мирно, получилъ даже вновь разрѣшеніе на архіерейское служеніе, а затѣмъ переведенъ въ Толгскій монастырь; онъ умеръ въ 1864 году. Въ 1847 году посѣтилъ покойнаго профессоръ Шевыревъ, и съ глубокимъ чувствомъ говорилъ объ умѣ и характерѣ архимонастыря.

Прилуцкій монастырь, въ которомъ былъ заключенъ Ириней, находится въ пяти верстахъ отъ Вологды. Начало обители—конецъ XIV вѣка; св. Димитрій Прилуцкій, основатель ея, современникъ—Димитрія Донскаго. Въ этомъ монастырѣ въ 1812 году въ теченіе трехъ мѣсяцевъ лежали привезенныя изъ Москвы всѣ неоглядныя сокровища патриаршей ризницы кремлевскихъ соборовъ, Сергіевской лавры и монастырей. Въ церкви монастырской поклоняются мощамъ преподобнаго Димитрія и углицкаго князя Иоанна, сосланнаго сюда Грознымъ и принявшаго тутъ схиму. Обѣ раки, въ которыхъ почиваютъ ихъ мощи, серебряныя, стоятъ вправо отъ входа, надъ каждою изъ нихъ теплится по шести лампадъ; тутъ же хранятся ихъ вериги и такъ называемый киланкійскій

Соборъ Софійскій.

Храмъ Николая Чудотворца.

Храмъ Спаса Обденнаго.

Храмы Спаса Обденнаго и Николая Чудотворца на Сѣнной площади, въ Вологодѣ. Съ фотогр. Лагева, гр. М. Рашевскій.

крестъ, привезенный св. Димитріемъ изъ Переславля; онъ деревянный; изображенія на немъ изъ слоновой кости. Въ монастырѣ 14 человекъ иноковъ, съ послушниками 25 человекъ; въ немъ всего 13 придѣловъ; монастырь обнесень могучими стѣнами съ круглыми башнями. Въ ризницѣ хранятся: риза, пожертвованная Димитріемъ Донскимъ, посохъ святителя и надгробныя пелены, пожертвованныя Строгановыми.

Въ Вологдѣ черезъ рѣку два моста; судостроеніе по рѣкѣ Вологдѣ очень развито, и спускается здѣсь на воду ежегодно около 300 судовъ *). Нельзя не вспомнить двухъ характерныхъ поговорокъ, касающихся Вологды и Грязовца,—поговорокъ, идущихъ, вѣроятно, отъ времени Іоанна Грознаго. Привели однажды вологжане въ даръ царю жеребенка съ серебряными подковами. Іоаннъ былъ недоволенъ. «Это—не жеребенокъ, а теленокъ»,—сказалъ царь и велѣлъ вологжанамъ съѣсть его. Они ѣли и все сомнѣвались: не теленокъ ли? и только доѣвъ до подковъ—убѣдились. Отсюда пословица: «вологжане телятники, жеребенка съ подковами съѣли». Такъ подшучивали надъ ними въ Грязовцѣ, откуда, будто бы, это преданіе происходитъ; на это вологжане отвѣчали: «пьяница Грязовица; семь кабаковъ, одна церковь». «Въ этихъ колкихъ шуткахъ,—замѣчаетъ Шевыревъ,—какъ бы отзываются древнія распри нашихъ городовъ, еще напоминающія времена удѣловъ».

*) Въ 1894 году разрѣшена постройка рельсоваго пути отъ Вологды до Архангельска.

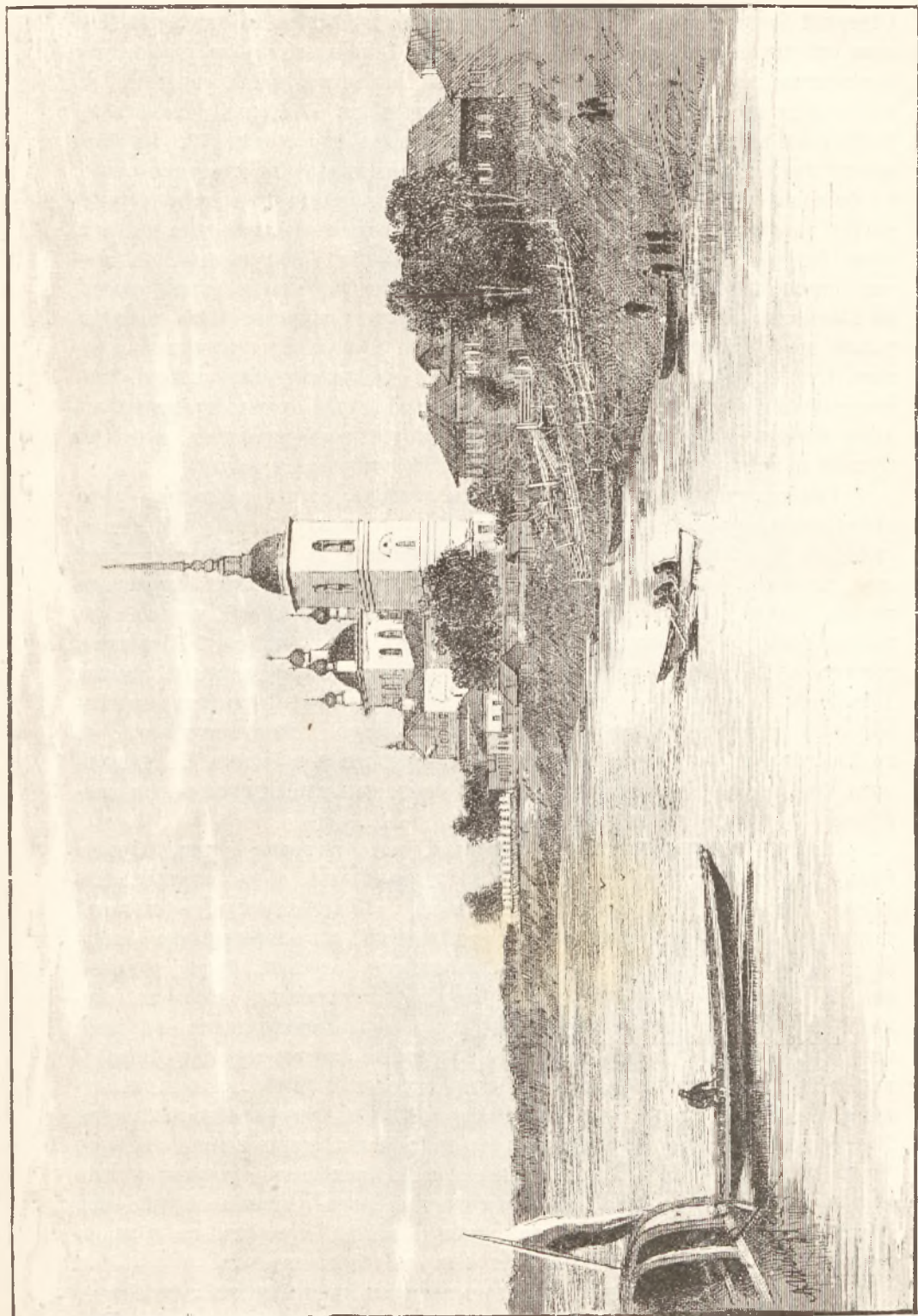
Рѣка Сухона до Жотьмы. Жотьма.

Характеристика рѣки Сухоны. Воспоминаніе о Петрѣ I. Село Шуйское. Дѣдовъ Островъ и Сергіева пустынь. Жотьма. Историческое. Спасо-Суморинъ монастырь. Замѣчательныя иконы. Соляныя варшны. Выставка.

6-го іюня, около 10-ти часовъ утра, путешественники сѣли на пароходъ «Купецъ», для дальнѣйшаго слѣдованія рѣками Вологдою, Сухоною и Сѣвѣрною Двиною до Архангельска.

Пароходы, идущіе отъ Вологды до Архангельска, грузятся обыкновенно въ четырехъ верстахъ отъ города; они могутъ сдѣлать въ продолженіе навигаціи до пяти рейсовъ; отсюда въ Архангельскъ отправляютъ до 1½ миллионъ пудовъ хлѣба. Не доходя версть 30 до Сухоны, судно проходитъ такъ называемыя «Озера»,—мѣсто колоссальныхъ разливовъ, достигающихъ 75 версть ширины. Быстрота спада воды и ширина разливовъ — отличительныя черты нашихъ рѣкъ, ожидающихъ регулированія. Такъ какъ рѣка Вологда, очень извилистая, вскрывается обыкновенно ранѣе Сухоны, то этимъ обуславливается иногда любопытное явленіе обратныхъ теченій рѣки къ Кубинскому озеру. Недалеко отъ устья Вологды, на Сухонѣ, существуетъ такъ называемый «Прокопъ», сажень въ 300 длиною, сокращающій путь по рѣкѣ на 26 версть. Никто здѣсь не знаетъ, кѣмъ этотъ прокопъ вырытъ. Эти «невѣдѣнія» у насъ поразительны. Если неизвѣстно кѣмъ прорытъ какой-нибудь водный путь, такъ, конечно, или самой природой, или Петромъ I. Пароходъ прошелъ этимъ «прокопомъ». Отъ города Вологды по рѣкѣ Вологдѣ до ея впаденія въ Сухону 34 версты.

Удивительно схожи, родственны между собою наши рѣки: онѣ порожисты, перемѣчливы, имѣютъ быстрое паденіе и непременно слишкомъ много или мало воды. То же и съ Сухоной. Кстати замѣтить, что слѣдуетъ говорить: Сухона, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а никакъ не на второмъ, какъ это принято. Сухона отъ Кубинскаго озера до Великаго Устья, то-есть до образованія

Сухона. Церковь села Шуйского.

Сѣверной Двины, имѣеть 523 версты протяженія и дѣлится на двѣ различныя одна отъ другой половины: на 267 верстахъ до Тотьмы она глубже, удобнѣе для судоходства; на слѣдующихъ 256 верстахъ очень порожиста, причемъ въ малую воду на нѣкоторыхъ порогахъ, напримѣръ въ «Опокахъ», имѣеть не болѣе семи вершковъ глубины. Всѣхъ порожистыхъ мѣсть около 53. По фарватеру много грядъ, переборовъ, единковъ, а песчанья мелп мѣняются словно по фантазїи по нѣскольку разъ въ навигацію. Въ весеннюю воду по Сухонѣ могутъ ходить суда съ осадкой 8 четвертей, но съ начала іюня вода спадаеть очень быстро, въ особенности послѣ закрытія шлюза «Знаменитый». Обозначать стрезень рѣки вехами не стоитъ, потому что онъ виденъ, такъ сказать, на глазъ; шлюзовать рѣку невозможно, вслѣдствіе ея ширины. Надо, слѣдовательно, довольствоваться малымъ: заниматься по возможности расчисткой пороговъ. Существуетъ предположеніе періодически совсѣмъ закрывать шлюзъ «Знаменитый» и пускать изъ него воду для пропуска судовъ только временно; это дастъ возможность при очень низкой водѣ съ успѣхомъ расчищать переборы Сухоны и имѣть въ Кубинскомъ озерѣ достаточный запасъ воды.

Окрестности Сухоны довольно богаты хлѣбомъ; по ней идетъ много лѣса; судостроеніе сосредоточивается, главнымъ образомъ, между Тотьмою и Шуйскою слободою; по обонимъ берегамъ ея видны строящіяся въ большомъ количествѣ суда, главнымъ образомъ такъ называемыя каюки. Остовы ихъ, окруженные щепю, бѣлыи справа и слѣва иногда такъ высоко надъ водой, что не сообразить: какъ это, по окончаніи работы, спустятъ каюкъ на воду? Лѣса здѣсь достаточно. До самой Тотьмы и дальше оба берега сплошь покрыты лѣсами. Такъ какъ на людей не угодишь, то капитаны пароходовъ называютъ эти цѣныя лѣса своими врагами: большія деревья, зачастую подмываемыя водой, то и дѣло падаютъ въ рѣку и нерѣдко ломаютъ у пароходовъ колеса. Съ низменныхъ береговъ глядятъ повалившіяся и готовые повалиться деревья—эти кандидаты на вражду капитановъ.

Петру I, изслѣдовавшему самолично всѣ сѣверные пути, Сухона была очень хорошо знакома, и память о немъ живетъ здѣсь повсюду. Недалеко отъ села Наремы имѣется камень «Пролей кашу», о который толкнулось будто бы судно царя и выплеснуло изъ тарелки его кашу; близъ рѣки Юрменга, не доѣзжая Устюга, есть деревня, будто, подаренная Петромъ какому-то лоцману. Царь, разсердившись, сбросилъ лоцмана въ воду; но лоцманъ этотъ, видя, что судно направляютъ не такъ, какъ бы слѣдовало, плылъ подлѣ и продолжалъ распоряжаться; Петръ I наградилъ его деревней. Въ селахъ Дмитріевомъ и Бобровскомъ есть памятники, свидѣтельствующіе о проѣздѣ Великаго Князя Алексѣя Александровича. У деревни Черменино замѣтенъ съ рѣки бьющій изъ скалы ключъ «Васька». Чортъ когда-то катилъ къ рѣкѣ камень, чтобы помѣшать судоходству или, какъ тутъ говорятъ, сдѣлать «накость»; но закричали утренніе пѣтухи,—онъ долженъ былъ оставить работу, не докативъ камня, треснулъ по немъ со злости рукою, и съ тѣхъ самыхъ поръ «Васька» бьетъ ключомъ.

Къ 4½ часамъ пополудни пароходъ подошелъ къ одному изъ любѣйшихъ

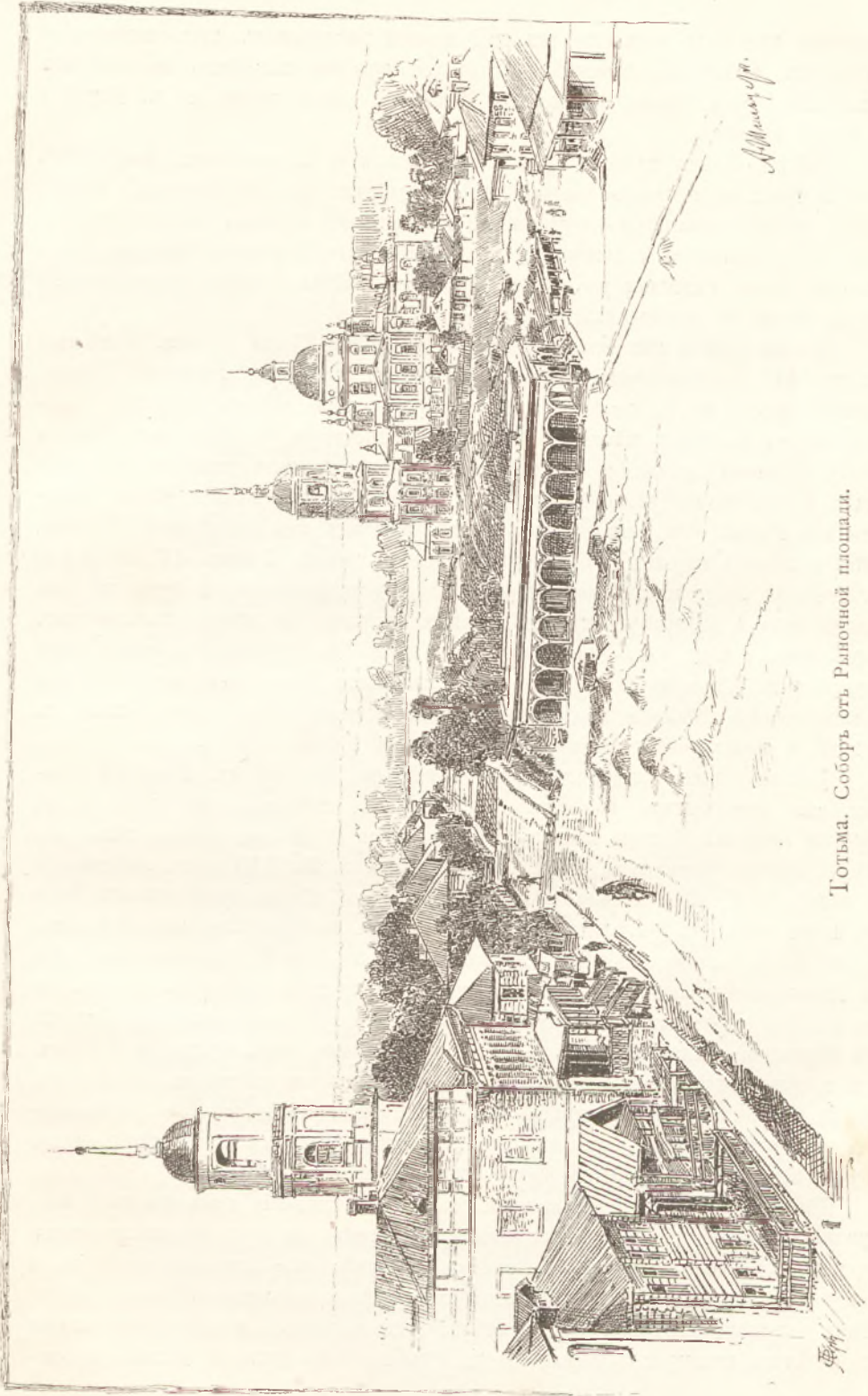

Сухона. Село Боброиское. Церковь.

сель Сухоны—къ Шуйскому, лежащему на обоихъ берегахъ рѣки; двѣ церкви, съ пятью золотыми куполами каждая и съ колокольнями, снабженными шпильями, схожія точно два родные брата, глядятъ одна на другую черезъ рѣку. Судьбы этихъ церквей вовсе не одинаковы; храмъ праваго берега имѣеть какого-то неизвѣстнаго благотворителя, украсившаго его такъ, что внутреннее убранство этой сельской церкви подѣлитъ любую столицѣ; благотворитель этотъ остается неизвѣстнымъ, и, чтобы помянуть его, невѣдомаго, устроены въ храмѣ придѣлы во имя Всѣхъ Святыхъ. Жители Шуйскаго,—такъ называемые, «питерщики», то-есть они ходятъ на заработки и для торговли въ Петербургъ, и благодаря имъ село богато и людно.

Берега Сухоны, по мѣрѣ приближенія къ Тотмѣ, растутъ и становятся замѣчательно живописными. Между темныхъ лѣсовъ широкими изгибами бѣжитъ рѣка, постоянно подернутая струями вслѣдствіе быстроты паденія. Отъ поры до времени скользятъ вдоль молчащихъ лѣсовъ тихимъ ходомъ одинокія каюкъ или тянется узкій бревенчатый плотъ, по мѣстному «ведило», и на немъ разведенъ костеръ, возлѣ котораго обрисовываются ночью ярко-краснымъ цвѣтомъ рабочіе за котелкомъ, а днемъ—высится голубая струйка дыма. Такіе же костры видѣются по берегамъ. Отъ верховьевъ своихъ до порога Скородумъ, на протяженіи 266 верстъ, Сухона падаетъ на $4\frac{1}{2}^{\circ}$, на протяженіи 259 верстъ паденіе это достигаетъ 24° ; это обуславливаетъ при существованіи пороговъ нѣкоторую опасность; Малая Двина на протяженіи 65 верстъ падаетъ на 4° , Большая Сѣверная Двина на 437 верстахъ только на 15° , такъ что Сухона является сравнительно самою капризною, она же и самая красивая изъ мѣстныхъ рѣкъ. Замѣчательныхъ мѣстъ по красотѣ много. Не доѣзжая 9 верстъ до Тотмы, есть рѣчка Царева, гдѣ Петръ I пилъ чай,—такъ утверждаетъ преданіе, хотя чай въ тѣ дни едва ли распивался; въ семи верстахъ на небольшомъ островѣ пріютилась въ соснахъ и еляхъ маленькая Сергіева пустынь; пароходъ остановился, и путники сошли на островокъ. Переполохъ произошелъ великій; старенькій іеромонахъ въ старенькой ризѣ вышелъ на встрѣчу. Церковь очень мала; иконостасъ, однако, пятирусный—цвѣта зеленого съ желтымъ; въ церковкѣ масляною живописью по стѣнамъ или, лучше сказать, на нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ, въ разбросъ, совершенно неправильно, точно пробы кисти, намалеваны самыя первобытныя изображенія Марка Гробокопателя, искушеній Θεодосія и Арефы Печерскихъ, Іоанна Многострадальнаго и лицъ многихъ дьяволовъ-соблазнительей. Пустынь стоитъ на Дѣдовскомъ островѣ; за нимъ слѣдуютъ острова: Бабій и Внуковъ. Отъ какихъ дѣдовъ, бабъ и внуковъ эти названія? Говорятъ, что сюда ссылаютъ на покаяніе провинившихся монаховъ; тотемцы ѣздятъ сюда для прогулки.

Пароходъ прибылъ въ Тотму 7-го іюня, около часу пополудни. Уѣздный городокъ этотъ, имѣющій около 4.000 жителей и семь церквей, вырисовывается на лѣвомъ высокомъ берегу Сухоны очень красиво; на правомъ противъ него стоитъ одиноко кладбищенская церковь, бывший женскій монастырь, въ которомъ до постриженія въ Суздальскомъ монастырѣ жила первая супруга Петра Великаго, Евдокія Θεодоровна,—такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, мѣстные

Тотьма. Соборъ отъ Рыночной площади.

историки; чуть-чуть подалее отъ этой церкви расположенъ такъ-называемый Выползокъ, небольшое поселеніе, выползшее изъ города. Видъ на пристань и высокій берегъ сильно напоминалъ Романовъ, только городъ не на двухъ, а на трехъ холмахъ.

Соборъ о пяти куполахъ, съ очень высокою колокольнею, выкрашенъ желтою краскою, а купола зеленые, что не особенно красиво; каменный куполь только средній; остальные—деревянные на длинныхъ шейкахъ. Иконостасъ—въ стилѣ возрожденія, съ коринтскими колоннами; надъ Царскими вратами, подъ высокою дугою, писанная масляными красками Тайная Вечеря; средній куполь внутри также въ четыре ската.

Тотьма стоитъ при впаденіи въ Сухону рѣчки Песья Деньга. Извѣстно, что въ 1539 году казанскіе татары разрушили прежнюю древнюю Тотьму, бывшую верстъ на 15 ниже, и жители разбрелись по лѣсамъ. Два года бушевали татары въ этихъ мѣстахъ, неустово злодѣйствуя, и тутъ разыгрались многія кровавыя драмы, о которыхъ лѣтопись сохранила тяжелыя воспоминанія. Когда съ наступленіемъ лучшаго времени жители начали снова выходить изъ лѣсовъ, они селились въ двухъ верстахъ отъ нынѣшней Тотьмы, близъ соляныхъ варницъ. Когда-то посѣтилъ городъ Іоаннъ IV и стоялъ лагеремъ на лугу, называемомъ и понынѣ «Государевымъ», и тутъ же онъ чинилъ судъ и расправу, для чего имѣлась висѣлица на мѣстѣ, называемомъ «висѣлкой», о чемъ сохранилось много преданій. Въ судьбахъ Тотьмы играютъ видную роль Строгановы, вѣроятно, родственники тѣхъ, которые обогатили Сольвычегодскъ. Мало-по малу отъ варницъ жители селились все ближе къ Сухонѣ, и такимъ образомъ выросла нынѣшняя Тотьма.

Тотьма сильно пострадала въ лихолѣтье. вмѣстѣ съ Вологдой едалась она самозванцу, но послѣ, одумавшись, отреклась отъ него и съ другими городами Сѣвера послала своихъ людей стоять за правое дѣло. Въ соборѣ, выбравшемъ царя, были также и тотмичи. Въ XVI и въ особенности въ концѣ XVII вѣка Тотьма много торговала съ Сибирью, транзитъ изъ которой шель сюда; это былъ золотой торговый вѣкъ нашихъ сѣверныхъ городовъ, но они очень быстро обѣднѣли. Петръ I былъ въ Тотьмѣ три раза по пути къ Архангельску, посѣтилъ соляную варницу и пустилъ бадью въ разсолъ, за что и потребовалъ платы. Въ восьми верстахъ отъ Тотьмы лежитъ въ Сухонѣ, вѣѣ фарватера, справа, камень «Лосъ», на которомъ царь будто бы обѣдалъ. При проѣздѣ онъ виденъ очень хорошо. Посѣтивъ это мѣсто въ 1864 году, геологъ Варботъ-де-Марни изслѣдовалъ камень и нашелъ, что это гнейсовидный красный гранитъ, превосходящій величиной, по крайней мѣрѣ, вдвое «Громъ-Камень», поппраемый Петровымъ конемъ въ Петербургѣ.

Главная святыня города, мощи Преподобнаго Ѳеодосія, хранятся въ Спасо-Сумориномъ Ѳеодосіевомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ него не свыше двухъ верстъ. Монастырь окруженъ стѣной съ башнями, снабженными пилями, и кажется, со своими девятью куполами и очень высокою колокольнею, съ гостиницей и помѣщеніемъ монашествующихъ, очень большимъ; въ дѣйствительности это не такъ, потому что монастырскія зданія очень узки и только декора-

Рѣка Сухоца. Спасо-Суморинъ монастырь.

тивно вытянуты по лицевой сторонѣ, обращенной къ городу; обману глазъ содѣйствуетъ и то, что монастырь находится въ котловинѣ. Инокъ 18 человекъ, всѣхъ живущихъ въ монастырь 80. Надъ главнымъ храмомъ большой куполь съ двумя полукуполами по сторонамъ; на нихъ фрески совершенно новыя; иконостасъ деревянный, тоже совершенно новый; центральная часть его—какъ бы уменьшенная римская триумфальная арка. Мощи угодника покоятся влѣво отъ входа въ серебряной ракъ, подъ массивною серебряною сѣнью, на витыхъ столбахъ; надъ сѣнью почему-то держава.

Здѣсь показываютъ реликвию, сохранившуюся послѣ угодника: часть крыши деревяннаго гроба, кожаные саногы и завѣщаніе, писанное имъ собственноручно: свитокъ въ три аршина длины. Нельзя не обратить вниманія на то, что въ этомъ храмѣ, равно какъ и въ нижнемъ, имѣются иконы, изображающія преподобнаго почившимъ; какъ-то странно видѣть иконы, не глядящія на того, кто имъ молится; одно изъ подобныхъ изображеній занимаетъ даже очень видное мѣсто на иконостасѣ. Жители Вятской и частью Костромской губерній считаютъ своею обязанностью побывать у Феодосія; ежегодно 28-го января собирается здѣсь до 10.000 народа. Около 1554 года преподобный былъ надзирателемъ мѣстныхъ соляныхъ варницъ.

Немного далѣе монастыря находятся соляныя варницы Кокорева и Ракова; онѣ расположены въ холмистой мѣстности, на берегу небольшой рѣчки Ковды. Разсолъ получается изъ трехъ колодцевъ; ближайшій изъ нихъ очень слабъ: содержитъ не болѣе 7% соли; всѣхъ варницъ три, и на каждой получается до 200 пудовъ соли въ сутки, всего въ годъ около 200.000 пудовъ; цѣна соли здѣсь за пудъ 32 коп. въ продажѣ; по расчету хозяевъ, получаютъ они дохода $\frac{1}{4}$ коп. съ пуда. Способъ добычи соли вполне первобытный; разсолъ выпаривается на длинныхъ желѣзныхъ противняхъ, висящихъ надъ огромными крытыми кострами, и пожираетъ невѣроятное количество топлива; полагаютъ, что градирная система была бы здѣсь непримѣнима вовсе; но сбереженія въ топливѣ можно было бы достигнуть несомнѣнно.

Въ описываемое время въ зданіи мѣстнаго клуба была устроена выставка мѣстныхъ произведеній. Видное мѣсто занимали мѣха: медвѣдя, выдры, норки, куницы, выхухоля, рыси; за медвѣжью шкуру, очень большую и совершенно черную, заплачено было 22 руб.; обращали на себя вниманіе фисъ-гармоники, устроенныя крестьянами-самоучками Чучковымъ и Двойнишиниковымъ; былъ тутъ очень странный глиняный самоваръ, цѣной 1 руб.; здѣсь же стояли образчики ружейныхъ березовыхъ ложъ для Сестрорѣцкаго завода и еловыя весла, идущія отсюда къ нашимъ яличникамъ на Неву; цѣна ложъ и веселъ за пару по 5 рублей. Виднѣлось достаточное количество сильно поврежденныхъ мамонтовыхъ костей, разныя ткани и пряжи и очень прочныя полотна; въ числѣ мѣстныхъ произведеній красовалась и пшеница; любопытны были образчики глауберовой соли съ находящагося отсюда въ 30 верстахъ казеннаго Леденскаго солевареннаго завода. Въ небольшомъ саду клуба были разложены и висѣли по деревьямъ орудія рыбной ловли: курмы, верши, переметы. Стерлядь, довольно рѣдкая здѣсь, въ особенности при покой водѣ, ловится на переметы, безъ

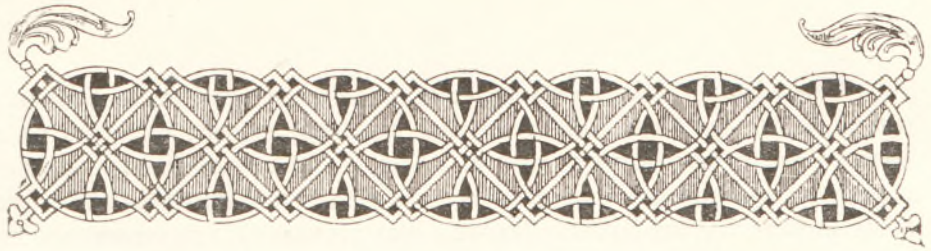

Рѣка Сухона.
Курвкинскія выставка.

приманки, т.-е. по-просту, сама зацѣпляется за крючки, когда идетъ; бѣлая нельма и розовая семга, и та и другая совсѣмъ свѣжія, были привозныя и въ Сухонѣ необычны.

Изъ Тотьмы пароходъ отправился въ семь часовъ вечера, около десяти часовъ миновалъ одинъ изъ пяти довольно опасныхъ пороговъ, «Жидятинъ», и къ 11^{1/2} часамъ бросилъ якорь для ночевки у Кувакинской выставки, въ 65 верстахъ отъ Тотьмы. Еще ранѣ Тотьмы Сухона, какъ выше сказано, становится рѣкою очень красивою, но ниже Тотьмы представляетъ она еще болѣе типичности и художественной красоты.

Устюгъ Великій.

Отъ Тотмы до Устюга Великаго. Нюксеница. Опoki. Устюгъ. Историческое. Судьба вологодской желѣзной дороги. Церкви и монастыри. Выставка.

Ночевка на пароходѣ у Кувакинской выставки въ ночь на 8-е іюня прошла безусловно тихо, несмотря на присутствіе на берегу значительнаго числа людей, обозначавшихся въ полусвѣтѣ ночи отдѣльными группами. Вскорѣ по прибытіи, сойдя на возвышенный пустынный лѣсистый берегъ, словно вымощенный камнями подлѣ самой воды и изрытый мѣстами посохшими буераками, по которымъ по веснѣ сбѣгали, видимо, очень могучія воды, путники замѣтили въ полусвѣтѣ ночи большой, словно вытканый изъ елей павильонъ; внизу, на водѣ, виднѣлись лодочки, «душегубки» или долбежки, вытянутыя вдоль берега для рыбной ловли. Ночь была свѣтла и безоблачна, но все-таки еще не совсѣмъ свѣтла, а по-петербургски, такъ какъ судно находилось тутъ на одной съ нимъ параллели и пойдетъ къ сѣверу только отъ Устюга.

Рыбная ловля не могла быть особенно удачна; пока строили павильонъ, приходили лодки и, наконецъ, появились два парохода, рыба догадалась уйти. Здѣшніе неводы очень длинны, тянуть ихъ трудно, вслѣдствіе каменистаго дна и множества корягъ всякихъ возрастовъ и размѣровъ. Переправляясь на лодкахъ съ одного берега на другой къ мѣсту вытягиванія неводовъ, можно по сносу лодокъ убѣдиться въ быстротѣ теченія Сухоны. По прибрежнымъ кустамъ виднѣлось одно красивое вьющееся растеніе, которое мѣстные жители называютъ лѣснымъ плющемъ; листъ его напоминаетъ обыкновенный *Vitis*, но цвѣты большіе, бѣлые, о четырехъ лепесткахъ, замѣчательно граціозны; они схожи съ весенними анемонами, но разнятся количествомъ лепестковъ и ихъ размѣрами; растеніе это обвисало вдоль всѣхъ прибрежныхъ кустовъ и, не находя на нихъ довольно мѣста, спускалось на землю и тянулось по травѣ.

Около девяти часовъ утра пароходъ снова бороздилъ Сухону, которая, несмотря на то, что была передъ глазами уже второй день, не могла не нравиться. Берега попрежнему высоки, волнисты, покрыты лѣсами; порой виднѣются поперечныя долинки; на берегу зачастую замѣтны временныя становища рыбаковъ и ихъ заколы. Здѣшнія села отличаются красивыми, прочными избами, большею частью двухъ-этажными, съ балкончиками и далеко впередъ выступающими навѣсами крышъ на швейцарскій ладъ. Пароходъ неожиданно остановился подлѣ села Нюксеница, расположеннаго на высококомъ лѣвомъ берегу рѣки. Всполохъ въ мирной деревнѣ былъ очень великъ, когда во множествѣ стоявшіе на берегу сельчане съ изумленіемъ замѣтили поворотъ, дѣлаемый пароходомъ. Надо было видѣть съ рубки эту суетню и бѣготню, поднявшуюся въ неожиданно посѣщенной деревнѣ, лежащей совсѣмъ въ сторонѣ отъ всякихъ путей и внѣ маршрута. Здѣсь обращали на себя вниманіе небольшіе парнички, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, вырци, стоявшіе на бревнахъ подлѣ избъ, съ весьма молодою порослью; на вопросъ: что это такое?—получился отвѣтъ, что это высѣянъ чрезвычайно нѣжный плодъ, а именно брюква, называемая тутъ голланкою; климатическія условія здѣсь таковы, что сѣять брюкву прямо въ гряды нельзя.

Гораздо круче и выше, чѣмъ прежде, становились берега Сухоны; кое-гдѣ виднѣлись очень тонкимъ слоемъ известковыя обнаженія, а поверхъ ихъ могучія толщи мергелей и песковъ, покрытыхъ нескончаемымъ лѣсомъ. Въ селахъ, довольно частыхъ, попадались иногда очень старинныя деревянныя церковки, какъ, напримѣръ, въ Березовской Слободкѣ и Копыловѣ, съ маленькими, чуть не волоковыми окнами и низенькою колокольнею, обведенною поверху галлерейкой, жиденькими столбиками и маленькими колоколами. Сухона не мѣняетъ своего характера на всемъ протяженіи: пароходъ то и дѣло шель тихимъ ходомъ, и производились промѣры. Сухону называютъ здѣсь также «Чортовою рѣкой»: несъ чортъ орѣхи въ рѣшетѣ, просыпалъ, и орѣхи обратились въ камни и попали въ Сухону. Около шести часовъ вечера пароходъ подошелъ къ селу Бобровскому; въ 1870 году посѣтилъ это село Великій Князь Алексѣй Александровичъ, и о пребываніи его гласить стоящая на берегу небольшая часовенка съ подходящею надписью; съ согласія Великаго Князя Владиміра Александровича, бывшаго здѣсь въ 1885 г., прибавлена вторая надпись—о его посѣщеніи, такъ какъ на постройку другой часовенки онъ согласія своего не изъявилъ.

Самое опасное мѣсто Сухоны, это—Опоки; оно же очень красиво. Длина этого порога, или «перебора», немного менѣ версты, но рѣка дѣлаетъ тутъ крутой изгибъ, выписываетъ нѣчто въ родѣ буквы Z и такъ быстра, что паденіе замѣтно на глазъ. У церкви села Никольскаго, на лѣвомъ берегу, съ высокою, обитою блестящею жестью, колокольней, здѣшніе судохозяева и судорабочіе крестятся и входятъ въ стремнину. Лѣвый берегъ достигаетъ вышины 200 футовъ; онъ совершенно отвѣсный, обнаженный и представляетъ огромное количество рѣзкихъ наслоеній мергелей и розовато-сѣрыхъ глинистыхъ песковъ, тянущихся математически правильными параллелями. Чрезвычайно удачно и мѣтко было сдѣланное на пароходѣ сравненіе этой горы съ громадною пастилою;

такія настилы въ Милютинныхъ лавкахъ въ Петербургѣ называются «союзными». Пароходъ прошелъ совершенно благополучно; въ этомъ не могло быть сомнѣнія только тогда, когда онъ поравнялся со Святымъ ручьемъ, прорѣзающимъ лѣвый берегъ, съ одноименною ручью деревнею на вершинѣ горы: тутъ конецъ пороговъ; на правомъ берегу видѣлось село Порогъ.

Ночь пароходъ простоялъ на якорѣ въ Герменино и съ разсвѣтомъ двинулся дальше; здѣсь тоже строятъ суда, и остовы ихъ стоятъ здѣсь такъ высоко надъ водою, что удивляешься тому, какъ спускаютъ ихъ на воду?

Около одиннадцати часовъ утра путники подъѣзжали къ Устюгу Великому, въ которомъ простились, наконецъ, съ Сухоною. Видъ на древній городъ, съ широко раздавшеюся передъ нимъ рѣкою, съ двумя десятками высокыхъ церквей, замѣтныхъ съ парохода — всѣхъ церквей въ городѣ 26 — съ высокою набережною, обдѣланною бревнами, поставленными торчкомъ,—очень красивъ. Пристань устроена подлѣ трехъ главныхъ церквей: собора, Прокофія Праведнаго и Иоанна Праведнаго, заключенныхъ въ одну общую ограду, гдѣ хранятся главныя святыни города: чудотворныя иконы и мощи угодниковъ.

Устюгъ—родина св. Стефана Пермскаго. Древній «Глядень» былъ построенъ противъ самаго истока Малой Двины, но постоянныя нападенія чуди заставили жителей съ 1212 года переходить мало-по-малу на нынѣшнее его мѣсто, къ такъ называемой Черной Лукѣ. Имя города произошло отъ Устье-Юга и въ настоящее время ему, собственно говоря, не подходитъ; древнее, прежнее мѣсто его на соединеніи трехъ великихъ рѣкъ: Двины, Сухоны и Юга, было величественно и остается таковымъ.

Въ XV вѣкѣ Великій Устюгъ считался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Россіи; почти всѣ коренныя сибирскіе купцы по происхожденію устюжане; въ немъ и понынѣ совершаются нѣкоторые обороты бѣломорской торговли. Рѣка Сухона во все время существованія Устюга имѣла на него неблагоприятное вліяніе и то и дѣло подмывала и подмываетъ городъ; наводненій не перечесть; самое гибельное изъ нихъ случилось въ 1761 году; тогда были снесены водой дома, разрыты кладбища. Еще недавно, лѣтъ восемь назадъ, принуждены были снести церковь Прасковин-Пятницы, стоящую крайнею на берегу, по направленію къ соединенію Сухоны съ Югомъ. Нѣкоторую пользу приносятъ шесть небольшихъ поперечныхъ дамбъ, поставленныхъ вдоль набережной въ послѣдніе годы.

Устюгу слѣдовало бы быть губернскимъ городомъ. Онъ въ центрѣ губерніи. Это одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ нашихъ, если судить по виду, въ особенности подъѣзжая по рѣкѣ отъ Вологды; надъ нимъ замѣтенъ невысокій холмъ — Соколиная гора — съ женскимъ монастыремъ. Съ 1802 года Устюгъ—уѣздный городъ.

Сліяніе Сухоны съ Югомъ образуетъ только-что упомянутую такъ-называемую Малую Двину; при впаденіи Вычегды начинается Большая Сѣверная Двина, катящая свои желтыя воды къ Бѣлому морю. Здѣсь именно то мѣсто нашихъ сѣверныхъ водныхъ системъ, которому, несомнѣнно, суждено въ скоромъ времени оживиться и оживить все наше сѣверное богатое поморье.

Городъ Великій Устюгъ (Вологодск. губ.). Съ наброска Г. Кушнера, рис. Н. Карамзинъ, грав. М. Рамесскій.

Рѣчь идетъ о проектировавшейся еще въ 1868 году волго-двинской желѣзной дорогѣ и нынѣ получившей, наконецъ, разрѣшеніе въ видѣ желѣзнодорожной линіи Пермь - Вятка - Котласъ. Обстоятельство это настолько любопытно, что представляется далеко нелишнимъ привести здѣсь вкратцѣ обсужденіе вопроса о сооруженіи этой линіи, имѣвшее мѣсто въ XXIII засѣданіи комитета сибирской желѣзной дороги. Въ этомъ засѣданіи, происходившемъ 3-го мая 1895 года, была заслушана, какъ извѣстно, записка Министра Путей Сообщенія, о приступѣ къ сооруженію желѣзнодорожной линіи Пермь-Вятка-Котласъ.

Въ запискѣ этой, между прочимъ, указывалось, что при современныхъ условіяхъ земледѣлія въ Сибири количество свободныхъ избытковъ хлѣба, подлежащихъ вывозу изъ этой страны, достигаетъ 9—12 милліоновъ пудовъ. При измѣняющихся же въ настоящее время условіяхъ экономическаго строя края, въ ближайшемъ будущемъ, количество ихъ должно сильно возрасти.

Появленіе сибирскихъ хлѣбныхъ грузовъ на рынкахъ Европейской Россіи не можетъ остаться безъ вліянія на величину продажныхъ цѣнъ на хлѣбъ и, несомнѣнно, окажетъ понижющее дѣйствіе на эти цѣны, къ невыгодѣ какъ хлѣба сибирскаго, такъ и хлѣбовъ Европейской Россіи, уже отправляемыхъ черезъ балтійскіе порты.

Подобныя, невыгодныя для нашей хлѣбной торговли, послѣдствія будутъ въ значительной мѣрѣ ослаблены проведеніемъ пермь-котласской желѣзной дороги, посредствомъ которой сибирскій хлѣбъ будетъ имѣть для себя выходъ на міровой рынокъ не черезъ балтійскіе порты, откуда отпускъ за границу хлѣба уже совершается нынѣ въ значительныхъ размѣрахъ, но черезъ такой портъ, гдѣ отпускъ этотъ еще ничтоженъ. Такимъ портомъ для Сибири, при проведеніи указанной желѣзной дороги, сдѣлается Архангельскъ, который по своимъ природнымъ удобствамъ и по своему благоустройству находится въ исполнѣ благоприятныхъ условіяхъ. Сѣверная Двина у гор. Архангельска представляетъ отличную, спокойную и помѣстительную гавань, а на всемъ протяженіи отъ Архангельска вверхъ до Котласа рѣка эта достаточно многоводна и способна къ перевозкѣ весьма значительнаго количества грузовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ сравненія стоимости доставки хлѣба въ Лондонъ черезъ Петербургъ и Архангельскъ усматривается, что съ проведеніемъ линіи Пермь-Котласъ, при существующемъ морскомъ фрахтѣ отъ Архангельска до Лондона, доставка хлѣба въ Лондонъ черезъ Архангельскъ будетъ обходиться дешевле, чѣмъ черезъ С.-Петербургъ, на $1\frac{3}{4}$ — $2\frac{1}{4}$ коп. изъ Тюмени и на $3\frac{1}{4}$ — $6\frac{1}{2}$ коп. изъ Барнаула и Семипалатинска. Съ улучшеніемъ же судоходныхъ условій Сѣверной Двины и другихъ рѣкъ и съ пониженіемъ фрахтовъ, указанная разница еще болѣе увеличится въ пользу Архангельска.

Стоимость сооруженія пермь-котласской желѣзной дороги опредѣлилась въ 34.807.812 руб. Валовой доходъ собственно отъ перевозки грузовъ малой скорости исчисленъ въ 2.830.000 — 3.780.000 руб. Въ томъ числѣ хлѣба на 2—2,8 милліона рублей (отъ 15 до 20 милл. пуд.), льна—на 180—230 т. р., крупчатки на 40—45 тыс. руб., кожи на 35—37 тыс. руб., рыбы на 83 тыс. руб. и грузовъ, привозимыхъ съ воды, на 18—25 тыс. руб. Отъ перевозокъ

большой скорости ожидается получить дохода 413.000 руб.; такимъ образомъ, общій валовой доходъ линіи ожидается въ 3.500.000 — 4.200.000 рублей; при расходѣ по эксплуатаціи въ 2.425.550, минимальный чистый доходъ составитъ 1.075.450, или около 2,8⁰/₁₀₀ на затраченный капиталъ.

При обсужденіи этого дѣла, въ соединенномъ присутствіи комитета сибирской желѣзной дороги и департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта, прежде всего, обращено было вниманіе на то, что проектируемая нынѣ пермь-котласская желѣзная дорога можетъ быть разсматриваема, какъ совокупность двухъ отдѣльныхъ линій: Пермь-Вятка и Вятка-Котлась. Что касается первой дороги, то въ соединенномъ присутствіи не было высказано возраженій противъ разрѣшенія приступить къ ея сооруженію, въ виду того, что эта линія должна неминуемо войти въ цѣпь желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ соединить великій сибирскій рельсовый путь съ Москвою или Петербургомъ, по сѣверному направленію, независимо отъ того, въ пользу котораго изъ названныхъ городовъ будетъ разрѣшенъ этотъ вопросъ. Относительно же линіи Вятка-Котлась нѣкоторыми членами соединеннаго присутствія было выражено сомнѣніе, какъ бы осуществленіе ея не составило препятствія къ проведенію дороги отъ Вятки на западъ, и что не представляется ли необходимымъ, предварительно разрѣшенія приступа къ ея сооруженію, произвести провѣрочныя изысканія.

По этому поводу Министръ Финансовъ объяснилъ, что наши сѣверныя губерніи: Олонецкая, Архангельская и Вологодская, являются исконными русскими областями, такъ какъ онѣ уже въ XI вѣкѣ составляли часть земель Великаго Новгорода, а въ XV вѣкѣ, съ покореніемъ послѣдняго, вошли въ составъ московскаго государства. Несмотря на это, Правительство, вообще говоря, мало заботилось объ этомъ краѣ. Одинъ только императоръ Петръ I особенно занялся имъ, принимая мѣры къ его развитію. Послѣ же Петра I, все вниманіе Правительства привлекали къ себѣ, главнымъ образомъ, Западъ и Югъ Имперіи.

Между тѣмъ, Сѣверный край обладаетъ обширными лѣсами, значительными и разнообразными минеральными богатствами и многочисленными рыбными ловлями, словомъ имѣетъ всё данныя для своего дальнѣйшаго развитія. Единственный недостатокъ края—это малая пригодность его къ земледѣлію и отсюда постоянная нужда въ привозномъ хлѣбѣ. Какъ ни велики указанныя выше естественныя богатства, край не можетъ населяться и экономически развиваться, такъ какъ, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія съ земледѣльческими мѣстностями, сбытъ его произведеній и сбѣвъ ихъ на необходимый ему хлѣбъ затруднителенъ. Слѣдуетъ замѣтить, что производство собственнаго хлѣба вовсе не составляетъ непремѣннаго условія для благосостоянія страны; лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить Англія, которая производитъ хлѣба гораздо менѣе потребнаго ей количества, что отнюдь, однако, не мѣшаетъ ея процвѣтанію. Для дальнѣйшаго развитія страны необходимо только, чтобы она была вполнѣ обезпечена правильнымъ подвозомъ хлѣба, а это достигается устройствомъ путей сообщенія.

Для разъясненія вопроса о томъ, насколько целесообразно проведеніе желѣзныхъ дорогъ на сѣверѣ Россіи, т.-е. въ той полосѣ ея, которая лежитъ сѣвернѣе 60° сѣв. шир. (параллель Петербурга), наиболѣе правильно сравнить этотъ край съ сосѣднею областью Имперіи, а именно — съ Финляндією, и съ государствами Европы, расположенными въ тѣхъ же широтахъ. Такъ, приходится желѣзныхъ дорогъ на 1.000 кв. верстъ пространства: въ Финляндіи — 5,64 вер., въ Норвегіи—3,65 вер., а въ Швеціи — 7,7 вер., или на 10.000 жителей: въ Финляндіи—9,01 вер., въ Норвегіи—6,99 вер. и въ Швеціи—18,38 вер. Между тѣмъ, нашъ Сѣверный край, который по своему пространству немногимъ менѣе Германіи, Франціи и Австро-Венгріи, вмѣстѣ взятыхъ, пока еще совершенно не имѣетъ рельсовыхъ путей, а съ проведеніемъ проектируемыхъ дорогъ: Вологда-Архангельскъ и Вятка-Котласъ, будетъ имѣть на 1.000 кв. вер. пространства всего только 0,88 вер. желѣзнодорожной линіи, или на 10.000 жителей—1,8 версты.

Въ памятный для сѣверныхъ губерній 1868 годъ, въ Бозѣ почивающему Императору Александру III, бывшему тогда еще Наслѣдникомъ Престола и Предсѣдателемъ комитета, образованнаго для облегченія послѣдствій неурожая въ Сѣверномъ краѣ, благоудно было выразить убѣжденіе, что для правильнаго развитія этого края необходимо проведеніе желѣзной дороги между Вологдою и Сѣвѣрною Двиною. Послѣ этого вопросъ о сооруженіи желѣзной дороги на Сѣверъ Россіи неоднократно ставился на очередь; но, несмотря на всѣми признаваемое государственное значеніе подобной дороги, проведеніе ея по разнымъ причинамъ не получало осуществленія. Только въ прошломъ 1894 году была, наконецъ, разрѣшена постройка рельсовой линіи отъ Вологды до Архангельска. Однако, нельзя не замѣтить, что одна эта дорога далеко не удовлетворитъ истиннымъ интересамъ Сѣвера. Открывая Сѣверу обширные рынки для сбыта его произведеній, эта дорога въ то же время не дастъ ему самаго необходимаго — дешеваго хлѣба. Между тѣмъ, продовольствіе нуждающагося въ хлѣбѣ Сѣвера можетъ быть вполне обезпечено, если направить сюда ищущіе себѣ выхода избытки дешеваго хлѣба Вятской губерніи и Сибири; наилучшимъ же образомъ достигнуть этого возможно путемъ сооруженія нынѣ проектируемой линіи Вятка-Котласъ. Продовольственное значеніе этой дороги тѣмъ болѣе серьезно, что, благодаря ей, пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на Сѣверѣ явится послѣдствіемъ открытія новыхъ рынковъ сбыта для обезцѣненныхъ нынѣ хлѣбовъ Сибири и Вятской губерніи, причемъ интересы земледѣльческихъ мѣстностей Европейской Россіи нисколько отъ этого не пострадаютъ. Само собою разумѣется, что появленіе сибирскаго хлѣба, хотя бы и въ значительныхъ количествахъ, не можетъ оказать существеннаго вліянія на хлѣбныя цѣны мірового рынка; но нѣтъ сомнѣнія, что оно могло бы произвести угнетающее дѣйствіе на цѣны отдѣльныхъ рынковъ Европейской Россіи, а въ томъ числѣ и балтійскихъ портовъ, гдѣ всякое накопленіе хлѣбныхъ излишковъ вызываетъ немедленное паденіе цѣнъ. Такимъ образомъ, дорога Вятка-Котласъ, давая выходъ сибирскимъ хлѣбамъ на міровой рынокъ чрезъ архангельскій портъ, обезпечитъ сибирскому земледѣлю возможность широкаго развитія, безъ

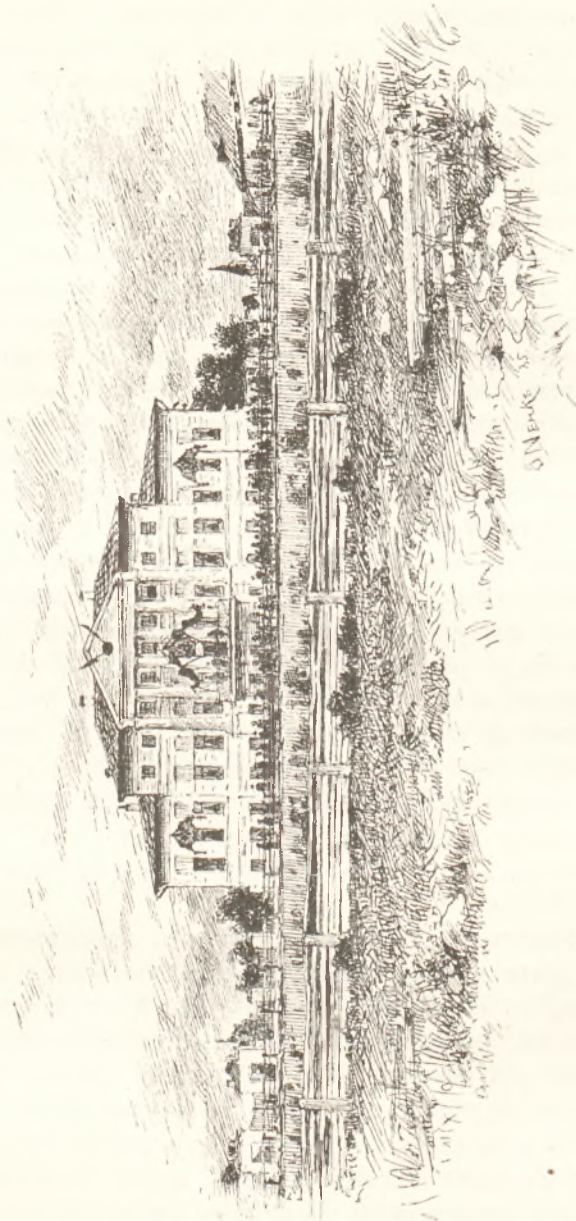
неблагоприятнаго вліянiя на сельское хозяйство Европейской Россiи; въ то же время она доставитъ продовольствiе населенiю сѣверныхъ губерній, возсоздастъ значенiе архангельскаго порта и будетъ содѣйствовать развитiю судоходства по Сѣверной Двинѣ и ея притокамъ, главнымъ артеріямъ мѣстной жизни, а тѣмъ самымъ и обезпечитъ возможность экономического подъема всего Сѣвера. То вліянiе, которое линiя Вятка-Котласъ будетъ имѣть на пониженiе стоимости хлѣба въ Сѣверномъ краѣ, видно изъ сопоставленiя среднихъ цѣнъ на хлѣбъ въ Архангельской и Вятской губерніяхъ. Такъ, за пятилѣтіе 1889 — 1893 гг. средняя цѣна пуда ржи въ разныхъ уѣздахъ Архангельской губерніи была отъ 93 коп. до 1 руб. 38 коп., а въ Вятской губерніи она колебалась только въ предѣлахъ 70 и 77 коп. При такихъ условiяхъ, съ проведенiемъ дороги Вятка-Котласъ, возможно ожидать пониженiя цѣнъ въ Архангельскѣ, главнымъ распредѣлителѣ хлѣбовъ по краю, на 18,4 коп., что составитъ для одной только Архангельской губерніи ежегодное сбереженiе свыше 500.000 руб., считая среднiй годовой недостатокъ ея въ хлѣбѣ въ 2.750.000 пуд., какъ онъ опредѣлился по статистическимъ даннымъ для десятилѣтія 1883 — 1892 гг. Такимъ образомъ, линiя Вятка-Котласъ является для нашего Сѣвера насущнымъ хлѣбомъ, въ которомъ Государство не имѣетъ права отказывать своей древней родной странѣ съ исконно-русскимъ населенiемъ. Въ виду этого, не зачѣмъ, казалось бы, откладывать приступа къ сооруженiю намѣченной линiи, тѣмъ болѣе, что, какъ заявилъ Министръ Путей Сообщенiя, произведенная по изысканiямъ дороги рекогносцировка дала такія подробныя свѣдѣнiя, что никакихъ особенно существенныхъ экономическихъ данныхъ, могущихъ повліять на измѣненiе установленнаго направленiя линiи, нельзя ожидать и при повторныхъ изысканiяхъ, которыя должны только послужить къ повѣркѣ технической стороны дѣла, съ цѣлью удешевленiя стоимости дороги, и могутъ быть произведены одновременно съ приступомъ къ ея сооруженiю.

Обращаясь къ финансовой сторонѣ дѣла, Министръ Финансовъ заявилъ, что, по его расчетамъ, чистый доходъ дороги можетъ составить отъ 3 до 4% на затраченный капиталъ, но что, тѣмъ не менѣе, крайне желательно, при производствѣ окончательныхъ изысканiй, обратить особое вниманiе на удешевленiе постройки проектируемой линiи. Для достиженiя этого, слѣдовало бы, по возможности, упростить техническія условiя сооруженiя этой линiи, сокративъ нѣкоторыя предположенныя работы, преимущественно по постройкѣ желѣзныхъ зданiй, по устройству водоснабженiя, и т. п. Съ тою же цѣлью удешевленiя дороги и въ виду предстоящаго пересмотра техническихъ условiй, было бы полезно ограничить производство строительныхъ работъ по единичнымъ цѣнамъ, представленнымъ Министромъ Путей Сообщенiя, лишь рабочимъ періодомъ текущаго года, съ тѣмъ, чтобы къ началу 1896 года измѣненныя техническія условiя и расцѣпочныя вѣдомости были представлены на благоумотрѣніе комитета сибирской желѣзной дороги. Выслушавъ изложенныя сужденiя, Государь Императоръ, въ присутствiи комитета сибирской желѣзной дороги и департамента государственной экономiи Государственнаго Совѣта, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) утвердить общее направленiе пермь-котласской желѣзной

дороги, отъ ст. Пермь, уральской линіи, до пристани Котласъ на Сѣверной Двинѣ, съ выходомъ на городъ Вятку и продолженіемъ въ предѣлахъ Вятской губерніи по водораздѣлу рѣкъ Чепцы и Кильмези; 2) предоставить Министру Путей Сообщенія приступить въ 1895 году къ окончательнымъ изысканіямъ и сооруженію пермь-котласской линіи, и 3) отпустить на работы по сооруженію пермь-котласской желѣзной дороги 6.000.000 рублей.

Церкви въ Великомъ Устюгѣ во многихъ отношеніяхъ очень любопытны. Городской соборъ, Успенскій, существовалъ уже въ 1290 году, но нынѣшній построенъ въ 1658 году. Чудотворная икона Одигитріи пожертвована въ 1290 году ростовскими князьями Димитріемъ и Константиномъ Борисовичами и стоитъ на томъ именно мѣстѣ, которое опредѣлено ей Петромъ Великимъ. Иконостасъ собора, рѣзной, золоченый, съ коринтскими колоннами, въ два яруса, очень хорошъ; это былъ бы одинъ изъ лучшихъ, видѣнныхъ по пути, если бы не впечатлѣніе крашеныхъ скульптурныхъ неудачныхъ фигуръ Спасителя на крестѣ и многихъ ангеловъ; эти распятія надъ иконостасомъ, эти крашеные, большею частью некрасивые, муміеобразные ангелы попадаются здѣсь чуть ли не въ каждой церкви и только портятъ впечатлѣніе. Сосѣдняя съ соборомъ церковь Прокофія Праведнаго — о пяти куполахъ съ богатымъ, но вычурнымъ рѣзнымъ иконостасомъ; мощи преподобнаго покоятся въ ракѣ налѣво, подъ деревянною золоченою сѣнью. Замѣчательнъ вышитый жемчугомъ образъ его, пожертвованный въ 1684 году московскимъ гостемъ, по прозвищу Скорая Запись. Еще менѣе обширна церковь Іоанна Праведнаго, покоящагося налѣво отъ входа въ нее, подъ деревянною золоченою сѣнью, на восьми витыхъ столбахъ; и тутъ опять уже на самой сѣни сидятъ неудачныя изображенія ангеловъ, держащихъ зажженные свѣчи. Очень много сходства между шитою иконою Прокофія Праведнаго и такою же Іоанна Праведнаго, хранищихся въ одноименныхъ имъ церквахъ: контуры обведены жемчугомъ, черты выцвѣтшаго отъ времени лица — чернымъ шелкомъ.

Мѣстный мужской Архангельскій монастырь, основанный въ XIII столѣтіи, имѣетъ около 20-ти иконовъ. Главная церковь его о пяти куполахъ на длинныхъ шейкахъ, съ такимъ же, какъ въ соборѣ, скульптурнымъ распятіемъ надъ иконостасомъ. Всѣ монастырскія зданія свидѣтельствуютъ о большой древности; во дворѣ есть нѣчто въ родѣ кремлевскаго крытаго Краснаго крыльца; дверь изъ собора, ведущая къ настоятелю, имѣетъ вмѣсто стеколъ слюду. Характерны одни изъ монастырскихъ воротъ, состоящія изъ трехъ проходовъ подъ арками, между которыми высятся длинные шпилы, напоминающіе китайскіе мотивы. Женскій Предтеченскій монастырь — однолѣтокъ Архангельскому мужскому; онъ стоитъ на Соколиной горѣ и входъ въ церковь его идетъ по довольно высокой, крутой лѣстницѣ; къ несчастію, внутренніе столбы церкви обѣлены и украшены мѣстами плохою, совершенно новою живописью, которая рѣшительно не гармонируетъ съ почтенными архитектурными очертаніями храма и древностью многихъ рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлыхъ стѣнъ темныхъ иконовъ. Въ женскомъ монастырѣ 180 сестеръ.

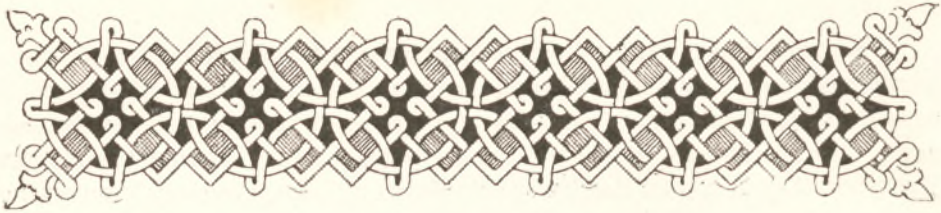

Устюгъ Великій. Домъ Грибанова.

Вообще сказать, Устюгъ богатъ церквами; если смотрѣть отъ пристани, то можно видѣть ихъ одну подлѣ другой, длиннымъ рядомъ. Въ одну сторону отъ собора и храмовъ Прокофія и Іоанна Праведныхъ идутъ церкви: Алексѣя Митрополита, Спаса-на-Городѣ, Рождественская, Николаевская, Варваринская, Іоанна Предтечи, Мироносицкая, Варлаамѣвская, Петра и Павла, Симеона Столпника; въ другую—Ильинская, Леонтьевская, вдали—Янковскій монастырь; противъ города, на другой сторонѣ Сухоны, видна церковь Дымковской слободы во имя Сергія Радонежскаго; значительно дальше, въ глубинѣ обширнѣйшей панорамы, на берегу Юга, сливающегося съ Сухоной, бѣлѣются: Троицкій монастырь, церкви: Морозовская, Спасоубрусская и, наконецъ, самая далекая—Ивана Праведнаго, въ Пуховѣ. Это цѣлый словарь именъ святыхъ, наиболѣе чтимыхъ народомъ, писанный отъ вѣка каменными буквами. Это живое кольцо церквей, большею частью очень древнихъ, придаетъ Устюгу нѣкоторое сходство съ Ростовомъ Великимъ, однолѣткомъ его; только вмѣсто озера Неро является здѣсь Сухона; послѣдняя, какъ бы сильно утомившаяся въ своемъ долгомъ теченіи, разлеглась шире, довольная тѣмъ, что мѣняетъ свое каменистое дно на болѣе мягкое, песчаное въ Малой Двинѣ. Устюжане, какъ это замѣчено, кажется, Костомаровымъ, никогда не присягали Лже-Димитрію, и когда сосѣдняя Тотьма и даже сама Вологда временно поклонились ему, Устюгъ выжидалъ и остался непреклоннымъ, твердымъ своими многочисленными храмами, окружающими его каменнымъ кольцомъ.

Много любопытнаго представляла устроенная въ описываемое время выставка мѣстныхъ произведеній въ городскомъ саду. Очень видное мѣсто занимали на ней, конечно, полотна, скатерти, салфетки мѣстной Грибановской мануфактуры, значительный отдѣлъ составляли шкатулки и шкатулочки всѣхъ величинъ со всякими хитростными замками, настолько хитростными, что забыть секретъ очень нетрудно, и тогда судьба шкатулки—быть взломанною самимъ собственникомъ; шкатулокъ было, главнымъ образомъ, два вида: поверхность однѣхъ блистала разноцвѣтною фольгою съ вырѣзными на ней узорами изъ бересты; поверхность другихъ была составлена изъ полосокъ жести, покрытой «морозомъ», т.-е. тѣми острыми, лучистыми отбѣнками жести, которые такъ хорошо извѣстны по дорожнымъ ящикамъ и погребцамъ Апраксина двора. На выставкѣ имѣлись очень недорогіе мѣха, — лосиная шкура стоила 5 руб.; имѣлась бумага съ фабрики Сумкина въ Ляльскѣ, мыло Поднева, щетина съ завода Кострова, идущая сюда сырцомъ изъ Сибири и обрабатываемая въ количествѣ 4.000 пудовъ, на 200.000 руб., въ самомъ Устюгѣ; изъ отбросковъ, получаемыхъ при обработкѣ щетины, дѣлаютъ коврики, башмаки, туфли, послѣднія цѣной въ 20 коп. Тутъ же видѣлись разные сорта зерновыхъ хлѣбовъ; Кошковъ представилъ серебряныя издѣлія съ чернью.

Отъ Устюга до Сольвычегодска.

Грибановская мануфактура. Праздникъ. Пляска. Малая Двина. Ея характеристика. Забытый Екатерининскій каналъ. Распространеніе стерляди.

Линный рядъ устюженскихъ церквей еще разъ показался на горизонтѣ, когда судно, едва покинувъ городъ, вошло въ Двину и круто повернуло налѣво, къ сѣверу; изъ-за плоской песчаной косы глянули онѣ всѣ разомъ и уходили вдаль, будто засыпаемая подвижными двинскими песками. Сухона сливается съ Югомъ въ широкой равнинѣ, окаймленной на далекомъ разстояніи очень невысокими лѣсистыми холмами, причемъ Югъ значительно уже Сухоны и кончаетъ свое самостоятельное теченіе недалеко отъ стараго Троицко-Введенскаго монастыря, очень хорошо виднаго съ парохода. Тутъ же начинаются прибрежные пески, подвижные острова, своеобразные двинскіе протоки или рукава, засоряющіеся иногда съ одной изъ сторонъ и получающіе тогда названіе «курье». Съ этими главными мотивами пейзажа путешественникъ не расстаётся болѣе до самаго Архангельска.

Льнопрядильная и полотняная фабрика В. И. Грибанова расположена въ двухъ верстахъ отъ Двины, на лѣвомъ берегу ея, по почтовому тракту отъ Устюга на Сольвычегодскъ. Она расположена очень красиво на берегу небольшой рѣчки Синегі; вдоль узкой долины, съ крутыми скатами, поросшими лѣсомъ, слѣдуютъ, одно за другимъ, ея красивыя кирпичныя зданія, начиная отъ прядильной до бѣлильной и складочной; это слѣва отъ дороги; справа на горѣ поднимается домъ хозяина, съ балкона котораго видны: вся фабрика, какъ на ладони, вся хорошенькая долина Синегі и безконечная двинская даль.

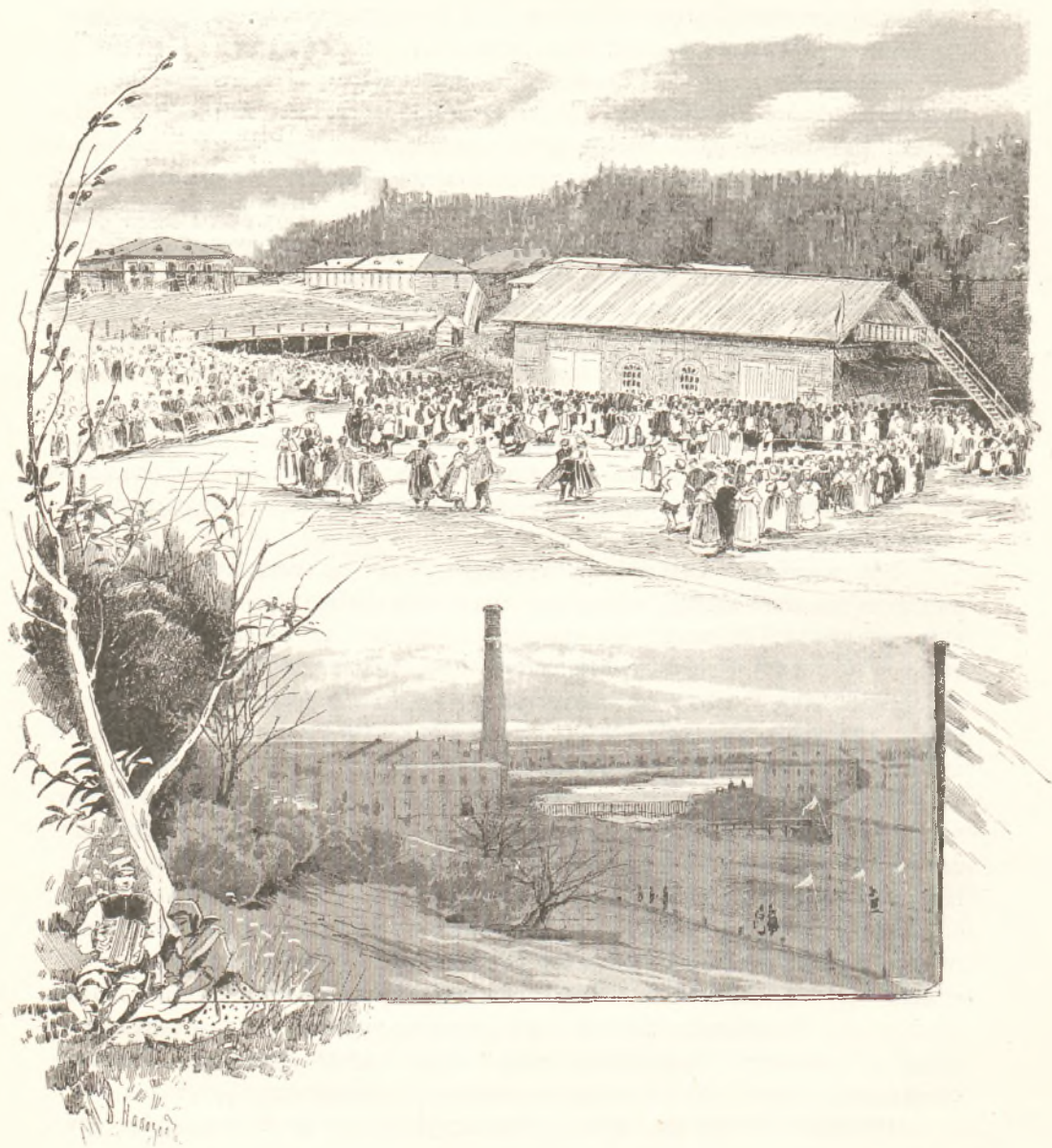
Фабрика основана въ 1815 году и вырабатываетъ пряжи, полотень и издѣлій на 700.000 рублей. Льнопрядильная и ткацкая дѣйствуютъ 50-сильною паровою машиною; для отбѣльной имѣется машина въ 20 силъ: всѣ аппретурныя машины двигаются водянымъ колесомъ въ 25 силъ; рабочихъ на фабрикѣ 1.000 человекъ; лень до 30.000 пуд. скунается въ полуобработанномъ видѣ въ уѣздахъ:

Устюгомъ и Сольвычегодскомъ, а главный сбытъ издѣлій — обѣ столицы, ярмарки: нижегородская и ирбитская. Въ томъ, что количество полотень, вырабатываемыхъ на фабрикѣ, велико, можно было убѣдиться еще издали, съ парохода, такъ какъ поверхность одного изъ холмовъ была устлана бѣлившимся полотномъ и напоминала солдатскій лагерь; это отбѣливаніе полотна производится не одинъ, а нѣсколько разъ. Пряжи работаются здѣсь нумерами, съ 10 по 145, т.-е. фабрика не производитъ самыхъ толстыхъ сортовъ, до нумера 10, и не занимается вовсе батистовымъ производствомъ, съ нумера 145 и выше. Изъ хорошо вычесаннаго льна производятся тонкія полотна, изъ оческовъ или пакли выдѣлываютъ болѣе грубыя фламандскія полотна—равентухи и коломянки. Всѣ болѣе тонкіе сорта, всѣ скатерти и салфетки дѣлаются здѣсь ручною работою и машинами, т.-е. ткацкій станокъ приводится въ движеніе ногой, а челнокъ пропускается поперекъ пряжи посредствомъ привода, подергиваемаго рукою. Очень любопытно воплощеніе различныхъ рисунковъ посредствомъ картонажей съ прорѣзными дырочками: чѣмъ сложнѣе рисунокъ, тѣмъ больше картонокъ. Все это производство должно быть отнесено къ чистымъ, если исключить накольную пыль въ чесальной и запахъ хлора въ бѣлильной. Десять красныхъ молотовъ, очень приличныхъ размѣровъ, замѣняютъ собою прачекъ. Самая большая ширина пряжи, здѣсь выдѣлываемой, три аршина; хорошая работница при задѣльной платѣ получаетъ 10—12 руб. въ мѣсяцъ; за пудъ льна платятъ отъ 6 до 8 руб.

Всѣ женщины, сидѣвшія за станками, были въ пестрыхъ платьяхъ и имѣли на головахъ платки, повязанные тремя-четырьмя характерными, особенными способами. Въ томъ, что платокъ и грація его обвязки составляютъ здѣсь существенную часть наряда, можно было убѣдиться въ устроенномъ на площадкѣ, внизу передъ домомъ хозяина, гуляньи и пляскѣ заводскихъ жителей. Благодаря хорошей погодѣ, гулянье это удалось исполнѣ. Смотрѣть съ высокаго балкона вглубь долины было очень пріятно. Поперекъ площадки шла такъ-называемая «улица», гдѣ выстроены были двумя длинными рядами мужчины и женщины, и, двигаясь медленно, какъ бы въ раздумьи, продѣлывали тихимъ, мѣрнымъ шагомъ разныя эволюціи. Влѣво плясала молодежь, состоявшая изъ семействъ лицъ, завѣдующихъ заводомъ, и тутъ особенно красивы были синіе шелковые сарафаны съ серебромъ и изящные кокошники. Вправо гораздо большимъ кругомъ шель забористый плясъ рабочихъ: посрединѣ возсѣдалъ «артистъ гармоникъ», и подлѣ него на землѣ валялись десятки шапокъ, брошенныхъ плясавшими парнями; шель трепакъ, гудѣла пѣсня, встряхивались кудри, у гармоникъ позванивали особые музыкальные молоточки, прекрасно обозначавшіе тактъ, шло угощенье пряниками, коврижками и фруктами.

Посѣтивъ, по пути къ пароходу, заводскую школу на 150 человекъ, путники въ 4½ часа двинулись по Двинѣ дальше.

Отъ слиянія Сухоны съ Югомъ на протяженіи 66 верстъ Сѣверная Двина называется Малою Двиною; воды въ ней достаточно, но Югъ приноситъ съ собою огромное количество песчаныхъ наносовъ, образующихъ много косъ и застругъ, что не исключаетъ также присутствія каменныхъ грядъ. Въ Большой

Грибановская мануфактура. Плясь рабочихъ.

Двинѣ воды всегда много, но она имѣетъ дурную привычку всѣхъ нашихъ великихъ рѣкъ: разливается чрезвычайно широко и развѣтвляется часто рукавами; въ ней тоже попадаются застрugi въ аршинъ глубины, мели ея очень подвижны, и, кромѣ грядъ, есть и одиночныя; искусство лоцмановъ далеко не всегда предупреждаетъ крушеніе пароходовъ. Движеніе грузовъ по Двинѣ такъ дѣлательно, что въ полной мѣрѣ заслуживаетъ содѣйствія казны; существующихъ 453 вехи и 5 бакановъ далеко не достаточно. Двину необходимо расчистить отъ камней въ пятнадцати мѣстахъ; нужно углубить стрежень ея или подвижными щитами на судахъ, какъ это дѣлается на Рейнѣ, или желѣзными граблями Быкова, дѣйствующими на Волгѣ; новая обстановка баканами и вехами необходима, и въ этомъ смыслѣ, впрочемъ, и дѣйствуетъ наше Министерство Путей Сообщенія. Такъ, оно на Волгѣ достигло того, что лоцмана на этой рѣкѣ становятся предметомъ роскоши и, пожалуй, уйдутъ въ былое, подобно ящикамъ старыхъ почтовыхъ трактовъ. На Двинѣ лоцманъ, пока что, совершенно необходимъ, а наука здѣшняго лоцмана—практика, и, какъ тутъ выражаются, «тотъ не лоцманъ, кто не топилъ судовъ».

Двина, по вѣрному замѣчанію Максимова, не осмыслилась ни въ одной народной пѣснѣ; нѣтъ ей хвалебныхъ, ласкательныхъ эпитетовъ, потому что ужъ слишкомъ переменчива, и плыть по ней «не вольготно». Длина ея 614 версты, и путникамъ придется ознакомиться съ нею на всемъ протяженіи.

Подвижность мелей въ Двинѣ обуславливаетъ и очень рѣзкія переменны въ очертаніяхъ береговъ, въ постоянномъ образованіи и исчезновеніи цѣлыхъ острововъ. Это особенно замѣтно въ самомъ устьѣ; тамъ, гдѣ были острова и стояли деревни, теперь имѣется глубина, и наоборотъ. Преданіе говоритъ, что на Кегостровъ, лежащій противъ Архангельска, когда-то перебрасывались изъ города церковные ключи; теперь между ними слишкомъ двѣ версты водной поверхности.

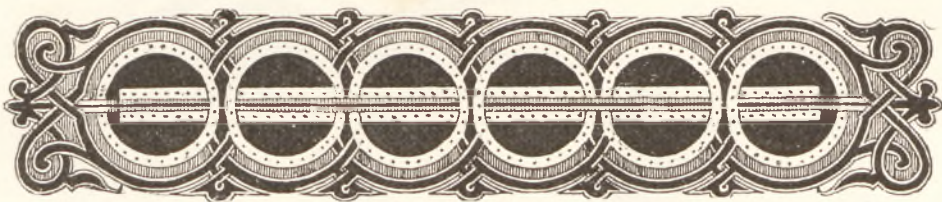
Значеніе Двины въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ огромное, но оно будетъ несравненно больше съ проведеніемъ сѣверной желѣзной дороги. Сольвычегодскъ, къ которому направилось судно, стоитъ почти у самаго впаденія въ Двину Вычегды, приносящей съ Урала огромное количество воды; кромѣ воды, отсюда могли бы приходиться и суда съ грузомъ, если бы не погибъ Екатерининскій каналъ. Находясь здѣсь, нельзя не вспомнить объ этомъ забытомъ каналѣ. Онъ когда-то соединялъ обѣ Кельтмы и посредствомъ нихъ поддерживалъ сообщеніе по Вычегдѣ, Волгѣ и Двинѣ. Въ 1781 году была образована коммиссія по вопросу о соединеніи обѣихъ Кельтмъ; она выработала въ 1785 году проектъ Сѣверо-Екатерининскаго канала и предполагала затрату въ 400.000 руб. Работы начаты въ 1786, прекращены въ 1788 году, по случаю Шведской и Турецкой войны, и возобновлены въ 1803 году. Въ 1810 году былъ поднятъ странный вопросъ о томъ: нуженъ ли вообще этотъ начатый каналъ? Хотя во время производства работъ онъ потерпѣлъ значительныя поврежденія, прорывы, но, тѣмъ не менѣе, въ 1812 году выемка земли была кончена, какъ вдругъ разразилась Отечественная война, которая приостановила дальнѣйшія сооруженія. Никто, однако, не предвидѣлъ тогда, что эта при-

остановка будетъ и концомъ: въ 1830 году рѣшили, что такъ какъ шлюзы сооружаемаго канала пришли въ ветхость, то и самъ каналъ ненуженъ; онъ былъ переданъ въ гражданское вѣдомство и—погибъ.

Не мѣшаетъ, однако, хотя бы изъ любопытства, сопоставить длину этого временно погибшаго пути, шлюзы котораго непонятнымъ образомъ сгнили еще до открытія канала, съ другимъ воднымъ путемъ, существующимъ и теперь: которымъ изъ двухъ грузу легче было добраться до моря, а въ этомъ, какъ извѣстно, весь вопросъ. Вотъ эта параллель, считая отъ Перми до Бѣлаго и Балтійскаго морей, говорящая сама за себя: Кама, Кельтма, Екатерининскій каналъ, Вычегда, Сѣверная Двина, Архангельскъ—1.738 верстъ; Кама, Волга, Шексна, каналы, Свирь, Нева, Петербургъ—2.840 верстъ. Изъ этого сравненія ясно, что, если бы существовалъ Екатерининскій каналъ, часть грузовъ направилась бы, безъ всякаго сомнѣнія, не въ Петербургъ, а на Архангельскъ.

Но такъ какъ нѣтъ худа безъ добра, то разрушеніе Екатерининскаго канала сослужило службу: стерлядь, вкусная стерлядь прошла изъ Камы въ Двину и размножилась въ ней замѣчательно. Сначала, въ двадцатыхъ годахъ, ее на Двинѣ не ѣли, считали за змѣю, но какой-то солдатъ приучилъ населеніе пользоваться ею. Теперь за большую двинскую стерлядь платятъ въ Петербургѣ свыше пятидесяти рублей. Кромѣ этой прибыльной ловли, добываютъ на Двинѣ въ достаточномъ количествѣ и семгу, и нельму, и налима. Такъ, у Анисимова Взвоза, верстъ 50 выше Си, замѣтнаго съ рѣки своими алебастровыми берегами, производится порядочный ловъ семги; она для метанія икры заходитъ до этихъ мѣстъ изъ моря, обращается тогда въ «лоха», «лошаеть», какъ говорятъ мѣстные жители, на нижней ея челюсти вырастаетъ рогъ, вся она удлинняется и принимаетъ свою обычную форму только впоследствии, по возвращеніи своемъ въ море.

Рѣка Вычегда. Сольвычегодскъ.

Историческое. Строгановы. Соборъ и его неоцѣнимыя древности. Иконостасъ, иконы, ризница. Подземелья. Введенскій монастырь. Веполонный колоколь. Посѣщеніе Котласа.

В асу въ девятомъ вечера пароходъ повернулъ, пройдя село Котласъ, къ востоку и вошелъ въ рѣку Вычегду, чтобы сдѣлать по ней 18 верстъ до Сольвычегодска. Вычегда очень схожа съ Двиною, только значительно быстрѣе; характеръ береговъ, подвижность песковъ, количество острововъ—тѣ же самыя. Пароходъ шелъ спокойнымъ ходомъ противъ теченія, завивавшаго рѣку быстрыми струйками, по которымъ зачастую скользили столбикъ пѣны и крутились пузыри. Вычегда, какъ и Двина, то и дѣло «снимаетъ» свои острова, «ударить» въ одинъ берегъ, рветъ его и накладываетъ на другой, такъ что фарватеръ мѣняется иногда два, три раза въ навигацію. Разрушительная работа рѣки стала особенно наглядна при приближеніи къ одному изъ островковъ, поросшихъ густымъ, прочнымъ ивнякомъ; острый носъ острова, обращенный къ теченію, подтачивался и сокрушался въ моментъ прохода судна, и корни вырваннаго, лишеннаго почвы ивняка тутъ же промывались дочиста, добѣла, и уносился стремниною цѣлый кусть, будто обмытый для похоронъ. Вода въ Вычегдѣ въ іюнѣ быстро падаетъ, по пяти вершковъ въ сутки.

Сольвычегодскъ—съ 1796 года уѣздный городъ—виденъ издалека, верстъ за двѣнадцать; верхушки церквей его, по мѣрѣ приближенія парохода, тонули въ глубокой дали и, выглядывая изъ-за низкихъ острововъ, то пропадали, то обозначались снова. Яснѣе другихъ видѣлись бѣлый соборъ и темноватое очертаніе высокаго Введенскаго монастыря.

Давнымъ-давно, въ трехъ верстахъ выше нынѣшняго города, находилось селеніе Черниговъ, бойко торговавшее съ древнею Сибирью, когда Московское царство только еще начиналось. Путь въ Сибирь былъ общественною тайною тогдашняго города; знаменита была и характеризуетъ эту торговлю «соболиная» ярмарка.

Общий видъ Сольвычегодска.

Какъ Сухона въ Устюгѣ, такъ и здѣсь Вычегда непрерывно занимается подмываніемъ береговъ; жители прежняго города, тѣснимые рѣкой, переселились со стараго мѣста къ солянымъ варницамъ, и такимъ образомъ возникъ нынѣшній городъ, называемый народомъ просто «Солью». Зыряне называютъ его «Совъ-Доръ», что значитъ соляной край. Семья Строгановыхъ привела городъ къ богатству, заведя въ 1517 году свои соляныя варницы; позднѣе, какъ говорятъ, Аника Строгановъ открылъ Іоанну IV тайну существованія Сибири, тайну торговли съ нею, а Ермакъ покорилъ ее. Съ переѣздомъ Строгановыхъ въ Москву городъ быстро захилѣлъ, варницы его покинуты; но воспоминаніе о послѣднихъ долгое время сохранялось въ видѣ весьма значительной зловонной лужи посрединѣ города. Вычегда, оставаясь вѣрною своимъ привычкамъ, подходитъ къ городу все ближе и ближе, точно преслѣдуетъ его и угрожаетъ собору—послѣднему памятнику былого богатства и раднѣня городу Строгановыхъ.

Около 9-ти часовъ вечера пароходъ подошелъ къ пристани, устроенной подлѣ самаго собора, стоящаго на довольно возвышенномъ холму и окруженнаго деревянною оградой и березами. Съ парохода забросили на берегъ «легкость», то-есть бечеву съ тяжестью на концѣ, къ которой прикрѣплены причаль.

Сольвычегодскъ очень малъ; онъ, такъ сказать, виденъ весь насквозь, такъ что приходится удивляться даже тому, гдѣ помѣщаются его 2.000 жителей. Это та блаженная страна, гдѣ дичь продается не по родамъ ея, а просто по 1 руб. 20 коп. съ пуда «пера». Тѣмъ величественнѣе вырисовывается въ немъ почтенное обличье его древняго Благовѣщенскаго собора, основаннаго въ 1560 году именитыми людьми Строгановыми и богато одареннаго ими. Внѣшность собора очень проста: поверхъ кубическаго корпуса пять небольшихъ куполовъ на длинныхъ шейкахъ и отдѣльно стоящая колокольня. По верхнему краю стѣнъ тянется простенькій, сложенный изъ кирпича, довольно широкій фризь; стѣны ярко выбѣлены, крыши выкрашены зеленою краскою, такъ что по внѣшности соборъ ничего замѣчательнаго не представляетъ, — онъ вполне зауряденъ. Зато поразительна внутренность собора, имѣющая полное право быть поставленною, — не по богатству, конечно, но по художественности, по высокому археологическому интересу, — рядомъ съ лучшими образчиками Московскаго кремля, Киево-Печерской лавры, Ярославля. И это гдѣ же? въ Сольвычегодскѣ! И къмъ это сдѣлано? одною родовитою семьею вѣрныхъ сыновъ церкви и государевыхъ слугъ — Строгановыми. Мало на Руси храмовъ, сохранившихся въ такой удивительной неприкосновенности: входя въ него, вы входите въ настоящій XVI вѣкъ. Подъ пятью куполами съ восьмигранными шейками, отъ самыхъ вершинъ ихъ до пизу стѣны, развивается въ древнихъ, нетронутыхъ рукой поправителя, фрескахъ великая эпопея Библии и Евангелія. На стѣнѣ, противолежащей алтарю, во всю ширину, живописованы адъ и рай. И входите-то вы въ церковь не прямо съ земли, а поднимаетесь по крутой, высокой лѣстницѣ, минуете поперечную галерею и идете сквозь низкую дверь подъ грузною круглою аркою, составленною изъ трехъ выпуклыхъ поясовъ. При входѣ въ церковь, видны два тянущіеся къ своду высокіе, длинные, исписанные

ликами святыхъ столба, отчасти закрывающіе величественный, четырехъ-ярусный иконостасъ; въ нижнемъ ярусѣ его, между образами, поблескиваютъ золоченныя коринскія колонки, shaftы которыхъ словно насѣчены поперечными углубленіями и, если хотите, напоминаютъ не формою, но покровомъ своимъ столбики кукурузы; выше, въ третьемъ ярусѣ иконостаса, на выступающихъ красивыхъ кронштейнахъ поставлены витыя колонки съ коринскими капителями. Предъ образами иконостаса висятъ массивныя бронзовыя позолоченныя паникадила, изъ которыхъ каждое — археологическая замѣчательность; низъ ихъ состоитъ изъ круглыхъ, шарообразныхъ выступовъ удивительно гармоническихъ очертаній. Люстра, очень небольшая, предъ Царскими дверями повѣшена на трехъ широкихъ металлическихъ тесьмахъ и имѣетъ по низу очень широкій, характерный металлическій ободъ. Иконы собора всѣ древнія, всѣ неподновленныя; большинство ихъ одѣто цѣнными ризами, и такъ и кажется, что мало имъ было мѣста въ алтарѣ и по иконостасу, и вотъ обогнули онѣ по визу длинными поясами весь храмъ, обошли кругомъ всѣ его стѣны и основанія колоннъ; тѣ, которыя по крупнѣе, размѣстились внизу, которыя помельче — заняли мѣсто повыше, и висятъ онѣ безсчетныя, вплотную одна къ другой, и кажутся какимъ-то блистающимъ золотомъ ризъ, по черни ликовъ, удивительнымъ ожерельемъ. Сколько времени должно было пройти, чтобы собрать здѣсь столько иконъ, сколько молитвъ совершено надъ ними, сколько печалей облегчено?!

Центромъ, собирающимъ въ себя все это удивительное единеніе церкви, являются Царскія врата, совершенно единственныя, исключительныя въ своемъ родѣ. Они малы, узки, невысоки и состоятъ изъ арки о трехъ круглыхъ, углубляющихся къ алтарю частяхъ; по бокамъ дверей имѣются два столбика, составленные каждый изъ пяти шаровъ, связанныхъ невысокими shaftтиками о четырехъ граняхъ съ утолщеніемъ къ срединѣ; shaftтики образованы каждый изъ двухъ усѣченныхъ пирамидокъ, сложенныхъ широкими основаніями. Надъ аркою дверей три образа, на самыхъ дверяхъ по три на каждомъ створѣ, по столько же на каждомъ изъ столбиковъ, да еще два съ наружной стороны ихъ. Весь этотъ своеобразный комплексъ самыхъ простыхъ геометрическихъ фигуръ облицованъ довольно богатою прорѣзью, сдѣланною изъ олова, положеннаго на покрытую слюдою фольгу краснаго, бѣлаго, снѣга и зеленаго цвѣтовъ. Въ общемъ, Царскія двери исключительно характерны, красивы и совершенно подходятъ къ стилю всего храма. Вправо отъ алтаря замѣчательно по цѣльности и сохранности архіерейское мѣсто подъ сѣнью. Очень хороша своею простотою деревянная сѣнь надъ алтаремъ. Фрески въ алтарѣ и діаконикѣ тоже древнія, необновленныя. Любопытны изображенія въ рисунокѣ стиха Херувимской: «нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ»; художникъ задался мыслію изобразить невидимое служеніе и поставилъ двухъ священнодѣйствующихъ, головъ которыхъ не видно изъ-за пламени, обвиннаго ихъ; въ самомъ пламени, образующемъ языками своими облики херувимовъ, — огненное изображеніе Спасителя, обвитаго пламенною плащаницею.

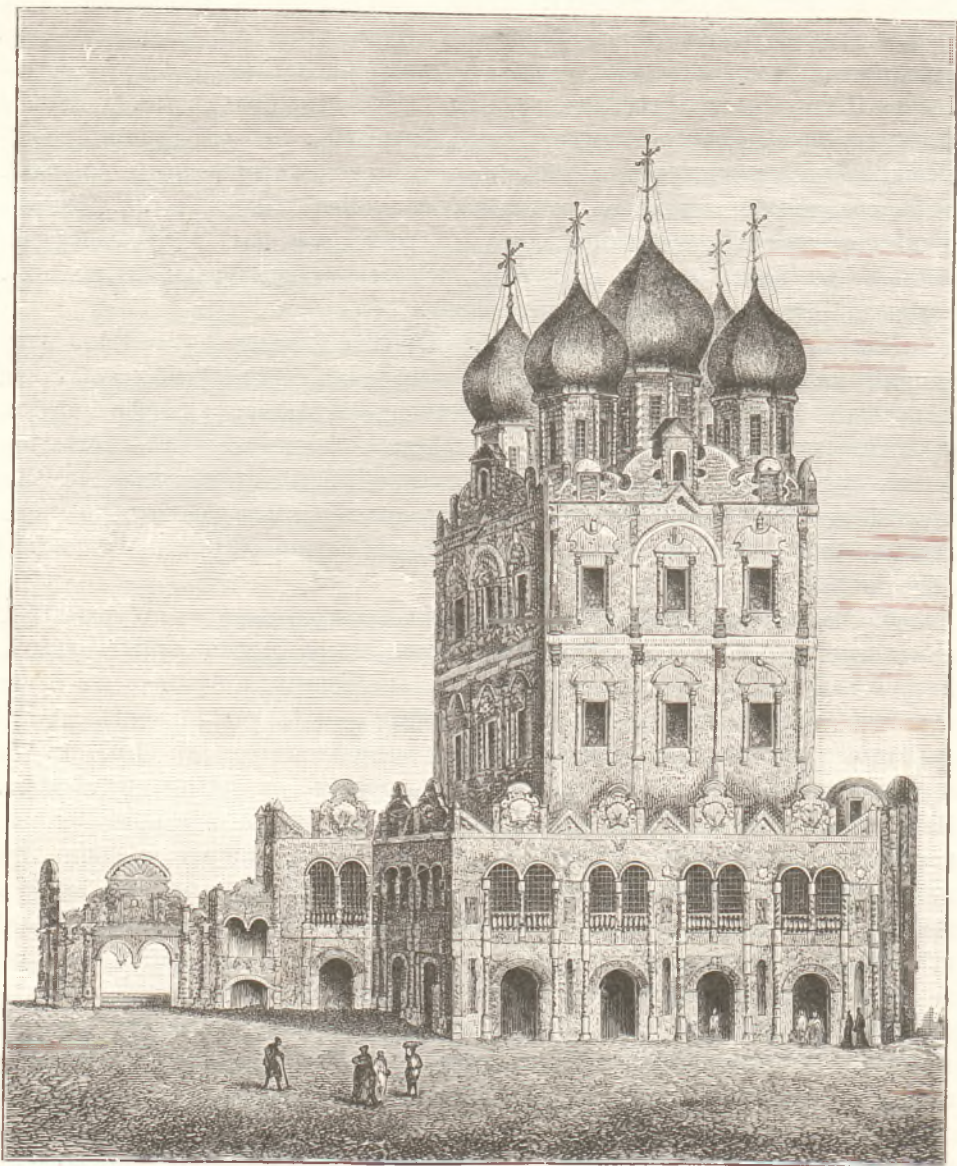
Создавъ эту замѣчательную церковь, Строгановы богато одарили ее. Пре-

восходны многіе шитыя образа, между которыми имѣется нѣсколько экземпляровъ съ изображеніемъ того, какъ Качаловъ зарѣзываетъ царевича Дмитрія, душа котораго — въ видѣ дитяти — вылетаетъ изъ него; самобытны такія же шитыя изображенія Благовѣщенія: Ангелъ благовѣствуетъ Богоматери, а въ утробѣ ея уже обозначенъ Св. Младенецъ. Перечислить всѣ рѣдкости собора невозможно. Очень любопытенъ складень, сдѣланный изъ доски съ гроба митрополита Петра, съ изображеніемъ на немъ, между другими святыми, Василія Блаженнаго, освящающагося двуперстнымъ знаменіемъ. Въ подвальномъ помѣщеніи собора хранятся остатки отъ возка и саней Строгановыхъ; на кожѣ, почти ободранной, тисненныя изображенія козероговъ, львовъ, и т. п. Подваль церкви состоитъ изъ отдѣльныхъ палатъ, разной величины, совершенно темныхъ, соединенныхъ узкими проходами, съ кольцами и засовами, служившихъ, видимо, и темницами, и казнохранилищемъ.

Сольвычегодскій соборъ, на берегу пустынной, далекой Вычегды, окруженный малонаселенными лѣсными пространствами, нетронутый радѣтелями мишурнаго блеска въ церковномъ благолѣпіи, составляетъ явленіе совсѣмъ исключительное. Его, высащагося въ темени и ветхости годовъ, слѣдуетъ беречь, какъ зѣницу ока, и тѣмъ обиднѣе было узнать, что нѣсколько времени тому назадъ совершенно частному человѣку проданы были три изъ древнихъ иконъ собора. Такъ ли это — и кто далъ на это право? Вѣдь это двойное святотатство.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе даетъ обзоръ мужского Введенскаго монастыря, основаннаго въ 1568 году; въ немъ живутъ теперь только четыре монаха. Внутри кажется онъ и пустъ, и бѣлъ, и негармониченъ, и иконы-то его почти всѣ безъ ризъ и оглавій, но зато наружность — одна изъ типичнѣйшихъ и лучшихъ, дошедшихъ до насъ въ полной неприкосновенности. Это какъ бы огромный не то кубъ, не то четырехугольная башня, въ четыре яруса оконъ. Пять куполовъ высятся надъ нею, а маленькая, гораздо позднѣе пристроенная, колоколенка робко жметъ внизъ, не достигая ихъ почтенной вышины. Эта кубическая, повидимому безформенная масса, оживлена тѣмъ, что имѣетъ дробные карнизы и баллюстрады; что она опоясана сверху и снизу по обходу невысокими, плоскими кокошниками; что по срединѣ четырехъ фасовъ, наверху, на выступахъ, поднимаются, будто висятъ на воздухѣ, небольшія воротца-фронтончики, покоящіяся на вѣтвяхъ колонкахъ; что по нижнимъ частямъ строенія виднѣются колонки коринтскія, и что, наконецъ, зданіе не обѣлено и прочная кирпичная кладка, потемнѣвшая отъ времени, придаетъ ему тотъ спокойный, пріятный колоритъ, который присущъ древности и котораго никакая краска не замѣнитъ. Къ несчастію, зданіе это не ремонтируется; портикъ его весь въ трещинахъ и уже погнулъ не совсѣмъ прочныя желѣзныя связи, его поддерживающія, до невозможности; пройти подъ нимъ, казалось, небезопасно: ступеньки покосились, потрескались, и въ расщелинахъ плоть растетъ трава и мохъ.

Обозрѣвъ Введенскій монастырь, путники прошли въ сосѣднюю съ нимъ церковь Бориса и Глѣба; отъ той церкви, въ которую въ 1570 году царь Іоаннъ пожертвовалъ два колокола, нѣтъ болѣе и слѣда; нынѣшняя церковь — конца

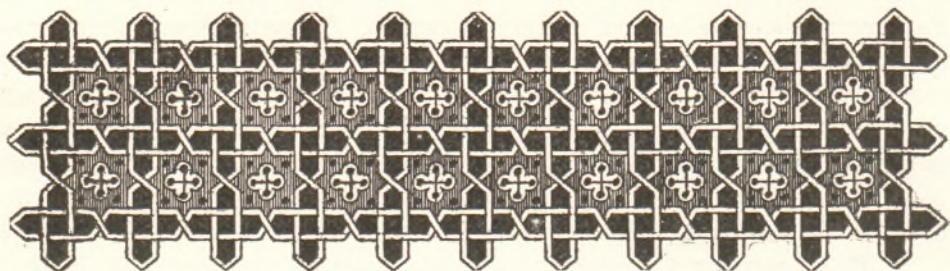
Русская древняя архитектура. Введенскій монастырь въ г. Сольвычегодскѣ,
въ его первоначальномъ видѣ (1688—1696).

Съ древняго рис. грав. М. Рапшевскій.

XVIII вѣка. Въ недалекой отъ нея Воскресенской церкви виситъ «всполонный колоколь», тоже пожертвованный Иоанномъ. Преданіе гласитъ, будто это— знаменитый вѣчевой колоколь и предъ ссылкою сюда былъ, по приказанію царя, высѣченъ. Въ народѣ существуетъ вѣра въ цѣлебную силу таинственного колокола: больного ребенка держать подъ нимъ и звонять два-три раза; колоколь достаточно великъ, чтобы звукомъ своимъ произвести въ положенномъ подъ него ребенкѣ нѣкоторую реакцію. Существуетъ здѣсь повѣрье, что веревка отъ языка этого колокола способна устранить безплодіе женщины.

Изъ Сольвычегодска пароходъ ушелъ во второмъ часу дня. День былъ необычайно жаркій; солнце палило. Спустившись по Вычегдѣ, путники осмотрѣли стоящій при впаденіи ея въ Двину Котласъ, который, какъ выше сказано, является теперь конечнымъ пунктомъ волго-двинскаго пути въ видѣ пермь-вятка-котласской желѣзной дороги, сооруженіе которой уже намѣчено. Посѣщены были обѣ церкви Котласа, и вслѣдъ затѣмъ, переѣхавъ на противоположащій берегъ Двины, путники присутствовали при рыбной ловлѣ, причемъ пойманы были всякіе представители мѣстной рыбы, кромѣ стерляди и налима. Часа чрезъ два пути, въ девять часовъ вечера, налетѣлъ сильный совершенно неожиданный шкваль, и термометръ упалъ сразу до 4°. Поверхность Двины подернулась нестрою перывистою зыбью, запрыгали по волнамъ зайчики, и низко, низко пригибались къ водѣ прибрежные ивняки, похлестывая своими острыми, длинными листьями по неспокойнымъ водамъ.

По древнему Заволочью.

Сѣверная Двина отъ Сольвычегодска до Холмогоръ. Мнѣнческое и историческое. Сѣйскій монастырь. Его исчезнувшія древности. Преступныя подмалевки. Воспоминанія о Филаретѣ Никитичѣ Романовѣ.

Довольно однообразный путь по Двинѣ невольно обращалъ мысль къ прошедшему, къ очень отдаленнымъ временамъ,—нѣкоторыя историческія воспоминанія о Двинской странѣ будутъ нелишними.

Среднее теченіе Двины, по которой плыли пароходы, и гдѣ—какъ это ни странно—не встрѣтилось ни одного города до самыхъ Холмогоръ, уже восемь вѣковъ тому назадъ было далеко не безлюдно. Тутъ, въ этихъ безпредѣльныхъ равнинахъ такъ-называемаго Заволочья, съ XI вѣка воевали новгородцы, будучи и ратниками, и купцами, и друзьями, и грабителями одновременно. Почему называлась эта страна Заволочьемъ? Названіе идетъ, вѣроятно, отъ слова «волокъ», т.-е. такого мѣста между двухъ рѣкъ или озеръ, гдѣ ладьи должны были переволокиваться; другіе думаютъ, что названіе дано вслѣдствіе того, что страна была точно «обволочена» тѣсами и туманами. Первое вѣрнѣе, второе поэтичнѣе.

Совсѣмъ не ошибочно будетъ сказать, что Сѣверъ нашъ, такъ странно дремлющій теперь, оживился гораздо ранѣе центра; если онъ опоздалъ противъ нашего Юга, чтобы явиться на историческое поприще, то, тѣмъ не менѣе, вниманіе на него было обращено давнымъ-давно. Кто не знакомъ съ именемъ древней исчезнувшей Біарміи, съ описаніемъ страны Гипербореевъ по Геродоту, Тациту, Нестору? Здѣсь на Сѣверѣ жили мнѣнческіе Гиперборей, за безконечными равнинами, за Лукоморьемъ. Тацитъ описываетъ эту страну, какъ страну охоты, и говоритъ о туземцахъ, что «безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ, люди этихъ странъ достигли самаго труднаго — отсутствія желаній». Легенда сообщаетъ, будто рай зем-

ной находился за сѣверными горами, и что новгородцы видали его. Городъ Ункрадь византийскихъ историковъ — скорѣе всего Холмогоры. Нѣчто близкое ко всему сказанному сообщаютъ сказанія скандинавскія. Фантазія изображала эти страны достояніемъ ужасовъ и чародѣйствъ. Несомнѣнно, что еще въ IX вѣкѣ приходили въ Віармію и Кпріаландію норманны; норманнъ Отеръ объѣздилъ Бѣлое море и привезъ королю Альфреду моржевые клыки и кожи. Съ XI вѣка начинаютъ, или продолжаютъ, воевать въ Заволочьи новгородцы; въ 1078 году погибаетъ здѣсь въ походѣ князь новгородскій Глѣбъ Святославовичъ; въ 1187 году имѣются свѣдѣнія о томъ, что здѣсь, въ этой Новгородской волости, было возстаніе, и новгородская рать перебита. Возставала чудь, возставали финны. Тѣснимые отовсюду норманнами, славянами, а потомъ и татарами, они углублялись все болѣе и болѣе въ дебри и тущобы нашего Сѣверо-Востока. Имѣется свѣдѣніе, что въ XIII столѣтіи норманны видѣли на берегахъ Двины богатую ярмарку и истуканъ Іомалы; подлѣ Холмогоръ указываютъ это мѣсто; истуканъ стоялъ будто бы на кладбищѣ; однажды, когда стражи спали, норманны забрали деньги, лежавшія предъ истуканомъ въ чашѣ, и хотѣли снять съ него ожерелья, но поднялся неожиданный звонъ, стража проснулась, и норманны, люди воинственные, убрались въ цѣлости. Несомнѣнно, что именно въ Холмогорахъ чудь имѣла свой центръ, какъ весь на Бѣло-Озерѣ, меря въ Ростовѣ, мурома въ Муромѣ. Вѣрно также и то, что чудь прибалтійская участвовала въ призваніи варяговъ заодно со славянами и кривичами.

Въ XIII вѣкѣ въ Заволочѣ образовались обширныя владѣнія богатыхъ бояръ новгородскихъ; чудь все болѣе и болѣе русѣла, и мѣстная жизнь принимала формы чрезвычайно своеобразныя. Центръ былъ въ Холмогорахъ, но и вся страна не лишена была ни жизни, ни развитія. Заволочье для Новгорода было приблизительно тѣмъ, чѣмъ является Индія для англичанъ — источникомъ непоимѣрнаго богатства. Бояре новгородскіе имѣли тутъ обширныя владѣнія; значительнѣйшія принадлежали знаменитымъ Борецкимъ; они имѣли возможность подарить Соловецкому монастырю всю Кемскую волость и Сумскій посадъ; Мареою Борецкою богато одарены также монастыри Соловецкій и Никольскій. На Вагѣ владѣли бояре Степановы; богаты были Своеземцевы; на Мезени — Окладниковы; Строгановы владѣли и въ Колѣ, и на Новой Землѣ. У Никольскаго монастыря, находящагося въ 90 верстахъ отъ Архангельска, выброшены были бурей тѣла двухъ утонувшихъ сыновей Марѣы Борецкой, Феликса и Антона, объѣзжавшихъ свои владѣнія. Монастырь этотъ былъ разоренъ норвежцами въ 1419 году; Марѣа возстановила и одарила его.

Весьма и весьма характерно, что бокъ-о-бокъ съ боярами новгородскими жили и владѣльцы земель въ Заволочѣ — бояре мѣстные, двинскіе. Откуда они? Бояре эти были такъ чужды Новгороду, что новгородская вольница, не щадившая, правда, и своихъ, жгла и грабила ихъ, не встрѣчая отпора. Съ XIV вѣка набѣги ушкуйниковъ, благодаря которымъ, собственно говоря, такъ непоимѣрно расширилась новгородская земля, сдѣлались очень частыми и опустошительными. Бояре новгородскіе, со своей стороны, тоже тѣснили бояръ

двинскихъ, и вотъ мало-по-малу начинаютъ тянуть этихъ послѣднихъ къ недавно окрѣпнувшей Москвѣ, и Москва очень хорошо поняла, чѣмъ и какъ осилить она Новгородъ, и подала этимъ мѣстнымъ боярамъ руку.

Было время, когда Новгородъ не допускалъ того, чтобы великокняжескіе люди владѣли въ Заволочьѣ землями; при великомъ князѣ Андрѣ Александровичѣ великокняжескія ватаги допускались къ Бѣлому морю только для ловли рыбы для самого князя. Новгородцамъ было нелюбо усиленіе князей суздальскихъ; но опасность для нихъ стала очевидною только тогда, когда заговорила Москва.

Неудачно ходилъ на Двинскую землю Іоаннъ Даниловичъ Калита въ 1337 году. Удачнѣе совершилъ походъ на ушкуйниковъ Димитрій Іоанновичъ въ 1369 году: новгородцы заплатили ему дани 8.000 рублей, изъ нихъ на долю Заволочья пришлось 5.000 рублей, что наглядно свидѣтельствуетъ о богатствѣ страны въ тѣ далекіе годы. Попытка Василя Димитріевича присоединить Заволочье въ 1394 году была тоже неудачна. Въ 1397 году посланъ былъ Андрей Альбертовъ къ двинскимъ боярамъ, предлагая имъ «задаться за великаго князя и крестное цѣлованіе Новгороду сложить»; но это кончилось ничѣмъ. Борьба продолжалась и при Василя Темномъ. При Іоаннѣ III, 27-го іюня 1475 года, произошелъ между его ратью, въ 4.000 человекъ, подъ начальствомъ Образца и Тютчева, и ратью новгородскою, въ 12.000 человекъ, бой на рѣкѣ Шилентѣ. Битва длилась отъ 3-хъ часовъ утра до захожденія солнца; двиняне, какъ и слѣдовало ожидать, измѣнили новгородцамъ, московская рать побѣдила и по этому поводу она «заволочанъ носѣкоша и двинянъ изсѣкоша». Въ 1478 году царь объявлялъ, что отнынѣ всѣ двиняне—московскіе, и началъ съ уничтоженія барщины.

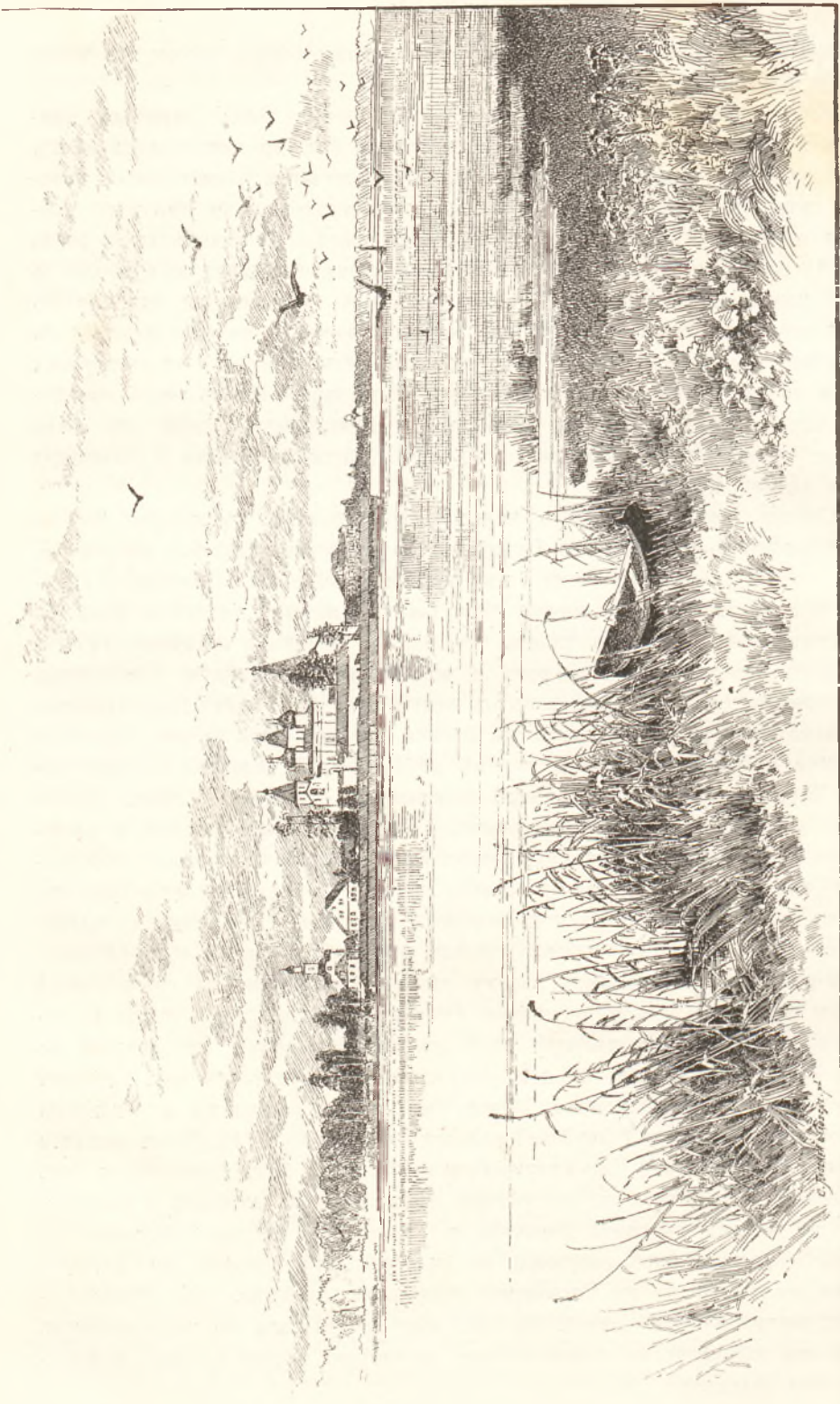
Дань съ Заволочья въ 5.000 рублей, о которой было упомянуто, представляла по тому времени цѣнность огромную; страна дать ее не могла. Заволочье было дѣйствительно богато звѣрями, птицей, рыбой, но, главнымъ образомъ, было извѣстно, какъ торговый путь, связывавшій Европу съ Азіей. Во времена новгородскія главный торгъ шелъ въ Лампожнѣ, въ 18 верстахъ къ сѣверу отъ Мезени, а отнюдь не въ Холмогорахъ, которыя выступили гораздо позже съ тѣмъ, чтобы впоследствии совершенно уступить мѣсто Архангельску. Хорошо торговали тутъ также закамскимъ серебромъ, соколами и соболями.

Берега Двины довольно однообразны, мѣстами холмисты, покрыты большею частью лѣсомъ; но есть много обработанныхъ полей, и села довольно часты. Отсюда начиная, близясь къ Бѣлому морю, Двина «шпалить» въ своихъ пескахъ, перестанавливаетъ берега, образуетъ временные озерки, промои, обвалы, ольвы, поднимаетъ и сноситъ острова, а весной, при таяніи снѣговъ, становится не уже Волги и несетъ огромныя, сокрушительныя массы воды. Села здѣсь какъ будто менѣе богаты, чѣмъ по Сухонѣ. Церкви ихъ бѣднѣе, приземистѣе тѣхъ, какія встрѣчались на Сухонѣ, и между ними много деревянныхъ, часто ветхихъ, типичныхъ, не лишенныхъ своеобразности. Глядя на эти церковки, можно подумать о бѣдности края; но

выставка и свѣдѣнія о мѣстной производительности говорятъ другое: онъ только и ждетъ рельсоваго пути.

Было около 6-ти часовъ вечера, 12-го іюня, когда пароходъ причалилъ къ берегу въ пяти верстахъ отъ селенія Сія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1858 году Императоръ Александръ II, совершивъ утомительный переездъ сухимъ путемъ, сѣлъ, направляясь въ Архангельскъ, на пароходъ; гранитная колонна сохраняетъ память объ этомъ, высясь на самомъ краю очень высокаго песчанаго берега. Сѣвъ въ тарантасы, путники вѣхали въ Сію, откуда вскорѣ направились далѣе въ Сійскій монастырь, находящійся отъ Сіи въ девяти верстахъ. Путь шелъ лѣсомъ, почтовою дорогою, направляющеюся къ Петербургу, сыпучими несками, такъ что даже пять лошадей и тѣ съ трудомъ тапили ничѣмъ не нагруженные тарантасы. Монастырь глянулъ очень привѣтливо въ густой зелени лѣсовъ, надъ водною поверхностью озера; это озеро было не единственное, встрѣченное по пути. Мѣстность ровная и, благодаря водѣ и лѣсамъ, красивая.

Сійскій монастырь имѣетъ немаловажное значеніе въ исторіи нашего Царствующаго Дома: Филаретъ Никитичъ, впоследствии патріархъ московскій, долгое время томился въ немъ, въ суровомъ заточеніи. Причина — Годуновъ. Исторія гласитъ, что первая жена Иоанна Грознаго, Анастасія, была изъ рода Романовыхъ; извѣстно также, что Борисъ Годуновъ задумалъ уничтожить этотъ опасный для него родъ и всѣхъ сыновей Пикиты Романовича, брата царицы Анастасіи, разослалъ въ тяжкія заточенія: одинъ былъ удушенъ въ ссылкѣ, двое другихъ посланы въ Пелымъ, Василій скоро умеръ, а Михаила Никитича держали въ земляной тюрьмѣ въ Пыровской волости, въ окрестностяхъ Чердыни, гдѣ и до сихъ поръ показываютъ его тяжелыя цѣпи. «Болѣе всѣхъ братьевъ,—говоритъ Костомаровъ,—выказывался дарованіями и умомъ Оеодоръ Никитичъ. Онъ отличался привѣтливимъ обращеніемъ, былъ любознателенъ, научился даже по-латыни. Никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ, не было въ Москвѣ красивѣе и щеголеватѣе мужичины; современникъ голландецъ говоритъ, что если портной сдѣлалъ кому-нибудь платье и, примѣривъ, хотѣлъ похвалить, то говорилъ своему заказчику: «теперь ты совершенный Оеодоръ Никитичъ». Этотъ-то именно Оеодоръ Никитичъ былъ насильно постриженъ въ Сійскомъ монастырѣ подъ именемъ Филарета; онъ рыдалъ во время обряда постриженія; при немъ годуновскимъ соглядатаемъ былъ приставъ Воейковъ. Жена постриженника, Марѳа, была тоже пострижена и заключена въ Егорьевскій погостъ Толвуйской волости, въ Заонежьи. Дѣтей ихъ оставили у тетки. Съ воцареніемъ Лже-Димитрія иннокъ Филаретъ былъ возведенъ въ санъ ростовскаго митрополита и, по убіеніи самозванца до избранія Гермогена, ѣздилъ за мошами царевича Димитрія въ Угличъ. По словамъ Авраамія Палицына, «Филаретъ былъ разуменъ, не склонялся ни направо, ни налево». Исторія посольства его къ Сигизмунду Польскому извѣстна. Его плѣненіе — подвигъ передъ Русскою землею. Въ 1619 году послѣдовало его возвращеніе въ Россію, его патріаршество и благотворное, но твердое вліяніе на сына, молодого тогда царя Михаила.

Сійскій монастырь.

Въ Сійскомъ монастырѣ имѣется портретъ этого бывшаго инока, впоследствии патріарха московскаго; онъ виситъ въ помѣщеніи настоятеля, но на немъ значится 1769 годъ, слѣдовательно это—копія. Благодаря трудамъ археографической комиссіи, книгохранилище монастыря приведено въ извѣстность. Въ числѣ рукописей находилось замѣчательное произведеніе великаго князя Іоанна Іоанновича, писанное въ 1579 году: это—«Служба Преподобному Чудотворцу Антонію». Подлинникъ, по словамъ настоятеля, утраченъ, а имѣется очень хорошая копія; произведеніе это свидѣтельствуетъ, по словамъ лицъ, ознакомившихся съ этою службой, о глубокой начитанности и проникновеніи благочестіемъ царственнаго автора. «Азъ, любовію подвизаемъ», пишетъ царевичъ, «написахъ и двѣ пѣсни».

Монастырь, небольшой и теперъ, имѣлъ когда-то 3.500 душъ крестьянъ; особенно много жертвовалъ на него Іоаннъ IV на помяновеніе убитаго имъ сына. Въ монастырѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи св. Антонія. Показываютъ и чудовищную кость, принадлежавшую будто бы какой-то колоссальной щуцѣ, ходившей въ монастырскомъ озерѣ и пожирившей людей; это, несомнѣнно, громадный, окаменѣлый позвонокъ какого-либо допотопнаго чудовища. Окрестности монастыря очень красивы; говорятъ, что императоръ Александръ I, проѣздомъ въ 1819 году, выйдя изъ коляски на ближней горѣ, долго любовался замѣчательнымъ видомъ. Увѣряютъ, будто въ округѣ не менѣе 90 озеръ. Монастырское преданіе, отчасти сомнительное, говоритъ также, что въ Сійскомъ монастырѣ, на пути своемъ къ столицѣ, юный бѣглець Ломоносовъ былъ въ теченіе нѣкотораго времени не то понамаремъ, не то псаломщикомъ.

Если гдѣ-либо время и люди не пощадили древности, такъ это именно въ Сійскомъ монастырѣ. XVI вѣкъ остался только отчасти въ прочныхъ, нерушимыхъ стѣнахъ—все остальное ново, подкрашено, испорчено, погибло. Церковь о пяти куполахъ, изъ которыхъ главный снаружи имѣетъ вполне своеобразный видъ колокольчика, остальные четыре—луковичные; цѣльнѣе другого сохранилась невысокая, очень широкая въ основаніи колокольня. Мощи преподобнаго Антонія почиваютъ близъ алтаря, съ правой стороны, подъ такую же новенькую, вычурную сѣнь, какъ и весь блистающій позолотой по ярко-зеленому фону иконостасъ. Если сказать, что видѣть подобное уничтоженіе древности обидно, — это будетъ мало: это положительно ужасно! Особенно ярко должно было сказаться это чувство въ путникахъ, только-что посѣтившихъ почтенную древность сольвыгодскаго собора. Почти безошибочно можно сказать, что всѣ лики древнихъ иконъ монастырскихъ подмалеваны, и, право, не знаешь, что хуже: италянизированные лоснящіеся новенькіе образа иконостаса или эти замаскированныя краскою и лакомъ очертанія неузнаваемыхъ древнихъ иконъ? Въ алтарѣ виситъ сохранившаяся какимъ-то чудомъ старая сѣнь стараго престола времени Алексѣя Михайловича; она виситъ потому, что лишена четырехъ опоръ, когда-то поддерживавшихъ ее; но какъ хороша она въ своемъ забытѣи, въ полумракѣ своихъ невозобновленныхъ досужимъ маляромъ красокъ и безъ всякой рѣзущей глаза позолоты!

Не вернуть также и погибшей келійки, въ которой жилъ когда-то Фи-

лареть Никитичъ. Приходится вѣрить тому, что она, будто бы, сгорѣла; фактъ тотъ, что на мѣстѣ ея воздвигнуто какое-то жилое помѣщеніе. Изъ числа предметовъ, имѣющихъ большую художественную цѣнность, слѣдуетъ упомянуть о евангелии, писанномъ въ 1693 году инокомъ Паисіемъ или только пріобрѣтенномъ имъ, и называемомъ: «Априкось». Оно писано полууставомъ и снабжено на каждой страницѣ замѣчательно типичными рисунками и орнаментами. Рисунковъ много, и само евангеліе толщиной фута въ полтора, если не больше. Древнѣе остальныхъ книгъ монастырскихъ другое евангеліе, писанное на пергаментѣ, 1339 года. Въ монастырѣ въ настоящее время 15 монаховъ; всѣхъ живущихъ въ немъ около 50 человекъ. Жилище архимандрита выходитъ на самое озеро.

Путники вернулись тою же лѣсною пыльною дорогою къ пароходу и двинулись въ дальнѣйшій путь вечеромъ, часовъ въ десять. Накрапывалъ дождь, и туманъ заволакивалъ берега. Пришлось почевать на пароходѣ, на якорѣ, въ виду Орлецовъ; тутъ былъ когда-то опасный водоворотъ, о которомъ сохранилась поговорка: «Орлецкая водоворотъ надъ всѣми водоворотями водоворотъ»; въ настоящее время поговорка лжетъ, но волна струится тутъ очень быстро, какъ бы торопится пронестись къ морю отдохнуть.

Холмогоры.

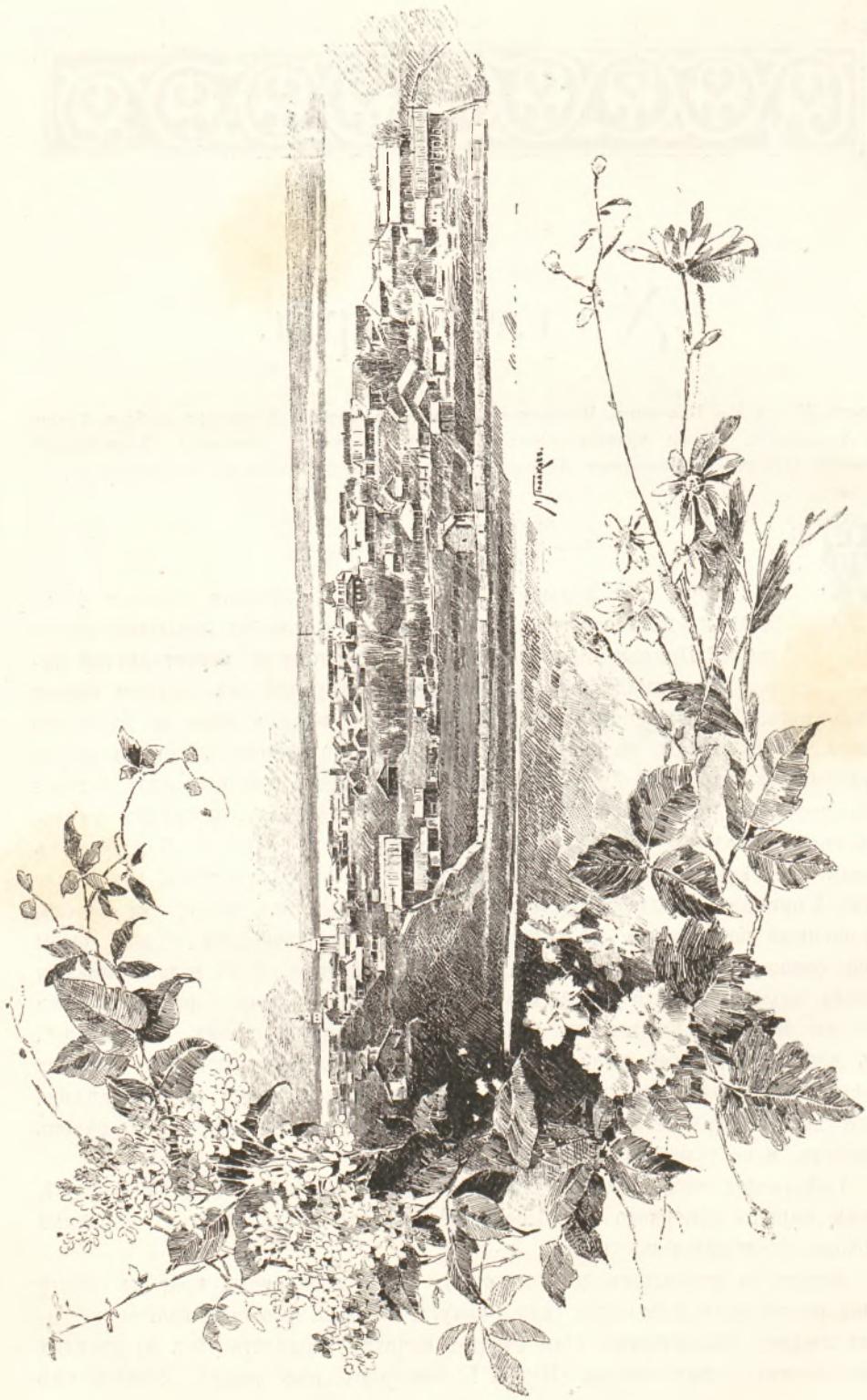
Вавчуга. Петръ I и Баженивъ. Историческое. Прѣжнѣе значеніе Холмогоръ. Соборъ. Успенскій монастырь. Судьба правительницы Анны Леопольдовны. Выставка. Холмогорскій скотъ. Поѣздка въ Денисовку. Ломоносовъ. Ломоносовское училище. Костяное дѣло.

сть-Пипега при дальнѣйшемъ слѣдованіи парохода служила 13-го іюня мѣстомъ остановки, гдѣ еще разъ можно бы наблюдать ловлю рыбы. Невдали только-что прѣсталъ къ тому же берегу другой пароходъ, шедшій изъ Архангельска и тянувшій двѣ крытыя баржи съ народомъ. Такимъ способомъ, за плату по 75 коп. съ лица до Великаго Устюга, возвращаются съ сѣвера богомольцы и сплавщики лѣса; на двухъ встрѣченнхъ баржахъ ѣхало около 2.000 человекъ; мѣстные жители говорили, что иной разъ перевозится сразу до 5.000 человекъ, и трудно понять, какъ они на баржахъ размѣщаются, чѣмъ кормятся и дышатъ? Пароходъ съ баржами не замедлил отвалить снова, высадивъ на берегъ тѣхъ, кому было нужно, и принявъ новыхъ пассажировъ. Здѣсь рыбы такъ много, что неводъ, заброшенный по тому же мѣсту три раза, далъ по нѣскольку пудовъ рыбы самой разнообразной: язи, сига, щуки, окуни, нельма, лещъ и даже морская камбала, заходящая сюда изъ Архангельска,—все это блистало разноцвѣтными отливами чешуекъ; каждая изъ рыбъ, сообразно норову своему, подчинялась, такъ или иначе, своей печальной судьбѣ: сердитая щука нестово прыгала по лежавшимъ пластамъ камбаламъ; кроткая нельма даже не шевелилась. Семги не выловили: она періодически ловится здѣсь массамаи, по 25 пудовъ на неводъ, и ее солятъ на мѣстѣ.

Слѣдующая остановка предпологалась въ исторически важной Вавчугѣ, родивъ нашего сѣвернаго кораблестроенія. Около двухъ часовъ пополудни пароходъ остановился предъ нею.

Верстѣ за двѣнадцать до Холмогоръ, на возвышенномъ правомъ берегу Двины раскинулось небольшое село Вавчуга, издавна принадлежавшее посадскимъ людямъ Баженинымъ. Они первые начали отпирать лѣсъ за границу съ построеннаго ими завода: Петръ I, осмотрѣвъ ихъ заводъ, остался имъ

Холмогоры. Общій видъ.

очень доволенъ и далъ Баженинымъ жалованную грамоту. Въ 1700 году Баженины просили царя разрѣшить имъ корабельное дѣло, что и было исполнено, и имъ дана еще другая грамота, съ освобожденіемъ всѣхъ работающих на верфи отъ земскихъ службъ. Въ 1702 году Бажениными были построены два фрегата, и при третьемъ посѣщеніи Петромъ I Архангельска, онъ, захавъ въ Вавчугу, самъ спустилъ эти два фрегата, назвавъ ихъ «Св. Духъ» и «Курьеръ», и далъ Баженину званіе корабельнаго мастера; современемъ Баженины стали богатыми людьми; даже и теперь, если у кого въ Архангельскомъ краѣ сильное освѣщеніе въ домѣ, то говорятъ: «У него словно Баженинъ въ гостяхъ». Съ наденіемъ кораблестроенія и торговли въ Архангельскѣ, вавчужская верфь, раздѣляя судьбу его, тоже пострадала и сдѣлалась ничтожною. Максимовъ, посѣтивъ Вавчугу въ 1858 году, видѣлъ портретъ Петра I, подаренный имъ Баженину, вырѣзанный самимъ царемъ на кизилѣ; на головѣ царя лавровый вѣнокъ. Гдѣ этотъ портретъ въ настоящее время—неизвѣстно. Слѣдуетъ упомянуть также, что въ одно изъ посѣщеній Петромъ I Вавчуги чуть не произошло нѣчто очень плачевное. Царь, обладавшій, какъ извѣстно, большою физическою силою и вспоминая, вѣроятно, какъ остановилъ онъ въ Амстердамѣ крылья вѣтряной мельницы, пообѣщавъ сдѣлать то же самое и съ водянымъ лѣсопильнымъ колесомъ. Общій испугъ за царя былъ великъ; Петръ, намѣреваясь исполнить обѣщаніе, подонелъ къ колесу, и оно дѣйствительно остановилось. Послѣ узнали, какъ это произошло: Баженинъ слышалъ о намѣреніи царя и далъ приказъ во-время остановить колесо. Петръ расцѣловалъ хозяина, давшаго ему возможность исполнить обѣщанное и остаться невредимымъ. На колокольнѣ мѣстной церкви, говоритъ преданіе, Петръ I, бывало, звонилъ въ колокола «для потѣхи своей государевой милости».

Село Вавчуга очень невелико и стоитъ на довольно высокомъ берегу. Отъ прежняго времени мало что осталось; на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Бажениныхъ, недавно построенъ какой-то новый домъ; о верфяхъ нѣтъ и помину, и только каменные части церковки, съ небольшимъ куполомъ на кубическомъ основаніи, да маленькая колоколенка съ деревянною галлерейкой, можетъ быть, видѣли Великаго Петра.

Противъ самой Вавчуги впадаетъ въ Двину рѣчка Курополка, на которой раскинулись Холмогоры; но она такъ мелка, что пароходъ спустился по Двинѣ дальше и, давъ крюку версть тридцать вмѣсто восьми, у церкви Спаса, взявъ мѣстнаго лоцмана, направился совсѣмъ къ югу въ рѣчку Холмогорку. Луговъ, на которыхъ пасется холмогорскій скотъ мѣстныхъ крестьянъ, очень много, потому что заливныхъ острововъ видимо-невидимо. Двина въ этомъ мѣстѣ, между Вавчугой и Холмогорами, будто раздулась, образовавъ цѣлыя группы острововъ, подѣленные многими рукавами; воды было такъ много, что рѣчка Холмогорка и та казалась шириною съ Малую Певу. Передъ тѣмъ, какъ свернуть въ Холмогорку, пароходъ прошелъ мимо одной изъ древнѣйшихъ деревянныхъ церквей,—это Ильи Пророкъ въ селѣ Ильинскомъ, называемомъ также Чукчерма. На кубическомъ основаніи поднимается девять луковцеобразныхъ куполовъ, изъ которыхъ средній повыше; со стороны па-

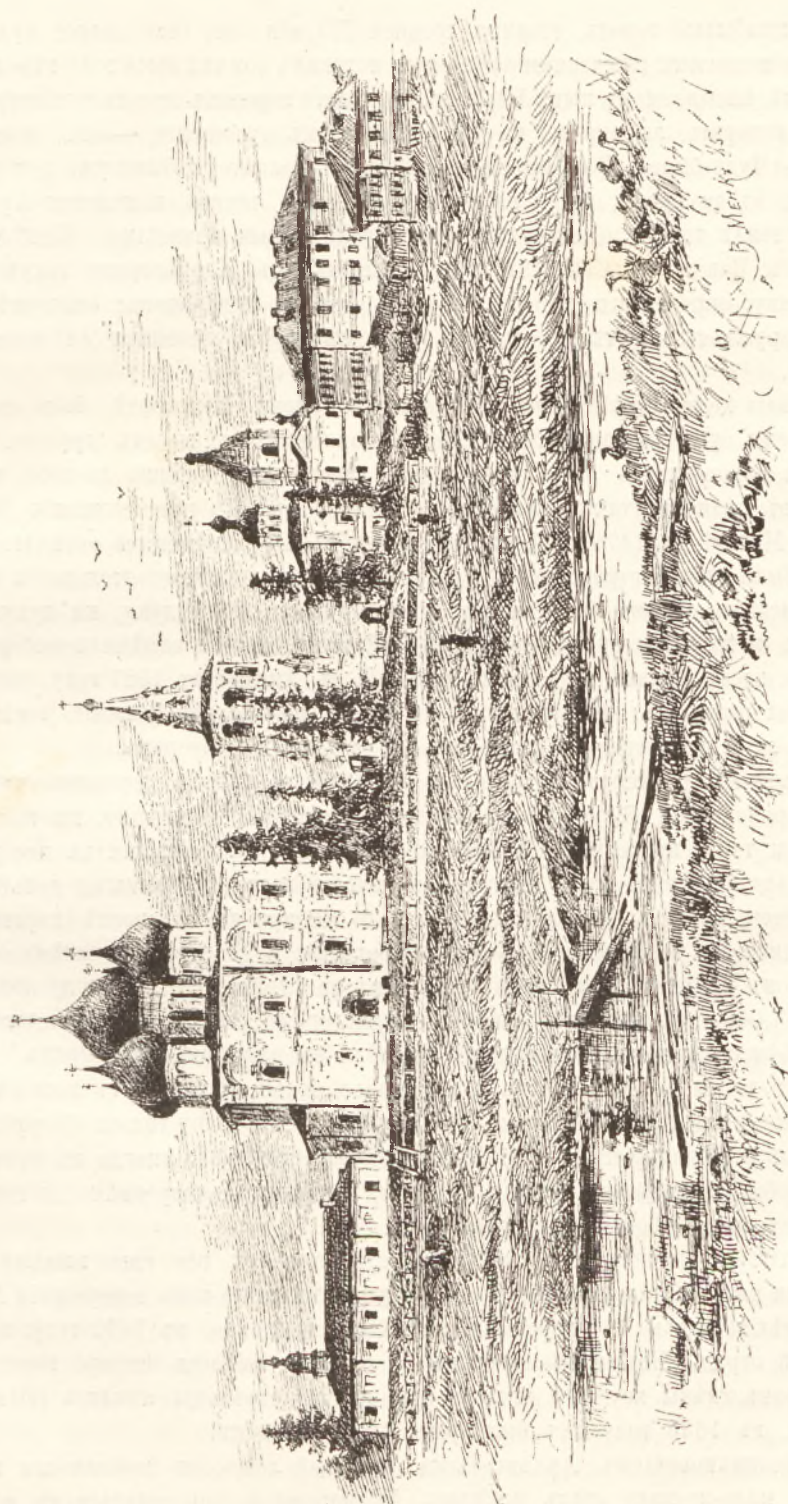
перти и алтарной части по одному большому луковичеобразному плоскому кокошнику; маленькая колокольня, съ галлережкой наверху и шатровымъ верхомъ, стоитъ отдѣльно; купола и крыша крыты, кажется, гонтомъ, и все древняя церковка смотритъ сѣренькою, глубоко почтенною старушкою. Сходная съ нею по древности церковь Николаи видѣлась верстъ на пять ниже Орлецовъ, въ погостѣ Паниловскомъ; только при ней старая деревянная колокольня уже «убрана», какъ тутъ выражаются, и на мѣстѣ ея стоитъ новая, заурядная, каменная. Эти «убирания» церквей, свидѣтелей древности, очень печальны, именно потому, что даже снимковъ съ нихъ не остается, и онѣ погибаютъ безслѣдно, будто никогда не существовали.

Холмогоры вырисовываются издали на совершенно плоскомъ, невысокомъ берегу. Ближе всѣхъ къ судну, подходящему съ сѣвера, замѣтна деревянная кладбищенская церковь, отъ которой до города полныхъ двѣ версты; затѣмъ, вдали видны темно-зеленые куполы собора, церковь Троицкая, Успенскій монастырь; всѣхъ церквей въ городѣ пять. Кладбищенская церковь поднимается надъ высокимъ уровнемъ воды сажени на три; колокольня ея тоже три сажени вышины, и вотъ съ этой-то шестисаженной вышины, съ галлерей колокольни, весной 1884 года въ наводненіе спасенъ былъ писаремъ мѣстной воинской команды сторожъ. Можно представить себѣ стихійную силу весеннихъ водъ, залившихъ эти мѣста и катившихся до высоты колокольни? Возлѣ самой церкви вбиты со стороны теченія рѣки бревна, глядящія какъ-то странно, не то заборомъ, не то остатками не совсѣмъ прибраннаго стараго зданія,—это сваи, назначенныя защищать церковь отъ ледохода.

Пристань устроена близъ Троицкой церкви, приблизительно въ срединѣ Холмогоръ, растянувшихся въ одну улицу на полутораверстное разстояніе вдоль рѣки. Это, собственно говоря, не городъ, а не особенно большое село центральной Россіи; въ немъ около 1.000 жителей; луга и болота проникаютъ въ самый городъ, и холмогорскому скоту совершенно вольготно лежать даже на улицѣ. Вправо отъ пристани тянулось какія-то полуразрушенныя, накренившіяся лачуги—это мѣстный гостинный дворъ.

Своеобразность Холмогоръ сказывается даже въ томъ, что соборъ его, оконченный строеніемъ въ 1691 году, и лежащій подлѣ него Успенскій монастырь составляютъ два послѣднія крайнія зданія вытянутаго въ одну улицу города. Одинъ изъ историковъ города, Крестининъ, описывая гористыя будто бы окрестности, объясняетъ происхожденіе имени Холмогоры такъ: «Толь прекрасны виды естества, безъ сумнѣнія, подали причину назвать такъ описуемое селеніе реченіемъ, сложеннымъ изъ горъ и холмовъ». Надо имѣть сильную фантазію, чтобы признать мѣстность Холмогоръ гористою. Надо имѣть не менѣе сильную фантазію, чтобы признать за Холмогорами долгое, почтенное историческое прошлое, чтобы повѣрить возможности того, что здѣсь былъ когда-то культурный центръ всего Заволочья и еще въ московскій періодъ времени до самаго Петра сосредоточивалось административное и торговое значеніе края. Если гдѣ историческое прошлое совсѣмъ незамѣтно, такъ это—здѣсь, въ Холмогорахъ.

Когда-то на мѣстѣ Холмогоръ, болѣе тысячи лѣтъ назадъ, стоялъ другой

Холмогоры. Соборъ и Успенскій монастырь.

совсѣмъ позабытый городъ, столица древней Біармін. Это было старое чудское мѣсто. Упомянутый шведскими хрониками истуканъ Іомалы высился, вѣроятно, на островкѣ, называемомъ нынѣ Ельники. Въ десяти верстахъ отсюда есть островъ, названіе котораго любознѣтно въ филологическомъ отношеніи, — онъ зовется: Чубала, — «Чудь-была». Во времена новгородскія Холмогоры были уже центромъ Заволочья, въ то время, когда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Архангельскъ, стоялъ только одинъ-одинехонекъ уединенный монастырь. Исслѣдователь судьбы Заволочья, Соколовъ, даетъ нынѣшнимъ Холмогорамъ такую характеристику: окрестности хороши, но самъ городъ невзраченъ; «почернѣлая, ветхая наружность идетъ къ городу, какъ къ старой лѣтописи ея пятна и доскутки».

Посады холмогорскіе, какъ и посады въ самомъ Новгородѣ, были почти за все время существованія Холмогоръ независимы одинъ отъ другого. Въ XIV вѣкѣ переселились сюда новгородскіе посадники, жившіе до того, какъ кажется, въ пяти верстахъ отсюда, въ Матигорахъ. По присоединеніи Заволочья къ Москвѣ въ 1478 году царемъ Іоанномъ III, Холмогоры окончательно избраны были административнымъ центромъ, и скоро о самостоятельныхъ боярахъ двинскихъ, а тѣмъ болѣе новгородскихъ, не стало ни слуху, ни духу. Въ 1557 году, по ходатайству мѣстныхъ жителей, намѣстниковъ замѣнили выборные головы; но, послѣ начала торговыхъ сношеній съ Англійей въ 1587 году, выборные головы оказались непригодны, и на Двину посылались царскіе воеводы, все болѣе люди именитые, и жили они въ самыхъ Холмогорахъ.

Нельзя не упомянуть о томъ, что въ 1606 году надъ царскими чиновниками произведена была здѣсь народная расправа. Граждане, въ помощь томившейся тогда въ безначаліи Москвѣ, снарядили для посылки въ нее ратниковъ. Дьякъ воеводы Гуся, Елчанинъ, попользовался собранными деньгами, какъ кажется, не безъ участія воеводы. 10-го января дьяка, послѣ короткаго суда, утопили въ рѣкѣ, а воеводу три дня держали подъ стражей, затѣмъ освободили, и онъ правилъ снова какъ ни въ чемъ не бывало. Въ 1613 году поляки, въ числѣ 7.000 человекъ, подходили къ Холмогорамъ, но безуспѣшно и должны были разбѣжаться и въ большинствѣ погибли въ пустыряхъ и дѣбряхъ. Намѣстники и тиуны царскіе получали жалованье большое; такъ, отъ посадскихъ людей возникшаго Архангельска въ 1623 году шло въ казну только 39 рублей, а намѣстнику холмогорскому—35. Правительство прибѣгало иногда къ незамѣщенію, чтобы пользоваться тѣми и другими деньгами одновременно, и города управлялись сами собою безъ управителей.

Въ 1686 году посады холмогорскіе существовали все еще каждый отдѣльно; они имѣли тогда пять верстъ въ окружности, тогда какъ теперешнія Холмогоры имѣютъ только 1½ версты длины. Немного позже, въ 1692 году, вдоль крѣпостной ограды Холмогоръ высились 12 башенъ, имѣлось четверо воротъ и глубокій ровъ, слѣды котораго отчасти еще видны; стрѣльцы явились сюда въ 1621 году; въ 1646 году ихъ было уже 1.000 человекъ.

Съ возникновеніемъ Архангельска торговый людъ, въ особенности иностранный, мало-по-малу сталъ покидать Холмогоры и переселяться къ морю;

воеводы оставались тутъ до 1702 года. Петръ I по пути въ Архангельскъ былъ въ Холмогорахъ три раза; по его повелѣнію, въ 1692 году были доставлены сюда голландскіе производители рогатаго скота, образовавшіе знаменитую холмогорскую породу, коровы которой даютъ 2—3 ведра молока въ день. Въ 1819 году посѣтилъ городъ императоръ Александръ I, по повелѣнію котораго начали разводить англійскій скотъ; но этотъ не акклиматизировался. Холмогоры посѣтили Великіе Князья: Алексѣй Александровичъ—въ 1870 г. и Владиміръ Александровичъ—въ 1885 году.

Нельзя не упомянуть, что въ 1744 году, въ каменный архіерейскій домъ, нынѣшній Успенскій монастырь, неожиданно привезены были «секретныя» арестанты. Тайна продолжалась 36 лѣтъ, и только по истеченіи этого времени узнали, что Холмогоры служили мѣстомъ заключенія бывшей правительницы Анны Леопольдовны, супруга ея принца Антона-Ульриха и двухъ дѣтей ихъ. Позже родились тутъ еще два принца; въ 1746 году скончалась въ родахъ принцесса Анна Леопольдовна, а въ 1776 году—мужъ ея Антонъ-Ульрихъ. Императрица Екатерина II повелѣла отправить сиротъ въ Данію, что и было исполнено въ 1781 году, также тайно, ночью, какъ это было сдѣлано съ прибытіемъ покойныхъ родителей ихъ. Тѣло принцессы - матери отправлено въ Петербургъ, «послѣ учиненія надъ умершимъ тѣломъ анатоміи и положиа въ спиртъ»; она покоится въ Александро-Невской лаврѣ, причемъ на отпѣваніи величалась «благовѣрною принцессой»; тѣло супруга ея, скончавшагося 30 лѣтъ позже, опущено въ землю въ Холмогорахъ на кладбищѣ, внутри ограды арестантскаго дома, но гдѣ именно—непзвѣстно.

Размѣры мѣстнаго собора грандіозны; четыре центральные столба, всѣ своды и пять куполовъ тщательно выофѣлены, и темнымъ пятномъ кажутся высокій на синемъ фонѣ пятиарусный иконостасъ и очень немногія иконы, разсѣянные по церкви. Иконы въ иконостасѣ не отличаются роскошью отдѣлки; подчистка и лакировка хозяйничали и здѣсь въ достаточной степени. У лѣвой стѣны отъ входа покоятся въ рядѣ архангельскіе архіереи, надъ ихъ могилами стоятъ деревянныя гробы, надъ каждымъ портретъ, между которыми бросается въ глаза безбородое изображение Аѳанасія, борода котораго—по словамъ сказанія—была вырвана Никитой Пустосвятомъ.

Успенскій монастырь находится подлѣ собора; въ немъ 120 монахинь, состоящихъ въ вѣдѣніи игуменіи. Въ помѣщеніи, которое занимала нѣкогда несчастная семья принца Антона-Ульриха, живетъ сестра-казначей; это — небольшая, но свѣтлая комната, съ унылымъ, однообразнымъ, безжизненнымъ видомъ на рѣку.

Устроенная здѣсь въ 1885 году выставка мѣстнаго скота заслуживала вниманія; надо отдать справедливость экспонентамъ: всѣ 15 коровъ и быкъ были красивы, вполне соответствуя знаменитости породы. Цѣна хорошей коровы здѣсь 150—200 руб.; удой—20 крынокъ, по три стакана въ каждой. Цѣна бутылки молока въ продажѣ 2 коп., фунтъ мяса 6—8 коп. Тутъ же, на столахъ красовались мѣстные молочные продукты: масло и сыры. Виднѣлись на отдѣльномъ столикѣ костяныя издѣлія.

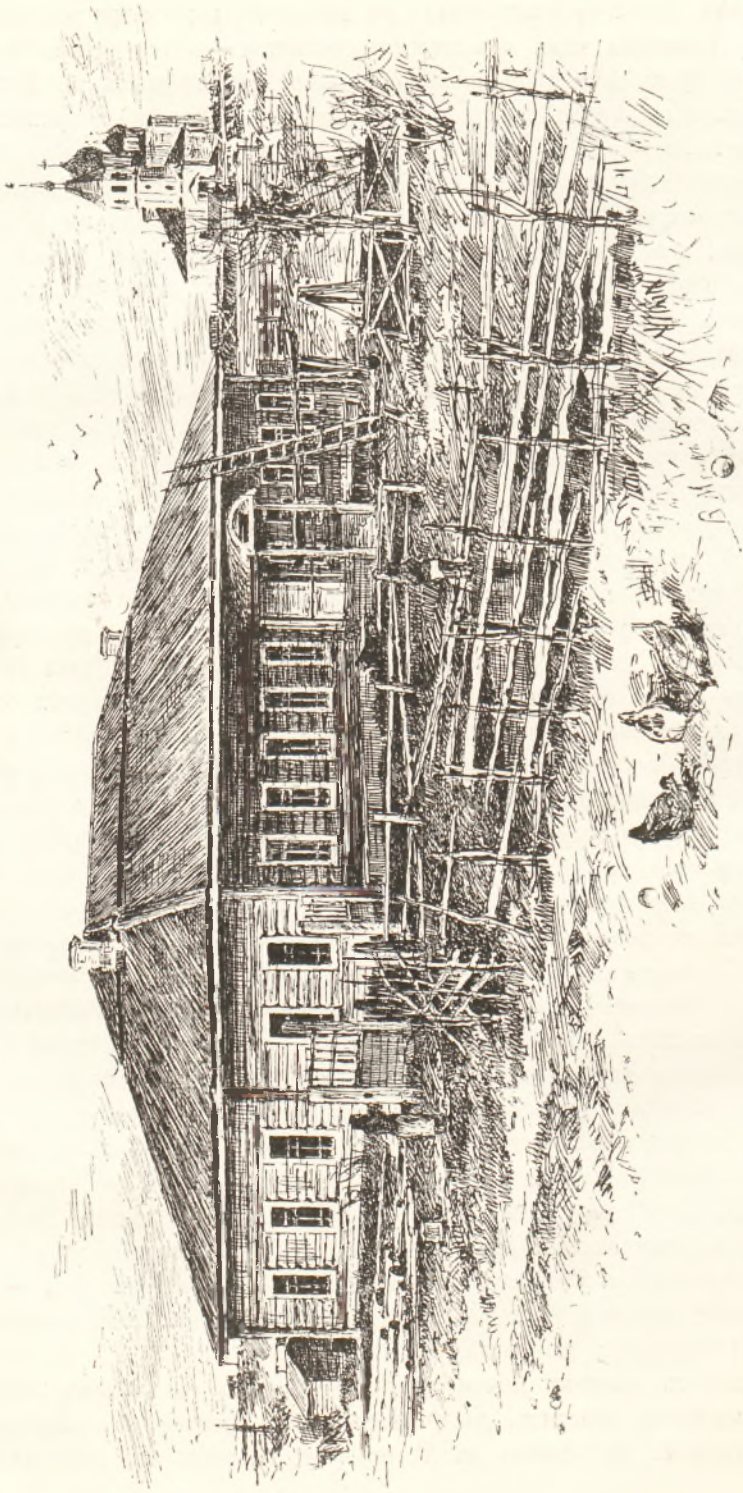

Женщины съ Курострова.

Къ вечеру путники переправились на карбасѣ на другой берегъ Холмогорки, съ тѣмъ, чтобы проѣхать оттуда на лошадахъ, версты три разстоянія, до Денисовки. Денисовка одна изъ многихъ (кажется — 40) деревень большого острова Курострова, покрытаго дугами и полями. Ломоносовыхъ въ Денисовкѣ больше нѣтъ, а въ Архангельскѣ существуютъ потомки его по сестриной линіи, купцы Ершovy.

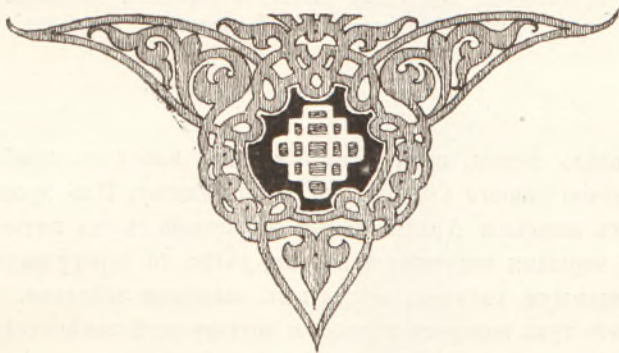
На подвижныхъ двинскихъ островахъ поднялась и выросла подвижная, колоссальная фигура Ломоносова; онъ родился въ 1712, умеръ въ 1765 году; слѣдовательно, человѣкомъ далеко не старымъ. Бурливы, какъ волны Сѣвернаго моря, были судьбы Ломоносова; по образцу прибрежныхъ скалъ, окаймляющихъ Мурмань, сложились его мощныя, упрямья воззрѣнія; мальчишка-поморь, еще подросткомъ, побывалъ онъ и въ расколѣ, широко раскинушемся по тогдашнему Сѣверу, такъ какъ отецъ его, Василій Доросеевъ, былъ расколникомъ; въ Москвѣ собирались постричь его во священство для проповѣди въ языческой Карелии; Марбургъ, Фрейбергъ, женитьба на пѣмкѣ, бѣгство отъ долговъ, Шуваловъ, дружба съ нимъ, академія, преувеличеніе буйства и его неприятыя послѣдствія, дѣло мести всякихъ ничтожностей, въ родѣ профессоровъ Винцгейма и Трускотта, и рядомъ съ этимъ серьезнѣйшія научныя работы, изслѣдованія, ученыя записки, оды, множество самыхъ послѣдовательныхъ успѣи и трудовъ по всемъ отраслямъ знаній и, наконецъ, начало русской литературы... не правда ли, какъ это мало для крѣпыша-помора въ недолгую, едва только полвѣка длившуюся жизнь?! Ломоносовъ, несомнѣнно, самый сѣверный, самый полярный изъ всехъ гениальныхъ крѣпышей, изъ всехъ талантовъ міра, и онъ нашъ, онъ русскій, родился въ сосѣдствѣ Холмогоръ. 3-го октября 1868 года въ деревнѣ Денисовкѣ послѣдовало торжественное открытіе Ломоносовскаго училища, на добрую память, пользу и назиданіе потомкамъ. Въ Архангельскѣ поставленъ Ломоносову памятникъ, который сооруженъ на добровольныя пожертвованія и открытъ 25 іюня 1832 г. Хотя онъ воздвигнутъ по проекту знаменитаго Мартоса, но, въ сущности, одинъ изъ самыхъ неудачныхъ памятниковъ въ Россіи. Крестьяне рассказываютъ о Ломоносовѣ, будто «человѣкъ этотъ рукою тучи отводилъ, противъ Божья велѣнія шелъ; Богъ-отъ камнемъ ему носъ перешибъ, потому, значить, Ломоносовымъ прозывается». Такъ говорятъ о слышанномъ на мѣстѣ г. Михайловѣ. Говоритъ онъ также, что приходятъ къ памятнику и такіе люди, что молятся на него и зажигаютъ вдоль ограды свѣчи, сбиваясь съ толку изображеніемъ крылатаго гения, ангела. Училище «Ломоносовское», открытое въ Денисовкѣ въ 1868 году, помѣщается въ одноэтажномъ зданіи, въ десять оконъ. Въ немъ приходящихъ 45 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ. О самомъ Ломоносовѣ на мѣстѣ его родины ничто рѣшительно не напоминаетъ, если не считать небольшого прудика, въ который, какъ говорятъ, отецъ его сажалъ пойманную рыбу; прудинка маленькій, зеленѣющій.

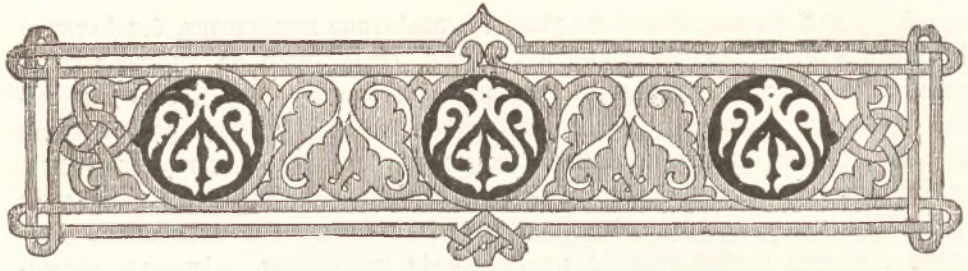
Въ связи съ именемъ Ломоносова, или, вѣрнѣе, съ именемъ зятя его Головина, находится, говорятъ, нынѣ захлѣвній промыселъ холмогорскихъ костяныхъ издѣлій. Не столько въ Холмогорахъ, сколько въ волостяхъ, съ

Холмогоры. Денисовка. Ломоносовское училище.

легкой руки Головина, пошло это дѣло. Это извѣстные шкатулочки, бездѣлушки, футлярчики и пр., изготовляемые изъ костей, остающихся за употребленіемъ мяса, а также изъ моржевыхъ клыковъ; они состоятъ изъ болѣе или менѣе дробныхъ костяныхъ арабесковъ, сквозь которые блеститъ разноцвѣтная фольга. Дѣлаютъ также костяные ножи, вилки, ложки, шахматы, игольники; кто не знаетъ въ продажѣ изображенія оленей, запряженныхъ въ самоѣдскія санки? У нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ техниковъ есть такъ называемые «секреты», то-есть особые способы приготовления, напримѣръ, цѣпочекъ, состоящихъ изъ колечекъ, продѣтыхъ одно въ другое. Максимовъ основательно замѣтилъ, что давно бы надо придти на помощь костяникамъ, ознакомивъ ихъ съ порядочными рисунками. На маленькой выставкѣ, устроенной здѣсь, имѣлось только незначительное количество костяныхъ издѣлій.

Архангельскъ.

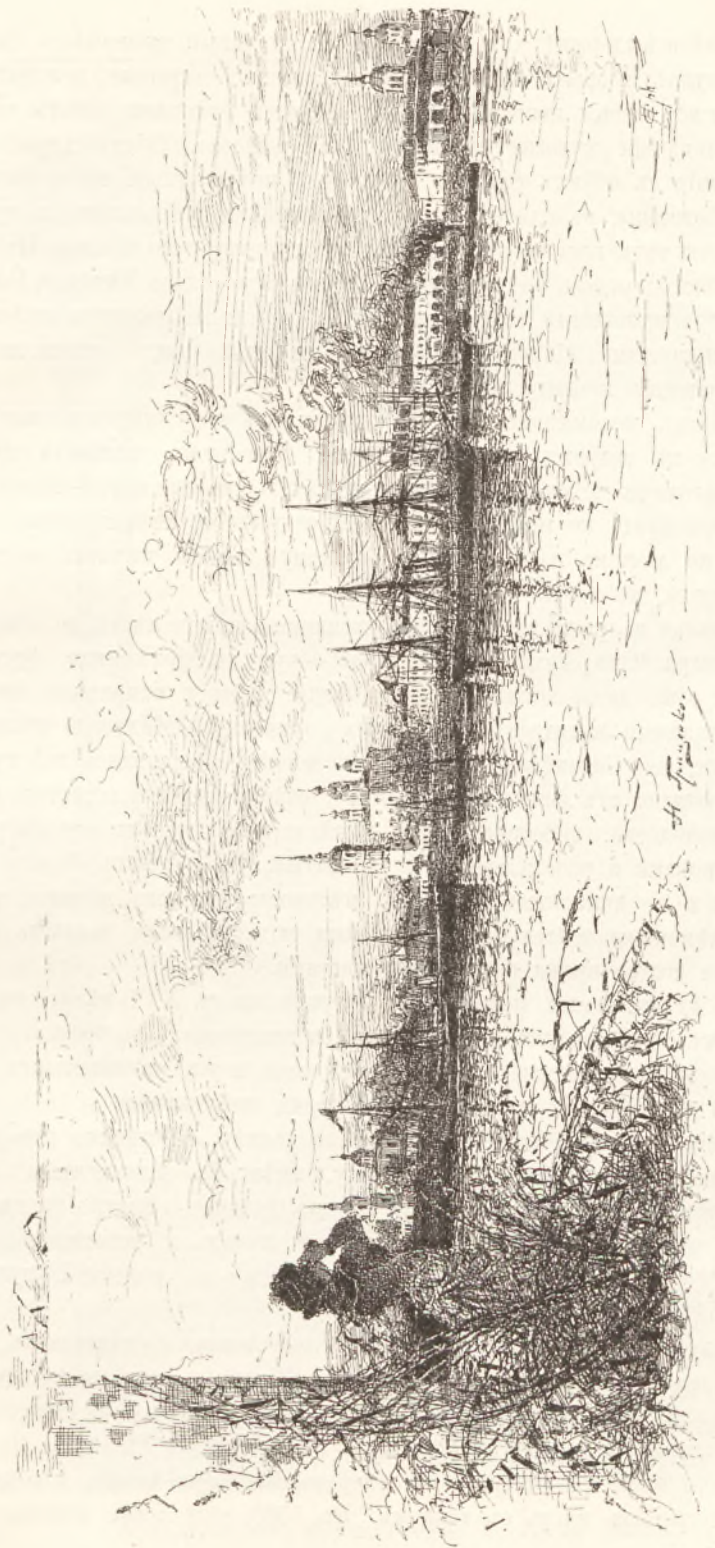
Общій видъ города. Древнѣйшія судьбы его. Периодическія обновленія. Хорошее будущее. Исторія судостроенія. Отношеніе къ Архангельску Петра I. Соборъ. Соломбала. Льяной и смоляной буяны. Браковники. Цифровыя данныя о торговлѣ. Выставка. Отъѣздъ на шхунѣ «Норденшильдъ». Ея былое.

Тасовъ около десяти, пасмурнымъ утромъ, пароходъ приближался къ средоточію нашего Сѣвера, къ Архангельску. Изъ храмовъ ближе другихъ виднѣлся Архангельскій монастырь съ его пятью темными, почти черными вздутыми куполами; далѣе по берегу выдвигался соборъ съ пятью зелеными главами, покрытыми золотыми звѣздами.

Двина дѣлаетъ тутъ поворотъ вправо, и поэтому всей замѣчательной длины города, тянущагося, какъ и Холмогоры, вдоль берега, сразу не оглядишь: Троицкая, главная улица его, идетъ на семь верстъ. Вдоль вытянутыхъ подлѣ берега судовъ и поморскихъ классическихъ шхунъ, впервые встрѣченныхъ подлѣ барокъ, пауzkówъ и пароходовъ, судно взяло вправо и стало приближаться къ пристани. Влѣво глянули поросшіе зеленью историческіе: Моисеевъ островъ, Заостровье, Кегостровъ, съ ихъ церквами; глянула вдали не менѣе историческая Соломбала со своимъ соборомъ; пароходъ миновалъ двѣ стоявшія на якорѣ казенныя паровыя шхуны: «Баканъ» и «Полярную Звѣзду», имена которыхъ знакомы всему побережью Ледовитаго океана, и, наконецъ, остановился. Пристань устроена у самой таможи, одного изъ громаднѣйшихъ казенныхъ зданій, имѣющаго два высокіе, полукруглые купола, — зданія, свидѣтельствующаго величиною своею о томъ, что оно было рассчитано на гораздо болѣе широкую, на очень обширную дѣятельность порта.

Соборъ освященъ въ 1805 году. Это одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ соборовъ: онъ въ три свѣта; окнами снабжены не только его стѣны, но и всѣ пять куполовъ, и въ этомъ-то обилии свѣтовыхъ лучей висится одинъ изъ краснѣй-

Архангельскъ. Видъ Набережной близь собора.

нихъ по отдѣлкѣ и выдержкѣ характера рѣзной золоченой иконостасъ. Онъ въ строжайшемъ стилѣ возрожденія. Четыре совершенно открытыя центральныя столба собора и всѣ стѣны исписаны очень свѣтлыми фресками работы «двухъ художниковъ академіи художествъ чиномъ XIV класса». Очень характерны въ соборѣ стоящія съ обѣихъ сторонъ его по двѣ полукруглыя, на колоннахъ, подъ сѣнями, божницы; въ одной изъ нихъ, ближайшей къ алтарю, съ правой стороны, виситъ тотъ крестъ, который былъ собственноручно сдѣланъ Петромъ Великимъ въ благодарность за избавленіе его отъ бури близъ Унскихъ Роговъ. Полукруглый, драпированный темно-малиновымъ бархатомъ выступъ имѣется и надъ Царскими вратами. Нижняя церковь собора очень низка; иконостасъ ея богатъ, но украшенія немного грузны.

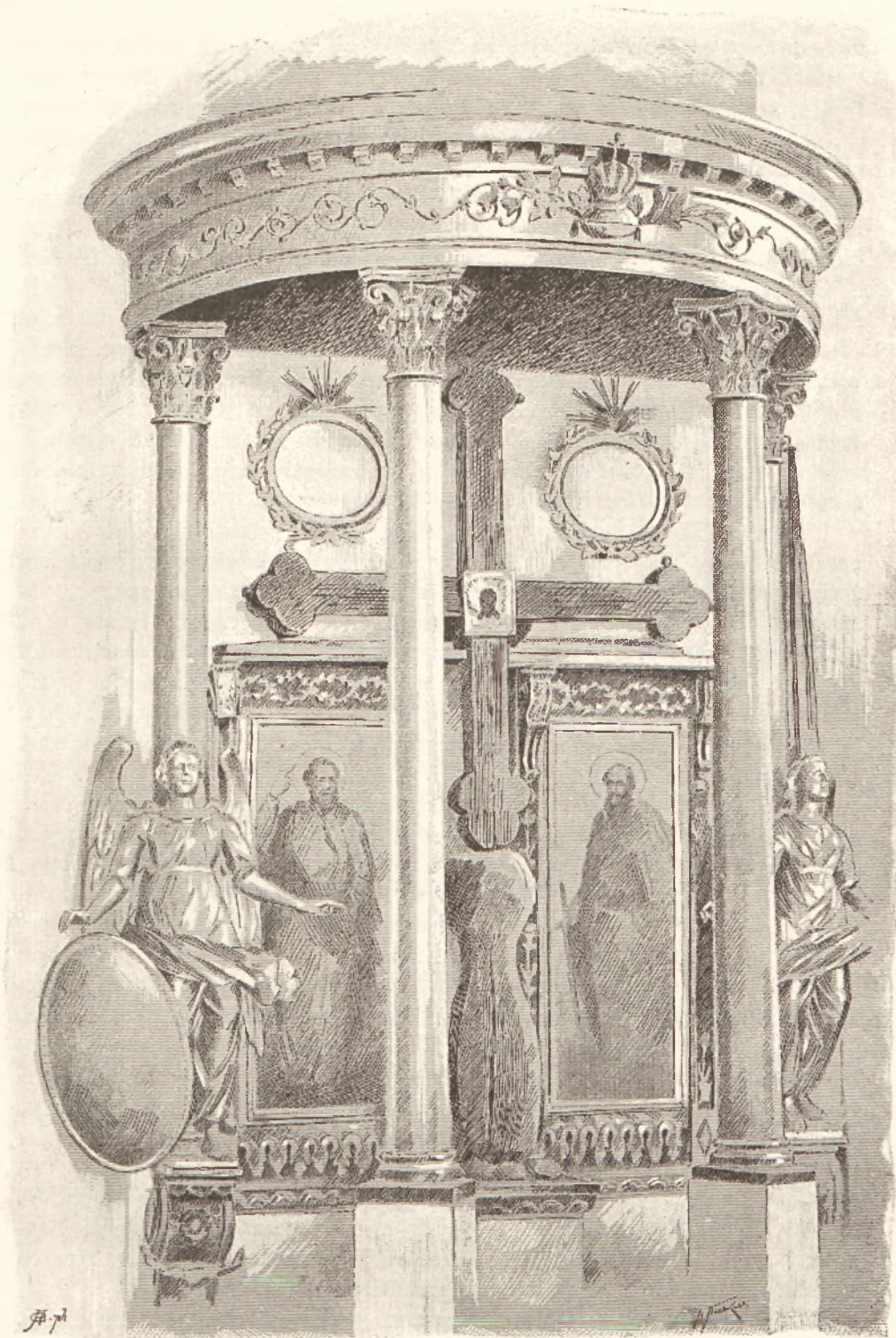
Архангельскъ, несомнѣнно, городъ будущаго; къ нему тянуть водныя пути Россіи, къ нему въ скоромъ времени пойдетъ «Сѣверная» желѣзная дорога; она будетъ проложена по очень простой причинѣ: Сѣверное море—наше море, которое намъ запереть не могутъ, а мы безъ открытаго, незапираемаго моря существовать не можемъ и не должны. Къ нему должны тяготѣть не только сѣверныя окраины, но и вся Россія.

Архангельскъ получилъ свое имя отъ стоявшаго на его мѣстѣ, до основанія города, монастыря Чуда Архангела Михаила,—чуда, изображеннаго фрескомъ на его соборѣ: злые люди хотѣли затопить Божій Домъ и направили на него рѣку, но, призванный молитвою праведника, архангелъ Михаилъ отклонилъ рѣку. Имя острова Соломбала, на которомъ воочію совершались всѣ судьбы города, производится отъ финскаго «соломба», означающаго болотистое мѣсто. Кругомъ Архангельска, непосредственно возлѣ города, даже въ его проулочки забѣгаютъ и понынѣ и разстилаются тундроватыя, безотрадныя болота. Если въ Соломбалѣ и по двинскимъ берегамъ мѣстность немного поднята, то это совершилось нѣмецкою землею, привозившеюся сюда въ видѣ балласта и накопившеюся за долгое время громадными массами.

Исторія Архангельска, какъ города, начинается съ XVI вѣка; онъ основанъ Θεодоромъ Иоанновичемъ въ 1584 году и праздновалъ въ 1884 году свою 300-лѣтнюю годовщину; исторія Архангельска, какъ порта, начинается съ конца XVII вѣка, и тутъ именно становится она очень любопытною.

Мало городовъ въ Россіи, или, вѣрнѣе, такихъ, собственно говоря, совсѣмъ нѣтъ, которые, подобно Архангельску, имѣли бы законченныя, завершившіеся періоды существованія. Онъ быстро возникъ, быстро расцвѣталъ, еще быстрѣе надалъ, опять расцвѣталъ, опять надалъ и, несомнѣнно, опять расцвѣтеть. Мѣстности, непригодныя къ развитію, къ подобной пульсаціи жизни неспособны.

300 лѣтъ тому назадъ мѣсто, на которомъ стоитъ Архангельскъ, было пустыннымъ, мало возвышеннымъ глинистымъ берегомъ надъ очень глубокою и довольно узкою Двиною; Моисеевъ островъ былъ втрое больше теперешняго; на его мысу стоялъ одинокій монастырь Чуда Архангела Михаила. Въ 1419 году всѣ иноки этого монастыря были умерщвлены норвежцами, а монастырь сожженъ и отстроенъ вновь съ трудомъ. Въ 1553 году сюда впервые при-

Архангельскъ. Крестъ Унскихъ Роговъ въ соборѣ.

были англичане. Отыскивая путь въ Китай чрезъ Ледовитый океанъ, они отправили на поиски три корабля, изъ которыхъ два погибли у Мурманскаго берега, а третій занесло къ устью Двины, къ монастырю, одиноко на берегу стоявшему. Кораблемъ управлялъ ставшій впоследствии знаменитымъ Ченслеръ, скоро вслѣдъ затѣмъ отправленный въ Москву, гдѣ его снарядили въ путь обратно съ милостями царя Иоанна IV Васильевича и въ сопровожденіи нашего посла, вологжанина Иосифа Пегѣя. Льготы англичанамъ предоставлены были большія, и торговля завязалась. Архангельска все еще не существовало.

Необходимо, однако, замѣтить, впрочемъ, что несуществованіе Архангельска въ то время подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, потому что 32 года спустя послѣ предполагаемаго его возникновенія тобольскіе воеводы свидѣтельствовали: «а отъ Архангельскаго города ходъ къ Мангазеѣ (лежащей на рѣкѣ Енисеѣ) близко поспѣвають въ полныя недѣли». Справедливо замѣчаютъ, что такого торнаго пути вглубь Сибири, въ такой короткій промежутокъ времени, какъ 32 года, не могло бы существовать, если бы Архангельскъ велъ свое начало только со времени прибытія англичанъ.

Если не дѣлать никакого заключенія изъ словъ тобольскихъ воеводъ, то придется вѣрить тому, что въ 1584 году совершенно неожиданно къ одинокому монастырю приплыли царскіе воеводы и zaloжили деревянную крѣпость—Новыя Холмогоры. Торговые люди селились подлѣ крѣпости, пріѣзжая сюда изъ богатыхъ Холмогоръ, составлявшихъ административный и торговый центръ края. Въ 1637 году случился пожаръ, монастырь перенесенъ выше по рѣкѣ, въ Печеры, и очистилъ, такимъ образомъ, мѣсто для быстро возникшаго города; говорятъ, будто планъ гостинаго двора составленъ самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Судьбы Архангельска—судьбы нашего сѣвернаго судостроенія и торговли; весь онъ жилъ и будетъ жить имп. Судостроеніе на Вѣломъ морѣ безконечно старѣ Архангельска, говоритъ историкъ архангельскаго порта, Огородниковъ; оно идетъ отъ начала плаванія по Вѣлому морю соловецкихъ монаховъ, около 1440 года; въ 1548 году монахи уже имѣли свои верфи. Впрочемъ, для промысловъ на взморье приходили сюда новгородцы еще въ IX вѣкѣ, до Рюрика; но самостоятельное значеніе получило наше пользованіе моремъ только со времени возникновенія Архангельска. Онъ будто подготовился и окрѣпъ какъ разъ ко времени появленія Петра I. Въ 1693 году въ городѣ было уже 29 торговыхъ домовъ иностраннаго купечества, и приходило до 40 кораблей. Было съ чего начать. Когда Петръ I посѣтилъ его впервые, 29-го іюля 1693 года, у одной изъ городскихъ пристаней стояла яхта «Св. Петръ», построенная для поѣздки царя въ Соловки, вѣроятно, братьями Бажениными, имѣвшими свою верфь въ Вавчугѣ. Въ 1696 году царь далъ Баженинымъ разрѣшеніе строить корабли. Кромѣ ихъ верфи, въ то время существовали еще и другія: Бармина, Амосова и Пругавина. Купеческое судостроеніе, слѣдовательно, древнѣе военнаго, начавшагося, какъ извѣстно, въ Воронежѣ въ 1696 году.

Три раза посѣтилъ Петръ I Архангельскъ: въ 1693, въ 1694 и въ 1702 годахъ. Царь, увидѣвъ впервые море, къ которому такъ упорно, такъ

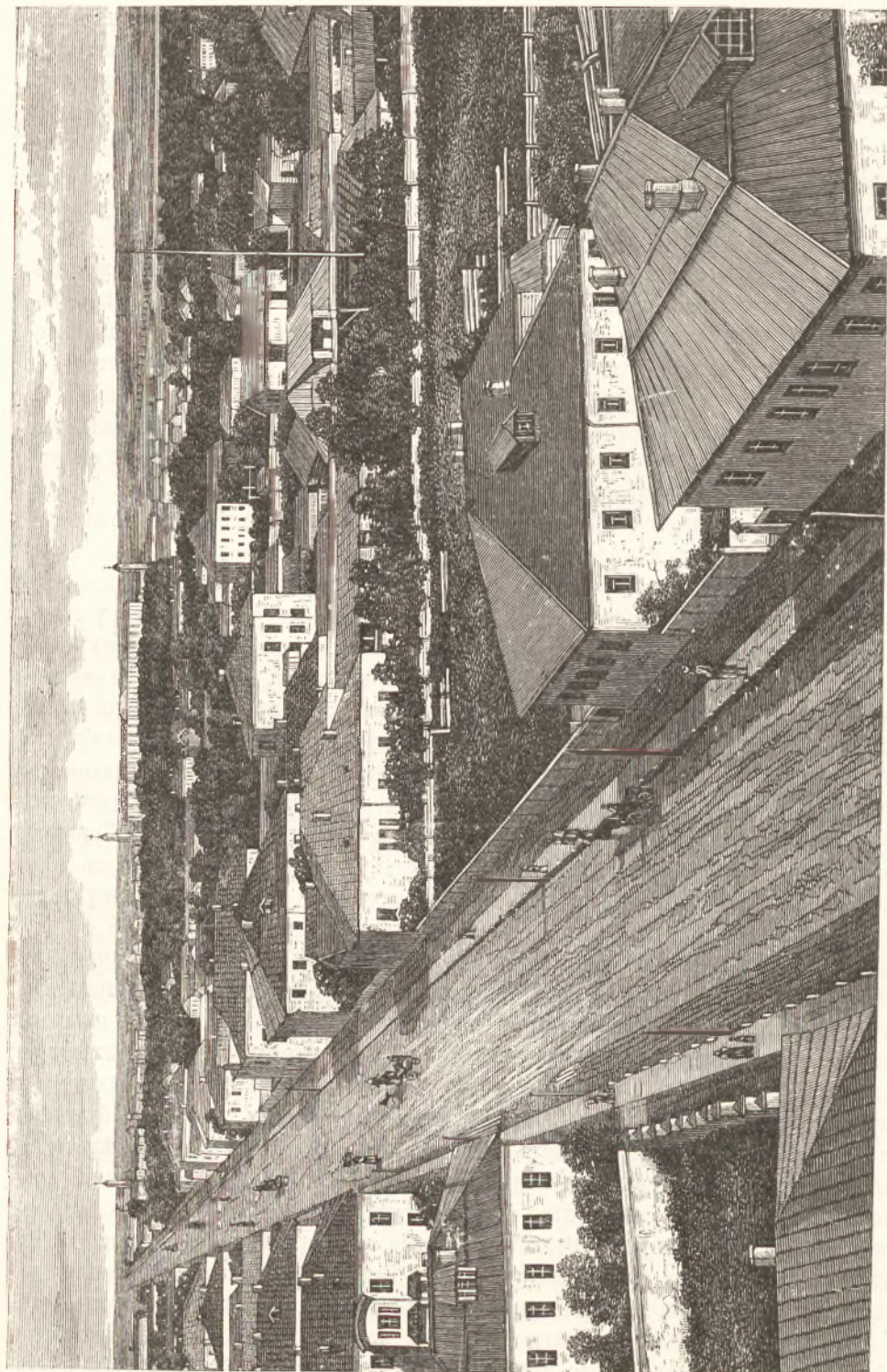
страстно стремился и значение котораго провидѣль, немедленно принялся за дѣло, со всею энергіею, ему свойственною, принялся, такъ сказать, своими руками. На соломбальской верфи закинула работа. Въ платьѣ простаго шкипера ежедневно посѣщалъ онъ верфи, биржу и ярмарку; негоціантъ Форколье объяснилъ ему, — въ чемъ Петръ, конечно, не нуждался, — что «будь у русскихъ свои корабли да вѣди они сами, барыни доставался бы имъ». Приказано было изготовить немедленно два купеческихъ судна, и одно изъ нихъ, нагруженное русскимъ грузомъ, царь отправилъ за границу при себѣ.

Во второй разъ царь прибылъ въ Архангельскъ на слѣдующій же годъ. 20-го мая вступилъ на Двину первый выстроенный у насъ царскій корабль, названный «Св. Павелъ»; царь самъ подрубилъ его подпоры. 12-го іюля прибылъ, построенный въ Голландіи, фрегатъ, названный «Св. Пророчество», и царь самъ провелъ его двинскимъ фарватеромъ къ городу. Отправившись въ Соловки на поклоненіе святыхъ, Петръ I вынесъ страшную бурю подлѣ Унскихъ Роговъ; онъ и всѣ плившіе съ нимъ уже причастились, ожидая смерти, но лоцманъ Антипъ Тимошеевъ сумѣлъ провести судно въ Унскіе Рога. Крестъ съ надписью, поставленный по этому случаю Петромъ на берегу, можно видѣть въ архангельскомъ кафедральномъ соборѣ.

Въ августѣ, по возвращеніи изъ Соловокъ, царь велѣлъ нагрузить русскимъ товаромъ судно «Св. Павелъ» и отправилъ его за границу подъ русскимъ флагомъ, впервые родившимся тогда на свѣтъ и составленнымъ изъ трехъ голландскихъ цвѣтовъ, только въ обратномъ порядкѣ. Къ 1701 году на архангельской верфи было построено шесть кораблей. Кто не видѣлъ, хотя бы на картинкахъ, этихъ неуклюжихъ, некрасивыхъ первообразовъ кораблестроенія того времени? Всѣ они были сосновые, имѣли три палубы, называвшіяся «жителями»; люки назывались «творилами», а флаги были чудовищно-громоздки; такъ, напримеръ, кормовой имѣлъ 13 аршинъ длины и 9 полотницъ ширины. Торговля царя съ заграницей, такъ называемые «царскіе торги», продолжалась съ 1694 по 1718 годъ. Царскіе корабли отдавались также иностранцамъ на откупъ, но подъ условіемъ, чтобы экипажъ на всѣхъ судахъ былъ русскій.

Въ третій разъ посѣтилъ Петръ I Архангельскъ въ 1702 году и прибылъ съ царевичемъ Алексѣемъ. Царь располагалъ тогда уже цѣлымъ флотомъ. На 13-ти корабляхъ съ 4.000 преображенцевъ вышелъ онъ въ море въ расчетѣ встрѣтить шведовъ. Онъ ихъ не встрѣтилъ, зато совершилъ свой сказочный нюхачкій походъ отъ Бѣлаго моря на Повѣнецъ. Согласно сохранившемуся преданію, въ одинъ изъ прѣздовъ Петра въ Архангельскъ зародилось будто бы и имя селенія — Соломбала. Царь увидѣлъ жнецовъ въ полѣ и захотѣлъ дать имъ балъ; снопы служили столами и скамейками, и это былъ настоящій «соломенный балъ». Это поэтичнѣе, чѣмъ финское «болотистое мѣсто», но исторически безусловно невѣрно. Въ ознаменованіе своего благоволенія, при одномъ изъ посѣщеній гор. Архангельска, Петръ Великій пожаловалъ архіепископу Афанасію штандартъ, карету и три пушки для храненія въ архіерейскомъ домѣ.

Вотъ нѣкоторыя любопытныя данныя, за Петровское время, касающіяся Архангельска. Въ 1694 году прибыло 50 кораблей, въ 1700—64, 1702—149,

Немецкая слобода въ Архангельскѣ. Рше. Косаковъ, граф. Боярскій.

1708 — 208, 1716 — 233. Въ 1711 году цѣнность привоза и вывоза достигла полутора милліона рублей.

Строеніе собственно военныхъ судовъ на соломбальской верфи началось только въ 1708 году; въ 1710 вышли въ море три фрегата, но неудачно. Военные корабли были, пожалуй, еще некрасивѣе и неуклюжѣ купеческихъ; тяжелые, сѣдловатые, съ пузато-закрѣпленными парусами, они имѣли чрезвычайно высокую корму; на кормѣ этой шли снаружи галлерей съ аляповатыми изображеніями, и надъ ними высились три чудовищно-огромные фонаря; въ довершеніе всего на щекахъ видѣлись статуи.

Насколько любилъ Петръ и холилъ Архангельскъ вначалѣ, настолько же безжалостенъ сталъ онъ къ нему, когда возникло другое его дѣтище, при другомъ, болѣе ласковомъ морѣ—Петербургѣ. Указомъ 1722 года запрещено привозить къ Архангельску товаровъ больше, чѣмъ потребно собственно для губерніи; послѣ этого указа къ городу пришло только 26 иностранныхъ кораблей. Вслѣдъ за немилостью царя сказалась и немилость природы: въ 1723 году занесло пескомъ устье Двины, и суда, подходившія прежде къ самому Архангельску, принуждены были останавливаться у Соломбалы. Съ 1715 года строеніе военныхъ судовъ прекратилось совершенно, но съ 1733 года возобновлено; начали готовить экспедицію «Обскую»; 23-го іюня 1835 года спущенъ корабль «Городъ Архангельскъ», а за нимъ другіе.

Особенной удачи кораблямъ, дѣтищамъ второго расцвѣта Архангельска, не было. Эскадры 1742 и 1743 годовъ доказали паглядно, что наше судостроеніе страдало въ то время органическими недостатками. Корабли построены были слабо, чрезмерно нагружены артиллеріей, при спускѣ выгибались, давали течь, не имѣли устойчивости и даже опрокидывались, да и самое дерево ставили перѣдко гнилое: въ мачтахъ попадалось по 15 дюймовъ гнили въ діаметрѣ. Характерно, что когда состоялся судъ за гибель «Варахаила», то оберъ-аудиторомъ назначенъ былъ пѣкто Клингстенъ, желавшій уклониться отъ этого назначенія, «за незнаніемъ русскаго языка и морской службы», какъ онъ рапортовалъ. Контора надъ портомъ этихъ пустыхъ резоновъ не уважила. Свообразности тогдашнихъ порядковъ соответствовали костюмъ офицеровъ: на нихъ были бѣлые кафтаны и свѣтлозеленые камзолы и штаны. Матросы, встрѣчая начальство, кричали въ тѣ дни не «ура!», а «гузе! гузе!». Въ морскомъ уставѣ второй половины прошлаго вѣка опредѣлено съ точностью, кому и сколько разъ кричать «гузе!»

Уравненіе правъ Архангельска съ Петербургомъ, въ отмѣну Петровскаго указа 1722 года, послѣдовавшее въ 1762 году, снова подняло духъ и предпріимчивость архангелогородцевъ: завелось снова 40 торговыхъ домовъ, и вывозъ достигъ 10 милліоновъ; но золотымъ временемъ для города, «американскими годами» его, былъ 1809—1814, когда континентальная система закрыла англичанамъ всѣ порты, и они подъ американскимъ флагомъ стали ходить въ Архангельскъ. Бѣломорскій купеческій флотъ, способный къ дальнему плаванію, имѣлъ тогда до 300 судовъ.

Со времени Отечественной войны стало быстро совершенствоваться и ар-

хангельское военное судостроение, подъ руководствомъ замѣчательныхъ строителей-самоучекъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ: Курочкина, Ершова и Загуляева. Когда императоръ Александръ I посѣтилъ Архангельскъ въ 1819 году, въ гавани стояло до 150 судовъ, и милостью государя архангельское купечество избавлено было отъ гильдейскихъ пошлинъ на двадцать лѣтъ. Первый пароходъ заложенъ былъ въ Архангельскѣ въ 1824 году. Затѣмъ, съ 1852 года строение кораблей прекратилось, начато сооруженіе винтовыхъ двигателей, и первымъ былъ спущенъ «Полканъ», а въ 1856 году отсюда отправлены въ Балтику 6 клиперовъ.

Последнее двадцатипятилѣтіе, въ силу многихъ обстоятельствъ, оказалось гибельно для Архангельска. Улучшеніе водяныхъ сообщеній внутри Имперіи къ Петербургу и направленіе къ нему желѣзныхъ дорогъ повліяли, такъ сказать, косвенно; но начало и развитіе броненоснаго судостроенія, перенесшее постройку судовъ къ другимъ центрамъ, оказало вліяніе непосредственное. Неудачный спускъ, въ 1860 году, огромнаго фрегата «Пересвѣтъ» послужилъ послѣднимъ поводомъ къ Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 1862 году, объ упраздненіи въ Архангельскѣ главнаго порта, — тринадцать лѣтъ спустя послѣ закрытія порта на Охотскомъ морѣ; въ 1866 г. два послѣдніе элинга пошли съ молотка.

Быстро расцвѣталъ Архангельскъ, быстро и падалъ. Теперь, несомнѣнно, предстоитъ ему большая будущность; Соломбала, какъ купеческій портъ, развивается; къ 1870 году, за шесть лѣтъ, отпускъ возросъ съ 6 до 11½ милліоновъ, въ 1880 г. отпускъ былъ въ 10½ милліоновъ, въ 1883 г. онъ уменьшился до 7.400.000 рублей. Кораблей приходитъ, въ среднемъ, до 700, въ томъ числѣ 40 пароходовъ, и все это несмотря на неудобства плаванія въ Ледовитомъ океанѣ, на всѣ недостатки Сѣверной Двины и на то, что чинить суда въ Архангельскѣ негдѣ. Вологодско-архангельская желѣзная дорога, сооруженіе которой разрѣшено въ 1894 г., будетъ первою и ближайшею причиною новаго расцвѣта.

Выше было сказано, что еще въ 1723 г. занесло устье Двины пескомъ. Рѣка вливается въ море четырьмя устьями. Въ настоящее время въ ней три мели или такъ называемые бара: два — ниже Архангельска, одинъ почти въ предѣлахъ города. Они имѣютъ до тринадцати футовъ глубины, не болѣе, что, при постоянномъ возрастаніи осадки морскихъ судовъ и увеличеніи ихъ емкости, служитъ большою помѣхою, такъ какъ вызываетъ двойную перегрузку, увеличивающую цѣнность товаровъ. Фрахтъ до Англіи отъ Онеги и Сорокъ, гдѣ перегрузки нѣтъ, на 5—7 шиллинговъ дешевле, чѣмъ отъ Архангельска, и въ общей сложности наше купечество теряетъ въ названныхъ перегрузкахъ до 220 тыс. рублей въ годъ. Министерство Путей Сообщенія предполагаетъ углубить баръ у Мудьюгскаго острова землечерпаніемъ, а мель у Моисеева острова уничтожить водостѣпнительными сооруженіями. Съ 1860 года существуетъ сѣверо-двинская компанія пароходства, имѣющая до пятнадцати пароходовъ и поддерживающая сообщеніе съ центромъ Россіи.

Если, какъ выше замѣчено, размѣры таможи свидѣтельствуютъ о томъ.

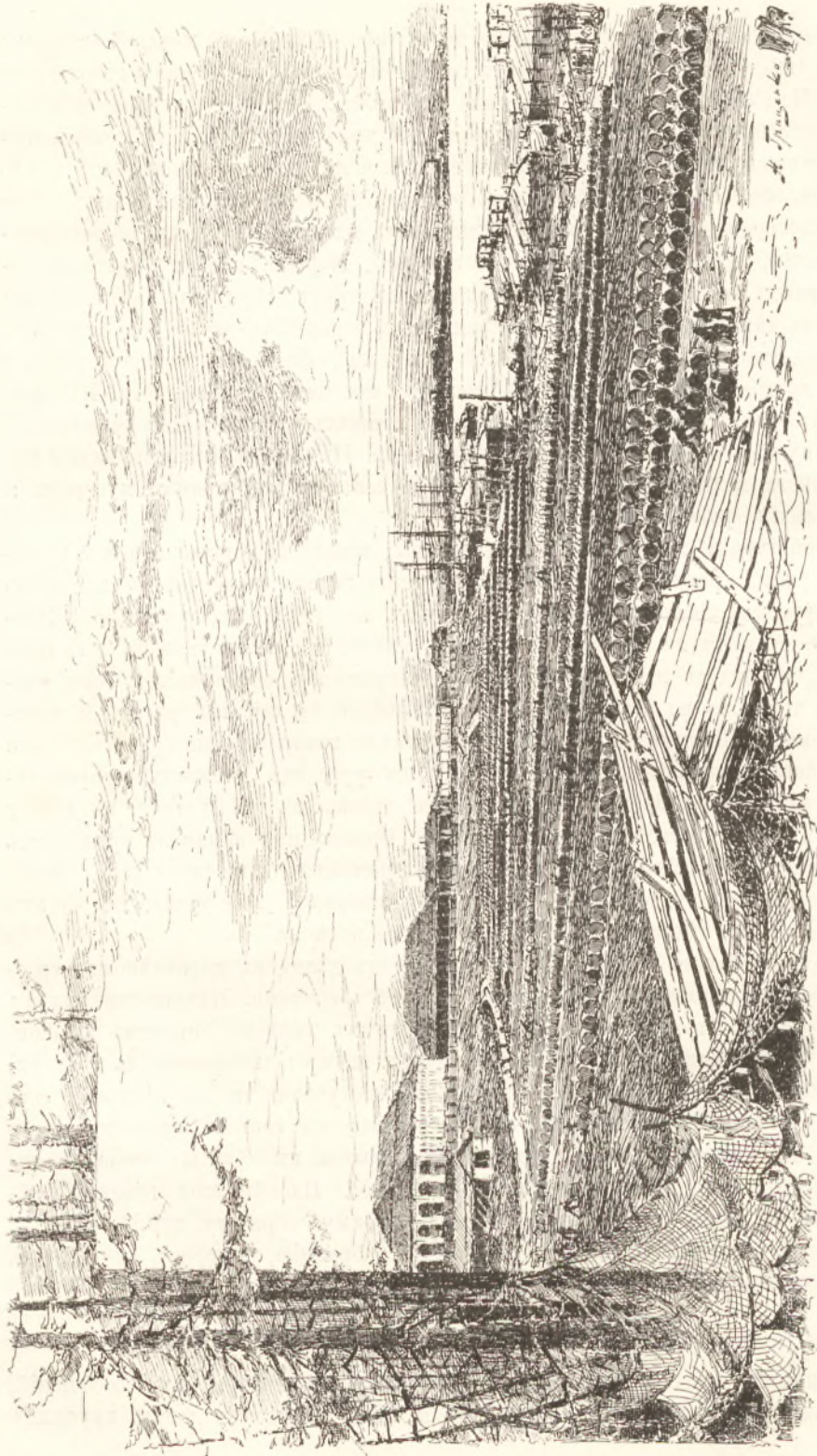
чѣмъ былъ архангельскій портъ, то посѣщеніе Соломбалы, морской казармы и тѣхъ мѣстъ, на которыхъ стояли верфи и элинги, подтверждаетъ это еще яснѣе. На Соломбалѣ путешественники посѣтили прежде всего соборъ, оконченный постройкою въ 1776 году; онъ тоже въ три свѣта и имѣетъ совершенно бѣлыя стѣны; иконы сосредоточиваются исключительно на иконостасѣ и его зеленомъ фонѣ. Въ соломбальскомъ соборѣ, какъ въ архангельскомъ и во многихъ церквахъ двинскаго побережья, надъ входною въ храмъ дверью, внутри церкви, противъ алтаря имѣется галерея. Морскія казармы — это мажорантъ между всѣми казармами. Въ нихъ въ двухъ корпусахъ помѣщаются: одно изъ самыхъ обширныхъ арестантскихъ отдѣленій—около 700 человекъ, архангельская флотская рота, морской госпиталь, офицерскій морской клубъ и многое другое, и, несмотря на это, значительная часть зданій пуста. Въ офицерскомъ клубѣ хранятся модели нашихъ старыхъ судовъ: «Нингерманланда», «Пептунуса», «Твери», «Славы Россіи» и др. Изъ оконъ казармъ видны пустыя мѣста находившихся подлѣ верфей и элинговъ, заваленныя мусоромъ и нарастающія травой.

Въѣ города, вверхъ по теченію Двины, лежатъ обширныя льняной и смоляной буяны, хранящіе періодически огромныя запасы этихъ важныхъ отпусковыхъ грузовъ. Любопытно было посмотрѣть на уцѣлѣвшее учрежденіе Петровскаго времени, на браковщиковъ, вызванныхъ къ жизни указомъ 2-го іюня 1700 г., и увидѣть ихъ въ дѣйствіи при отпращиваніи обязанностей, при раздѣленіи товаровъ по сортамъ: «добрыя къ доброй, среднія къ средней и меньшія къ меньшей статьѣ». Основаніемъ браковки товаровъ при архангельскомъ портѣ послужили подлоги, замѣчавшіеся въ русскихъ товарахъ, отпращивавшихся за границу; браковщики появились только въ 1713 году, по доносу англичанъ и по просьбѣ русскихъ купцовъ. Браковщики занимали нужное имъ количество помощниковъ, для льна—вязальщиковъ, дѣлвшихся на десятки, имѣвшіе десяткихъ, пзъ людей «добрыхъ и знающихъ свое дѣло». Въ общихъ чертахъ все это сохранилось и до настоящаго времени.

Браковка льна на буянѣ производится въ длинномъ деревянномъ строеніи 4 браковщиками, 60 десятниками и 288 рабочими. Начинается она съ осмотра «пробоекъ»: это нѣчто въ родѣ льняныхъ сноновъ, причемъ браковщики, захватывая между колѣнами связку льна, перебираютъ ее руками, будто расчесывая всю рѣшительно; такъ же поступаютъ и съ худшими сортами, съ куделью или очесомъ, и разобранныя по сортамъ пробойки переносятся на «машинны», стягиваются, связываются въ «бунты» около 17 пудовъ вѣсомъ, и къ нимъ прикладывается пломба. Пломбѣ этой вполне доверяютъ за границей. Ленъ приходитъ сюда, главнымъ образомъ, изъ Вологодской и Вятской губерній, сбывается въ Англію, Францію, Америку, отчасти въ Германію, Бельгію и Голландію. Вывезено было льна:

Въ 1875 году	594.000 пуд.	на	2.600.000 руб.
» 1884 »	267.000 »	»	1.200.000 »

Упадокъ этотъ объясняется несовершенствомъ внутреннихъ сообщеній, направляющихся къ Архангельску; еще недавно было тутъ девять крупныхъ

Архангельскъ. Смоляной буйягъ.

торговыхъ домовъ льномъ, теперь ихъ только два: Грибановъ-Фонтейвесь и Ливдесъ. Дурное вліяніе, оказываемое этимъ унадкою на крестьянское хозяйство смежныхъ губерній, понятно само собою.

Въ недалекомъ отстоящемъ отъ города смолянскомъ буянѣ, бочки со смолой и некомъ лежатъ на землѣ, открыто, длинными правильными рядами, и надо истиннѣ удивляться искусству браковщика, слѣдующаго отъ бочки къ бочкѣ и мгновенно опредѣляющаго, всунувъ въ смолу небольшую деревянную ложку «щупъ», одинъ изъ пяти сортовъ; на бочкѣ «водянкѣ», т.-е. съ примѣсью воды, выпариваются крестъ. Пеку только два сорта, и браковщикъ, ломая плиточку, опредѣляетъ его достоинство по взлому и по вкусу; на буянѣ два браковщика, русскій и иностранный, и шестьдесятъ рабочихъ. Товаръ приходитъ въ Архангельскъ изъ уѣздовъ—Холмогорскаго, Пинежскаго и Шенкурскаго и изъ Вологодской губерніи, уѣздовъ—Сольвычегодскаго и Вельскаго. Очень много пеку направляется въ Италію и Испанію, для передѣлки въ канифоль для смычковъ. Количество смолы, вывозимой изъ архангельскаго порта за послѣднее десятилітіе, почти неизмѣнно — до 114.000 пуд., на сумму 600.000 рублей.

Вотъ любопытная табличка о поступленіяхъ въ архангельской таможи:

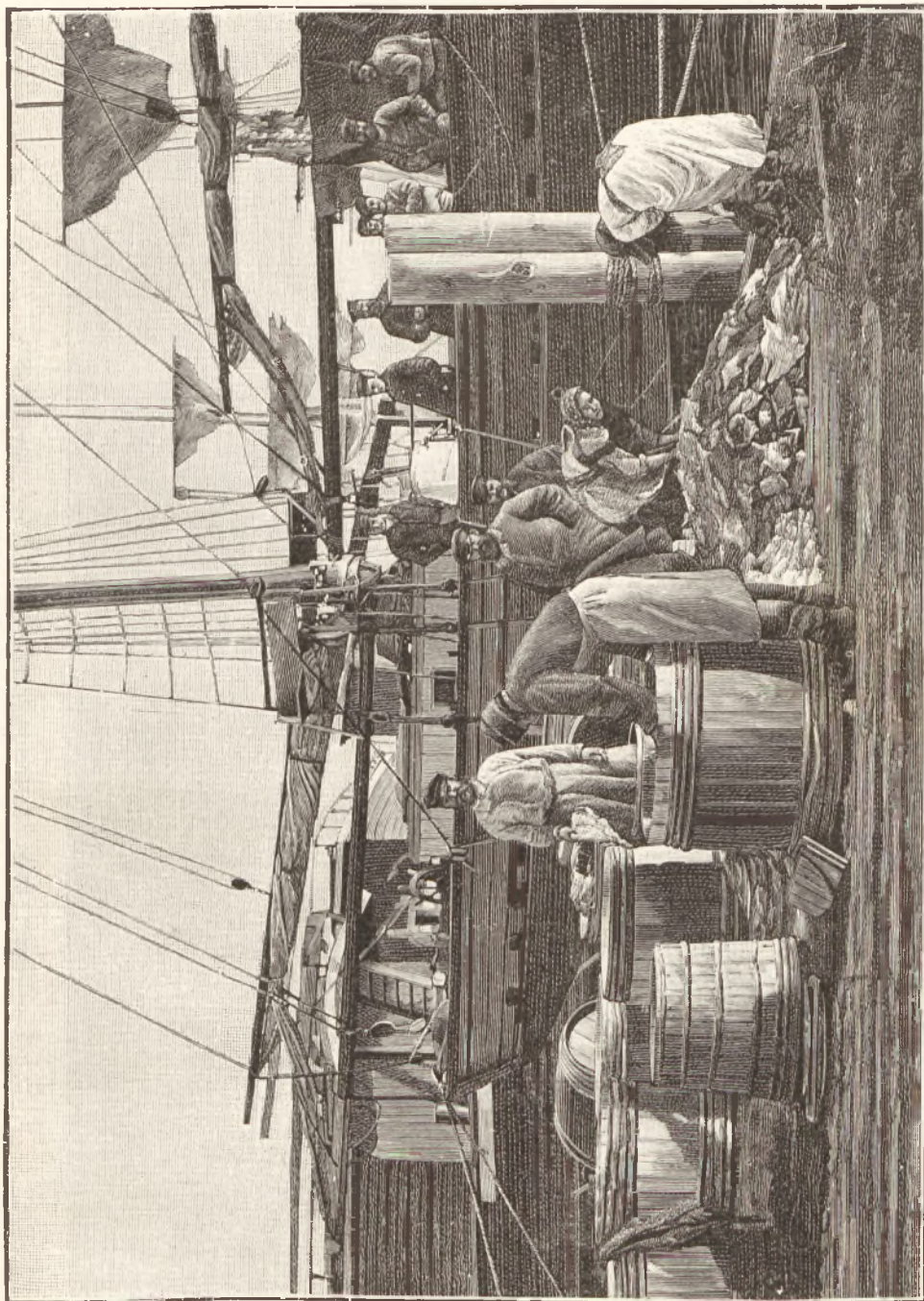
	1875 года.	1884 года.
Пошлинъ съ привозныхъ товаровъ	127.000 р.	55.000 р.
Вывезено изъ архангельскаго порта на	8.600.000 »	7.200.000 »
Привезено въ архангельскій портъ	803.000 »	859.000 »
Въ приходѣ иностранныхъ пароходовъ и кораблей	484 »	305 »
Судовъ русскихъ по заграничному и каботажному плаванію	957 »	580 »

По средней десятилітней сложности привозъ товаровъ изъ-за границы простирается до 772.000 руб., вывозъ—до 8.949.000 руб. Главнѣйшіе товары привоза: чай, кофе, оливковое масло, вино, неваренная соль, нефть, свинецъ, желѣзо, машины, рыба соленая, сушеная и вяленая; главнѣйшіе товары вывоза: ленъ, пакля, льсной матеріалъ, смола, овесъ, мука, крупа, мясо, щетина и рогожи. Привозъ къ намъ соли и рыбы—явленіе совершенно ненормальное, требующее извѣстныхъ мѣръ. Совершенно характерное торговое значеніе Архангельска выражается и въ присутствіи многихъ иностранныхъ консуловъ; пестрые, часто богатые, не русскіе мундиры ихъ придаютъ собранію представителей мѣстныхъ властей, администраціи и сословіи совершенно своеобразный видъ, не имѣющій мѣста въ другихъ губернскихъ городахъ. Особое, важное значеніе Архангельска для нашего Сѣвера сказывается по осени, въ сентябрѣ, на Маргаритинской ярмаркѣ. Тутъ производится снабженіе припасами и матеріалами на всю нашу долгую зиму; тутъ устанавливаются годовыя цѣны добычи всѣхъ поморскихъ промысловъ; тутъ можно наблюдать въ это время всю пестроту нашего сѣвернаго населенія, — кореловъ, самоѣдовъ, лопарей, поморовъ, каждаго со своими особенностями. За послѣдніе годы, и объ этомъ слѣдуетъ упомянуть, сдѣланы были нашими поморами Хохлинымъ, Митрофановымъ и др., попытки вывозить грузы изъ Архангельска прямо въ Англію на собственныхъ судахъ; попытки увѣнчались успѣхомъ, и нельзя не пожелать

имъ дальнѣйшаго, болѣе широкаго развитія. Украшеніемъ города является памятникъ Ломоносову, воздвигнутый на площади, переименованной въ Ломоносовскую.

Большого вниманія заслуживала выставка, устроенная здѣсь въ 1885 году въ биржевой залѣ. Богатство края сказалось въ этой выставкѣ весьма наглядно. Очень хороши и полны были орнитологическій отдѣлъ промысловой и вообще мѣстной птицы, морского звѣроловства, рыбной и лѣсной охоты, съ образчиками и моделями шкуровъ, западной и т. п.; любопытны были издѣлія изъ дерева, котелокъ съ цѣльною, вырѣзанною изъ дерева изъ одного куска цѣлью, издѣлія изъ бересты, мѣстныя ткани, пряжи, зырянскіе деревянные замки, замши и кожи изъ оленьихъ шкуръ, образчики трескового жира и смолы; въ совершенномъ загонѣ, на полу, помѣщались образчики зерна, красовавшіеся такъ царственно, такъ самостоятельно на выставкѣ рыбинской биржи; характерны были можжевельниковый стволъ въ 4—5 дюймовъ въ діаметрѣ и нѣсколько образчиковъ женскихъ головныхъ уборовъ, почелковъ и повойниковъ. За ткацкимъ станкомъ, въ богатомъ мѣстномъ одѣяніи, сидѣла за работой женщина, и противъ нея дѣвочка ткала на «ставнѣ» золотую тесьму. Были тутъ и вещи историческаго интереса: два стеклянные кубка и пивная кружка, принадлежавшіе принцу Антону-Ульриху, и старое деревянное кресло Филарета Никитича Романова—изъ Сійскаго монастыря. Продуктомъ не мѣстнымъ, но очень характернымъ, были два рога, длиной около сажени, одного изъ чудовищъ океанской пучины близъ Шпицбергена, рыбы-однорога; прямые, но завитые вшитомъ рога были сръзаны на Новой Землѣ съ прибѣжныхъ волнами мертвыхъ экземпляровъ. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что на выставкѣ, въ садикѣ, имѣлся самоѣдекій чумъ, со всемъ его обширнымъ населеніемъ цѣлыхъ трехъ поколѣній, начиная отъ грудного младенца включительно до дѣда и бабушки; по серединѣ чума горѣлъ костеръ, наполняя его своимъ ѣдкимъ дымомъ; одѣтые съ ногъ до головы въ оленьи шкуры, съ примѣсю другихъ мѣховъ, самоѣды говорили очень порядочно по-русски; все они замѣчательно низки ростомъ; волосы въ бородакахъ и усахъ мужчинъ могутъ быть сосчитаны.

Въ шестомъ часу вечера путешественники покинули Архангельскъ на пароходѣ «Норденшильдъ», имѣющемъ весьма любопытное прошедшее, и направились за баръ, гдѣ ихъ ожидалъ крейсеръ «Забіяка», разведя пары, для немедленнаго слѣдованія въ Соловецкій монастырь. «Забіяка», сидящій сравнительно глубоко, долженъ былъ воспользоваться приливомъ, чтобы заблаговременно выйти въ море. Пароходъ шелъ по Маймаксѣ, одному изъ рукавовъ Двины. «Норденшильдъ», какъ судно, построенное специально для полярныхъ плаваній, само по себѣ представляло значительный интересъ: оно невелико, но имѣетъ много не только поперечныхъ, но и продольныхъ связей, способныхъ противостоять напору льдовъ; носъ его стальной и служитъ тараномъ; множество бочекъ, размѣщенныхъ повсюду, свидѣтельствовало о запасахъ прѣсной воды, которые берутся на судно въ полярное плаваніе. Въ 1879 году этотъ маленькій «Норденшильдъ» совершилъ долгій путь Суэскимъ каналомъ и Индійскимъ океаномъ, лавстричу «Веѣ», на которой Норденшильдъ чрезъ Ледовитый океанъ прошелъ въ Бе-

Перегрузка трески изъ шхуны въ бочки въ Архангельскѣ.
Съ фотогр. Лейпцигера, грав. Флюгель.

Ломоносовская площадь и гимназія въ Архангельскѣ.
Съ фотогр. Лейнхера, граа. Раменскій.

Архангельскъ. Памятникъ Ломоносову.

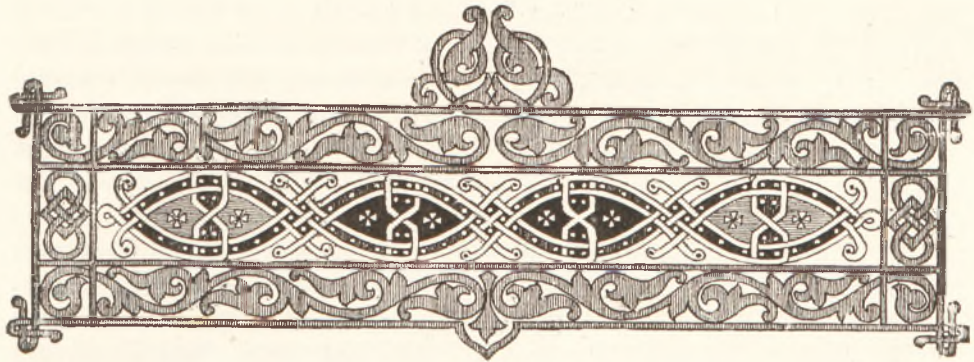
Архангельскъ. Выставка. Семья самоёдовъ.

Архангельскъ. Самоѣдская кочевка въ тундрѣ.

ринговъ проливъ. Встрѣчи этой не состоялось, потому что близъ Японіи «Норденшильдъ» сѣлъ на мель и простоялъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ; волны разбили всѣ его каюты, и, снятый съ мели англичанами, онъ долженъ былъ отстроиться заново. Въ 1883 году «Норденшильдъ» около Вайгача нашелъ экипажи «Варны» и «Луизы»... Въ описываемое время, онъ былъ совершенно готовъ къ выходу въ Полярное море, но опасался идти, потому что, вслѣдствіе поздней весны и сѣверныхъ вѣтровъ, Новая Земля была окружена льдами. Путешественники пересѣли на крейсеръ «Забіяку» въ виду Мудьюгскаго маяка, очень близко къ плувучему; навстрѣчу выѣхала лодка съ Мудьюгской спасательной станціи. Этихъ станцій на Бѣломъ морѣ три: Мудьюгская, Лѣтнегорская и Анзерская на Соловецкихъ островахъ; кромѣ того, на зимнее время устраиваются зимнія станціи: подлѣ Архангельска, въ Соломбалѣ, на Кегостровѣ, и въ Холмогорахъ—Коскогорская, приносящая несомнѣнную пользу при вскрытіи и закрытіи рѣкъ, сопровождающихся здѣсь опасными пенствованіями водной стихіи, поднимающейся выше обыкновеннаго уровня на три и болѣе сажени.

Соловецкій монастырь.

Знакомство съ «Забіякою». Описаніе крейсера. Исторія возникновенія обители. Связь съ древнимъ Новгородомъ. Петръ I. Монастырская стѣна. Чайки. Святѣяныя. Ризница. Пекарня. Рухлядия. Другія учрежденія. Иконы. Усыпальницы. Митрополитъ Филиппъ. Авраамій Палицынъ. Нападеніе англичанъ въ 1854 году. Возмущеніе раскольничествовавшихъ монаховъ въ XVII вѣкѣ. Путь богомольцевъ.

Крейсеръ «Забіяка», на которомъ рѣшено было продолжать путешествіе,—судно 2-го ранга. Онъ построенъ въ Филадельфіи, на заводѣ Крамна, и впервые вышелъ на рейдъ въ февралѣ 1879 года. На немъ около двадцати офицеровъ и полтораста человекъ команды. Длина его по палубѣ 233 фута, а ширина 30 футовъ; корпусъ желѣзный, вѣсъ корпуса 335 тоннъ. Наибольшій ходъ далъ крейсеръ при пробѣ въ Кропштадтѣ: 15½ морскихъ миль въ часъ; силою одного котла крейсеръ можетъ сдѣлать въ часъ 8—9 миль; слѣдовательно онъ быстроходный; запасъ угля у него достаточный; имѣются два опрѣснительныхъ аппарата, опрѣсняющіе въ сутки 1.584 ведра воды. Трюмъ судна раздѣленъ на девять непроницаемыхъ отдѣленій: девять шансовъ не пойти ко дну въ случаѣ пробоины.

Несмотря на свою милость, «Забіяка» можетъ преобразиться, въ случаѣ надобности, въ очень сердитое, рычащее существо: на немъ два орудія 6-ти-дюймоваго калибра, пять 9-ти-фунтовыхъ дальнобойныхъ, на станкахъ Барановскаго, одно горное орудіе 2½ дюйма и четыре пушки Гочкиса, скромно прижавшіяся на палубѣ, возлѣ бортовъ; для дѣйствія онѣ выставлены на мостикъ. Ядеръ, гранатъ, шрапнелей, картечи, всякихъ патроновъ, берданокъ, револьверовъ — множество; кромѣ того, судно несетъ на себѣ разныя

мины самых пріятныхъ особенностей; имѣются фальшфейеры, ракеты и динамо-электрическія машины, благодаря которымъ крейсеръ пользуется электрическимъ освѣщеніемъ. Если бы встрѣтилась надобность, то имѣеть возможность стрѣлять и гальваническимъ способомъ. Количествомъ боевыхъ припасовъ «Забіяка» вполне удовлетворяеть своему имени. Ходить по палубѣ приходится очень осторожно, изъ опасенія зацѣпиться то за мѣдные погоны, по-просту рельсы для орудій, то за какіе-нибудь кольца или крюки, такъ-называемыя рымы, за которыя что-либо привязывается. Въ силу существующаго закона курить на палубѣ нельзя, и тѣмъ, кто любитъ это невинное занятіе, предстонтъ испытывать въ пути большое лишеніе. Законъ запрещаетъ даже сидѣть на палубѣ, и все это имѣеть свои основанія. Спичекъ при себѣ имѣть тоже нельзя. На «Забіякѣ» висятъ вдоль бортовъ его: паровой катеръ, вель-ботъ и пять шлюпокъ. Борта очень высоки, такъ что, гуляя по палубѣ, вы, если не обладаете большимъ ростомъ, ничего по сторонамъ не видите; всякій рѣшительно кругозоръ съ палубы прекращенъ днемъ, когда матросскія койки, связанныя мѣшками, становятся поверхъ бортовъ; для того, чтобы видѣть что-либо, необходимо пройти или на носъ судна, на бакъ, нѣчто въ родѣ салона или гостинной матросовъ, гдѣ имъ позволено курить, или на ютъ, на кормовой части, гдѣ стоитъ подъ ружьемъ вѣчный часовой, или, наконецъ, на одинъ изъ двухъ поперечныхъ мостиковъ; на одномъ изъ нихъ установленъ компасъ, на другомъ имѣется постоянный вахтенный офицеръ, и отсюда исходитъ всякая команда. Подъ этимъ мостикомъ — рубка, царство штурманскаго офицера; здѣсь лежатъ угломѣрные инструменты и карты, на которыхъ отмѣчается путь судна, такъ что въ каждую минуту вы можете знать мѣсто, на которомъ находится судно. Четыре рулевые матроса стоятъ подъ другимъ мостикомъ у колеса; одинъ изъ нихъ немедленно отвѣчаетъ на всякую команду, и если сказано, напримѣръ: «право руля», онъ, совершивъ указанное, немедленно говоритъ: «есть право руля!» Этотъ глаголь «есть» играетъ на военномъ суднѣ весьма видную роль, и если вы въ каютѣ-компаніи говорите вѣстовому: «подай стаканъ воды», онъ, отправляясь по порученію, отвѣчаетъ вамъ немедленно: «есть стаканъ воды» или просто: «есть». Но характеръ военного судна настолько тишиченъ, такъ разнообразенъ въ разные моменты дня и ночи, что описывать его возможно только отдѣльными чертами, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ сказываться въ пути. Къ 10^{1/2} часамъ вечера погрузка крейсера окончилась, и раздался одна за другою обычныя при подъемѣ якоря команды: «кавать на шпиль! пошелъ шпиль! всталъ якорь! чистъ якорь!»

Къ исходу 1895 года крейсеръ «Забіяка» заслужилъ почетную пзвѣстность чуть ли не на всѣхъ моряхъ обоихъ полушарій. Молодымъ былъ онъ, бороздя темныя волны Ледовитаго океана; состарился онъ въ болѣе привѣтливыхъ, южныхъ волнахъ, но вездѣ оставался вѣрнымъ той службѣ, для которой былъ созданъ. Примѣръ, показанный имъ на Мурманскомъ побережѣ, остался не единичнымъ.

Правительство, озабочиваемое судьбами нашего сѣвернаго Поморья, за послѣдніе годы постоянно посылаетъ на лѣтнее время одно изъ своихъ воен-

ныхъ судовъ. Такъ, въ 1893 году ходилъ на Мурманъ, въ Бѣлое море и на Новую Землю крейсеръ «Набздникъ»; ему вослѣдъ—крейсеръ «Вѣстникъ», и есть полное основаніе полагать, какъ показали примѣры, что время полного хозяйничанья въ нашихъ водахъ норвежцевъ и другихъ пришлыхъ людей отошло, наконецъ, въ область воспоминаній. А первый примѣръ былъ показанъ «Забіякою».

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что подобное хищническое хозяйничанье въ нашихъ водахъ производилось иностранными судами и на окраинѣ нашего дальняго Востока. Тамъ безошадно истреблялся ими морской котикъ,—животное, водящееся исключительно въ сѣверной части Великаго Океана, преимущественно въ Беринговомъ проливѣ, и уже сильно уменьшившееся въ числѣ. Животное настолько безпомощно, что достаточно 10 или 15 человекъ, чтобы гнать стадо въ 1.000—5.000 головъ.

Незаконная эксплуатація нашихъ морей сначала американцами и канадцами, а потомъ и всѣми другими любителями легкой наживы, начавшаяся преимущественно въ семидесятыхъ годахъ, особенно усилилась къ 1891 году. Въ этомъ году былъ заключенъ трактатъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами съ Англіею, лишившій подданныхъ обоихъ государствъ права боя котиковъ въ Беринговомъ морѣ; стѣсненные трактатомъ, хищники направили свою преступную дѣятельность на русскія владѣнія, результатомъ чего явилось самое безошадное истребленіе котиковъ; однако, этому хозяйничанью положенъ конецъ закономъ 1 іюня 1893 года. Съ тѣхъ поръ наши крейсера зорко охраняютъ Берингово море. Въ силу этого закона, совершенно воспрещается *морской* котиковый промыселъ, и допускаются убой, ловъ и вообще промыселъ котиковъ *на сушѣ*, и притомъ только съ дозволенія нашего Правительства, на особо опредѣляемыхъ для этого основаніяхъ.

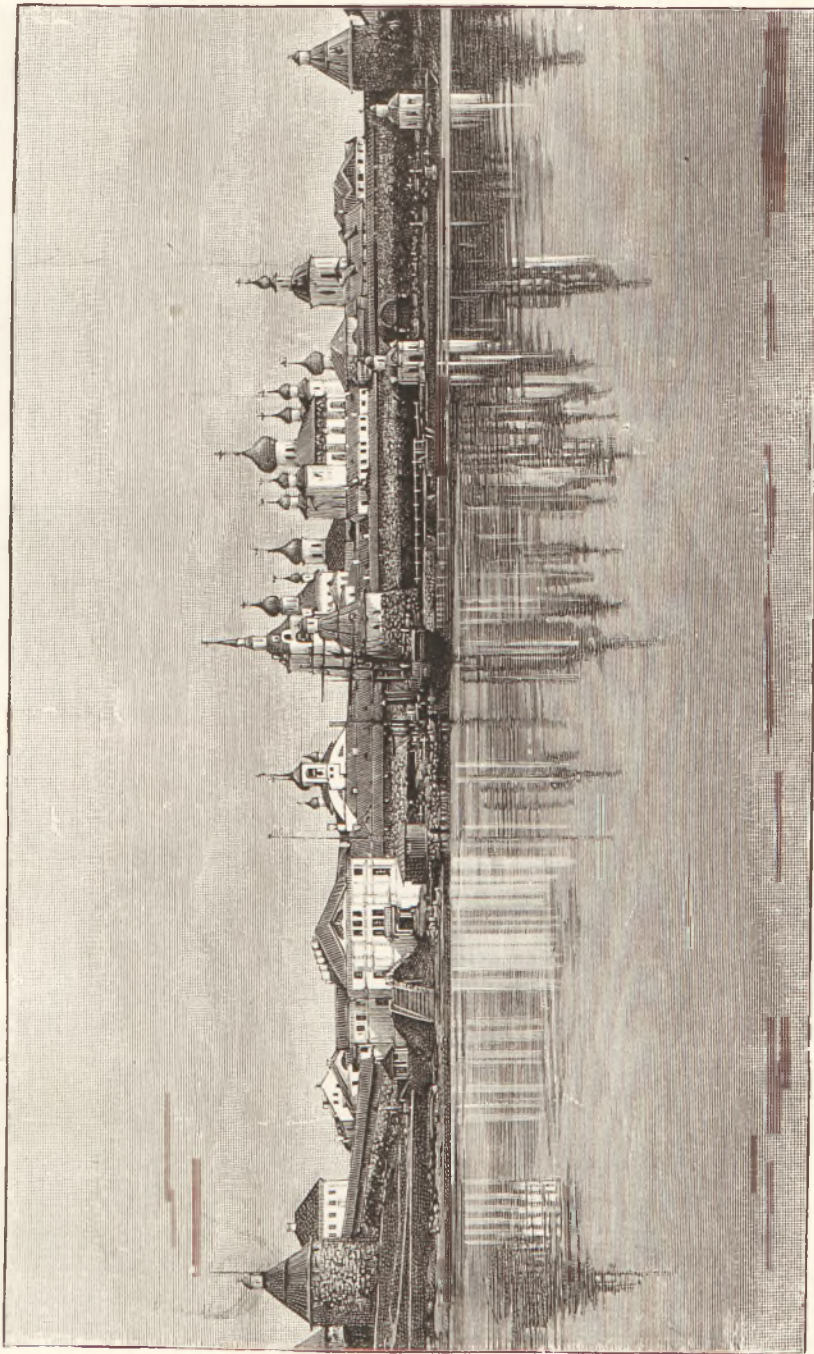
Было уже около одиннадцати часовъ лѣтняго іюньскаго вечера, когда «Забіяка», везшій путешественниковъ, двинулся на сѣверо-западъ, по направленію къ Соловецкимъ островамъ. Вечеръ и ночь прошли совершенно тихо, безмятежно. Ровно черезъ двѣнадцать часовъ, 16-го іюня, утромъ, судно подходило уже къ нашему сѣверному Аѳону. Утро было очень хорошее, и море едва-едва подергивалось легкою зыбью. Раньше другихъ, вправо отъ парохода, показался Анзерскій островъ, затѣмъ Муксалма и, наконецъ, прямо противъ носа судна большой Соловецкій и на немъ обитель. Ближайшими островами, съ правой стороны, поднимаясь невысоко надъ водою своими гранитными глыбами, поросшими мелкимъ кустарникомъ и мхами, лежали въ розовомъ сіяніи утра небольшіе островки Заячьи; между ними есть и Бабій островъ, тотъ именно, на которомъ когда-то должны были останавливаться женщины, посѣщавшія монастырь; теперь онѣ поселяются въ монастырскихъ гостиницахъ. Влѣво, верстахъ въ тридцати, видѣлись нѣмецкіе и русскіе Кузова и другіе островки, совершенно измѣнявшіе свои очертанія благодаря сильному миражу. Эти миражи въ тихую погоду здѣсь удивительны; въ это время всѣ верхушки острововъ кажутся приподнятыми на воздухъ и обрѣзанными точно столы, напоминая, какъ нельзя лучше, горы саксонской Швейцаріи. Иногда выплываютъ вдругъ несуществующіе острова, и тогда поморь говоритъ: «на-

дысь на эвтомъ самомъ мѣстѣ острова намъ блазнили»; миражъ приближаетъ предметы, и тогда говорится: «берегъ завременился, острова временять».

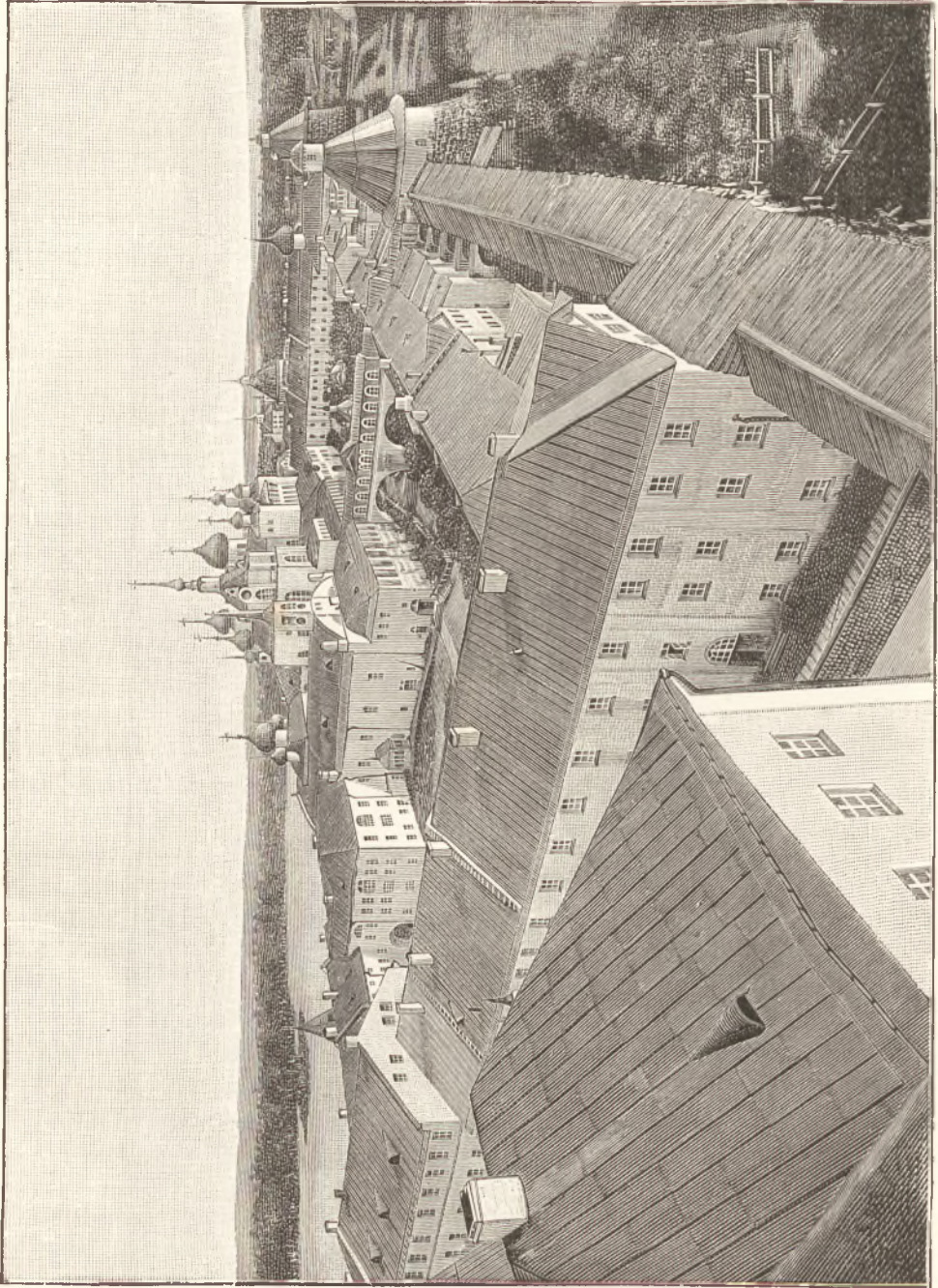
Крейсеръ бросилъ якорь у Песей-Луды, въ 3¹/₂ верстахъ отъ монастыря, пройдя большой Заячій островъ, обставленный значительнымъ количествомъ крестовъ всякой величины. Путешественники пересѣли на подошедшій катеръ Соловецкаго монастыря; на веслахъ сидѣло двѣнадцать гребцовъ-монаховъ; на руль — монахъ съ медалью за спасеніе погибавшихъ; катеръ направился къ монастырю. Съ окрестныхъ гранитныхъ утесовъ глядѣли многіе, очень многіе кресты; значительная часть крестовъ стояла на колодахъ. Обогнувъ послѣдній мысокъ ближайшаго островка, катеръ пошелъ прямо къ пристани, лицомъ къ лицу къ Святымъ Вратамъ обители. Надъ гранитною набережною, въ недалекомъ разстояніи отъ берега, высились древнія монастырскія стѣны и три выходящія на эту сторону башни: флагъ-мачтовая, арсенальная и предѣльная; между ними, четко выдѣляясь высокою аркою, прикрывающею образъ Перукотвореннаго Спаса, обозначались Святыя Ворота.

За стѣнами, вплотную одна къ другой, тѣснились церкви монастырскія: Успенія или Трапезная, Никольская, Троицкая—Зосимы и Савватія, Преображенскій соборъ и крайнею вправо, немного въ сторонѣ, Больничная. Золоченыхъ маковокъ нѣтъ, — все онѣ зеленые; съ наружной стороны Святыхъ Воротъ пестрѣли тремя красками, расположенными шахматами, два массивные столба весьма сложнаго профиля, напоминающіе древне-индійскіе храмы Эллары; пестрыя фрески глядѣли поверхъ каменной монастырской ограды со стѣны собора. Вся набережная маленькой гавани была покрыта народомъ, большею частію богомольцами; видѣлись у берега два монастырскіе парохода: «Вѣра» и «Соловецкій», имѣющіе, какъ и крѣпость, свой утвержденный флагъ. Въ Троицкой церкви Зосимы и Савватія, близъ мощей обоихъ преподобныхъ, покоящихся въ богатыхъ ракахъ, подъ роскошною двойною сѣнью, обвѣшенною поверхъ ярко-пунцовою шелковою матеріею, подобранною фестонами, въ свѣтъ многихъ разноцвѣтныхъ лампадъ, богомольцы отслушали литію, а затѣмъ отстояли литургію. Это архимандритское служеніе литургіи, въ воскресный день, у мощей соловецкихъ преподобныхъ, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи, при двухъ хорахъ пѣвчихъ, особенно торжественно. Оно совершено соборнѣ архимандритомъ со всею пышностью, установленною еще царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1651 году, то-есть въ шапкѣ съ палицею, ручнымъ сулкомъ, рипидами, осѣняльными свѣчами и ковромъ. Петромъ I въ 1702 году прибавлены были мантия съ поматами — скрижалями и посохъ, какъ у архимандрита Чудова монастыря.

Соловецкая обитель полна такихъ почтенныхъ и поучительныхъ воспоминаній, что волей-неволей приходится говорить о нихъ подробнѣе. Вся святыня, вся древность монастыря сосредоточена вокругъ внутренняго двора обители, обращеннаго въ садъ; густо насаженныя и обрѣзанныя березки и рябины образуютъ куртины, окруженныя деревяннымъ заборомъ; дорожки между нихъ вымощены плитнякомъ, и на этихъ дорожкахъ происходитъ постоянное движеніе богомольцевъ. Характерное зрѣлище представляютъ монастырскія чайки, кото-

Соловецкій монастырь. Общій видъ.
Съ фотогр. Лейнхера, грав. Шюблеръ.

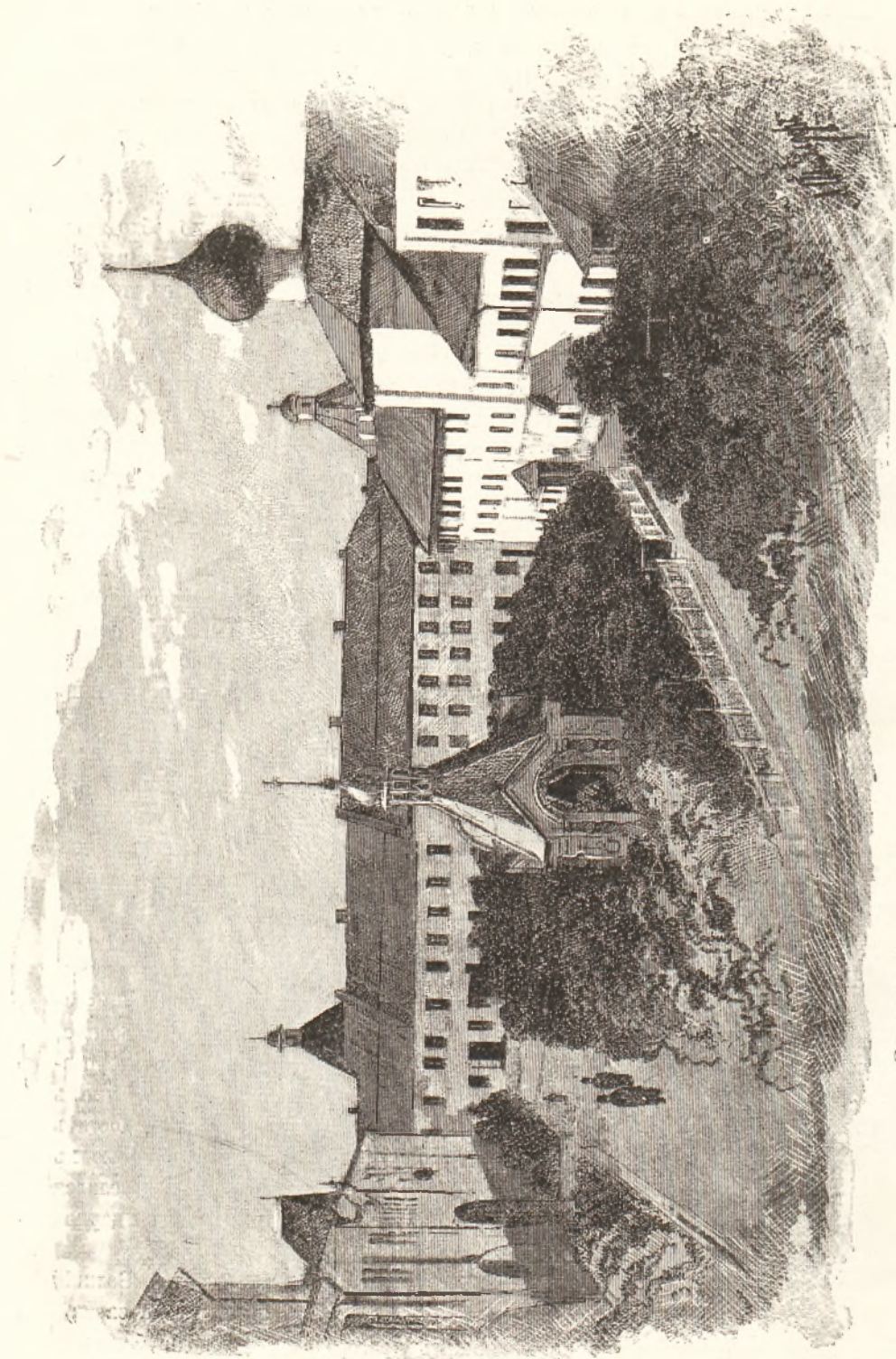
Соловецкий монастырь. Видъ съ угловой башни.
Съ фотогр. Лейнхера, грав. Шюберъ.

рыя тутъ же собираются во множествѣ. Чайки эти—крупныхъ размѣровъ, величиною съ гуся, и почти совершенно бѣлы. Онѣ налетаютъ съ весной, съ Благовѣщенія, и расселяются по монастырю. Въ началѣ іюня онѣ вывели птенцовъ, называемыхъ здѣсь «чебары»; многочисленныя гнѣзда ихъ расположены вдоль дорожекъ, устланныхъ платнякомъ; онѣ видны и въ зелени куртинъ, и внѣ монастыря по холмкамъ и кочкамъ, на самыхъ торныхъ мѣстахъ, на крышахъ, подлѣ стѣнъ. Гнѣзда эти въ буквальномъ смыслѣ слова лежатъ подъ ногами проходящихъ, вѣчно толкущихся тутъ людей, но ихъ старательно обходятъ; богомольцамъ не трудно наблюдать не только птенцовъ, но и самое появленіе ихъ на свѣтъ изъ яицъ, и чайка, увѣренная въ своей безопасности, только покрикиваетъ, сидя въ гнѣздѣ, и, поднявъ голову, любитъся людьми, ее обступившими. Чайки, по отзыву монаховъ, отлетаютъ по осени на сѣверъ. Куда? Едва ли найдется гдѣ-либо на свѣтѣ что-нибудь похожее на соловецкихъ чаекъ! Крикъ этихъ птицъ рѣзокъ и непріятенъ, не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью; говорятъ, что онѣ очень мстительны. Каждая изъ чаекъ имѣетъ свое гнѣздо и весной возвращается непременно къ нему. Отъ монастыря онѣ корму не получаютъ, но обиліе прѣсныхъ озеръ и морской воды съ ихъ фауною доставляетъ имъ полное обезпеченіе. На многихъ изъ монастырскихъ деревянныхъ подѣлокъ, на ложечкахъ, перечницахъ и т. п., можно видѣть изображеніе бѣлой чайки съ ея сѣренными крыльями, желтымъ клювомъ и темноватымъ хвостомъ.

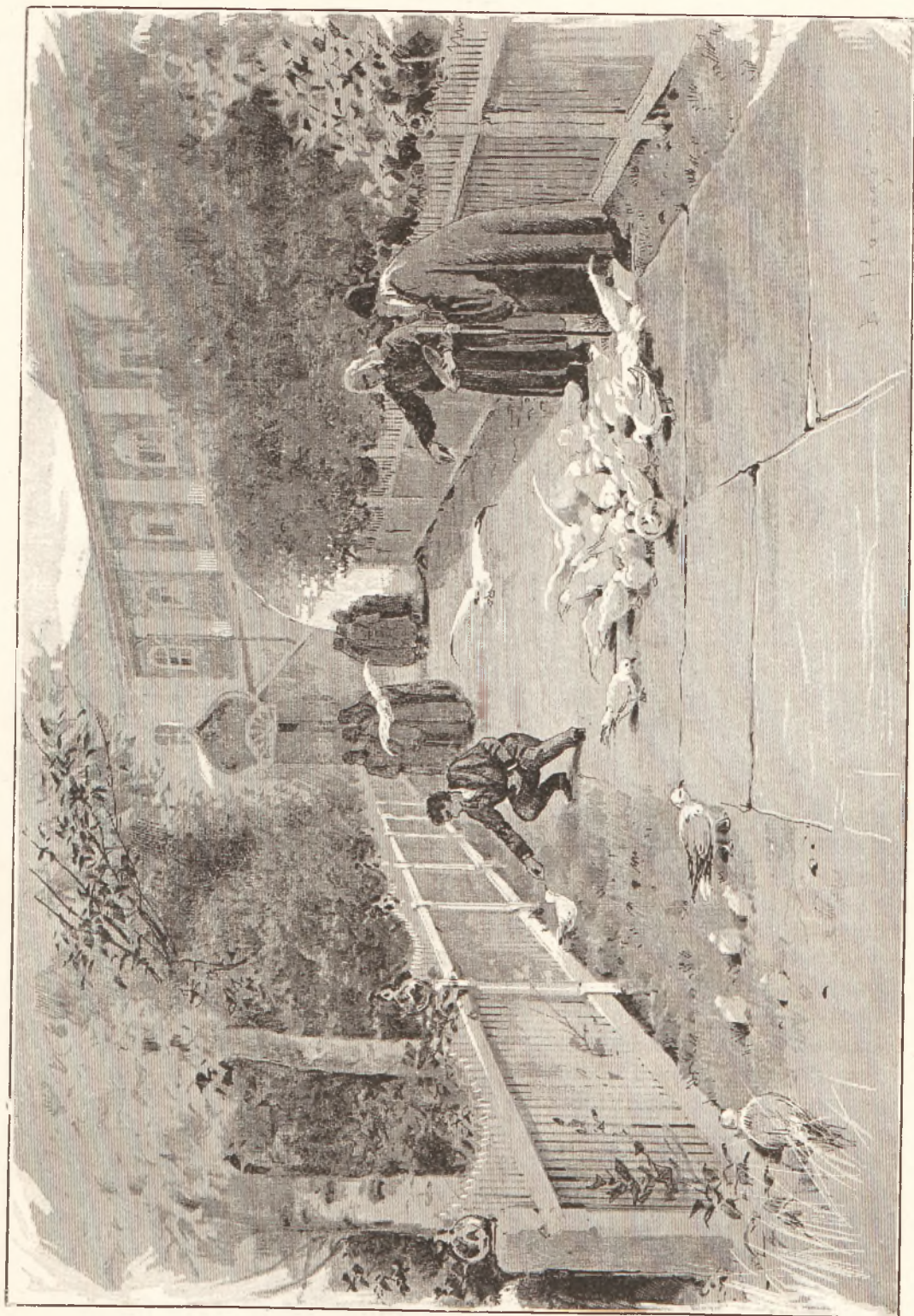
Соловецкіе острова были когда-то необитаемы. «Богонзбранная двоица»—блаженные Германъ и Савватій перенеслись чрезъ морскія глубины въ 1429 году и водрузили крестъ близъ горы Сѣкирной, отстоящей нынѣ отъ монастыря на 12 верстѣ, имѣющей на самой вершинѣ,—вышей точкѣ острововъ,—церковь, а на колокольнѣ ея—маякъ. Шесть лѣтъ жили они тутъ. Жена одного карелянина, пытавшагося завладѣть островами, назначенными Богомъ подъ монастырь, была жестоко наказана прутьями ангелами во образѣ двухъ благообразныхъ юношей, и мужъ съ женою были удалены съ острова. На мѣстѣ наказанія поставлена часовня и въ ней соответствующее факту изображеніе: ангелы съ розгами въ рукахъ приближаются къ сидящей на землѣ женщинѣ, для исполненія наказанія.

Во время отлучки съ острова Германа, Савватій, почувствовавъ приближеніе смерти, переѣхалъ на матерую землю, гдѣ принялъ причащеніе и, «созвлекшись брэннаго тѣла», скончался. Скоро вслѣдъ затѣмъ преподобный Зосима, третій и главнѣйшій изъ соловецкихъ подвижниковъ, будучи еще юнымъ, роздалъ свое имѣніе нищимъ и, провѣдавъ отъ бывшаго въ то время въ Сумахъ Германа о мѣстоположеніи Соловокъ, способствовавшемъ уединенію, достигъ съ Германомъ вдвоемъ, въ 1436 году, острова и соорудилъ первую келью въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго монастыря; въ полуверстѣ отъ него поселился Германъ, и только позже и уже вмѣстѣ явились они основателями первой церкви монастырской на томъ именно мѣстѣ, гдѣ стоитъ обитель.

Когда обитель возникла, то преподобный Зосима послалъ въ Великій Новгородъ одного изъ братій за антиминомъ и получилъ его. Отсюда завязались первыя сношенія монастыря съ древнимъ Новгородомъ, и усердіе богатыхъ

Соловки. Внутренний дворъ монастыря. Колокольня «Благовѣстника».

Соловецкий монастырь. Чайки.

новгородцевъ не замедлило жертвовать монастырю участки земли съ рыбными ловлями. При третьемъ настоятелѣ, Іонѣ, была исходатайствована отъ правителей Великаго Новгорода, «ото всѣхъ пяти концовъ его», грамота на вѣчное владѣніе островами Соловецкими; безцѣнный документъ этотъ, писанный полууставомъ и снабженный восемью вислыми свинцовыми печатями, хранится въ монастырской ризницѣ. На документѣ нѣтъ ни года, ни мѣсяца, ни числа; но онъ совершенно свѣжъ и нерушимъ на видъ.

Только въ 1452 году посвященъ былъ въ игумены преподобный Зосима; для этого ѣздилъ онъ самъ опять-таки въ Новгородъ; въ 1465 году, въ тринадцатый годъ настоятельства, перенесъ онъ съ берега нетлѣнные мощи преподобнаго Германа. Новгородская вольница, не разъ наносившая ущербъ обители, вынудила Зосиму еще разъ поѣхать въ Новгородъ. Всѣ новгородскіе вельможи были милостивы къ нему, кромѣ одной только Марѣи Борецкой. Она велѣла отогнать его отъ дома; «затворятся двери дома этого, и пусть будетъ дворъ его»,—отвѣтилъ Зосима. Позванный обратно раскаявшеюся въ своей посябности Марѣю, преподобный былъ угощенъ на богатомъ пиру. Молча сидѣлъ онъ и видитъ страшное видѣніе: знатные посадники—Борецкій, Селупевъ, Арзубевъ и другіе трое сидѣли безъ головъ. По окончаніи пира, Марѣя вручила Зосимѣ вкладную крѣпость на владѣніе участкомъ земли на Карельскомъ берегу. Представшее преподобному видѣніе и предсказаніе его о запустѣніи двора Марѣи Борецкой скоро исполнились: Іоаннъ III, взявъ Новгородъ, сослалъ Марѣю, а шестерыхъ названныхъ бояръ казнилъ. Дарственная запись на Карельское побережье тоже хранится въ монастырѣ. Зосима скончался въ 1478 году. Соляныя варницы обители заведены имъ.

Особенно покровительствовали обители Іоаннъ Грозный во время игуменства св. Филиппа, впоследствии знаменитаго митрополита московскаго. Василій Іоанновичъ пожаловалъ монастырю несудимую грамоту. Михаилъ Оеодоровичъ далъ ему право по всѣмъ искowymъ дѣламъ обращаться непосредственно въ приказъ Большаго двора и освободилъ всѣ монастырскія подворья по всей Русской Землѣ отъ постоя и повинностей. Въ 1765 году монастырь сдѣланъ ставропигіальнымъ и состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Св. Синода, а не мѣстнаго епархіальнаго начальства. Въ 1865 году окончилось единоличное управленіе настоятеля, и учрежденъ «соборъ» изъ шести человекъ. Въ описываемое время настоятельствовали архимандритъ Мелетій; счетомъ это пятьдесятъ восьмое настоятельство.

Петръ I посѣтилъ монастырь дважды. Въ 1694 году, послѣ опаснаго шторма у Унскихъ Роговъ, пріѣхалъ онъ 7-го іюня и оставался здѣсь три дня; въ 1702 году прибылъ онъ 10-го августа на тринадцати корабляхъ съ царевичемъ Алексѣемъ и остановился между Анзерскимъ и Муксаломскимъ островами. 11-го августа Великій Преобразователь Россіи самъ читалъ здѣсь Апостоль и обѣдалъ за братскимъ столомъ, 12-го ѣздилъ по острову на конѣ, 15-го пѣлъ на клиросѣ и того же числа съ флотомъ отправился къ Нюхатской волости, чтобы идти на Повѣнецъ.

Въ 1844 году посѣтилъ Соловецкій монастырь великій князь Констан-

тинъ Николаевичъ, въ 1858 году императоръ Александръ II, въ 1870 году Великій Князь Алексѣй Александровичъ, а въ 1885 году Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Монастырь расположенъ на большомъ Бѣломорскомъ островѣ, имѣющемъ около ста верстъ въ окружности. Кругомъ него раскинуто пять малыхъ острововъ и разсыяно много мелкихъ, безыменныхъ. Островъ Муксалма соединенъ съ Бѣломорскимъ длинною гатью, сложенною изъ огромныхъ валуновъ; по нимъ вьется дорога, словно лента по морю, по синему морю; въ двухъ мѣстахъ гати перекинута небольшие деревянные мосты, подъ которыми рѣзко обозна-

Соловецкій монастырь. Часть стѣны съ гатью.

Съ фотогр. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

чаются теченіями, смотря по временамъ дня, приливы и отливы моря. Разстояніе Соловокъ отъ Кеми 60 верстъ, отъ Сумы—120, отъ Онеги—108, отъ Архангельска—306 верстъ. Острова очень богаты прѣсною водою; на нихъ насчитываютъ до 300 озеръ.

Каналы, пересекающіе островъ,—дѣло рукъ Филипповыхъ, этого великаго чловѣка русской исторіи, вышедшаго изъ Соловокъ. Они соединяютъ многія озера и осушаютъ мѣстность. Почти весь островъ покрытъ лѣсомъ, при чемъ характеръ лѣсовъ не одинаковъ: въ сѣверной части, къ Муксалмѣ, деревья приземныя, елочки или безвременно сохнутъ или вымерзаютъ, и замѣтно преобладаетъ карликовая береза-славецъ съ ея мелкими, жесткими, круглыми листиками и постоянною наклонностью стлаться по землѣ; въ южной части, къ Сѣкирной горѣ, лѣсъ рослый, стресовой, а трава пестрѣетъ различными цвѣтами. Чтобы

Соловецкий монастырь. Экипаж спасательной лодки Анзерского острова.

Н. А. 3. 0. 51

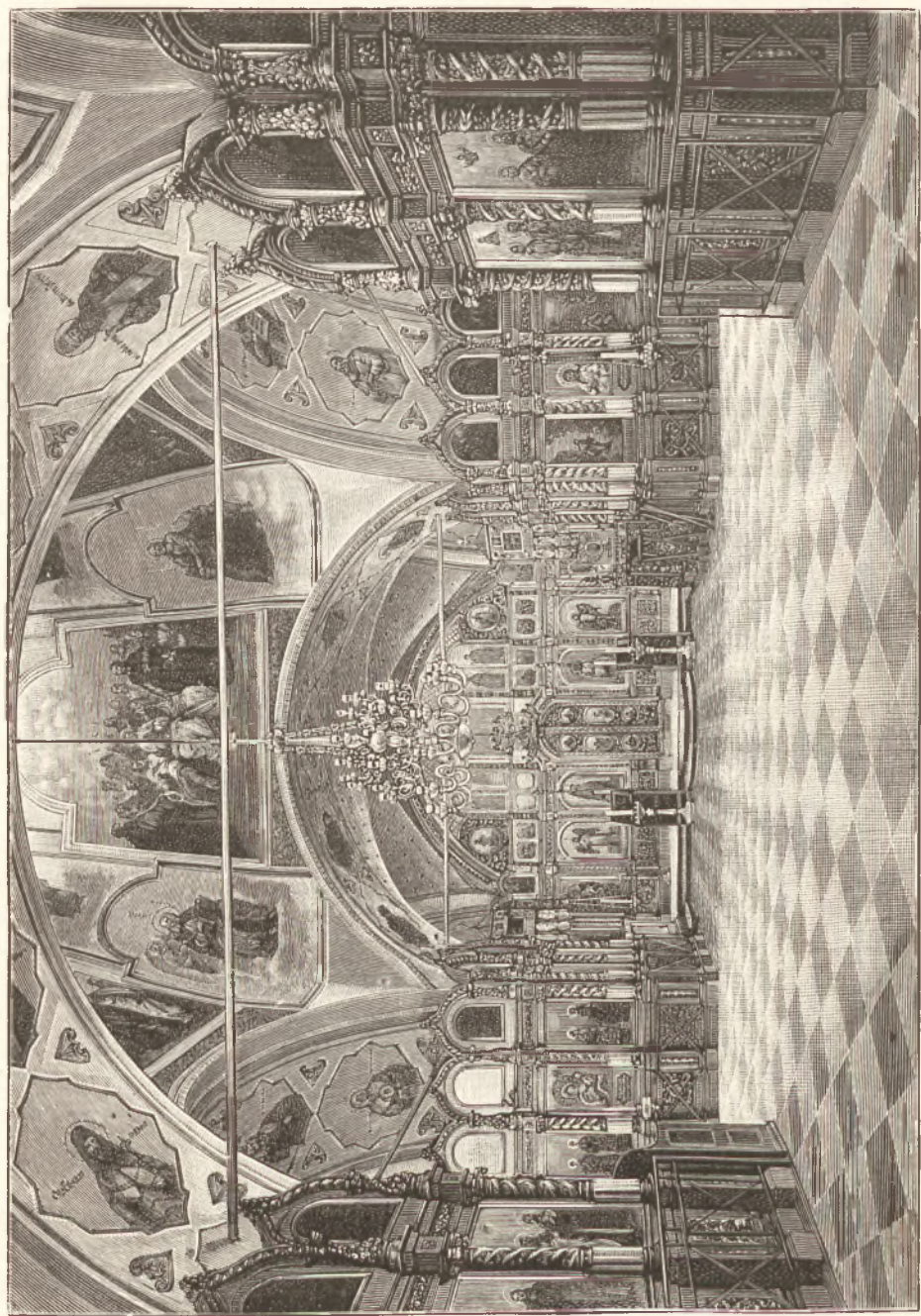
убѣдиться въ томъ, что значить для растеній «дыханіе Сѣвера», стоитъ сравнить сѣверъ и югъ сравнительно небольшого Соловецкаго острова.

Центральныя зданія монастыря, представляющіяся внушительною громадою, окружены, какъ извѣстно, каменною стѣною, сложенною въ 1584 году монахомъ Трифономъ, «довольно искуснымъ въ военномъ дѣлѣ». Стѣна этой минуло уже 300 лѣтъ; но она непоколебима своими десяти-аршинными камнями и восемью башнями; длина ея—одна верста; въ воротахъ помѣщены модели тѣхъ кораблей, на которыхъ прѣзжалъ въ монастырь Петръ Великій. Кругомъ вся стѣна покрыта дощаною крышею; мѣстами приходится подниматься и опускаться; сквозь амбразуры и стрѣльницы блещетъ море съ зеленѣющими островами; въ башняхъ стоятъ старинныя пушки.

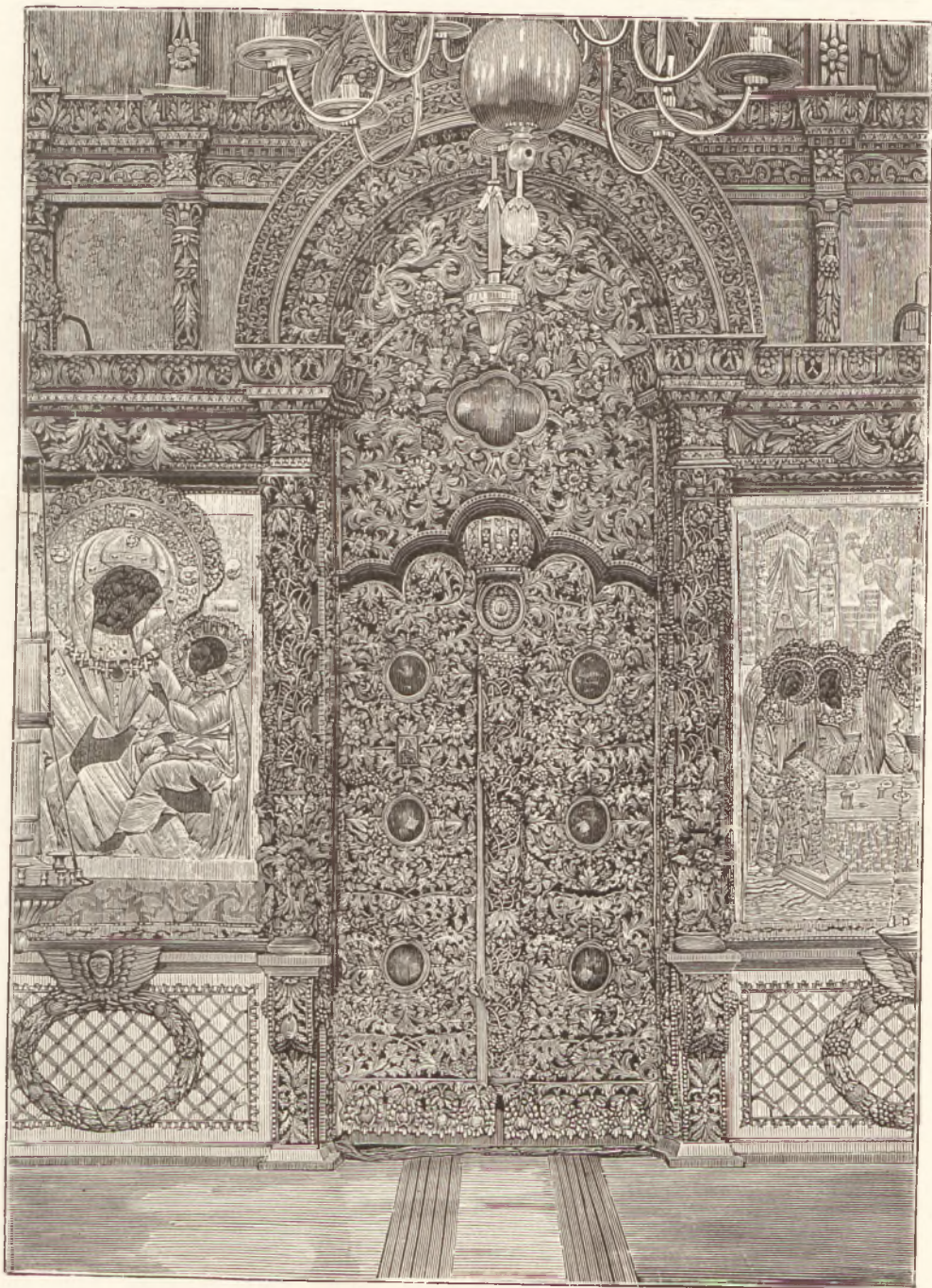
Въ этихъ стѣнахъ, словно въ каменномъ кольцѣ, заключены святыни обители, десять храмовъ, изъ которыхъ главнымъ является, конечно, соборъ Преображенія Господня, построенный св. Филипомъ въ 1558—1566 годахъ. Иконостасъ его пятирусный, съ древними иконами, нижній рядъ которыхъ—въ богатыхъ ризахъ, и надъ нимъ длиннымъ поясомъ тянутся раскрытые створни. Фрески по стѣнамъ новыя. Кромѣ храмовъ, стѣны монастырскія окружаютъ пятнадцать отдѣльныхъ корпусовъ: жилыхъ, образовательныхъ и хозяйственныхъ; тутъ же нѣсколько часовень, и вся эта сплоченная масса оживляется денно и ночью православными молитвами иноковъ и богомольцевъ. Вѣчно шумитъ и бѣется о твердыни монастырскія Бѣлое море; но черные иноки въ храмахъ Благовѣщенія, на Голгоѣ и на Сѣкирной, совершаютъ такое же неуслышное, какъ шумъ моря, безконечное, неуставное чтеніе псалтири. Черными и бѣлыми являются тутъ и безконечныя стаи пернатыхъ, тоже чередующихся съ точностью удивительною: едва прилетаютъ въ мартѣ мѣсяцѣ чайки,—вороны, обитавшія всю зиму, почти все исчезаютъ куда-то безслѣдно, можно бы сказать непостижимо. И все это повторяется изъ-году-въ-годъ, безъ измѣненія.

Звонъ монастырскихъ колоколовъ разносится далеко по морю, постоянно примѣшиваясь къ его неутомкающему прибою; всѣхъ колоколовъ въ центральной обители 42, на прочихъ островахъ и скитахъ еще 43. На особой низенькой колокольнѣ, почему-то называемой здѣсь готическою, въ центрѣ садика виситъ колоколъ въ 72 пуда вѣсомъ, называемый «Благовѣстникъ»; онъ подаетъ свой почтенный голосъ только въ особыхъ случаяхъ; колоколъ этотъ пожалованъ обители въ 1860 году въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ II и отлитъ изъ украшеній, которыя имѣлись налицо при погребеніи тѣла императора Николая I. На немъ, кромѣ изображеній,—три очень длинныя надписи, повѣствующія о бомбардированіи обители англичанами въ 1854 году.

Чрезвычайно богата и отлично устроена просторная ризница монастырская. Здѣсь имѣется много различныхъ грамотъ: и новгородскія—Марыи Борецкой, и почти всѣхъ нашихъ царей, начиная отъ Годунова и Василя Шуйскаго. Богатѣйшихъ ризъ и стихарей не оглядѣть; самая дорогая—царя Михаила Оеодоровича; подарковъ Иоанна Грознаго очень много; роскошны мечи Скопина Шуйскаго и князя Пожарскаго; замѣчательна книга «Садъ Спасенія»

Внутренность Преображенскаго собора въ Соловецкомъ монастырѣ.
Съ фотогр. Лейднера, граф. Шюблеръ.

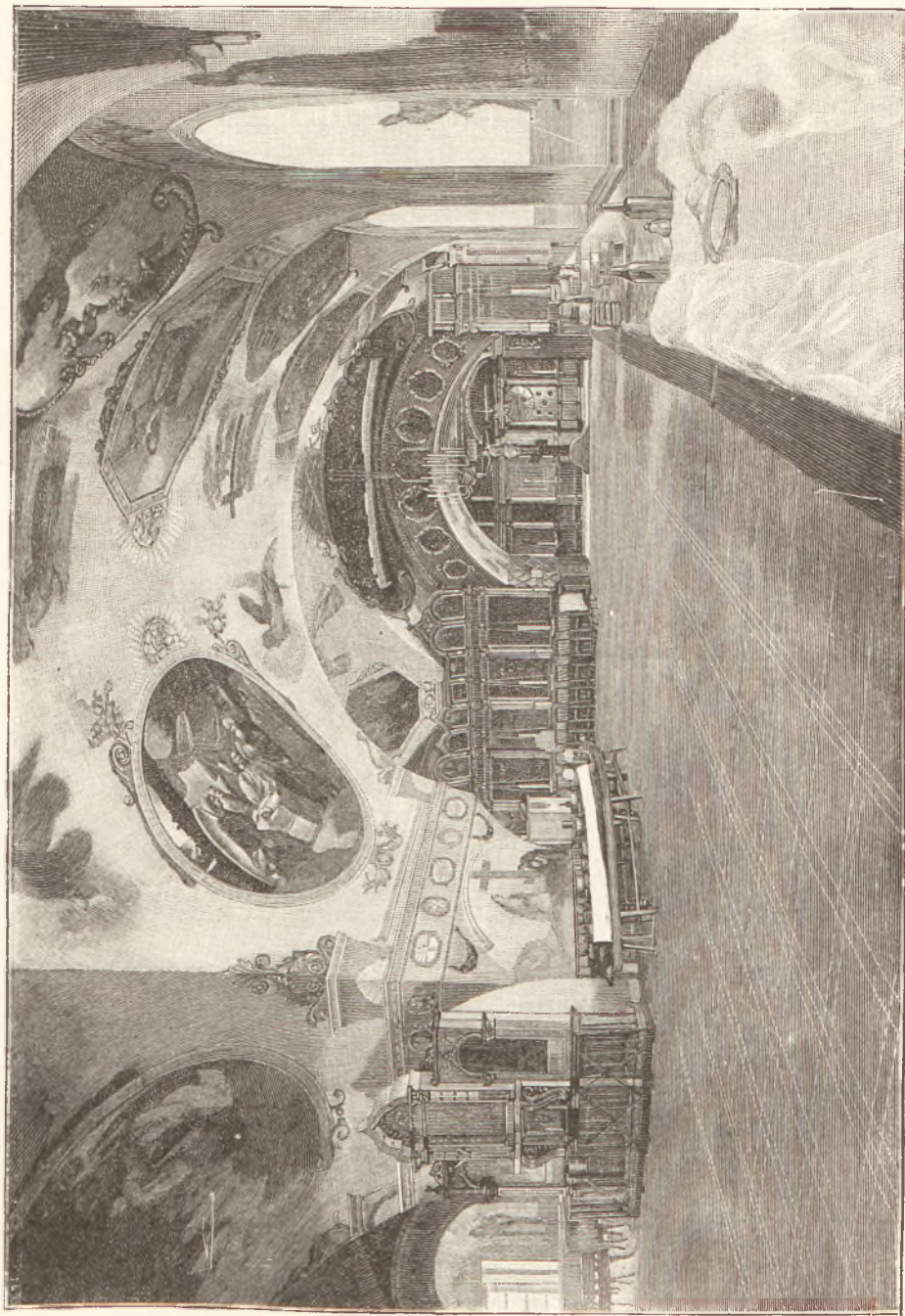

Царскія двери въ соборѣ Соловецкаго монастыря.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

(1811 года), въ которой описано житіе Зосимы и Савватія «зуграфнымъ мастерствомъ», и число изображеній въ ней, пестрѣющихъ водяными красками, неисчислимо. Очень богаты многіе шитые образа, Евангелія, ладанницы, кубки. Тутъ же хранятся различныя подвижническія вериги, ризы Филиппа и Зосимы и деревянные сосуды, служившіе послѣднему при богослуженіи.

Кромѣ святынь и жилыхъ помѣщеній иноковъ и богомольцевъ и трехъ большихъ гостиницъ, монастырскія стѣны обнимаютъ замѣчательный рядъ различныхъ учрежденій и заведеній, подобныхъ которымъ въ ихъ совокупности и устройствѣ нѣтъ нигдѣ. Они свидѣлствуютъ о безпрерывномъ въ теченіе многихъ столѣтій трудѣ и выдержкѣ и наглядно показываютъ, чѣмъ и какъшло наше монашество въ дѣбри и пустыни, проповѣдуя и слово Божіе, и религиозно-нравственное развитіе человѣка. Мѣстные люди наглядно видѣли упорядоченіе, улучшеніе жизни и обращались къ вѣрѣ. Окруженный непривѣтливымъ моремъ, открытый дыханію Сѣвера, на голыхъ скалахъ, при чахлой растительности, на краю тѣхъ странъ, гдѣ царитъ двухмѣсячная ночь, а лѣто является только проблесками, монастырь создалъ жизнь и распространилъ ее. Поднимались и поднимаются голоса въ пользу того, чтобы монастырь устроили монашеское общежитіе на Новой Землѣ. Несомнѣнно, что эта задача была бы очень трудна, но не невозможна для энергичныхъ и трудолюбивыхъ монаховъ соловецкихъ, отличающихся своею предприимчивостью. Что зимою на Новой Землѣ жить можно—доказательство въ опытѣ, произведенномъ въ 1878 году, когда командированный туда штабсъ-капитанъ Тягинъ прозимовалъ здѣсь съ своею семьею. Задача была бы и подъ силу, и подъ стать Соловецкому монастырю. Въ настоящее время на Новой Землѣ, въ становищѣ Малые Кармакулы, на средства казны построена спасательная станція; тамъ же съ 1879 года поселены семь семействъ самоѣдовъ, а 19-го іюня 1881 года состоялось Высочайшее повелѣніе о заселеніи Новой Земли съ пособіемъ отъ правительства деньгами 350 руб., лѣсомъ на обзаведеніе и правомъ возвратиться на родину черезъ пять лѣтъ. Желавшихъ, однако, не явилось.

Большинство богомольцевъ приходятъ въ Соловецкій монастырь по обѣту, иногда цѣлыми семьями, и могутъ оставаться на монастырскомъ иждивеніи три дня; чтобы гостить больше, необходимо получить разрѣшеніе, которое обыкновенно и дается. Значительная часть странниковъ—изъ сѣверныхъ губерній, но пріѣзжаютъ и южане. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были богомольцы алеутскіе. Характерны такъ называемые «годовики», или вкладчики, взрослые и дѣти, остающіеся въ монастырѣ на годъ по обѣту и справляющіе всѣ работы; дѣти отдаются сюда родителями по обѣту же, и для нихъ это пребываніе очень полезно: это цѣлая школа грамотности и мастерства. Надо замѣтить, что въ Соловкахъ вся жизнь пришлыхъ людей, вся обстановка, совершенно приспособлена къ народному быту, и если не обставлена роскошью, зато сытая, теплая и совершенно по сердцу народу. Монаховъ въ обители 300, послушниковъ 100, годовиковъ 400, богомольцевъ, обыкновенно, свыше 1.500 человѣкъ, и все это питается монастыремъ. Подъ Успенскимъ соборомъ помѣщается пекарня съ чудовищными двумя печами, изъ которыхъ въ каждой испекается хлѣба до 60

Трапеза въ Соловецкомъ монастырѣ.
Съ фотограф. Лейпцига, грав. Шюблеръ.

Соловки. Ода изъ гостиницы.

пудовъ, въ одной—80 хлѣбовъ, въ другой—150. Просфоръ выходитъ въ день отъ 1.500 до 2.000. Въ кельяхъ монаховъ, вѣдающихъ пекарню, температура превышаетъ 20°, и они постоянно живутъ тутъ и совершенно довольны. Квасу готовится соответствующее количество.

Обитель, отрѣзываемая отъ материка зимними льдами почти на десять мѣсяцевъ, должна имѣть въ запасѣ все необходимое для существованія, и она это все имѣетъ. Вотъ простой перечень ея учрежденій: училище, школы—живописная, сѣтная, каменотесная, слесарная, малярная, бондарная, переплетная, портная, чеботарная, мастерская глиняной посуды, кожевня, лѣсопильня, кирпичный заводъ, чугунолитейная мастерская, кузница, доки. Въ Макарьевской пустыни бѣлять воскъ; имѣется девять зданій при рыбныхъ тоняхъ и восемь избъ при сѣнокосныхъ пожвяхъ, назначенныхъ для породистаго монастырскаго скота. На Анзерскомъ островѣ устроена спасательная станція, на которой содержатся атаманъ и двѣнадцать послушниковъ. Монастырю принадлежатъ два парохода: «Вѣра» и «Соловецкій». По мысли профессора Вагнера, устроенъ рыбозаводный отдѣлъ, и предполагають разводить стерлядь, треску и мойву. Монастырскій скотъ, рослый и красивый, головъ около ста, содержится въ семи верстахъ отъ обители, въ Сергіевой пустыни на Муксалмѣ. Замѣчательно и совершенно необъяснимо, почему въ зимнемъ помѣщеніи скотъ стоитъ безъ подстилки; недостатокъ соломы могъ бы быть легко замѣненъ верескомъ и мхами, какъ это дѣлается мѣстами въ Швейцаріи и Германіи, и монастырь не лишился бы значительной части удобренія.

Помимо святыни и строеній, находящихся въ стѣнахъ монастыря, имѣется еще шесть церквей, два скита и восемнадцать часовень, разбѣянныхъ по островамъ. Изъ часовень слѣдуетъ упомянуть о двухъ. Одна, «Чудопросфорная», находится въ двадцати саженьяхъ отъ воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ пріѣзжіе кучи обронили просфору; собака хотѣла схватить ее, но пламя, исходившее изъ просфоры, не давало ей прикоснуться. Другая часовня, «Предтеченская», въ 400 саженьяхъ отъ монастыря, поставлена надъ могилою воиновъ царя Алексѣя Михайловича, погибшихъ во время семилѣтней борьбы съ мятежными монахами-раскольниками во время знаменитаго соловецкаго сидѣнія.

Заслуживаютъ также большаго вниманія живописная мастерская и «рухлядня». Въ мастерской молодые послушники обучаются живописи; между ними встрѣчаются весьма даровитые. «Рухлядня» — это необозримое собраніе великихъ предметовъ одежды, пополняющаяся постоянно какъ изъ монастырской швальни, такъ и отъ добровольныхъ пожертвованій. Она расположена въ четырехъ ярусахъ, соединенныхъ деревянными крутыми лѣстницами. Чего, чего только нѣтъ въ этомъ пестромъ сборѣ одѣяній, и сколько продорогшихъ и промокшихъ людей прикроютъ они! Здѣсь есть овчины и кожи собственной монастырской выдѣлки. Моржевые ремни безупречны по достоинствамъ; ими опоясываются монахи, послушники и годовики.

Если въ живописной мастерской не особенно много работы, то очень характерною эпопеею монастырской живописи являются галереи, соединяющія церкви съ жилищемъ архимандрита, и парадная лѣстница, ведущая къ нему

со двора. На лѣстницѣ въ естественную величину написанъ цѣлый звѣринецъ: слонъ большой и малый, бурый и бѣлый медвѣди, левъ, тигръ, олень; яблонь, лимонное и апельсинное деревья, отягченныя очень крупными плодами. Въ галлерей вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ изображеній архангеловъ и преподобныхъ слѣдуютъ иллюстраціи къ преданіямъ и бытописаніямъ церкви. Много мѣста занимаютъ изображенія странствій Феодоры въ преисподнюю; вы видите: Лазаря и богатаго, человѣка съ бревномъ въ глазу и другого—со спицей, гору Аѳонскую, Трипостась, бичеваніе, несеніе Креста; вы видите явленіе игуменьи Аѳанасіи, по смерти ея, въ сопровожденіи двухъ ангеловъ: она посѣтила свой монастырь, который вѣдала при жизни, чтобы уличить монахинь въ томъ, что онѣ вмѣсто сорокадневнаго поминовенія учили только девятидневное; предъ вами видѣніе Пахомія, которому предсталъ огромный глубокій ровъ, наполненный преступными монахами; тутъ же сказаніе о послѣднихъ монахахъ, ставшихъ плотолюбцами, славолюбцами и сребролюбцами; предъ вами—крестъ съ распятымъ на немъ инокомъ, изображающій подвиги и искушеніе монастырской жизни: слѣва отъ инока—въ розовой юбкѣ и соломенной шляпкѣ какая-то красавица, старающаяся соблазнить, но монахъ не смотритъ на нее, такъ какъ онъ «съ Христомъ сроспяхся». Очень типичны слѣдующія изображенія: въ одномъ олицетворено «любите другъ друга»: два ангела вѣнчаютъ одинъ другого вѣнцами и подаютъ другъ другу руку; въ другомъ изображеніе «духа христіанина»: къ одной ногѣ его привязана огромная бомба, притягивающая его къ землѣ; въ рукѣ сердце, тянущее его къ небу; въ другой рукѣ мечъ. Есть въ галлерей Іоаннъ Лѣтвичникъ, Антоній, видящій, какъ діаволы оплетаютъ сѣтями землю, и т. д. Живопись исполнена въ тридцатыхъ годахъ, и никакой критики не выдерживаетъ, но обильно снабжена подписями. Предъ этими изображеніями цѣлый день толкуются богомольцы, странники, идутъ объясненія, соображенія, и сказывается великая набожность.

Главные святыни Соловецкаго монастыря—это святыя, явленные, чудотворныя иконы; мощи св. угодниковъ и живыя въ народѣ воспоминанія о главныхъ представителяхъ монастырскаго подвига и благочестія, здѣсь почивающихъ и почивавшихъ, такъ или иначе связанныхъ съ судьбами монастыря.

Церкви монастырскія весьма богаты потемнѣвшими отъ времени иконами, и многоярусныя икопостасы ихъ, въ особенности пяти-ярусный Преображенскаго собора,—даръ Петра Великаго, и придѣлы, и часовеньки—все это щедро обвѣшано затуманивающимися отъ времени ликами святыхъ. Цѣнныя ризы изъ золота и серебра, многія осыпанныя камнями, обрамляютъ пожелтѣвшія и потемнѣвшія изображенія и трепетно искрятся въ свѣтъ неугасающихъ никогда лампадъ и множества дешевенькихъ свѣчъ, поставленныхъ на трудовую копейку, идущую сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Кто не знаетъ Соловокъ, «святой островъ Соловецъ», и откуда только не шествуютъ къ нему богомольцы?

Главные иконы монастыря слѣдующія: нерукотворенный образъ Спасителя въ святыхъ вратахъ, висящій въ нихъ съ начала XVII вѣка, недоступный дѣйствию насыщеннаго морскою солью воздуха; чудотворная икона

Соловецкій монастырь. Савватіевскій скитъ.

Знаменія Божіей Матери надъ западнымъ входомъ въ Преображенскій соборъ, дважды поврежденная англійскими бомбами въ 1854 году; на ризахъ маленькихъ образковъ, продаваемыхъ въ монастырской лавкѣ, тщательно прорѣзываются два кругленькихъ отверстія, обозначающія мѣста поврежденія иконы; чудотворная икона «Сосновская», явившаяся св. Филиппу во время его молитвы за печкою монастырской хлѣбопекарни.

Центральною усыпальницею главнѣйшихъ представителей монастырскаго подвига, полною самыхъ драгоценныхъ воспоминаній, должно считать непосредственно прислоненную къ собору Троицко-Зосимо-Савватіевскую церковь и находящуюся подъ нею церковь преподобнаго Германа. Въ богатыхъ серебряныхъ ракахъ почиваютъ преподобные Зосима и Савватій, одинъ подлѣ другого. Изъ множества людей, приходящихъ сюда помолиться угодникамъ, мало кто вспомнить, мало кто знаетъ, какимъ выдающимся человѣкомъ былъ преподобный Зосима, сдѣлавшій изъ Соловецкаго монастыря то, что онъ есть, прожившій въ Соловкахъ сорокъ два года и имѣвшій когда-то въ Великомъ Новгородѣ встрѣчи и разговоры съ могущественною Марою Борецкою и другими вѣчвыми людьми. Отъ раки святителя вѣтъ отдаленною уже исторію нашу съ четырехсотлѣтняго разстоянія. Рѣзная деревянная сѣнь отбѣняетъ серебряные рельефные лики обоихъ подвижниковъ; оба преподобные въ поясныхъ писанныхъ изображеніяхъ сами созерцаютъ эти металлическіе лики изъ двухъ сосѣднихъ арокъ; три массивныя древнія лампы неугасимо теплятся надъ ними; въ большихъ подвѣсникахъ пылаютъ десятки постоянно возобновляемыхъ свѣчъ.

Въ находящейся подъ этою — нижней церкви св. Германа почиваютъ подъ спудомъ святыхъ мощи его. Собственно говоря, св. Германъ былъ однимъ изъ первыхъ въ дѣлѣ основанія Соловковъ, такъ какъ онъ направился сюда съ преподобнымъ Савватіемъ, онъ же направилъ сюда Зосиму. Подлѣ него, тоже подъ спудомъ, покоятся мощи преподобнаго Иринарха; тутъ же возлѣ почивали до перенесенія мощи св. Филиппа. Надгробныя надписи, замѣтныя кое-гдѣ, гласятъ о другихъ угодникахъ, почивающихъ въ безмятежномъ спокойствіи.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ длинномъ ряду памятей соловецкихъ святитель Филиппъ въ его заслугахъ, страданіяхъ, въ его великой и безстрастной стойкости предъ Иоанномъ Грознымъ занимаетъ первое мѣсто. Не монастырю только, но всей православной Россіи знакомъ и дорогъ этотъ величавый, страдальческій обликъ. Филиппъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода Колычевыхъ и воспитывался въ царскомъ дворцѣ въ Москвѣ. По тридцатому году оставилъ онъ царскій дворъ и удалился, въ 1539 году, въ Соловки; десять лѣтъ спустя былъ онъ игуменомъ. Во всей исторіи русскаго монашества нѣтъ другого лица, ему подобнаго. Онъ былъ образцовымъ хозяиномъ; благодаря ему, дикіе острова сдѣлались благоустроенными; пользуясь своимъ богатствомъ, Филиппъ рылъ гапавы, засыпалъ болота, созидалъ пастбища, разводилъ скотъ, устроилъ кожевенный заводъ и ввелъ выборное управленіе между монастырскими крестьянами. Если на Муксалмѣ богатъ и оби-

лень скотный дворъ, если по острову бродятъ стадами лапландскіе олени, если создавы соляныя варницы, — всему этому причиной неутомимое трудолюбіе Филиппа.

Шель восемнадцатый годъ игуменства Филиппа, когда царь Іоаннъ Грозный, обуянный страстями, больной, жестокой, кровожадный, подозрительный, окруженный лютою опричиной, вспомнилъ о сверстникѣ своего дѣтства Филиппѣ и призвалъ его на московскую митрополию. Слыхалъ соловецкій настоятель о томъ, кто такой Іоаннъ и противъ какой воли придется ему бороться, но, повинувся царскому слову, прибылъ въ Москву и сталъ на митрополию. Кто не знаетъ этихъ яркихъ страницъ нашей исторіи, гдѣ противостоятъ другъ другу, лицомъ къ лицу, Іоаннъ и Филиппъ? Много ли подобныхъ страницъ въ любой исторіи? «Благослови насъ по нашему изволенію», говоритъ митрополиту царь; Филиппъ не даетъ ему благословенія. «Не я просилъ тебя о санѣ», отвѣчаетъ митрополитъ, «постыдись своей багрянцы! Не могу повноваться твоему велѣнію, паче Божьяго». И кому говорить эти слова митрополитъ? Іоанну, въ періодъ злѣйшаго развитія его душевной болѣзни, говорить въ церкви предъ лицомъ всѣхъ опричникѣвъ, изъ которыхъ каждый — злодѣй.

Царь долгое время щадилъ смѣлаго іерарха, но, наконецъ, назначилъ судъ. Обвиненіе повели изъ далекихъ Соловокъ, потому что въ Москвѣ поводовъ не нашлось; подкупили соловецкаго игумена Паисія. Филиппъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ, разоблаченъ изъ святительства и, приговоренный къ вѣчному заключенію, позорно заточенъ въ тверской Отрочъ монастырь. Здѣсь, 23-го декабря 1569 года, былъ онъ задушенъ Малютою Скуратовымъ. Царь переказнилъ, въ отместку Филиппу, много неповинныхъ людей изъ рода Колычевыхъ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что величавый святитель былъ ему страшнѣе Курбскаго, говорившаго не всегда правду, и ту только издалека.

Въ 1591 году, послѣ того какъ наслѣдникъ Іоанновъ сослалъ лже-свидѣтельствовавшего игумена Паисія на Валаамъ, мощи Филиппа были перевезены въ Соловецкій монастырь и опущены въ землю. Трогательнымъ пѣніемъ гимна, на этотъ случай сочиненнаго, привѣтствовали монахи изможденное тѣло мученика; гимнъ начинается словами: «Не надо было бы тебѣ, о святителю Филиппе, оставлять твое отечество!» Въ 1646 году, повелѣніемъ царя Алексея Михайловича, мощи вскрыты и перенесены въ Соловецкій соборъ; въ 1652 году торжественно перенесены въ Москву, а въ Соловкахъ оставлены только ихъ части, хранимыя въ соборномъ храмѣ, въ серебряной ракѣ, вправо отъ алтаря.

Хотя память митрополита Филиппа и опустѣвшая усыпальница его имѣютъ для посѣтителя преобладающее значеніе, но нельзя не вспомнить и о другомъ дѣятелѣ, почивающемъ въ монастырской оградѣ во дворѣ, подлѣ собора. Это— Авраамій Палицынъ, келарь Троицкой лавры, одинъ изъ самыхъ выдающихся людей годины лихолѣтія. Онъ былъ членомъ посольства, отправленнаго въ Смоленскъ къ Сигизмунду; во время движенія къ Москвѣ Пожарскаго и Мнина, онъ съ Діонисіемъ, архимандритомъ Троицкой лавры, писалъ имъ грамоты и торопилъ придти; Авраамій ѣздилъ въ Ярославль, для уничтоженія

раздоровъ и безпорядковъ въ рати Пожарскаго, шедшей къ Москвѣ; онъ, наконецъ, былъ членомъ посольства, отправленнаго просить молодого царя Михаила Феодоровича принять царство. Авраамій умеръ въ 1647 году въ Соловкахъ, въ которыхъ недобровольно прожилъ семь лѣтъ. Отъ Палицына осталось сочиненіе: «Лѣтописи о многихъ мятежахъ», за время обладанія столицею поляками, одинъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ для изслѣдованія смутнаго времени. Палицыны происходили отъ знатнаго рода новгородскихъ выходцевъ, прибывшихъ въ Москву въ XIV вѣкѣ и поселившихся имя родоначальника своего, прозваннаго Палицей. Здѣсь, въ Соловкахъ, патриархъ Никонъ принялъ иночество и прожилъ нѣсколько лѣтъ; также принялъ здѣсь постриженіе и бывший царь казанскій Эдигеръ. Одна изъ надгробныхъ надписей на монастырскомъ дворѣ гласитъ, что тутъ поконится кошевой атаманъ сѣчи, Кольнишевскій, сосланный сюда «на смиреніе» въ 1776 году.

Въ одной изъ башенъ монастырской стѣны, называемой Успенскою, помѣщается очень любопытный арсеналъ или оружейная палата монастыря, съ большимъ количествомъ деревянныхъ стрѣлъ, копіи, алебарды, бердышей, кольчугъ, пицалей и пушекъ. Посѣщающій этотъ арсеналъ, воспоминаетъ историческіе факты, въ которыхъ монастырская жизнь принимала военную окраску. Этими бердышами и алебардами вооружались монахи въ XV и XVI столѣтіяхъ противъ шведовъ; изъ этого арсенала взято было оружіе во время раскольниковскаго мятежа въ XVII столѣтіи, противъ царскихъ войскъ. Когда, въ 1854 году, бомбардировали обитель англичане и монастырь вооружался противъ нихъ, то въ арсеналѣ оказалось 20 пушекъ разнаго калибра, 381 пика, 648 бердышей, и все это пошло въ ходъ и послужило для вооруженія. Главный начальникъ края поручилъ тогда одному изъ офицеровъ, Бруннеру, осмотрѣть побережье Бѣлаго моря и Мурмана, строить и вооружать батареи, но только мѣстными средствами. Такимъ образомъ, при помощи монаховъ и богомольцевъ, построено было нѣсколько батарей и въ Соловкахъ; для защиты скотнаго двора на Муксалмѣ, на который зарылись англичане, устроено было для дѣйствій противъ десанта нѣчто въ родѣ конной артиллеріи въ три орудія, ѣздовыми которой были богомольцы, прислужники, а командованіе поручено монаху, бывшему фейерверкеру; командиръ этотъ, въ монашеской одеждѣ, командовалъ молодецки. Орудія изъ-за монастырской стѣны глядѣли грозно, но взяты они были съ бору да съ сосенки. Одна пушка, отлитая при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, найдена была въ банѣ, гдѣ замѣняла камешку для полученія пара; въ другихъ орудіяхъ была масса свищей и раковинъ; пришлось просверливать стволы. Вооруженію монастыря помогали: отставной коллежскій асессоръ Соколовъ и отставной гвардіи унтеръ-офицеръ Крыловъ. Слѣды бомбардировки имѣются налицо въ гудахъ бомбъ и ядеръ, въ знакахъ на стѣнахъ и на иконахъ. Стрѣляли англичане плохо; лѣсистый островокъ заслонялъ монастырь, и большая часть бомбъ перелетала черезъ монастырь и ложилась за нимъ въ Святое озеро. Въ этомъ озерѣ лѣтніе богомольцы считаютъ долгомъ своимъ искупаться. Въ память бомбардировки монастыря, въ 1854 году, сооружены были три пирамиды изъ непріятельскихъ снарядовъ.

Не лишнее будетъ упомянуть нѣсколько подробнѣе о раскольничьемъ мятежѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Соловкахъ, такъ какъ это одна изъ любопытныхъ страницъ исторіи нашего Сѣвера.

Явное возмущеніе раскольничествовавшихъ монаховъ началось при настоятелѣ Варооломѣеѣ и длилось ровно десять лѣтъ. Личное недовольство

Оружейная палата въ Соловецкомъ монастырѣ.

Съ фотогр. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

патріархомъ Никонѣмъ, множество братіи и приливъ ссыльныхъ не мало способствовали смутамъ. Много было тутъ военныхъ и мірскихъ людей. Уже давно шло пьянство по келіямъ, о чемъ игуменъ Илія и доносилъ царю; доносилъ онъ, что слишкомъ часто мѣняють игуменовъ и что много времени

проходить безъ нихъ. Въ отвѣтъ на это царская грамота 1647 года возбранила приносить по келіямъ питья. Когда Никонъ управлялъ новгородскою епархіею, онъ тоже замѣтилъ многіе безпорядки въ Соловкахъ, а именно: что просфоры пекутъ не изъ одной пшеничной муки, а съ примѣсью ржаной; что поютъ въ два, три и четыре голоса, вмѣсто того, чтобы пѣть единогласно; питаются въ постъ рыбою, допускаютъ жить мірскихъ людей, вводятъ хмѣльное и нарушаютъ преданіе объ откровеніи главъ. Объ этомъ писалъ сюда Никонъ въ 1651 году.

Особенно противились Никону соловецкіе ссыльные, и между ними велъ главенство князь Львовъ, бывшій главный начальникъ печатнаго двора въ Москвѣ. Въ 1655 году вызванъ былъ изъ Соловокъ въ Москву для исправленія книгъ грекъ Арсеній; когда онъ вернулся, то жилъ двусмысленно и одобрялъ мнѣнія раскольниковъ. Противъ исправленія книгъ былъ и самъ архимандритъ Ілія. Въ 1657 году прибылъ въ Холмогоры съ новыми книгами боярскій сынъ; книгъ этихъ не приняли въ монастырѣ, и монахи начали писать свои знаменитыя челобитныя въ Москву. Число недовольныхъ росло; такимъ оказался и Никаноръ, архимандритъ Саввина-Сторожевскаго монастыря, тоже удалившійся въ Соловки. Самъ соловецкій архимандритъ Варооломей исключилъ изъ символа вѣры слово «истиннаго», и онъ же ѣздилъ въ Москву со своими объясненіями. Тогда послана была отъ царя въ Соловки коммиссія, подъ начальствомъ архимандрита Старо-Ярославскаго монастыря Сергія. Это былъ «мужъ гордый, якоже древній фараонъ и велерѣчивый», то-есть совсѣмъ непригодный къ роли умиротворителя. 4-го октября 1666 года прибылъ онъ и, собравъ монаховъ, прочелъ имъ царскій указъ. Раздались крики: «Указу послушны во всемъ, но повелѣнія о символѣ вѣры, сложеніи перстовъ, аллилуіи и новоизданныхъ книгъ не приедемъ...» «Горе намъ! отнимаютъ у насъ сына Божія! Гдѣ вы дѣвали сына Божія?» кричали монахи. Они хотѣли даже потопить присланныхъ стрѣльцовъ, и самъ Сергіи поторопился отбыть въ Москву съ келаремъ Савватіемъ; онъ взялъ съ собою также князя Львова и другихъ непокорныхъ. По отъѣздѣ его, избранъ былъ монахами новый келарь Азарій, открытый врагъ новоисправленныхъ книгъ; монахи послали царю челобитную, въ которой изложили, что за вѣру чудотворцевъ готовы смерть принять; многіе приняли схиму; «позволь намъ, государь», писали они, «въ томъ же преданіи быть, чтобы намъ врозь не разбрестись и твоему богомолью, украинному и порубежному мѣсту, отъ безлюдства не запустѣть».

Настоятель за это время отсутствовалъ, и мятежъ усиливался. Притекали въ Соловки, прослышавъ о немъ, разные люди, «даже и грабители изъ шайки Стеньки Разина». Когда изъ Москвы отравленъ былъ новый архимандритъ Іосифъ и съ нимъ прежній Варооломей, то допущенъ былъ въ поѣздку — что было уже совершенно некетати — и заявившій свои раскольникыи воззрѣнія Никаноръ. Онъ предпослалъ своему возвращенію въ Соловки лживое письмо, послѣдствіемъ котораго было то, что Іосифа не приняли, а у Варооломея разорвали клобукъ и выдрали волосы.

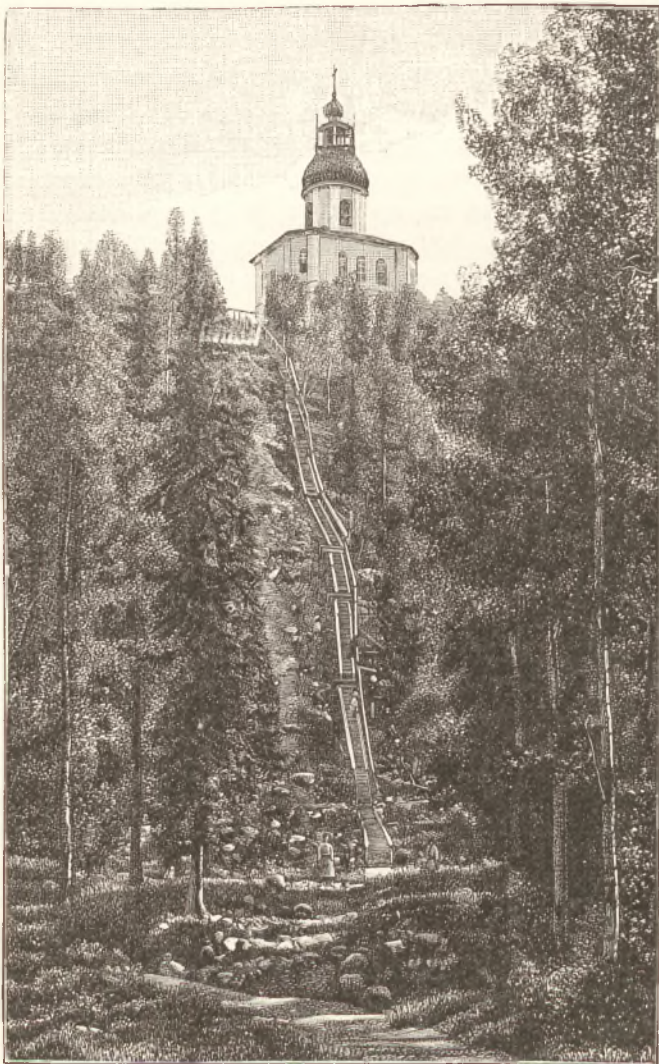
22-го сентября 1668 года отправлена была царю еще одна, самая зна-

менитая челобитная. Царь рѣшился тогда прибѣгнуть къ строгости: онъ отписалъ на себя все земли монастырскія, не велѣлъ пропускать запасовъ и послалъ въ Соловки сотника стрѣльцовъ Чадуева. Это была полумѣра, которая и не помогла; монахи писали: «и повели, государь, прислать на насъ свой царскій мечъ, и переселить насъ отъ сего мятежнаго житія на безмятежное и вѣчное». Въ отвѣтъ на это царь послалъ въ Соловки стряпчача Волохова съ сотнею двинскихъ стрѣльцовъ, съ приказомъ подчинить монаховъ оружіемъ и ввести законнаго настоятеля архимандрита Юсифа. Это распоряженіе, какъ мѣра запоздалая, тоже не принесло ожидаемой пользы: царское войско встрѣчено было пушками. Главными дѣятелями въ монастырѣ были: келарь Азарій, архимандритъ Никаноръ и послушникъ Бородинъ; первый и послѣдній были вскорѣ захвачены въ плѣнъ царскими стрѣльцами, стоявшими передъ запертыми монастырскими воротами. Въ монастырѣ въ это время, въ 1674 году, находилось 200 братій, 300 бѣльцовъ, 90 пушекъ, 500 пудовъ пороху и хлѣба лѣтъ на десять. Почти семь лѣтъ стояли стрѣльцы подъ стѣнами соловецкими; въ 1674 году назначенъ начальствовать надъ ними воевода Мещериновъ, человѣкъ болѣе предприимчивый. Но и со стороны осажденныхъ росла дерзость, въ которой не было больше и помину о прежнемъ послушаніи царю, изображенномъ въ челобитныхъ. На сходкѣ 28-го декабря рѣшено было не молиться за царя; въ сентябрѣ 1675 года монахи не ходили болѣе къ священникамъ, говоря: «и безъ нихъ проживемъ»; явились, словно изъ-подъ земли выросли, люди, о которыхъ прежде не было слышно: сотники, невѣдомо кѣмъ такъ названные, Псачка и Сашка, подстрекавшіе ко всему; самъ Никаноръ, бывший архимандритъ, въ ожиданіи приступа, ходилъ по стѣнамъ и кропилъ святою водою пушки, нѣжно величая ихъ: «О, матушки мои, голаночки!»

Приступъ былъ сдѣланъ 23-го декабря 1676 года, но отбитъ. Только 8-го ноября 1677 года перебѣжчикъ Феоктистъ сообщилъ Мещеринову, что въ крѣпость можно проникнуть изъ рва Онуфріевой церкви; въ ночь на 22-е января Мещериновъ самъ или лицо, имъ посланное, дѣйствительно съ пятидесятью стрѣльцами пробрался въ монастырь, и началась жестокая расправа. Никаноръ, Сашка и многіе другіе люто казнены, многіе разосланы. Описаніе расправы оставлено въ свидѣтельствѣ Семена Денцова, который въ своемъ Выгорѣцкомъ раскольникѣмъ скитѣ написалъ «Исторію о заборѣ и взятіи Соловецкаго монастыря», конечно, съ точки зрѣнія раскольниковской. Значительная часть монаховъ бѣжала на берега олонекской рѣки Выга, въ такъ называвшуюся Выгорѣцію, гдѣ быстро росли объемомъ, значеніемъ и богатствомъ раскольникѣи монастыри Даниловъ и Лекса. Такъ кончился соловецкій раскольникѣи мятежъ, и памятью его служить нынѣ часовня Предтеченская, гдѣ покоятся царскіе воины, погибшіе и умершіе во время осады монастыря. Монахи показываютъ мѣсто, сквозь которое проникли стрѣльцы; оно находится у сушильни, близъ Бѣлыхъ воротъ южной стороны.

Огромное число богомольцевъ ежегодно посѣщаетъ монастырь много уже вѣковъ. Дней за десять до Троицына дня, въ Петербургѣ, на Калашниковой пристани, можно видѣть отправленіе соловецкихъ паломниковъ. Пестрый народъ

этотъ помѣщается въ одну или двѣ соймы и двигается, буксируемый пароходомъ, вверхъ по Невѣ. Путь ихъ рассчитанъ такъ, чтобы послѣть къ Троицыну дню въ Свирскій монастырь, ко времени ежегоднаго перенесенія мощей св. Александра Свирскаго изъ одного храма въ другой. Оттуда Свирью и Онежскимъ озеромъ двигаются они на Повѣнецъ, чрезъ Олонецкій горный кряжъ,

Соловецкій монастырь. Скитъ Сѣкиръ-Гора.

Съ фотогр. Лейцигера, грав. Шюблеръ.

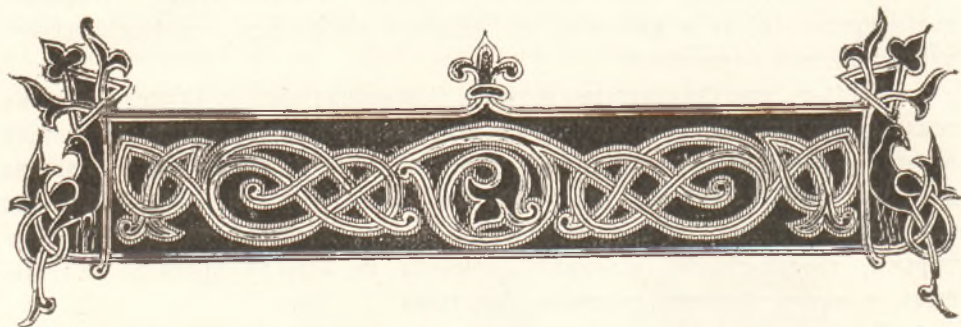
Масельгу, кто иѣшкомъ, кто верхомъ, или въ телѣгѣ, а иногда по пескамъ на саняхъ, приходятъ они къ Сумскому посаду на Вѣломъ морѣ, гдѣ ихъ ожидаютъ карбасы или пароходы Соловецкаго монастыря. Сто двадцать верстъ, остающіяся до обители, въ сравненіи съ пройденнымъ путемъ кажутся имъ, конечно,

недалекими. Какъ только завидятъ они въ морѣ мелькающую точкою монастырскую святыню, тотчасъ радостно и торжественно привѣтствуютъ ее общимъ колѣнопреклоненіемъ и молитвою. Эта минута могла бы дать богатѣйшій сюжетъ кисти живописца-художника.

Когда-то, еще сравнительно недавно, Соловецкая обитель служила мѣстомъ ссылки; сюда ежегодно командировалась особенная военная команда въ составѣ одного офицера и двадцати рядовыхъ изъ архангелогородскаго мѣстнаго батальона для различныхъ служебныхъ нарядовъ. Такъ какъ цѣль командированія ея для содержанія караула при тюрьмѣ утратила всякое значеніе, за упраздненіемъ тюрьмы, то дальнѣйшее содержаніе команды на островѣ признано безцѣльнымъ, и она возвращена къ своему батальону.

Къ числу наиболѣе живописныхъ мѣстностей на Соловецкомъ островѣ принадлежатъ окрестности Живоноснаго источника, Сергіевой пустыни на Муксалмѣ, скитъ на Сѣкирной горѣ, Савватіева и Макаріевская пустыни. Дороги на островѣ очень хороши, и быстроходныя монастырскія лошадки мчатся по нимъ очень бодро. Лѣсъ южной части острова такъ зеленъ и красивъ, травы такъ густы и сочны, день иногда бываетъ такъ теплъ и ясенъ, что рѣшительно не вѣрится близости Ледовитаго океана. Но пройдетъ это короткое лѣто, и обитель покроется глубокими снѣгами, и отгородится она отъ всего остального міра неприступными, навороченными осеннимъ взводнемъ волкъ льдинами; станетъ тогда застывшая поверхность моря «ропачиста», и нѣтъ тогда съ обителью никакого сообщенія. Но прилетаетъ въ Благовѣщеніе чайка, часъ воскресенія настаетъ, и всѣ три заснувшія царства природы сразу пробуждаются къ жизни.

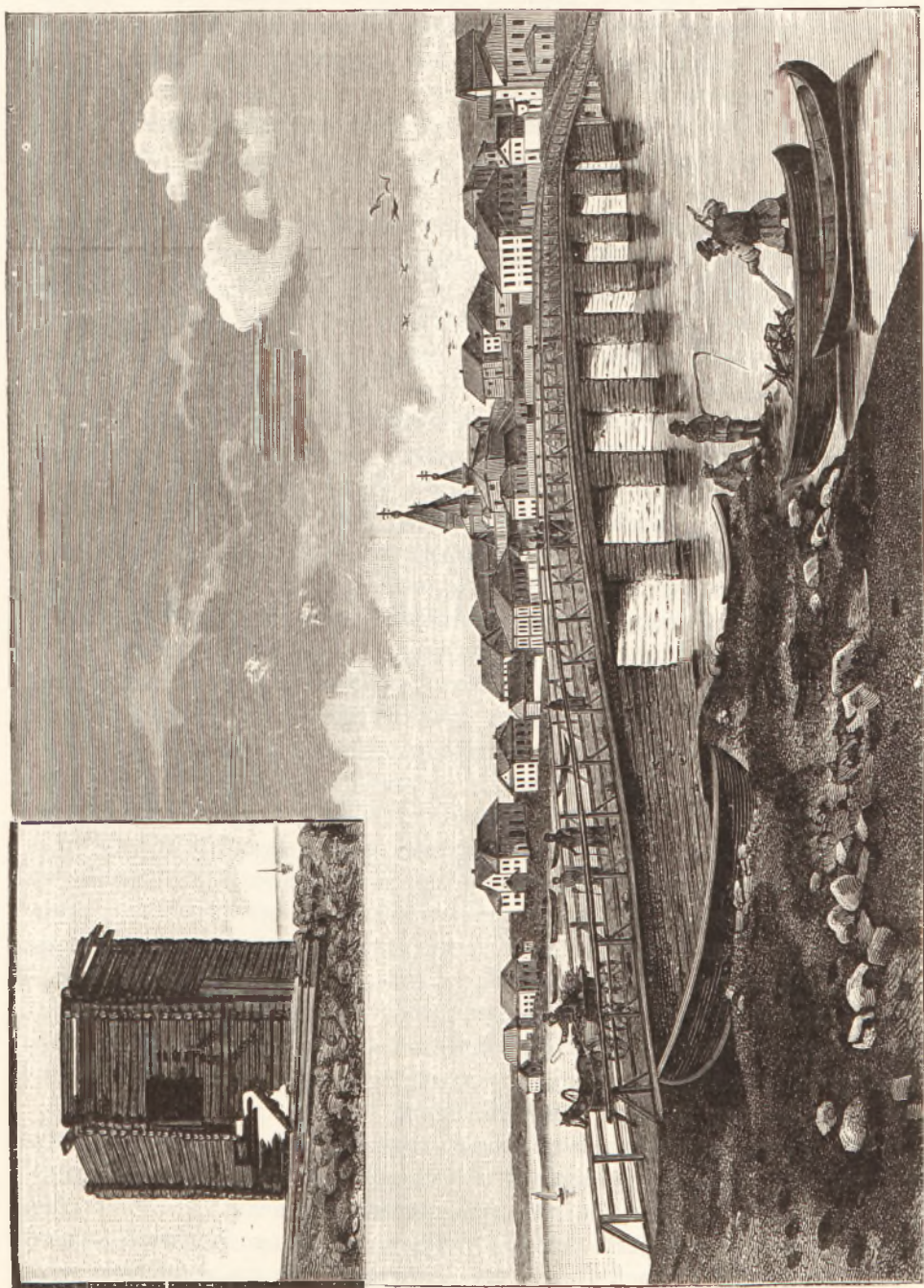

Отъ Соловокъ до Кемь. Кемь.

Ночевка у Якъ-Острова. Таможенный постъ. Видъ на Кемь. Переправа черезъ порогъ. Два собора. Женскій городъ. Жемчугъ и его добыча. Историческое о Кемь. Легенда о 40 рукавицахъ.

Довко и быстро снялся съ якоря «Забіяка», покидая Соловки; сильно вслѣдствіе винтомъ своимъ за кормою тяжелую бѣломорскую волну. Въ полнѣйшей ясности сѣверной полуночи на 18-е іюня скрылись, мало-по-малу долго и постепенно умалявшіяся, очертанія Соловецкихъ острововъ, и все ближе выяснились влѣво отъ судна острые, темные профили непривѣтливыхъ острововъ Кузова. Они видѣлись почти на полноту между Соловками и Кемью, совершенно дикіе, мрачные, голые, угрюмые, и дали предвкусить своимъ очертаніемъ то, что предстояло путникамъ видѣть на безконечномъ Мурманскомъ берегу. Вслѣдъ за ними, будто декорации, шествовали въ свѣтлой ночи, выплывая изъ нѣдръ морскихъ, другія очертанія, другіе острова, тоже голые, скалистые, необитаемые, большіе и маленькіе, острова съ названіями и безъ названій, и, наконецъ, около двухъ часовъ ночи близъ Якъ-Острова «Забіяка» бросилъ якорь для ночевки. Тутъ окружалъ его темнѣвшій по свѣтившемуся полуночнымъ свѣтомъ морю цѣлый архипелагъ и виднѣлись: Дальній Кузовъ, Нѣмецкій Кузовъ, ближе и гораздо ниже ихъ Ольховый, Топоруха и еще многіе. Море въ этихъ мѣстахъ никогда неспокойно, оно вѣчно терзается приливами и отливами, чрезвычайно разнѣющимися своею вышиною въ той или другой губѣ его. Эти четырехкратныя перемѣны дня и ночи слѣдуютъ одна за другою по пятамъ, непосредственно, и вызываютъ наблюдаемую простымъ глазомъ борьбу теченій; борьба прилива съ отливомъ, обозначающаяся видимо, называется «сулоемъ». Отъ мѣста якорной стоянки, Якъ-Острова, до Кемь оставалось верстъ тридцать, и судно

Видъ города Кемь, отъ моста на р. Кемь.
Грав. И. Сусловъ, грав. М. Раменскій.

прошло это разстояніе съ утра очень быстро. Для съѣзда съ него на берегъ необходимо было воспользоваться приливомъ, и для перваго же знакомства съ характеромъ бѣломорскихъ портовъ приходилось сдѣлать девять верстъ, отдѣлявшихъ пугниковъ отъ Кеми, сначала на паровомъ катерѣ, а дальше, ближе къ городу, въ порогахъ рѣки Кеми, на мѣстныхъ лодченкахъ.

День выдался очень теплый и свѣтлый, и глазамъ было больно смотреть на яркое серебро моря, едва колеблемое вѣтромъ. Влѣво отъ судна видѣлись на берегу: бездѣйствующій казенный лѣсопильный заводъ и зданіе Ягостровскаго таможеннаго поста; таможенные солдаты въ матросскихъ курткахъ, съ зелеными воротниками и такими же околышами фуражекъ, большею частью люди мѣстные, очень отважные и ловкіе моряки. Всѣхъ таможенныхъ карбасовъ въ Бѣломъ морѣ 43; имѣется еще и паровой карбасъ. Въ 1860 году простой карбасъ стоилъ 135 руб., въ 1870—250 руб., а въ 1885 году обходился онъ постройкою 400 руб.; сравненіе этихъ цѣнъ можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ довольно быстрога возрастанія стоимости лѣса, Береговая линія Ягостровскаго поста, подлѣ котораго «Забіяка» стоятъ на якорѣ, составляетъ 130 верстъ; отсюда же наблюдаютъ таможенные и за Соловецкими островами. Контрабанда вообще слабо развита, но не будь здѣсь этихъ «зеленыхъ» людей, она бы, несомнѣнно, процвѣтала.

Паровой катеръ, несмотря на вѣтрѣнный юго-восточный вѣтерокъ, или—какъ его здѣсь называютъ — «обѣдникъ», отваливъ отъ судна, шелъ быстро. Прежде всего обозначилась на приближавшемся берегу сосновая роща съ часовнею Ильи Пророка, отстоящею на три версты отъ Кеми; роща эта—любимое мѣсто прогулокъ землянъ и единственная представительница зелени на голыхъ скалистыхъ окрестностяхъ. Почти одновременно съ нею глянула вдали и сама Кемь, и ясиѣ другихъ обозначились на плоскомъ берегу двѣ церкви—старый, закрытый по ветхости, и новый, неоконченный, соборы; имѣется еще небольшая третья церковь—кладбищенская, такъ что въ городѣ церквей двѣ или три—какъ считать. По мѣрѣ приближенія катера, все яснѣе и яснѣе поднимались изъ воды мелкія строенія; выросталъ какъ будто и берегъ, замкнутый вдали по кругу довольно высокими холмами; вправо видѣлся въ морѣ кампистый мысокъ; недалеко отъ него, по зелени прибрежнаго луга, двигалось, направляясь къ городу, довольно большое стадо скота. По нѣкоторымъ изъ печатныхъ источниковъ, мурманскія и бѣломорскія коровы питаются рыбою, треской, вслѣдствіе безусловнаго недостатка травы. Можетъ быть, такія коровы и существуютъ гдѣ-нибудь дальше, но тутъ, въ Кеми, нѣтъ достаточной причины этому своеобразному развитію коровьяго вкуса.

Около двухъ часовъ времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ путешественники покинули судно и, идя противъ вѣтра, но по приливу, оставивъ влѣво полуразрушенную батарею, построенную противъ англичанъ въ 1855 году, влѣхали въ довольно широкій бассейнъ, образуемый рѣкою Кемью; на берегу, вправо, лежало, накренившись, нѣсколько судовъ, прибитыхъ весеннимъ ледоходомъ; невысокіе, голые, скалистые холмы вырисовывались за ними и будто выростали. Отсюда видѣлись очень ясно: новый соборъ съ его тремя шатро-

выми шапками, мостъ на колодахъ черезъ рѣку Кемь, сильно пострадавшій въ послѣдній ледоходъ, такъ какъ третью часть его снесло, небольшіе домики, островокъ съ часовенкою, благополучно существующій въ самой стремнинѣ порога. Путники могли любоваться на зелень, разстилавшуюся по берегу. До берега казалось такъ близко, рукой подать, можно было отличить черты каждаго лица, чуть ли не рисунки сарафановъ и кацавеекъ сновавшихъ по берегу кемлянокъ, а между тѣмъ самое трудное предстояло: по близости клокоталь порогъ, покрывая своимъ вѣчнымъ ревомъ оклики, доносившіеся съ берега. Между островкомъ съ часовенкою и городомъ рѣка Кемь перекидываетъ свои крупныя, сердитыя волны черезъ крутой и высокій гребень скалъ и направляетъ ихъ дугою, образуя сильную круговую стремнину. Паровой катеръ могъ двигаться только до этого мѣста, а тутъ предстояла пересадка на маленькія лодочки, легкія, быстрыя, доски которыхъ связаны сосновыми корнями или тростникомъ. Порогъ ревѣлъ невообразимо, заглушая людскіе голоса, когда у самаго края его къ катеру подѣхало множество быстроходныхъ лодочекъ съ гребцами женскаго пола. Съ лентами на лбахъ, въ золототканыхъ повойникахъ, съ цвѣтными платками на шеѣ и груди, быстро и ловко подгребли кемлянки къ катеру; нельзя было терять секунды, чтобы не быть снесенными стремниною. Удивительно ловко принялись кемлянки за работу: разъ, два, три,—и утлая лодочка, подчиняясь могучимъ ударамъ веселъ нашихъ плечистыхъ сѣверянокъ, скользнула по направленію къ берегу по безумно прыгавшимъ бѣлымъ волнамъ порога. Минуть черезъ пять путешественники были уже на берегу.

Въ Кемѣ путешественникъ впервые встрѣчается съ характернымъ типомъ кемлянокъ. Все мужское населеніе города, способное работать, отправляется въ мартѣ или апрѣлѣ на Мурманъ и возвращается не ранѣе сентября или октября. Въ это время, въ Кемѣ все женское населеніе, матери, жены и дочери, остаются на мѣстахъ, что нисколько не мѣшаетъ имъ отваживаться пускаться въ открытое море, когда и на чемъ угодно, и прибрежное дитя еще въ люлькѣ готовится быть морякомъ, не знающимъ страха и вскормленнымъ непривѣтливомъ моремъ, такъ какъ матери-кормилицы берутъ съ собою дѣтей въ лодки и укладываютъ спать на носу или въ кормѣ. Смѣлы кемлянки до безумія, и нерѣдко тонуть онѣ даже въ городскомъ порогѣ; но эти безвременныя жертвы не вліяютъ ни на общій строй жизни, ни на личные характеры. Тонуть—такъ тонуть, кричать—такъ кричать, и кричать же кемлянки невообразимо, потому что говорить обыкновеннымъ голосомъ въ Кемѣ нельзя, такъ какъ человѣческая рѣчь заглушается неумолкаемымъ ревомъ порога.

Соборъ въ Кемѣ какъ-то очень долго строился, на деньги (кажется, 60.000 рублей), пожертвованныя частнымъ лицомъ. Объясняли это тѣмъ, будто и въ самой постройкѣ не было необходимости, такъ какъ старый соборъ вовсе не ветхъ; говорили тоже, что большинство населенія Кемѣ, и въ особенности заправилы,—раскольники; что поддерживать собора они не хотѣли. Вѣрно то, что старый соборъ вовсе не такъ ветхъ, какъ о немъ толковали; хотя онъ строенъ 185 лѣтъ тому назадъ, но онъ еще проченъ и при нѣкоторой поддержкѣ могъ бы служить еще очень долго; въ немъ трехъ-ярусный иконостасъ и весьма

Ловець жемчужинъ.

Кемлянка.

древнія иконы, несомнѣнно, болѣе древнія, чѣмъ самъ соборъ; иконы эти, быть можетъ, даже новгородскія, изъ какихъ-нибудь прежнихъ исчезнувшихъ церквей; имѣются два придѣла, въ каждомъ по иконостасу рѣзному, деревянному, съ очень характерными царскими вратами: краска съ нихъ лупится, позолота потерта.

Новый, недостроенный соборъ не можетъ выдержать сравненія со старымъ: это—заурядная небольшая церковь, скорѣе комната, чѣмъ церковь, имѣющая сѣни, отдѣленные перегородкою, и украшенная очень немногими иконами; въ старомъ соборѣ ихъ много, и если не озаботиться о перенесеніи ихъ или починкѣ крыши, то предстоитъ неминуемое и скорое разрушеніе, такъ какъ дождевые потоки уже разрисовали сиротѣющія стѣны храма своими сталактитными изображениями. Отъ стѣнъ вѣетъ сыростью, несмотря на широкій доступъ сквозному вѣтру въ храмѣ.

Поморы въ общемъ живутъ безбѣдно. У нѣкоторыхъ замѣчаются даже предметы роскоши; у одного изъ богатыхъ хозяевъ-поморовъ имѣется семь шнякъ, три шхуны и двѣ промысловыя яхточки; домъ убранъ чисто и красиво; вообще поморскіе дома могутъ похвастать обстановкою: занавѣси, зеркала и мягкая мебель — не рѣдкость у хозяевъ промысловъ. Живутъ поморы обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, по праздникамъ переходятъ въ верхній и тутъ принимаютъ гостей; однимъ изъ существенныхъ украшеній является гладко вычищенный самоваръ; онъ ставится на почетномъ мѣстѣ. Нарядятся любятъ жены и дочери не только хозяевъ, но и простыхъ работниковъ—«покручниковъ», такъ что если вѣрять рассказамъ, то почти все, что остается свободнымъ отъ заработковъ, расходуется на одѣяніе. Яркость цвѣтовъ дѣйствительно поразительна; какъ и во многихъ мѣстахъ Сѣвера, мѣстный жемчугъ, вылавливаемый въ рѣкѣ Понькѣ, въ пятидесяти верстахъ отсюда, составляетъ одно изъ любимыхъ украшеній; шелковой и золотой ткани тоже очень много. Здѣсь, какъ и вездѣ, любятъ «пѣсни играть», и во всякое время на берегу, подъ рокотанье порога, съ разныхъ сторонъ слышатся пѣсни.

Жемчужница, *Unio margaritiferus*, по словамъ профессора Гримма, очень распространена въ прозрачныхъ, свѣтлыхъ водахъ рѣчекъ нашего Сѣвернаго края, и подтвержденіе этому имѣется дѣйствительно въ богатыхъ нарядахъ олопецкихъ и архангельскихъ женщинъ; особенно славятся жемчужницами рѣчки Сюзьма, Сума и Повѣчанка; добыча же жемчуга наиболѣе развита въ Колѣ. Ловятъ жемчужницу или «ракушницею»,—деревянною рамою, снабженною пожемъ, помощью которой сцарапываютъ ракушку съ каменистаго дна, или просто руками, обходя извѣстныя мѣста и пользуясь свѣтомъ полуденнаго солнца. У промышленниковъ имѣется даже нѣчто въ родѣ особаго одѣянія съ принадлежностями лова; надо имѣть много опытности, чтобы по наружному виду раковины судить о томъ, есть ли въ ней жемчугъ, и не вскрывать понапрасну; попадаются жемчужины до 100 рублей цѣною, но рѣдко; сбытъ жемчуга обезпеченъ всегда.

Жителей въ Кеми около 1.000 человѣкъ. Какъ и значительная часть побережья Бѣлаго моря, Кемь въ свое время служила вотчиною Марѳы Борец-

кой, и въ 1450 году отдана ею Соловецкому монастырю, о чемъ и свидѣтельствуеть хранящаяся въ монастырѣ «вкладная крѣпость» съ вислыми свинцовыми печатями. На этихъ древнихъ документахъ зачастую не обозначалось ни числа, ни года; не болѣе точны были и межевые знаки; опредѣлялось, напримеръ, что уступаются тѣ «два лука (или двѣ обжи, каждая длиннику 126, а поперечнику 32 сажени) земли, гдѣ Пароенка да Першица живутъ». Слѣдовательно, эти стгнувшія Пароенки да Першицы—тоже историческія данныя. Въ 1597 году вторглись сюда «коянскіе нѣмцы», то-есть финляндцы изъ города Кояна, причѣмъ были побиты соловецкій воевода Озеровъ и бывшіе съ нимъ стрѣльцы. Новое нападеніе послѣдовало годъ спустя, но воевода Аничковъ отбился; въ 1657 году Соловецкій монастырь, повидимому, сильно интересовавшійся Кемью, поставилъ здѣсь острогъ и снабдилъ его пушками, пищалями и припасами. Сохранилось свѣдѣніе, что острогъ этотъ напоромъ льда снесенъ въ 1763 году. Съ 1785 года Кемь—уѣздный городъ, и открывалъ его бывший въ то время олонецкимъ губернаторомъ Державинъ, едва не потонувшій при этомъ случаѣ.

Хотя Кемь считается однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, тѣмъ не менѣе лѣтомъ нѣтъ въ него въѣзда въ экипажѣ. Михайловъ, пробывшій здѣсь цѣлое лѣто, утверждаетъ, что онъ видѣлъ одну только лошадь, занятую развозомъ водки на саняхъ. Онъ былъ счастливѣе путешественниковъ, бывшихъ здѣсь въ 1885 году: они не видѣли ни одной лошади. По его словамъ, гористая мѣстность Кемскаго уѣзда, дальше, вглубь страны, выработала даже особый типъ архангельскихъ горцевъ, а близость моря, опаснаго моря, воспитала замѣчательныхъ моряковъ. Отъ Кеми до Онеги и по всему Капдалакскому заливу на протяженіи 500 верстъ нѣтъ вовсе сухопутныхъ дорогъ, и все сообщеніе происходитъ на карбасахъ, для чего приблизительно на 40 верстахъ разстоянія устраиваются почтовые пункты; гребутъ опять-таки только женщины, которыя могутъ сдѣлать въ сутки 120 верстъ, работая въ двѣ смѣны. По окраинамъ города имѣются кое-гдѣ огороды, гдѣ растутъ: морковь, рѣдька, рѣпа и брюква; повидимому картофель—корнеплодъ слишкомъ нѣжный для этихъ широтъ; капусту тоже привозять, и цѣна ей около пяти рублей за сотню кочней. Но и Кемь—нѣкоторымъ образомъ югъ относительно недалекаго Мурмана, потому что въ одномъ изъ становницъ морского побережья Ура, морковь уже не вызрѣваетъ, и люди ограничиваются только тремя остальными овощами. Говорятъ, впрочемъ, что въ этой далекой Урѣ въ 1873 году не безъ успѣха пытались сѣять ячмень.

Легко, конечно, относиться саркастически къ этой скудости и угрюмости страны двухмѣсячной ночи; навѣжающимъ легко судить о томъ, что измаянный работою, часто становящійся лицомъ къ лицу со смертью въ океанѣ, со смертью въ становницѣ въ образѣ цыгги или скорбута, поморь—лишнее вышеть. Но чтѣ за сила воли таится въ этихъ людяхъ; какихъ только подвиговъ нельзя ожидать отъ нихъ! Въ 1850 году въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано, что кемскій мѣщанинъ Михаилъ Пигитицъ вдводемъ съ женою ходилъ на шнякѣ на Новую Землю. Въ тридцатыхъ годахъ

Тишы поморовъ.

умеръ тотъ Старостинъ, который проводилъ зимы на Шпицбергенѣ въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ. Это ли не люди, это ли не характеры, это ли не моряки?

Существуетъ любопытное мѣстное преданіе, напоминающее отчасти легенду о Вильгельмѣ Теллѣ; это—разсказъ «О сорока рукавицахъ». Дѣло въ томъ, что шведы пришли по обыкновенію на рѣку Ковду грабить; чтобы добраться имъ до села, нужно было пройти порогъ, и нуженъ былъ человѣкъ, способный провести лодку. Нашелся такой человѣкъ, но на самой быстринѣ соскочилъ онъ съ лодки на берегъ, оттолкнулъ ее, и всѣ находившіеся въ ней погибли; выплыло только сорокъ рукавицъ.

Какъ уѣздный городъ, Кемь обставленъ и всѣми соотвѣтствующими принадлежностями власти; здѣсь есть шкиперское училище, но лѣтнихъ занятій въ немъ нѣтъ. Въ рѣкахъ Кемскаго уѣзда одною изъ важныхъ статей дохода является семга и ея промыселъ; городъ Кемь отъ семужьихъ заоловъ получаетъ 700 рублей, Сорока—500 рублей, Ковда и Умба по 2.000 рублей, Поной—5.000 рублей, а доходы Кузоmeni достигаютъ крупной цифры 10.000 рублей.

«Забіяка» готовился къ отплытію. Сойдя на скалы, кемлянки живописно размѣстились по нимъ и неумолчно «играли пѣсни», пока судно снималось съ якоря и давало большой полукругъ, поворачивая носъ къ морю. Термометръ показывалъ 20° въ тѣни; небо и воды были совсѣмъ лазурны. Наконецъ, завертѣлся могучій винтъ судна. Совершенно невольно, безотчетно, проскальзывала мысль о томъ: неужели же это—нашъ туманный, забытый, отличающійся неясными очертаніями Сѣверъ? Что же дѣлаютъ наши художники, не заѣзжая сюда и предпочитая для воспроизведенія на полотнѣ находящіеся подъ рукою изображенія Финскаго залива или невскихъ топей? Эта скала съ цвѣтными кемлянками, эта лазурь небесъ, это лучезарное море—не видали еще нашихъ художниковъ.

Посѣщеніе Кемь явилось роскошнымъ, цвѣтистымъ предисловіемъ дальнѣйшаго пути на Мурманъ. Путешественники направились дальше поперекъ Кандалакесскаго залива, въ началѣ четвертаго часа пополудни, имѣя предъ собою одинъ изъ самыхъ длинныхъ, предстоявшихъ имъ переѣздовъ къ недалекой отъ норвежской границы Териберской губѣ. По расчету времени, на слѣдующій день, 19-го іюня, около восьми часовъ утра, должны они были пересѣчь полярный кругъ и войти въ область незаходящаго солнца.

Отъ Кемѣ до Териберки.

Вечерняя молитва на пароходѣ. Терскій берегъ. Гидрографія сѣверной окраины. Заслуги Литке и его сочиненіе. Родіонъ Ивановъ. Обская экспедиція. Маяки. Ночь на 20-е іюня. Общее впечатлѣніе бури. Св. Носъ. Появленіе первыхъ китовъ. Мурманскій берегъ. Входъ въ Териберскую бухту.

вѣренно и покойно двинулся «Забіяка», простившись съ Кемью, съ знойнымъ днемъ и еще болѣе знойными красками женскихъ одѣяній. Легкій туманъ началъ окружать судно, по мѣрѣ движенія къ сѣверу, къ горлу Бѣлаго моря, связывающему море воедино съ безбрежнымъ Ледовитымъ океаномъ. Подъ равномерные звуки винта совершались обычныя на суднѣ занятія. Когда спустился вечеръ,—что было замѣтно только по часовой стрѣлкѣ, но никакъ не по слабости свѣта,—ровно въ восемь часовъ, раздались обычные свѣтки, и команда собралась на молитву. Двумя рядами вытянулись матросы вдоль праваго борта, и сняли шапки. Отчетливо и неторопливо прошѣли они «Отче нашъ», осѣнялись крестами, и звуки молитвы разнесились далеко кругомъ надъ глубокою темнею непокойной пучины. Въ высшей степени пріятно сознавать, что эту самую молитву и въ этотъ самый часъ возсылаетъ русскій человѣкъ къ Небу и въ Бѣломъ морѣ, и въ Индійскомъ океанѣ, и по лазурнымъ заливамъ Средиземнаго моря. Какъ ни прочно судно, какъ ни вѣренъ комнасъ, какъ ни опытенъ капитанъ или штурманскій офицеръ, но все-таки подъ скорлупкою—верста и болѣе глубины, а надъ нею безконечное небо, изъ таинственныхъ пространствъ котораго

нѣтъ, нѣтъ да и вырвется шквалъ или штормъ и докажетъ очень наглядно, что проволочные канаты—не болѣе какъ паутинныя нити, а путешественникъ—охъ, какое маленькое, хотя и смѣлое, существо! Молитва и только молитва, исходя отъ сердца,—подъ ростъ колоссальнымъ пространствамъ неба, темени неизвѣданной глубины и еще болѣе темному сознанию неизвѣстности.

А глубины нашего побережья Ледовитаго океана и Бѣлаго моря въ значительной степени дѣйствительно неизвѣстны. Плаваніе здѣсь вовсе не то, что въ другихъ моряхъ, имѣющихъ прочныя, вѣчно исправляемыя карты, гдѣ къ услугамъ—рейды и порты, являющіеся тихими, покойными заводами. Гидрографическій департаментъ только весьма недавно предпринялъ изслѣдованіе Бѣлаго моря; въ 1884 году хронометрическая экспедиція астрономически соединила десять пунктовъ съ Архангельскомъ, и, затѣмъ, предполагалось постепенно приступить къ систематическимъ измѣреніямъ и къ производству съемокъ на основаніи этихъ десяти, уже опредѣленныхъ, пунктовъ.

Что касается болѣе отдаленнаго Сѣвера, то мореплаватели пользуются трудами одного, сравнительно, недавно умершаго знатока морского дѣла, поставившаго себѣ вѣчный памятникъ въ трудѣ, изданномъ въ 1828 году, подъ заглавіемъ: «Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ—Литке, въ 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ». Сочиненіе это, въ полномъ смыслѣ слова, классическое, издано *in quarto* и составляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Настольною книгою моряковъ при путешествіяхъ въ этихъ странахъ служить изданное въ 1876 году гидрографическимъ департаментомъ «Гидрографическое описаніе сѣверныхъ береговъ Россіи» Рейнеке, въ 1883 году дополненное Неупокоевымъ; эта книга—только извлеченіе изъ капитальнаго труда Литке, памяти котораго нельзя не поклониться, какъ только приходится переплывать сѣверный полярный кругъ.

Въ сочиненіи Литке, помимо множества картъ, съ обозначеніемъ промѣровъ, разныхъ таблицъ и очень характерной гравированной панорамы большей части нашего сѣвернаго побережья, имѣется и историческій очеркъ того, какъ давно, очень давно пытался простой русскій человекъ на утлыхъ суденышкахъ, безъ всякихъ картъ, проникнуть въ «челюсти полюса». Исторически несомнѣнно, что первымъ русскимъ кормщикомъ, рѣшившимся пробраться далеко на сѣверъ явился, въ 1690 году, Родіонъ Ивановъ. Литке замѣчаетъ, что много было и другихъ кормщиковъ, задолго до Родіона Иванова ходившихъ до Оби и Енисея и на Новую Землю, но имена ихъ заглохли, потому что съ ними не случилось того, чтó случилось съ этимъ Ивановымъ. Иностранецъ Витсенъ, со словъ Иванова, описалъ его путину: какъ шли они, какъ были разбиты на островѣ Шаранова-Кошка, на восточномъ берегу Карскаго моря, какъ зимовали, сдѣлавъ себѣ хижину изъ глины и моржевой и тюленьей крови и шерсти; изъ 15 человекъ въ живыхъ осталось только четверо. Темная и ужасная драма эта остается до сихъ поръ единственнымъ извѣстнымъ путешествіемъ въ XVII вѣкѣ и единственнымъ, кажется, описаніемъ Шарановыхъ-Кошекъ. Въ концѣ XVIII вѣка пробрался къ восточному берегу Новой Земли кормщикъ Лошкинъ; но не нашлось Витсена, чтобы записать его слова.

Въ третьемъ десяткѣ лѣтъ прошлаго вѣка, императрица Анна Іоанновна задумала снарядить экспедицію, подобной которой, по обширности предположенныхъ задачъ, почти нѣтъ примѣра въ лѣтописяхъ морскихъ открытій: предполагалось подробно описать берега отъ Архангельска до Америки! Суда, назначенныя въ это плаваніе, назывались «Экспедиціонъ» и «Объ»; въ 1734—1735 годахъ начальствовали ими лейтенанты Муравьевъ и Павловъ; позже прибавлены другія суда, и были другіе лейтенанты. Съ 1736—1739 года посѣщены были Югорскій Шаръ, Канинъ-Носъ, устья Оби и Печоры. Всѣ эти плаванія совершались почти безъ картъ. Карты Новой Земли, очень гадательныя и весьма неполныя, могли быть составлены до 1807 года только по плаваніямъ Баренца, Размыслова и Поспѣлова. Въ 1819 году участвовалъ въ томъ же дѣлѣ лейтенантъ Лазаревъ. Въ 1828 году издано, наконецъ, капитальное сочиненіе Литке. Съверъ давнымъ-давно служилъ нашимъ смѣльчакамъ-казакамъ и промышленникамъ путемъ-дорогою ко всякимъ открытіямъ. Въ описываемое время, благодаря щедротамъ Императора Александра III, по представленію Академіи Наукъ, на берегахъ Ледовитаго моря, въ Устьянскѣ, далеко на востокъ, работала ученая экспедиція, снаряженная съ цѣлью обследованія Новосибирскихъ острововъ. И оттуда, какъ и съ Новой Земли, еще въ 1710 году казакъ Пермьяковъ доносилъ о существованіи къ сѣверу какихъ-то невѣдомыхъ острововъ, и якутскій воевода послалъ къ нимъ Вагина съ одиннадцатью казаками. Въ 1810 году промышленникъ Санниковъ открылъ на нихъ русскую могилу съ крестомъ. Чью же? Въ 1808 и 1820 гг. снаряжены были туда еще двѣ экспедиціи, и только, 60 лѣтъ спустя, предположено окончательное научное обследованіе, и докторъ медицины Бунге отправился въ Устьянскъ и благополучно завершилъ свое дѣло. Но начальній путь, какъ и въ Новой Землѣ, указанъ и здѣсь смѣльчагомъ, простымъ русскимъ человѣкомъ.

Всѣ перечисленныя имена невольно мелькаютъ въ памяти при приближеніи къ горлу Бѣлаго моря, когда, послѣ спокойно проведенной ночи, около девяти часовъ утра, подлѣ Сосновца—маяка, стоящаго на островѣ, «Забіяка» перебѣжалъ въ первый разъ полярный кругъ. О вчерашней хорошей погодѣ не было и помину. Мелкій холодный дождикъ шлепалъ по палубѣ и по снастямъ; зыбь, никогда почти не прекращающаяся въ этомъ мѣстѣ соединенія Бѣлаго моря съ океаномъ, давала себя чувствовать очень ясно. Судно миновало Кандалакскій берегъ, на которомъ имѣются палицы: «матушка Турья гора, госпожа Кандалука губа и батюшка Оленій рогъ», и шло въ разстояніи трехъ миль отъ высокаго скалистаго Терскаго берега, по гранитамъ котораго, прибавляя холоду къ картинѣ, рѣзко бѣлѣлъ снѣгъ, спускаясь бѣлыми пятнами и нитями отъ вершинъ къ самому уровню моря и вырисовывая арабески. Часовъ около двѣнадцати миновали Орловскій маякъ, ясно выдѣляющійся своею вышиною надъ морскою пучиною. Въ 1872 г., въ іюль, со шхуны «Баканъ», привезшей на маякъ припасы, спущенъ былъ баркасъ для доставки ихъ на берегъ; командиръ Сафоновъ, очень молодой человѣкъ, не внявъ совѣтамъ, перегрузилъ баркасъ, и четырнадцать человѣкъ съ командиромъ своимъ погибли вслѣдствіе борьбы теченій, достигающихъ здѣсь наибольшей силы; спасся

на двухъ веслахъ одинъ только человекъ. Снѣга на берегу видѣлось довольно, и во мглистой неясной атмосферѣ образовывался миражъ, поднимавшій эти снѣга надъ моремъ; въ недалекомъ разстояніи видны были поморскія шхуны, которыя, казалось, двигались по землѣ.

Къ шести часамъ вечера «Забіяка» приближался къ знаменитому, какъ самое бурное мѣсто, Святому Носу; судно двигалось съ достаточною быстротою, до одиннадцати узловъ въ часъ, къ которымъ отливъ прибавлялъ еще четыре узла. Въ Беломъ морѣ вообще нѣтъ покоя, но въ горлѣ его царитъ вѣчная зыбь, постоянная толчея, и судно выходило въ открытый океанъ при нехорошихъ предзнаменованіяхъ; барометръ падалъ; самый опасный изъ всѣхъ вѣтровъ, сѣверо-восточный, крѣпчалъ; дождь и мгла, туманъ и облака перепутывались одни съ другими самымъ безсвязнымъ образомъ, и туманъ былъ такъ великъ, что потерялся изъ виду берегъ, находившійся въ разстояніи не далѣе двухъ миль. Святой Носъ со своимъ маякомъ тоже скрылся, потонулъ гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Ровно въ восемь часовъ вечера, собрались люди опять на молитву; на этотъ разъ она была не пропѣта, а прочитана, потому что матросы могли быть нужны ежеминутно, да и ибнѣе было бы нескладно при качкѣ, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Въ каютъ-компаніи не раздавалось обычнаго въ вечерніе часы пѣнія одного изъ путешественниковъ; его замѣняло посвистываніе вѣтра по снастямъ, пощелкиваніе той или другой упавшей со стола вещи и внушительные всплески волны, видимо стремившейся пощѣтить крейсеръ, войдя къ нему непрошеною поверхъ бортовъ. Становилось очень холодно; равновѣсіе въ температурѣ воды и воздуха было полное, термометръ показывалъ въ обѣихъ стихіяхъ всего только 4°.

Ночь съ 19-го на 20-е іюня принадлежала къ числу тѣхъ крайне рѣдкихъ во все время путешествія ночей, которыя могли называться темными. Мгла висѣла кругомъ сырая, полусвѣтлая и все-таки непроглядная по всему широкому горизонту неба и океана. Ярко и даже очень ярко свѣтилось только въ машинномъ отдѣленіи судна, гдѣ въ остромъ серебряномъ блескѣ электрическаго освѣщенія двигался на глубинѣ, если смотрѣть съ палубы, составныя части машины, всѣ эти поршни, рычаги, поблескивая гдѣ желтою мѣдью, гдѣ бѣлою сталью; по металлическому помосту машиннаго отдѣленія, передъ печью, красѣли темныя груды чернаго угля, готоваго отправиться въ печь, и на вымазанныхъ сажей лицахъ кочегаровъ лежало то же самое родственное красное отраженіе. Какая громадная разница: глядѣть на гнѣвное море, съ его беспорядочными темными волнами, идущими на перебой одна другой, съ его сѣро-свинцовыми красками, съ неравномѣрными посвистами и множествомъ отдѣльныхъ вихрей, безтолково хозяйничающихъ въ одномъ могучемъ теченіи сѣверо-восточнаго вѣтра, и глядѣть въ правильно-дѣйствующую могучую машину. Вы стоите наклонившись надъ нею, смотрите въ нее и, въ тотъ или другой моментъ качки, чувствуете по вздрагиванію судна, что въ него ударила могучая волна; вы ждете, что это вздрагиваніе, передавшееся вамъ, непременно отразится и на машинѣ. Ничуть не бывало: она бьетъ тотъ же неизмѣнный тактъ; только перебѣгутъ отраженія огней съ одного мѣста на другое, только откатится съ угольной

кучи который-нибудь из кусковъ, но тотчасъ-же успокоится и будетъ продолжать краснѣть тѣмъ же багровымъ отблескомъ, что и его собратья, оставшіеся лежать на мѣстѣ. Вы смотрите въ машину, и она успокаиваетъ васъ, прибавляеть увѣренности.

Не успѣло судно вступить въ океанъ и ознакомиться съ его разыгрывавшеюся зыбью, какъ представилась другая, очень характерная картина. Подлѣ Святаго Носа, около семи вечера, съ «Забіяки» увидѣли первыхъ китовъ. Кита не сразу отличишь, если нѣтъ къ этому привычки или сноровки. Вамъ говорятъ: «вонъ китъ! смотрите!» и вы ровно ничего не видите: во-первыхъ, потому что горизонтъ слишкомъ безконеченъ, на немъ сразу не уловишь отдѣльныхъ предметовъ, а во-вторыхъ, киты, эти колоссы Ледовитаго океана, такъ быстры, такъ юрки, что вы никакъ этого не ожидаете, и глазъ, готовящійся смотрѣть на нѣчто довольно грузное, не улавливаетъ быстро движущагося животного. Неправда также и то, какъ рисуютъ обыкновенно китовъ на картинкахъ: на нихъ громадное туловище кита виднѣется все поверхъ воды, а надъ головою его поднимается столпъ воды, падающей наискось въ видѣ фонтана; такъ говорятъ картинки; но на самомъ дѣлѣ китъ мелькаетъ надъ поверхностью только небольшою частью своего тѣла—головой, хвостомъ, спиной, и фонтана онъ не «пускаетъ», а «брызжетъ», такъ что никакой струи вы не отличаете, а видите только брызги, разлетающіеся конусомъ изъ одного центра. Можетъ быть, при спокойномъ морѣ киты лежатъ на поверхности и пускаютъ фонтанчики, но на этотъ разъ они представились совсѣмъ иначе. Быстрога движенія китовъ очень велика и напоминаетъ какъ нельзя болѣе движеніе черноморскихъ дельфиновъ, съ тою разницею, что киты не кувыркаются, а дельфины не пускаютъ брызгъ.

При первомъ появленіи китовъ, увидали ихъ штукъ шесть разомъ; такъ какъ китъ, доставленный на китобойный заводъ, даетъ, въ среднемъ, около двухъ тысячъ рублей, то подлѣ судна плавалъ маленькій капиталецъ. Капиталецъ этотъ встрѣтился у самаго начала пути по Ледовитому океану и представлялъ собою красивое зрѣлище. Въ послѣдніе годы киты держатся недалеко отъ горла Вѣлаго моря, и нашимъ китобойнымъ пароходамъ, находящимся почти подлѣ границы Норвегіи, приходится выѣзжать за сотню, другую миль.

Съ полночи сѣверо-восточный вѣтеръ крѣпчалъ все болѣе и болѣе. Помимо тѣхъ непріятностей, которыя онъ причинялъ путешественникамъ, разрушилъ онъ и послѣднюю надежду побывать на Новой Землѣ. Если еще недавно слаба была надежда пробраться туда, то теперь, послѣ появленія сѣверо-восточнаго вѣтра, погасла она совершенно, потому что, по мнѣнію опытныхъ моряковъ, подобный вѣтеръ обязательно нагонитъ льдинъ и уставиеть ихъ по берегамъ острова плотною массою. Можетъ быть, говорили эти люди, вѣтеръ и измѣнится, но достаточно и теперешняго его бушеванія, чтобы быть увѣреннымъ въ невозможности пути; льды, говорили они, находятся теперь отсюда миляхъ въ 300, и при попутномъ вѣтрѣ движутся очень быстро. Новая Земля, посѣщеніе которой, повидимому, состояться не могло, остается до сихъ поръ съ восточной стороны своей почти совершенно необслѣдованною. Новая Земля,—это спасительница нашего

Сѣвера; если гольфстремъ, теплое теченіе идущее отъ запада, обогнувъ Норвегію и направляясь вдоль нашего Мурмана къ Новой Землѣ, обусловливаетъ сравнительную мягкость температуры и незамерзаніе нѣсколькихъ гаваней, то Новая Земля задерживаетъ движеніе къ намъ отъ сѣверо-востока вѣчныхъ, колоссальныхъ льдинъ; не будь этого острова, очень можетъ быть, что бѣлый медвѣдь существовалъ бы и въ Бѣломъ морѣ, а въ Петербургѣ и Москвѣ было бы значительно холоднѣе.

Къ утру, часамъ къ тремъ, на пароходѣ сдѣлано было распоряженіе «найтовить» разные грузные предметы, т. е. для прочности прикрѣпить ихъ особыми добавочными канатами; затѣмъ вдоль палубы протянули «леера», веревки, за которыя при ходбѣ по палубѣ можно бы было держаться. Это было совершенно необходимо, хотя отъ канатовъ, протянутыхъ поперекъ, ходба была крайне затруднительна, да и вообще особеннаго удовольствія въ ходбѣ по наводненной палубѣ, при пошлепываніи съ боку на бокъ, при необходимой въ этомъ случаѣ широкой разстановкѣ ногъ, не предвидѣлось. Буря крѣпчала; кренометръ, висѣвшій въ рубкѣ штурманскаго офицера, показывалъ 30° качки. т. е. 60° въ обѣ стороны, по килу. Было холодно, всего 8°, и сырость пронизывала насквозь. Мгла—такъ казалось по крайней мѣрѣ—только сгущалась, а между тѣмъ необходимо было видѣть берегъ къ тому времени, когда судно подойдетъ къ ближайшей цѣли пути—къ Териберской губѣ, чтобы войти въ нее; до сихъ поръ «Забіяка» оказывался удивительно точенъ въ своемъ пути; будетъ ли онъ таковымъ сегодня? будетъ ли онъ около восьми часовъ утра подлѣ Териберки?

Непростительно, испытать порядочную бурю въ Ледовитомъ океанѣ, не полюбоваться ею вполнѣ, т. е. не взойти, и не разъ, на тотъ или другой мостикъ. Палуба скоро приглядѣлась. Матросы въ желтыхъ кожаныхъ курткахъ, шапкахъ и штанахъ, такихъ жесткихъ, что глядѣть на нихъ было жестко, заняты каждый своимъ дѣломъ: «поправъ то, да прикрѣпи это, да полѣзай туда!» Эти кожаныя куртки на частныхъ пароходахъ называются «олеофраками», въ насмѣшку, конечно, и надо быть достаточно ловкимъ и сильнымъ, чтобы при лазаньи погнуть какъ слѣдуетъ упругую, неподатливую желтую кожу. Зато эта кожа отлично защищала отъ соленой воды, перемахивавшей изъ-за бортовъ на палубу, а также и отъ той, что подливалась снизу изъ такъ называемыхъ «шипгатовъ», этихъ отверстій хорошо всѣмъ знакомыхъ, расположенныхъ по краямъ палубы для стока воды. Очень занимательно было видѣть, какъ при сильномъ накрененіи судна океанская вода, бурля словно въ котлѣ, проникала въ шипгаты ключомъ и тотчасъ же разливалась по палубѣ, чтобы обратиться туда же, откуда пришла. Эти посѣщенія волны снизу и разливы ея были бы равномерны, если бы не неожиданные притоки воды черезъ бортъ въ большемъ или меньшемъ, но совершенно неожиданномъ и разнообразномъ количествѣ. Вода сверху попадала самымъ неприятнымъ образомъ то за шею, то въ рукава, и составляла для путниковъ, если можно такъ выразиться, самую непривлекательную особенность бури при 3° тепла въ водѣ.

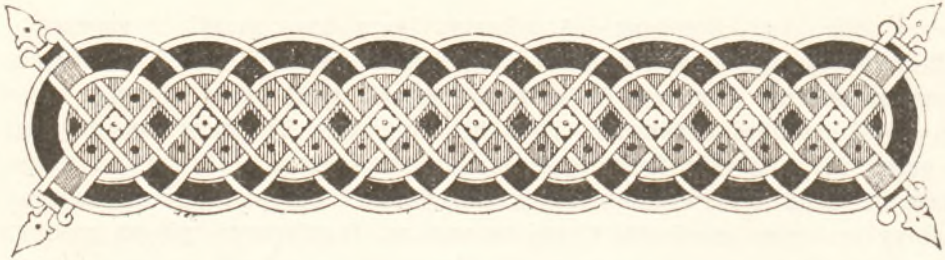
Видъ съ мостика на океанъ былъ чудесенъ. Неозримыми легионами

двигались исполинскія волны по слѣдамъ парохода, какъ бы нагоняя и подгоняя его. Здѣсь, на мостикѣ, высоко надъ палубою, чувствительнѣе были розмахи качки, и можно было наблюдать, сколько саженъ по всякимъ кривымъ выписывали въ воздухѣ вершины мачтъ. Кто не знаетъ, кто не слыхалъ, что существуетъ въ народномъ повѣрѣ такъ называемый «девятый валъ», гораздо болѣе крупный, чѣмъ всѣ остальные. Можетъ быть, это—и такъ; можетъ быть, это подтвердится и наука, но простому, непосвященному въ морское дѣло наблюдателю это кажется немного иначе. Самыя судорожныя, самыя неожиданныя вздрагиванія и колебанія, захватывающія духъ, испытываетъ судно вовсе не отъ видимой волны. Если вы смотрите на эти надвигающіяся, изрѣдка перебитыя шеренги ихъ, вы приблизительно вѣрно опредѣляете, въ какую сторону и насколько накренитъ васъ. Но вотъ, совершенно неожиданно, безъ всякаго предупрежденія, на полпути уже совершающагося накренинія въ одну сторону, качнеть васъ съ титаническою силою въ другую, вы какъ будто куда-то глубоко опуститесь и какъ-то очень высоко подниметесь, васъ повалитъ на бокъ, какъ бы потянетъ опрокинуться. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это—работа волны, но отнюдь не той, видимой, хотя бы и девятой, а какой-то другой, идущей глубоко подъ волнами, кака-то совокупность этихъ волнъ, сила, не имѣющая вида, очертанія, имени, но безконечно бѣльшая всѣхъ остальныхъ въ отдѣльности!

Быль седьмой часъ утра, когда на мостикѣ стало замѣтно особенное оживленіе. По расчету, судно должно было находиться недалеко отъ входа въ Териберскую губу; надо было распознать, отличить входъ въ нее. Это было не легко по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, самъ Мурманскій берегъ въ этихъ мѣстахъ настолько однообразенъ скалистыми своими очертаніями, что и въ свѣтлый день входъ въ бухту особенно рѣзкими признаками не отличается. Во-вторыхъ, туманная мгла, завѣса дождя, облегла берегъ сѣрою, сомнительною теменью; идти къ берегу ближе 1¹/₂ — 2 миль при вѣтрѣ, сильно наваливавшемъ къ нему, было опасно, а на этомъ разстояніи отъ очертаній Мурманна видѣлись какъ бы клочья, то и дѣло задвигавшіеся туманомъ и вновь открывавшіеся. Вдали, сквозь туманъ, мѣстами прорывавшіеся, двигались передъ глазами будто какіе-то осколки, клочки берега. За долгій путь, вслѣдствіе вѣчной неспускавшейся завѣсы тумана, мало что удалось видѣть отъ Мурманскаго берега; оставалось надѣяться, что на обратномъ пути удастся ознакомишься съ нимъ основательнѣе, и декорація его предстанеть съ желательною ясностью. Къ счастью, расчетъ и на этотъ разъ оказался совершенно вѣрнымъ, и пароходъ, несмотря на бурю, доставилъ въ желаемую бухту точь-въ-точь въ свое время. Изъ-за мглы, тумана и дождя замѣтно стало на берегу какое-то будто бы углубленіе общаго фасада скалъ: это именно и была Териберская бухта, и судно направилось къ ней. Териберка — одна изъ лучшихъ, но небольшихъ бухтъ нашего Поморья, и хорошія качества ея сказались именно теперь, потому что она, будучи почти открытою сѣверо-западному вѣтру, отлично защищена отъ подгонявшаго судно, сѣверо-восточнаго, отвѣсными скалами, поднимающимися съ этой ея стороны и называемыми здѣсь,

подлѣ этой губы, «Волчкамп». А зайти въ бухту было вполне своевременно: вѣтеръ быстро крѣпчалъ, и кренометръ показывалъ уже не 30° , а 35° наклоненія; команда замѣтно утомилась; большею частью всѣ продрогли и промокли, да и качки натерпѣлись достаточно,—пора было отдохнуть. Въ шканечномъ журналѣ всякому вѣтру, а тѣмъ болѣе бурѣ, выставляются баллы. Той, которая потрепала въ этомъ пути, поставлено 9; должно быть 12 балловъ не ставить никогда, потому что судно погибаетъ. Судно входило въ Териберскую губу въ десятомъ часу утра. Здѣсь почти конецъ нашего Поморья, т. е. той окраины, возвращаясь отъ которой, поморы «идутъ въ Русь».

Териберская губа.

Входъ въ Териберскую губу. Путь промышленниковъ на Мурманъ. Очеркъ трескового промысла. Шняка. Артель. Ярусъ. Заготовка трески. Осмотръ поселенія. Церковь. Зуйки. Саптарная часть побережья. Обходъ факторіи, колоніи и стаповищъ. Значеніе рыбы мойвы. Морозинки. Общество «Рыбакъ». Соляное дѣло въ Поморьѣ.

Традно выйти изъ области шторма и очутиться вдругъ въ царствѣ успокоенія. Еще пріятнѣе — и въ этомъ послѣднемъ чувствѣ есть даже нѣкоторое злорадство—слышать, какъ гудитъ и мечется этотъ штормъ позади васъ, словно рычитъ, сердится на то, что вы спаслись отъ него, рычитъ, но уже безсильно, васъ не касаясь; въ погоню за вами долетаютъ только какіе-то клочья вихрей, которые кажутся вамъ сладкими дуновеніями зефира—такъ они пріятны. Входъ въ Териберку довольно широкъ; справа скалы отступаютъ назадъ, словно пятясь отъ моря; онѣ не высоки и вовсе не закрываютъ вида на него, такъ что отъ западнаго вѣтра тутъ защиты нѣтъ; зато слѣва отъ сѣверо-востока бухта закрыта темною завѣсью мрачныхъ, высокихъ гранитныхъ скалъ. Входя въ губу, пароходъ держался середины пролива; вправо, по довольно далекому, отступившему назадъ отъ общей линіи побережья, изможденнымъ глыбамъ, въ черныя непроглядныя щели ихъ, на совершенно лысые, округленные лбы, со всею мощью ударила гигантская волна, вкатываясь высоко, и едва-едва поспѣвала внизъ, такъ какъ за нею шла новая волна, и эта опять лѣзла, подбирая, подлизывая остатки прежней, и скальвалась сама, подбираемая третьейю. Глядя на эту гигантскую толчею, легко было представить себѣ, во что должно обратиться любое судно, выброшенное въ такую погоду на подобныя пѣнящіяся подушки? Тутъ не могло бы быть никакого вопроса о томъ бы то ни было сохраненіи судна,— оно меньше чѣмъ въ нѣсколько минутъ превратилось бы въ мелкія щепы.

А что бы было съ людьми! Но наши поморы живутъ и зарабатываютъ

свой хлѣбъ въ большинствѣ случаевъ въ подобныхъ или вблизи подобныхъ грозныхъ явленій природы, и у нихъ въ распоряженіи не океанскіи пароходы, а утлыя суденышки, не компансы и штурманы, а привычка, смѣтка, чутье.

Скала лѣвой стороны слегка поблескивала по всѣмъ выступамъ и жиламъ своимъ струйками дождя; мѣстами свѣтились узкими полосками временно проявившіеся водопады. Бѣлыми пятнами выдавались неподвижные потоки птичьяго помета отъ тѣхъ выступовъ скалы, на которыхъ по бархатистымъ, пухлымъ подушечкамъ мховъ гнѣздились въ несмѣтномъ количествѣ морскія птицы. Онѣ только-что вывели птенцовъ и отъ поры до времени слетали съ гнѣздъ. Тутъ былъ и черный бакланъ, и такой же черный чистикъ, и цѣлыя семьи сѣрыхъ и бѣлыхъ чаекъ и гагаръ; бакланъ тянулъ прямо, чайка кружила въ воздухѣ; замѣчались также философы-птицы, остававшіяся сидѣть на мѣстахъ.

«Забіяка» бросилъ якорь на шести саженьяхъ глубины, верстахъ въ трехъ отъ поселенія, видѣвшагося въ глубинѣ бухты и раскинувшагося на совершенно гладкомъ наносѣ песковъ, скопившихся за сотни лѣтъ усиліями впадающей здѣсь рѣчки Териберки. Сквозь дождь и туманъ довольно большое поселеніе обозначалось не совсѣмъ ясно; замѣтнѣе другихъ выдѣлялись небольшая новая церковь и домикъ, занятый больницею санитарнаго отряда архангельскаго благотворительнаго общества, подъ бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ. Бухта, кругловатая по плану, очень не велика, имѣетъ около 40 сажень глубины и, какъ кажется, одну только песчаную банку, на которой судно и бросило якорь; она представляется какъ бы чашею, бока которой состоятъ изъ скалъ 300—400 футовъ вышины, почти совершенно лишенныхъ растительности; только къ сѣверо-западу и къ океану приближаются онѣ, будто одинъ край этой чаши былъ когда-то кѣмъ-то сломанъ, разрушенъ и далъ просвѣтъ, чтобы открыть свободный доступъ сѣверо-западному вѣтру. Скалы сквозь дождь и туманъ видѣлись не особенно ясными, аспиднаго цвѣта, очертаніями, по которымъ тутъ и тамъ нависали временные водопады. На одной изъ этихъ скалъ, въ самой глубинѣ залива и почти подлѣ вершины ея, обратило на себя вниманіе явленіе, оставшееся невыясненнымъ: изъ земли, или, вѣрнѣе, изъ скалы, поднимался значительный снопъ водяныхъ брызговъ, клонившихся султанчикомъ по волѣ вѣтра въ ту или другую сторону.

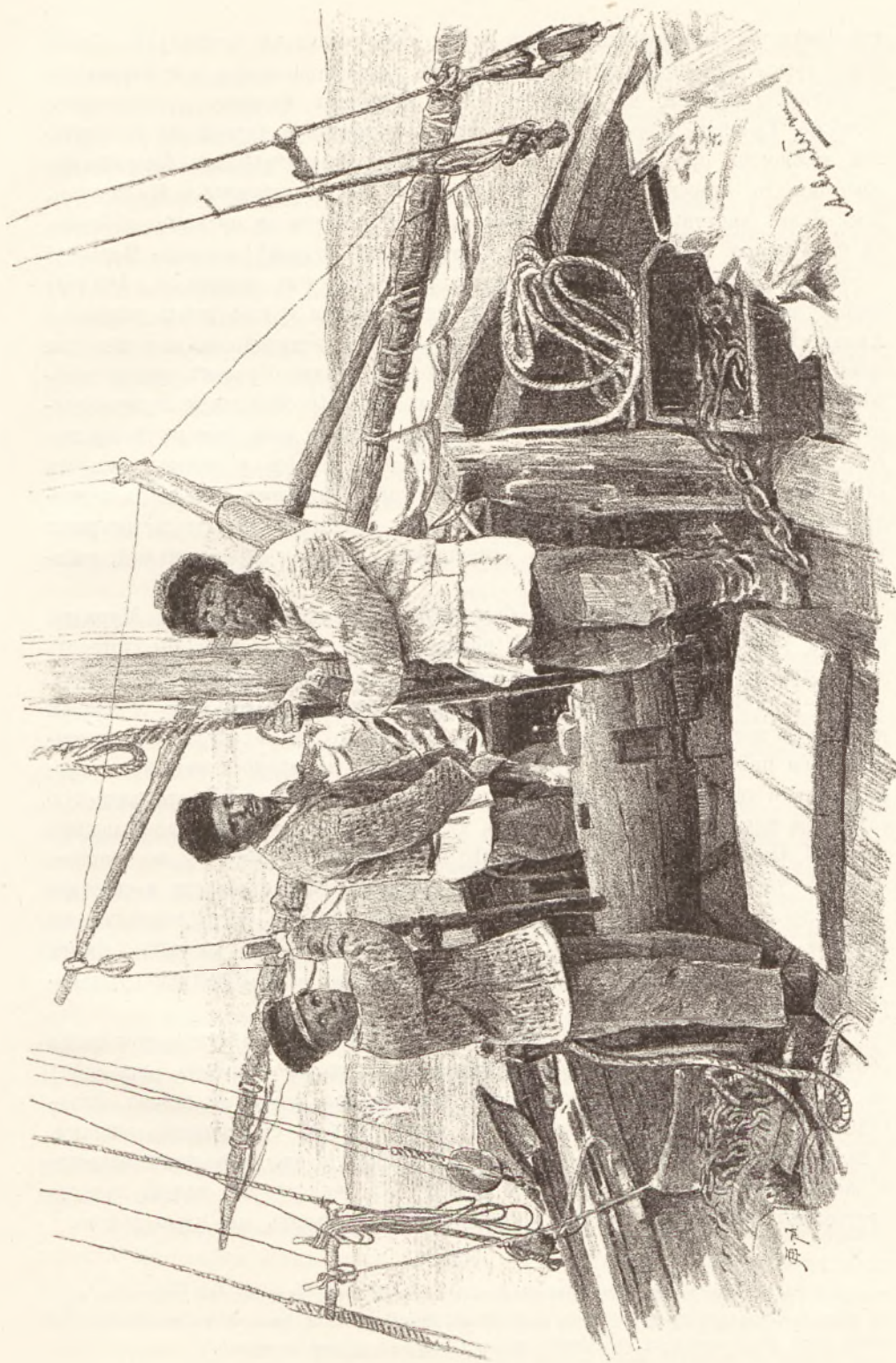
Подобные выходы воды изъ почвы случается видѣть въ Швейцаріи при очень сильныхъ дождяхъ, но только въ самой глубинѣ долины; палка, воткнутая въ землю и вынутая изъ нея, даетъ свободу и мѣсто довольно высокому фонтанку; здѣсь явленіе это замѣчалось на вершинѣ горы, на скалѣ, и чѣмъ могло оно обусловиться—объяснить трудно.

Приливъ начался въ Териберкѣ въ одиннадцать часовъ, и для сѣзда на берегъ надо было соображаться съ нимъ, такъ какъ обмелѣніе подлѣ самаго поселенія значительно. Около четырехъ часовъ пополудни, путешественники на вельботѣ направились къ песчаному наносу, къ поселенію. Сѣрымъ тонамъ неба и воды и завѣшенныхъ туманомъ и дождемъ скалъ вполне соответствовалъ видъ берега и людей, собравшихся на немъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ

слова негативъ того, что ранѣ видѣли въ Кеми. Тамъ—солнце, тишина, женщины, пестрота и блескъ нарядовъ, тутъ—тѣ именно мужчины, которые уходятъ отъ своихъ женъ на промыслы, ихъ сермяжныя одежды, ихъ темныя различнѣйшихъ покрововъ шапки, сапоги, лапти, босыя ноги, сѣрая непогода и порывистые вихри. Когда вельботъ приблизился настолько, что ясенъ сталъ звонъ очень небольшого колокола маленькой церкви, скорѣе — избы, на горизонтѣ обрисовалась другая старая церковь. Нельзя было не обратить вниманія на значительное количество мальчишекъ-подростковъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ: это—такъ-называемые «зуйки», существенно важные участники промысловъ. Териберка считается центромъ главнаго и главнѣйшаго промысла Поморья, — трески; въ общихъ чертахъ, этотъ промыселъ представляется въ слѣдующемъ.

Въ началѣ марта, задолго до того, пока прилетаетъ въ Соловки первая чайка, когда еще вполне сильны мартовскіе морозы въ Петербургѣ, и мы, столичные жители, собираемся кончать наши театральные и другіе сезоны,— по бѣлымъ, безбрежнымъ саванамъ нашего Сѣвера, по мерзлымъ тундрамъ и озерамъ, не имѣющимъ дорогъ, пользуясь для ночлега рѣдкимъ лопарскимъ чумомъ или простымъ навѣсомъ на бревешкахъ, воткнутыхъ неизвѣстнымъ добрымъ человѣкомъ, на томъ же основаніи, на какомъ въ степяхъ Аравіи вырытъ колодезь,—тянутся изъ волостей Архангельской и ближней Олоонецкой губерніи къ Поморью промысловые люди, такъ называемые «покручники». Они законтрактованы своими хозяевами; еще съ осени въ Архангельскѣ, на Маргаритинской ярмаркѣ. Покручники въ долгу у нихъ, потому что забрали деньги впередъ; они идутъ на отработку съ тѣмъ, чтобы повторить въ будущемъ году то же самое: тотъ же снѣжный путь въ глубокую зиму и ту же «отработку». Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на оленяхъ, довольствуясь въ качествѣ пищи почти исключительно далеко не свѣжею трескою, двигаются эти темные, безземельные люди къ великому, насаждаемому Богомъ полю, къ Ледовитому океану. Для любителя мрачныхъ красокъ было бы гдѣ разойтись при описаніи этого стихійнаго движенія покручниковъ, по бережному бѣлому савану, сквозь длинныя, длинныя ночи, въ свѣтѣ полярныхъ сіяній, по едва видимымъ, постоянно заносимымъ бурянами, трюничкамъ. Для полной законченности картины слѣдуетъ сказать, что такъ называемыя «становища», жилия, разсѣянныя по Мурману, принадлежащія тому или другому хозяину, къ которымъ покручники приходятъ послѣ описаннаго пути и гдѣ живутъ лѣтомъ на берегу, между однимъ уловомъ и другимъ, это—настоящія гноилища; нары узки, стары, грязны; десятки людей дышатъ тутъ воздухомъ, спертымъ въ грязномъ помѣщеніи, размѣрами не болѣе какихъ-нибудь двадцати кубическихъ сажень, а цынга, скорбуть и горячки свли себѣ гнѣзда самаго злокачественнаго характера. Эти гноилища, остающіяся на зиму пустыми или поручаемыя наблюденію наемнаго лопаря, населяются съ марта мѣсяца народѣмъ, первую обязанностью котораго при появленіи на мѣстѣ должна быть очистка становищъ отъ снѣга и задѣлка пробуравленныхъ зимними вьюгами отверстій.

Къ счастью, со стороны Правительства за послѣдніе годы сдѣлано многое

На шнякѣ. Зукъ, тяглецъ и весельщикъ.

для измѣненія санитарныхъ условій жизни покручника къ лучшему *). Достаточно только напомнить здѣсь о нѣкоторомъ, уже состоявшемся, урегулированіи медицинской помощи, въ чемъ главнымъ дѣятелемъ является архангельское общество Краснаго Креста; нельзя также не отмѣтить и другой фактъ огромной важности, принадлежащій всецѣло почину Правительства, ближайшимъ образомъ со стороны бывшаго Министерства Государственныхъ Имуществъ. Весь мракъ картины, только-что обрисованной, ложится на простого рабочаго, на покручника: свѣтовые проблески оставались на сторонѣ хозяина. Мало что помѣшаетъ теперь работнику-покрунику преобразиться въ хозяина: въ 1883 году распространень льготный отпускъ лѣса для постройки судовъ всеѣмъ жителямъ Архангельской губерніи. Это распоряженіе имѣетъ величайшее значеніе для края; оно уже облегчено нѣкоторымъ кредитомъ, и, такимъ образомъ, судьбы поморевъ преобразились въ послѣднее время во многомъ. Преобразиться покрунику-работнику въ хозяина тѣмъ легче, что искони вѣковъ весь поморскій промыселъ строится и держится на артельномъ началѣ. Артель у поморевъ имѣетъ такое же историческое, стихійное значеніе, какъ земельная община въ земледѣльской Россіи, и недостаетъ еще очень немногихъ правительственныхъ распоряженій, чтобы значительно осчастливить этотъ славный, смѣлый, работающій народъ.

Что касается возможнаго облегченія мартовскаго пути на Мурманъ нашихъ промышленниковъ, то на первое время можно было бы устроить только три постоянныхъ двора: одинъ — между Кандалакней и Расть-Наволокомъ, другой — въ Расть-Наволокъ, третій — между нимъ и Колою. Это стоило бы недорого, а помощь была бы значительная, потому что, такимъ образомъ, промышленники приходили бы къ Поморью здоровыми, не принося задатковъ простудныхъ и горячечныхъ болѣзней, схваченныхъ въ пути, какъ это зачастую случалось ранѣе. Все равно, будутъ ли дворы эти построены въ видѣ большихъ корчемъ или составятся изъ ряда менѣе значительныхъ построекъ, но, главное, долженъ существовать пріютъ, въ которомъ можно бы было отдохнуть и снастись отъ непогоды. Чаще всего свирѣяетъ тутъ цынга; заболѣвающихъ ею мѣстные люди начинаютъ мять, колотить, таскать. «Колн, значить, цынгн ты боишься, больше смѣйся, больше бѣгай, шевелись — не пристанеть», говоритъ поморь.

Однако—къ самому промыслу. Когда поморы уже на мѣстахъ, становища обитаемы и снасти изготовлены и починены, а море открылось, на сцену выступаетъ самый ловъ и прежде всего классическая поморская шняка. Это—судно въ шесть или семь сажень длины, только сажень съ вершкомъ ширины, и можетъ поднять никакъ не болѣе двухсотъ пудовъ; оно совершенно открыто и очень легко заливается океанскою волною. На шнякаѣ—двѣ мачты, и когда поставлены всѣ весьма широкіе паруса, то она скользитъ по морю довольно

*) Въ теченіе десяти лѣтъ, истекшихъ со времени этого путешествія, сдѣлано не мало на пользу описываемаго края; много улучшеній, безъ сомнѣнія, внесетъ въ экономическую жизнь края строящаяся въ настоящее время Сѣверная желѣзная дорога.

быстро. Въ этихъ утлыхъ судахъ ежегодно погибаетъ много поморевъ, и, тѣмъ не менѣе, оставшіеся въ живыхъ товарищи ихъ все-таки идутъ на промыслы и на такой же шнякѣ. Суденышко имѣетъ свои отдѣленія: чердакъ, гребло, кладь; въ одномъ лежатъ рыболовные снасти, въ другомъ — наживка, въ третьемъ—пойманная рыба, и т. д.

Насколько неизмѣнна въ своихъ очертаніяхъ шняка, настолько же постояннѣе въ своемъ составѣ экипажъ ея; промысловая шнячная артель состоитъ изъ опредѣленнаго числа людей, сколько необходимо для управленія шнякою и производства лова, а именно изъ четырехъ покручниковъ: кормицка, тяглеца, на обязанности котораго, главнымъ образомъ, лежитъ выбрасываніе въ море и сборъ снасти; весельщика, помогающаго, при свободѣ отъ собственнаго прямого дѣла, всѣмъ остальнымъ, и, наконецъ, наживочника—зуйка, малолѣтка, обязаннаго наживлять крючки; огромное число этихъ зуйковъ бросается въ глаза при приближеніи къ Териберскому поселенію; это—тѣ подростки, изъ которыхъ вырабатывается безстрашный поморь. Всѣ участники лова называются «покручниками» и работаютъ не за деньги, а получаютъ одну треть улова, при готовыхъ харчахъ и содержаніи. Лучшимъ мѣриломъ того, что можетъ остаться покручнику въ концѣ лѣта, можетъ служить то, что хозяева отпускаютъ имъ въ долгъ до ста рублей. Идея артели, давность ея существованія, хороши; но примѣненіе къ дѣлу требовало бы улучшеній.

Для того, чтобы новому хозяину «поднять» промыселъ съ одною шнякою, считая стоимость ея рыболовныхъ снастей, устройство становища на берегу, выдачу задатковъ покручникамъ и заготовленіе припасовъ, необходимо около 900 рублей; выходъ на промыселъ со старою шнякою и старою снастью обходится около 600 рублей.

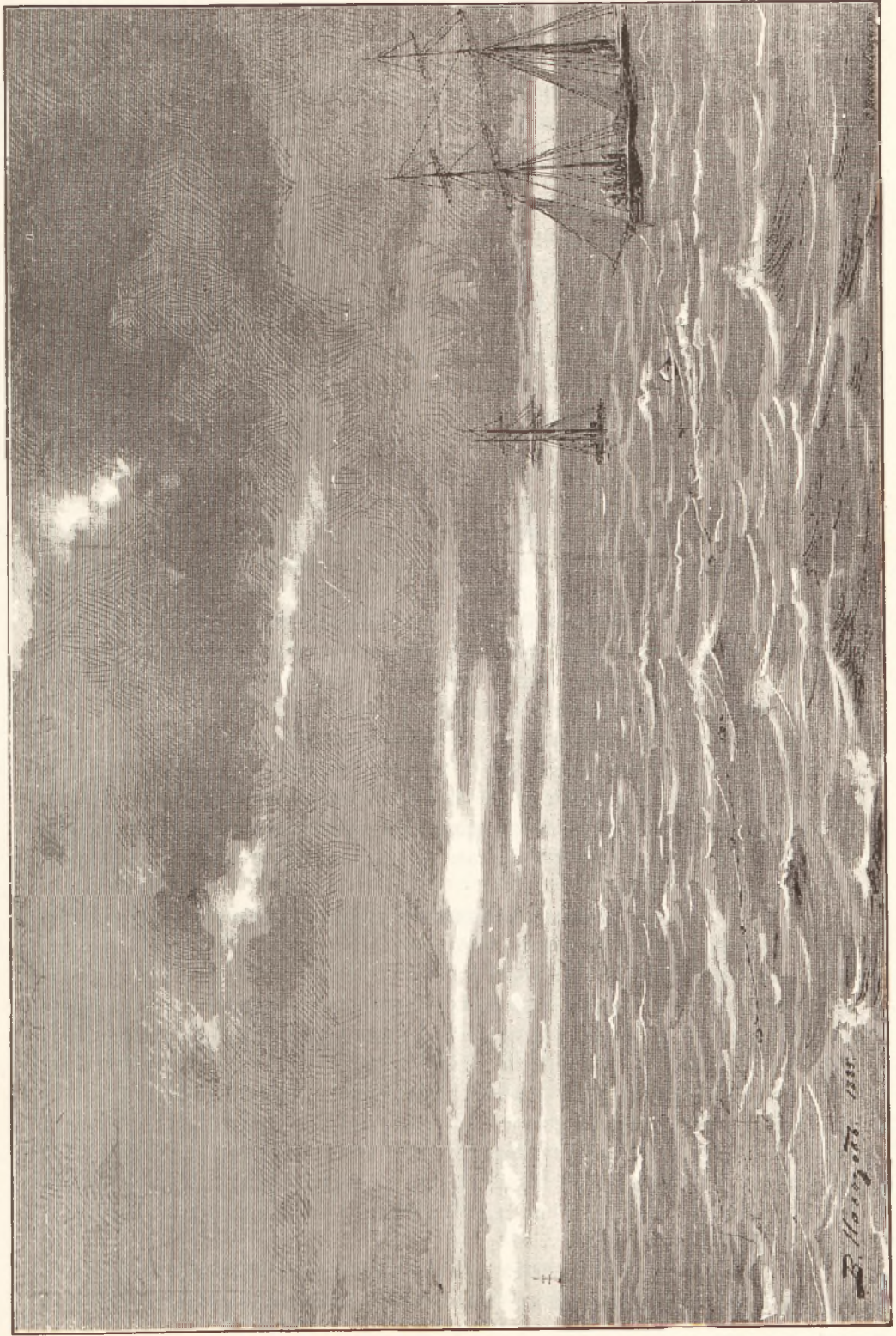
Главное орудіе лова трески—это такъ называемый «ярусъ», имѣющій верѣдко поистинѣ океанскіе размѣры, а именно до 12 верстъ длины. Ярусъ—это нѣчто въ родѣ хорошо извѣстныхъ нашимъ рыболовамъ - любителямъ переметовъ. Главная нить, направляющая яруса, — та именно, которая достигаетъ 12 верстъ длины; это пеньковая бечева, состоящая изъ «стоянокъ», отъ сорока до шестидесяти сажень длины каждая; если связать три стоянки, получится то, что называется «тюкомъ», въ 120 — 180 сажень длины. Для того, чтобы получить двѣнадцативерстную длину, требуется, слѣдовательно, около сорока тюковъ. Вдоль этихъ связанныхъ стоянокъ прикрѣплены, въ разстояніи 1½ сажени одна отъ другой, такъ называемыя «оростяги»,—тонкія, крученныя бечевки около двухъ аршинъ длины, и къ каждой изъ нихъ привязанъ крючокъ съ наживкою; на каждой стоянкѣ имѣется, слѣдовательно, около 100—120 крючковъ; на двѣнадцативерстномъ ярусѣ ихъ—отъ двѣнадцати до четырнадцати тысячъ.

Когда приготовленный ярусъ закинуть въ океанъ, то получается такая картина: на одномъ концѣ яруса плаваетъ на поверхности воды «кубасъ», или буюкъ; у каждаго изъ промышленниковъ для отличія имѣются свои особенныя значки; отъ кубаса вглубь океана идетъ бечева до двухсотъ сажень глубины, и на ней—якорь. Отъ этого кубаса вытягивается ярусъ по поверхности океана, мѣ-

стами поддерживаемый другими кубасами, поплавками, по направленію, избранному кормчимъ. Четырнадцать тысячъ крючковъ, наживленныхъ рыбкой мойвою, о которой, какъ о предметѣ очень важномъ, будетъ сказано вельдѣ за этимъ, или песчанкою, или червемъ, или, наконецъ, если нѣтъ лучшаго, кусками свѣжей трески, качаются въ водѣ одинъ подлѣ другого, на всемъ протяженіи яруса, ожидая прохода трески; на другомъ крайнемъ концѣ яруса—тоже якорь, тоже кубась, и къ нему-то привязывается сама шняка, въ которой послѣ долгаго труда засыпаютъ промышленники, выжидая время уборки яруса, то-есть около шести часовъ времени, чтѣ соответствуетъ одной полной водѣ; это время стоянки называется «лежей». Затѣмъ, слѣдуетъ уборка яруса и возвращеніе съ добычею домой. Въ непогоду, въ теченіе недѣли ярусъ можно выкинуть не болѣе двухъ разъ,—такъ тяжела эта работа.

Трудно себѣ вообразить все количество труда, умѣнья и смѣлости, которыя необходимы, чтобы произвести всю описанную операцію! Легко ли шнякѣ, имѣющей съ небольшимъ сажень ширины, наживить четырнадцать тысячъ крючковъ и выкинуть ярусъ такъ, чтобы онъ не перепутался крючками и каждая изъ оростягъ висѣла по назначенію! При этомъ необходимо принять во вниманіе почти вѣчное порывистое волненіе океана, мѣняющееся работать, весенній и осенній холодъ, обмораживающій и леденящій руки; необходимость такъ же бережно убрать ярусъ, какъ его ставили (иначе съ нимъ не распутаться)! Прибытіе къ становищу,—это начало новой работы: приведеніе въ порядокъ яруса и немедленная заготовка уловленной трески,—немедленная, потому что иначе вся она погибнетъ. А сколько случаевъ, что непогода помѣшаетъ кончить уловъ, что шквалъ сорветъ со стоянки шняку, что акулы, надкни до трески, пожрутъ часть улова или—чтѣ еще хуже—перепутаютъ, разрушатъ ярусъ.

Вторая работа, заготовка трески, по прибытіи на берегъ, очень кропотлива. Треска, только-что пойманная, рыба очень некрасивая, съ большою головою, большимъ прожорливымъ брюхомъ и какого-то зеленовато-чернаго, непривлекательнаго цвѣта; это—не тѣ изящные серебряные сиги, лососки и семги, которые уже по одному виду своему вкусны. Работа начинается съ того, что тяглецъ отрубаетъ рыбѣ голову, кормщикъ распластываетъ ее и разворачиваетъ, такъ что на одной сторонѣ ея остается хребетная кость, и вручаетъ внутренности наживочнику, который отдѣляетъ отъ нихъ самую дорогую часть—печень или «максу», матеріалъ, служащій для изготовленія извѣстнаго рыбьяго жира, а остальное кидается въ море. Еще недавно головы трески тоже выкидывались въ море; теперь собираютъ ихъ и сушатъ для продажи норвежцамъ, вырабатывающимъ изъ нихъ отличное гуано; головы эти составляютъ собственность покручниковъ и покупаются у нихъ хозяевами копѣекъ по двадцати за сотню; осенью, высушенные, онѣ продаются хозяевами норвежцамъ уже значительно дороже. Можетъ быть, время и добрые люди научатъ когда-нибудь поморы не выкидывать въ море полезныхъ внутренностей трески, тоже пригодныхъ на переработку въ отличное удобреніе. Еще недавно, какъ сказано, выкидывались головы трески; еще недавно на одномъ изъ двухъ нашихъ кито-

Стоянка шняки постъ постановки яруса.

бойныхъ заводовъ пользовались только китовымъ жиромъ, китовымъ усомъ и китовымъ ухомъ,—последнимъ для очень характерныхъ печельницъ,—а остальные части туловища кита, представляющія огромную цѣнность, бросали въ море. Это кажется невѣроятнымъ, но это—такъ.

Дальнѣйшая операція съ трескою, какъ она производится на Мурманѣ, тоже очень любопытна. Послѣ навѣски рыбы, произведенной для того, чтобы артели могли знать, кто сколько получаетъ, треску, сильно загрязнившуюся при этой навѣскѣ, необмытую, окровавленную, укладываютъ или подъ особые навѣсы, или прямо на судно, принимающее треску для дальнѣйшаго препровожденія; кладутъ ее обыкновенно рядами, одинъ поперекъ другому, и чуть-чуть просаливаютъ. Это «чуть-чуть» соли и сохраненіе въ распластанной трескѣ хребтовой кости, способствующей гніенію, обуславливаютъ низкую стоимость нашей русской трески на рынкѣ и общезвѣстный убійственный запахъ ея. Если скушость на соль еще имѣетъ какія-либо причины, довольно основательныя впрочемъ, а именно—недостатокъ ея, — недостатокъ, впрочемъ, легко устранимый, то сохраненіе хребтовой кости, — это полнѣйшій, вполне дѣтскій самообманъ промышленниковъ: хребтовая кость, правда, придаетъ трескѣ больше вѣсу, но зато понижаетъ ея стоимость несравненно больше. Помимо соленія трески, весьма дурного, какъ сказано, на Мурманѣ ее еще и сушатъ, вывѣшивая раздѣленную на-двое рыбу на длинныя жерди, такъ называемые «палтуха», лежащія на козлахъ, называемыхъ «елунцами». Въ Норвегіи въ большомъ ходу своеобразныя приготовленія трески, извѣстныя подъ именами «лабардана», «штокфиша», и др., имѣющія хорошій сбытъ; но нашъ Мурманъ предпочитаетъ оставаться при завѣщанной предками простотѣ прежняго времени.

Когда вельботъ подошелъ къ песчаной косѣ, на которой расположено поселеніе, на берегу виднѣлись далеко кругомъ палтуха и елунцы; были вытянуты по колямъ и разостланы по песку различныя сѣти; возлѣ невысокихъ избенокъ вдоль изгородей, подъ крышами, на крышахъ виднѣлась треска; ярко, ярко обозначался на сѣромъ фонѣ обнаженныхъ скалъ бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ надъ больницею.

Сойдя на берегъ, путешественники направились прямо въ церковь; это нѣчто въ родѣ выбѣленной избы, и въ ней небольшая комната съ сѣнями; иконостасъ очень малъ и бѣденъ, и на немъ едва ли найдется десятокъ образовъ; маленькій куполь-колокольня отличаетъ церковь въ длинномъ ряду сѣренихъ, низенькихъ избъ, разбросанныхъ по пескамъ, стчасти обросшихъ травою. Церковь построена немного поодаль отъ жилыхъ строеній; направляясь къ ней, приходилось то и дѣло цѣпляться за разостланныя по песку сѣти, что для людей непривычныхъ было особенно неудобно. Такъ какъ Терпберка густо населяется лѣтомъ, а зимуетъ въ ней только нѣсколько семействъ, то и священникъ пріѣзжаетъ сюда исключительно на лѣтніе мѣсяцы. Едва ли будетъ ошибкою сказать, что изъ всѣхъ православныхъ храмовъ Россіи эта церковь—самая бѣдная, самая сиротная.

Изъ церкви путешественники прошли въ больницу. Еще недавно на всемъ Мурманѣ медицинской помощи не было никакой, если не считать двухъ-трехъ

фельдшеровъ, терявшихся со своими великими научными познаніями въ безконечныхъ пространствахъ побережья! До 1860 года не командировали даже и фельдшеровъ; въ 1883 году впервые выработаны и утверждены главнымъ управленіемъ общества Краснаго Креста проектъ устройства временныхъ, подвижныхъ лазаретовъ и приѣмныхъ покоевъ архангельскаго общества Краснаго Креста на Мурманскомъ берегу. Больница не велика, но устроена чисто; при ней находятся двѣ сестры Холмогорскаго женскаго монастыря; больныхъ оказалось только пять человѣкъ. Всѣхъ временныхъ больницъ въ настоящее время на Мурманѣ четыре: Териберка, Цыпь-Наволокъ, Семь-Острововъ и Киберка.

Въ Териберкѣ скопляется народа больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Лѣтомъ 1884 года собралось тутъ 460 человѣкъ, изъ нихъ 175 зуйковъ; въ числѣ послѣднихъ нѣсколько женщинъ, не желающихъ покидать своихъ мужей. Ловятъ эти люди на 141 суднѣ, и становъ у нихъ двадцать; постоянно живутъ здѣсь пятьдесятъ восемь человѣкъ русскихъ колонистовъ, или тринадцать семействъ; они имѣютъ одиннадцать жилыхъ строеній, рогатаго скота три головы, овецъ двадцать, оленей, пасущихся зимой по сосѣдству, а лѣтомъ уходящихъ дальше,—тридцать головъ. Кромѣ тресковаго промысла, тутъ ловятъ въ заливахъ и губѣ семгу и пользуются половиною семужныхъ угодій по рѣкѣ Териберкѣ; другая половина принадлежитъ лопарямъ Кильдинскаго погоста. По рѣкѣ имѣется вдоволь и сѣна, и дровъ; попадаются и пушные звѣри.

Териберка замѣчательна тѣмъ, что это одновременно факторія, колонія и становище. Факторіями называютъ по Мурману мѣста, въ которыхъ имѣется какая-либо торговля, главнымъ образомъ, рыболовными принадлежностями и припасами; колоніями—постоянныя, осѣдлыя поселенія, пользующіяся нѣкоторыми, закономъ опредѣленными, льготами, и, наконецъ, становищами—мѣста причаловъ и лѣтнихъ поселеній промышленниковъ, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ. Въ Териберкѣ—только двѣ факторіи; торговые обороты териберскихъ фактористовъ достаточно велики: одного—до 17.000 рублей, другого—до 60.000 рублей.

Осмотръ Териберки представлялъ высокій интересъ. Путешественники находились все время въ атмосферѣ, насыщенной запахомъ трески, цѣплялись за сѣти; длинными гирляндами висѣли повсюду тресковыя головы, треска, визига; зуйки—будущіе поморы—шмыгали подъ ногами самымъ развязнымъ образомъ. Нельзя было не обратить вниманія на грязь тѣхъ чановъ, въ которыхъ хранится дорогой тресковый жиръ. Эта грязь—причина того, что петербургскіе дрогисты платятъ за пудъ норвежскаго жира, чистаго, свѣтлаго, до тридцати рублей; за нашъ же родной Мурманскій—только восемь рублей. Чтò теряется на одной этой грязи, — и сообразить трудно. У обоихъ фактористовъ Териберки имѣется по одному заводу съ паровыми машинами для приготовления рыбьяго жира.

Годовой уловъ трески по Мурманскому берегу весьма неодинаковъ и достигаетъ въ среднемъ 600.000 пудовъ; легко могло бы быть вдесятеро больше; на Маргаритинской ярмаркѣ, въ Архангельскѣ, треска идетъ соленая до 1 рубля 50 копѣекъ за пудъ, сушеная—около четырехъ рублей. Обидно сознать, что

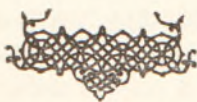
на этой же ярмаркѣ норвежской трески продается нерѣдко до 860.000 пудовъ, нашей только 250.000; а между тѣмъ не надо забывать, что наши сѣверныя губерніи живутъ трескою, замѣняющею хлѣбъ. Специфическій запахъ трески въ крестьянскихъ домахъ начинаетъ преслѣдовать путника чуть ли не отъ сліянія Сухоны съ Югомъ; линія его распространенія очень точно опредѣляется линіею недозрѣванія ржи; весьма значителенъ сбытъ трески въ Петербургъ, Москву, на Поволожье; но вездѣ, рѣшительно вездѣ предшествуетъ нашей— норвежская треска. Трудно представить себѣ, до чего вкусна треска свѣжая; она не выдерживаетъ, впрочемъ, и нѣсколькихъ часовъ пути, но способна въ рукахъ хорошаго повара дать тончайшія гастрономическія блюда.

Кромѣ добычи ярусами, треска добывается поморами и на «поддевѣ»— на удочку. Этотъ способъ улова составляетъ немаловажную статью заработка на побережьи, во многихъ мѣстахъ единственную, тоже очень прибыльную и не зависящую отъ погоды и даже отъ времени года. Но нельзя не остановиться въ заключеніе очерка трескового промысла, составляющаго, безспорно, крупнѣйшую хозяйственную отрасль нашего Поморья, крупнѣйшую на ряду съ такими крупными промыслами, какъ китобойный, сельдяной, семужій и звѣринный, на возникшемъ въ недавнее время обществѣ «Рыбакъ», имѣющемъ въ виду исключительно тресковый промыселъ. Общество это избрало средоточіемъ своей дѣятельности факторію въ корабельной бухтѣ, и еще до 1882 года введены имъ въ мурманскій промыселъ двѣ существенныя новинки: «морозники»— для сохраненія мойвы—и «кошельковый неводъ»—для ея ловли, успѣшно замѣняющій не особенно пригодныя въ данной случаѣ простые неводы.

Рыбешка «мойва», весьма схожая съ крупною корюшкою или небольшою сельдью,—рыбешка, названіе которой въ нашихъ столицахъ даже неизвѣстно—составляетъ, такъ сказать, основаніе главныхъ промысловъ нашего Поморья. Если, какъ было сказано, линіею недозрѣванія ржи опредѣляется линія распространенія по Россіи трески, какъ главнаго предмета пищи, то движеніемъ, передвиженіемъ и количествомъ мойвы опредѣляется весь заработокъ помора. Нѣтъ мойвы—нѣтъ улова; гдѣ мойва—тамъ и треска, и китъ, и многіе другіе изъ вкусныхъ или доходныхъ обитателей океана; всѣ остальные наживки—только подсобляющія, въ мойвѣ—вся суть. Отъ давнихъ временъ существовали такъ называемыя «мойвенныя» артели, на обязанности которыхъ лежало и лежитъ ловить исключительно ее, и только тогда, когда артели эти завершили свое дѣло, покручники могутъ выѣзжать на промыслы. Есть излюбленныя мойвою мѣста и извѣстны особенно богатые ею мѣсяцы. Но наловить ее еще не значитъ сохранить и обезпечить себя ею на все лѣто. Въ числѣ многихъ чудесъ Земли Русской встрѣчается здѣсь чудо совершенно поразительное: тамъ, гдѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ можно вволю гулять по снѣгу, нѣтъ и не было никогда «морозниковъ», ледниковъ для сохраненія безусловно необходимой мойвы! Къ описываемому времени посѣщенія Териберки мѣстные промышленники уже не имѣли мойвы и должны были ограничиваться песчанкою. Возникшее общество «Рыбакъ» уже получило извѣстную долю пользы отъ продажи мороженой мойвы нашимъ поморамъ. Это—одно изъ нововведеній «Рыбака», но есть и другое. Дѣло въ

томъ, что общество это построило и пользуется американскою промысловою шхуною. Шхуна эта—что весьма важно,—такъ велика, что она одновременно служить и жилищемъ поморовъ, и промысловымъ судномъ, и складомъ для пойманной рыбы; при шхунѣ имѣется шесть плоскодонныхъ лодокъ, такъ называемыхъ «дорій»; на ней есть морозникъ для храненія мойвы. Шхуна совершенно свободна въ своихъ движеніяхъ. Она можетъ, въ случаѣ надобности, направиться къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ густыя тресковые юры; здѣсь спускаетъ она свои лодки, съ которыхъ по радіусамъ отъ шхуны и производится ловъ; одинъ человекъ гребетъ, другой выпускаетъ небольшой хорошо осмоленный и навернутый на кадушку ярусъ. Въ случаѣ непогоды, шхуна подбираетъ лодки; при передвиженіи тресковыхъ юровъ она ихъ преслѣдуетъ; ей не зачѣмъ возвращаться къ берегу, какъ нашей поморской шнякѣ, не поднимающей болѣе двухсотъ пудовъ наловленной рыбы. Само собою разумѣется, что постройка такого рыболовнаго судна требуетъ значительной затраты капитала; но и между хозяевами шнякѣ есть люди состоятельные, и работать вскладчину для русскаго промышленника—дѣло не диковинное. Примѣръ показанъ обществомъ «Рыбакъ». Что же касается устройства на Мурманѣ «морозниковъ», то это дѣло до такой степени простое, наглядное, необходимое, что несуществованіе ихъ должно быть отнесено къ чудесамъ Земли Русской, о которыхъ и любопытно, и чрезвычайно полезно иногда поговорить. Общество «Рыбакъ», еще до времени прибытія путешественниковъ, отправило въ Петербургъ свой пароходъ «Мурманъ» съ наловленною трескою. У него имѣлись двѣ промысловыя яхты, американская и шведская, и пароходикъ «Мойва», назначенный для храненія и продажи лѣтомъ замороженной наживки.

Выше упоминалось о недостаткѣ соли,—недостаткѣ, который чувствуется по всему нашему Поморью; это явленіе—довольно странное. По имѣющимся свѣдѣніямъ, еще въ началѣ текущаго столѣтія въ Архангельской губерніи добывалось до 200.000 пудовъ соли; она была недоброкачественна, и это обусловило то, что въ настоящее время на Мурманъ привозятъ иностранной соли до 300.000 пудовъ, и прежде всего страдаютъ отъ этого бѣднѣйшіе поморы. Между тѣмъ, по официальному изслѣдованію Пеннокскихъ соляныхъ источниковъ и мѣстныхъ варницъ, оказывается, что все дѣло въ простомъ улучшеніи техники работы; о немъ не заботятся; наша соль не улучшается и волей-неволей уступаетъ мѣсто иностранной. Если успѣшно пойдутъ дѣла общества «Рыбакъ», такъ это именно потому, что оно занялось улучшеніемъ техники лова; то же—и съ солью: стоитъ улучшить варницы, не пожалѣвъ средствъ, и тогда солеварамъ не придется возлагать надежды только на то, что Правительство избавитъ нашу соль отъ иностранной конкуренціи возвышеніемъ пошлины. Въ настоящее время, добыча на нашемъ Сѣверѣ соли не превышаетъ 50.000 пудовъ.

Отъ Териберки къ Арѣ губѣ.

Видъ Мурмана въ солнечный день. Западная часть его. Характеръ скаль. Гольфстремъ. Островъ Кильдинъ. Миръ перчатыхъ. Охотничьи рассказы. Иностранцы. Прибытіе къ штобойному заводу.

Юня 21-го былъ яркій, горячій день. Около восьми часовъ утра, снявшись съ якоря, крейсеръ покинулъ Териберскую бухту. По выходѣ въ океанъ, онъ взялъ курсъ на западъ, къ границѣ Норвегій, въ обходъ острова Кильдина, направляясь къ самому сѣверному, къ самому далекому пункту плаванія—къ Арской губѣ, такъ что Кола, въ который онъ заѣдетъ на обратномъ пути, самый сѣверный городъ Россіи, останется къ югу слишкомъ на полъ-градуса широты. Вѣтра нѣтъ почти никакого, но зыбь все-таки велика; куда дѣвался и темень, и туманъ, и могучіе порывы шторма; кажется, имъ и мѣста не могло быть въ этой безупречной лазури неба, надъ свѣтящеюся волною океана, надъ розовыми очертаніями мурманскихъ скаль. Можно ли было предпологать, что эти изможденныя скалы тоже умѣютъ быть розовыми?

А Ледовитый океанъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ обладаетъ богатыми красками; разрѣзываемая пароходомъ вода—цвѣта зеленого, выступающаго съ особенною яркостью, благодаря безусловной бѣлизнѣ льды, разстилающейся по ней кружевомъ; дальше, тамъ, гдѣ, повидимому, волнъ больше, гдѣ онѣ нестрять своими несчетными гребнями, кажущимися за далью малыми гребешками, и, наконецъ, исчезаютъ,—искрящаяся зелень переходитъ въ глубокую синь, въ сильнѣйшій аквамаринъ. На самомъ горизонтѣ, на сѣверѣ, этотъ аквамаринъ сгущается въ одну могучую бархатную черту, проведенную гигантскою рукою живописца, какъ бы сказавшаго этимъ: «тутъ небо, тутъ водное пространство,—никогда имъ не смѣшиваться!» и голубое небо, какъ оно ни лазурно, не пере-

ходитъ завѣтной бархатной черты глубочайшей сини водной пучины, способной, какъ люди, на страсти, на страданія и на великія радости.

Хотя вѣтра не было почти никакого, но зыбь въ океанѣ, какъ сказано выше, ходила отнюдь не слабѣе вчерашней. Не скоро улегаются взводни Ледовитаго океана; цѣлыми днями делятся они, когда причина ихъ—вѣтеръ—давно уже прекратилась. Та же самая вышина волнъ, то же почти широкое раскачиваніе судна, только не льется вода черезъ бортъ, не клубится она въ инпигаты; и если злобствовали волны вчера, сегодня онѣ только заигрываютъ, такъ, да не совсѣмъ такъ: вчера все было пасмурно, сыро, сѣро, все рокотало, свистѣло, было холодно; сегодня все лазурно, волна ласкаетъ своимъ шумомъ, не пробуравливаемая вихрями, и солнце ярко, и замъ тепло.

А берегъ? Мурманскій берегъ? Онъ былъ весь впереди, вытянутой въ безконечность въ самой живописной его части. Если про какія-либо скалы въ мірѣ можно сказать, что онѣ похожи на остовы, скелеты, такъ это именно—о Мурманѣ. Онѣ, эти скалы, въ очертаніяхъ своихъ костлявы и жилисты, и жили эти какъ-будто служили когда-то путями какой-то жизни и остались слѣдами погасшихъ геологическихъ процессовъ отъ тѣхъ дней, когда камни еще двигались и совершали свои странствія. Берегъ, иззубренный, продырявленный, выдвинутый со дна океана, съ великой глубины, совершенно обнаженъ; граниты и гнейсы—оголенные; при колоссальныхъ размѣрахъ пейзажа, ни во что нейдутъ, конечно, всякіе мхи, обильно и цѣлко растущіе повсюду, равно какъ чрезвычайно миловидная розовыми цвѣточками своимъ мелкая вороница и, наконецъ, березка-лилипутъ, березка-карлица, стланецъ, предпочитающая стлаться по землѣ, поблескивая своимъ густозелеными, крѣпкими листиками, въ серебряный гривенникъ величиною. Последняя представительница на Сѣверѣ нашихъ листованныхъ лѣсовъ, березка, съжившись и мельчая, все-таки не покидаетъ здѣсь родной земли, гнется къ ней, лобызается, довольствуется тѣмъ, что дастъ ей эта тощая земля, а дать она ей очень мало, и то только въ теченіе короткаго, двухмѣсячнаго лѣта.

Обращенный въ сторону океана, Мурманскій берегъ, начиная отъ Святаго Носа до норвежской границы, т.-е. на всемъ его тысячевеерстномъ протяженіи, представляетъ весьма разнообразную поверхность: она постепенно возвышается по мѣрѣ приближенія къ норвежской границѣ. Скалы Терскаго берега, Святаго Носа, Семи Острововъ, Оленьяго, Териберки не превышаютъ 400 футовъ; очертанія этихъ береговъ въ высшей степени однообразны, большихъ заливовъ нѣтъ; начиная отъ Териберки, скалы вырастаютъ, достигаютъ 700 футовъ, и берега изрѣзываются глубокими бухтами; множество острововъ, съ ихъ разнообразными очертаніями, дробить на многіе планы неподвижный, утомительный видъ Мурмана и образуетъ множество глубоко-художественныхъ эффектовъ. Это—съ художественной стороны, но и со всякихъ другихъ сторонъ западная часть Мурманскаго побережья является и характерною, и достойною серьезнаго вниманія.

Гольфстремъ — теплое теченіе, опоясывающее наше полушаріе, направляется, какъ извѣстно, къ западнымъ берегамъ Норвегіи, въ ея фіорды; онъ

заходятъ прямо въ нихъ и обусловливаетъ мягкость температуры и развитіе рыбнаго промысла, которыя служатъ главнѣйшею основою существованія всего Норвежскаго побережья. Что тамъ все это процвѣтаетъ, что къ услугамъ рыбаковъ имѣются телеграфы и телефоны, срочныя пароходства и удобства сбыта,—причина этого кроется, конечно, не въ одномъ только благодѣтельномъ, оживотворяющемъ гольфстремѣ, такъ какъ онъ касается и Россіи и приноситъ и ей свою обильную ленту. Облагодѣтельствовавъ норвежскіе фіорды, онъ отталкивается ими, огибаетъ Норвегію и направляется прямо на нашъ Рыбачій полуостровъ; отсюда, полосою въ полтораста миль ширины, идетъ онъ сперва къ юго-востоку, затѣмъ, къ востоку и, наконецъ, отклоняется на востоко-сѣверо-востокъ, постепенно удаляясь отъ нашихъ береговъ и уже у Святаго Носа находится въ одномъ градусѣ разстоянія по прямому пути на Новую Землю. Вся причина обилія трески, сельди и идущихъ за ними крупныхъ представителей морской фауны — китовъ, акулъ, и др., кроется исключительно въ этомъ тепломъ теченіи, отчасти касающемся и Россіи; отъ него же зависитъ и незамерзаніе многихъ нашихъ сѣверныхъ бухтъ въ глубокую зиму, когда и Нева и Волга скованы льдами; оно же, одновременно съ бурливымъ характеромъ Сѣвернаго океана, обусловливаетъ и то, что берега океана мѣстами не замерзаютъ совершенно или замерзаютъ узкою полоскою версты на тридцать, временно, при чемъ этотъ «припай» льдовъ, не успѣвъ образоваться, уже ломается и разнесится по сторонамъ, унося съ собою зачастую промышленниковъ, ушедшихъ на «наледный промыселъ».

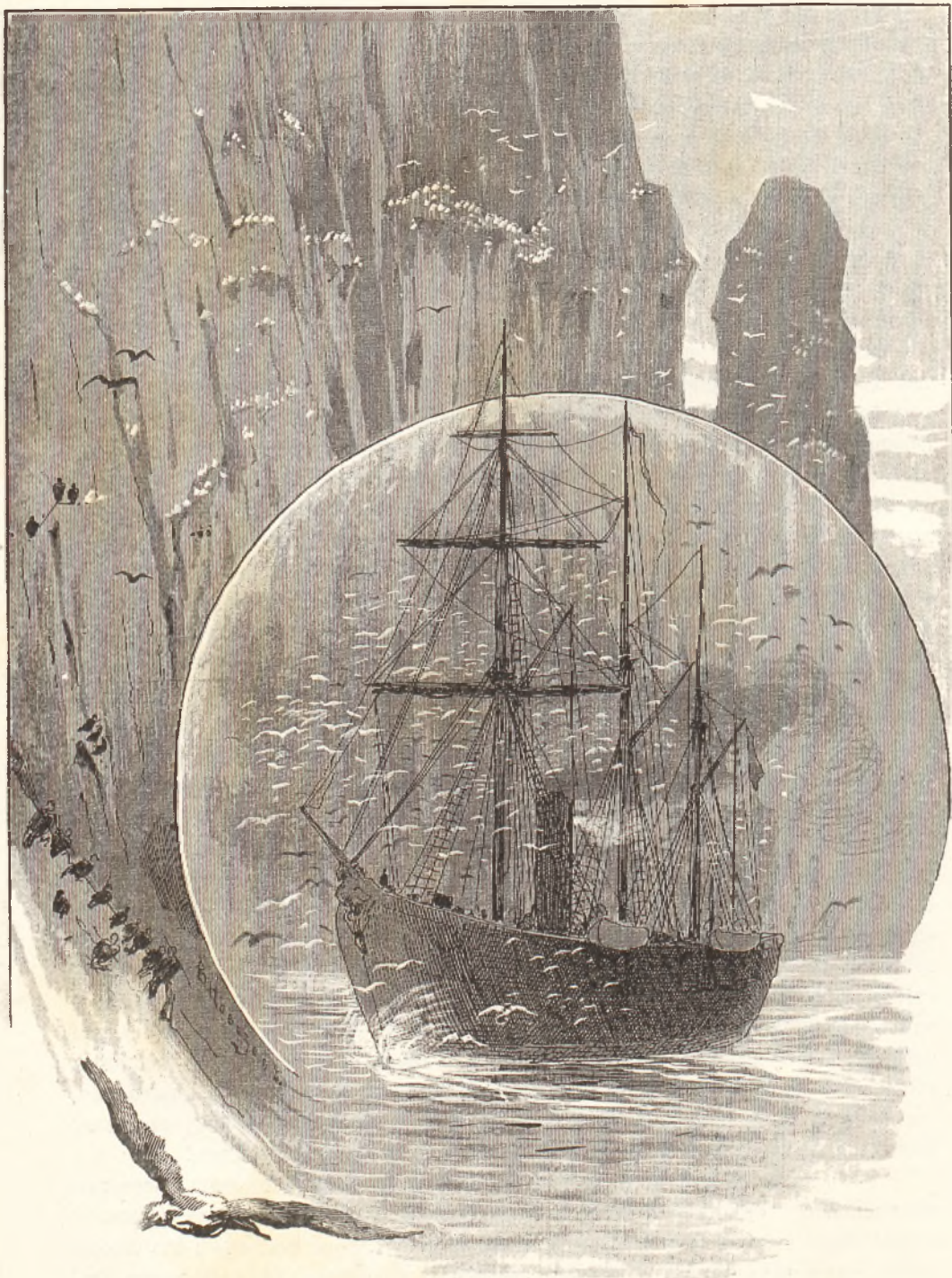
Рыбачій полуостровъ, почти-что омываемый гольфстремомъ,—самое бойкое мѣсто нашего западнаго Мурмана, служитъ центромъ весенняго лова, и къ нему-то чрезъ Колу и другими путями идутъ со всѣхъ сторонъ тѣ наши промышленники, о мартовскихъ походахъ которыхъ сказано было выше. Тутъ же, въ этихъ мѣстахъ Мурманскаго побережья, еще со времени новгородцевъ, широко занималась жизнь; сюда заглянулъ, образовывая китобойное дѣло, Петръ Великій; здѣсь существуетъ Екатерининская гавань, въ которой зимовалъ когда-то нашъ военный флотъ; здѣсь же, наконецъ, въ послѣднюю четверть вѣка, когда поднялись первые голоса въ пользу нашего забытаго Сѣвера, сказалась первая попытка его оживленія и эксплуатаціи; тутъ въ настоящее время скопляется весь промышленный Мурманъ, и, наконецъ, въ будущемъ — вѣроятно нигдѣ, какъ тутъ — должны мы стать твердою военною ногою. Обидно видѣть на картѣ, изданной гидрографическимъ департаментомъ, что, какъ-разъ подлѣ этихъ мѣсть, на самомъ сѣверномъ пунктѣ Норвегіи, открытая со всѣхъ сторонъ вѣзмъ вѣтрамъ, обозначена лучистою звѣздочкою крѣпостца Вардэ-Хусъ; она словно зарится на нашъ Рыбачій полуостровъ.

По мѣрѣ движенія «Забіяки» на западъ, по мѣрѣ того, какъ въ полной солнечной ясности танулись предъ глазами разныя очертанія скалъ надъ глубокою зеленою океана, картины становились все привлекательнѣе—не жизнью людскою, которой здѣсь все-таки очень мало, но возможностью такой жизни въ будущемъ. Примѣръ маленькой Норвегіи у всѣхъ на глазахъ: сѣверъ ея оживился только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Крейсеру пришлось выйти въ открытый океанъ довольно далеко или, какъ говорятъ поморы, «въ голомя», въ открытое море, для того, чтобы обогнуть самый характерный, въ геологическомъ отношеніи, островъ Кильдинъ. Мало на Мурманѣ такихъ выдѣляющихся своею конфигураціею мѣстъ, какъ Кильдинъ. Онъ виденъ за много, много миль, какъ съ востока, такъ и съ запада. Если смотрѣть на него съ моря во всю его длину, составляющую девять миль, онъ представляется совершенно отвѣсною, со всѣхъ сторонъ обрубленною и обнаженною скалою въ 600—650 футовъ вышины; только снизу будто присыпанъ къ нему песокъ, чтобы скала не качалась. Тутъ, въ этомъ вышнемъ видѣ острова Кильдина, все—обманъ. Во-первыхъ, это—не скала, а хрупкіе сланцы первозданныхъ породъ, песокъ, если угодно; всѣ острова, весь матерой берегъ начиная отъ Вѣлаго моря, все это—гранитъ; по словамъ геолога Иностранцева, острова Вѣлаго моря гнейсовые, а вотъ именно Кильдинъ почему-то составилъ изъ хрупкихъ сланцевъ и принялъ неуклюжую, столообразную форму. Другой обманъ — это пустынность Кильдина. Съ сѣвера, съ моря, онъ дѣйствительно совершенно обнаженъ,—даже и мховъ на немъ не замѣтно; но съ юга, тамъ, гдѣ отдѣляется онъ отъ матерой земли узкимъ проливомъ, отъ 350 сажень до трехъ верстъ ширины, онъ представляетъ рядъ террасъ, возвышающихся амфитеатромъ и густо поросшихъ богатою зеленью. Это южная сторона Кильдина; она совсѣмъ защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ; есть здѣсь и прѣсная вода, сбѣгающая изъ находящагося на столовой поверхности острова озера, есть и поселеніе, и имѣются олени.

Было около полудня, когда, обогнувъ Кильдинъ, судно начало сворачивать къ юго-западу, направляясь къ губѣ Ара. Отсюда видъ становился очень красивъ, потому что впереди изъ волнъ океана возникла въ полной цѣльности одною своею стороною вся главная, животрепещущая западная часть Мурмана. Впереди, далеко впереди видѣлся очень ясно, даже съ деталями скалъ и ихъ очертаній, Рыбачій полуостровъ, находившійся миляхъ въ тридцати. Въ сіяніи полуденнаго солнца надъ глубокою синью моря полуостровъ этотъ, состоящій изъ темныхъ шиферовъ, казался весь розовымъ съ сильными полосами бѣлыхъ снѣговъ, залегавшихъ на немъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Онъ казался островомъ, потому что Мотовскій заливъ какъ бы отрѣзывалъ его отъ материка совершенно. Влѣво отъ парохода, на такомъ же разстояніи, нарушая собою монотонность линій береговыхъ скалъ, обозначались одинъ подлѣ другого входы въ бухты Уру и Ару; судно направлялось къ послѣдней, самой дальней. Скалы, обрамляющія оба входа, освѣщаемыя солнцемъ сбоку, очень красиво отбѣивались. По мѣрѣ приближенія къ нимъ, нагота ихъ становилась совершенно наглядною, и могучія волны буруна злобно ударяли въ нихъ, вытягивая вдоль береговъ длинную ленту звѣздившейся пѣны.

Если вчера, входя въ Териберку, крейсеръ двигался осторожно,—сегодня не уменьшалъ онъ хода, увѣренно направляясь къ проливу. Онъ держался болѣе лѣвой стороны; справа, на низенькіе Арскіе острова, состоящіе изъ огромныхъ гранитныхъ глыбъ, океанская зыбъ налегала неимоვნю сильнымъ бурномъ. Въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ синне-зеленныя волны взлетали на острый

Входъ судна въ губу Ару. Толстикъ.

мысокъ ближайшаго, совершенно открытаго сѣверо-восточному вѣтру островка. Тутъ уже не одною только бѣлою полосою, а нѣсколькими параллельными, газорванными полосами видѣлась пѣна прибоя, вздымаемая безконечно возобновлявшеюся волною. Полосъ этой бѣлой пѣны было много; дальнѣйшія отъ берега, старѣйшія, покачивались будто мертвыя, отжившія, и исчезали. И трескъ, и стонъ неслись отъ этой могучей толчеи, и «Забіяка» очень благо-разумно держался отъ нея возможно далеко, ближе къ лѣвому берегу.

Эта лѣвая сторона представляла изъ себя нѣчто совершенно противоположное. Тутъ поднимались совершенно отвѣсныя, высокія скалы, такъ называемый Толстикъ; въ могучую, накренившуюся темную щель, наполненную осколками попадавшихъ въ нее камней, скрывался прыгавшій съ вершины водопадъ, слѣдъ вчерашняго дождя. На всѣхъ выступахъ Толстика, по всѣмъ острымъ кронштейнамъ и фантастическимъ карнизамъ, на мягкихъ подушечкахъ мховъ, будто на диванчикахъ, высоко, высоко, подъ самый верхній край скалы возсѣдала въ огромномъ количествѣ морская птица. При приближеніи судна, съ мѣсто слетали немногія; но когда пароходъ, чтобы оповѣстить о своемъ приходѣ лежащій въ глубокой бухтѣ китобойный заводъ, далъ свой басистый свистокъ волжскаго пошиба, большинство птицъ шарахнулось со своихъ сидѣній и пустилось въ летъ. Однѣ изъ нихъ улетали опроретью, чуть не касаясь трубы и мачты парохода, въ сторону; другія тотчасъ же возвращались, покружившись тревожно и немного: должно быть, это были матери.

Мірѣ пернатыхъ по нашему сѣверному Поморью очень богатъ. Чаекъ тутъ больше всего, затѣмъ слѣдуютъ утки. Цѣннѣе всѣхъ, безспорно, гага, *Somateria mollissima*, сохраненіе яицъ которой въ Норвегіи вызвало самыя строгіе охранительныя законы; послѣднихъ, къ сожалѣнію, въ Россіи не имѣется, и бѣдная гага, которой очень нравились когда-то наши бухты и заливчики, почти покинула ихъ, почти перевелась; за полученіемъ гагачьяго жира русскимъ приходится теперь обращаться къ Норвегіи. Характерна изъ здѣшнихъ птицъ кайра, съ бѣлою грудью и черною спиною, съ ногами, поставленными далеко назадъ; кайра высиживаетъ одно только яйцо, синее, испещренное какъ будто еврейскими буквами. Очень малъ и юрокъ черненькій съ краснымъ носикомъ и лапками чистикъ; крупень и важень черный бакланъ, обладающій зобомъ, схожимъ съ тѣмъ, что отличаетъ пеликана; очень велики нѣкоторые виды морскихъ орловъ. Чаекъ, какъ сказано, больше другихъ: *Larus marinus*, *L. argentatus*, *L. tridactylis*, *L. canus*—чайка-буревѣстникъ; очень характерна *Lestris parasitiens*—разбойница, ворующая рыбъ, уже схваченныхъ другою птицею; камнешворка, *Streptopelia interpres*, ворочающая камешки для добычи червяковъ; слѣдуютъ морскія ласточки, морскія сороки, морскіе кулики, гагары, глупыши и т. д. Сычей и совѣ достаточно; дикіе возгласы ихъ по ночамъ и раскатывающееся эхо пугаютъ поморовъ, и тогда говорится, что «лѣшій вторьемъ морочить». Это—цѣлый особенный міръ пернатыхъ, все больше бѣлыхъ, сѣрыхъ и черныхъ, но почти у всѣхъ изъ нихъ есть какія-либо яркія отмѣтины: красный клювъ, клокъ ярко-синихъ перьевъ, пятно на лбу или на груди, напоминающія о другихъ, болѣе счастливыхъ странахъ красокъ и свѣта.

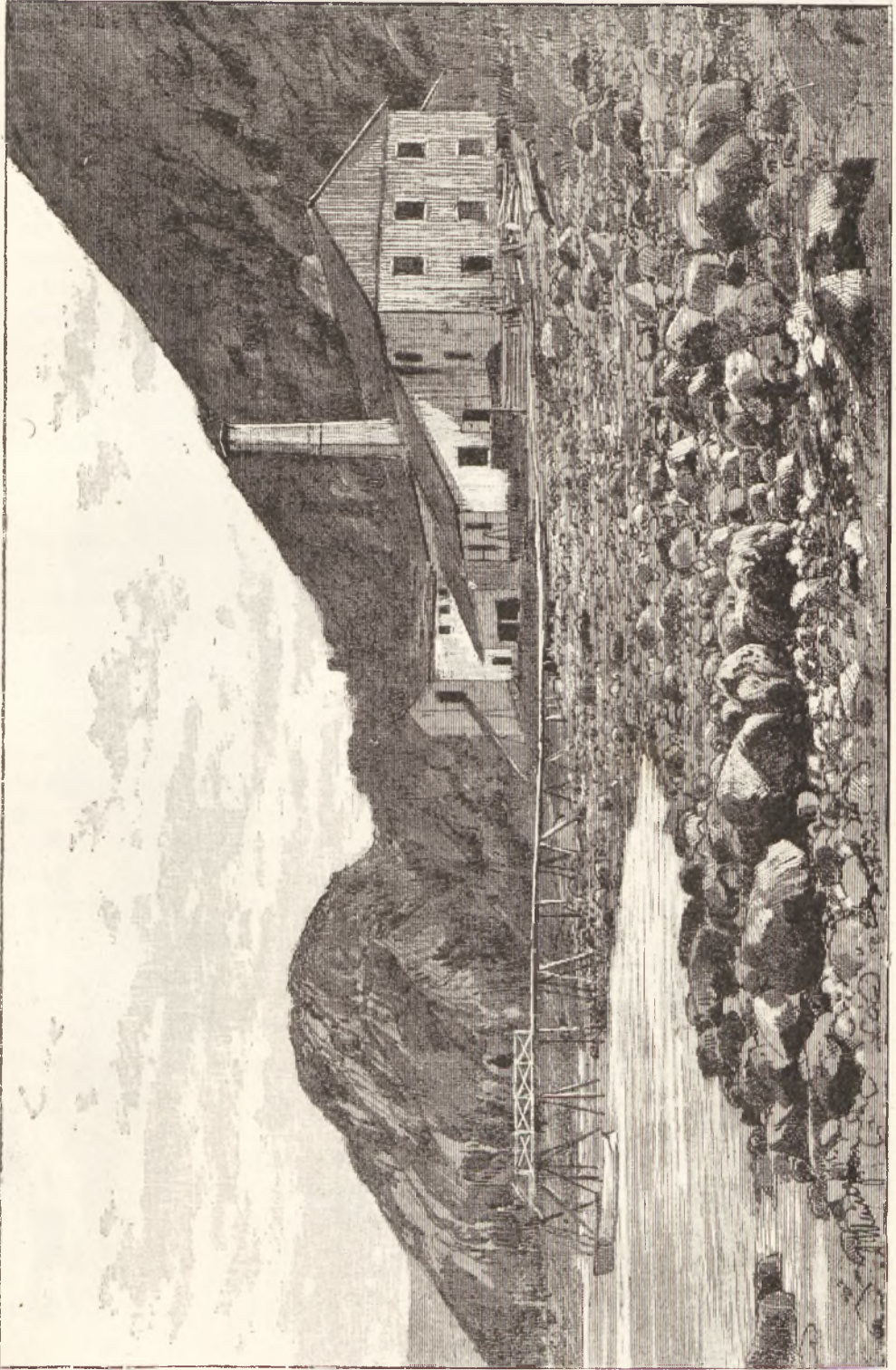
Какія именно изъ этихъ птицъ, испугнутыя свисткомъ парохода, кружились надъ головами,—сказать невозможно: во-первыхъ, потому, что ихъ было слишкомъ много, а во-вторыхъ—потому, что судно продолжало идти полнымъ ходомъ, не стѣняясь птицами, направляясь къ китобойному заводу. «Лотовый на лотъ!» слышались командныя слова, и пароходъ пошелъ самымъ тихимъ ходомъ: слѣдовали промѣры. Заводъ открылся вправо. Онъ построенъ вокругъ небольшой бухты, совершенно закрытой отъ всякихъ вѣтровъ, но очень маленькой. Можно было вволю налюбоваться дѣйствительно красивымъ видомъ на это еще такъ недавно возникшее поселеніе, потому что судно едва двигалось. Вправо, на скалистомъ отдѣльномъ холмѣ, стоялъ двухъэтажный домъ управляющаго заводомъ; прямо противъ моря поднимались деревянныя постройки завода, размѣстившіяся у подножія скалъ; передъ ними, частью въ водѣ, на дощатой покатоности лежали два убитыхъ кита: большой—синій и малый—полосатикъ. Темныя исполинскія туловища ихъ блестяли на солнцѣ будто лакированныя; темныя крутыя полосы бороздили тѣла. Съ вершины скалы, поверхъ завода, сползалъ небольшой водопадикъ, бѣгущій отъ двухъ небольшихъ расположенныхъ на горѣ озеръ; онъ будто плакалъ о судьбѣ водяныхъ гигантовъ, привлеченныхъ въ эту маленькую бухточку и ожидавшихъ терпѣливо и безмолвно своего распластанія, и спускался къ нимъ по острымъ уступамъ скалы.

На самой бухтѣ, расцвѣченныя флагами, слегка покачивались пять китобойныхъ пароходовъ, принадлежащихъ двумъ компаніямъ: той, заводъ которой посѣтило судно, и другой, имѣющей свой центръ въ Еретикахъ, который предстояло посѣтить на слѣдующій день. На носахъ пароходовъ виднѣлись небольшія толстенныя пушки, которыми стрѣляютъ китовъ; на мачтѣ одного изъ нихъ висѣла плетеная корзина, изъ которой, какъ съ вышки, высматриваютъ кита.

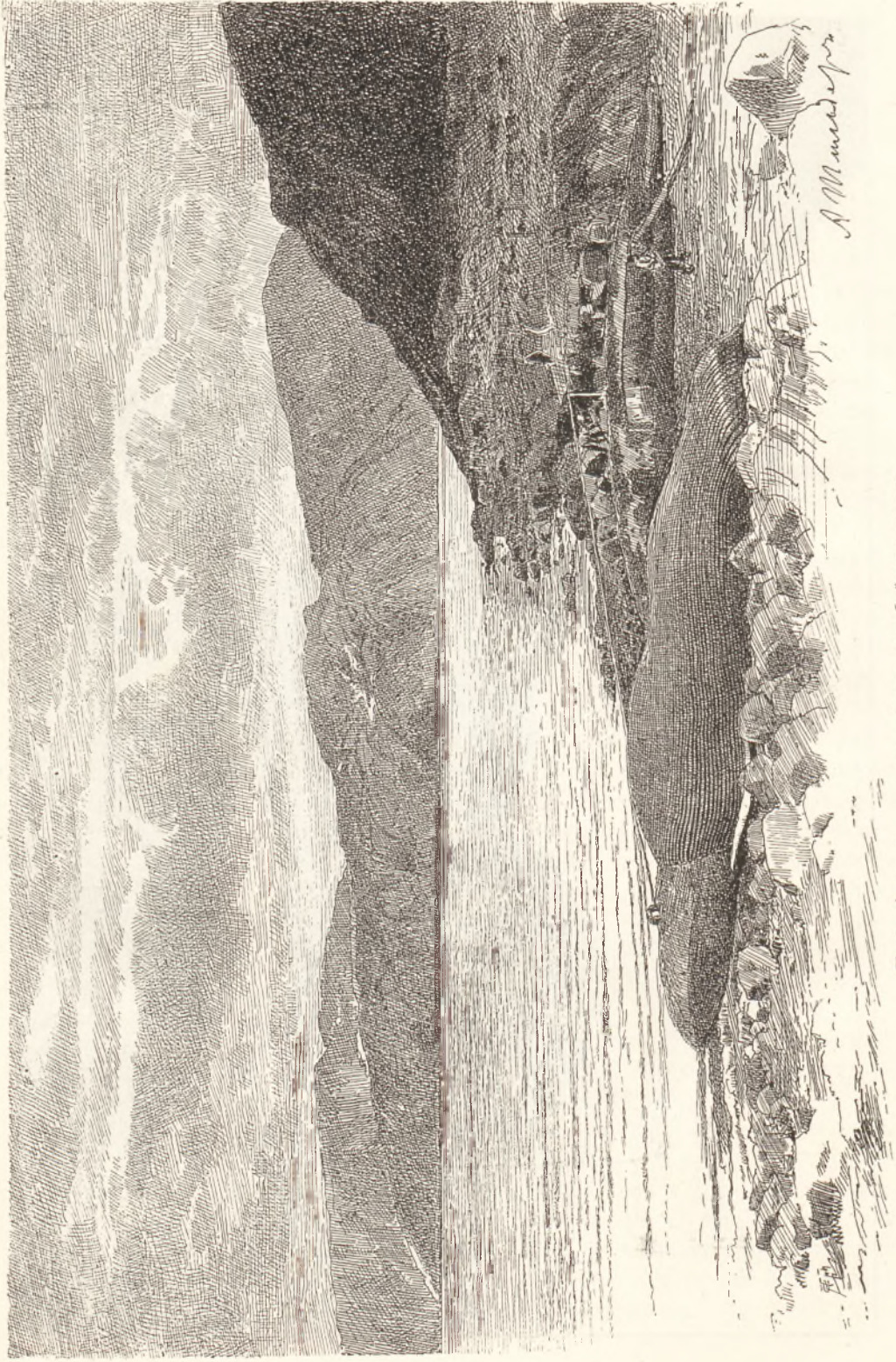
День былъ удивительно ясенъ, прозраченъ; глаза, утомленные видомъ голыхъ скалъ, успокоились на довольно яркой зелени береговъ бухточки; тутъ виднѣлись небольшія березки и какіе-то кустики вербы или лозы и чахлой рябины, просовывавшіяся сквозь груды обточенныхъ камней и кругляковъ. Мховъ и вороицы было тоже вволю; бѣлѣли ягели; голубая вода бухты такъ чиста, что тарелка, брошенная въ нее, совершенно исчезаетъ отъ глазъ только на глубинѣ тридцати сажень. Цѣлыя стада рыбы кружились въ ней подлѣ крейсера, и вся игра ихъ была видна, какъ на ладони. Грохнулся якорь, и «Забіяка» остановился.

Термометръ показывалъ 20° въ тѣни, и картина была бы прелестная, если бы не запахъ самыхъ убійственныхъ свойствъ, доносившійся отъ поры до времени отъ завода и ждавшихъ своего распластанія китовыхъ тушъ.

Стоявшій тутъ заводъ—центръ дѣятельности «Товарищества китоловства на Мурманѣ», существующаго съ 1883 г. Затрачено на все дѣло въ теченіе двухъ лѣтъ свыше 300.000 рублей; промышленниковъ и рабочихъ на заводѣ имѣлось сто девять человекъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ десять, которые назначены исключительно для ловли трески, какъ главнаго предмета пищи, и остаются здѣсь сторожами на зиму. Товарищество имѣетъ два большіе китобойные парохода и еще одинъ, небольшой; на каждомъ изъ первыхъ двухъ—по

Губа Ара. Китобойный заводъ.

Губа Ара. Туши китовъ. близъ китобойнаго завода.

десяти человекъ народа; собственно на заводѣ участвующихъ въ обработкѣ китовыхъ тушъ пятьдесятъ человекъ. Одною изъ первыхъ, но не единственныхъ выгодъ для мѣстныхъ людей отъ этого прочно поставленнаго дѣла является то, что заработная плата за лѣтній сезонъ, не превышавшая шестидесяти рублей, поднялась до девяноста рублей.

За это лѣто, ко времени посѣщенія судна, было убито двѣнадцать китовъ; въ недалекихъ Еретикахъ другою компаніею убито четырнадцать; тѣ два кита, туловища которыхъ блистали на солнцѣ, распространяя убійственное зловоніе, были счетомъ одиннадцатый и двѣнадцатый. Изъ этихъ двѣнадцати экземпляровъ было три синихъ и девять полосатиковъ, большинство—самки; мѣстные жители простодушно передавали, будто эти самки-киты, рѣзвясь по океану, принимаютъ китобойные пароходы за самцовъ. Сообщаютъ промышленники и другое наблюденіе, касающееся этихъ же странъ и такого же страннаго характера: толкуютъ, будто на Новой Землѣ, опять-таки по наблюденіямъ надъ убитыми экземплярами, въ противность всякимъ обычнымъ порядкамъ, самки и самцы моржей держатся въ отдѣльности на восточномъ и западномъ берегу острова. Островъ этотъ величиною чуть не съ Англію, и можно себѣ представить, какъ трудно этимъ зубастымъ, толстѣйшимъ и грузнѣйшимъ кавалерамъ быть любезными со своими склонными къ отшельничеству плотными дамами. Но опять-таки это, вѣроятно,—одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ охотничьихъ разсказовъ, которые сохраняютъ свою правдоподобность подъ всеми градусами долготы и широты, совершенно на томъ же основаніи, на которомъ грантъ остается вездѣ гранитомъ, а сланецъ—сланцомъ.

Замѣтимъ, однако, что эти и тому подобные разсказы далеко не бесполезны. Иностранцы отлично умѣютъ представить ту или другую мѣстность любопытною, распуская о ней всякія возможныя и невозможныя сказки, правды, предположенія; люди любятъ чудеса и ѣздятъ къ нимъ. Мурманъ тоже, то и дѣло, посѣщается и посѣщается различными иностранцами. Передавали, что какой-то лордъ Дудлей съ женой и семействомъ ѣздитъ сюда ловить рыбу и зажигать напироску, съ помощью луны, свѣтомъ полуночнаго солнца; какіе-то англичане арендуютъ у лопарей Назрѣцкаго погоста, Кемскаго уѣзда, рѣку Назъ и прѣзжаютъ лѣтомъ, на своихъ яхтахъ, для уженія рыбы; сообщаютъ о нѣсколькихъ посѣщеніяхъ какого-то Роланда Бонапарта; ученый французъ Рабо недавно появлялся здѣсь, отыскивая какіе-то допотопные черепя, небывалыхъ, исключительныхъ размѣровъ. Почему избралъ онъ для этой цѣли Россію и именно ея сѣверное побережье,—неизвѣстно.

Арскій китобойный заводъ.

Распространеніе кита и добыча продуктовъ. Распластываніе. Выварка. Сушка. Осмотръ китобойнаго парохода. Пушка и снарядъ. Характеръ и порядокъ китоваго боя. Промыселъ и его развитіе у иностранцевъ и у насъ. Потерянные нами гавани. Норвежскій ромъ. Выгъздъ къ губъ Ура. Ложныя солища. Промыселъ палтуса и камбалы. Гастрономическое значеніе этихъ рыбъ.

Вданій Арскаго китобойнаго завода, собственно говоря, только два, это — деревянные, длинные, въ два свѣта, корпуса, построенные такъ, какъ строятъ вообще въ Америкѣ: изъ прочнаго дѣса, не скрывая строилъ и связей, не дѣлая ничего для вида и роскоши соображаясь только съ одною пользою. Изъ двухъ лежавшихъ на наклонномъ деревянномъ помостѣ китовъ, большой, синій, имѣлъ восемьдесятъ футовъ длины; меньшій, полосатикъ—шестьдесятъ футовъ; наибольшіе экземпляры первыхъ, водящіеся здѣсь, достигаютъ ста десяти футовъ; наибольшіе экземпляры вторыхъ—только семидесяти футовъ. При полной обработкѣ кита, при добычѣ изъ него жира, китоваго уса и обращеніи туши въ гуано, большой китъ даетъ дохода 2.500 руб., малый—800 рублей.

Оба экземпляра, находившіеся здѣсь, лежали животами вверхъ; хвосты ихъ полоскались въ водѣ. Убитые и доставленные сюда пароходомъ,—при чемъ китъ для пути на заводъ привязывается сбоку парохода,—они были положены на эти мѣста въ приливъ. Когда, при обработкѣ, жиръ съ одной стороны снять и туловище кита приходится перевертывать, ждутъ опять-таки прилива. Гниющая туша заражаетъ воздухъ и воду, и со временемъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія—ихъ будутъ отдалять отъ воды, пользуясь для переворачиваній кранами. Можетъ ли не быть зловонія тамъ, гдѣ распластываются и разлагаются по нѣскольку дней подобныя колоссальныя тѣла? Недалеко отъ берега, въ лазурной, прозрачной водѣ залива видѣлись остатки другихъ китовъ, громадныя, бѣлыя

кости; онѣ же валялись, разбросанныя по берегу между камнями, и обусловливали очень характерную, не лишнюю сказочной грандіозности, картину. Теплый, яркій, солнечный день былъ какъ бы созданъ для того, чтобы въ замкнутой со всѣхъ сторонъ скалами бухтѣ плодить неопикуемый запахъ. Синій китъ, лежавшій уже нѣсколько дней, былъ найденъ въ морѣ убитымъ. Сколько времени тому назадъ и кѣмъ былъ онъ убитъ,—неизвѣстно; это дѣло обыкновенное, что китъ, смертельно раненый съ одного парохода, ускользаетъ отъ него, окопѣваетъ и достается въ пользованіе другому, болѣе счастливому.

Синій китъ былъ вздутъ немовѣрно, такъ что операція распластанія, долженствовавшая совершиться тотчасъ, началась съ того, что одно мѣсто живота его было проткнуто. Невидимую, но ясно обоняемую струею устремились изъ него газы, и туша начала немедленно опадать и принимать тотъ обликъ кита, который всѣмъ такъ хорошо знакомъ. Волей-неволей пришлось уйти съ помоста и удивляться носовымъ нервамъ того человѣка, который стоялъ подлѣ сдѣланной въ тушѣ дыры и готовился приступить къ слѣдующей затѣмъ операціи. По мѣрѣ того, какъ непривычные къ запаху зрители отступали, всякія мухи, которыхъ давно не видѣли, направилась именно къ источнику зловонія, праздно въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ одно изъ своихъ роскошнѣйшихъ пиршествъ.

Подлѣ отверстія, сдѣланнаго въ китѣ, человѣкъ съ крѣпкими носовыми нервами, продолжая работу, дѣлаетъ въ сторонѣ отъ отверстія вертикальный взрѣзъ, приблизительно въ одинъ футъ длины; онъ прорѣзываетъ весь жиръ вплоть до мяса и дѣлаетъ это длиннымъ не то ножомъ, не то серпомъ. Отъ этого надрѣза проводитъ онъ два другіе надрѣза, параллельные, во всю длину кита; затѣмъ въ отверстіе, служившее для выпуска газовъ, вкладывается крюкъ на блокахъ, соединенный системою веревокъ съ тою гильотиною на заводѣ, которая назначена рѣзать жиръ въ куски. По данному знаку, сообщающему, что крюкъ всунуть, можно видѣть, какъ веревки блока мало-по-малу натягиваются, полоса жира отдирается отъ кита, чему помогаетъ опять-таки человѣкъ съ крѣпкими носовыми нервами, и отдираемая полоса, заворачиваясь, принимаетъ поступательное движеніе къ заводу, сначала по помосту, потомъ по очень крутому деревянному откосу, и медленно, длинною, жирною, оставляющею слѣдъ змѣею, волочится къ работающей паромъ въ 12 силъ гильотинѣ. Полоса, разрѣзываемая на куски, наполняетъ подставляемые одна за другою тѣлѣжки, которыми и подвозится къ котлу, растапливающему жиръ паромъ же. Вытопленный жиръ сохраняется въ огромныхъ чанахъ. Онъ очень чистъ и почти безъ запаха; въ 1884 году продано было въ Англію около 4.000 пуд.; за тонну жира синяго кита платятъ 60 фунтовъ стерлинговъ, за жиръ полосатика и шпорра—отъ 25 до 30 фунтовъ.

Когда туша кита ободрана, приступаютъ къ ея обработкѣ, при чемъ прежде всего добываютъ китовый усъ. Продуктъ этотъ отъ нашихъ китовъ, не особенно рослыхъ, не пользуется высокою цѣною на рынкѣ и не можетъ идти вровень съ греландскимъ. У синяго кита онъ—черный, у полосатика—иссѣрабѣлый; тотъ и другой, сваленные на землю кучею близъ завода, предста-

вляются какъ бы большими полупрозрачными картонажами со множествомъ мелкихъ щетинистыхъ волосъ по краямъ. Замѣчательна, между прочимъ, тоненькая кожица, покрывающая кожу кита; она полупрозрачна, дымчатаго цвѣта и какъ нельзя болѣе напоминаетъ самые тонкіе сорта гуттаперчи. Добываютъ и еще одинъ продуктъ: это—китовыя уши, могущія служить своеобразными пепельницами. Они удивительно тяжелы, длиною дойма въ четыре и по строенію своему очень сложны, замысловаты, странны.

Обработка туши кита на гуано производится въ другомъ сосѣднемъ, гораздо болѣе обширномъ зданіи. Оно расположено вдоль линіи побережья, тогда какъ первое, жировое, стоитъ поперекъ. Тушу, мясо и кости отдѣльно рубятъ, нилятъ и разносятъ на части, выворакиваютъ и подвергаютъ вываркѣ въ котлахъ тоже отдѣльно. Мясо перекладываютъ для этого кусками желѣза, кости бросаются безъ перекладки, такъ какъ паръ подъ сильнымъ давленіемъ и безъ того свободно проходитъ между ними. Въ котлахъ два крана; изъ нижняго выпускаютъ сильно насыщенную клеємъ воду, изъ верхняго—жиръ. Для нагрузки котловъ частями туши, сложенными въ тележки, онѣ поднимаются по наклонной плоскости машиною въ 18 силъ.

Когда выварка произведена, оставшіяся твердыми части переходятъ въ сушильни, гдѣ мясо и кости просушиваются тоже отдѣльно; въ сушильняхъ—по семи сковородъ. Последнимъ актомъ обработки являются раздробленіе высушенныхъ частей туши и обращеніе ихъ въ порошокъ, въ гуано. Это китовое, смѣшанное изъ костей и мяса, гуано идетъ, главнымъ образомъ, для корма скота; для удобренія должно идти исключительно гуано изъ костей; отдѣленія одного отъ другого по настоящее время на заводѣ не дѣлается. Полученное на заводѣ гуано сыпается въ мѣшки по шести пудовъ въ каждомъ и поступаетъ въ продажу по 12 марокъ за мѣшокъ. Гуано требуется за границу, главнымъ образомъ въ Германію, отчасти во Францію и Голландію. Насколько невыносимъ запахъ и безобразенъ видъ гніющихъ кусковъ китоваго мяса и раздробленныхъ костей, поступающихъ въ сушильню, настолько же чистъ на видъ розоватый, снабженный легкимъ запахомъ мясныхъ консервовъ порошокъ китоваго гуано. Вотъ табличка, изображающая приблизительно при нынѣшнихъ цѣнахъ стоимость продуктовъ, добываемыхъ изъ кита средней величины:

Жиръ	1.300 руб.
Гуано	200 »
Усь	80 »
Челюсти	20 »
Итого	1.600 руб.

Казарма заводскихъ рабочихъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ помѣщаются русскіе, въ другомъ—норвежцы.

На Мурманѣ вы услышите непременно сообщеніе о томъ, что нововведенный способъ убиванія китовъ изъ орудій особыми снарядами—изобрѣтеніе норвежца Фойна. Этотъ Фойнъ долженъ быть человѣкомъ замѣчательнымъ, если судить по разсказамъ о немъ, потому что охота на китовъ—его страсть, его жизнь. Основавъ китобойный промыселъ въ Норвегіи и наживъ огромное

состояніе, главнымъ образомъ на китахъ нашего, русскаго, побережья, Фойнъ, теперь человекъ уже пожилой, перебрался со своими пароходами къ Исландіи и промышленяеть тамъ въ размѣрахъ болѣе широкихъ, не безъ матеріальной выгоды, конечно. Говорятъ, что онъ до сихъ поръ первый рабочій на своихъ промыслахъ, и что миллионное состояніе его нисколько этому не мѣшаетъ. Вѣрно то, что не онъ изобрѣлъ или, лучше сказать, примѣнилъ къ китобойному промыслу огнестрѣльные снаряды, такъ какъ снаряды эти патентованы въ Америкѣ еще въ 1852 году. Фойну удалось, такъ сказать, снять сливки съ нашего китобойнаго дѣла, примѣнивъ здѣсь впервые пушку. По свѣдѣніямъ официальнаго характера значится, что Фойномъ убито:

Въ 1879 году	97	китовъ.
» 1880 »	94	»
» 1881 »	107	»

Если перевести все это въ деньги, получится сумма очень и очень порядочная, и большое состояніе его окажется дѣломъ возможнымъ.

Современный китобойный пароходъ навсегда обратилъ въ преданіе прежній способъ боя китовъ съ лодочекъ гарпунами. Всѣ эти рассказы, всѣ эти картинки, изображавшія смѣльчаковъ, подвѣзжавшихъ къ океанскимъ гигантамъ вплотную и бившихъ ихъ съ руки, эти замѣчательные типы гарпунщиковъ исчезли, какъ исчезло въ свое время рыцарство послѣ изобрѣтенія порохового зелья, какъ исчезли ямщики съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нынѣшній способъ боя китовъ изъ орудій много безопаснѣе, много успѣшнѣе прежняго; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ совсѣмъ легокъ, вполне безопасенъ.

Первое, съ чѣмъ приходится ознакомиться вступившему на китобойный пароходъ, это, конечно, орудія боя и снаряды. Китобойные пароходы, отваживающіеся ходить за сотни миль въ океанъ, далеко не велики и очень близко подходят своими размѣрами къ обыкновеннымъ невскимъ буксирамъ средней руки. «Елена», осмотрѣнная путешественниками, длиною — всего 84 фута, «Покровъ», находившійся въ это время въ морѣ, — 90 футовъ; стоятъ они около 50.000 рублей каждый. Орудіе расположено на шворнѣ, на самомъ носу, и можетъ быть легко поворачиваемо во всѣ стороны и подъ всѣми углами склоненія, что совершенно необходимо въ виду нежданности появленія и движеній кита. Снарядъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно изъ разрывнаго снаряда, вкладываемаго въ дуло, и соединеннаго съ нимъ гарпуна, остающагося внѣ его. Гарпунъ обладаетъ особеннымъ механическимъ приспособленіемъ, состоящимъ въ томъ, что, въ случаѣ удачнаго выстрѣла, снарядъ, разорвавшись въ китѣ, раскрываетъ зубцы гарпуна и этимъ обезнечиваетъ, хотя не вполне, его довольно прочную связь съ тушею животнаго.

Когда орудіе заряжено, гарпунъ, какъ сказано, остается внѣ дула, и это вполне объясняетъ недостаточную вѣрность выстрѣла, такъ какъ снарядъ, снабженный гарпуномъ, подчиняется сильнѣйшему отклоненію. Если принять въ расчетъ колебанія самого парохода и движенія кита, то становится яснымъ,

Высматриваніе кита.

насколько необходимъ хорошиі наводчикъ въ данномъ случаѣ, — ихъ дѣйстви-тельно немного, и всѣ они на перечетѣ.

Къ гарпуну прикрѣпленъ канатъ. На «Еленѣ» онъ имѣетъ шесть «линей» длины, изъ нихъ каждая въ 150 футовъ, т.-е. весь канатъ длиною около двухъ верстѣ, и помѣщеніе, ему отведенное, весьма почтенно: онъ навороченъ въ трюмѣ. Снабженное этимъ кишечнообразнымъ канатнымъ нутромъ, съ десятью челювками экипажа, судно выходитъ въ море, но только въ возможно тихую погоду: иначе выслѣживаніе кита и въ особенности бой его становятся совершенно немислимыми. Океанская зыбь, не прекращавшаяся послѣ бури и въ день посѣщенія завода, и еще на слѣдующій день—такъ долго она держится здѣсь, однажды начавшись—помѣшала путешественникамъ присутствовать при китовой охотѣ, которая была предположена въ грандіозныхъ размѣрахъ, съ пятью китобойными пароходами одновременно. Какъ заряджаніе орудія, такъ и самый выстрѣлъ были произведены по постановленной цѣли въ самой бухтѣ, и далекое эхо множествомъ перекатовъ отвѣтило на могучій звукъ.

По киту въ океанѣ далѣе 25 футовъ разстоянія не стрѣляютъ: это было бы лишнею тратою времени и зарядовъ, потому что даже съ такого близкаго разстоянія, съ какого производится стрѣльба, промахи поглощаютъ около 70%. Замѣтимъ еще, что, по увѣренію мѣстныхъ жителей, введеніе огнестрѣльной охоты повліяло и на самую натуру китовъ въ прямой ущербъ промыслу: прежде китъ, выбравшись на поверхность, дѣлалъ около семи вдыханій; теперь, напуганный, дѣлаетъ онъ не болѣе четырехъ. Довольно рѣдки случаи попасть въ кита такъ, чтобы быть вполне увѣреннымъ въ успѣхѣ. Хорошо, что китъ, научившись сокращать количество вдыханій, не научился, будучи раненъ, мѣнять направленіе: почувствовавъ ударъ, онъ уходитъ по прямой линіи и тѣмъ способствуетъ свободному разворачиванію каната; пароходу даютъ немедленно полный ходъ. Иногда замѣчали даже нѣчто въ родѣ сопротивленія или отместки со стороны кита; такъ, однажды, пораненный китъ едва не отбилъ винта у норвежскаго парохода; въ 1883 году 12-го іюля, въ Кольской губѣ, раненый китъ въ 90 футовъ длины едва не опрокинулъ парохода и передъ издыханіемъ поразилъ совершенно оригинальною, красивою картиною: онъ вышелъ изъ воды головой вверхъ футовъ на тридцать и потомъ уже кончилъ свое существованіе. Онъ былъ убитъ по второму выстрѣлу, и на преслѣдованіе его употреблено тридцать шесть часовъ времени.

Профессоръ Гриммъ, извѣстный ихтіологъ, того мнѣнія, что киты размножаются очень медленно и начинаютъ плодиться поздно, можетъ быть на 50—60 году отъ роду; они производятъ на свѣтъ по одному дѣтенышу въ періоды, продолжающіеся нѣсколько лѣтъ, такъ какъ утробная жизнь длится, вѣроятно, два, три десятка мѣсяцевъ. Къ счастью, для сохраненія породы они плодятся, вѣроятно, гдѣ-нибудь далеко на сѣверѣ, куда ни гарпунъ, ни ядро не достигаютъ; совершенно исключительны были случаи, когда въ морѣ встрѣчали самку съ дѣтенышемъ: онѣ точно чувтъ гибель, ожидающую ихъ при движеніи къ югу; однажды была какъ-то убита Фойномъ самка, и величина дѣтеныша, заключавшагося въ ней, достигала 24 футовъ длины и трехъ ар-

шинъ въ обхватѣ. Неизвѣстно даже, сколькихъ дѣтенышей рождаетъ китъ, и образъ жизни его относится къ самымъ неопредѣленнымъ, необслѣдованнымъ областямъ зоологiи.

Вой китовъ, какъ промыселъ на нашемъ Мурманѣ, существуетъ болѣе двадцати лѣтъ; но до послѣдняго времени хозяйничали больше норвежцы, взявшіе у насъ, на памяти мѣстныхъ жителей, около 300 китовъ. Фойнъ, основавъ въ Вадсѣ, въ Норвегiи, жиротопенный заводъ, имѣлъ сначала одинъ, а потомъ три китобойныхъ парохода. Въ настоящее время въ Норвегiи 17 компаній съ 34 пароходами, и съ 1872 по 1883 годъ, по свѣдѣніямъ профессора Гримма, убито ими 1.536 китовъ. Количество убитыхъ китовъ до послѣдняго времени постоянно возрастало; если оно понизилось теперь, то едва ли вслѣдствіе уменьшенія количества китовъ, а скорѣе—вслѣдствіе уменьшенія спроса на продукты промысла, на спермацетъ и китовый жиръ, такъ какъ имъ обогнали перебилъ дорогу нефть и ея продукты. Вѣдь точно такъ же уменьшился спросъ и на другой продуктъ поморскихъ промысловъ: моржевое сало, находившее въ прошломъ столѣтiи сбытъ въ количествѣ до 70.000 пудовъ, а съ начала нынѣшняго вѣка требованіе не превышаетъ 12.000 пудовъ ежегодно.

Въ Америкѣ китобойный промыселъ существуетъ съ 1712 года; съ 1807 по 1845 годъ число китобойныхъ судовъ увеличилось съ 15 до 257; до начала шестидесятыхъ годовъ промыселъ по интенсивности своей остается тамъ почти неизмѣннымъ. Считая на каждое китобойное судно среднее число бочекъ китоваго жира, добытаго имъ, приходится: съ 1817 по 1856 годъ отъ 1.192 до 1.560 бочекъ; съ 1857 по 1866 годъ оно падаетъ на 30%, а съ 1867 по 1877 годъ—на цѣлыхъ 50%. Намъ, русскимъ, остается только радоваться этому уменьшенію американской энергiи, такъ какъ значительная часть побойницъ производится ими въ нашихъ водахъ Берингова и Охотскаго моря. Говорятъ, будто количество китовъ тамъ невѣроятно велико и ихъ до пяти видовъ, начиная съ крупнѣйшихъ; говорятъ, будто, запираемые льдинами въ Охотскомъ морѣ, они могутъ быть убиваемы на выборъ. Кромѣ американцевъ, орудуютъ на нашемъ Востокѣ англичане и китайцы, такъ что въ отношеніи числа національностей наши берега Тихаго океана болѣе гостепрiимны, чѣмъ берега Мурмана, оказывающіе гостепрiимство однимъ только норвежцамъ. Впрочемъ, Охотское море такъ далеко! Но Мурманъ близко и подумать есть о чемъ.

Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что наши поморскіе промыслы вообще падаютъ. Теперь какъ-то мало слышно, чтобы русскіе промышленники ходили на Шпицбергенъ, къ Медвѣжьему, на Новую Землю. О томъ, что они прежде бывали тамъ, свидѣтельствуютъ преданія и кресты или такъ называемыя «кекуры», или «гурiи»—пирамидки, сложенныя изъ камней и гласящія о прежнихъ посѣщенiяхъ. Значеніе нашихъ промысловъ очень правильно и очень ясно понималъ Петръ Великій. Удивительно, право, какъ это всегда во всемъ и вездѣ встрѣчающіяся съ этимъ колоссальнымъ именемъ?! Въ 1725 году Петръ построилъ три китоловныхъ корабли, и они ходили къ Шпицбергену. Екатерина II назначила даже для осѣдлости китолововъ специальную бухту, которая и нынѣ называется Екатерининскою. Послѣдній китоловный корабль былъ по-

строень при Александрѣ I министромъ коммерціи Румянцевымъ и сожжеть англичанамъ въ 1806 году.

Объ англичанахъ пришлось вспомнить на Мурманѣ еще вотъ по какому поводу. Много рассказываютъ мѣстные люди о томъ, что прежде, еще не очень давно, въ шестидесятыхъ годахъ, владѣли мы нѣсколькими хорошими, незамерзающими гаванями на Мурманѣ, близъ границы Норвегіи. Затѣмъ, гавани эти были уступлены Норвегіи, и англичане, говорятъ, тотчасъ же будто заключили съ новою собственницею этихъ гаваней, Норвегіею, секретное условіе, въ силу котораго она никогда и ни въ какомъ случаѣ не должна возвращать этихъ гаваней Россіи. Должно полагать, что Норвегія и безъ того не уступитъ ихъ, и горячія сожалѣнія поморовъ объ утраченныхъ гаваняхъ очень сильны и глубоко искренни. Изъ уступленныхъ гаваней, уже въ мартѣ мѣсяцѣ, когда наши поморы только еще направляются пѣшкомъ сквозь снѣжныя дебри къ Мурману, норвежцы уже плывутъ на всѣхъ парусахъ къ Капину, Калгуеву, по пути къ Новой Землѣ, нападаютъ на зимовавшія тамъ стада тюленей и моржей, бьютъ ихъ, распугиваютъ и оставляютъ нашимъ промышленникамъ, прибывающимъ значительно позже, одни только остатки того, чѣмъ могли бы поморы поживиться вполне. Обо всемъ этомъ говорятъ на Мурманѣ всѣ.

На Мурманѣ нельзя не вспомнить знаменитаго норвежскаго рома, которымъ пользуется наше Поморье и распространеніе котораго должно быть отпесено тоже къ чудесамъ Земли Русской. Ромъ этотъ, цвѣта крѣпкаго кофе, разитъ какимъ-то невозможнымъ запахомъ и даетъ осадокъ; это—поделашенный, подкрашенный сандаломъ спиртъ, которому приданы всѣ свойства опиума при мѣсью кукольвана, стручковаго перца и, можетъ быть, чего-либо еще худшаго. Если—такъ говорятъ—прибавить въ этотъ ромъ полторахлористаго желѣза, то онъ обращается въ чернила—несомнѣнное доказательство присутствія дубильнаго вещества; согласно анализу, произведенному медицинскимъ департаментомъ, это—«одурѣвающая жидкость». Испробовать на вкусъ этотъ классическій ромъ было дѣломъ одной секунды; гораздо труднѣе и долѣе избавиться отъ остраго, ѣдкаго вкуса, производимаго неподобнымъ ромомъ.

Если норвежскій ромъ самъ по себѣ чудо, то безконечно чуднѣе то, что онъ распространялся у насъ безошлинно. Трудно вѣрить, а между тѣмъ это такъ. Цѣлый рядъ губернаторовъ, цѣлый рядъ комиссій, какъ административныхъ, такъ и ученыхъ, въ особенности «сѣверная», и поморскій сѣздъ,—всѣ, всѣ рѣшительно ратовали противъ этого рома, и, къ несчастью, бесплодно. По положенію 14-го мая 1876 года, питейная торговля на Мурманскомъ берегу объявлена безакцизною, безпатентною и свободною, и одно изъ крупнѣйшихъ, вопіющихъ, необъяснимѣйшихъ золъ существовало, словно насмѣхаясь надъ людьми и опаявая поморовъ. А вѣдь очень легко спить поморовъ: тяжелая работа требуетъ подкрѣпленія, а русская натура легко переходитъ отъ необходимаго къ излишнему. Особенно тяжело ложилось это опаяваніе на смерть на молодыхъ зуйковъ и на слабыхъ лопарей; если лопарской расѣ суждено вымереть, такъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, дать совершиться Божьему повелѣ-

нію по Его изволенію, а не пособничествомъ норвежскаго рома съ его дубильнымъ веществомъ.

Сколько именно ввозится на Мурманъ этого рома, — рѣшительно неизвѣстно; хранить это тайну, — прямой расчетъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ фактористовъ. О томъ, сколько земли уступлено было Норвегіи, извѣстно; на старыхъ картахъ граница наша доходила до мыса Вересь, но была отведена къ востоку на 70 верстъ по прямому направленію и на 500 верстъ по береговой линіи. Но сколько переплатили мы Норвегіи за ромъ, сколько взяли они изъ нашихъ водъ рыбаго и животнаго матеріала, сколько получили они баришей, продавая намъ нашу же рыбу, сколько ополли народу — этого ни въ какихъ спискахъ не значится и контролю не поддается.

По возвращеніи путешественниковъ на пароходъ къ обѣду, температура въ воздухѣ начала быстро падать, и около восьми часовъ вечера, ко времени выхода въ море, термометръ показывалъ только $4\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. Но вечеръ былъ удивительно ясенъ; лучи все еще высоко стоявшаго солнца золотыми снопами западали въ каютъ-компанію. Предстоялъ очень недалекій переходъ въ сосѣднюю губу Ура, а оттуда въ бухту Еретики, гдѣ предполагались ночевка и осмотръ другого китобойнаго завода, гораздо менѣе значительнаго по обстановкѣ и характеру.

Урская губа значительно болѣе Арской; какъ гавань, она просторнѣе и удобнѣе. Она соединяется съ моремъ тремя проходами: большимъ, среднимъ и малымъ, образуемыми довольно объемистымъ островомъ Шалимомъ и другимъ некрунымъ — Еретики. Входъ въ губу при вечернемъ освѣщеніи очень красивъ. Справа тянется длинная, закругленная, невысокая скала, скорѣе луда, чѣмъ скала; слѣва глядятъ изъ морской пучины такіе же невысокіе островочки; какъ слѣдъ долгаго, все еще не успокоившагося вполне волненія, поперекъ проливчика протянулась густая, широкая полоса бѣлой пѣны. Пароходъ перерѣзалъ ее, и нельзя было не любоваться глубокою, состоявшею изъ многихъ плановъ панорамною губою. Казалось, будто судно входило въ какую-то широкую, могучую рѣку, обставленную жилистыми, футовъ въ 600 вышины, скалами. Эта рѣка — такъ казалось по крайней мѣрѣ — должна идти куда-то далеко внутрь нашей родимой Россіи, къ нашимъ центральнымъ губерніямъ. Если въ Арской губѣ видѣлись и березки, и рябинки, здѣсь все было безусловно голо, даже и мха казалось мало по этимъ безотраднымъ гранитамъ. Но очертанія чудесны. Легкій туманъ, носясь неширокими, гладкими полосками, давалъ горизонтальныя линіи; скалы воспроизводили — вертикальныя. Это была молчаливая музыка камней и тумановъ въ розовомъ свѣтѣ опускавшагося солнца. Заводъ, факторіи и становища, стояція на самомъ дѣлѣ другъ противъ друга на обоихъ берегахъ губы, были замѣтны справа и стояли — такъ казалось по крайней мѣрѣ — на одномъ берегу. Колонія, имѣющаяся въ этой губѣ, расположена на двѣнадцать верстъ дальше внутрь. Повидимому, въ этой странѣ полуденнаго свѣта мало было свѣта одного только солнца, и вотъ зажглось надъ нею, медленно понгрывая широкими радужными лучами своими, какъ на туманныхъ картинахъ, другое, ложное солнце. Мало было и этого: зажглось

Ура-губа. Еретика. Факторія.

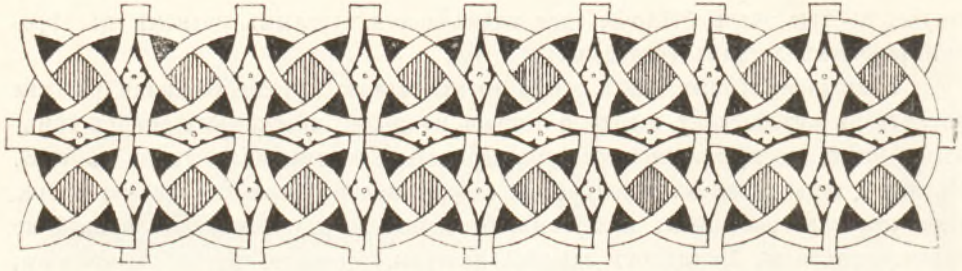
Ура-губа. Китобойные пароходы.

третье, но уже очень блѣдное, едва видѣвшееся тусклымъ пятномъ въ сѣровато-розовыхъ легкихъ облакахъ.

Благодаря обилію свѣта этихъ трехъ солнць, путешественники рѣшили съѣхать къ китобойному заводу и тотчасъ по прибытіи осмотрѣть его, съ тѣмъ, чтобы имѣть полную возможность распорядиться завтрашнимъ днемъ съ утра. Въ этотъ день пища матросовъ была совершенно исключительнаго характера. Ихъ угостили громаднымъ палтусомъ, ближайшимъ родственникомъ кривой, но вкусной камбалы. Достигаютъ здѣшніе палтусы, говорятъ, до 14 пудовъ вѣса; видъ этой рыбы вполнѣ своеобразный и даже внушительный; крѣпость навара ухи этой колоссальной рыбы и вкусъ ея заслужили всевозможныя похвалы. Палтусъ называется не напрасно «свининой промышленника». Уха изъ него была дѣйствительно чѣмъ-то изъ ряду вонъ хорошимъ и питательнымъ. Подавали палтусъ жареный и отварной; которому изъ двухъ отдать первенство, — осталось неразрѣшеннымъ. Но экипажъ судна былъ въ восторгѣ и упитывался лукулловскимъ обѣдомъ на славу.

Палтусы—это одно изъ неисчислимыхъ богатствъ нашего Поморья. Иногда цѣлыя стада палтусовъ гуляютъ или отдыхаютъ неподвижно въ поясѣ Рыбачьяго полуострова, верстахъ въ 30—40 отъ берега. Ихъ забираютъ, конечно, норвежцы, узнающіе о присутствіи ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ по устнымъ сообщеніямъ, или печатнымъ бюллетенямъ. Ловятъ камбалу и палтусовъ на «продольники», укрѣпляемые по дну якорями. На отмеляхъ, при ясной водѣ, сквозь снѣгъ воды, распластавшіеся палтусы и камбалы лежатъ большими массами и кажутся на бѣлыхъ пескахъ темными пятнами. «Палтусовая карга» идетъ отъ Териберки къ сѣверо-западу, къ Сергѣеву мысу на Рыбачьемъ полуостровѣ и тянется въ океанъ, какъ говорятъ, на очень далекое разстояніе. Несомнѣнно, что добыча палтуса и камбалы, какъ и все остальное, подлежала бы на нашемъ Мурманѣ безконечному развитію, и гастрономы Москвы и Петербурга только возликовали бы успѣху этого дѣла.

Еретики въ Урской губѣ.

Второй китобойный заводъ. Акулы и акулий промыселъ. Необходимость его поднятiя. Полуночный свѣтъ. Характеристика поморовъ. Торосный промыселъ. Посѣщенiе лонарскаго чума. Характеръ побережья на вершинѣ скалъ. Лѣсной звѣрь и лѣсная птица. Китовое мясо какъ пища. Отъѣздъ въ Колу.

Китобойная компанiя, промышляющая въ Еретикахъ, носитъ довольно длинное названiе: «Перваго русскаго китобойнаго и иныхъ промысловъ товарищества». Заводъ ея открытъ въ 1883 году и имѣеть два китобойныхъ парохода, стоявшiе невдали отъ него на якоряхъ. Слѣдуетъ пожелать добраго развитiя и этой компанiи, для чего, однако, ей необходимо прежде всего существенно преобразиться. Надобно одно изъ двухъ: или поступить такъ, какъ поступила Арская компанiя, задавшись исключительно китобойнымъ дѣломъ, или, какъ это сдѣлала «Рыбакъ», поставивъ себѣ главною цѣлью треску. Вѣроятно, ни чѣмъ инымъ, какъ недостаткомъ капитала или разбросанностью и неясностью программы, можно объяснить себѣ то, что заводъ этотъ только жиротоневный, и что туши китовъ за извѣстное вознагражденiе передаются имъ сосѣднему Арскому заводу для переработки въ гуано. Если расчеты Арскаго общества вѣрны и китобойный промыселъ можетъ дать очень хорошия барыши только при переработкѣ всего кита, то расчеты Урскаго не могутъ быть вѣрны, такъ какъ общество, въ прямой ущербъ себѣ, снявъ съ кита жиръ, уступаетъ тушу своему конкуренту.

Заводъ расположенъ очень красиво, на скалахъ; но растительности на нихъ, кромѣ мха, нѣтъ никакой. Урская губа, въ одномъ изъ развѣтвленiй которой заводъ находится, самая спокойная и защищенная отъ всѣхъ вѣтровъ бухта западнаго Мурмана; она врѣзывается въ материкъ верстъ на пятнадцать, и въ глубинѣ ея, невидная отъ завода, находится колонiя Ура, одна изъ самыхъ большихъ: въ ней жителей—около двухсотъ человекъ, имѣю-

щихъ пятнадцать промысловыхъ ель, до восьмидесяти головъ скота, одну лошадь (какъ видно, лошадь остается на всемъ Мурманѣ большою рѣдкостью), шестьдесятъ овецъ и свыше трехсотъ оленей. Здѣсь, слѣдовательно, какъ и раньше, можно было убѣдиться во-очію, что Мурманъ далеко не лишень возможности скотоводства, какъ многіе упорно и увѣренно сообщали; правда, здѣсь кормятъ скотъ не однимъ только сѣномъ, а со значительною примѣсью оленьяго моха — ягелей. Почти всѣ колонисты Уры — финляндцы; въ ихъ пользованіи рѣка Ура съ ея семгою; зимою тутъ ловится пушной звѣрь; довольно добычливъ акуліи промыселъ въ самой губѣ. «Рыбка — Божье дарованье»,—говоритъ поморь, при чемъ тутъ слѣдуетъ разумѣть и кита, и акулу. Акуліи промыселъ находится у поморовъ въ младенчествѣ; это, такъ сказать, Золушка всѣхъ нашихъ мурманскихъ промысловъ, что очень жаль и очень странно. У норвежцевъ акула входитъ самостоятелною цифрою въ статью доходовъ. Сѣверная акула, этотъ бродяга-разбойникъ океана, этотъ морской волкъ, злѣйшій врагъ нашихъ поморовъ, не разъ уничтожающій ихъ долгій трудъ постановки яруса, достигаетъ размѣровъ колоссальныхъ, до трехъ сажень длины, отнюдь не меньшихъ, чѣмъ акулы Южнаго океана. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ на Мурманѣ акулъ вовсе не ловили; объ этомъ свидѣтельствуетъ академикъ Озерецковскій въ своемъ сочиненіи: «Кола и Астрахань», 1804 года. Онъ говоритъ, что акулъ «ни на что не употребляютъ». По причинѣ великаго множества ихъ въ Кольской губѣ,—говоритъ академикъ дальше,—жители въ этой губѣ никогда ярусовъ не кладаютъ, «потому что рыба, за крючки схватившая, была бы жертвой акулъ, а не промышленниковъ». Въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1868 года сообщено свѣдѣніе, что одна удачная ночь акульяго лова можетъ дать до 300 пудовъ, до 50 бочекъ «максы», акульей печени. Вице-адмиралъ Рейнеке, авторъ гидрографическаго описанія нашего сѣвернаго побережья, говоритъ, что акуламъ въ Кольской губѣ въ его время не было числа, и что онѣ положительно мѣшали промышленникамъ плавать. Въ шестидесятыхъ годахъ кольскій мѣщанинъ Перонинъ сдѣлалъ первый опытъ ихъ ловли, на что нужна была большая смѣлость, такъ какъ самый удачный ловъ производится обыкновенно въ темныя октябрьскія и ноябрьскія ночи, въ глубоко свирѣное время океанскихъ непогодъ. Около того же времени дана была правительственная ссуда въ 600 рублей нѣкому Сулю, для ловли акулъ и приобрѣтенія «максы»; въ 1862 году въ Кольской губѣ добыто ея около 5.000 пудовъ, а цѣна достигала 1 рубля 50 коп. за пудъ. Въ 1867 году между островомъ Кильдиномъ и Кольскою губою акулъ было такъ много, что на нихъ даже не осмѣливались охотиться: онѣ ударили толстыми носами въ борта лодокъ, пожирали другъ друга и наводили панической страхъ своими огромными тупо глядящими глазами. Въ 1874 году въ Кольской и другихъ соседнихъ съ нею бухтахъ появилось столько акулъ, что ихъ убивали изъ ружей.

Такъ какъ нѣтъ причины полагать, что количество акулъ, на которыхъ никогда не производилось правильно организованной охоты, уменьшилось и такъ какъ ворвань, добываемая изъ ихъ жира, имѣетъ на рынкѣ постоянную, установившуюся цѣну, то развитіе этого промысла было бы и жела-

тельно, и необходимо. По сообщеніямъ мѣстныхъ жителей, большія акулы держатся обыкновенно версты на двѣсти отъ берега огромными стадами; подвижныя полчища ихъ должны представлять нѣчто совершенно противоположное лежащимъ вдоль палтусовой банки распластанными палтусамъ и камбаламъ. Акулъ ловятъ у насъ, такъ сказать, случайно, и правильнаго промысла на нихъ не организовано. Онѣ попадаются на большіе желѣзные крюки, наживленные жаренымъ тюленьимъ саломъ и прикрѣпленные къ цѣнямъ полутора-саженной длины. Хватившая крюкъ акула обонрется, неидетъ и сдерживается нѣсколькими рабочими; живуча она настолько, что разрѣзанные куски шевелятся. Оставаясь вѣрными преданіямъ, наши промышленники берутъ отъ акулы только «максу» — печень, иногда кожу, всю же остальную довольно цѣнную тушу бросаютъ въ море, совершенно на томъ же основаніи, на которомъ у насъ летятъ обратно въ море и десятки тысячъ пудовъ внутренностей трески. Разспросы о томъ, насколько пригодны туши акулъ для переработки ихъ въ гуано, хуже онѣ или лучше китовыхъ, — не вызвали никакихъ положительныхъ отвѣтовъ; но нѣтъ никакой основательной причины предполагать, чтобы разница была очень большая. Чрезвычайно благоприятно для ловли акулъ то обстоятельство, что онѣ обладаютъ сильно развитымъ обоняніемъ, и что жареный тюлений жиръ привлекаетъ ихъ съ очень далекихъ разстояній. Полярная акула, *Selache maximum*, достигаетъ, какъ сказано, трехъ саженъ длины, и мѣстные жители сообщали, что когда къ закинутому ярусу подходитъ стадо этихъ чудовищъ, то даже самымъ смѣлымъ поморамъ приходится удалиться отъ нихъ по добру-по-здорову, предоставляя имъ пугать ярусъ сколько угодно и пользоваться насѣвшею на крючки трескою.

Къ китобойному заводу вела небольшая арка, обвитая мхомъ, по которому выдѣлялись яркою желтизою своею желтоголовки, кунавки, эта желтая роза нашихъ сѣверныхъ пажитей; почему заходить на Сѣверъ такъ далеко желтоголовикъ и совершенно не видно нашего плебейскаго одуванчика и лютика, — сказать трудно. Небольшой домикъ управляющаго стоитъ на довольно возвышенномъ перешейкѣ, между малымъ и среднимъ рукавами, соединяющими Урскую губу съ океаномъ, и видъ отъ него, какъ на губу, обставленную скалами, такъ и на открытую воду океана, очень хорошъ. Ожиданіе увидѣть полуденное солнце и на этотъ разъ исполниться не могло, такъ какъ легкія облака затягивали небо; полуденный свѣтъ одѣвалъ скалы своими какъ бы безцвѣтными, безжизненными тѣнями. Дневнымъ свѣтомъ назвать его нельзя; но это — ни въ какомъ случаѣ не полусвѣтъ нашихъ петербургскихъ лѣтнихъ ночей, а что-то такое странное, среднее, хочется сказать — безполое, если только подобное выраженіе можетъ быть допущено. Силу этого свѣта можно, конечно, опредѣлить, — на то есть всякіе приборы, — но едва ли можно съ такою же точностью опредѣлить влияніе, имъ производимое. Этотъ непогасающій къ ночи свѣтъ обуславливаетъ невѣроятно быстрое развитіе мѣстной растительности; въ теченіе шести недѣль здѣшняя трава зеленѣетъ, цвѣтетъ и даетъ сѣмя; это — жизнь безъ отдыха, жизнь запоемъ, и на человѣка нервнаго это полное отсутствіе ночи едва ли можетъ дѣйствовать успокоительно.

На заводѣ, какъ сказано, смотрѣть было нечего. Заговоривъ съ поморами, находившимися на берегу, путешественники сообщили имъ, между прочимъ, что недавно видѣли ихъ женъ, оставшихся въ Кемп. Вѣроятно, они были рады услышать такую неожиданную вѣсточку; но особенною откровенностью чувствъ поморы не отличаются: они сосредоточены, опасливы. На вопросъ, имъ сдѣланный, о томъ: какой это сарай или домишко поставленъ у самой воды, одинъ поморъ отвѣтилъ: «тутъ уголь живетъ»; оказалось, что это—угольный сарай. У поморовъ «шкунa живетъ», «волны въ морѣ живутъ», медвѣдь на зиму въ сплѣтъ зарывается «голодомъ жить» — обычные выраженія. При разспросахъ о лѣтнихъ заработкахъ за описываемое время, когда зашла рѣчь о большой бурѣ 30-го мая, поморы съ невозмутимымъ хладнокровіемъ сообщили, что въ Еретикахъ было нехорошо, и что у нихъ потонуло до пятидесяти человекъ. Эти люди рождаются въ смѣлости и опасностяхъ, и все имъ ни по чемъ. Стоитъ вспомнить хотя бы одинъ только «торосной промыселъ», несущій свое названіе отъ слова «торосъ» — нагроможденныя одна на другую льдины, составляющія зимою «приинаи», то-есть бордюры льдовъ вдоль берега, на краю незамерзающей океанской воды. На эти торосы взбирается морской звѣрь: тюлень и нерпа-сюда же идетъ промышленникъ въ глубокую зиму, верстъ за двѣсти отъ жилья, и ночуетъ подъ открытымъ небомъ. «Сколько ихъ, нашихъ, поуносило!» — говоритъ поморъ, вспоминая объ оторванныхъ льдами и безвѣстно погибшихъ.

На «Забіяку» путешественники возвратились около полуночи. Ни одной звѣзды не поблескивало по свѣтлому небу, и, слегка темнѣвшія по обѣимъ сторонамъ бухты, факторія и становище опускали свои длинныя отраженія въ тихо колебавшуюся воду и казались ростлѣе, богаче, люднѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Поверхъ становища на скалѣ вырисовывалась небольшая деревянная церковь, построенная кольскимъ городскимъ головою. Съ мостика судна можно было видѣть, что въ глубинѣ матерой земли бухта развѣтвляется, скалы ставятся ниже, какъ бы миловиднѣе; говорили, что тамъ есть луга, и лѣсъ растетъ.

Утромъ слѣдующаго дня, 22-го іюня, рѣшено было выйти на китобойномъ пароходѣ «Елена», чтобы спуститься гдѣ-либо на самое побережье и осмотрѣть какое-либо людское поморское жилье. Пока пароходъ разводилъ пары, въ самой бухтѣ, ближе къ южному берегу, производились опыты взрыва двухъ учебныхъ минъ; распространеніе сферы дѣйствія ихъ въ водѣ сказалось очень наглядно по множеству всплывшей на поверхность воды оглушенной рыбы.

Небольшой пароходъ «Елена» рѣзво выбѣжалъ въ сторону къ океану, по синимъ волнамъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ день былъ удивительно свѣтелъ и океанъ игралъ самыми роскошными красками. Держали къ сѣверо-востоку и сдѣлали первую остановку тамъ, гдѣ замѣтенъ былъ въ развѣлинѣ скалы допарскій чумъ. Съѣхавъ на берегъ, путешественники пошли скалистымъ берегомъ и поднялись на скалу. Путь этотъ былъ совершенно адекватнъ, такъ какъ тутъ, конечно, не было никакого пути и предстояло двигаться вдоль поэтической мостовой, сложившейся самопроизвольно изъ всякихъ катышей и голяковъ. Съ удивительною равномерностью чередовались по этому пути полосы снѣга и мѣстной флоры.

Снѣгъ былъ, видимо, на убыли, потому что изъ-подъ довольно громоздкихъ пластовъ его, журча, сбѣгала вода; растительность вся, какая была, мелка и небогата количествомъ видовъ; эти бѣлые ягели, эти вороницы съ розовыми цвѣточками, главные, заглушающіе всѣхъ остальныхъ собратій, представители сѣверной флоры, эти приземистые кустики можжевельника и березки-лилипута,— все это блестяло на яркомъ солнцѣ полною жизнью, жизнью цѣлыхъ двадцати четырехъ часовъ въ сутки. На котловинахъ, обращенныхъ къ югу и защищенныхъ вполнѣ отъ дыханія Сѣвера, будто въ парникахъ, густѣли травы, точно толкая одна другую, такъ ихъ было много. Желтоголовиковъ видѣлось больше другихъ, бѣлѣли нѣжные цвѣточки морошки; кустилась брусника; подалось нѣчто въ родѣ молочая, и блеснулъ въ одномъ мѣстѣ своимъ ярко-розовымъ цвѣткомъ небольшой «шипшиникъ» (липовникъ), *Rosa canina*, мелкая, очень мелкая, но тѣмъ болѣе яркая и замѣтная. Видѣлись повсюду кучками желтыя звѣздочки небольшого растенія, вѣроятно, того же вида, что и «молодило», *Sedum acre*, любящаго скалы и пески. Попадались и брусника; говорятъ, что встрѣчаются мѣста, усыпанныя ею, и тогда они издали рѣзко краснѣютъ, отсюда слово «бруснявѣтъ»—краснѣтъ, «дѣвица бруснявѣтъ»; мѣста, обильно покрытыя цвѣтами или ягодою, называютъ здѣсь «грусна». Не такъ ужъ голъ и мертвъ оказался Мурманъ, какъ его описываютъ,—думалось проходившимъ подлѣ цвѣтовъ; впрочемъ, надо замѣтить, что экземпляръ «шипшиника», попавшійся на самомъ, такъ сказать, краю Сѣвера, если не исключеніе, то все-таки явленіе довольно рѣдкое; это былъ, вѣроятно, какой-нибудь искатель приключеній, нѣчто въ родѣ Христофора Колумба или Ермака, растительнаго царства.

Подняться на Мурманъ на 500—600 футовъ по скаламъ вовсе не легко. За вершинами ихъ въ безконечную даль матерой земли пейзажъ, по завѣреніямъ мѣстныхъ жителей, однообразенъ до невѣроятія. Это—безконечныя тундры, болота, низкорослый лѣсъ, совершенное отсутствіе людского жилья и дорогъ, если не считать одинокихъ, разбросанныхъ на значительныхъ разстояніяхъ охотничьихъ сторожекъ и тропинокъ — «путиковъ», проложенныхъ охотниками. Вотъ и все, что одѣваетъ гранитныя основанія подпочвы. Удивительная страна—Сѣверъ! Какъ поражаетесь вы полуденнымъ солнцемъ, какъ не сразу увидите играющаго предъ вами въ морѣ кита, такъ точно не замѣтите вы того, что называетъ мѣстный охотникъ тропочкой, «путикомъ». Вамъ говоритъ охотникъ, что вы стоите на «путикѣ», что вонъ онъ тамъ, дальше, тянется; но вы рѣшительно ничего не замѣчаете, кромѣ безконечной крупной сыпи камешевъ да торчащихъ между ними кустиковъ и стволиковъ растительныхъ лилипутовъ, покрытыхъ мелкимъ буреломомъ, отъ котораго въ глазахъ пестритъ,— такъ она, эта окрестность, сѣра, безконечна, безотраднa.

А между тѣмъ въ этихъ сумрачныхъ пажитяхъ глубокаго Сѣвера есть много жизни, своеобразной жизни. По безконечнымъ озерамъ и моховымъ болотамъ на короткіе сроки прилетаютъ бекасъ, дупель, утка и всякіе шнепы въ количествахъ невѣроятныхъ; тамъ, гдѣ, въ силу особенно счастливыхъ условій, защищенный отъ сѣвера, разросся лѣсокъ, никѣмъ не мѣренный, мало кѣмъ пройденный, тамъ то и дѣло шарахается въ сторону отъ васъ куропатка, ряб-

чикъ; толкуютъ, что былъ такой годъ, 1860-й, когда тетерева сидѣли въ Архангельскѣ, въ самой столицѣ Сѣвера, по крышамъ. По озерамъ, роняя въ тихую заводь залива свои острия отраженія, видѣются цѣлыми стадами журавли, тѣ самые, что тянутся, покрикивая, въ мартѣ мѣсяцѣ, надъ южною Россією, сюда, къ сѣверу; по песчанымъ отмелямъ «жируютъ» гуси, и жестоко бьются другъ съ другомъ турухтаны въ своемъ роскошномъ весеннемъ опереніи, которое они очень скоро, какъ только пройдетъ охота драться и любить, потеряютъ. Говорятъ, что лебедь, самку котораго убилъ охотникъ, ежегодно прилетаетъ все на то же озеро и остается всегда одинокимъ; объ этомъ рассказываетъ Брэмъ; но совершенно самостоятельно, и навѣрно не читавъ Брэма, рассказываютъ и мѣстные охотники. Особенно много чириканья и посвистовъ въ сѣверныхъ странахъ не раздается. Есть одна гагара, которую называютъ здѣсь «ревухой»; «пугачомъ» называютъ тутъ особый видъ крупнаго филина, *Strix vubo*, голосъ котораго, раздающійся только ночью, составляетъ стлчичный приливъ къ непривѣтливымъ очеркамъ глубоко безотраднато гранитнаго пейзажа. Характерно то, что у поморовъ птицы «говорять», а не поютъ, свистятъ или чрикаютъ.

Это все въ вѣтвяхъ надъ землею, а на самой землѣ есть своеобразная, тоже широкая жизнь. Волкъ не менѣе сильно, чѣмъ небрежность лопаря и страсть его къ норвежскому рому, уменьшилъ когда-то многотысячныя стада оленей; понадается тутъ и «бѣлый волкъ». Дальніе родственники волка — одичавшія собаки бродятъ здѣсь, напримѣръ въ Керетьской волости, цѣлыми стадами и устраиваютъ на оленей правильныя охоты. Подтверждаютъ разсказъ о томъ, что куница перегрызааетъ птицѣ горло, вѣпившись въ нее и не оставляя ее на лету. То же продѣлываетъ и ласка. Тигромъ здѣшнихъ лѣсовъ считается росомаха; рысь тоже водится, и одинъ экземпляръ ея, какъ говорятъ, жилъ цѣлую недѣлю, опять-таки, въ Архангельскѣ, въ столицѣ Сѣвера, и только съ трудомъ былъ убитъ. Медвѣдь къ самой окраинѣ Мурмана не подбирается: лѣса для него мелки и малы.

Какъ бы въ подтвержденіе несомнѣннаго присутствія звѣря, въ очень недалекомъ разстояніи протянула по бѣлому снѣгу крупная хвостистая лисица; рѣзкая, почти черная тѣнь волочилась подлѣ нея по снѣгу; лисица эта, вѣроятно, имѣла свой «путикъ», свою тропинку, по которой слѣдовала.

На берегу видѣлся между скалами чумъ. Такъ какъ время было теплое, то входъ въ него былъ открытъ, и оленья шкура, закрывающая его, отворочена. Чумъ, лопарскій чумъ, это одинъ изъ первообразовъ человѣческаго жилья. Примѣнившись къ мѣстности, какъ примѣняется грибокъ, когда онъ растетъ между кореньями, потягиваясь къ свѣту и теплу, приютился чумъ въ глубокой расщелинѣ скалы, между навороченными отъ вѣка камнями, защищенный ими отъ всякихъ вѣтровъ. Чумъ — это вязанка жердей; съ одного конца, сверху, онѣ связаны такъ, чтобы между концами оставалось небольшое отверстіе для выхода дыма; съ другого конца жерди раздвинуты по кругу и понатыканы въ землю, въ мохъ, въ расщелины между камнями. Поверхъ этихъ жердей наложенъ слой гдѣ дернъ, а гдѣ и досочки; на мѣстахъ менѣе прочныхъ

настлана оленья шкура, и все это скрѣплено одно съ другимъ чѣмъ Богъ послалъ: веревочкой, прутьями, плетенкою морской травы. Чумъ этотъ—полная собственность лопаря. Подобныя мѣста по побережью насиживаются, какъ мѣста нищихъ у той или другой изъ паптерей церковныхъ. На зиму лопарь уйдетъ въ свое зимнее становище, состоящее тоже изъ чумовъ, только покрупнѣе, и расположенное гдѣ-нибудь по близости, на матерой землѣ; онъ захватитъ съ собою то, что поцѣннѣе; образочки, оленьи шкуры, посудину; онъ вытащитъ на берегъ свою лодченку, оставитъ свой чумъ до слѣдующей весны и вернется къ нему въ полной увѣренности въ томъ, что никто другой не займетъ его. Это—взаимная гарантія самыхъ бѣдныхъ на свѣтѣ людей, прочнѣйшая, чѣмъ всевозможныя писанныя условия.

Вѣроятно, что приближеніе множества людей, не дававшихъ себѣ обѣта молчанія, движеніе ихъ по гранитнымъ катышамъ, перевертывавшимся подъ ногами, было издали замѣчено обитателемъ чума. Внутренность чума гораздо прочнѣе и пріятнѣе его внѣшности: оленьи шкуры были разостланы по землѣ; прямо противъ входа, мелкая изъ-за дыма костра, разведеннаго посреднѣй, виднѣлось нѣсколько образочковъ, створней, поставленныхъ на почетное мѣсто, на низенькую скамеечку; небольшая кошка—одно изъ пріятнѣйшихъ достояній лопаря—присосѣдилась къ нимъ. На жердяхъ висѣло большими комьями вяленое китовое мясо. Лопарь объяснилъ, что его пищу составляетъ не одна только рыба, но и это мясо, добываемое «даромъ» съ ближайшаго Урскаго завода, и что съ тѣхъ поръ, какъ китовыя туши, по снятіи съ нихъ жира, идутъ въ Арскій заводъ, эта статья хозяйственнаго обихода, пожалуй, прекратилась.

Около двухъ часовъ дня, 22-го іюня, «Забойка» оставилъ Еретки. Предстоялъ переѣздъ очень небольшой, всего въ два часа времени, къ Кольской губѣ и далѣе къ городу Колѣ, оставшемуся къ югу. Съ эльмъ вмѣстѣ началось обратное путешествіе.

Кольская губа.

Екатерининская гавань. Ея исторія. Надежды Поморья. О мурманскихъ гаваняхъ и бухтахъ вообще. Вопросъ военный и вопросъ промысловый. Абрамова пахта. Прибытіе въ Колу.

Глубокій Сѣверъ — 68° сѣверной широты, за полярнымъ кругомъ. Здѣсь, послѣ двухмѣсячной ночи, по народной примѣтѣ, только съ Василя Солнворота—съ 1-го января—опять «застѣвчиваетъ», т. е. днемъ свѣтитъ начинается.

Да не ошибаемся ли мы,—такъ ли это? Чудеснѣйшій день; термометръ показываетъ въ тѣни 20°, и навстрѣчу крейсеру, вступающему въ Кольскую губу, чуть слышно вѣетъ теплый южный вѣтеръ. Едва только судно направилося къ губѣ и стало поворачивать въ нее, не доходя острова Кильдина, какъ сумрачное обличье Мурмана будто свѣялось, исчезло куда-то. Тутъ у входа въ Кольскую губу, словно огромные зѣвы, раскрываются къ океану многія губы, которыми побережье изрѣзано совершенно; вотъ слѣва губа Волоковая, справа — островъ Торосъ, губы Кислая, Сайда, Оленья, Пола. Впередѣ тянулась вглубь материка какъ бы широкая, очень широкая рѣка, обставленная горами, футовъ въ 300—400 вышиною, густо поросшими довольно высокимъ листовымъ лѣсомъ. Глаза отвыкли съ этой яркой, позлащенной солнцемъ зелени, и вотъ она опять передъ вами, изумрудная, свѣтлая, спускающаяся съ вершинъ вплоть до синей волны, нѣжно обмывающей ея корни, и это рядомъ, бокъ-о-бокъ съ Мурманскимъ побережьемъ! Будто воспоминаніе Мурмана, его жилистыхъ очертаній, его непривѣтливыхъ тѣной, тамъ или тутъ высится въ зелени отдѣльная скала, часто совершенно отвѣсная, называемая тутъ «пахтой», но зелени много и на ней.

Сѣверъ ли это, Мурманъ, или, можетъ быть, частичка Волги, подлѣ Жигулей, чудомъ перенесенная къ Ледовитому океану и подсунутая подъ крейсеръ съ полною обстановкою юной, южной картины? Говорятъ, будто возникали подобныя неожиданныя картины въ стѣняхъ южной Россіи, ублажая очи путешествовавшей когда-то великой императрицы.

Обратимся, однако, для повѣрки себя къ источникамъ, къ изслѣдова-

ніямъ, и тутъ первое мѣсто какъ по точности, такъ и по новости должно быть отдано книгѣ «Мурманскій берегъ въ промысловомъ и санитарномъ отношеніи» врача В. Гулевича, одного изъ главныхъ работниковъ архангельскаго санитарнаго отряда. Вотъ данныя средней температуры Мурмана по Реомюру: зима—6 градусовъ, весна +2,29, лѣто +8,95, осень +2,5; 20 и болѣе градусовъ тепла въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ не рѣдкость. Океанъ по Мурману зимою не замерзаетъ никогда; по немъ плаваютъ льдины, не мѣшающія движенію судовъ; обмерзаютъ иногда берега на недолгое время такъ называемымъ «припаемъ», который очень быстро разбивается и образуетъ мѣстами «торосы», ледяныя горы; совершенно замерзаютъ только бухты.

Судя по этимъ короткимъ, но яснымъ даннымъ, несомнѣнно, что нельзя считать Ледовитый океанъ по Мурману побережьемъ закрытымъ. Объ Устьегѣ Великому было сказано, что разница между продолжительностью навигаціи петербургскаго порта и архангельскаго не превышаетъ 30—60 дней; но это—для Бѣлаго моря, имѣющаго нехорошую привычку замерзать, а не для Мурмана. Вопросъ о срокѣ плаванія по Ледовитому океану настолько существенно важенъ какъ съ военной, такъ и съ торговой стороны, что о гаваняхъ и бухтахъ нашего побережья должно поговорить подробнѣе; это будетъ совершенно кстати послѣ посѣщенія Екатерининской гавани, предстоявшаго немедленно по входѣ въ Кольскую губу.

Около четырехъ часовъ пополудни крейсеръ круто повернулъ вправо, въ губу Палу, и немедленно перемѣнилъ въ ней курсъ налѣво. Это и была Екатерининская гавань. Просторная гавань, съ тихо плескавшеюся водою, широко раскидывалась вокругъ, обрамленная скалами, разукрашенными зеленью лѣсовъ. Широкій кругъ чертилъ по ней крейсеръ.

Гавань не особенно велика: въ ней двѣ версты длины, одна—ширины; замерзаетъ она, и то не всегда, только на полтора мѣсяца. Это не бухта, это собственно проливъ между островомъ Екатерининскимъ и матерюю землею. Всѣ берега ея чисты и приглубы, подлѣ нихъ около десяти сажень глубины; подальше—отъ шестидесяти до ста сажень. «Нельзя вообразить себѣ—говоритъ Рейнеке—стоянки безопаснѣе и спокойнѣе»; единственное неудобство ея—это узость входа, не допускающая лавировки, что, какъ извѣстно, для судовъ съ паровыми двигателями—вопросъ третьестепенный. Съ давнихъ, давнихъ лѣтъ была Екатерининская гавань на виду и считалась кладомъ, такъ какъ выходъ изъ нея весною и возвращеніе въ нее позднею осенью,—что существенно важно для успѣха промысловъ—представляются вполне удобными. Недаромъ стремятся наши промышленники, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, къ сосѣдней съ нею Колѣ, составляющей главную станцію ихъ на пути къ Мурману. Съ 1741 по 1744 годъ зимовали въ Екатерининской гавани наши военные корабли, такъ какъ въ Архангельскъ входить они не могли, вслѣдствіе Березовскаго бара. Въ 1741 году были произведены—подробный осмотръ гавани и снятіе ея на планъ; въ 1742 году—вторично. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1748 года адмиралъ Брендаль, зимовавшій тутъ съ флотомъ, получилъ приказаніе идти отсюда съ двумя соединенными эскадрами въ Балтійское море; но оказалось, что кедровый лѣсъ, изъ

котораго была построена «Діана», «естъ какъ губка»; что на двухъ фрегатахъ не хватаетъ 48 пушекъ, а вообще нѣтъ пороху, нѣтъ мундировъ и люди по восьми мѣсяцевъ жалованья не получали. Такъ рапортовалъ Брендаль пославшей его въ Балтику адмиралтействъ-коллегии. Въ 1744 году изъ Екатерининской гавани ушли—и на этотъ разъ, чтобы болѣе не возвращаться—наши послѣдніе три военныхъ корабля.

Выше сообщалось уже о тѣхъ печаляхъ поморовъ, которыя были повѣданы ими по поводу уступки Норвегій нѣсколькихъ лучшихъ незамерзающихъ гаваней. Но чтѣ съ возу упало, то пропало,—надо беречь остальное. Арская губа не замерзаетъ никогда; Териберка—не совѣмъ; Еретки сковываются льдомъ недѣли на двѣ; Екатерининская гавань это—то мѣсто, изъ котораго промысловый пароходъ, прозимовавъ, можетъ направиться къ Новой Землѣ уже въ мартѣ мѣсяцѣ и помѣшать норвежцамъ снимать богатяя сливки съ нашихъ моржевыхъ промысловъ. Кромѣ перечисленныхъ удобныхъ для промысловъ мѣстностей, имѣется цѣлый рядъ другихъ, не менѣе, если не болѣе удобныхъ: губы Зеленецкая, Шельнинская, Харловка, Семь Острововъ, Лица. По обширности, безопасности и удобству лучше прочихъ бухтъ считаются Екатерининская и Зеленецкая.

Вопросъ о спокойныхъ стоянкахъ на нашемъ сѣверномъ побережьи—вопросъ очень важный и давно уже вызывалъ всякія изысканія и соображенія. Въ вопросѣ этомъ собственно двѣ стороны: одна—промысловая, другая—военная; для той и другой совѣмъ разныя требованія; но чтобы наше сѣверное Поморье оставалось такимъ беззащитнымъ, какъ въ настоящую минуту, это нежелательно и нецѣлостно. Когда рельсы соединятъ Волгу съ Сѣвѣрною Двиною, чтѣ должно, какъ извѣстно, совершиться въ близкомъ будущемъ, тогда значительная часть грузовъ направится не къ Петербургу, а къ сѣверному побережью при новыхъ условіяхъ,—неужели же только старички «Баканъ» да «Полярная Звѣзда» будутъ, попрежнему, представлять здѣсь отъ имени нашего флота, а остатки земляныхъ валовъ, поднятыхъ противъ англичанъ въ 1854 году руками горожанъ и монаховъ въ Онегѣ, Колѣ, Кеми и Соловецкомъ монастырѣ, примутъ на себя обязанность внушать людямъ почтеніе къ нашей береговой оборонѣ? Это немыслимо.

О промысловыхъ гаваняхъ на Мурманѣ у насъ, отъ поры до времени, за послѣдніе годы подумывали. Еще въ 1871 году при Министерствѣ Финансовъ была образована особая комиссія для разсмотрѣнія въ этомъ отношеніи различныхъ предположеній. Отъ этой комиссіи, нашедшей необходимымъ устройство хорошаго порта, была отправлена на Мурманъ подкомиссія, рѣшено было задаться мыслью устройства порта свободнаго ото льда, лежащаго приблизительно на полпути отъ Норвегій къ Архангельску, въ которомъ могли бы быть поставлены всякіе склады, начиная отъ угольныхъ. Такою гаванью предположена была комиссіею губа Могильная, находящаяся на южной части острова Кильдина, въ которой съ устройствомъ мола получилась бы прекрасная стоянка въ 12 или 14 верстѣ въ окружности. Тутъ, въ защитѣ отъ всякаго вѣтра, подходя къ берегамъ вплотную, суда могли бы запастись всеѣмъ необходимымъ;

тутъ находились бы: мировой судья, становой, судебный слѣдователь и врачъ съ больницею. Мнѣніе комиссіи расходилось, повидному, съ мнѣніемъ департамента мануфактуръ и торговли, останавливавшагося на губѣ Ура. Близки ли были все подобныя предположенія къ осуществленію, — неизвѣстно; но вѣрнѣйшій фактъ, что вопросъ объ устройствѣ торговаго порта поднимался.

Былое Екатерининской гавани гласитъ, какъ сказано, о томъ, что въ ней гостили и флоты. Если поискать хорошенько, то и кромѣ Екатерининской гавани найдутся для той же цѣли и другія, хотя бы близъ Святаго Носа, у Иоканскихъ острововъ. Мечта—мечтой, а дѣло—дѣломъ, и можно бы, пожалуй, рискнуть изображеніемъ слѣдующей мысли: если бы Петръ Великій почувствовалъ всю тягость нашего положенія въ Дарданеллахъ и Зундѣ, онъ едва ли бы обошелся съ Архангельскомъ такъ безцеремонно, какъ обошелся съ нимъ, открывая всѣ льготы въ пользу Петербурга и Балтійскаго моря. Имѣть море и не пользоваться имъ—это дѣйствительно странно, и Петръ Великій непремѣнно обратился бы къ нему. Мурманъ съ его неисчерпаемымъ рыбнымъ богатствомъ, но особенно далекій отъ Петербурга и Москвы, былъ всегда Золушкою по сравненію съ каспійскими рыбными и тюленьими промыслами. Архивъ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1850—1870 года хранитъ множество бумагъ, касающихся послѣднихъ; не проходило мѣсяца, чтобы какое-либо мѣропріятіе не восходило до Сената, Комитета Министровъ, Государственнаго Совѣта, до Высочайшей власти; тамъ устроено было и дѣйствуетъ до сего дня особое управленіе; имѣется съ 1870 года свой пароходъ, а съ 1867 года управленію и всѣмъ судамъ, находящимся въ его распоряженіи, даны были даже особый флагъ и вымпелъ. Это все для Каспія; для Мурмана до семидесятыхъ годовъ не сдѣлано было ничего или очень мало, и сѣверное побережье наше не только въ натурѣ, но и въ государственномъ сознаніи заволакивалось туманами. Съ Высочайшаго соизволенія, въ сентябрѣ 1882 года была учреждена въ Архангельскѣ временная совѣщательная комиссія о потребностяхъ Сѣвернаго края; въ октябрѣ того же года — особая на этотъ предметъ комиссія при Министерствѣ Финансовъ, окончившая свои работы въ апрѣлѣ 1885 года. Мѣры, ею проектированныя, въ большинствѣ приведены уже въ исполненіе.

«Забіяка», давъ кругъ по Екатерининской гавани, въ зеленомъ кольцѣ ея береговъ и въ молчаливомъ, незримомъ присутствіи воспоминаній, вышелъ снова въ Кольскую губу и направился прямо къ югу. Эта губа дѣйствительно похожа на извивающуюся рѣку. Нѣкоторые называютъ всю ее рѣкою Колою, и это, пожалуй, имѣетъ нѣкоторое основаніе, потому что близъ города Кола губа какъ бы образуется отъ сліянія двухъ рѣкъ: Колы и Туломы. «Кольская губа—чтѣ московская тюрьма»,—говорятъ поморы, изображая этимъ довольно неудачно ту особенность ея, что она, не замерзая во всю зиму, иногда въ началѣ марта покрывается льдомъ и стоитъ подъ нимъ за Благовѣщенье, мѣшая промышленникамъ, собравшимся въ Колу, выйти въ океанъ.

Въ восьми верстахъ отъ города, уже къ вечеру, судно бросило якорь подлѣ Абрамовой «пахты», то-есть скалы, и Анна-«корги», то-есть обсушной, песчаной мели. Слѣва поднимались обросшія сплошнымъ лѣсомъ, довольно поло-

гія, по не менѣе возвышенныя горы, а подлѣ самой воды видѣлся лопарскій чумъ. Скала Абрамова пахта, ствѣсная, въ 100 футовъ вышины, совершенно темная, была усѣяна, будто свѣтлымъ бисеромъ, по всемъ выступамъ своимъ морскою птицею; иногда бисеръ этотъ приходилъ въ движеніе; однѣ изъ бѣлыхъ бисерянокъ перелетали къ другимъ, будто дѣлая другъ другу визиты; бѣлыя подосы помета нависали по скалѣ отовсюду, и немолчные крики доносились издали, когда судно, выпустивъ все пары, окончательно замолкло; это были, должно быть, разговоры при визитахъ птицъ, болѣе или менѣе занимательные. Съ якорнаго мѣста еле-еле видѣлась, едва поднимаясь надъ водою, Кола.

Такъ какъ было предположено на-завтра, воскресенье, 23-го іюня, быть у обѣдни въ Колѣ, то весь вечеръ оставался свободнымъ. Двое изъ путниковъ, пошедшихъ на охоту, безъ собакъ, конечно, на авось, видѣли цѣлую массу куликовъ на берегу и много куропатокъ и тетеревовъ, то и дѣло выпархивавшихъ съ великимъ шумомъ по зеленому лѣсу. Ходьба по лѣсу была очень трудна, такъ какъ почва представляла груды валуновъ, обросшихъ мохомъ, между которыми, неизвѣстно чѣмъ питаюсь, растутъ: ель, сосна, береза, ива. Ходьба по берегу, по сырому песку въ часъ отлива была гораздо пріятнѣе; оставленные водою гроздья морской капусты, *Strambe maritima*, пощелкивали подъ ногами; длинными, зелеными прядями лѣнились по мокрымъ камнямъ густыя бороды всякихъ тонняковъ и нитчапогъ; розовыя, бѣлыя и голубоватенькія ракушки видѣлись повсюду; ходить было хорошо, но надо было подумать о возвращеніи къ берегу, такъ какъ приливъ, слѣдовавшій непосредственно вслѣдъ за отливомъ, набѣгалъ очень быстро, такъ быстро, что не въ шутку легко можно было быть отрѣзаннымъ отъ земли; кругомъ никого—дѣлай тогда, чтѣ хочешь.

Въ девять часовъ утра слѣдующаго дня, 23-го іюня, спущены были паровой катеръ и вельботъ, и при довольно сильномъ вѣтрѣ путешественники направились къ обѣднѣ въ Колу. Вельботъ шель на буксирѣ пароваго катера. По мѣрѣ приближенія къ Колѣ, заливъ становился все уже, все болѣе похожимъ на рѣку; городокъ выросталъ своими небольшими очертаніями на песчаномъ, обросшемъ сочною травою мысу, образуемомъ слияніемъ Туломы и Колы. Долины этихъ рѣчекъ, уходящія вглубь, дѣлили—такъ казалось—Кольскую губу на-двое; особенно широкою, уходящею въ холмистую голубую даль, была долина рѣки Туломы; тутъ была цѣлая амфилада горъ. Рѣзче всего бѣдѣла на берегу городская церковь, а за городомъ поднималась между двумя долинами гора Соловарака, въ 250 фут. вышины; «варака» по-фински значитъ скала, гора, «сѣло»—солнечная. Слева отъ нея, выше другихъ, почти противъ города поднималась гора Горѣла. Берегъ былъ усыпанъ пародомъ или, вѣрнѣе, женщинами, такъ что тутъ повторялось то, чтѣ наблюдалось въ Кемп: изъ воды возникалъ амазонскій городъ сѣвернаго побережья,—та же нестрога, тотъ же характерный типъ одѣяній. Все это представилось въ самомъ сѣверномъ городѣ Россіи, въ Колѣ. Это — древнѣйшія мѣста новгородской жизни, и нѣсколько историческихъ чертъ не лишнее привести именно на этомъ мѣстѣ.

К о л а.

Любопытныя историческія данныя. Нападенія англичанъ. Метеорологическія особенности. Репутація Кола. Посѣщеніе церкви. Видъ города. Кладбище. Гора Соловарака. Лопарская выставка. Пѣсни и пляска. Возвращеніе на крейсере и отплытіе.

Кола основана новгородцами около семисотъ лѣтъ тому назадъ. Въ договорѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ новгородцами, въ 1264 году, значится, что въ Колѣ управляли мужья новгородскіе. Изъ бояръ новгородскихъ видными вотчинниками здѣсь были Строгановы, что явствуется изъ грамоты, данной Печенгскому монастырю. Въ 1500 году существовалъ здѣсь крѣпкій острогъ, отразившій нападеніе шведовъ; онъ служилъ мѣстомъ селки. Въ 1590 году шведы разорили Троицкую Печенгскую обитель, основанную въ 1533 году крещенымъ евреемъ Трифономъ, и она перенесена въ Колу, а затѣмъ упразднена. Царь Михаилъ Осодоровичъ снабдилъ неусудными грамотами проживавшихъ въ Колѣ старцевъ, слугъ и крестьянъ Соловецкой обители. Въ 1664 году царь Алексѣй Михайловичъ опредѣлилъ сюда стрѣльцовъ и воеводу. При Петрѣ Великомъ крѣпость перестроена, вооружена 53 пушками и снабжена гарнизономъ; при Екатеринѣ II въ ней оставалось 35 пушекъ, а затѣмъ крѣпость предана разрушенію, но почтенныя остатки ея видны кое-гдѣ и до сихъ поръ.

Въ 1809 году Кола пенигала нападеніе англичанъ; они послали въ нее со своего флота двѣ шлюпки съ 35 матросами; Кола имѣла тогда въ гарнизонѣ всего 50 пивалдовъ и ни одной пушки. Горожане, завидѣвъ врага, немедленно ополчили 300 человекъ и передали начальство надъ ними купеческому сыну Герасимову. Этотъ купеческій сынъ задумалъ было взять англичанъ живьемъ въ плѣнъ, преградивъ имъ отступленіе; но мѣстный неправникъ предпочелъ встрѣтить англичанъ иначе и малодушно отдалъ имъ свою лшагу. Частъ спуста по выходѣ на берегъ все англичане были мертвецки пьяны и убрались съ грудомъ, потому что горожане, удалившіеся на гору Соловарака, стали мало-по-малу возвращаться; болѣе трезвые изъ англичанъ положили советъ пья-

ныхъ товарищей въ кольскіе карбасы и перевезли къ своимъ кораблямъ. Въ 1854 году англичане бомбардировали Колу и сожгли 64 дома; слѣды разрушеній видны и до сихъ поръ. Все вооруженіе Колы тогда состояло изъ двухъ орудій: одно изъ нихъ находилось у соляного магазина; это былъ фальконетъ безъ цапфъ, привязанный къ двумъ бревешкамъ, замѣнявшимъ лафетъ, а у древней башни—большое старинное орудіе съ отбитою дульною частью. Но жители все-таки рѣшили защищаться; они наняли эти оба орудія въ Екатерининской гавани и перевезли съ великими затрудненіями, твердо рѣшивъ дать непріятелю отпоръ. Защитою Колы руководилъ Бруннеръ, о которомъ было сказано при воспоминаніи о бомбардировкѣ Соловецкаго монастыря. Одна изъ этихъ пушекъ красуется и теперь возлѣ церкви за оградою.

До 1858 года Кола была городомъ заштатнымъ, затѣмъ уѣзднымъ, потомъ опять разжалована и въ 1882 г. повышена снова въ уѣздные. Съ 1877 г. тутъ имѣется метеорологическая станція. Здѣшнее обширное лѣсничество—что очень характерно — приноситъ казны всего только около 5.000 руб. дохода, потому что въ немъ насчитывается до 8.000.000 десятинъ тундры, не производящей ничего, кромѣ лишаевъ. Ни больницы, ни аптеки въ этомъ уѣздномъ городѣ въ описываемое время еще не было; только сравнительно недавно устроена больница на шесть кроватей, имѣются врачи, и (съ 1895 г.) городъ соединяется телеграфною линіею съ внутренними городами.

Въ 1867 году архангельскій вице-губернаторъ Сафроновъ напелъ въ Колѣ, бывшей тогда уѣзднымъ городомъ, «одного чиновника, правившаго должности исправника, городничаго, судьи, казначея и стряпчаго; одну лошадь и одніи дрожки». Видимо недовольный Колою, вице-губернаторъ замѣчаетъ, что «кто же пойдетъ на сѣверъ въ челюсти полюса»? Другія мнѣнія о городкѣ—менѣе мрачныя. Жившій здѣсь довольно долго судебный слѣдователь находилъ мѣстный климатъ безъ сравненія лучше петербургскаго, а шведскій профессоръ Вульфсбергъ считаетъ его даже лучше итальянскаго! Съ 13-го ноября по 9-е января солнце на горизонтѣ здѣсь даже и не показывается и въ пасмурные дни свѣта не бываетъ совсѣмъ, а только сумерки. Съ 20-го мая по 10-е іюля, наоборотъ, солнце съ горизонта не сходитъ вовсе. Въ послѣднія зимы холодъ не превышалъ 35¹/₂° по Реомюру. Сравнительная рѣзкость въ процентномъ отношеніи тьмы и свѣта обусловила, вѣроятно, существованіе поговорки, гласящей о Колѣ: «городъ уда, а народъ-крюкъ»; сложилась она, безъ сомнѣнія, въ тѣ дни, когда большинство маленькаго населенія, едва достигающаго тысячи человекъ мужинъ и женщинъ, были сутягами; съ кѣмъ и почему сутяжничали они—необъяснимо. Вообще, если судить по поговоркамъ, репутація Колы очень незавидна: «въ Колѣ съ одной стороны море, съ другой—гора, съ третьей—мохъ, а съ четвертой—охъ!»; «кто въ Колѣ три года проживеть, того на Москвѣ не обмануть». Есть еще и другія поговорки—похуже приведенныхъ.

Велико было въ былые годы богатство рыбы въ Кольской губѣ. Разсказываютъ, будто въ 1825 году жители черпали тутъ сельдей ведрами, а ранѣе того, въ 1777 году, на отмеляхъ обсохло однажды стадо сельдей по кольно вышиной. Изобилны въ Кольской губѣ, какъ сказано было раньше, и акуны.

По словамъ вице-адмирала Рейнеке, сюда заходило столько акулъ, что промышленники молились объ избавленіи ихъ отъ этихъ чудовищъ. Акулъ бывало такъ много, что ихъ по зароку не ловили вовсе; но когда припались за нихъ снова, то промышленники въ одну ночь зарабатывали по 25 руб.; «страхъ забиралъ глядѣть, говорили они, какъ потянуть двухсаженную рыбу, а другія, окруживъ шняку, десятками высматриваютъ изъ воды, чернѣясь на ея освѣщенной огнемъ поверхности своими чудовищными спиннами». Въ прежнія времена, за недостаткомъ стеколъ, изъ кожи акулъ дѣлали «окончины». Заходятъ въ Кольскую губу и киты. Г. Кушелевъ очень занимательно описываетъ мародерство норвежскихъ китобойныхъ пароходовъ въ нашихъ заливахъ и бухтахъ. По десяти и болѣе пароходовъ вторгались въ заливъ велѣдь за китами: «подводные частые взрывы какъ понавшихъ въ китовъ ядеръ, такъ и ударяющихся къ морское дно; рѣзкій свистъ нара; шумныя плесканія издыхающихъ китовъ, до пѣны взбивающихся могучими хвостами и плавниками неглубокія воды маленькой бухты; грохотъ и лязганье пѣней и якорей; визгъ быстро выбираемыхъ талей; крики и возгласы команды; хриплыя командныя выкрикиванія шкиперовъ; глухой гулъ морского прибоа; гудѣніе и свистъ вѣтра въ снастяхъ». А на берегу? что дѣлается въ это время на берегу? Киты вошли въ бухту велѣдь за мойвою; мойва исчезаетъ; промышленники наши остаются безъ паживки, и неудивительно неистовыя причитанія нашихъ мойвенныхъ артелей, предъ глазами которыхъ совершается все описанное...

Кола, какъ центръ нашего китобойнаго промысла, была намѣчена давнымъ-давно. Въ 1723 году иноземецъ Гарцинъ представилъ Петру I проектъ учрежденія китоловной компаніи, и тогда же велѣно было построить для этой цѣли въ Архангельскѣ три или четыре корабля и отправить ихъ въ главный операціонный пунктъ — Колу. Корабли строилъ Баженинъ, и одинъ изъ нихъ назывался «Вальфинъ». Въ 1803 году, по ходатайству министра коммерціи графа Румянцева, была учреждена «Бѣломорская компанія» для сельдяныхъ и китоловныхъ промысловъ; складочнымъ мѣстомъ назначена опять-таки Кола; стоянкой для судовъ—Екатериинская гавань. Въ 1813 году эта компанія прекратила свою дѣятельность.

Изъ краткаго очерка прошлаго Колы видно, насколько городокъ этотъ представлялъ интереса. Паровой катеръ и вельботъ на его буксирѣ, везшіе путешественниковъ, не могли подойти къ пристани, устроенной на рѣкѣ Туломѣ, шаговъ на сто разстоянія; тутъ поставленъ былъ на якорь баркасъ, за который придержались. Между баркасомъ и берегомъ Тулома бѣжала очень быстро по мелкому каменистому ложу; пришлось пересѣсть на маленькія лодочки и переплыть черезъ стремнину, не менѣе быструю, чѣмъ въ Кеми, но не порожистую. Путешественники вышли на берегъ и направились къ церкви, пѣшкомъ, конечно, потому что и тутъ лошадей въ заводѣ нѣтъ. Солнце блистало во всю, и небо было глубоко лазурно; сине-зеленая бухта, такая же рѣка, кружная папорама горъ, уходившихъ вдаль долиною Туломы, были въ полномъ смыслѣ слова роскошны. Толпа женщинъ въ праздничныхъ нарядахъ, состоявшихъ изъ пестрѣйшихъ одѣяній и златотканыхъ сарафановъ, кокошниковъ и кацавеекъ,

Лопарь съ болкомъ.

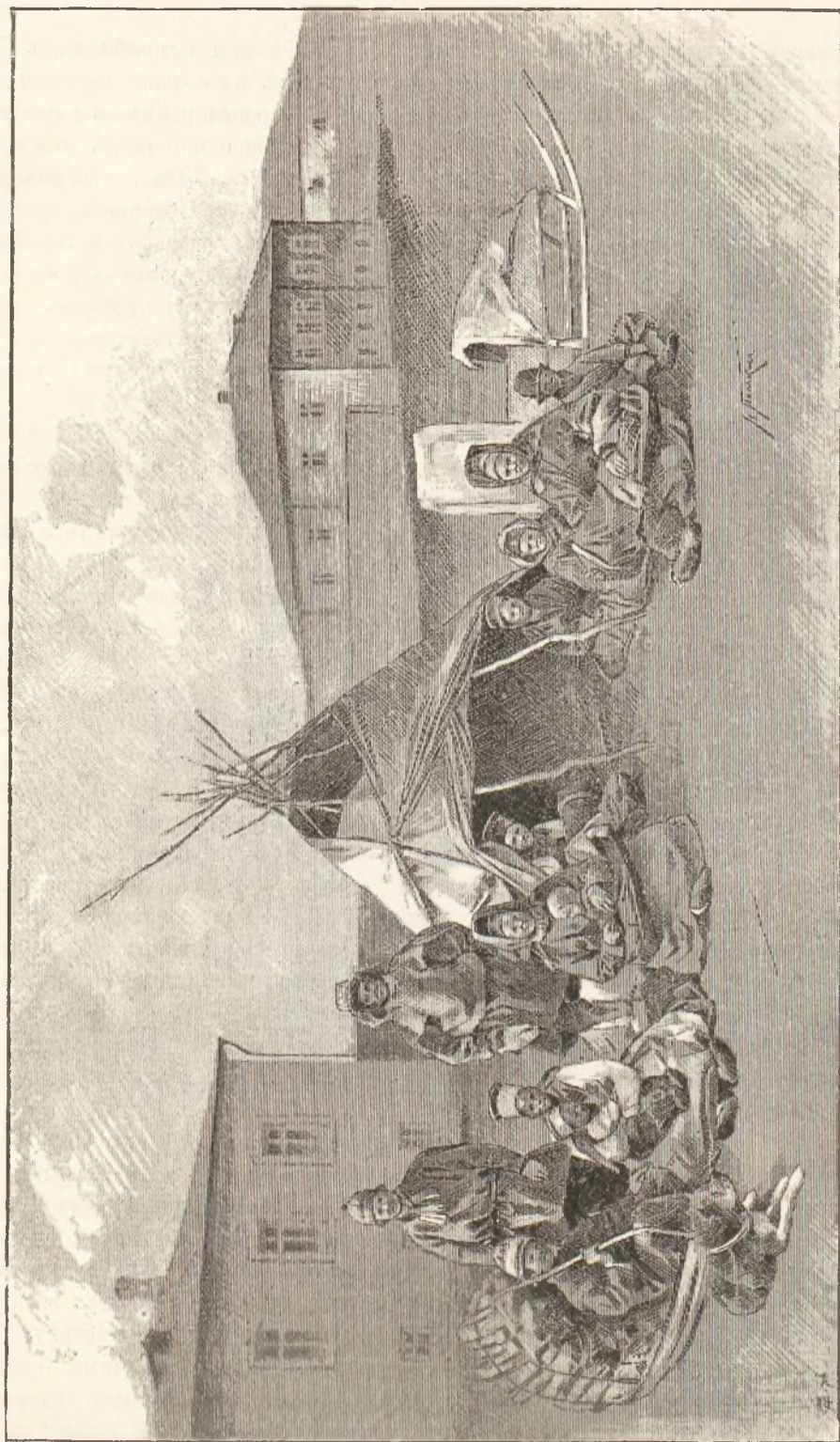

Лопарка съ кережкой.

называемыхъ здѣсь «коротенька», также отвалила вельдъ за прибывшими. Иѣ-которые изъ головныхъ, ярко блиставшихъ золотомъ на солнцѣ, кокошниковъ достигали одного фута и болѣе вышины; самостоятельный предметъ украшенія составляютъ здѣсь цѣпи на шеяхъ жезлицъ, начиная отъ тонкихъ до массивныхъ серебряныхъ, золоченыхъ, персвитыхъ жемчугомъ. Такъ и веноминались женщины богатаго древняго Новгорода, время Мары Борецкой, прямыми потомками которыхъ являются колянки. Существуетъ поговорка: «Кола—бабья воля», что, по объясненію Подвысоцкаго въ его заглавительномъ «Словарѣ архангельскаго областного нарѣчія», значитъ, что колянки при крѣпкомъ, крупномъ тѣлосложеніи отличаются энергіею и самостоятельностью не только въ хозяйствѣ, но и въ морскихъ промыслахъ, управляя нерѣдко судами, идущими въ Норвегію.

Небольшая каменная городская церковь съ луковичеобразнымъ куполомъ и шатровою колокольнею расположена въ уровень съ остальными строеніями города, тоже на зеленомъ дугу; куполь и верхъ колокольни—зеленые, стѣны выѣлены; церковь—небольшая, въ два свѣта, съ бѣлымъ деревяннымъ иконостасомъ. Есть въ городѣ и другая церковь, кладбищенская, деревянная; она расположена противъ городской церкви на островкѣ, образуемомъ порогами рѣки Кола; сѣренькая, неподновляемая, она, видимо, идетъ къ разрушенію, и нижняя часть ея рѣзного иконостаса уже замѣнена какою-то сѣрою коленкоровою завѣсью. Вокругъ церкви на островкѣ раскинулось кладбище; есть много старыхъ, даже провалившихся, полуоткрытыхъ, зіяющихъ могилъ; здѣсь, на этомъ кладбищѣ, судя по надписямъ на разбитыхъ, накрененныхъ плитахъ, въ мирѣ почиваютъ неправники прежнихъ временъ и другіе люди, власть имѣвшіе. Перевозъ покойниковъ на этотъ островокъ не всегда удобенъ; въ весеннюю и осеннюю воду рѣка Кола не разъ уже промывала могилы; въ нихъ, вѣроятно, и костей не сыскать. Отъ этой церкви очень хорошо видна высящаяся надъ Колою гора Соловарка или Соловарака, едва поросшая кустарникомъ; она довольно простого, утомительнаго очертанія; сѣва на ней замѣтень совершенно гладкій песчаный откосъ, слѣдъ землетрясенія, приключившагося въ 1872 году, въ февралѣ, въ самую мясоедную субботу. Говорятъ, что это было въ четыре часа утра; подземные удары дллись около пяти минутъ. Соловарака дала большой оползень къ рѣкѣ Колѣ и обнажена однимъ бокомъ и до сихъ поръ.

Въ описываемое время, въ Колѣ, въ домѣ Хинагина, бывшаго городского головы, построеннаго въ Еретникахъ церковь, была устроена своеобразная выставка мѣстныхъ предметовъ. На зеленой муравѣ, недалеко отъ церкви, была разбита лопарская палатка «куйвакеа», состоявшая изъ жердей, обтянутыхъ парусиною, и населенная многочисленною семьею лопарей; тишичныя дѣтскія «зыбки», маленькія берестовыя саночки, внутри которыхъ, какъ тѣла египтянъ въ муміяхъ, покоятся ребятишки, лекащіе обязательно посами кверху. Тутъ же видѣлись два главные дорожные санные экипажа: «кережний бологъ», открытый, и такой же подъ нарушнымъ колнакомъ, называемымъ «волчокъ»; они назначены для ѣзды на оленяхъ и тоже непремѣнно лека, потому что иѣ-

Колд. Выставка, Лодарскій цурль,

этомъ единственное ручательство вываливаться возможно рѣдко, ѣдучи безъ дороги.

Видѣлись подлѣ бологовъ и маленькія саночки «кережки», неразлучныя спутницы пѣшеходныхъ странниковъ, перетаскивающихъ на нихъ необходимые принасы: путникъ идетъ, кережка волочится за нимъ, и если она не опустѣла, то человѣкъ съ голоду не умретъ. Замѣтимъ, что для тасканія ихъ, да и вообще въ упряжи, важную роль играютъ здѣсь собаки, которыя и сидѣли подлѣ, впряженные. Во всей Европѣ, какъ извѣстно, собака находитъ себѣ полезное примѣненіе; въ одной только Великой Россіи, почему — неизвѣстно, этою двигательною силою, судя по количеству нашихъ собакъ — колоссальною, не пользуются вовсе.

Живые экзепонаты выставки — лопари и лопарки всѣхъ возрастовъ — были очень разговорчивы, а женщины положительно болтливы, въ особенности одна сорокалѣтняя лопарка съ муміеобразнымъ ребенкомъ на рукахъ. На головахъ мѣстныхъ русскихъ женщинъ, какъ сказано выше, обычны кокошники и повязи; на лопаркахъ красуются «шамшуръ», или лопарскія «сороки»; это нѣчто въ родѣ кокошника; по наружной сторонѣ его данъ изгибъ по формѣ головы, выточенную, такъ что вся фигура головного убора очень вычурна; сзади твердый остовъ шамшуръ переходитъ въ мягкую шапочку, покрывающую затылокъ; цвѣта выбираются самые яркіе; много на нихъ бисера, бляхъ, пуговочекъ, напизанныхъ дробинокъ и разноцвѣтныхъ вставокъ сукна.

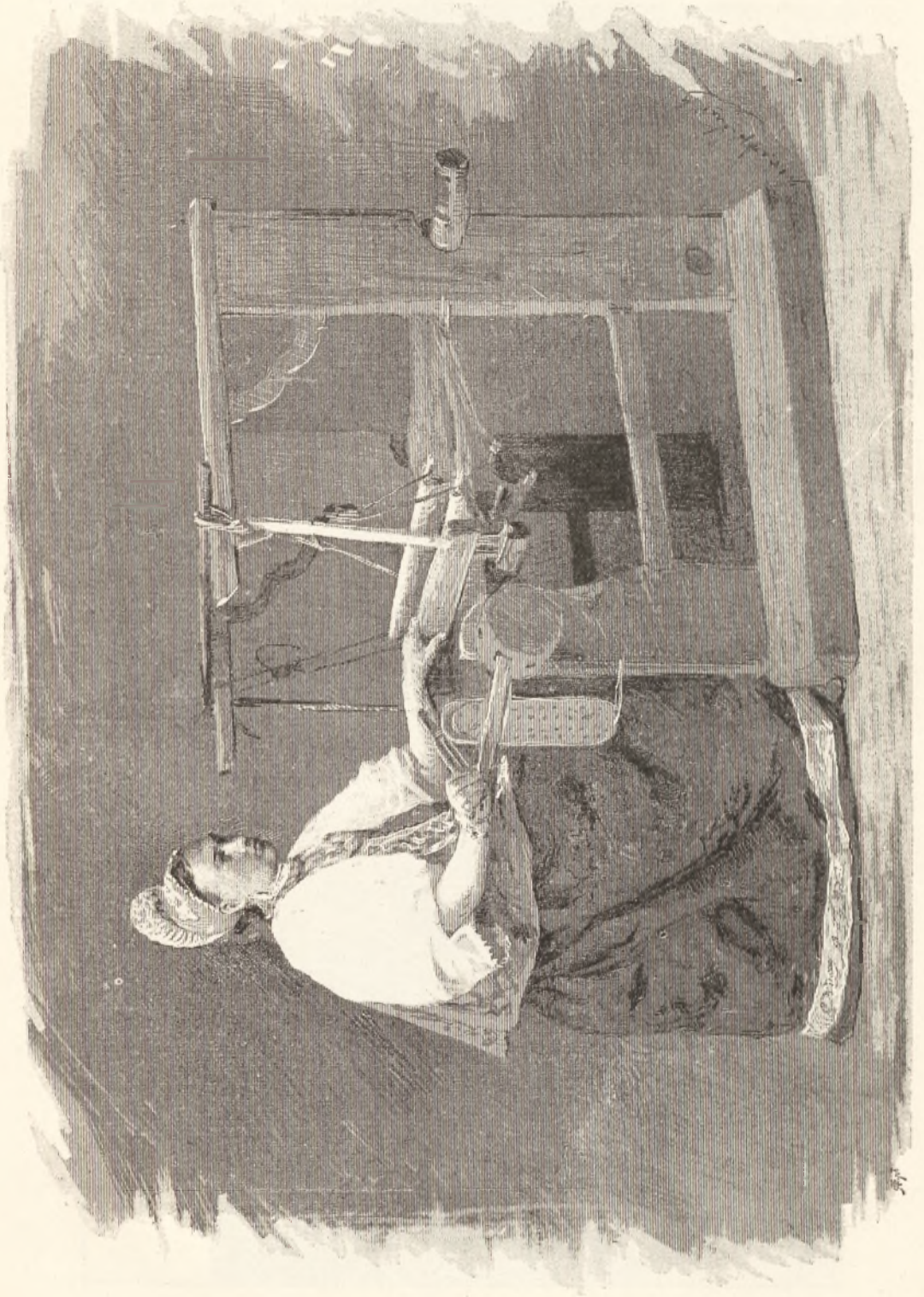
Въ домѣ Хиннагна, лучшемъ во всей Колѣ, причемъ надо замѣтить, что тутъ, какъ и на всемъ Сѣверѣ, дома хороши, просторны, чисты, — путешественниковъ ожидаютъ завтракъ, весь цѣлкомъ приготовленный изъ мѣстныхъ продуктовъ; красовались: пироги изъ трески, отварная семга, треска запеченная съ картофелемъ; этотъ картофель составлялъ исключеніе и былъ привознымъ; сельдь въ разныхъ видахъ и цѣлый рядъ удивительно вкусныхъ печеній къ чаю, которыя и были уничтожены въ достаточномъ количествѣ, потому что свѣжій хлѣбъ былъ для нихъ за послѣднее время предметомъ недоступнымъ. Длинные столы едва умѣщали на себѣ всѣ эти нестрыя угощенія. Столъ вообще въ великомъ почетѣ у поморовъ; «не бей стола: столъ — Божья ладошь», говорятъ тому, кто бьетъ по немъ рукою.

Особенно удаченъ былъ слѣдовавшій велѣдъ за угощеніемъ плясъ. На улицѣ или, правильнѣе сказать, на дугу передъ окнами тянулись постоянные хороводы, неслаась безконечная пѣсня, и подвижная радуга женскихъ нарядовъ отливалась въ солнечномъ блескѣ. Особенно ярко поблескивали «глазнецы» — стеклянныя, бусяныя монеты. Было какъ-то странно смотрѣть на этотъ женскій персоналъ въ одиночествѣ, безъ участія мужчинъ. Слова пѣсни, отъ поры до времени допосившіяся четко и рѣзко, сообщали о томъ, что:

У поряднаго сосѣда
Собрана была бесѣда,

что въ этой бесѣдѣ принимали участіе съ парнями вмѣстѣ:

Красна-дѣвица несмотрѣнная,
Красавица пецѣлованная.

Колянка за станной.

Пѣсня сообщала оченъ своеобразное приглашеніе:

Сорви мушечку съ меня,
Паложь ты на себя, и т. д.

А представителями этихъ милыхъ дружковъ, срывающихъ мушечки, являлись возрастные старики, давно выслужившіе всякіе пенсіоны, и дѣти, никакихъ правъ ни на какіе пенсіоны не имѣвшія. Все мужское населеніе пахлолось въ морѣ за дѣломъ, за трудомъ.

Пляска—пляской, а разспросы—разспросами. Много сообщено было любопытныхъ мѣстныхъ свѣдѣній о Колѣ и ея значеніи для всего сѣвернаго побережья. Не мало было говорено объ оленеводствѣ, какъ объ одной изъ главнѣйшихъ отраслей мѣстнаго хозяйства; многотысячныя стада оленей уже отошли въ былое, а блага моха, ягеля, нужнаго для ихъ прокормленія, растетъ столько же, если не больше. И тутъ опять, какъ при многихъ случаяхъ, черныи призракъ чернаго норвежскаго рома побѣждаетъ слабаго лопаря: лопарь пьетъ не въ мѣру, теряетъ способность сообразительности, и случается, что олень уступается чуть ли не за стаканъ одуряющаго питья.

Вѣтеръ тѣмъ временемъ крѣпчалъ очень быстро и подулъ прямо съ сѣвера. Отъ крейсера сюда путешественники ѣхали полтора часа; теперь противъ вѣтра, иногда успливавшагося до шкваловъ, они должны были пройти гораздо больше. Паровой катеръ и вельботъ вырвали въ брызгахъ, по волнамъ, настолько сильно, что, ко времени прибытія на пароходъ, всѣ были мокры съ головы до ногъ и великое наслажденіе доставило путникамъ—осушиться.

Было около пяти часовъ пополудни, когда раздались обычныя предъ снятіемъ съ якоря команды. Началось съ подъема катера и вельбота; «Тали заложить! Слабину выбрать! Пошелъ тали! Стопъ тали! Стопора положить! Тали травить! Брось тали! Тали убрать!» и оба маленькія суденышка, привезшія пассажировъ изъ Колы, были уже на пароходѣ и прибитованы къ нему самымъ прочнымъ образомъ; паровая машина катера поднята была отдѣльно. Затѣмъ, слѣдовали обычныя: «Канать на шпиль! Пошелъ шпиль! Всталъ якорь! Чисть якорь! Закладывать катъ! Травить канать! Пошелъ катъ! Финшъ заложить! Пошелъ финшъ!»

Съ этими послѣдними словами судно освобождается отъ привязей и якоря и можетъ двинуться въ путь. На этотъ разъ предстоялъ очень длинный переходъ. Такъ какъ путь къ Новой Землѣ былъ уже закрытъ окончательно, то рѣшено было посѣтить городъ Мезень, не входившій прежде въ общій маршрутъ путешествія. Была любопытна Кола, но и Мезень не менѣе ея. Предстояло пройти вновь вдоль всего Мурмана, перерѣзать Вѣлое море поперекъ и очутиться сразу въ самомъ восточномъ, самомъ отдаленномъ изъ всѣхъ его заливовъ.

Обратный путь вдоль Мурманна.

Прохождение его названія. Словарь морскихъ выраженій. Двигающіеся островки чаекъ. Какъ дерутся киты съ касатками. Почъ на Ивановъ день. Полуночное солнце во всемъ его блескъ.

Ровно въ пять часовъ пополудни, 23-го іюня, наканунѣ Иванова дня «Забіяка» двинулся въ путь; оставляя Кольскую губу, путешественники поклонились еще разъ, проѣзжая мимо, Екатерининской гавани и, пожелавъ ей воскреснуть, направились въ океанъ. Опять поднялся передъ ними столообразный островъ Кильдинъ, опять возникли жилистыя, суровыя скалы Мурманна. Между Кильдинымъ и Кольскою губою побережье какъ будто голѣе, изможденнѣе, многострадальнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Отсюда на западъ, какъ уже сказано, побережье, по направленію къ Норвегіи, становится выше, извилистѣе, красивѣе, взломаннѣе; но пути къ Бѣлому морю на востокъ оно монотонно, утомительно однообразно; тутъ, на раздѣлѣ обѣихъ частей Мурманна, словно выскочилъ изъ моря совершеннымъ особнякомъ геологически странный островъ Кильдинъ; здѣсь въ тѣ дни, когда слагались горы, были, слѣдовательно, встрѣчи какихъ-то различныхъ силъ, различныхъ вліяній, и шель большой донотонный споръ.

Такъ какъ солнце свѣтило влѣво, то гранитный Мурманъ, нахедивнѣешия вираво, вытягивался весь розовый, даже пѣжный; полосы снѣга были на немъ совершенно бѣлыя; берегъ казался пятнистымъ. На плоскомъ песчаномъ подножьи Кильдина, словно пріотивнѣе къ подножью его, лежалъ выкинутый на берегъ пароходъ. Онъ былъ похожъ издали, какъ двѣ капли воды, на видѣннаго въ Арскомъ заводѣ кита, до его прободенія: толстый, раздутый, съ тою только разницею, что китъ былъ какъ смоль черный, днище же парохода сіяло яркочернымъ цвѣтомъ, киноварью. Что это за пароходъ? жертва ли бури, своя ли оплошность? во всякомъ случаѣ отрывокъ какой-то драмы. Издали было видно, что возлѣ берега, подлѣ краснаго покойника, шпыряли какія-то суденышки: ужъ не пираты ли это какіе, думалось невольно, обрадовавшіеся легкой, даровой наживѣ? Тутъ, такъ далеко отъ кагого бы то ни было обще-

ственного центра, всякій крикъ, всякій голосъ, даже голосъ требующей помощи пушки, заглохнетъ, испугавшись безпредѣльности, и прозвучитъ напрасно.

По мѣрѣ удаленія отъ Кильдина потянулся вблизи Мурманъ нескончаемою, одпообразною стѣпою. Конечно, это однообразіе только кажущееся, потому что всякая безпредѣльность непремѣнно однообразна. Названіе Мурманъ, безъ сомнѣнія, не русское, но какое? Если придерживаться лопарскихъ словъ, то будетъ такъ: мюръ—море, манцъ—луна, минцъ—наше, слѣдовательно—Луниос, или Наше море; если придерживаться норвежскихъ, то выйдетъ немножко иначе: муръ—мать, маннъ—человѣкъ, то-есть мать—кормилица человѣка, въ чемъ норвежцы вполне справедливы, выражая этимъ заслуги океана относительно своей страны и вспоминая гостепрѣмство всѣхъ русскихъ водяныхъ урочищъ, не только отдаленныхъ отъ берега, но даже и въ узенькой чертѣ каботажнаго плаванія. Норвежцы, поселяющіеся на нашемъ берегу, пользуются многими льготами; въ виду постоянной любезности нашей и хлѣбосольства, можетъ быть, слѣдовало бы подумать о томъ, нельзя ли прибавить имъ еще чего-нибудь?

Роскошень и тепль проходилъ день предъ Ивановымъ днемъ, и на суднѣ только и было работы, что людямъ, занятымъ у машинны. Всегда перемазанные сажей, они составляютъ совѣмъ особую статью въ рядахъ остального, очень часто моющагося, изъ любви къ водѣ, персонала. «Духи долой!» кричитъ иногда вахтенный, когда нѣсколько человѣкъ выпачканныхъ машинныхъ выползутъ на палубу, чтобы дохнуть свѣжаго воздуха, выползутъ какъ разъ по срединѣ судна, въ самый узкомъ и бойкомъ мѣстѣ, и мѣшаютъ проходу. Черные духи по командѣ мгновенно исчезаютъ, впрочемъ на время, а потомъ выползутъ потихоньку опять. Вообще надо замѣтить, что своеобразный словарь всякихъ морскихъ кличекъ, прибаутокъ, выраженій очень характеренъ; онъ весьма часто любитъ смѣшивать, какъ бы уродовать настоящій смыслъ словъ; напримѣръ: «живо копайся!» (какъ это можно дѣлать что-либо «быстро-медленно»? думаете вы) или: «вались на верхъ!» (собственно говоря, вальтись можно только книзу). Если вы услышите распоряженіе: «заложить на одну, на двѣ закуски», то вамъ и въ голову не придетъ догадаться, что дѣло касается поднятія люка на ту или другую высоту. Очень жаль, что въ короткое пребываніе на суднѣ не удалось ознакомиться болѣе подробно съ этимъ своеобразнымъ словаремъ.

Приближалась ночь, а между тѣмъ, этого не было замѣтно вовсе. Свѣтлыми казались очертанія Мурмана, свѣтло и синее море, и солнце, не задерживаемое ни единымъ облачкомъ, катилось по небу вполне лучезарнымъ. За снятіемъ коекъ слѣдовала молитва, и на суднѣ стало сравнительно тише. Тогда одно изъ своеобразнѣйшихъ зрѣлищъ морской жизни нашего Сѣвера не замедлило выясниться во всей своей кажущейся невѣроятности. Много толковали и печатали о томъ, будто разная болѣе мелкая рыба ходитъ иногда по Сѣверному морю такими юрами или косяками, что образуются, будто бы, цѣлыя островки, что островки эти обладаютъ способностью самовольнаго передвиженія,

Острова чакъ.

Киты подь Св. Носа.

и что морская птица, отличающаяся большим прожорствомъ, не должна летать надъ водою, выжидая минуты для того, чтобы клонуть ту или другую жертву свою, а попросту садится на эти острова, ходить по нимъ и поклевываетъ. Этого счастливаго воплощенія птичьей страны съ кисельными берегами и молочными рѣками на этотъ разъ, правда, видѣть не удалось, но нѣчто подобное совершилось на самомъ дѣлѣ. По обѣимъ сторонамъ судна, въ недалекомъ отъ него разстояніи и несколько его не пугаясь, показывались цѣлые островки чаекъ; этихъ бѣлыхъ островковъ плавало нѣсколько, и количество чаекъ, изъ которыхъ они состояли, было неисчислимо велико. Мѣстные жители передавали, что это явленіе довольно обыкновенное, что, несомнѣнно, тутъ проходить въ настоящую минуту какой-нибудь видъ рыбешки, что она идетъ по самой поверхности почти плотною сбившеюся массою, и чайкамъ раздолье наслаждаться вволю, во всю свою прожорливость. Такихъ юровъ или косяковъ рыбы нашимъ поморскимъ неводамъ не осилить, а если бы и осилили, то остается, вслѣдствіе недостатка и дороговизны соли, сдѣлать то, что сдѣлано было въ 1884 году въ Кандалакской губѣ съ сельдью: миллионы вкусныхъ рыбъ преданы были гніенію и долгое время заражали воздухъ мѣстнаго побережья.

Ночь на Ивановъ день наступила ясная, безоблачная, при полнѣйшемъ штилѣ на водѣ и въ воздухѣ. «Море слосѣло»,—говорятъ поморы. Яркое солнце катилось на небѣ какъ ни въ чемъ не бывало и бросало по палубѣ хотя и длинныя, но все-таки рѣзкія тѣни. Въ эту ночь, какъ извѣстно, совершаются на матерой землѣ чудеса, ищутъ чудодѣйнаго напоротника и разрывъ-травы; само полуночное солнце было чудомъ для людей къ нему непривычныхъ; какъ было не вѣрить въ возможность увидѣть одну изъ величественнѣйшихъ картинъ Сѣвернаго моря, картину боя китовъ съ касатками! По мѣрѣ приближенія парохода къ Святому Носу, киты начали показываться снова и въ количествѣ гораздо болѣе значительномъ, чѣмъ прежде. Хотя никто не возьметъ на себя смѣлости сказать, что плавающихъ китовъ, мелькающихъ одновременно съ разныхъ сторонъ, счесть можно, но приблизительная вѣрность допускается: одновременно видно было до тридцати китовъ. При безусловно спокойномъ и облитомъ сильнымъ боковымъ солнечнымъ свѣтомъ морѣ, прогулки китовъ были виднѣе, чѣмъ при первомъ проходѣ судна этими же мѣстами въ туманъ и дождь, въ надвигавшійся штормъ. Темныя массы ихъ выдѣлялись рѣзче; фонтаны казались, благодаря замѣтному наденію ихъ брызговъ въ тихую погоду, гораздо продолжительнѣе, выше, гуще, и такъ какъ китовъ гуляло несравненно больше, то картина представлялась дѣйствительно очень красивою.

Что если бы, такъ думалось, какъ одно изъ чудесъ Ивановой ночи, да на это стадо китовъ напали касатки! Касатка или касатикъ—*Orca gladiator*, *Balaena rostrata*, это злѣйшій врагъ кита, хотя и свойственникъ его по зоологическимъ и біологическимъ даннымъ; вражда этихъ свойственниковъ воднаго царства такова же, какъ вражда между собакою и волкомъ. Касатки-гладіаторы, уничтожающіе не одну сотню китовъ въ теченіе года, быстры, юрки и

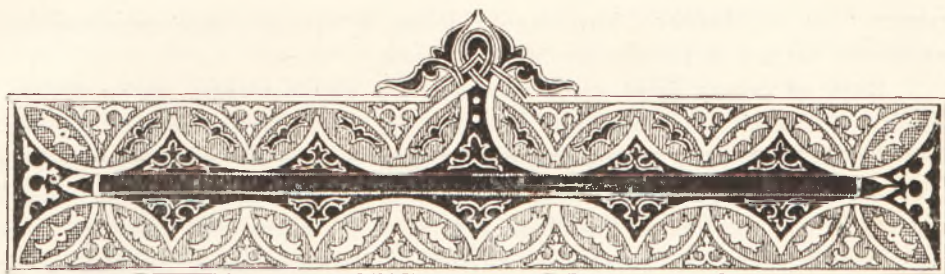
Полуночное солнце.

К. К. Случевский. „Во Россіи“, I.

смѣлы до невозможности. Если нѣсколько касатокъ — говорить г. Кушелевъ — увяжутся за китомъ, то спасенія для него нѣтъ никакого; какъ бы ни отбивался онъ своимъ могучимъ хвостомъ, каждая хватка ловкой и гибкой касатки ея, какъ сталь, крѣпкою и острою челюстью наноситъ киту зѣющую рану, и кровь льется потокомъ. Сопѣніе, оглушительный плескъ и частые удары обезумѣвшаго кита отчетливо раздаются надъ океаномъ, и бой исполиновъ слышенъ за нѣсколько верстъ, нарушая общую тишину рѣдкихъ штилей полярныхъ широтъ. Если касатки одолѣютъ, онѣ объѣдаютъ весь жиръ кита, но не трогаютъ мяса. Побѣда касатокъ несомнѣнна, за исключеніемъ развѣ только случая, когда опалѣвшій отъ боли и страха китъ, если бой происходитъ вблизи земли, выбросится на берегъ. Г. Михайлову удалось видѣть, вѣроятно, подобнаго несчастнаго кита въ Керети, на Бѣломъ морѣ. Выброшенный на берегъ китъ—собственность ближайшихъ селеній, и Керетское общество заработало тогда въ одну недѣлю большія деньги; крестьяне быстро обрубил, срѣзали жиръ и тутъ же вытопили. Огромныя ребра кита, на половину занесеннаго пескомъ, торчали изъ-подъ воды, точно бока разбитаго корабля. Китъ этотъ былъ еще живъ, когда къ нему приступили съ топорами.

Въ Иванову ночь все было на-лицо: полярная широта, штиль, океанъ, цѣлое стадо китовъ, не хватало только касатокъ, и пассажиры судна лишены были возможности полюбоваться одною изъ множества чудныхъ картинъ надводной жизни Ледовитаго океана. Зато Иванова ночь дала полную возможность увидѣть, наконецъ, ни разу не сіявшее еще полуночное солнце во всемъ его величіи. Стрѣлка часовъ подходила къ двѣнадцати. Небо сіяло совершенно чистое, и только надъ самымъ солнцемъ нависало одно небольшое, продолговатое облачко, ярко озлащенное снизу. Въ самую полночь солнце не дошло до горизонта на шесть или семь солнечныхъ діаметровъ. Оно было ярко, но могло быть созерцаемо, хотя и вызывало въ глазахъ множество бѣгавшихъ, сбивавшихъ одна другую, огневыхъ точекъ. Края солнечнаго диска лучились золотистымъ пурпуромъ, такъ что оно казалось окруженнымъ искривившимся, будто кипѣвшимъ, краснымъ кольцомъ. Красноватъ былъ также и столбъ отраженія солнца въ океанскихъ волнахъ, которыя если и блестяли, то не давали того аквамариннаго цвѣта, который такъ хорошъ, такъ глубоко бархатенъ днемъ. Эти отраженія солнца и луны столбами въ водѣ называются у поморевъ «граллицы». Палуба судна и все, что на немъ находилось: люди, снасти, рубка — все это обливалось стнудь не розовымъ свѣтомъ утра, но какимъ-то красноватымъ, беспокойнымъ сіяніемъ. Тѣни были далеко не рѣзки, не черны, а какъ бы сѣроваты; онѣ тоже будто мерцали тою же краснотою и этимъ какъ бы роднились со свѣтовыми поверхностями тѣхъ предметовъ, отъ которыхъ падали.

Юканская гавань.

Ея качества и важное значеніе. Необходимость рѣшить вопросъ. Мурманское общество пароходства. Пароходство по Сѣверной Двинѣ. Ея недостатки. Особенности очертаній мурманскихъ скаль. Фауна океанской воды. Румбическія названія вѣтровъ у поморевъ. Отплытіе въ Мезень.

Южный вѣтерокъ чуть-чуть рябилъ поверхность океана, когда, въ Ивановъ день, 24-го іюня, около восьми часовъ утра, съ «Забіяки» замѣтили утесистыя очертанія Святого Носа и маякъ на немъ; но Юканскихъ острововъ, которые лежатъ къ западу отъ него, то-есть по пути, видно не было. Океанская гладь подступала—такъ казалось — къ утесистому подножію далекаго маяка, и никакихъ острововъ на ней не замѣчалось. Карта, между тѣмъ, показывала противоположное, и, дѣйствительно, мало-по-малу, сначала черточками, потомъ небольшими возвышеніями начали они обозначаться одинъ за другимъ. Они выплыли изъ воды будто вдругъ; тумана не было никакого, солнце горѣло полнымъ блескомъ. Едва только стали ясны ихъ приземистыя глыбы, какъ судно уменьшило ходъ, потому что, несмотря на ясность голубого дня и тишину моря, отыскать фарватеръ одного изъ проходовъ было нелегко. Это, безспорно, недостатокъ гавани, въ которую судно направлялось, но одинъ изъ тѣхъ легко устранимыхъ недостатковъ, о которомъ, при существующихъ средствахъ освѣщенія береговъ маяками, башнями, створами и т. п., не можетъ быть и рѣчи.

Юканскихъ острововъ — семь, но только пять изъ нихъ участвуютъ въ образованіи гавани, имѣющей длины около шести миль, въ которой, согласно мнѣнію Рейнеке, «многочисленной флотъ можетъ расположиться весьма покойно». На Юканскій рейдъ ведутъ два прохода: одинъ — сѣверо-западный, между островомъ Чапчимъ и материкомъ, въ 350 саж. ширины, и восточный, въ 800 саж. ширины, между островами Сальнымъ и Медвѣжымъ. Крейсеръ на-

правился къ послѣднему, безусловно лучшему, и, пройдя самую средину его, повернулъ къ югу и тотчасъ же бросилъ якорь.

Видъ на гавань былъ очень красивъ. Къ югу высились скалы берега, образуя нѣсколько углублявшихся декораций къ устью рѣки Иоканки; къ востоку ясно очерчивались маякъ Святого Носа и помѣщенія находящейся при немъ команды; съ сѣвера и запада прикрывали отъ взора океанъ невысокіе гранитные острова, Сальный и Медвѣжій, такъ что судно очутилось въ полномъ смыслѣ слова въ каменномъ кольцѣ; по недалекимъ островамъ и по синей водѣ гавани перепархивало множество утокъ, чистиковъ, баклановъ, чаекъ; глубоко внизу, подлѣ судна, гуляла всякая рыба, отпугиваемая, а отнюдь не приманиваемая, какъ это бываетъ съ болѣе южною рыбою, всякимъ брошеннымъ въ воду предметомъ. Нѣсколько крестовъ и каменныхъ пирамидокъ, «гурій» или «кекурій», видѣлось на Медвѣжьемъ островѣ; стадо въ 10—12 оленей разгуливало по небольшому островку Сальному.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что устройство хорошей гавани на нашемъ Мурманѣ необходимо. Ранѣе уже упомянуто объ Иоканской. Все, что можно сказать о ней, будетъ, конечно, только гадательно, но съ большою долею вѣроятія. Ни точныхъ промѣровъ, ни правильныхъ метеорологическихъ и физическихъ наблюденій здѣсь не производилось, и фізіономія этой гавани, какъ и всего Мурмана, остается неопредѣленною. Тѣмъ не менѣе, отъ будущности не уйти, и въ этомъ отношеніи полезно рѣшительно всякое указаніе. Существенно важно рѣшить, напримѣръ, слѣдующее: правда или нѣтъ сообщаемое г. Сидоровымъ свѣдѣніе, будто теплое теченіе гольфстрема направляется именно на Иоканскіе острова и иногда приноситъ съ собою американскія деревья и каштаны? основательно или нѣтъ существующее у поморовъ названіе «живой камень» для плода американской мимозы, заносимой въ Бѣлое море? Если это правда, то на сколько времени, на какое разстояніе, какъ и когда обмерзаетъ эта гавань? Расположеніе острововъ и побережья безусловно удобны для возведенія обширной системы отдѣльныхъ фортовъ, и если гавань дѣйствительно способна приютить цѣлый флотъ, то можетъ ли этотъ флотъ быть защищенъ не только со стороны моря? Гавань эта сама по себѣ обширна и приглуба, но въ ней есть про запасъ еще и другая гавань—это рѣка Иоканка. Подобно слиянію рѣкъ Колы и Туломы, Иоканка расширяется при устьѣ своемъ въ цѣлую съѣтъ сплетеній изъ отдѣльныхъ рукавовъ, образующихъ глубокой заливъ; послѣдній длиною почти двѣ мили, шириною болѣе версты, при глубинѣ трехъ сажень; приливы въ этой рѣкѣ такъ велики, что въ ней съ особеннымъ удобствомъ можно килевать суда; зимовать въ ней тоже удобно, потому что ледоплавы и наводненія весны и осени здѣсь невозможны. Снабженіе водою не оставляетъ желать ничего лучшаго, потому что во многихъ бухточкахъ южнаго побережья стремятся съ вершины Мурмана постоянные водопады нѣсколькихъ ручьевъ.

Нужна ли намъ вообще гавань на Мурманѣ? Нужна ли военная, или можно было бы удовлетвориться коммерческою? Нужно ли имѣть тутъ военный оплотъ, или достаточно довольствоваться норвежскими крѣпостями? Если

нужно, то подходить ли гавань Токанская или Екатерининская, или какая-либо третья? Все это—вопросы большой важности, и для такой первостепенной державы, какъ Россія, запертой Дарданеллами и Зундомъ, едва ли не жизненные. Наше сѣверное Поморье, этотъ существенно важный для насъ край, остается какъ-то внѣ всякихъ соображеній и о немъ вспоминаютъ только урывками, случайно. Во всякомъ случаѣ и что бы тамъ ни говорили, слѣдуетъ выяснитъ разъ и навсегда, стоитъ ли наше сѣверное побережье чего-либо въ отношеніи общаго хозяйства Россіи, стоитъ ли оно чего-либо само по себѣ? Если не стоитъ, такъ и будемъ знать на будущее время, и пожалѣемъ о томъ, что край этотъ совершенно напрасно вызвалъ цѣлую литературу всякихъ ученыхъ трудовъ и беллетристическихъ описаній. Если же онъ стоитъ чего-либо, то слѣдуетъ безостановочно, не теряя времени, опредѣлитъ его значеніе, его средства и начать дѣйствовать немедленно въ избранномъ направленіи.

Одно изъ существенныхъ условій неправильной организаціи здѣшней жизни состоитъ въ совершенномъ почти отсутствіи какого-либо почтового или телеграфнаго соединенія. Въ настоящее время (1895 г.) состоялось уже правительственное распоряженіе о соединеніи Мурмана съ внутреннею Россією телеграфною линією; это чувствуется на каждомъ шагу. Въ особенности необходимо упорядоченіе пароходныхъ сообщеній. «Мурманское общество пароходства» имѣетъ четыре парохода; изъ нихъ два—«Кемь» и «Онега»—назначены для Бѣлаго моря, два—«Архангельскъ» и «Чижовъ»—для Мурманскаго берега и Новой Земли. За все лѣто обязаны они сдѣлать только 11 рейсовъ, да кромѣ того два рейса на Новую Землю. За точное исполненіе этихъ рейсовъ компанія получаетъ отъ казны 55.000 руб. субсидіи, такъ что за каждый рейсъ по Бѣлому морю ей приходится по 2.500 рублей. Въ пути довелось не однажды слышать жалобы на это общество, на то, что пароходы его то и дѣло минуютъ попутныя становища. Г. Куселевъ называетъ эти рейсы не «срочными», а «безсрочными», и говоритъ, что бываютъ двухнедѣльные, и болѣе, опаздыванія пароходовъ.

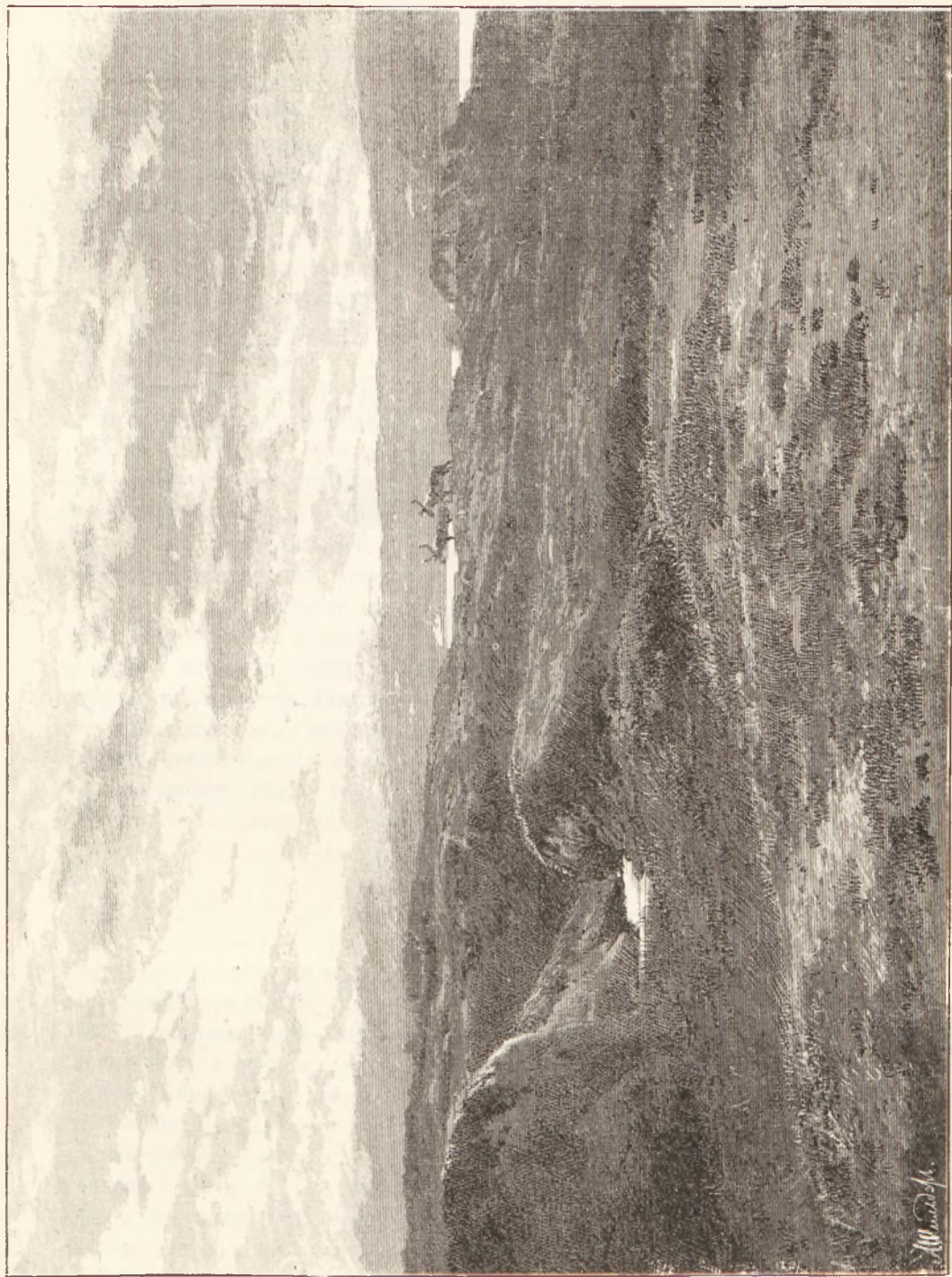
Безсрочность сообщеній—это гангрена всякаго торговаго и промышленнаго дѣла. Не говоря уже о Мурманѣ, не угодно ли кому-либо отважиться на путешествіе по Сухонѣ и по Сѣверной Двинѣ, т.-е. на тотъ именно путь, который выше описанъ. Для сообщеній по Двинѣ существуютъ три компаніи. Характерно то, что, упоминая о нихъ, приходится дѣлать это съ оговоркою: «если не ошибаемся». Эта оговорка свидѣтельствуетъ лучше всего о томъ, какъ мало свѣта и опредѣленности существуетъ въ этомъ дѣлѣ; если при добромъ желаніи, при сравнительномъ удобствѣ собрать нужныя свѣдѣнія, собрать ихъ все-таки было трудно, то что же должны дѣлать тѣ, а ихъ-то именно и слѣдовало бы имѣть въ виду, кому эти свѣдѣнія необходимы? Никакихъ почти объявленій, никакихъ точно обозначенныхъ центровъ, спрятанныя гдѣ-то конторы, почти безо всякихъ сношеній съ Москвою и Петербургомъ, полнѣйшая трудность получить какія-либо нужныя торговому человѣку справки! Все здѣсь пока дремлетъ и свидѣтельствуетъ о своей жизни только временными про-

блесками, ожидая руководящей смѣлой указки, ожидая направляющей силы. А богатства много, стоитъ только приложить къ нему руки.

Пока судно грузилось углемъ, путешественники съѣзжали на оба ближайшіе, совершенно пустынные, острова. На Сальномъ гуляли олени. Такъ какъ островъ очень невеликъ, то представлялась возможность подходить къ нимъ довольно близко. Это было одно изъ тѣхъ оленьихъ семействъ въ 10—12 особей, которыя принадлежатъ лопарямъ ближайшаго Юканскаго погоста. Почва острова—гранитъ, покрытый тонкимъ слоемъ торфа и тамъ, гдѣ торфъ можетъ держаться, поросшій ягелемъ—*Cladonia rangiferina*, составляющимъ главную пищу оленя. Мало этого ягеля на небольшомъ островѣ, и можно было видѣть, какъ обдирали олени со скаль не только ягель, но заодно и весь тонкій слой торфяной почвы, обнажая скалу до щелей. Исхудалые, бродили они, покрытые клочьями обвисавшей мѣстами шкуры, въ желтоватыхъ и сѣрыхъ пятнахъ, и словно скользили своими тонкими, струнными ногами, неслышную поступью, по невозможно острому утесамъ острова, убѣгая отъ людей.

Сальный островъ, равно какъ и Медвѣжій, это цѣлый міръ роскошнѣйшихъ этюдовъ сѣверныхъ поморскихъ скаль. Въ нихъ есть нѣчто совершенно самостоятельное въ смыслѣ очертаній, то, чего не встрѣтите вы ни въ скалахъ южнаго берега Крыма, ни въ Нормандіи. Тамъ, съ большею или меньшею ясностью, видите вы, какъ бы рисуете себѣ, пути ихъ образованія, направленіе щелей, напластованіе, окаменѣлое бывшее движеніе ихъ, живописуемые въ рѣзкихъ и опредѣленныхъ чертахъ; тамъ, при всемъ разнообразіи линій и ихъ изломовъ, вы какъ бы чувствуете направляющую совершавшагося геологическаго переворота и не можете не признать окончательнаго успокоенія. Здѣсь, въ утесахъ Ледовитаго океана, нѣтъ ничего подобнаго; глядя на нихъ, вы ничего сообразить не можете, вы никакого успокоенія не находите. Какія-то страшныя силы наворочали утесы и образовали щели, совершенно невозможныя съ точки зрѣнія статики; гранитныя массы налегли одна на другую въ какомъ-то безумномъ страданіи, въ какомъ-то чудовищномъ хаотическомъ безпорядкѣ. Эти глубокія царянины, зіяющія по розовымъ массамъ гранитовъ, эти черныя раскрытыя трещины, эти сплошные утесы величиною съ громадный домъ, подпираемые сравнительно небольшими камнями и между ними на разныхъ уровняхъ покоящаяся, словно въ чашахъ, морская вода, вѣчно пополняемая приливами и захлестывающими въ нихъ волнами, — все это говоритъ о чемъ-то зломомъ, ненетовомъ, едва-едва умиротворенномъ. Изъ всѣхъ художниковъ, изображавшихъ скалы, плодовитѣе и разнообразнѣе всѣхъ былъ, конечно, Густавъ Дорэ въ своихъ иллюстраціяхъ, но напрасно искали бы вы въ нихъ своеобразныхъ мотивовъ скаль Мурманскаго побережья. Они—совсѣмъ иные, до сихъ поръ въ художествѣ никогда и никѣмъ не воспроизведенные.

Ходить по берегамъ обонхъ острововъ значило постоянно карабкаться, и не безъ помощи рукъ, по фантастическимъ ступенямъ гранитовъ; множество чистиковъ изъ семейства утиныхъ, черныхъ какъ смоль, съ ярко-малиновыми клювами и лапками, постоянно выпархивало изъ-подъ ногъ. Въ тихихъ завояхъ утесовъ, пригрѣтыхъ, какъ въ акваріумахъ, теплымъ солнцемъ, можно

Островъ Сальмій. Лопарскіе олени.

было видѣть безформенные ключья студенистой массы морскихъ обитателей низшаго порядка, розоваго или даже малиноваго цвѣта съ бѣлыми ободками, называемой тутъ «морскимъ саломъ», какой-то видъ *Acalephe*; говорятъ, что падается и нѣсколько видовъ «морскихъ звѣздъ»—*Astraea*. Въ одной изъ подобныхъ высокихъ гранитныхъ чашъ можно было замѣтить почему-то закинутыхъ сюда изъ океана небольшихъ раковъ—бокоплавоговъ, которыми, между прочимъ, питаются нѣкоторые киты. Вообще говоря, фауна нашей сѣверо-океанской волны далеко не богата видами. Профессоръ Гриммъ обобщаетъ это и для всѣхъ нашихъ морей. «Наша вода—говоритъ онъ—богата сравнительно, такъ сказать, на всѣхъ, по числу особей, но весьма бѣдна видами. Если считать всѣ существующіе въ Европейской Россіи, включая и Каспій съ Кавказомъ, виды рыбъ, какъ промысловыхъ, такъ и не промысловыхъ, то найдемъ около 300 видовъ, что составляетъ немного болѣе 2⁰/₁₀ того числа рыбъ, какое извѣстно ученымъ со всей земли». То, что сказано о рыбахъ, можетъ быть повторено и относительно всякихъ моллюсковъ, червей, рачковъ, улитокъ, ракушекъ, и пр. Напрасно было бы искать по Мурману той мозаичной пестроты морской жизни, которая имѣется въ Средиземномъ морѣ и гораздо сѣвернѣе этого моря, на берегахъ Нормандіи. Въ здѣшней морской волнѣ царитъ торжественное молчаніе, глубокое молчаніе жизни, и только отъ поры до времени проявляется она, сосредоточенная въ крупныхъ очертаніяхъ китовъ, акулъ, палтусовъ, бѣлухъ, моржей или въ необозримыхъ полчищахъ сельди и трески, образующихъ въ океанѣ какъ бы свои космическія теченія.

Около трехъ часовъ пополудни, крейсеръ со свѣжимъ запасомъ угля покинулъ Иоканскіе острова. Еще разъ промелькнули: широкая, покойная гавань, ея гранитныя обрамленія, низкіе острова съ безмолвными крестами, неизвѣстно кѣмъ поставленными. Олени Сальнаго острова, видимо довольные отъѣздомъ людей, всѣ собрались на центральную, высокую часть его и, откинувъ рога на спины, повернувъ головы въ сторону удалявшагося судна, вырисовывались неподвижно цѣлымъ рядомъ тоненькихъ, drobныхъ силуэтовъ.

У Святого Носа, какъ всегда, море было неспокойно.

Закипѣла въ морѣ пѣна—
Будетъ вѣтру переменна,

говорится на Поморьѣ.

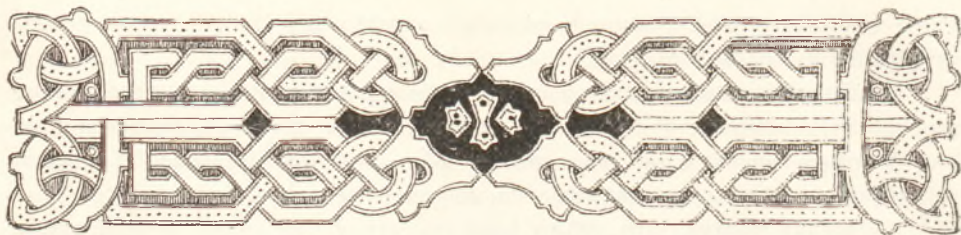
Вѣтеръ былъ юго-восточный или, какъ его здѣсь называютъ, «обѣдникъ». Всѣ почти вѣтры имѣютъ на Мурманѣ свои названія: южный называется «лѣтникъ», юго-западный—«шалоникъ», сѣверо-западный—«побережникъ», сѣверный—«морянка», сѣверо-восточный—«полуночникъ»; западный и восточный сохраняютъ свои названія; промежуточные называются «межниками». «Восточники да обѣдники—заморозные вѣтречки», говоритъ поморь. Въ компасѣ, какъ извѣстно, 32 румба и значительная часть ихъ имѣетъ здѣсь свои мѣстные названія, причемъ имъ придаются нумера, напримѣръ: «7-й межъ (межникъ) ветока полуночникъ»; цѣлыхъ 16 румбовъ называются «стрыками», и о нихъ говорится: «10-й стрыкъ вetryка къ обѣднику». Эти названія и ихъ систематика доказываютъ во-очію, насколько нашъ поморь—прирожденный морепла-

ватель, насколько это призваніе его ясно опредѣлено. Изъ нихъ ли не набрать удивительныхъ матросовъ?

Ночь на этотъ разъ спускалась не особенно ясная, и полуночное солнце вторично не показалось. Войдя въ гирло Бѣлаго моря, крейсеръ держался праваго, Терскаго берега и не шель на перерѣзъ, какъ бы слѣдовало для краткости пути на Мезень, во вниманіе ко множеству «кошекъ» въ гирлѣ.

Къ восьми часамъ утра, 25-го іюня, то-есть менѣе, чѣмъ черезъ сутки, предполагалось прибыть въ Мезень, то-есть перейти все Бѣлое море поперекъ. Такіе усиленные переходы можетъ дѣлать только очень хорошее судно.

Мезенскій заливъ. Мезень.

Характеръ уѣзда. Очертаніе береговъ. Русановскій лѣсопильный заводъ. Путь по рѣкѣ Мезени. Старый и новый соборы. Характерность одѣяній. Даха и малица. «Адъ» подлѣ города. Ничтожность рѣки Мезени.

Жаль было, обогнувъ Святой Носъ и направившись Вѣлымъ моремъ, проститься съ Мурманомъ, съ которымъ удалось ознакомиться вполне во всю его длину. «Отъ Кеми до Колы сорокъ три Николы», говоритъ поговорка, свидѣтельствуя будто бы о существованіи сорока трехъ маленькихъ часовенъ, поставленныхъ этому высокочтимому, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, святому; говорятъ, будто въ нѣкоторыхъ изъ часовенъ имѣется до сорока образовъ съ его изображеніями, поставленныхъ бѣднѣйшими людьми.

Насколько быстро шель крейсеръ, видно изъ простаго взгляда на карту: отъ Святого Носа, находящагося съ западной стороны Вѣлаго моря, у самаго входа въ него, меньше чѣмъ черезъ сутки былъ онъ, къ восьми часамъ утра, 25-го іюня, недалеко отъ города Мезени, расположеннаго въ береговой глубинѣ самаго восточнаго изъ его заливовъ. Утро было вполне золотистое, и полнѣйшіи штиль вырисовывалъ недалекіе берега. Не далѣе какъ двадцать часовъ тому назадъ съ палубы судна видѣлись одни только возвышенныя, острыя, жилистыя очертанія Терскаго берега; теперь, насколько видѣлъ глазъ вправо и влево, разстилался берегъ совершенно ровный, низкій, точно край какого-то неизмѣримо большаго картоннаго листа, разложеннаго надъ моремъ. Вправо, какъ бы прорывомъ этого листа, очерчивалось устье рѣки Кулоя; замѣтно было, что глинистый берегъ поросъ лѣсомъ.

Судно бросило якорь въ сорока верстахъ отъ города Мезени—такъ неудобно подступитъ къ городу, такъ много благоприятныхъ условій требуется для сѣзда на берегъ. Сорокъ верстъ, конечно, не мало; но нельзя было предвидѣть, что и эти сорокъ верстъ дадутся съ большимъ трудомъ. До Руса-

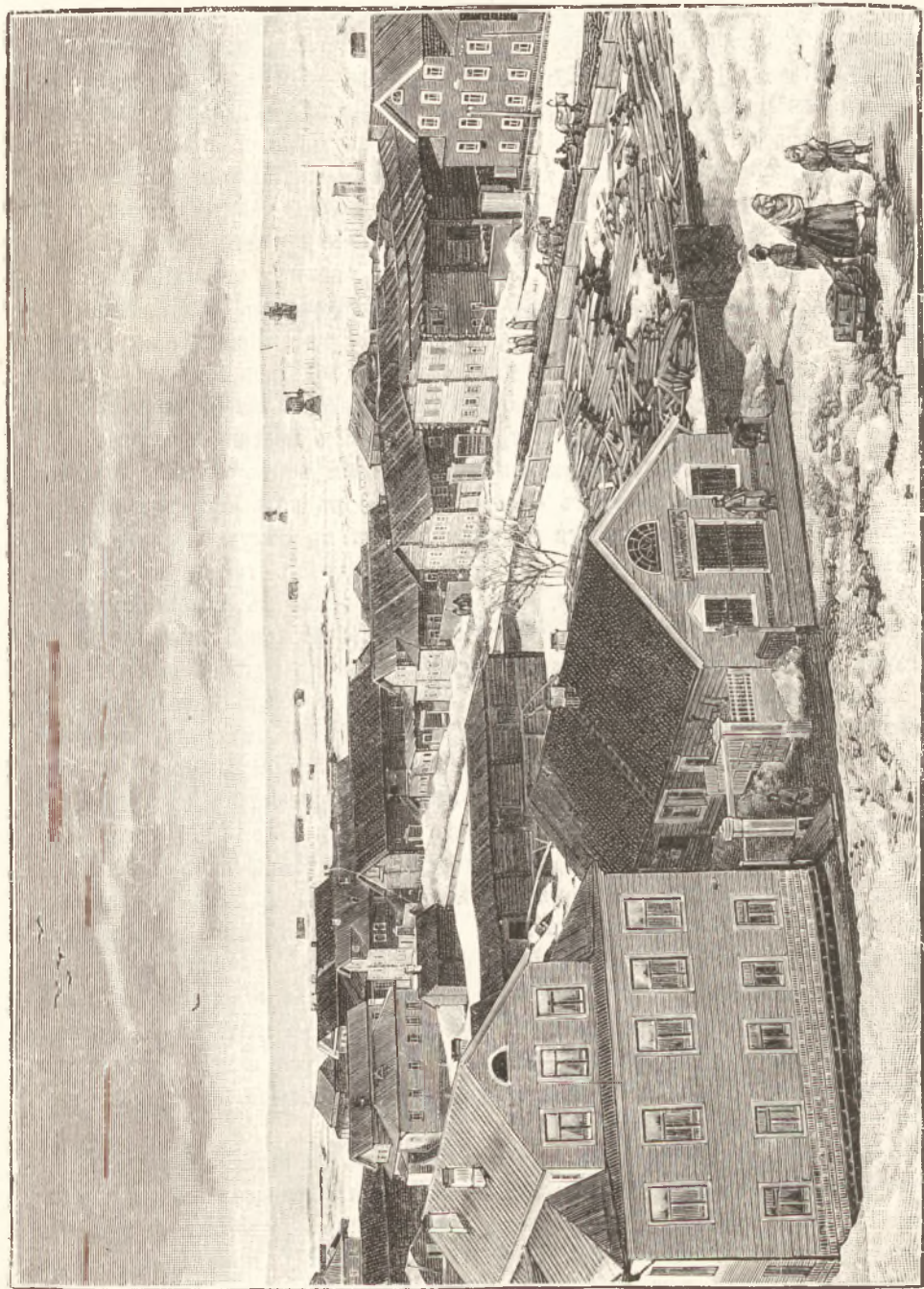
новскаго лѣсопильнаго завода, находящагося на рѣкѣ Мезени, отъ мѣста якорной стоянки «Забіяки» было пятнадцать верстъ; до города—сорокъ.

Пробытія крейсера ожидали здѣсь два паровыя судна: «Баканъ», старый знакомецъ, назначенный для доставленія путешественниковъ, если возможно, въ рѣку Мезень, и пароходъ Русановскаго завода «Мезень», сидящій очень мелко, только четыре фута, и долженствовавшій вести ихъ дальше, если можно, къ самому городу. Такъ какъ погода установилась хорошая, и заводскій пароходъ, одинъ изъ самыхъ старыхъ, съ постукивающею машинною, вздрагивающими колесами и значительно искривленною палубою, могъ одинъ исполнить эту службу, то и рѣшено было пересѣсть прямо на него для того, чтобы избѣгнуть второй пересадки. Когда крейсеръ бросилъ якорь, на носу его подняли небольшой флагъ, извѣстный подъ именемъ «гюйса». Флагъ этотъ, выставляемый на носу судна по опусканіи якоря и означающій, что судно, лишенное возможности двигаться, совершенно беззащитно, и что его должны обходить всѣ суда,—имѣетъ на себѣ англійскіе цвѣта; говорятъ, будто причина этого историческая и сохраняется какъ воспоминаніе союза Петра I съ Англіею противъ шведовъ.

Старушка «Мезень», постукивая и побрякивая всею своимъ стародавнимъ механизмомъ, отвалила отъ «Забіяки» ровно въ пять часовъ пополудни, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы войти въ рѣку Мезень въ самую полную воду и сократить, насколько возможно, дальнѣйшій переѣздъ къ городу въ лодкахъ. Много было говорено о томъ, что, если гдѣ, то—именно въ Мезени, сѣвдъ на берегъ находится въ полнѣйшей, такъ сказать, моментальной зависимости отъ прилива, достигающаго здѣсь огромной—двадцати-двухъ-футовой вышины.

Какъ извѣстно, уѣзды: Кемскій, Кольскій и Мезенскій, пользуются по правамъ службы чиновниковъ особыми льготами; Мезенскому уѣзду предоставлялись также особыя льготы для обмѣна ассигнацій старыхъ образцовъ, какъ это было еще въ 1848 году; какъ почти самый сѣверо-восточный городъ Европейской Россіи, Мезень, которую предстояло осмотрѣть, до 1885 года, когда городъ этотъ посѣтилъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ, никогда не видала никого, не только изъ Особъ Царствующаго Дома, но даже гражданскихъ и военныхъ начальствующихъ лицъ въ губерніи, за рѣдкими исключеніями. Такъ труденъ къ нему доступъ. Въ полутора верстахъ отъ него начинается тундра, извѣстная подъ характернымъ названіемъ «Адъ» и идущая въ безконечность; почта не приходитъ иногда по четыре мѣсяца въ году. Къ Мезенскому уѣзду относятся—шутка сказать!—весь Занеборскій край и вся Новая Земля съ островами Калгуевымъ и Вайгачемъ. Это ни больше, ни меньше какъ 372.108 квадратныхъ верстъ!

Мезенскій уѣздъ очень характеренъ. Въ немъ три стана. Въ составъ перваго входятъ десять волостей и тундры Канинская и Тиманская, съ населеніемъ около 18.000 человекъ. Второй и третій станы составляютъ такъ называемый Занеборскій край, состоящій изъ шести волостей; къ нему принадлежитъ Большеземельская самоѣдская тундра; въ этомъ крайѣ около 23.000 человекъ, изъ нихъ самоѣдовъ 4.298. Населеніе уѣзда составляютъ: великоруссы по рѣкѣ Мезени и частью по рѣкѣ Печорѣ, зыряне—четыре волости и самоѣды, кочую-

Мезень, уездный городъ Архангельской губ. (вдали тундра «Адъ»).
Съ фотогр. Лейнхера, граф. Флотель.

щіе по тундрамъ. Главныя занятія—хлѣбонашество, скотоводство, лѣсная охста, а въ волостяхъ приморскихъ, Долгощельской, Койденской и Пустозерской—рыбныя и морскіе звѣринныя промыслы. Въ Мохченской зырянской волости процвѣтаетъ оленеводство, и изъ всѣхъ оленей уѣзда, около 220.000 головъ, этой волости принадлежать 180.000, такъ что хозяевами тундры должно считать зырянъ, а не самоѣдовъ, обратившихся съ теченіемъ времени въ зырянскихъ работниковъ и пастуховъ.

Мезенскій заливъ, по которому судно плыло, отличается особеннымъ обиліемъ бѣлухъ, достигающихъ здѣсь 3¹/₂ сажень длины и составляющихъ главное основаніе быта мѣстныхъ поморовъ. Крупныя бѣлухи то и дѣло показывались поддѣ судна на поверхности воды своими бѣловатыми спинами, настолько бѣлыми, что ихъ иногда бываетъ трудно отличить отъ пѣны, бѣгущей по волнѣ. Хотя бѣлуха водится и въ другихъ заливахъ Бѣлаго моря, и ихъ особенно много ближе къ Печорѣ и на Новой Землѣ, но изъ всѣхъ ближайшихъ мѣстъ она почему-то искони полюбила заливъ Мезенскій.

Вправо отъ парохода, какъ сказано, видѣлось устье рѣки Кулоя. Слѣдуетъ упомянуть, что тутъ, въ этомъ забытомъ, непосѣщаемомъ краѣ, еще существуетъ пользованіе «волоками». Волокъ со времени древняго Новгорода имѣлъ громадное значеніе на всемъ Сѣверѣ Россіи; волоками или всѣ сообщенія; волокомъ пользовался Петръ I. Здѣсь и въ настоящее время существуетъ волокъ: изъ Сѣверной Двины идутъ въ рѣку Пинегу, оттуда, волокомъ въ полторы версты длиною, до рѣки Кулоя, слѣдовательно—къ Бѣлому морю. Близъ устья Кулоя чуть-чуть обрисовывалась на низменномъ берегу деревня Щелья, отъ которой до города Мезени берегомъ 85 верстъ. Населеніе Щелья—рыболовы, и главный ихъ промыселъ—бѣлуха, особенно обильный весной. Дальше, вглубь страны, тянется тундра, одна безотрадная тундра.

Влѣво, на совершенно низменномъ берегу, выяснялась деревня Семжа, съ церковью и восемнадцатью домами; изъ нея образовался выселокъ въ двѣ пѣбы; вотъ и все, что имѣлось жилья на этомъ отстраненномъ отъ всякой жизни побережьи, тянущемся надъ моремъ нескончаемою узенькою тесьмою, песчаную близъ воды и только чуть-чуть затемненною по верху жиденькимъ слоемъ почвы, на которой даже и лѣсъ не растетъ. Дальше, за этою полоскою, какъ и за деревнею Щелья, лежащею на противоположной сторонѣ воды, опять-таки та же безконечная тундра. Жители Семжи, кромѣ бѣлухъ, добываютъ еще и семгу.

Пароходъ подвигался, слѣдовательно, въ глубоко-мертвую область тундръ. Хотя онъ сидѣлъ въ водѣ только четыре фута и время прилива было рассчитано какъ слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе надо было торопиться. Нигдѣ рѣшительно не встрѣчалось такой мутной воды, какъ въ Мезенскомъ заливѣ; ужъ не эту ли муть любятъ бѣлуха? Вода была въ полномъ смыслѣ слова шоколаднаго цвѣта, и солнечныя лучи, несмотря на всю свою силу, проникнуть вглубь ея не могли. Эта муть обуславливается песчано-глинистыми берегами и такимъ же дномъ и необыкновенною силою приливовъ и отливовъ, взбаланивающихъ массы воды неустанно: кончится приливъ—отливъ начинается, и это два раза

въ сутки, на двадцать два фута вышины начиная отъ самаго дна. Такъ же мутна была эта вода во времена Литке, замѣтившаго, что въ ведрѣ подобной воды образуется осадокъ песка и ила въ четверть аршина.

Сдѣлавъ пятнадцать верстъ и войдя въ рѣку Мезень, судно прошло мимо Русановскаго лѣсопильнаго завода, парходомъ котораго пользовались путники; отсюда до города оставалось двадцать пять верстъ. Остановки на заводѣ сдѣлано не было. Годовой оборотъ этого завода достигаетъ 300.000 руб., рабочихъ въ лѣтнее время бываетъ 200 человѣкъ. Зимой—только 80. Существуетъ онъ около десяти лѣтъ и доставляетъ сосну исключительно въ Англію, а лиственницу—по заказамъ нашего Морского Министерства; въ 1884 году было отпущено отсюда лиственницы по одному пароходу въ Кронштадтъ и въ Николаевъ. Контрактъ на добычу лѣса съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ долженъ былъ продолжиться около семи лѣтъ. Весь рѣшительно лѣсъ вывозится распиленнымъ на доски. Самъ заводъ имѣетъ три парохода, съ которыхъ нагрузка лѣса производится прямо на англійскія суда. Тутъ имѣются больница и церковь, но школы нѣтъ.

Заводъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки; изъ старыхъ отброшенныхъ реськъ воздвигнуто подлѣ берега нѣсколько поперечныхъ дамбъ, необходимыхъ какъ защита отъ приливовъ; бревна, доски, плоты тѣснены цѣлыми массами у берега, на которомъ видѣлись гдѣ лугъ, гдѣ лѣсокъ, преимущественно лиственницы. Рѣка и въ особенности фарватеръ ея извилисты до невозможности, и по близости то и дѣло показывались изъ воды гдѣ отмель, гдѣ цѣлыя кучи темнѣвшихъ каменьевъ.

Часовъ около восьми вечера показался городъ Мезень, медленно выдвигавшійся влѣво. Онъ стоитъ на правомъ берегу и ясно виденъ верхушками своихъ двухъ церквей.

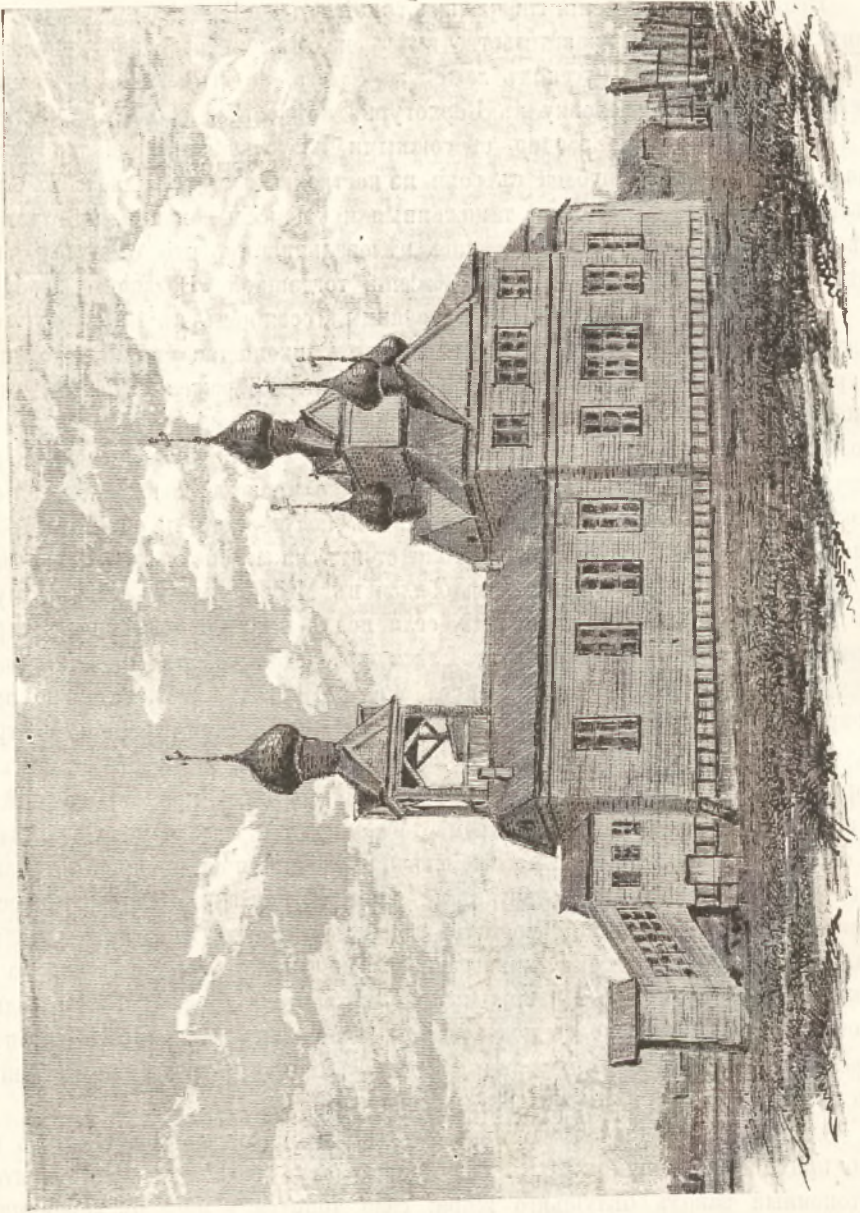
Берегъ, вдоль котораго вытянулся городъ, возвышается надъ уровнемъ рѣки сажени на четыре. Въ городѣ имѣются улицы, недурные дома; по тундра пробивается къ самымъ крыльцамъ ихъ, и кочки почтенныхъ размѣровъ мѣшаютъ ходбѣ и ѣздѣ. Главная улица, Богоявленская, переименована во Владимірскую. Большинство мужского населенія имѣло на себѣ олени «дахи» и «малицы», иногда покрытыя полотняными или ситцевыми балахонами; на головахъ мужчинъ видѣлись мѣховыя шапки; женщины кокошниковъ тутъ не носятъ, а обвязываютъ головы платками, оставляя на лбу два конца ихъ колыхаться небольшими рожками. Въ самой Мезени жителей около двухъ тысячъ человѣкъ; каменныхъ домовъ—одинъ, деревянныхъ—195. Самоѣдовъ въ Мезени только двое мужчинъ и двѣ женщины; живутъ они близъ города въ своихъ чумахъ. Пржнее названіе Мезени—«Большая Слобода»—и теперь еще въ ходу у мѣстныхъ жителей. Впервые упоминается о Мезени въ жалованной пинжежанамъ грамотѣ 1607 года, какъ о селѣ, ставившемъ подводы до Кулойскаго посада; грамотою этою мезенцы освобождены отъ дачи судовъ и снастей въ Колу, но зато увеличенъ съ нихъ денежный сборъ «на Пинжежанскій уѣздъ и на Кеврольской станъ, и на Мезень прибавлено 116 рублей 27 алтынъ 2 деньги», что составляло ровно 1.000 рублей годового взноса

податей. Ранѣе 1667 года мезенець Оома Кыркаловъ посылался для обслѣдованія Новой Земли, а въ 1667 году, по грамотѣ 30-го марта, тотъ же Кыркаловъ отправленъ былъ для разысканія мѣдной руды по рѣкѣ Цыльмѣ съ пустозерскимъ воеводою Нефловымъ.

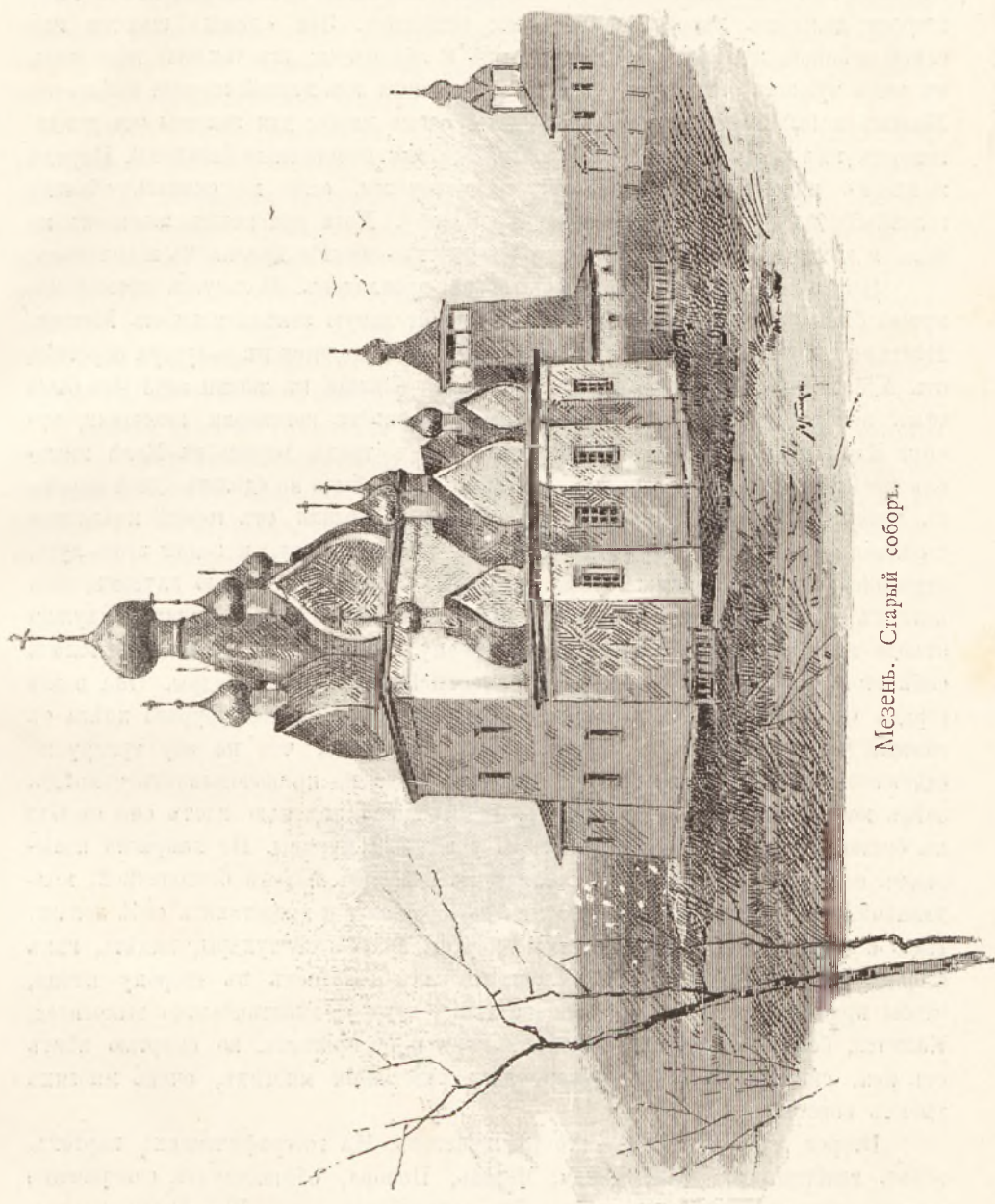
Враждебныя вторженія сибирскихъ самоѣдовъ въ Большеземельскую тундру принудили московское правительство имѣть на Мезени отдѣльнаго воеводу, а значительное движеніе русскихъ людей за Уралъ, во избѣжаніе платежа податей, обусловило постановку въ Верхотурьѣ крѣпостной заставы съ командою. Съ 1668 года мезенцы, заодно съ сошными плательщиками девяти уѣздовъ, начали платить по 60 рублей съ сохи на постройку гостиннаго двора въ Архангельскѣ. Въ концѣ XVII вѣка таможенныя и кабацкія пошлины не отдавались болѣе казною на откупъ, а собирались цѣловальниками, что свидѣлствуетъ о бѣдности и ничтожномъ значеніи Мезени, тогдашней «Большой Слободы».

Новый соборъ, Богоявленскій, деревянный, освященъ въ 1861 году; онъ—о пяти чешуйчатыхъ куполахъ, съ небогатымъ иконостасомъ, на которомъ въ три ряда видѣются изображенія святыхъ; эти изображенія новыя, старыя иконы развѣшаны по сторонамъ; надъ церковью—гладкій, будто въ комнатѣ, потолокъ. Подлѣ этого новаго собора, рядомъ съ нимъ, висится старая деревянная, крытая шатромъ, со сквозною галлереею наверху, колокольня; ея однолѣтокъ, старый соборъ, находится шагахъ въ полтораста и обведенъ общою съ новымъ соборомъ рѣшеткою. Оба они стоятъ на зеленомъ лугу. Собственно говоря, трудно понять, почему понадобился въ Мезени новый соборъ, заурядный по архитектурѣ и не каменный, если подлѣ него въ полнѣйшемъ здравіи старого, массивнаго, неразрушимаго дѣла красуется соборъ древній, вполне типичный, характерный. Онъ освященъ въ 1718 году, слѣдовательно почти одновременно съ церковью Вытегорскаго погоста, Олонецкой губерніи, построенною, будто бы, по собственноручному плану Петра I, и имѣющею съ нимъ нѣкоторое сходство. Центральныхъ куполовъ на немъ пять, причеиъ средний висится на конусообразной основѣ; кромѣ того, имѣются купола надъ придѣлами; всѣ они крыты чешуйками; высокіе, плоскіе кокошники очень красиво взламываютъ своими изогнутыми очертаніями прямыя линіи главнаго кубическаго основанія собора. Древній иконостасъ—въ четыре яруса; въ соборѣ—два придѣла, но есть еще и третій, пристроенный не совсѣмъ симметрично, во имя Алексія Божія Человѣка. Престольный образъ собора—Рождество Богородицы. Въ общемъ, включительно съ колокольнею, это—одинъ изъ самыхъ цѣльныхъ, сохранившихся до насъ, деревянныхъ памятниковъ Петровскаго времени и, какъ таковой, требуетъ сбереженія и поддержки.

Одинъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ, въ которомъ остановились путники, принадлежитъ купцу Ружникову, имѣющему въ Мезени, кромѣ торговли, салотопенный заводъ бѣлушьяго жира; сало топится у него въ деревянныхъ бочкахъ, въ которыя проведены чугуныя трубы, нагрѣваемые горячею водою. Цѣна бѣлушьяго сала здѣсь на мѣстѣ—три рубля. Изъ оконъ дома видна была толпа прохожихъ. Главныя характерныя одѣянія, какъ сказано, были «малицы» и «дахи». Первыя изъ нихъ, это—нѣчто въ родѣ длинныхъ рубахъ изъ шерсти

Мезень. Новый соборъ.

Мезень. Старый собор.

«неблюя», то-есть оленьяго теленка, одѣваемыхъ черезъ голову и составляющихъ одѣяніе, недоступное никакому вѣтру, такъ какъ въ немъ нѣтъ вовсе щелей, имѣющихся въ дахѣ, запахиваемой на груди. Костюмъ довершается мѣховою шапкою «пыжикомъ» и «пимами», сапогами, сдѣланными изъ оленьей шерсти волосомъ вверхъ, какъ и все остальное. Эти «пимы» шьются изъ самой крѣпкой, жесткой шерсти отъ ногъ и лба оленя; для теплоты подъ нихъ въ видѣ чулокъ одѣваются «линты», сдѣланныя изъ мягкой шерсти неболюевъ. Маляцъ и пыжиковъ видѣлось въ толпѣ очень много; для защиты отъ дождя, поверхъ ихъ одѣваютъ полосатые ситцевые или полотняные балахоны. Нарядъ женщинъ никакими особенностями не отличался, если не считать обвязки головныхъ платковъ съ двумя рожками на лбу. Хотя красивыхъ женщинъ не было и тутъ, но все-таки онѣ были гораздо милостивѣе кемлянокъ и колянокъ.

Ясный июньскій вечеръ былъ очень прохладенъ. Пользуясь временемъ, нужно было поѣхать осмотрѣть одну исключительную замѣчательность Мезени. Мѣстные люди сообщили о томъ, что «Мезень находится въ полтора верстахъ отъ Ада». Какъ было не взглянуть на такой близкій къ жизни адъ! Это было тѣмъ необходимѣе, что о преисподней вспоминаеть поговорка, гласящая, что «отъ Колы до ада только три версты»; этихъ трехъ верстъ въ Колѣ никто изъ посѣтившихъ этотъ городъ не сдѣлалъ,—какъ было не сдѣлать одной версты въ Мезени? И дѣйствительно, — стояло того. Не вдали отъ города находится стрѣльбище команды; оно расположено на зеленомъ лугу, и подлѣ этого луга, отдѣляясь отъ него прямою, рѣзкою чертою, точно проведенною плугомъ, безъ всякихъ переходовъ или градацій, начинается безконечная тундра, идущая отсюда на многія тысячи верстъ къ океану. Рѣшительно нельзя объяснить себѣ этого удивительнаго, рѣзкаго прямолинейнаго начала тундры. Она возлѣ города совершенно суха и усѣяна огромными кочками темнобураго цвѣта съ самыми чахлыми слѣдами растительности. Говорятъ, что на эту тундру не отваживается ни одно живое существо, что сюда не прикочевываетъ самоѣдъ, звѣрь не идетъ, птица не залетаетъ. Безотрадною теменью идетъ она отсюда въ безконечность, начинаясь вплотную у зеленой муравы. Не напрасно называютъ ее «адомъ», потому что взглядъ на нее такъ полонъ безконечной, молчаливой, безотвѣтной смерти, что ничего подобнаго и представить себѣ нельзя. Надо стоять на обрѣзанномъ прямою чертою краю этой тундры, видѣть, какъ сторонится ее пасущаяся подлѣ лошадь, какъ отлетаетъ въ сторону птица, чтобы признать возможнымъ то впечатлѣніе, которое дѣйствительно выносятся. Кажется, безобидна тундра, и молчитъ она и не трогаетъ, но смертью вѣетъ отъ нея, смертью со всего безконечнаго разстоянія многихъ, очень многихъ тысячъ верстъ.

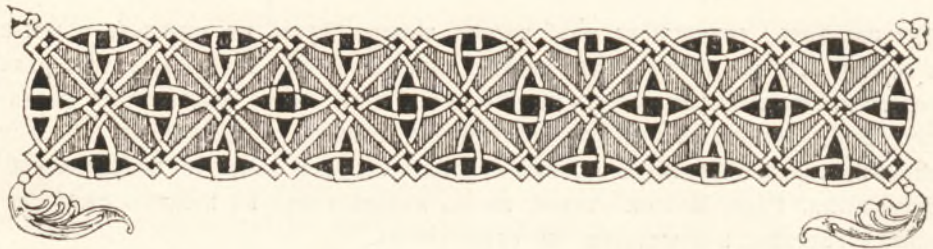
Второе чудо Мезени — это рѣка Мезень. На географическихъ картахъ, всѣмъ извѣстныхъ, рѣки: Двина, Мезень, Печора, обозначаются совершенно одинаковыми темными извилинами. Это величайшая ложь. Что Двина могуча, въ этомъ не трудно убѣдиться, проѣхавъ ее всю; говорятъ, что Печора слабѣе ея; но что касается Мезени, то это—дрянная, проходима въ бродъ рѣчонка. Вода точно припучаетъ въ ней дважды въ день, во время приливовъ, но и

тогда пароходъ, сидящій въ водѣ только четыре фута, не рискуетъ подойти къ городу. Что же должно быть дальше, выше по рѣкѣ? Во время отлива рѣка представляется небольшою мутною рѣчонкою, текущею по извилистому фарватеру, въ длинныхъ подушкахъ обсушенныхъ песковъ, истыканныхъ повсюду камнями, торчащими вдоль обоихъ береговъ лентами какой-то неприглядной, острой сыши. Рѣки Мезени—такой, какою является она на нашихъ географическихъ картахъ, положительно не существуетъ.

Почти четыре мѣсяца въ году въ Мезень, какъ сказано, не приходитъ рѣшительно никакой почты, если не считать случайно доставляемую черезъ заводъ. До ближайшаго города Пинеги, еще болѣе глухого, чѣмъ Мезень, отсюда 303 версты лѣтомъ и 143 зимою. Очень дешевы здѣсь шкуры оленя, лисицы, песца; на одномъ изъ городскихъ дворовъ лежали сваленные въ большую грудку оленьи рога; они идутъ отсюда за границу, и цѣна имъ—отъ сорока копеекъ до двухъ рублей пудъ, смотря по требованію и достоинству самого матеріала. Недурны образчики мѣстной ржи, которая созрѣваетъ въ Мезени порядочно. Луговъ очень много и, сообразно съ этимъ, скота.

Свѣтла и очень прохладна была тихая ночь. Дахи и малицы, какъ лѣтнее одѣяніе, были совсѣмъ умѣстны. Отъѣздъ изъ Мезени назначенъ былъ, по соображенію съ приливомъ, на завтра, 26-го іюня, къ 11 часамъ утра. Путники и не подозрѣвали, какую чудесную картину увидятъ они въ заливѣ, подойдя къ ожидавшему ихъ судну.

Отъ Мезени къ Онегѣ.

Флотилія бѣлужниковъ. Бѣлужій промыселъ. Онежскій рейдъ. Городъ Онега. Историческое о городѣ. Исторія сѣвернаго льсенаго дѣла. Ныгѣшнее его положеніе. Лѣсопильный заводъ. Замѣчательная выставка въ Андѣ. Мѣстная охота и охотники.

Флотилія бѣлужниковъ—вотъ та картина, которую налюбовались путники въ-волю, выйдя снова въ Мезенскій заливъ. Въ 11^{1/2} часовъ утра, 26-го іюня, покинули они характерную Мезень, съ ея оленьими малицами и дахами, съ ея тундровымъ адомъ и невозможно мелкою рѣчкою. Они покинули ее такъ же, какъ прибыли, т.-е. на лодкахъ. Замѣчательно характерны всѣ прибытія и отплытія судовъ во всѣхъ посѣщенныхъ сѣверныхъ городахъ, приливы и отливы регулируютъ ихъ съ такою точностью, что въ данный часъ все и вся торопится, суетится, какъ бы не отстать; не успѣть—значитъ потерять безвозвратно двѣнадцать часовъ времени со всѣми послѣдствіями этой потери. Морской приливъ ко времени отъѣзда былъ въ полной высотѣ, и вельботъ стоялъ у самой пристани. Рѣка Мезень была неузнаваема: куда исчезли всѣ эти камни, лежавшіе обнаженными вчера къ ночи по всему ея песчаному руслу? Рѣка казалась многоводною,—такою, какою обозначается она на нашихъ географическихъ картахъ, чуть не подъ-стать Двинѣ или Сухонѣ. Все населеніе города Мезени находилось на берегу.

Пароходъ «Мезень» ожидалъ путниковъ верстахъ въ двухъ отъ города. Они пересѣли на него и увидѣли опять его покоробленную палубу и услышали снова стукъ говорливой машины. Помѣръ движенія внизъ по теченію и слѣдуя очень извилистымъ фарватеромъ, судно дѣлало постоянные промѣры и постоянно поскребывало о дно. Путники любовались на лежавшія на боку суда, ожидавшія полной воды, для того, чтобы выпрямиться, стать какъ слѣдуетъ и выйти въ море. Опять увидѣли они низкіе берега залива, тянувшіеся полосками въ безконечную даль, его густую, илстую воду, отражавшую, но не принимавшую въ себя яркихъ солнечныхъ лучей. Путники направлялись прямо къ привез-

Крейсеръ, окруженный флотилією бѣлужниковъ.

шему ихъ крейсеру, не замедлившему обозначиться далеко впереди, и въ волю налюбовались цѣлою флотиліею бѣлужниковъ, собравшеюся передъ ихъ глазами со всей видимой поверхности залива.

Мезенскій заливъ — одинъ изъ самыхъ важныхъ для промысла бѣлужки, *Delphinopterus leucas*, называемой иногда совершенно неправильно бѣлугою. Это китообразное, достигающее до 3¹/₂ сажень длины, даетъ до 22 пудовъ жира. Барышъ, доставляемый бѣлугою, если принять въ расчетъ и кожу, идущую на обувь, — около семидесяти рублей; малая бѣлужка даетъ не болѣе двадцати рублей. Во всемъ Бѣломъ морѣ водится бѣлужка; живетъ она тутъ круглый годъ и очень много ея по всему безконечному сѣверному побережью Сибири до самаго Охотскаго и Берингова морей, и вездѣ охотятся на нее, и всюду бьютъ и истребить не могутъ. Бѣлужка — существо кроткое и глубое и ходить всегда большими косяками, причѣмъ — и это для нея гибельно — любитъ забираться въ довольно мелкіе заливы. Плавающій по заливу косякъ бѣлужки легко выслѣживается промышленниками, такъ какъ свѣтлыя спинныя особы то и дѣло обозначаются на водной поверхности. Если такой косякъ попадетъ на болѣе мелкое мѣсто, а онъ именно такого мѣста ищетъ, то окружается лодками промышленниковъ; лодки эти ходятъ по двѣ, причѣмъ каждая изъ нихъ несетъ одинъ изъ концовъ невода; окруженный кольцомъ подобныхъ неводовъ, косякъ подвергается почти поголовному избіенію такъ называемыми «пешнями». Косяки бѣлужки достигаютъ иногда огромной густоты по числу особей и, повидному, не переводятся. Въ 1857 году въ Кандалакской губѣ зимой бѣлужки торчали обледѣлыми статуями; въ 1867 году въ Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ сдѣлано сообщеніе, что бѣлужка проходитъ иногда такими сплошными массами, занимая отъ пяти и до десяти верстъ поверхности, что заливы подергиваются ею какъ бы льдомъ; въ 1880 году однимъ промышленникомъ добыто бѣлужъ въ два дня на 12.000 руб., въ 1883 году тому же промышленнику въ одну тоню попало 400 бѣлужъ около Новой Земли.

Мезенскій заливъ, какъ сказано, особенно богатъ бѣлужками, въ чемъ путешественники могли убѣдиться, любясь державшимся въ сторонѣ косякомъ, поблескивавшимъ многочисленными бѣлыми спинками; по одной изъ бѣлужъ сдѣлать былъ изъ винтовки выстрѣлъ, повидному, удачный. Норвежцы много стрѣляютъ ихъ; иногда орудуютъ этимъ путемъ и наши поморы. Въ деревнѣ Щелье, близъ рѣки Кулоя, видной издали, бѣлушій промыселъ — главное занятіе жителей; въ 1884 г. онъ дѣлился на 300 паевъ, и на пай пришлось по тридцати рублей. Убитую бѣлужку «бръютъ», то-есть снимаютъ съ нея жиръ и въ бочкахъ везутъ въ Архангельскъ; самую тушу, представляющую значительную цѣнность, бросаютъ въ море.

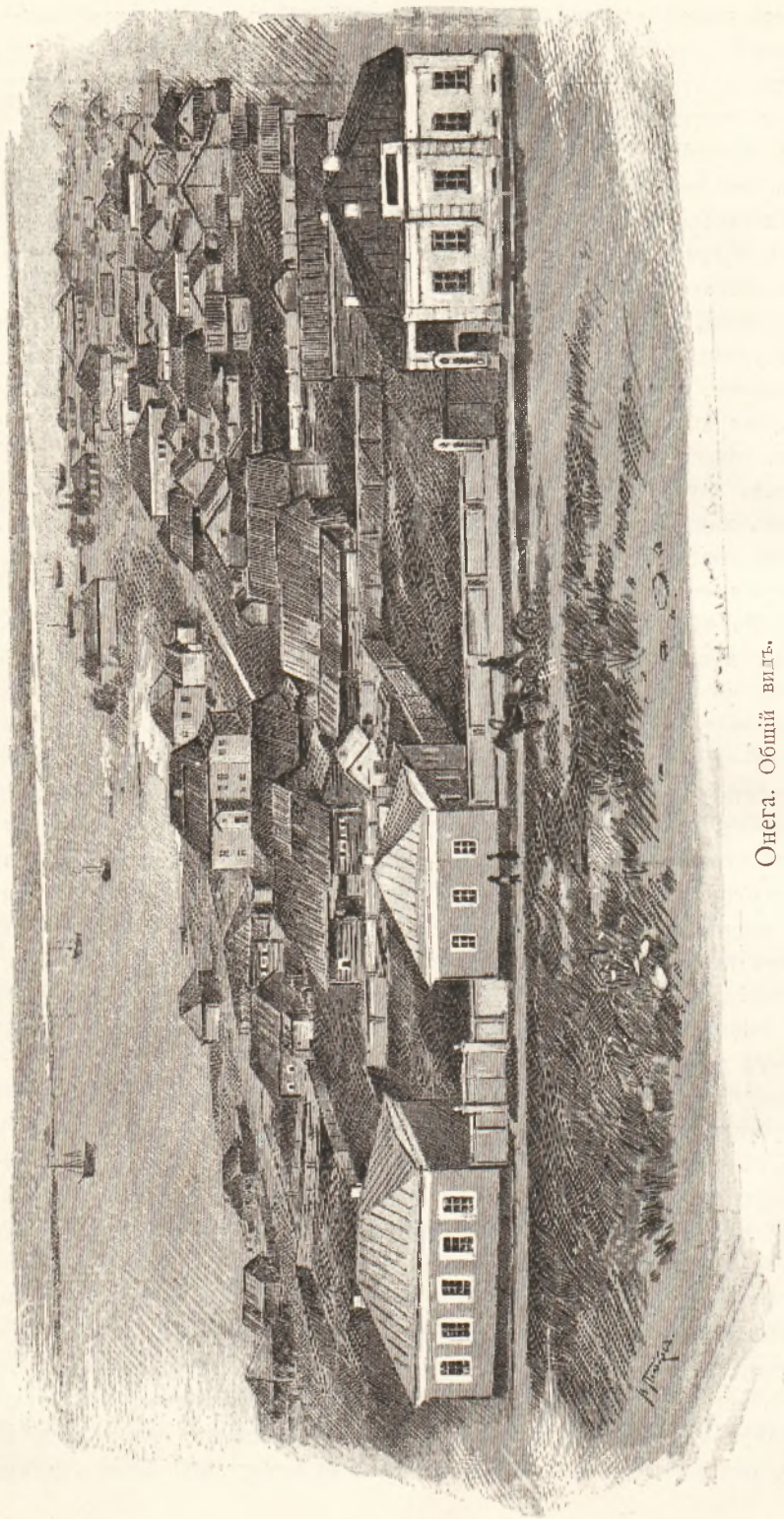
При разведенныхъ парахъ, «Забіяка» не замедлил тронуться въ путь; предстояло сдѣлать опять-таки очень длинный переѣздъ съ восточнаго берега Бѣлаго моря къ южному, къ городу Онегѣ. Въ десять часовъ вечера, крейсеръ, въ который уже разъ, пересѣкъ полярный кругъ и втянулся въ горло Бѣлаго моря; довольно однообразное плаваніе было очень своеобразно нарушено прилетѣвшимъ воробушкомъ, привлечшимъ къ себѣ общее вниманіе. Отъ судна до берега

было тогда вереть сорокъ. Смѣльчакъ-воробей, Богъ вѣсть почему занесшійся такъ далеко, опустился на палубу, видимо уставшій, изнуренный; онъ, казалось, нисколько не пугался обрадованной его посѣщеніемъ команды, отдохнулъ съ полчася и пустился въ обратный летъ, по направленію къ берегу.

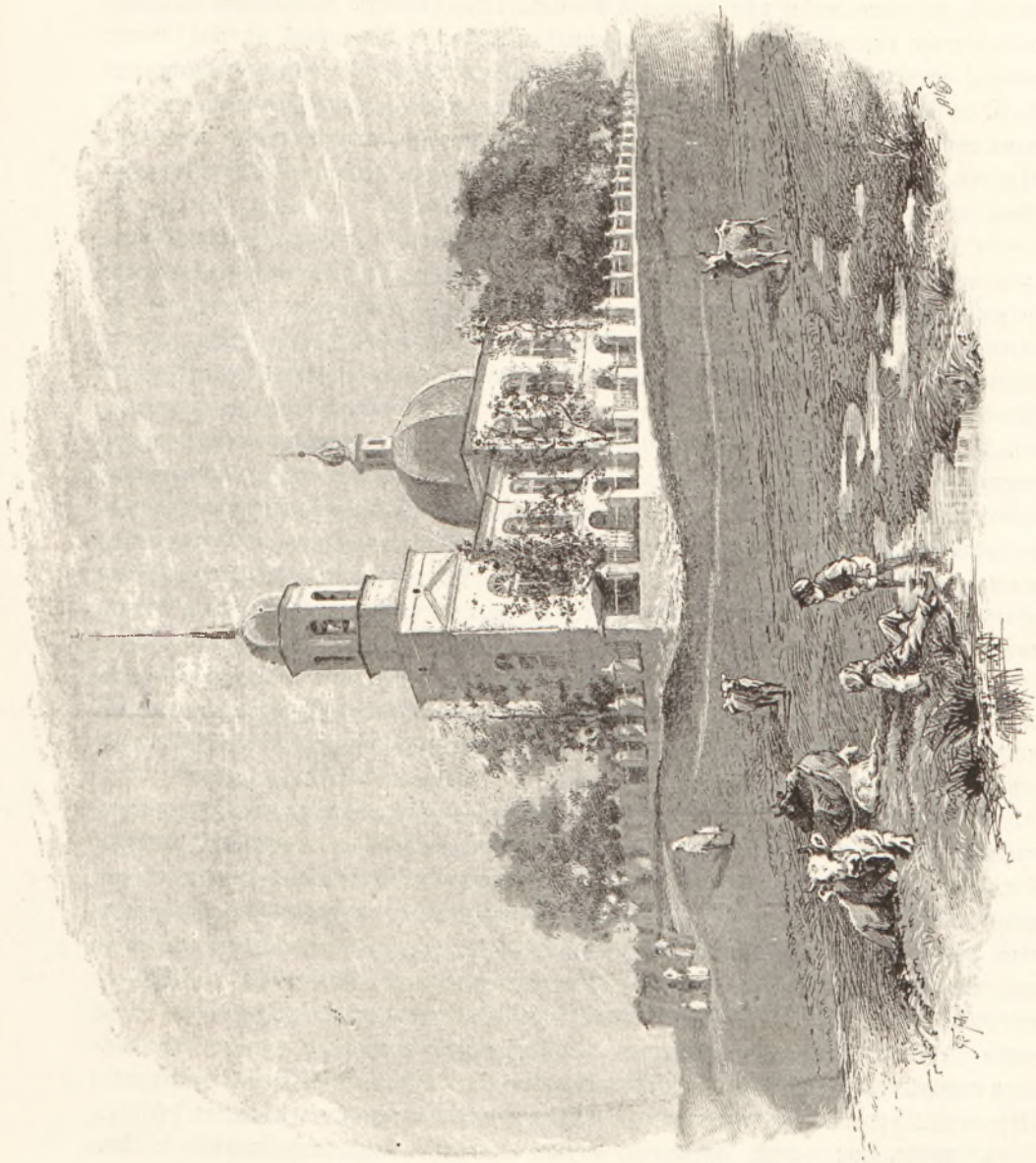
Къ полудню слѣдующаго дня, 27-го іюня, выяснился вправо отъ борта, первымъ изъ группы знакомыхъ уже Соловецкихъ острововъ, подлѣ которыхъ показался снова, Анзерскій островъ, и на немъ ярко отбѣчался надъ спневою моря бѣлый скитъ. Скоро, вслѣдъ за нимъ, преобразенные полуденнымъ миражемъ, поднятые и плоско обрѣзаемые по верхамъ, обозначились другіе Соловецкіе острова, и, наконецъ, на короткое время глянула вдаль и сама обитель. Миражъ удваивалъ и утраивалъ очертанія скалъ, дѣлилъ острова на два и на три яруса, причемъ нижній слой составляли облака, а твердыя массы точно плыли выше ихъ въ голубомъ, совершенно чистомъ небѣ. Было 9° тепла, и вѣтеръ стоялъ южный.

Около двухъ часовъ дня, опять-таки вправо, показался островъ Жужмуи и на немъ маякъ печальной памяти, на которомъ не очень давно жили. Люди, привезшіе припасы, нашли весь личный составъ служившихъ мертвымъ. Причина смерти осталась до сихъ поръ невыясненною, но полагають, что они угорѣли. По мѣрѣ движенія къ юго-востоку, въ самое остріе Онежскаго залива, обозначались все настойчивѣе многіе острова, дробимые на части сильнѣйшимъ миражемъ, и берегъ матерой земли, къ которой судно, наконецъ, приближалось. Крейсеръ шелъ со скоростью тринадцати узловъ, но противъ него дѣйствовала отливъ со скоростью трехъ узловъ, такъ что въ сущности онъ совершалъ только десять узловъ. Къ восьми часамъ вечера, вправо отъ судна выплылъ изъ воды островъ Кіо, скалистый, лѣсистый, и на немъ монастырь, который предстояло посѣтить завтра. Нѣсколько судовъ стояло по разнымъ сторонамъ на якорѣ; глубина тутъ — около тридцати футовъ. Рейдъ, на которомъ крейсеръ бросилъ якорь, въ 15-ти верстахъ отъ города Онеги, давнымъ-давно служилъ и служить предметомъ пререканій между городомъ и компаніями лѣсного торга: городъ находитъ, что рейдъ то и дѣло засоряется балластомъ, кидаемымъ въ воду съ судовъ, приходящихъ за лѣсомъ, и якорныя стоянки что ни годъ удаляются отъ города.

Вечеръ былъ удивительно прозрачный, при 18° тепла; море разстилалось кругомъ, безусловно зеркальное, серебряное, скорѣе жемчужное, и цѣлыя группы скалистыхъ острововъ и недалекіе берега ясно обрисовывались по округѣ: тѣ, что находились поближе, вслѣдствіе какой-то странной игры свѣта, казались черными; тѣ, что отстояли дальше, заливались огнями спускавшагося солнца и ярко, ярко красѣли. Вдали показался пароходъ «Онега», на который пересѣли путешественники и стали обигать Кіо-Островъ, оставляя его влѣво и направляясь такъ называемымъ новымъ фарватеромъ, обозначившимся только три года тому назадъ; до того здѣсь пользовались старымъ, идущимъ съ другой стороны острова. Обогнувъ островъ почти по цѣлому кругу, начали втягиваться въ самую узкую часть залива; къ рѣкѣ, гдѣ-то вправо, должна была лежать знаменитая Нюхча, та, отъ которой пошелъ Петръ I къ Онежскому озеру; этотъ берегъ совершенно

Онега. Общій видъ.

Онега. Соборъ.

низмень, тогда какъ на другомъ, лежавшемъ влѣво, видѣлись невысокія лѣсистыя горы. Рѣка Онега, благодаря приливу, казалась полноводною, но это только казалось, потому что въ отливъ обнажается и она, хотя и не до такой степени какъ Мезень, и въ руслѣ, передъ самымъ городомъ Онегой, глубина никогда не бываетъ менѣе двадцати футовъ. Скоро вслѣдъ за входомъ въ рѣку, съ берегами ея, поросшими лѣсомъ, увидѣли влѣво, основанный лѣтъ 15 тому назадъ, лѣсопильный заводъ Шенглейна; вправо, немного повыше, растянулся вдоль воды старинный заводъ компаніи Онежскаго лѣсного торговаго общества съ неисчислимымъ множествомъ бревенъ и досокъ, сложенныхъ въ многоярусныя штабелы. Штормъ, испытанный недавно на Мурманѣ, нанесъ большіе убытки заводу Шенглейна, разметавъ и унеся около 4.000 бревенъ.

Сильно темнѣло, когда судно подошло, наконецъ, къ городу, лежащему на правомъ берегу рѣки, плоскомъ, обрывистомъ, песчаномъ. Въ виду его стояло на якорѣ пятнадцать судовъ, отчасти нагруженныхъ лѣсомъ для отправки за границу, и три парохода; всѣ они были расцвѣчены флагами; между ними тѣснилось множество лодочекъ, и вся набережная была усыпана людьми. Городъ тянется вдоль рѣки версты на двѣ и, какъ и всѣ сѣверные города, начиная отъ Холмогоръ и Архангельска, придерживается воды и имѣетъ одну только улицу, если не считать коротенькихъ поперечныхъ переулочковъ, поросшихъ сочною травою, вполне пригодною подъ пастбище. Тундра, какъ и въ Мезени, топорщится по улицамъ и здѣсь. Въ глубинѣ, за городомъ, обозначались невысокіе, поросшіе густымъ лѣсомъ, холмы. Въ городѣ—2.740 жителей, въ уѣздѣ—38.284. Слѣдуетъ замѣтить, что тутъ, какъ и въ Мезени, мѣстная интеллигенція очень немногочисленна.

Городской соборъ—объ одномъ восьмипарусномъ куполѣ съ колокольнею и отличается очень богатымъ, рѣзнымъ, точенымъ, бѣлое съ золотомъ, иконостасомъ. По посѣщеніи собора, позднее время дня не допускало какихъ-либо осмотровъ и посѣщеній.

Въ Онегѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ городахъ сѣвернаго побережья, путники находились опять на древней, очень древней исторической почвѣ. Такой маленькій, невзрачный городокъ и такая удивительная историческая давность! Городъ основанъ въ XV вѣкѣ новгородцами, подъ именемъ «Устьянской волости»; въ мѣстномъ соборѣ хранится Евангеліе съ надписью, сдѣланною на немъ въ 1601 году. Онега уѣздный городъ съ 1780 года. Въ 1755 г. императрица Елисавета Петровна дала графу Шувалову привилегію на заведеніе тутъ лѣсопильныхъ заводовъ и иностранную торговлю лѣсомъ; съ тѣхъ поръ городъ является однимъ изъ самыхъ важныхъ лѣсопромышленныхъ центровъ. Шуваловы продали это право англичанину Гому на тридцать лѣтъ; въ 1762 г. Гомъ имѣлъ при одной онежской верфи своихъ пятьдесятъ кораблей. Въ 1781 году, по указу Екатерины II, учрежденъ въ Онегѣ открытый портъ. Если англичане, сжегши въ 1856 г. Колу и бомбардировавъ Соловки, пощадилъ Онегу, такъ это потому, что тутъ лежали большіе запасы лѣсныхъ матеріаловъ, оплаченные англійскими капиталами, и стоялъ лѣсопильный заводъ, принадлежавшій англійскому торговому дому.

Когда со второй половины XVIII вѣка въ здѣшнихъ лѣсахъ началъ хозяйничать Гомъ, то тщетно входила адмиралтействъ-коллегія, видя страшное и быстрое оскуднѣніе корабельныхъ лѣсовъ, съ представленіями о вредѣ дарованной Гому привилегіи. Къ счастью, у самого Гома дѣло не пошло, и казна передала права его Гауману въ 1769 году. Въ 1811 году «лѣсной торгъ» состоялъ подъ управленіемъ особыхъ директоровъ; съ 1833 года его отдали въ аренду Бранту; въ 1846 году—Кларку; съ 1856 года образовалась компанія «Онежскаго лѣсного торга». Насколько дурно понимали у насъ лѣсное хозяйство, видно, между прочимъ, изъ того, что еще въ 1843 г. начальникомъ главнаго морскаго штаба сообщено было Министерству Государственныхъ Имуществъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы дозволить лѣсопромышленникамъ не вывозить съ мѣста рубки вершинникъ, сучья, щепы и кору — т.-е. дозволено дѣлать именно то, что мѣшаетъ лѣсовозращенію.

Уже въ царствованіе Петра I началась жалобы на оскуднѣніе нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ. Весь Мурманскій берегъ, за малыми исключеніями, лишень лѣсной растительности, которая, такъ сказать, не смѣетъ подступить къ Полярному морю и начинается только верстахъ въ сорока отъ него. Тамъ, гдѣ въ укрытой бухтѣ виднѣются на Поморьѣ сосны и ели, онѣ бывають иногда очень почтенныхъ размѣровъ, но многія изъ нихъ, если не большинство, пускають вѣтви только въ сторону материка; къ морю, боясь его дыханія, словно отворачиваясь отъ сѣвера, глядять онѣ своими мишистыми, лишенными вѣтвей стволами. Полярная сосна, подобно нашей южной таврической, тоже любитъ иногда украшаться шатровою вершиною, что при жесткихъ очертаніяхъ скалъ надъ порожистыми рѣками даетъ пейзажу особенно своеобразный, законченный видъ. Но крупныя, прежніе, старыя лѣса, обрамлявшіе нѣкогда Двину, Онегу, Мезень и многія другія сѣверныя рѣки, отошли въ вѣчность.

Серьезность положенія нашего сѣвернаго лѣснаго хозяйства вызвала особенно тщательныя изслѣдованія. Въ іюлѣ 1881 года командированы были въ Архангельскую губернію лѣсныя чины, и они нашли, что лѣсная операція ведется тутъ вовсе нежелательнымъ способомъ: рубки, производимыя только по рѣкамъ, идутъ не далѣе какъ на десять верстъ отъ береговъ ихъ и, при возрастаніи требованія на лѣсъ, распространяются не вглубь лѣсныхъ пространствъ, а къ верховьямъ рѣкъ. Министерство пришло къ заключенію, что на будущее время рубку слѣдуетъ допускать не съ общей площади лѣсныхъ дачъ, а съ тѣхъ береговыхъ полосъ, въ которыхъ рубка должна производиться. Найдено было также очень невыгоднымъ, что все лѣсное дѣло сосредоточено въ рукахъ немногихъ лицъ, и что контракты съ ними слишкомъ продолжительны; найдено также, что самое исползованіе ведется неправильно, потому что рубятъ, какъ бы по недогадкѣ, много недомѣрнаго лѣса и оставляють его лежать, что, заодно съ отрубленнымъ и валяющимся вездѣ вершинникомъ, дѣйствуетъ въ высшей степени вредно на возобновленіе лѣса. Рѣшено было также, въ виду повторявшихся на торгахъ стачекъ лѣсопромышленниковъ, не повторять въ томъ же году однажды несостоявшихся торговъ. Мѣра—довольно простая, но для казны очень благодѣтельная, такъ какъ лѣсъ, простоявъ на

корню лишній годъ, въ цѣнности своей не убавится, а промышленникамъ пустующій годъ — не доходъ.

Какъ сказано, кончившіеся сроки контрактовъ очень помогли Министерству, но нельзя не сказать ему спасибо за то, что оно исходатайствовало Высочайшія повелѣнія на расторженіе двухъ контрактовъ: со «Святнаволоцкимъ товариществомъ» и съ «Вытегорскою лѣсною операціей». Эти оба контракта являлись настоящимъ покушеніемъ на обезлѣсеніе береговъ Онежскаго озера сразу съ двухъ сторонъ, съ восточной и съ западной.

Огромное значеніе имѣютъ наши сѣверные лѣса и для поморевъ. Не говоря уже о томъ, что охота въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ для очень многихъ является единственнымъ заработкомъ, но и для развитія и поддержанія рыбныхъ океанскихъ промысловъ наши лѣса крайне необходимы. Цѣлый рядъ комиссій, имѣвшихъ предметомъ поднятіе экономическаго благосостоянія нашего Сѣвера, ходатайствовали о помощи поморамъ. Отъ лѣснаго вѣдомства за послѣдніе годы оказана имъ помощь большая. Вотъ перечень нѣкоторыхъ льготъ. Въ 1882 году разрѣшенъ безденежный отпускъ лѣса кареламъ Кемскаго уѣзда, разрѣшено всѣмъ лопарямъ и Яковлевскому обществу безденежное пользованіе лѣсомъ на домашнія потребности, а всей Архангельской губерніи — по цѣнамъ, пониженнымъ въ такомъ размѣрѣ, что кубическая сажень дровъ отпускается имъ по 16 коп., тогда какъ рыночная цѣна ея отъ 85 коп. до 1 руб. 75 коп., а для норвежцевъ даже до 2 руб. 55 коп. Въ 1883 году распространенъ льготный отпускъ лѣса для постройки судовъ всѣмъ жителямъ Архангельской губерніи, и, наконецъ, въ 1884 году разрѣшено мѣстному управленію государственными имуществами допускать крестьянъ къ бесплатному пользованію пнями, корнями и валежникомъ для смолокуренія. Если не смотрѣть на казну какъ на кошель, открытый всѣмъ и каждому, то нельзя не согласиться, что лѣсныя льготы, данныя жителямъ Архангельской губерніи, достаточно велики: поморъ можетъ строиться, отапливаться и поднимать свою шляпку для промысловъ чуть ли не даромъ.

На слѣдующій, по прибытіи въ Онегу, день, 28-го іюня, путникамъ предстояло много любопытнаго: посѣщеніе лѣсопильнаго завода и замѣчательной выставки охоты и рыболовства. Доказательствомъ того, что они находились въ лѣсной мѣстности, служили необозримыя полчища комаровъ, забравшіеся въ комнаты. Спасало только жженіе на блюдцахъ персидскаго порошка при закрытыхъ окнахъ: едва только разстилался синій дымокъ его по комнатѣ, какъ комары валились сотнями, и несносное, назойливое жужжаніе ихъ, сопряженное съ молчаливыми уколами, прекращалось.

Эти вечернія и ночныя нападенія комаровъ не прекратились и утромъ слѣдующаго дня. Яркій солнечный день нисколько не умалилъ ихъ ожесточенныхъ нападеній. Впрочемъ, онежскіе комары были только слабою прелюдіею того, что предстояло встрѣтить впоследствии.

Лѣсопильный заводъ, лежащій почти противъ города, — одинъ изъ тѣхъ пунктовъ нашего сѣвернаго побережья, изъ котораго съ давнихъ дней прошло за границу огромное количество нашихъ лѣсныхъ матеріаловъ. Нынѣ дѣйствую-

шая лѣсная компанія приобрѣла заводъ въ собственность въ 1863 году за ничтожную сумму—65.000 рублей; количество заготовляемаго лѣса, съ 1856 по 1885 годъ,—до 125.000 бревенъ, но бревнами онъ за границу не отправляется, ихъ пилятъ, обращаютъ въ доски и отправляютъ въ Англію въ количествѣ 75.000 дюжинъ. Рейки, остающіяся съ боковъ бревенъ, и обрѣзки концовъ идутъ, главнымъ образомъ, на дрова. Безконечно хуже и обиднѣе судьба опилковъ, получающихся въ огромномъ количествѣ и лежащихъ кругомъ изжелтабѣлыми холмами. Подобно тому какъ бросаютъ въ море внутренности трески, туши бѣлухи и акулы, и еще недавно бросались туши китовъ,—опилки эти безпощаднымъ образомъ сжигаются, чтобы не занимали мѣста; мало, въ самомъ дѣлѣ, мѣста на сѣверѣ Россіи! Изъ нихъ можно бы добывать и искусную кислоту, и другіе химическіе продукты, и дѣлать древесную массу, но, говорятъ, устройство спеціальнаго завода слишкомъ дорого, жечь несомнѣнно дешевле. И путники видѣли, какъ за заводомъ голубымъ дымкомъ улетучивались значительные капиталы нашей небогатой капиталами Россіи.

Въ описываемое время заготовленнаго лѣса лежало на заводѣ тысячъ на шестьсотъ, преобладала сосна, но имѣлось не мало и ели, которая въ послѣднее время, вслѣдствіе оскудѣнія сосны, начинаетъ находить сбытъ. Самая удаленная отъ завода доставка лѣса идетъ изъ Каргопольскаго уѣзда по рѣкамъ Мошѣ и Онегѣ розсыпью; у села Карельскаго поставленъ затонъ, ниже — другой, подлѣ Анды, откуда лѣсъ, связанный плотами бревенъ въ шестьсотъ, спускается до Онеги. Въ Англію отпускается около двадцати четырехъ судовъ; для нагрузки имѣются два парохода. Заводъ устроенъ хорошо; рабочихъ лѣтомъ 500, зимою—200 человекъ, для нихъ устроена особая казарма; паровая машина — въ 70 силъ. Досокъ четыре сорта, пятый — бракъ, остающійся, конечно, для сбыта поморамъ, которые торгуютъ имъ въ розницу.

Въ четвертомъ часу пополудни путешественники выѣхали въ экипажахъ для осмотра замѣчательнѣйшей выставки, устроенной въ Андѣ, верстахъ въ 5—6 отъ города, на высокомъ, живописномъ берегу Онеги. Лошадей было достаточно, такъ что пословица, гласящая, что «во всей Онегѣ нѣтъ телѣги», оказалась несправедливою. Дорога идетъ по правому, высокому берегу Онеги, то теряясь въ лѣсу, то выбѣгая на самую кручу къ рѣкѣ, изгибающейся далеко внизу. Въ Андѣ, при впаденіи небольшой рѣчки Анда, стоитъ бездѣйствующій старый лѣсонильный заводъ. На высокой горѣ, на расчищенной площадкѣ, въ сплошномъ лѣсу, поставленъ былъ красивый навильонъ, изъ котораго открывался богатый видъ на протекавшую глубоко внизу, вдоль обнаженныхъ кампей, Онегу и на лѣсонильный заводъ, виднѣвшійся въ поперечной къ ней котловинѣ. Сосна, ель, осина, береза, можжевельникъ образовывали кругомъ сплошные кущи, и множество народа въ праздничныхъ одѣянїяхъ тѣснилось близъ навильона, образуя самыя характерныя живописныя группы.

Главный интересъ посѣщенія Анды состоялъ въ выставкѣ, разбросанной по гористому лѣсу. Устроители задались счастливою мыслью представить охоту и рыбную ловлю — два главные мѣстные промысла — въ образцахъ, но не уменьшенныхъ, не въ моделяхъ, а въ естественную величину. Вся волнистая

поверхность лѣса была изрѣзана берлогами, обставлена силками и тететами; на болѣе открытых мѣстахъ во всю вышину и многосаженную длину протянуты были хитрыя, очень сложныя сѣти, мережи, мѣшки, затоны, заколы, практическую примѣнимость которыхъ можно было видѣть на томъ, какъ случайно забѣжавшая въ заколъ собачонка не могла выбраться на свободу и была освобождена только съ великимъ трудомъ.

Въ онежскомъ лѣсничествѣ десять волостей, промысляющихъ охотою. Самый большой процентъ приходится на лѣсную дичь, затѣмъ на бѣлку и самый ничтожный—на кунницъ, лисицъ и оленей. Промыслы начинаются съ перваго октября. Еще зимою, за восемь мѣсяцевъ до начала охоты, на лошадахъ или на лыжахъ, вывозятъ охотники на мѣста своихъ охотъ, къ избушкамъ или лабазамъ, съѣстные припасы, состоящіе изъ муки, крупы, сухарей и соли; такъ и ожидаютъ они тамъ все лѣто и осень. Порохъ, свинецъ и котелокъ приносятъ охотникъ съ собою. Самая малая доля птицъ убивается изъ ружья; остальное количество добывается ловушками, пастями, силками, очанами, наворами, и пр. Каждый промышленникъ имѣетъ въ лѣсу свой участокъ по нѣскольку верстъ въ окружности; дѣленіе это, свято соблюдаемое, произошло изстари, совершенно съ тою же, нигдѣ не записанною, никакому нотаріусу не явленною прочностью, какъ и владѣніе лопарскими чумами на Мурманѣ. Каждый промышленникъ имѣетъ свой «путикъ», по которому онъ ходитъ, и никогда не вторгается въ чужое владѣніе. Начинаящій охотиться или покупаетъ путикъ, или прискиваетъ новый. При раздѣлѣ семьи, при свадьбахъ, путики дѣлятся, какъ и прочее имущество. Ловушки, поставленныя по путикю, промышленникъ обходить въ два дня; у самыхъ богатыхъ выставляется до трехъ тысячъ силковъ. Собранная дичь хранится въ «лабазахъ»: это—бревенчатыя клѣтки, торчащія высоко на одномъ бревнѣ. Добываемую птицу крестьяне продаютъ скупщикамъ: рябчики, глухари, бѣлка, оленье мясо, лисицы—все это продается или на Шунгской ярмаркѣ, или въ Петербургѣ; медвѣжьи шкуры, цѣною нерѣдко до 50 руб., находятъ сбытъ также и въ Финляндію.

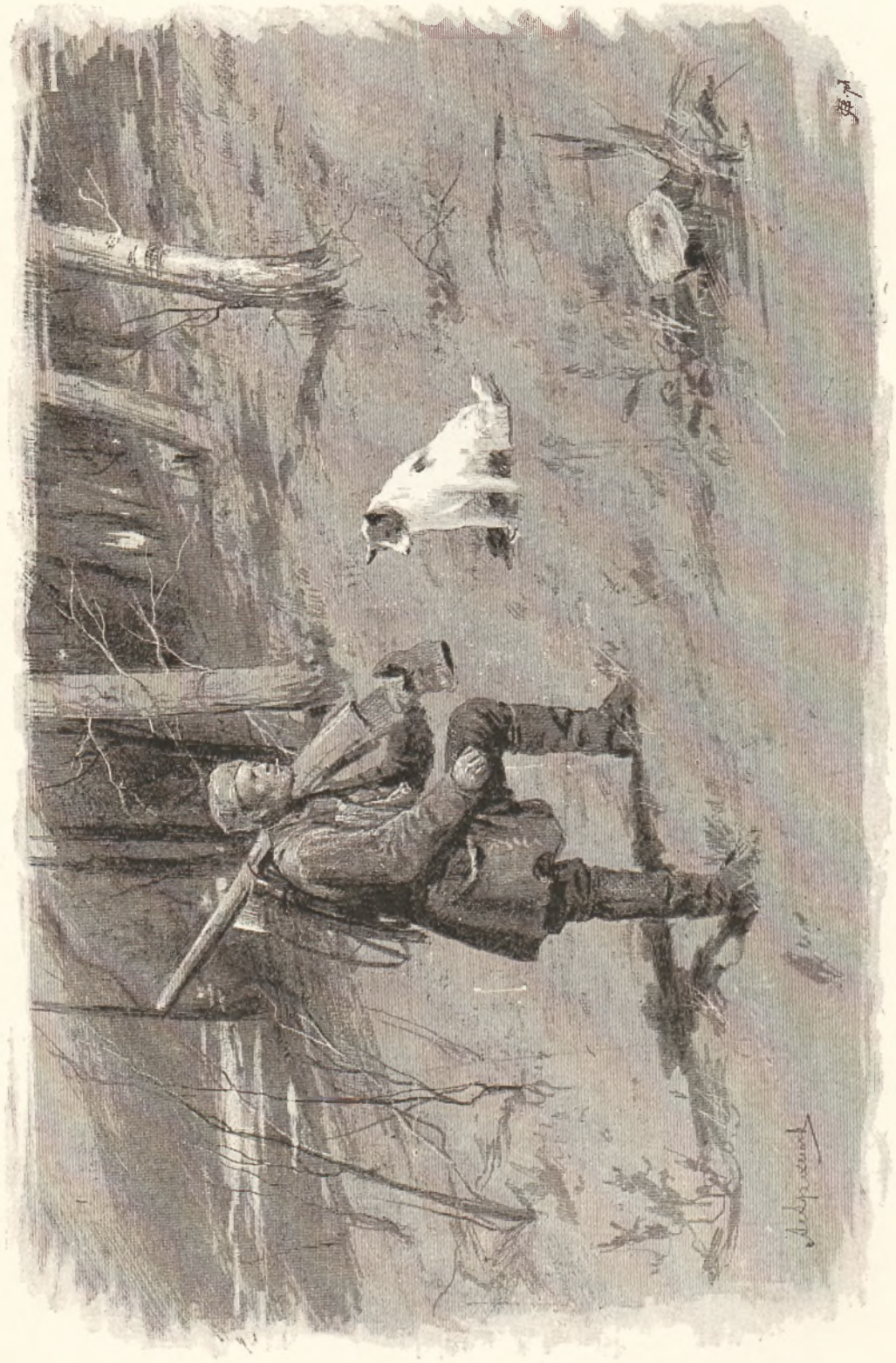
О характерѣ мѣстной охоты можно было бы написать цѣлую книгу, полную высокаго интереса. Отъ медвѣжьей берлоги и лисьей норы вплоть до колоды для ловли выдръ и оленей, капкановъ, пастей—все это было размѣщено въ извѣстномъ порядкѣ; видѣлись лабазы, промысловыя избушки, рѣчные и морскіе переметы для семги, уремы для налимовъ, заборы для ловли камбалы, сельдяные рюжи и невода, и все это—въ натуральную величину, съ самыми точными объясненіями.

Нѣкоторыя изъ выставленныхъ вещей и сварядовъ свидѣтельствовали о большой хитроумной практичности. Къ числу таковыхъ надо отнести, наприкладъ, петлю для ловли рябчика: въ моментъ стягиванія петли на попавшую птицу опускается берестяной колпачокъ, сохраняющій ее отъ непогоды за все то время, пока отсутствуетъ промышленникъ; характерна «нодья» или «порья»—костеръ для поддержанія долгаго, медленнаго огня въ долгую осеннюю ночь, безъ ухода за огнемъ: все дѣло въ двухъ бревнахъ, положенныхъ одно на другое со щелью посрединѣ и обгорающихъ только съ одного бока.

Самсунд.

Олега. Анда. Група охотниковъ.

Онежскій охотникъ съ лайкою.

Очень характерны были тридцать пять мѣстныхъ промышленниковъ, стрѣлковъ, въ ихъ одѣянiяхъ, со всякими навісками у пояса и на груди, стрѣлявшихъ на призы, съ разстоянiя двадцати одной сажени съ подставъ — обыкновенный способъ ихъ стрѣльбы; большинство попадало въ яблоко; даже такіе, у которыхъ нѣтъ своего ружья, потому что нѣтъ денегъ свое ружье «вести», — и они отлично стрѣляли изъ чужихъ ружей. Ружья эти — допотопныя.

Около семи часовъ вечера путники покинули Онегу на пароходѣ «Онега» и направились къ «Забіякѣ» старымъ фарватеромъ; по пути, передъ тѣмъ, чтобы сѣсть на крейсеръ и сдѣлать на немъ послѣдній рейсъ къ недалекому Сумскому посаду, предстояло посѣтить Кіостровскій монастырь. Вѣтеръ свѣжѣлъ, пристать къ монастырскимъ скаламъ было трудно. Звонъ колокола вѣщалъ о томъ, что это вечеръ передъ Петровымъ днемъ.

Въ Онегѣ имѣется мореходный классъ, въ зимнее время, конечно. Это учрежденіе очень полезно, какъ и шкиперскіе курсы, въ основаніе которыхъ положено Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 27-го іюня 1868 года. «Шкиперскій курсъ», училище третье-разрядное, состоитъ вполнѣ на иждивенiи казны; ихъ въ настоящее время на Сѣверѣ два: въ Кемѣ и Архангельскѣ; «мореходные классы», пользующіеся правами II разряда, открываются только тогда, когда мѣстное общество отпускаетъ не менѣе 200 руб.; казна въ такомъ случаѣ прилагиваетъ львиную долю — 800 руб. Этихъ классовъ въ настоящую минуту четыре: въ Патракѣвской волости, близъ Мудьюгскаго маяка, имѣющей около 60 собственныхъ судовъ, въ Кушрѣкѣ, между Онегою и Сумою, въ Сумскомъ посадѣ и въ Онегѣ. Въ зиму 1883—1884 года въ шкиперскихъ курсахъ учениковъ насчитывалось: въ архангельскомъ 35, въ кемскомъ 31; въ мореходныхъ классахъ: въ сумскомъ 17, кушерѣцкомъ 21, онежскомъ 16, патракѣвскомъ 25. Очень немногіе изъ учениковъ учатся пятую и шестую зиму, большинство ограничивается 2—3 курсами; но выпускъ значатся они штурманами, шкиперами, юнгами, коками, матросами, попадаютъ и зуйки. По свѣдѣнiямъ Императорскаго общества для содѣйствiя русскому торговому мореходству, во всѣхъ 40 школахъ всѣхъ нашихъ европейскихъ морей, зимою 1883—1884 года, имѣлось 1.335 учениковъ; для полноты слѣдуетъ прибавить 15 человекъ тобольской, — единственной для всей Сибири. При болѣе широкомъ поднятiи промысловъ на Сѣверѣ, особенно въ сторону Новой Земли, въ открытое море, классы и курсы непременно разовьются, такъ какъ готовый матеріалъ въ прирожденныхъ морякахъ существуетъ и потребность есть. То, что пришлось слышать въ Онегѣ о выпущенныхъ ученикахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что цѣль достигается вполнѣ, люди знаютъ свое дѣло, а отъ дѣдовъ и отцовъ завѣщаны имъ качества отваги и смѣлки, которыхъ въ другихъ мѣстахъ поискать.

Конецъ морского пути. Сум- скій посадъ.

Островъ Кію. Крестный монастырь и его древности. Сумскій рейдъ. Опять женскій городъ. Сумлянки. Сельдяной и семужій промыслы. Рѣка Сума. Сумскій посадъ. Его соборы и подворье. Замѣчательныя древности.

Дель былъ совершенно тихій, и небо свѣтило ясно; но къ вечеру появились Богъ вѣсть откуда небольшіе, порывистые шквалы, и поверхность залива подернулась довольно крупною волною. Крейсеръ оставилъ Онегу, идя старымъ фарватеромъ, гораздо болѣе короткимъ, чѣмъ новый, доступнымъ только въ приливъ; онъ обставленъ баканами.

До Кіюстровскаго монастыря близехонько. Легенда сообщаетъ, что названіе Кію-островъ произошло такъ. Судно Никона, будущаго патріарха, когда-то инока Соловецкаго монастыря, разбила въ этомъ мѣстѣ буря; «Кій островъ?»—(какой это островъ), спросилъ будто бы Никонъ, и названіе это за островомъ и за воздвигнутымъ Никономъ монастыремъ такъ и осталось.

Островъ Кію, или лучше—небольшая группа островковъ, извѣстныхъ подъ этимъ названіемъ, поднимается изъ моря, въ виду устья Онеги, обточенными временемъ и вѣчными приливами скалами; при полной водѣ имѣются только три острова, при малой—ихъ много; скалы словно обрѣзаны на-двое тою горизонтальною чертою, до которой поднимаются приливы; подъ нею не цѣпляется за скалы ни единой травки, ни одного корешка, и скалы эти вѣчно лоснятся въ своемъ розовомъ обнаженіи, вѣчно обмываемыя; надъ этою чертою непосредственно начинаются мхи и травы, и поднимается старый хвойный боръ, въ гушахъ котораго пріютились три монастырскія церкви. Путникамъ, приставшимъ къ острову на вельботъ, жаль было смотрѣть, какъ постукивали бѣлые бока его, какъ царапался киль о твердые граниты, благодаря колыхавшейся волнѣ. Отъ берега идетъ некрутой подъемъ, и такъ какъ гранитныя глыбы, составляющія весь островъ, вовсе неудобны для хожденія, то по нимъ проложены доски. Въ этой обители имѣется настоятель и десять человѣкъ братіи. Звонъ

небольших колоколовъ тихо разносился по старымъ хвоямъ, позлащаемымъ опускавшимся солнцемъ. Вслѣдствіе свѣжаго вѣтра, несмотря на канунъ Петрова дня, никого молящихся на пустынномъ островкѣ не было.

Монастырь построенъ въ средннѣ XVII вѣка. Запрестольный образъ главнаго храма—Воздвиженіе креста, и монастырь зовется Крестнымъ. Иконостасъ старый, рѣзной, четырехъярусный; подлѣ Царскихъ дверей, справа, нарушая его симметрію, между четырьмя массивными столбами изъ розоваго мрамора, подъ аркою, поставленъ большой деревянный, имѣющій триста лѣтъ вѣка, крестъ. Замѣчательно, что на этомъ храмѣ всего только три купола: одинъ центральный—побольше, два другіе—поменьше, и помѣщаются они надъ абсидами; замѣчательно и то, что на хорахъ, подъ куполомъ, имѣется однопрѣдѣльная церковь Михаила Архангела, изнутри храма не видная.

Вся обстановка храма, благодаря уединенному положенію монастыря, въ теченіе долгаго времени не измѣнилась и отъ нея вѣетъ далекимъ прошедшимъ. Древняя люстра съ двуглавымъ орломъ красуется, низко нависая подъ главнымъ куполомъ; имѣется портретъ патріарха Никона 1665 года, его шанка, описаніе жизни, суда надъ нимъ и отвѣты Никона. Имѣется небольшой архивъ съ грамотами и письмами бывшихъ властителей и властительницъ Земли Русской; очень недурны нѣкоторые изъ вкладовъ, напримѣръ кубокъ аугсбургской работы, подарокъ боярина Матюшкина, съ характерною припискою къ надписи: «А кто украдетъ, да будетъ проклять».

Вѣроятно, не моложе главнаго храма небольшая деревянная церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, стоящая на братскомъ кладбищѣ; многочисленные кресты окружаютъ ее, и трудно представить себѣ, какъ устроиваются могилы въ мирѣ отошедшихъ братьевъ въ этихъ скалахъ вѣковѣчнаго гранита. Темень хвон стелется надъ ними; сумрачно смотритъ лѣсная чаща, но скромные крестики, кое-гдѣ покосившіеся, гласятъ о какомъ-то невозмутимомъ спокойствіи, о какой-то святой увѣренности въ томъ, что есть будущее и что могила—не послѣднее слово. Скалы холодятъ впечатлѣніе. Подобно тому, какъ возрастаютъ на скалахъ старинныя сосны, на этихъ гранитныхъ обнаженіяхъ появляются и новыя могилы. Видъ на монастырь съ моря очень недуренъ; зеленые, луковичные купола его рѣзко выдѣляются на бѣлыхъ стѣнахъ и царятъ надъ вѣчною зеленою сосенъ; вечернее освѣщеніе ударяло со стороны, и картинка просилась въ рамку.

Въ девятомъ часу вечера путники вернулись уже на крейсеръ и поднялись на него по трапу въ послѣдній разъ, такъ какъ предстояло только одинъ небольшой переходъ моремъ, до Сумскаго посада, а затѣмъ предвидѣлось прощаніе съ «Забіякой». Снявшисъ съ якоря, крейсеръ, 29-го, утромъ, въ Петровъ день, въ 8^{1/2} часовъ, бросилъ якорь въ тринадцати верстахъ отъ Сумскаго посада.

Заключительный переѣздъ былъ сдѣланъ. Предстояло прощанье съ моремъ и съ крейсеромъ. День былъ удивительный, и термометръ показывалъ 22° въ тѣни. Широко раскидывался серебряною гладью заливъ; надъ водою выплывали замыкавшіе его почти отовсюду кольцомъ гдѣ берега, гдѣ островки; вдали

Київ островъ. Крестный монастырь.

Кію островъ. Кладбищенская церковь.

чуть-чуть поблескивали строения Сумскаго посада, составляющаго, подобно Архангельску, вторую главную станцію богомольцевъ, отправляющихся въ Соловки. Кое-гдѣ по заливу виднѣлись стоявшія на якорѣ суда, плившіе навстрѣчу карбасы мѣстнаго отряда пограничной стражи.

Солнце стояло высоко надъ горизонтомъ, когда путники, распростившись съ крейсеромъ, на паровомъ катерѣ направились къ Сумамъ. Блескъ моря былъ ослѣпительнъ. Сѣверное море, казалось, хотѣло оставить по себѣ самое свѣтлое, самое теплое впечатлѣніе. вмѣстѣ съ удалявшимся теперь крейсеромъ, удалялись также, подрѣзываемые миражемъ, островки Бѣлаго моря: они словно таяли и, приподнимаясь въ воздухъ, исчезали. Миражи встрѣтили путниковъ, миражи проводили.

Сумскій рейдъ такъ же мелокъ, какъ и всѣ остальные, и фарватеръ направляется къ посаду очень извилисто. Для его обозначенія поставлены были въ открытомъ морѣ—такъ мелко оно здѣсь—березки и елочки, кое-гдѣ обвѣшанныя вѣнками. Подлѣ ближайшихъ къ судну, первыхъ со стороны моря, вельботъ былъ встрѣченъ цѣлою флотиліею лодченокъ: на веслахъ сидѣли все женщины; кое-гдѣ на руляхъ, но рѣдко, виднѣлись мужчины. Если женщина сядетъ на руль, здѣсь, какъ и на всемъ Поморьѣ, надъ этимъ смѣются. Тутъ повторилась картина женскаго города, видѣнная въ Кеми и Колѣ, съ тѣмъ же блескомъ одѣяній, пестротой лентъ и золотомъ кокошниковъ; съ тою же силою и ловкостью управлялись сумлянки со своими лодченками, такъ же дружно налегали онѣ на весла, такъ же громко кричали. Пересѣвъ на одну изъ лодокъ, путники не замедлили войти въ самую рѣку Суму: довольно узкую, извилистую, бѣгущую въ яркой сочной зелени низменныхъ береговъ.

Было бы неправильно, покидая Бѣлое море и помянувъ китовый, тресковый, акулий и бѣлушій промыслы, пройти совершеннымъ молчаніемъ цѣлые два, составляющіе существенный вкладъ въ богатства сѣвернаго побережья, промысла—сельдяной и семужій. Хотя оба они процвѣтаютъ по всему побережью, но умѣстно говорить о нихъ именно тутъ: бѣломорскія, соловецкія сельди, по мнѣнію свѣдущихъ въ дѣлѣ лицъ, лучше голландскихъ, а самая цѣнная семга, это—та, которая ловится въ недалекой отсюда Кеми и въ Онегѣ; послѣднюю называютъ «порогомъ»; съ нею соперничаетъ только двинская.

Сельдь, это одинъ изъ продуктовъ, не имѣющихъ у насъ и десятой доли того значенія, которое она должна бы имѣть. Кто ѣлъ мѣстную сельдь, крупную, жирную, пускающую изъ себя масло при разрѣзываніи, тотъ поражается тѣмъ, что въ столицахъ нашихъ до сихъ поръ еще имѣются въ продажѣ сельди голландскія, королевскія. Количество нашей сельди огромно; въ Кандалакской губѣ и Сорочкомъ заливѣ «жируетъ» она весною и осенью въ количествахъ необозримыхъ и находитъ себѣ обильную пищу во всякихъ мелкихъ обитателяхъ моря. Нагуливается сельдь въ Бѣломъ морѣ давнымъ-давно. Въ 1842 году въ Сорочкой бухтѣ, при устьѣ Выга, выловлено было до 40.000 возовъ; наваливаетъ ея иногда такъ много, что палка, воткнутая въ массу сельди, держится какъ вбитая въ землю, и не ловятъ сельди неводомъ до тѣхъ поръ, пока не нацупаютъ массы ея палкою.

Сравнительно недавно, въ 1884 году, въ Гандалакской губѣ миллионы сельдей были выкинуты на побережье вслѣдствіе недостатка и дороговизны соли; поморы говорятъ о такихъ гущахъ сельди въ морѣ, что отъ поры до времени грести бываетъ трудно, что «киты въ юровахъ сельдей какъ въ кашѣ жируютъ». И все это гибнетъ безвозвратно по двумъ главнымъ причинамъ: первая—недостатокъ соли и неумѣнье солить; вторая, это то, что добыча сельди производится береговымъ, волоковымъ неводомъ, а не прочнымъ, кошельковымъ въ открытомъ морѣ. Кушелевъ совершенно правъ, если говоритъ, что введеніе кошельковаго невода и правильной посолки сельди произвели бы переворотъ въ бѣломорскомъ промыслѣ; но переворотъ этотъ немыслимъ, пока пудъ соли стоитъ иногда на мѣстѣ 1 руб. 60 коп., да и то не всегда она имѣется въ потребномъ количествѣ. Въ настоящее время откармливаютъ сельдью свиней.

Свѣжая сельдь удивительно вкусна и можетъ быть зажарена въ собственномъ жирѣ. Дождутся ли ея наши столичные любители этой рыбы? Вѣрно то, что ящикъ съ соловецкими сельдями, свѣженпросольными, прибываетъ въ Петербургъ сильно попорченнымъ, а о дальнѣйшемъ пути ея по Россіи не можетъ быть и рѣчи. Въ Сорокахъ копченая сельдь стоитъ до четырехъ рублей тысяча, и волость получаетъ отъ продажи сельди около 35.000 рублей. Солятъ ее, складывая въ кучи, чуть-чуть пересыпая солью и ворочая попросту лопатами. Можно ли ожидать хорошаго продукта?

Семужій промыселъ, это—промыселъ повсемѣстный. Далеко вглубь Россіи, по вѣсѣмъ сѣвернымъ рѣкамъ, какъ это видно было на Двинѣ и Сухонѣ, проходитъ семга и ловится она, болѣе или менѣе удачно, вездѣ. «Семужка—мать родная, барышная рыба», говоритъ сѣверянинъ. Чуть ли не каждая рѣка имѣетъ свою семгу и служить доходною статью мѣстныхъ волостей, отдающихъ на разные сроки семужьи «заборы»; попадаются экземпляры до пятидесяти фунтовъ вѣсу, и если бы обращать хотя какое-нибудь вниманіе на заготовку ея извѣстными способами, то и здѣсь, какъ съ сельдью, заграничная семга должна бы была предоставить мѣсто своей, ни въ чемъ рѣшительно ей не уступающей. Семга для метанія икры входитъ по осени въ рѣки, тутъ слабѣетъ она, чахнетъ, становится безвкусною, «лошаеть» и называется тогда «лохомъ»; на нижней челюсти ея за это время вырастаетъ рогъ; въ различные періоды своего развитія называется она «вальчагъ», «кирьякъ». Для входа въ рѣку семга должна перескакивать чудовищные пороги, какъ, напримѣръ, сажени двѣ вышиною въ Ужмѣ, недалеко отъ села Подужемья, въ Кемскомъ уѣздѣ. Совсѣмъ изнуренная за зиму, возвращается она, со вскрытіемъ льда, въ море, и здѣсь теряетъ рогъ, принимаетъ опять краску, силу и получаетъ возможность перескакивать къ зимѣ двухсаженныя пороги.

Изъ прибылей отъ вѣсѣхъ этихъ сельдей, семги, наваги, камбалы, налтусовъ, а также и трески, женское населеніе Сумскаго посада снаряжаетъ свои роскошныя одѣянія. Говорятъ, не рѣдкость, что сумлянка къ Рождеству изготовляетъ себѣ нарядъ въ нѣсколько сотъ рублей стоимостью; вышивать онѣ большія мастерицы, что нисколько не мѣшаетъ имъ, за все полугодное отсутствіе мужей на промыслы, исполнять въ Сумскомъ посадѣ обязанности десят-

Заборъ для ловли семги.

скихъ, сотскихъ и возить на веслахъ почту. «Сума ума не купить, сама про-
даетъ», говоритъ мѣстная поговорка, выражая этимъ свое благорасположеніе
къ красивому посаду.

Въ зиму, въ долгую зиму, у нихъ здѣсь въ ходу бесѣды «рябишекъ», и
«рябиковъ», жевиховъ и невѣсть, и златотканые наряды имѣютъ въ нихъ,
конечно, свое воздѣйствіе. Главная пища—сайда и треска помельче; есть и
соленая говядина въ значительной степени съ душкомъ; очень любимы треско-
вые головы: ихъ толкутъ и варятъ изъ нихъ ищи. Зимую главное дѣло вернув-
шагося съ промысловъ мужского персонала—судостроеніе; у сумлянъ до трид-
цати своихъ судовъ; съ давнихъ лѣтъ ходятъ они отсюда на Новую Землю, и
мореходный классъ, имѣющійся здѣсь, совершенно на мѣстѣ.

По узкой, извиистой рѣкѣ, преодолевъ съ трудомъ три порожиистыя мѣста,
путники достигли на лодочкахъ къ одиннадцати часамъ дня до посада. Если
есть гдѣ-либо въ сѣверной Россіи такой видъ на поселеніе, который французы
охарактеризовали бы словомъ *pittoresque*, а нѣмцы—*romantisch*, который пре-
лестенъ, тишченъ, собранъ въ одно удивительно красивое цѣлое и художе-
ственъ вдоль и поперекъ, такъ это Сумскій посадь. Посадь расположенъ по
обоймъ берегамъ рѣки Сумы, пробѣгающей тутъ подъ двумя мостами и обра-
зующей подлѣ верхняго, пѣшеходнаго, роскошный, блестящій, богатый порогъ;
выбѣжавъ, выскочивъ изъ-подъ этого моста, перекинутаго дугою, рѣка рьяно
кидается на небольшой островокъ, стараясь снести его, но—неудачно, и на немъ,
подъ навѣсомъ, сохраняется листеръ-ботъ посѣтившаго посадь Великаго Князя
Алексея Александровича. Когда подвѣзжаете къ посаду съ моря, васъ пора-
жаетъ характерная его особенность: это безсчетныя амбарчики, стоящіе бли-
зехонько къ рѣкѣ и нависающіе надъ Сумою, имѣющею въ посадѣ сажень
тридцать ширины. Амбарчики опираются на сваи, стоятъ рядомъ, одинъ
подлѣ другого, во всю длину посада, и отъ нихъ къ водѣ сбѣгаютъ лѣстницы,
ступени которыхъ состоятъ иногда изъ цѣлыхъ бревень и служатъ для удоб-
ства выгрузки; между ними просвѣчиваютъ жилые дома, опрятные, высокіе,
хорошо обставленные, какъ и всѣ дома нашихъ сѣверныхъ городовъ.

Вдоль обоихъ береговъ Сумы тянутся эти дома, двухъ и трехъ-этажные,
видотную одинъ подлѣ другого, такъ что если вы хотите гулять, то можете
обходить въ круговую, отъ моста къ мосту, по обоимъ берегамъ. Это главный
центръ посада, и тутъ-то именно, въ глубокой неприкосновенности и высокой
тишчности высятся на двухъ холмахъ старинныя церкви посада и Соловецкое
подворье, окруженное стѣнами. Обѣ набережныя рѣки Сумы — деревянныя.

Быль день Петра и Павла, 29-го іюня, — день удивительно роскошный,
когда лодка съ путешественниками причалила къ пристани въ виду собора;
шла обѣдня, и деревянная церковь, построенная въ 1767 году, во имя Нико-
лая Чудотворца, предстала предъ ними во всей прелести яркаго дня и глубо-
кой молитвы. Передъ церковью трапеза; иконостасъ четырехъ-ярусный и надъ
нимъ большое изображеніе Спасителя. Храмъ полонъ древнѣйшими иконами;
такова древняя Новгородская Троица, въ типичномъ черномъ кольцѣ на крас-
номъ огненномъ фонѣ, съ грузными цатами; икона Строгановскаго письма,

Вознесеніе Спасителя, несомого ангелами, въ серебряномъ кругу; такова икона Успенія Богоматери: Спаситель принимаетъ Ея душу, и Богоматерь видна наверху образа возсѣдающею въ небѣ (ризы надъ обѣими изъ цвѣтной фольги и жемчуга); таковъ образъ Преображенія, на которомъ отъ Спасителя спускаются три широкіе луча, тоже изъ фольги. Царскія врата—рѣзные, въ гроздьяхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, дышетъ такою глубокою древностью, такою цѣльностью впечатлѣнія, что не могло не напомнить сольвычегодскаго собора.

Каменный соборъ, во имя Успенія Богоматери, находится рядомъ и построенъ въ 1668 году; но основаніе его положено гораздо раньше, въ XV вѣкѣ, Марѳею Борецкою, подарившею его Соловецкому монастырю; снаружи низъ собора весь коричневый; пять куполовъ его—чешуйчатые, зеленые, на длинныхъ шейкахъ. И въ немъ квадратная тралеза и массивный столбъ посрединѣ; въ столбѣ, по крайней мѣрѣ, полторы сажени поперечника, и, расходясь развѣтвленіемъ своимъ подъ круглыя арки, онъ является въ видѣ какого-то колоссальнаго цвѣтка, поддерживающаго весь верхъ. Сама церковь маленькая съ придѣлами святыхъ Зосимы и Савватія; иконостасъ—видимо сборный изъ очень древнихъ иконъ; оба отдѣленія церкви—подъ круглыми сводами. Имѣется также отдѣльная часовня съ мощами соловецкаго подвижника Елисея, находящимися подъ спудомъ.

Высоко поднимаются на холмахъ оба названные храма, стоящіе бокъ-о-бокъ подлѣ самаго моста черезъ Суму. Тутъ же, также высоко, взгромоздилось въ стѣнахъ своихъ, имѣющихъ еще бойницы, подворье Соловецкаго монастыря, входъ къ которому идетъ отъ рѣки. Здѣсь же, на этихъ же возвышеніяхъ, въ самомъ жизненномъ центрѣ посада, обозначается крестиками, стоящими въ-разбросъ, старое кладбище, не обнесенное заборомъ, и все это, вмѣстѣ взятое,—церкви, мостъ, холмы, кладбище, подворье и оживленная толпа женщинъ въ нестрѣйшихъ нарядахъ, съ быстрою рѣкою и античными, на сваяхъ, амбарчиками,—составляло картину изъ ряда вонъ великолѣпную, чудесно замыкавшую прощаніе путешественниковъ съ сѣвернымъ побережьемъ.

Сумскій посадъ дарованъ Марѳею Посадницею Соловецкому монастырю. Въ 1586 году поставленъ тутъ острогъ, который былъ осаждаемъ финляндцами, но неудачно. Основанія острога намѣчены и по сегодня: стѣна его имѣла около версты длины, три сажени вышины, и въ немъ находилось шесть башенъ. Въ 1806 году, въ хорошіе годы торговаго мореплаванія, посадъ имѣлъ до 148 судовъ, изъ нихъ 80 мореходныхъ; чрезъ Сумы шло снабженіе кинѣвшаго тогда работою архангельскаго порта, такъ какъ всѣ нужные матеріалы шли туда гужомъ съ олонекскихъ заводовъ и изъ Петербурга. Будущее, вѣроятно, улыбнется Сумамъ, при осуществленія Бѣломорскаго канала, которому, повидимому, нѣтъ причины не осуществиться.

Въ Сумахъ жителей 386 мужчинъ и 481 женщина; значительная часть, болѣе половины,—старовѣры. Большихъ морскихъ судовъ у нихъ 32, шнякъ 61, изъ числа которыхъ 40 ходятъ на Мурманъ. Населеніе всего уѣзда около 31.000 человекъ.

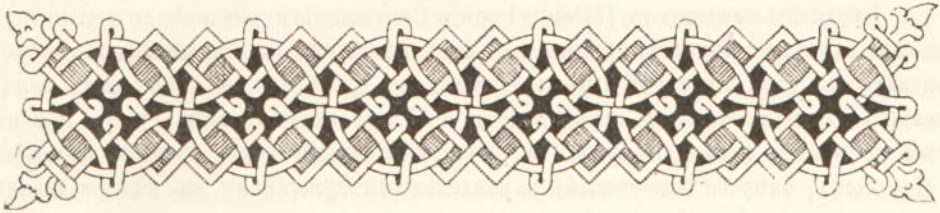
Изъ Сумъ путникамъ предстояло сдѣлать 200 верстъ почтовымъ трактомъ

Сумлянка.

до Повѣнца, на Онежскомъ озерѣ, и прослѣдовать тѣмъ путемъ на Петровскій ямъ, которымъ шель когда-то Петръ I со своими преображенцами и тащилъ по суху, яко по морю, фрегаты; здѣсь же состоялась его знаменитая встрѣча съ раскольниками; тутъ же, вѣроятно, пройдетъ проектируемый Бѣломорскій каналъ. Все это самыя любопытныя страницы былого и будущаго. Могучій ревъ порога Сумы, сквозь блескъ его горѣвшихъ на солнцѣ волнъ, покрывалъ собою грохотъ экипажей; онъ промелькнулъ мимо, весь въ пѣнѣ, брызгахъ, кудряво-бѣлый, грохочущій, и въ радужномъ сіяніи солнца и праздничномъ звонѣ всѣхъ посадскихъ церквей скрылось за очень крутыми холмами и изви-вами дороги хорошо знакомое Бѣлое море.

Отъ Сумскаго посада до Петровскаго яма.

Олопецкій край. Почтовый путь отъ Вѣлаго моря. «Государева дорога» Петра Великаго. Шюацкій походъ. Встрѣча Петра съ раскольниками. Расколъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Выгорѣцкіе: Даниловскій монастырь и Лекса. Петровскій ямъ.

День былъ жаркій, блестящій. Гранитные холмы, поросшіе лѣсомъ, озера, рѣчки, болота—потянулись мимо, выдвигая одну за другою, какъ, напримѣръ, въ Сумостровѣ, Варенжи, Корось-Озерѣ, типическія картинки олопецкаго пейзажа.

Счастливою случайностью было то, что тѣ 193 версты, которыя предстояли до Повѣнца, на Онежскомъ озерѣ—такъ близко Вѣлое море къ Балтійскому бассейну—тянулись приблизительно тѣми же мѣстами, которыми совершилъ Петръ I свой колоссальный Шюацкій походъ, именно въ Петровъ день, 29-го іюня. Ночью предстояло остановиться въ Петровскомъ ямѣ; это—то мѣсто, на которомъ останавливался и Великій Императоръ. Еще видѣются кое-гдѣ сваи, сохранившіяся отъ его похода. Путники были, слѣдовательно, въ полной мѣрѣ окружены богатыми благоговѣйными воспоминаніями о немъ.

Дорога, по которой они ѣхали, проложена въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1876 по 1879 годъ; 154 версты достались на долю олопецкаго земства и обошлись около 150.000 руб.; остальные 39 версты по Архангельской губерніи стоили 36.000 руб. и построены казною. Дорога чрезвычайно гориста; встрѣчаются подъемы чуть ли не въ 40° и такіе спуски, что здѣсь въ полномъ ходу тормазъ-банмакъ, котораго такъ не любятъ въ Россіи и такъ высоко цѣнятъ въ Германіи. Есть мѣста положительно опасныя, съ заворотами на крутыхъ спускахъ, и уже теперь дорогу мѣстами удлинняютъ, чтобы сдѣлать ее болѣе удобною. Говорятъ, что именно вслѣдствіе этой крутизны гужевое сообщеніе Вѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ, на которое дорога главнымъ образомъ рассчитана, идетъ очень слабо: лошади не берутъ.

Крутизны начались съ Пупокъ-Горы и Сапожничьей, такъ что то и дѣло тормазили экипажи. Залитая яркимъ солнцемъ мѣстность была однообразно живописна; благодаря тому, что путь проложенъ на гранитныхъ и гнейсовыхъ основаніяхъ Олонецкихъ горъ, пыли было не особенно много. Сквозь густую зелень лѣса то и дѣло мелькали озерки и рѣчки. Олонецкія горы, такъ называемыя «Масельги», тянутся безсчетными параллельными кряжиками, съ сѣверо-запада къ юго-востоку, отъ Финляндіи къ Онежскому озеру, вьются, дробятся, перебиваютъ другъ другу дорогу и выполняютъ собою весь этотъ угрюмый Сѣверный край; того же направленія, и не уступая имъ въ числѣ, придерживаются и озера. Гдѣ не гора, не озеро, тамъ поросшее лѣсомъ болото и очень мало полей. Дорога совсѣмъ своевольно вьется между ними и идетъ нерѣдко по самому гребню кряжа, весьма неширокаго, такъ что направо и налево—обрывы, а подъ ними—болото или озерко. На станціяхъ имѣется, обыкновенно, только по четыре лошади; при самыхъ крутыхъ спускахъ были выставлены колья съ надписью: «тормазить»; это тѣмъ болѣе необходимо, что большинство ямщиковъ—не мѣстные, а прибывшіе издалека, даже изъ Вытегорскаго уѣзда.

Ѣзда на быстрыхъ и сытыхъ лошадкахъ, послѣ долгаго странствія по морю, казалась очень пріятною. Скоро путь не замедлилъ слиться съ такъ называемою «Государевою дорогою», — съ путемъ Петра I, очень добросовѣстно обследованною г. Майновымъ, и вотъ вкратцѣ изложеніе его заключеній, освѣщающихъ одну изъ любопытнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ страницъ исторіи Петра I.

Выѣхавъ изъ Соловокъ 15-го августа 1702 года, на тринадцати корабляхъ съ 4.000 войска, съ царевичемъ Алексѣемъ и свитою, Петръ прибылъ въ деревню Нюхчу 16-го августа. Отсюда велѣлъ онъ флоту идти обратно въ Архангельскъ, а при себѣ оставилъ только два фрегата. Началось необычайное! Оба военные фрегата были вытащены на берегъ, и потянулъ ихъ царь за собою волокомъ на Повѣнецъ, на разстояніи 160 верстъ. Онъ шель къ Пуль-Озеру, къ рѣкѣ Выгу, на деревню Телекину, чрезъ рѣку Мурому и Мягкозерскою, и употребилъ на это только десять дней. Путники ѣхали тѣми же мѣстами отъ Возмосалмы начиная по проложенной дорогѣ, со всѣми удобствами, и продѣлали указанный путь безъ малаго суетки. Не вѣрить пройденному Петромъ нельзя: сваи торчатъ на мѣстахъ; но вѣроятіе достигаетъ крайнихъ предѣловъ, послѣ которыхъ начинается сказочное.

Въ Нюхчѣ, на Бѣломъ морѣ, царя встрѣтило 5.000 народа, согнаннаго для работъ отовсюду. Часть ихъ пошла рубить дѣвственные тогда лѣса, закладывать топи, строить мосты; часть тащила фрегаты, гдѣ волокомъ, гдѣ водою, гдѣ на каткахъ. Самъ Петръ рубилъ лѣсъ и подставлялъ катки; вышьеть, бывало, анисовки и снова за работу. На одной рѣкѣ, очень бурной, нельзя было, говорятъ, сваюку вбить; царь самъ поѣхалъ, а за нимъ, конечно, и другіе. «Лиха бѣда—сказалъ Петръ—первому оленю въ гарь кинуться, остальные всѣ тамъ же будутъ». И дѣйствительно всѣ были тамъ! Первую мостовину царь клалъ всегда самъ, и при этомъ и боярина, и пѣмца и всѣхъ имѣвшихся налицо работать заставлялъ.

Въ двадцати верстахъ отъ Нюхчи войска остановились, и царь приказалъ устроить ямъ (станъ); тутъ были раскинуты шалаши и тотчасъ же пошла торговля; въ сорока верстахъ отъ Нюхчи находился второй ямъ, въ пяти верстахъ отъ деревни Пуль-Озера. За этимъ ямомъ идти стало хуже, труднѣе; начались болѣзни, потому что сказалось изнеможеніе. Петръ ободрялъ всѣхъ и каждого, а самъ не изнемогалъ.

Въ восьмидесяти верстахъ, у Вожмосалмы, былъ устроенъ третій ямъ. Отсюда предстояло идти въ обходъ Выгъ-озера, на цѣлыхъ тридцать верстъ, или же строить мостъ черезъ проливъ; царь рѣшилъ построить плывучій мостъ. Пока кипѣла чудовищная работа, царь хотѣлъ побывать и на праздникѣ Ильи, по просьбѣ старшины Выгозерской волости; но дождливая погода помѣшала; мѣстное преданіе сообщаетъ о словахъ Петра: «Вѣрно Илья пророкъ не хочетъ этого, дождь послалъ, но снесите ему отъ меня гостинець», и вручилъ посланнымъ нѣсколько червонцевъ. Преданіе говоритъ также о томъ, что царь крестилъ тутъ сына у крестьянина Никиты, не нашедшаго себѣ другого кума, по бѣдности.

Переночевавъ въ Вожмосалмѣ, государь на слѣдующій день хотѣлъ перевести войска по мосту, но было опасно; на утро все-таки перешли; въ семи верстахъ отъ устья Выга былъ устроенъ еще ямъ: прежнія лодки, служившія на Выгъ-озерѣ, переведены сюда, и на Выгѣ поставленъ другой мостъ. 22-го августа, вечеромъ, войска перешли на лѣвый берегъ Выга, а съ этимъ вмѣстѣ трудная часть пути была пройдена, оставалось легкое. На полпути могучаго царскаго похода выгорѣцкіе раскольники поднесли царю хлѣбъ-соль. «Что за люди?» спросилъ Петръ. «Это раскольщики», отвѣтили ему, «властей духовныхъ не признаютъ и за тебя, царь, не молятся». «Ну, а подати платятъ исправно?» спросилъ Петръ. «Народъ трудолюбивый, безъ недоимокъ». «Живите же, братцы», промолвилъ царь раскольникамъ, «на доброе здоровье; о Царѣ Петрѣ, пожалуй, хоть не молитесь, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда поминайте, тутъ грѣха нѣтъ!» Конечно, весь этотъ разговоръ несетъ на себѣ характеръ раскольничьяго апокрифа, но какъ онъ хорошъ!

Слѣдующій ямъ былъ у деревни Телекиной, въ двадцати пяти верстахъ отъ Выгорѣцкаго. Черезъ Машозерку и Мурому построены были мосты, остатки которыхъ видны и теперь. На полпути до Повѣнца поставленъ еще ямъ, но тутъ идти было легко, и 26-го августа войска вступили въ самый Повѣнецъ, а фрегаты спущены на Онежское озеро. Скоро, вслѣдствіе Нюхацкаго похода, зайдя шведамъ въ тылъ, царь, со взятіемъ Шлиссельбурга, рѣшилъ участь Невы. Изъ Повѣнца Петръ, какъ утверждаютъ нѣкоторые источники, чрезвычайно скромно писалъ королю польскому: «Мы, при помощи Божьей, не чаемъ быть праздны».

Гигантскій слѣдъ царева похода, несмотря на истекшія почти двѣсти лѣтъ, не зарастаетъ и нынѣ; сваи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣются несомнѣнно; относительно просьбъ мнѣнія мѣстныхъ людей расходятся, и нѣкоторые не признаютъ ихъ за Петровскія, давая имъ гораздо позднѣйшее, чисто хозяйственное значеніе.

Только-что сказано было о бесѣдѣ Петра I съ раскольниками Выгорѣцян. Эта Выгорѣцян, слѣдовъ которой теперѣ не имѣется, находилась близехонько отъ описываемаго пути, и поэтому умѣстно будетъ припомнить въ общихъ чертахъ о ея существованіи. Въ 1677 году взятъ былъ царскими войсками Соловецкій монастырь, послѣ раскольничьяго мятежа монаховъ. Въ 1682 г. обнародованы такъ называемыя двѣнадцать статей царевны Софьи—основныя положенія карательныхъ законовъ противъ раскольниковъ. Разселеніе раскольниковъ на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, до Сиріи, до центральной Азіи началось. Раскольникъ бѣжалъ въ пустыню; въ пѣснѣ его говорится о пустынѣ:

Поставлю въ тебѣ малую хижу,
Полезное въ ней азъ увижу.

Раскольникъ обращается къ пустынѣ такъ:

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ азъ тебя соглядати.
Потщися ми воспріяти
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутнаго міра пріими мя,
Съ усердіемъ въ тя убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вершинамъ,
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.

Знаменитое Даниловское пустынножительство возникло въ 1694 году на рѣкѣ Выгѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Первыми пришли сюда послѣ «сидѣнія» и разгрома соловецкіе старцы, и самыми замѣчательными между ними были Ипатій и Корнилій, особенно первый, образовавшій цѣлое поколѣніе раскольниковыхъ дѣятелей, каковы Данилъ Викуловъ, въ честь котораго и самое общежитіе названо Даниловскимъ, и два брата Андрей и Семень Даниловы. Быстро размножался расколъ по нашему Сѣверу, въ различныхъ сектахъ самосожигателей, зашачиванцевъ, морельщиковъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ дѣятелей выгорѣцкаго раскола является Андрей Денисовъ, происходившій отъ князей Мышецкихъ. Онъ пришелъ въ пустыню въ 1692 году, семнадцатилѣтнимъ юношей, и не только сумѣлъ соединить разрозненныхъ выговскихъ поселенцевъ и создать Даниловское общежитіе, говорить изслѣдователь Абрамовъ, «но и превратилъ это ничтожное вначалѣ поселеніе въ большой торговый и промышленный городъ-монастырь, и сдѣлалъ его центромъ безионовщинской половины раскольниковыхъ міра». До сего дня рассказываютъ о постоянныхъ сношеніяхъ его съ князьями Мышецкими и другими именитыми особами Петербурга и Москвы и о томъ, что для изученія логики, философіи и богословія Андрей ходилъ въ Кіевъ къ Осифу Прокоповичу. Онъ умеръ въ 1730 году, слѣдовательно въ лучшихъ годахъ своей жизни, и относился, несомнѣнно, къ явленіямъ пародной жизни, наиболѣе выдающимся.

Въ 1700 году на всѣхъ улицахъ и площадяхъ съ барабаннымъ боемъ объявлено было повелѣніе Петра I всѣмъ служилымъ и городскимъ людямъ

снять русское платье и одѣть нѣмецкое; въ 1705 г. объявлены штрафы за пошеніе бородъ; въ 1724 г. началось гоненіе на «бородачевыхъ» женъ: имъ велѣно носить платья, опашни и шапки съ рогами. Все это было, конечно, съ точки зрѣнія старыхъ людей, «дѣломъ антихристовымъ», и раскольничьи пустыни населялись все болѣе и болѣе; скоро въ Даниловскомъ общежитіи не было больше мѣста, и въ тридцати верстахъ отъ него, въ 1706—1709 годахъ, основанъ женскій монастырь Лекса, на рѣкѣ Лексѣ.

Никто не повѣритъ теперь, когда отъ Данилова и Лексы не осталось болѣе и тѣни, что пустынный край этотъ былъ когда-то по всѣмъ направленіямъ перерѣзанъ дорогами, на которыхъ стояли постоянные дворы, что у даниловцевъ имѣлись и процвѣтали мастерства, конные и коровьи дворы, обширная литература (А. Денисовымъ написано 115 сочиненій, и составлено уложеніе), школы, различные древле-хранилища, книжныя и живописныя лавки, имѣлись большіе капиталы, существовали свои суда, ходившія до Петербурга и Вяткры. Самъ монастырь Даниловъ занималъ въ цвѣтущее время около восьми квадратныхъ верствъ въ округѣ; монастырскимъ скитамъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Шелтопорожскій, имѣвшій 57 дворовъ, 62 избы, 75 амбаровъ, 45 хлѣбовъ, 22 риги, не было счета, и они были разсѣяны повсюду.

И всего этого нѣтъ теперь. Если бы въ долгіе дни лютейшаго гоненія на раскольниковъ могъ найти себѣ хотя малое мѣсто тотъ взглядъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, который отличаетъ нынѣшнее Правительство, вѣроятно не исчезли бы безслѣдно ни Даниловъ, ни Лекса, и дѣбрямъ Олонецкой и Архангельской губерній не пришлось бы ожидать вторичнаго оживленія. Нельзя не вспомнить, говоря о Даниловскомъ общежитіи, объ одной странной игрѣ случая, которыми такъ часто шутитъ судьба: въ числѣ его основателей былъ потомокъ князей Мышецкихъ, и жандармскій офицеръ, назначенный запечатать общежитіе, послалъ ту же фамилію.

Замѣтимъ, что въ Даниловомъ монастырѣ были люди, добывавшіе гдѣ-то серебро, въ какой-то тундрѣ къ сѣверу. Изъ серебра этого дѣлали они очень хорошо извѣстные нумизматамъ «Екатерининскіе рубли», схожіе съ настоящими, только немного поменьше. Работали они также и другія серебряныя издѣлія. Съ удаленіемъ раскольниковъ пропали и свѣдѣнія о мѣстѣ нахождения серебра. Въ 1871 году было сдѣлано заявленіе о находженіи серебро-свинцовой руды въ окрестностяхъ губы Печенги. Академикъ Гельмерсенъ, недавно умершій, нашелъ однако, что эти жилы прикосновенія, заключающіяся между господствующимъ здѣсь гнейсомъ и пересѣкающими его жилами діорита, разработки не стоятъ, и дальнѣйшихъ изслѣдованій произведено не было.

Въ настоящее время въ Повѣнецкомъ уѣздѣ живутъ безпоповцы, раздѣляющіеся на два толка: даниловцевъ и филипповцевъ; первыхъ около 530 человѣкъ, а вторыхъ не болѣе 15. Еще въ сороковыхъ годахъ раскольники Данилова и Лексы давали много дѣла секретному комитету. Странны судьбы Олонецкаго края: его оживилъ расколъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ хлопотало со своей стороны о томъ, чтобы для удобства надзора за нимъ въ край проводились хорошіе пути сообщенія; это было въ 1840 году.

Петровский ямъ. Поселокъ.

По крутымъ извивамъ пути постоянно встрѣчались Петровскіе ямы. Во 109 верстахъ отъ Сумскаго посада, въ Возмосалмѣ, мѣстѣ очень красивомъ, переправляются на паромѣ черезъ озеро Выгъ. Хорошенькая часовенька съ бабенкою и куполочкомъ, выкрашенная желтою краскою, рѣзко выдѣлялась

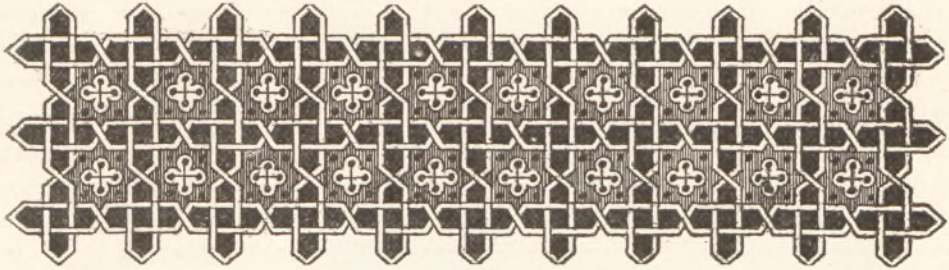
Петровскій ямъ. Часовня.

надъ синими водами озера, окруженная сѣренькими избами деревни. Отсюда до Петровскаго яма около пятнадцати верстъ; у Талалого-губа черезъ озеро Выгъ—перевозъ; подлѣ самаго Петровскаго яма, черезъ рѣку Выгъ—другой.

Къ Петровскому яму дорога, шедшая до того густымъ боромъ, нежи-

данно уперлась въ паромъ. Рѣка Выгъ въ этомъ мѣстѣ шириною съ Невку и катить въ зеленыхъ берегахъ свои быстрыя, но спокойныя воды. На противоположномъ берегу въ ясномъ свѣтѣ сѣверной полуночи, словно освѣщенная голубоватымъ электрическимъ свѣтомъ, видна была новенькая, современная дорогѣ, очень красивая часовня, подходящая болѣе на церковь, чѣмъ на часовню, и нѣсколько строеній. Всѣ они возникли исключительно въ силу священныхъ воспоминаній о Петрѣ, потому что поселенія не было здѣсь никакого до 1879 года; часовня освящена въ 1882 году. Ночь стояла удивительная, свѣтлая, безмолвная. Глубоко сосредоточенная лежала она въ хрустальной ясности своей надъ почивающимъ Петровскимъ ямомъ; красныя рубахи паромщиковъ, синь воды, глубокая, бархатная зелень лѣса, фырканье усталыхъ лошадей, легкій скрипъ каната на паромѣ, безконечная прозрачность зеленоватаго неба, чирикаше какой-то бессонной птички, все это было бы стройно и гармонично, если бы не комариныя полчища, одолѣвавшія на берегу рѣки съ возмутительнѣйшею настойчивостью.

Отъ Петровскаго яма къ Повѣнцу. Повѣнецъ.

Повѣнецъ. Историческія свѣдѣнія. Геологическія изысканія. Вопросъ о Бѣломорскомъ каналѣ. Его направленіе. Оба городскіе собора. Отъѣздъ Онежскимъ озеромъ. Промѣры, дѣлаемые въ озерѣ. Характеристика его очертаній.

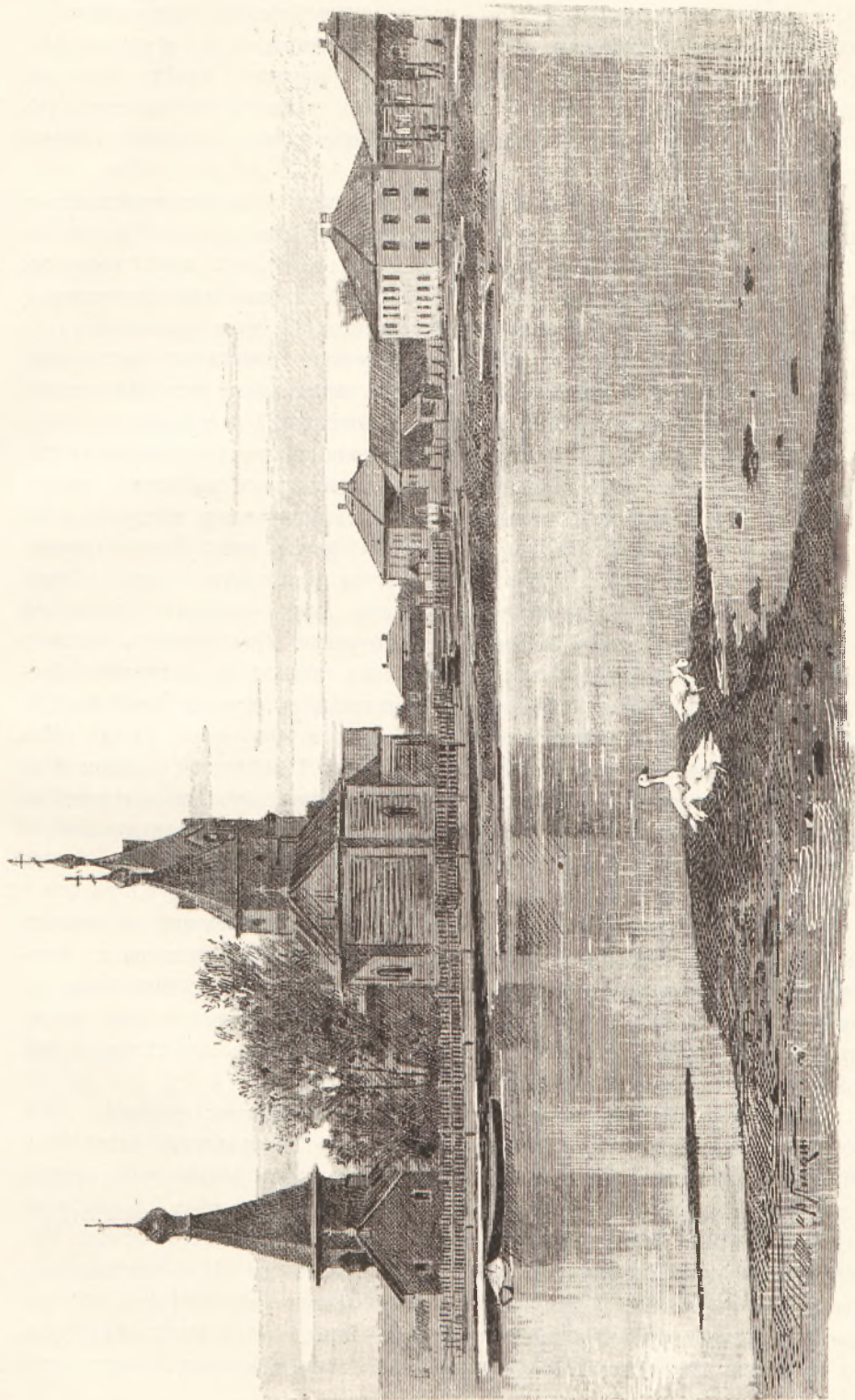
Рѣзво бѣжали почтовые тройки; утро было прохладно, и туманъ подбирался не сразу. Дальнѣйшій путь отъ Петровскаго яма къ Повѣнцу шелъ тою же характерною олонецкою мѣстностью, гранитными кряжиками, озерами, болотами, лѣсами, какъ и прежде. Такъ же точно мелькали по сторонамъ признаки подлѣтнаго хозяйства, наиболѣе примѣнимаго въ краѣ: нивы, колосившіяся по только-что расчищеннымъ лѣснымъ угодьямъ; пройдетъ два, три года—ихъ запустятъ снова подъ лѣсъ, а подъ ниву подсыкутъ новое, свѣжее мѣсто. Между Телекиной и Масельгой, какъ говорили, имѣется болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь слѣдовъ Петровскихъ свай и мостовинъ. По замѣчанію инженеровъ, занимавшихся проведеніемъ почтоваго пути, направленіе, которому слѣдовалъ Петръ I, поразительно своею вѣрностью. Очень красивъ видъ близъ деревни Телекиной, въ которой мѣняють лошадей; тутъ тоже былъ Петровскій ямъ. Розовое утро, розовые туманы, розовые отливы сосновыхъ лѣсовъ тихо разметывались по голубоватымъ очертаніямъ просыпавшагося озера; вся деревня была на ногахъ, и въ маленькой часовнѣ теплилась неугасимая лампада.

Къ семи часамъ утра путники подѣзжали къ Повѣнцу, сдѣлавъ почти 200 верстъ въ семнадцать часовъ времени. Повѣнецъ, лежащій въ углу, образуемомъ заливомъ Онежскаго озера и быстрою, бѣгущею по камнямъ рѣчкою

Повѣнчанкою, представляется съ сѣверной стороны далеко не такъ миловиднымъ, какъ съ южной, со стороны озера.

Повѣнецъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Россіи: это одинъ изъ самыхъ богатыхъ и незапутанныхъ въ своихъ дѣлахъ городовъ. Жителей въ немъ всего 482 мужчины и 348 женщинъ; но доходы города, владѣющаго большимъ количествомъ земли и сдающимъ за богатую арендную плату лѣсопильный заводъ, достигаютъ замѣчательно крупной цифры 97.650 руб., расходовъ всего 62.988 руб., и поэтому финансовое положеніе Повѣнца одно изъ самыхъ радужныхъ какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ значеніи слова. Неудивительно, что запасный капиталъ его достигаетъ 146.924 руб., и долговъ у него нѣтъ. Подобнаго положенія поискать не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. Если принять въ расчетъ будущее, которое, вѣроятно, принесетъ съ собою прорытіе Бѣломорскаго канала отъ Повѣнца на сѣверъ, то маленькій городокъ, въ которомъ жителей менѣе, чѣмъ публики на любомъ представленіи въ Большомъ театрѣ, можетъ только радоваться; спаси его Господь отъ всякихъ предприимчивыхъ радѣтелей и дѣятелей. Петрозаводскъ, столица Олонецкой губерніи, имѣетъ полное право завидовать Повѣнцу: доходы его — 37.000 руб., расходы — 37.000 руб., запаснаго капитала — 5.000 руб. Какъ не позавидовать? Вотъ бы обратить въ пригородъ.

При Борисѣ Годуновѣ Повѣнецъ уже былъ селомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «пристань» или «рядокъ»; а когда село это появилось на свѣтъ — неизвѣстно; съ 1784 г. село обратилось въ городъ и замѣнило въ своихъ обязанностяхъ Поданскъ. При Павлѣ I городъ упраздненъ, при Александрѣ I возстановленъ. Здѣсь, въ 1701 году, спущены были въ Онежское озеро два фрегата, перевезенные Петромъ I по-суху изъ Бѣлаго моря. Развалины чугуно-плавильнаго и желѣзо-дѣлательнаго завода тоже напоминаютъ о Петрѣ I. Остатки петровскихъ доменныхъ печей находятся за рѣкою Повѣнчанкою; имѣются слѣды двухъ печей; камни ихъ простеклянились насквозь, такъ что нельзя не замѣтить, что Петръ I не дремалъ и здѣсь и плавилъ чугунъ во-всю. Невысокія развалины обнесены заборчикомъ, поросли зеленью, и шумливая Повѣнчанка, бѣгущая совсѣмъ подлѣ, нарушаетъ ихъ вѣчное молчаніе своею вѣчною говорливостью. Въ соборной церкви имѣется икона святыхъ Петра и Павла, предъ которою Петръ I служилъ молебень по случаю избавленія его отъ бури на озерѣ; онъ вернулся, застигнутый бурей, отъ острова, который съ того времени называется «Воротнымъ». Для великаго Царя поговорка: «Повѣнецъ — міру конецъ», конечно, не существовала, потому что онъ побывалъ на сѣверѣ далеко за этимъ концомъ. Лучшія, чѣмъ теперь, времена проходили надъ живущимъ Повѣнцомъ, когда шла тутъ заводская работа; лучшія времена должны непременно проглянуть и въ будущемъ, когда состоится, наконецъ, проведеніе Бѣломорскаго канала. Насколько безвременно погибъ на восточномъ краю нашего Сѣвера Екатерининскій каналъ, настолько же трудно появленіе этого новаго, совершенно необходимаго воднаго пути. Не только десятки тысячъ пудовъ трески, сельдей, тресковаго жира и ворвани, идущіе въ Петербургъ кружнымъ путемъ, на Бельты и Зундъ, съ нашего Сѣвернаго моря, пошли бы

Довынецъ. Соборъ.

здѣсь, но и обратно, товары и хлѣбъ, необходимыя Поморью, потянулись бы каналомъ, идя изъ Петербурга. Если Петръ I перетащилъ по-суху два фрегата отъ Нюхчи до Повѣнца, то что же будетъ значить пройти каналомъ десяткамъ миноносокъ, со всякими торпедами, въ вѣчно открытое намъ Сѣверное море, если это будетъ нужно? Это стратегическое соображеніе—далеко не пустая фантазія.

О прорытіи канала въ Олонецкихъ лѣсахъ, хотя и не для соединенія съ Бѣлымъ моремъ, а для сплава лѣса, ходатайствовалъ еще купецъ Громовъ въ 1848 году. О соединеніи Повѣнца съ Сороками на Бѣломъ морѣ постоянно ходатайствовали губернаторы, земство, поморы, частные предприниматели; императоры Александръ I, Николай I, Александръ II были расположены къ этой мысли, а канала все-таки нѣтъ. Геологическія изысканія произведены были очень тщательно Иностранцевымъ по такъ называемому пути соловецкихъ богомольцевъ, пути древнему, много разъ исхоженному. Богомольцы двигаются отъ Повѣнца вдоль Долгихъ озеръ; тутъ постоянно выступаютъ крупнозернистыя красныя гнейсы, т. е. кристаллическія породы, вездѣ за наноснымъ растительнымъ слоемъ. Богомольцы двигаются по самому высокому мѣсту горъ на 430 футовъ надъ уровнемъ Бѣлаго моря и 168 футовъ надъ Матко-Озеромъ. По сторонамъ пути ихъ тянутся цѣлыя системы моховыхъ болотъ и озерковъ, лежащихъ одно выше другого, и между ними виднѣются опять-таки красныя гнейсы, напоминающіе французскіе «бараньи лбы»; шрамовъ ледяного періода на нихъ незамѣтно; мѣстами попадаются наносы съ валунами, образующими иногда огромныя скопленія красноватыхъ и сѣрыхъ гнейсовъ. По мнѣнію Иностранцева, обойти хребетъ Масельгу можно очень удобно. Изъ пороговъ самый значительный Ольховець, на рѣкѣ Телекинской, падающей на протяженіи 44 верстъ на 116 футовъ. Самое большое озеро Выгъ лежитъ на пескахъ, почти безъ всякихъ обнаженій; на немъ островъ «двумя больше чѣмъ въ году дней»; всѣ они состоятъ изъ наносовъ и имѣютъ то же направленіе, что и Сельги.

Дальнѣйшій путь богомольцевъ идетъ отъ деревни Койницы на деревню Варнихи, Чернымъ Волокомъ, то взбираясь на Сельги, то опускаясь къ моховымъ болотамъ. Валуны попадаютъ до трехъ аршинъ длиною; самыя высокія точки пути лежатъ на 618 фут. надъ Бѣлымъ моремъ. Сумозеро тоже изобилуетъ островами, а рѣка Сума—порогами; у самаго Сумскаго посада тѣ же валуны, пороги и тѣ же обнаженія красныхъ и сѣрыхъ гнейсовъ.

Путь для устройства водной системы вполне возможенъ; изысканія 1869, 1870 и 1874 годовъ доказали это. Проектированное направленіе слѣдующее: Повѣнецъ, Повѣнчанка, Узкое озеро, Водло-озеро, какъ раздѣльный пунктъ, Матко-озеро, рѣка и озеро Телекинскія, Выгъ-озеро, Выгъ-рѣка. Длина всего пути была бы 219 верстъ, причемъ каналы имѣли бы только 40 верстъ. Раздѣльное Водло-озеро поднимается надъ Онежскимъ на 31,5 сажени, надъ Бѣлымъ моремъ—на 51,72. Эти паденія предположено распределить на полсотню шлюзныхъ камеръ; техническихъ трудностей не предостоятъ никакихъ. Стопмость составила бы около 8.000.000 руб. Любопытны нѣкоторыя геологическія,

ботаническія и геодезическія свѣдѣнія, касающіяся этого края. Онежское озеро лежитъ на 276 фут. выше Бѣлаго моря и на 240 фут. выше Балтійскаго. Этою разницею уровня обѣихъ морей очень хорошо объясняются постоянныя теченія, существующія въ Зундѣ и Бельтахъ. На основаніи изслѣдованій каменныхъ породъ и флоры можно утверждать съ большимъ вѣроятіемъ, что когда-то, въ доисторическое время, Бѣлое море было соединено съ Балтійскимъ, и наши оба большія озера, Ладожское и Онежское, составляли съ ними одно цѣлое. Ледовитый океанъ и Балтійское море были тогда однимъ и тѣмъ же воднымъ пространствомъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Зундъ и Бельты, высились скалы, и соединенія Балтійскаго моря съ Нѣмецкимъ не существовало.

Проектируемый Бѣломорскій каналъ, который соединитъ то, что разрушено геологическимъ переворотомъ, одинъ изъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Въ 1882 году министръ путей сообщенія внесъ въ комитетъ министровъ записку, которая была выслушана комитетомъ министровъ, вполне согласившимся съ ея основаніями и съ необходимостью возможно скорого осуществленія проекта, и журналомъ 31-го августа всѣ обстоятельства этого дѣла доведены до свѣдѣнія государя императора, удостоившаго ихъ разсмотрѣніемъ 11-го сентября. Устроится ли этотъ путь на средства казны, дано ли будетъ предпочтеніе акціонернымъ основаніямъ—дѣло второстепенное. Вѣрно то, что для нашего Сѣвера, для промысловъ Поморья, для лѣсныхъ и минеральныхъ богатствъ Олонецкаго края, для стратегическихъ соображеній общегосударственнаго характера, возникновеніе давно ожидаемаго Бѣломорскаго канала болѣе чѣмъ желательно. Дѣло не въ томъ, что въ теченіе шести мѣсяцевъ будетъ онъ лежать подо льдомъ, дѣло—въ остальныхъ шести мѣсяцахъ. Если сѣверная природа въ шестинедѣльный срокъ поднимаетъ траву, даетъ цвѣтъ и производитъ сѣмя, то не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что и Бѣломорскій каналъ послѣдуетъ ея примѣру и въ короткій срокъ навигаціи дастъ все то, чего отъ него ожидаютъ. Спорнымъ могъ бы быть вопросъ о томъ: не удобнѣе ли желѣзная дорога, хотя бы узкоколейная; но здѣсь существенными аргументами явятся лишняя перегрузка, громоздкій характеръ грузовъ—руда, хлѣбъ, лѣсъ, и большинство мнѣній склонится въ пользу канала. Сообщаютъ, что олонецкому губернатору изъ Финляндіи былъ представленъ характерный проектъ о соединеніи желѣзною дорогою Выборга съ Кемью прямымъ путемъ. Для Финляндіи это, конечно, были бы выгодно, но что сказалъ бы на это нашъ исконно-русскій Олонецкій край, для котораго стальные рельсы Выборгскаго пути были бы смертельнымъ ударомъ, направивъ грузы всего нашего Сѣвернаго края, Бѣлаго моря и Поморья не такъ, какъ слѣдуетъ, не по адресу. Олонецкій край отъ такого удара не поправился бы никогда...

Соборовъ въ Повѣндѣ два: старый, время Бориса Годунова, обязанный своимъ возникновеніемъ въ 1600 году новгородскому купечеству и схимонаху Аноиму, и новый. Оба собора деревянные, во имя Петра и Павла, и стоятъ рядомъ на самомъ берегу залива. Старый соборъ, ветхій, очень характеренъ своею малостью и грузною, шестигранною шатровою шапкой; колокольня его

снесена была для очистки мѣста новому собору. Икона Петра и Павла — та самая, предъ которою молился Петръ I. Имѣется налицо и нѣсколько иконъ, писанныхъ въ несуществующихъ уже раскольничьихъ монастыряхъ Даниловѣ и Лексѣ. Въ Повѣнцѣ заслуживаютъ также вниманія земская больница, богадѣльня и находящаяся тутъ же общественная земская бібліотека.

Около семи часовъ вечера путники оставили Повѣнецъ на пароходѣ «Онега». Видъ на Повѣнецъ съ озера не лишень миловидности, и имъ пришлось долго любоваться, потому что выбраться изъ рѣчки Повѣнчанки въ открытую воду довольно длиннымъ парходомъ было не легко; онъ почти касался бортами амбарчиковъ, стоящихъ въ водѣ на подобіе сумскихъ. У самаго выхода въ озеро, подлѣ лѣсопильнаго завода, окруженнаго лавами бревень, лежитъ пять небольшихъ зеленѣющихъ островковъ; городокъ расположенъ такъ низко, что кажется выстунающимъ прямо изъ воды. Очень красивъ былъ видъ на зеркальную гладь Онежскаго озера въ вечернемъ освѣщеніи; множествомъ болѣе или менѣе близкихъ силуэтовъ обозначались его берега и острова, изрѣзанные въ сѣверной части неисчислимымъ количествомъ бухтъ; вдали, вправо, видѣлись Петрозаводскія горы, къ которымъ путники направлялись; согласно намѣченному маршруту, предполагено было посѣтить Петрозаводскъ вторично, и оттуда уже проѣхать поперекъ Онежскаго озера въ Пудожь,—последній городъ, предстоявшій посѣщенію въ этомъ путешествіи.

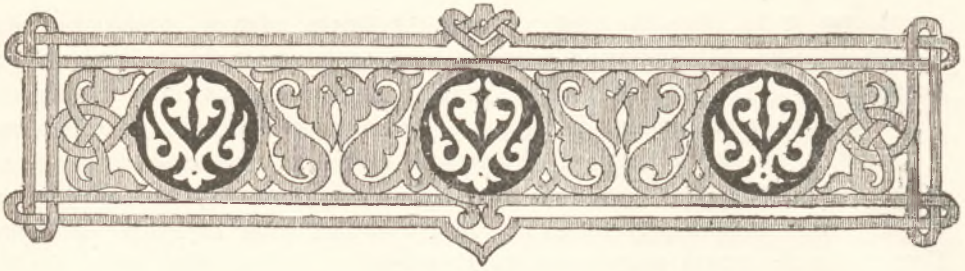
На Онежскомъ озерѣ съ 1874 года производятся тщательные промѣры; изъ 7.000.000 квадр. верстъ его поверхности снято уже около $\frac{4}{5}$, включая въ то число и самыя трудныя части, безсчетныя губы и островки сѣверной половины; въ этой части озера промѣры дѣлаются на каждыхъ пятидесяти саженьяхъ, въ южной на сто саженьяхъ, такъ что карта, имѣющая быть изданною, будетъ относиться къ числу самыхъ точныхъ и подробныхъ. Определено сорокъ пять астрономическихъ пунктовъ. Насколько въ этомъ отношеніи наше знакомство съ гораздо болѣе обширнымъ Бѣлымъ моремъ плохо, видно изъ того, что на немъ такихъ пунктовъ определено пока что только десять.

Вечеръ былъ исключительно хорошъ. Отъ Повѣнца до Петрозаводска водою 172 версты. Двигаясь по озеру, убавканному полиѣйшимъ серебрянымъ итилемъ, путешественники съ палубы видѣли издали Шунгу, знаменитую своею ярмаркой; судно проходило недалеко отъ Палеостровскаго монастыря, извѣстнаго самосожженіемъ въ немъ 2.000 раскольниковъ; видѣлась также деревня Кузоронда, населенная большею частью плотниками, и на ея счетъ немного позлословили, объяснивъ, что кузорондцы по существу недовѣрчивы и что они для обезпеченія другъ отъ друга изобрѣли особаго рода хитрые замки, которые у нихъ въ деревнѣ повсюду видѣются. Въ этихъ же странахъ, въ Толвуйскомъ погостѣ, по повелѣнію Бориса Годунова, около 1601—1605 годовъ, заключена была супруга Феодора Никитича Романова—инокиня Марѳа, мать царя Михаила Феодоровича. Слѣды терема и самое мѣстонахожденіе, конечно, исчезли, но двѣ недалекія деревни называются и теперь Ближнее и Дальнее Царево: ихъ посѣщала отошедшая въ вѣчность инокиня.

Количество острововъ въ этихъ частяхъ Онежскаго озера очень велико

и всё они густо поросли темнозелеными хвойными лѣсами, отражавшимися своими острыми, бахромистыми вершинами въ штилевавшей серебряной водѣ. Острововъ и бухтъ тутъ столько же, сколько озеръ и горныхъ кряжей на матерой землѣ Олонецкаго края. По розовой глади слѣдъ парохода не исчезалъ, а, расходясь по двумъ линіямъ, обозначался настолько, насколько видно было воды. Кое-гдѣ взламывалъ ихъ подвернувшійся островокъ. Бросили не надолго якорь у Ивановскихъ острововъ. Къ десяти часамъ утра пароходъ былъ въ Петрозаводскѣ, откуда направился въ Пудожъ.

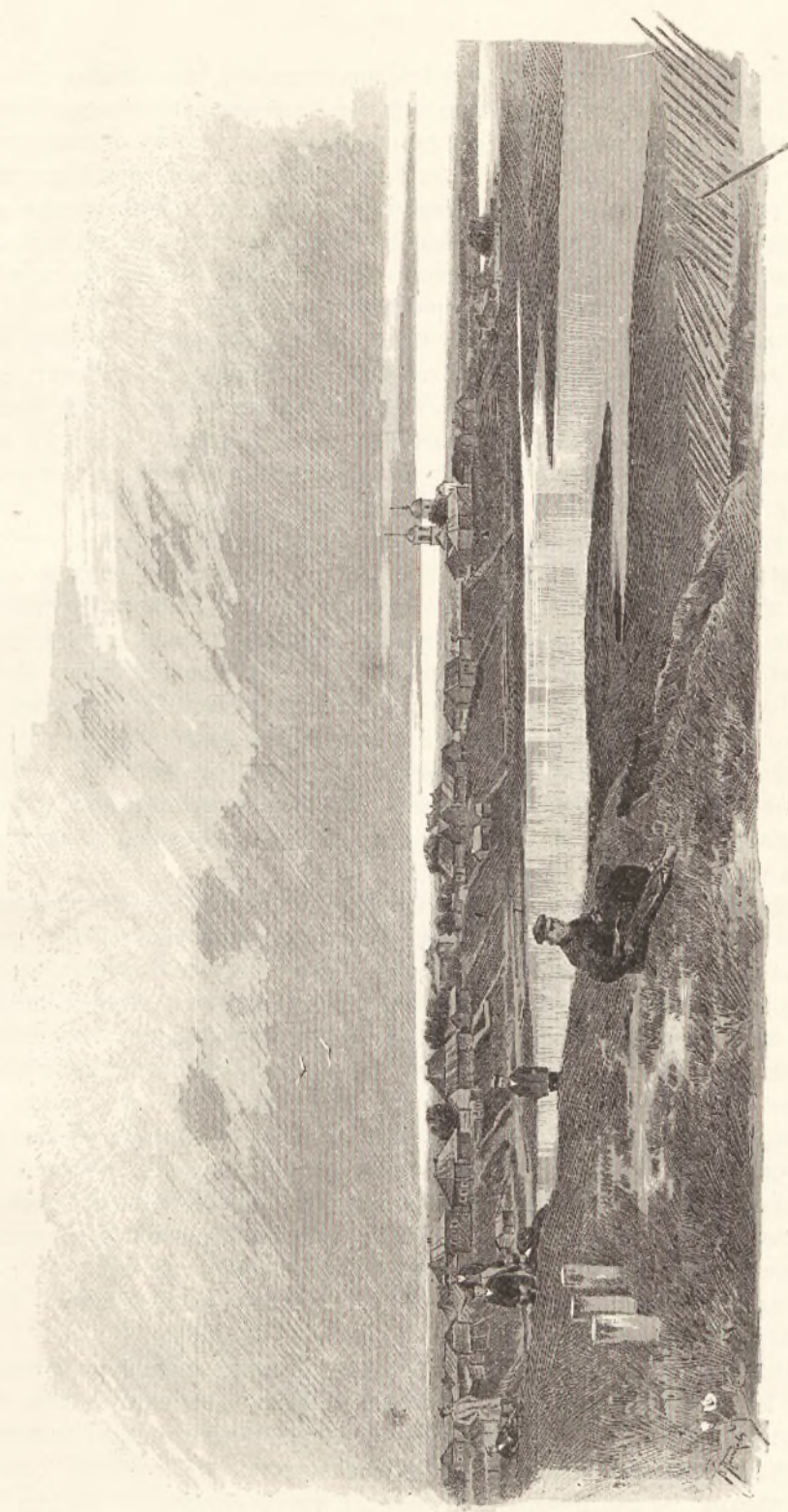

Пудожъ.

Рѣка Водла. Что такое «гнусъ»? Пудожъ. Его характеристика. Возвращеніе въ Петербургъ.

Жоропъ Петрозаводскъ съ озера, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но такъ какъ достопримѣчательности города были осмотрѣны въ прошломъ году, то путники въ исходѣ третьяго часа были уже снова на пароходѣ, чтобы сдѣлать водою 105 верстъ, по направленію къ городу Пудожу. Ночь на 2-е іюля была удивительно хороша, тепла, безмятежна. Судно входило въ рѣку Водлу, когда сумерки налегли на озеро, спустились по береговымъ лѣсамъ. Кое-гдѣ съ плотовъ и береговъ сіяли красными огнями костры, и обозначались, довольно рѣдко, барки и лодченки; часто поперекъ пути парохода стремглавъ пронеслась ночная птица и, крикнувъ, исчезала. Рѣка Водла, мало кому извѣстная, мало посѣщаемая, достаточно глубока и широка, чтобы принять на себя озерный пароходъ. Двигаясь между зеленыхъ, поросшихъ плотнымъ лѣсомъ глубоко молчаливыхъ береговъ, путники слушали съ переменною ясностью отдачу звуковъ колесъ парохода. Едва только вошли они въ Водлу, какъ подверглись нападению необозримыхъ комариныхъ полчищъ; тишина въ воздухѣ и малый ходъ парохода обусловливали то, что полчища эти росли по мѣрѣ движенія вверхъ по рѣкѣ; мѣстность, лѣсистая и болотистая, мало посѣщаемая, видимо создана для размноженія комаровъ; утромъ предстояло убѣдиться въ томъ, что въ ней имѣются и другія прелести: оводы, шершни, шмели всѣхъ видовъ и величинъ, называемые здѣсь очень типичнымъ именемъ «гнуса»; гнусѣ этихъ полужесткокрылыхъ трудно представить себѣ что-либо. На Мурманѣ «гнусомъ» называютъ только мышей и крысъ.

Было за-полночь, когда судно причалило къ правому берегу рѣки близъ лѣсопильнаго завода Русанова, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Подпорожье и затѣмъ въ Пудожъ своевременно. Комарамъ не трудно было преслѣдовать пасса-

Пудожъ.

жировъ судна до этого мѣста; но здѣсь, при остановкѣ, они одолѣли въ полной мѣрѣ, чему не мало способствовала близость лѣсопильнаго завода. Ихъ было такъ много, что, насѣдая на пароходныя снасти, они словно одѣвали ихъ какими-то футлярами, и стоило провести по нимъ чѣмъ-либо, рукой или вѣткой, чтобы снять цѣлую коросту комариной трухи и видѣть, къ полнѣйшему своему отчаянію, что на только-что очищенную снасть уже насѣлъ новый толстый чехоль звонко жужжавшаго гнуса. Оставалось одно: скрыться въ каюты и закуритъ въ нихъ до невозможности персидскимъ порошкомъ.

Около семи часовъ утра, 2-го іюля, тронулись дальше и остановились близъ деревни Подпорожье; отсюда предстояло сдѣлать въ экипажахъ девять верстъ до Филимоухи, затѣмъ переѣхать на правый берегъ рѣки Водлы къ деревнѣ Гурьевой, отъ которой, опять-таки въ экипажахъ, оставалось до Пудожа всего полторы версты. Въ той части рѣки Водлы, которую миновали на лошадахъ, есть Мневскій порогъ, въ $\frac{1}{2}$ сажени паденія; если бы не онъ, то Пудожъ былъ бы соединенъ съ Онежскимъ озеромъ водянымъ путемъ; мѣстное земство ходатайствуетъ объ осуществленіи этого пути и, согласно сообщеніямъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, разстояніе отъ Невы къ Архангельску было бы сокращено на триста верстъ, и транзитъ трески, семги и льна не долженъ бы былъ давать крюкъ на Вытегру. Шлюзование стоило бы около 80.000 рублей; производительность этой затраты подлежала бы, впрочемъ, обсужденію. Въ навигацію 1884 года ходили между Вознесеньемъ и Подпорожьемъ пароходы купца Фогеля, но, за смертью его, рейсы прекратились, и возобновленія ихъ здѣсь желаютъ очень сильно. Говорятъ, что, благодаря своему отчужденному положенію, Пудожъ замираетъ иногда совершенно, и бываютъ дни, что на рынкахъ его ни мяса, ни рыбы достать нельзя.

Нельзя было не вспомнить «двигающагося лѣса» въ Шекспировскомъ «Макбетѣ», когда, сойдя съ парохода, сѣли въ экипажи для переѣзда въ Пудожъ и взглянули на себя. Единственною слабою защитой противъ одолевшаго дневного «гнуса», противъ необозримыхъ полчищъ шмелей, шершней, осъ и оводовъ, было то, что, нарвавъ древесныхъ вѣтокъ, окружили себя ими, понасовавъ куда только было возможно, во всѣ отверстія экипажей, и безостановочно отмахиваясь. Въ жгучихъ лучахъ іюльскаго солнца, въ густыхъ облакахъ горячей пыли, «гнусъ» становился дерзокъ до невѣроятія; сентиментальное жужжаніе ночныхъ комаровъ смѣнилось рѣзкое, сердитое жужжанье болѣе крупныхъ особей. Что должны были испытывать бѣдныя лошади, можно себѣ вообразить, такъ какъ «гнусъ», однажды впившись въ коня и насытившись его кровью, не отпадаетъ даже при непосредственномъ прикосновеніи къ нему кнута или ерзающей по коню сбруи: онъ уштывался, наслаждался въ полномъ смыслѣ этого слова, до смерти.

Около 9 $\frac{1}{2}$ часовъ утра вдали показался Пудожъ, стоящій на холмистомъ берегу Водлы и отдѣленный отъ рѣки небольшими заливными лугами. Время прибытія путниковъ въ Пудожъ совпало со столѣтіемъ существованія города. Въ одномъ изъ официальныхъ описаній говорится, что городокъ стоитъ на трехъ рѣкахъ: Водлѣ, Пудогѣ и Журавкѣ и трехъ озерахъ, и что онъ живо-

писень. Расположенъ онъ на холмахъ дѣйствительно не дурно и сравнительно чисто, благодаря пескамъ. Есть ли какое-либо историческое прошедшее у Пудожа? Несомнѣнно есть, но оно такъ же скромно, какъ и судьбы рѣки Водлы, на которой онъ стоитъ. Учрежденъ онъ Екатериной II въ 1785 году изъ села Пудога, при Павлѣ I упраздненъ, при Александрѣ I восстановленъ. Въ концѣ XVII вѣка былъ онъ извѣстенъ, какъ мѣсто особеннаго распространенія раскола. Церквей въ немъ двѣ. Соборъ во имя Св. Троицы, внутренность котораго покрыта деревяннымъ куполомъ, окрашеннымъ въ голубую краску, состоитъ изъ двухъ церквей: лѣтней и зимней, отдѣленныхъ одна отъ другой каменною стѣной, и обѣ онѣ съ деревянными рѣзными иконостасами; другая церковь города—кладбищенская. Жителей въ Пудожѣ 1.426 человекъ; доходы—3.951 руб., расходы—3.951 рубль, то-есть полнѣйшее совпаденіе; запаснаго капитала всего 1.061 рубль, и неудивительно, что Пудожъ считается однимъ изъ бѣднѣйшихъ городовъ не только Олонецкой губерніи, но и вообще Россіи. Говорятъ, будто имя города идетъ отъ рѣки Пудоги, а Пудога названа такъ потому, что плыла по ней когда-то какая-то дуга въ одinv пудъ вѣсомъ. Это, конечно, осколокъ какой-то легенды, свидѣтельствующій развѣ о томъ, что Пудожъ изобилывалъ когда-то лѣсами. Еще въ 1828 году тогдашнее министерство финансовъ ходатайствовало о допущеніи пудожскихъ подрядчиковъ къ заготовкѣ лѣса «не согласно узаконеніямъ», и лѣса порѣдѣли.

Въ Пудожскомъ уѣздѣ 29.000 жителей; главное дѣло — льноводство, но оно все-таки не превышаетъ годовой продажи на 15.000 руб. въ самомъ уѣздѣ; лень этотъ—хорошихъ качествъ и извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ «Корелки»; цѣна его здѣсь отъ трехъ до пяти рублей пудъ, а въ Петербургѣ — около восьми рублей.

Посѣтивъ земское училище и богадѣльню на 26 человекъ, устроенную на средства мѣстныхъ купцовъ, братьевъ Малокрошечныхъ, мужскую и женскую земскія больницы, около трехъ часовъ пополудни, путники направились обратно на Гурьево и Подпорожье. У пристани ожидалъ ихъ пароходъ и знакомые изъ горькаго опыта назойливые «гнусы». Путешественники взошли на палубу, запасшись достаточнымъ количествомъ вѣтвей; комары и оводы, не покидавшіе ихъ даже въ домѣ, и обливавшіе потолоки и окна его живыми, жужжавшими коврами, тутъ, подъ брезентомъ палубы, при полнѣйшемъ отсутствіи вѣтра, при тридцатиградусной жарѣ, сдѣлались невыносимы. Неозримыя, блестящія полчища ихъ устремлялись къ пароходу отъ обоихъ лѣсныхъ, болотистыхъ береговъ рѣки и провожали неуклонно, безостановочно, до невѣроятности дерзкіе и изворотливые. Тутъ, въ этихъ тихихъ, забытыхъ странахъ примѣняется обмазываніе рабочихъ людей во время занятій дегтемъ, какъ единственное средство защиты. Пассажиры надѣялись, что, оставивъ рѣку и выйдя въ открытое озеро, они немедленно избавятся отъ гнуса, но это было на долгое время тщетною надеждою. Оводы и комары какъ будто выползали откуда-то на самомъ пароходѣ и провожали его не одинъ часъ времени. Невольно припомнился разговоръ таможенныхъ солдатиковъ на Бѣломъ морѣ о томъ, что мѣстные комары терзаютъ ихъ даже на открытой водѣ; комары прячутся въ карбасѣ на берегу, скрыва-

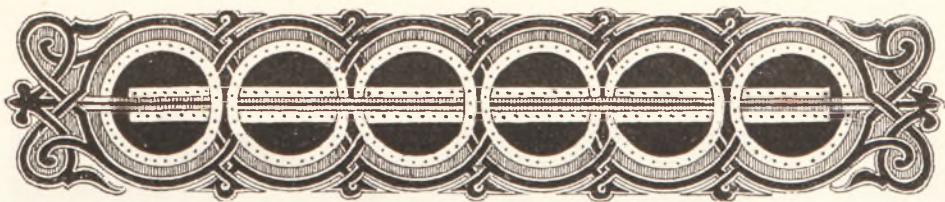
ются въ дождь и вѣтеръ; но стоить только установиться погодѣ, и они тутъ какъ тутъ, несмотря на стоверстное разстояніе, отдѣляющее карбасъ отъ матерой земли.

Дальнѣйшій путь отъ восточнаго берега Онежскаго озера къ Петербургу можно назвать почти непрерывнымъ. Для перемѣны лоцмановъ пароходъ оставался у Пидмы; въ Лодейномъ-Полѣ путники посѣтили соборъ, и 4-го іюля, въ восемь часовъ утра, они уже были въ Петербургѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ТРЕТЬЕ

(1885 г.)

Нижній-Новгородъ. Ярмарка.

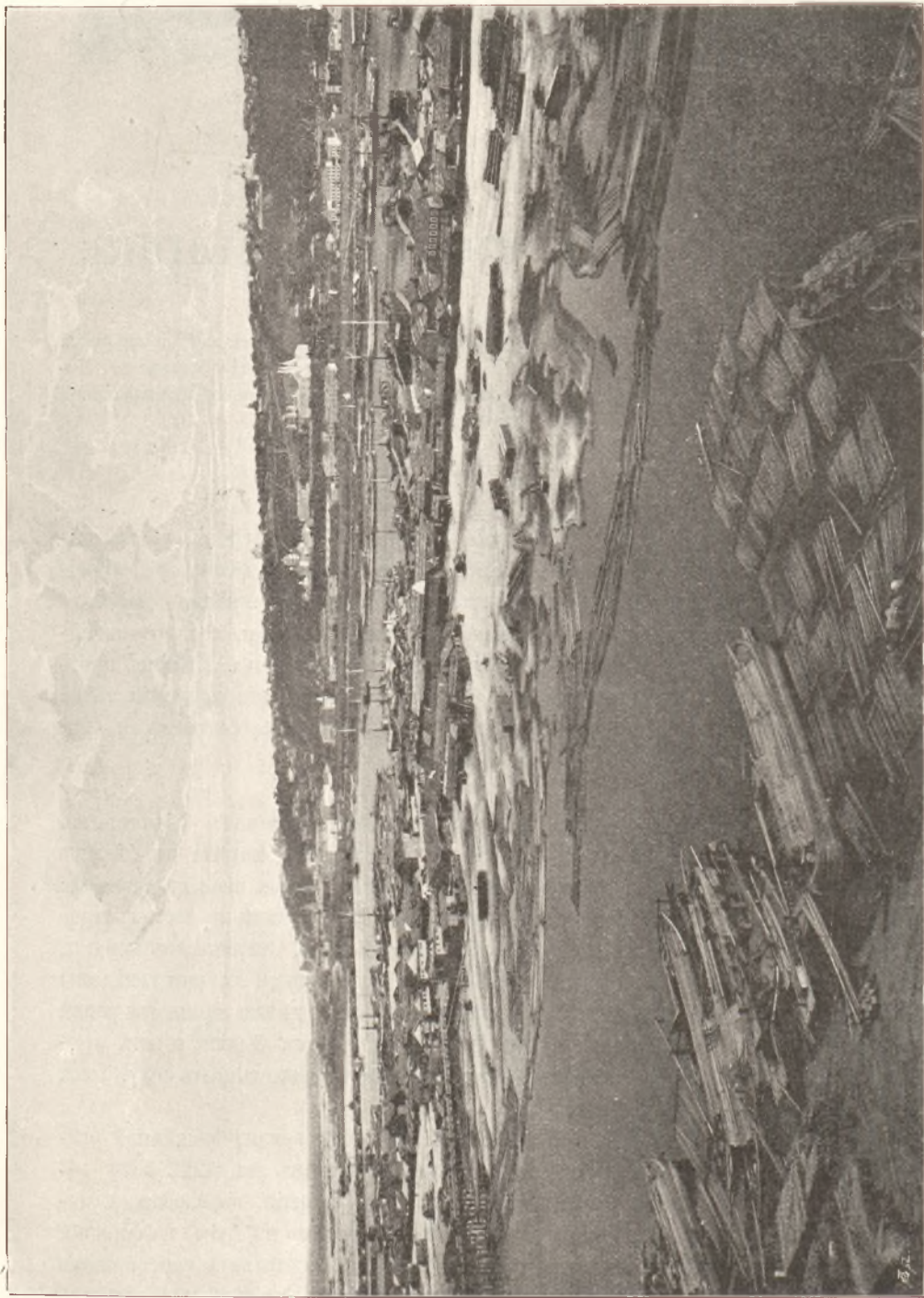
Легенда о Нижнемъ-Новгородѣ. Историческое о городѣ и ярмаркѣ. Главный ярмарочный домъ. Преображенскій соборъ. Гробница Минина. Кадетскій корпусъ графа Аракчеева. Новодѣвичій монастырь. Лагерь. Выставочный павильонъ. Значеніе кустарно-промышленной выставки.

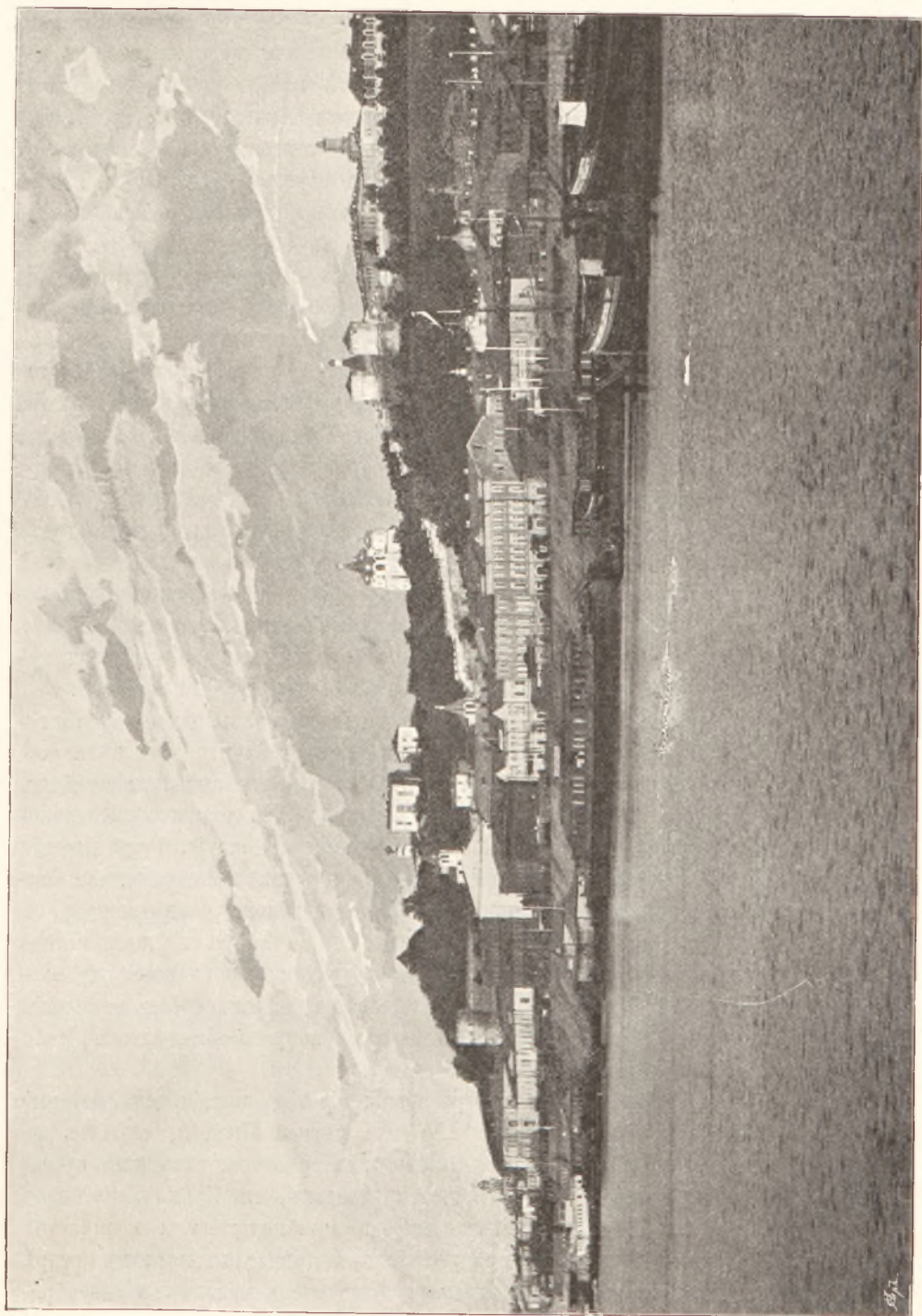
ретье путешествіе—въ Нижній-Новгородъ и Владиміръ,—было вызвано желаніемъ ближе ознакомиться съ этими важными фабрично-промышленными центрами Поволжья, и главное посѣтить ярмарку и выставку кустарно-промышленную и сельско-хозяйственную, устроенную въ Нижнемъ-Новгородѣ лѣтомъ 1885 года. Являясь предшественницею всероссійской выставки 1895 года, выставка эта возникла тогда по почину членовъ нижегородскихъ городскаго и биржевого обществъ и членовъ мѣстнаго отдѣленія технического общества.

Въ одной изъ мордовскихъ пѣсенъ основаніе Нижняго объясняется такъ. Ъхаль русскій князь-мурза по Волгѣ; на ту пору мордва въ бѣлыхъ своихъ балахонахъ молилась на горѣ Богу; спросилъ мурза своихъ воиновъ: «что это за березникъ мотается, шатается, къ землѣ матуникѣ на востокъ приклоняется»; князю объяснили, что это мордва Богу молится. Старики изъ мордвы, узнавъ о прибытіи русскаго князя, послали ему съ молодыми людьми говядины и пива; молодые люди говядину съѣли, пиво выпили, а князю принесли земли да воды. Князь поплылъ далѣе по Волгѣ; гдѣ кинетъ на берегъ горсть принесенной земли, тамъ быть городу, гдѣ броситъ щепотку—тамъ быть селу. Такъ покорилась русскимъ земля мордовская.

Такъ, будто бы, возникъ и Нижній изъ горсточки земли, брошенной русскимъ княземъ-мурзю. Несомнѣнно, что Нижній основанъ въ 1222 году великимъ княземъ Юріемъ II Всеволодовичемъ и это событіе, по словамъ Соловьева, является фактомъ наступательнаго движенія нашего на Азію, на финскія племена и, по справедливому замѣчанію Гацискаго, представляетъ первое звено въ той исторической цѣпи событій, которая на нашихъ глазахъ завершилась въ Мервѣ.

И. Новгородъ. Общій видъ города и р. Оки.

Н. Новгородъ. Нижне-волжская набережная.

Въ 1350 году въ отпоръ великому княженію московскому, образовалось здѣсь свое великое княженіе, но въ концѣ XIV вѣка подчинилось Москвѣ. Татарское владычество, Іоаннъ Грозный, лихолѣтье—все это живописалось въ исторіи Нижняго; ярко теплится въ немъ имя Минина; тутъ же имѣютъ что поразказать легенды и исторія о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ; отсюда шелъ Петръ I въ персидскій походъ; здѣсь представился Екатеринѣ II гениальный механикъ-самоучка Кулибинъ; здѣсь же передала императрицѣ, оставшись съ нею наединѣ, свою глубоко-трагическую судьбу извѣстная Осокина, и Екатерина велѣла снять съ нея кандалы; извѣстна также легенда о «Кунавинской кумѣ». Что касается ярмарки, то, зародившись въ Скоромошкахъ, побывавъ временно въ Василѣ и Лысковѣ, она открыта въ Нижнемъ, офиціально съ 1817 года; гостинный дворъ ея построенъ подъ наблюденіемъ генерала Бетанкура, въ 1822 году; центръ его—въ главномъ ярмарочномъ домѣ.

Много уже вѣковъ замышляютъ «оползни» горы, на которыхъ красуется Нижній, снять съ него красоты, принизить его горы, и все-таки это не удается имъ. Красивъ и высокъ Нижній, какъ прежде. Последній большой оползень произошелъ въ 1867 году надъ соляными амбарами; когда-то, въ 1597 году, разрушенъ подобнымъ оползнемъ Печерскій монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ; оползень снесъ его долой и достигъ только того, что монастырь этотъ стоитъ попрежнему, только немного повыше. Боязнь этихъ оползней принудила очень недавно срѣзать такъ называемую Муравьевскую башню—«дылду», надъ которою въ свое время много трунили и которая была такъ характерна своимъ длиннымъ розовымъ очертаніемъ на нагорномъ берегу Волги, обращенная циферблатомъ своихъ часовъ къ лежащей по другую сторону Оки ярмаркѣ.

Постройка нижегородскаго собора, производящаго невыгодное впечатлѣніе, обошлась ярмарочному купечеству, обложившему себя для этой цѣли особымъ сборомъ, въ 508.000 руб. Построенъ онъ по проекту архитектора Даля, умершаго до окончанія постройки; доведенъ до конца архитекторомъ Килевейномъ. Всѣ пять шатровыхъ куполовъ его, кубическое основаніе, почти плоскія абсиды, расчлененія стѣнъ, ихъ пилястрированіе, до такой степени мало связаны одно съ другимъ, такъ несоразмѣрены, что невольно сомнѣваешься въ томъ: исполненъ ли проектъ такъ, какъ онъ задуманъ? Краснѣющая нагота кирпичей и зелень шатровыхъ куполовъ только увеличиваютъ невыгоду впечатлѣнія, и несуразная масса собора рѣшительно подавляетъ собою невысокія зданія лежащей вокругъ него ярмарки. Нѣкоторое исправленіе возможно, если оштукатурить и окрасить его.

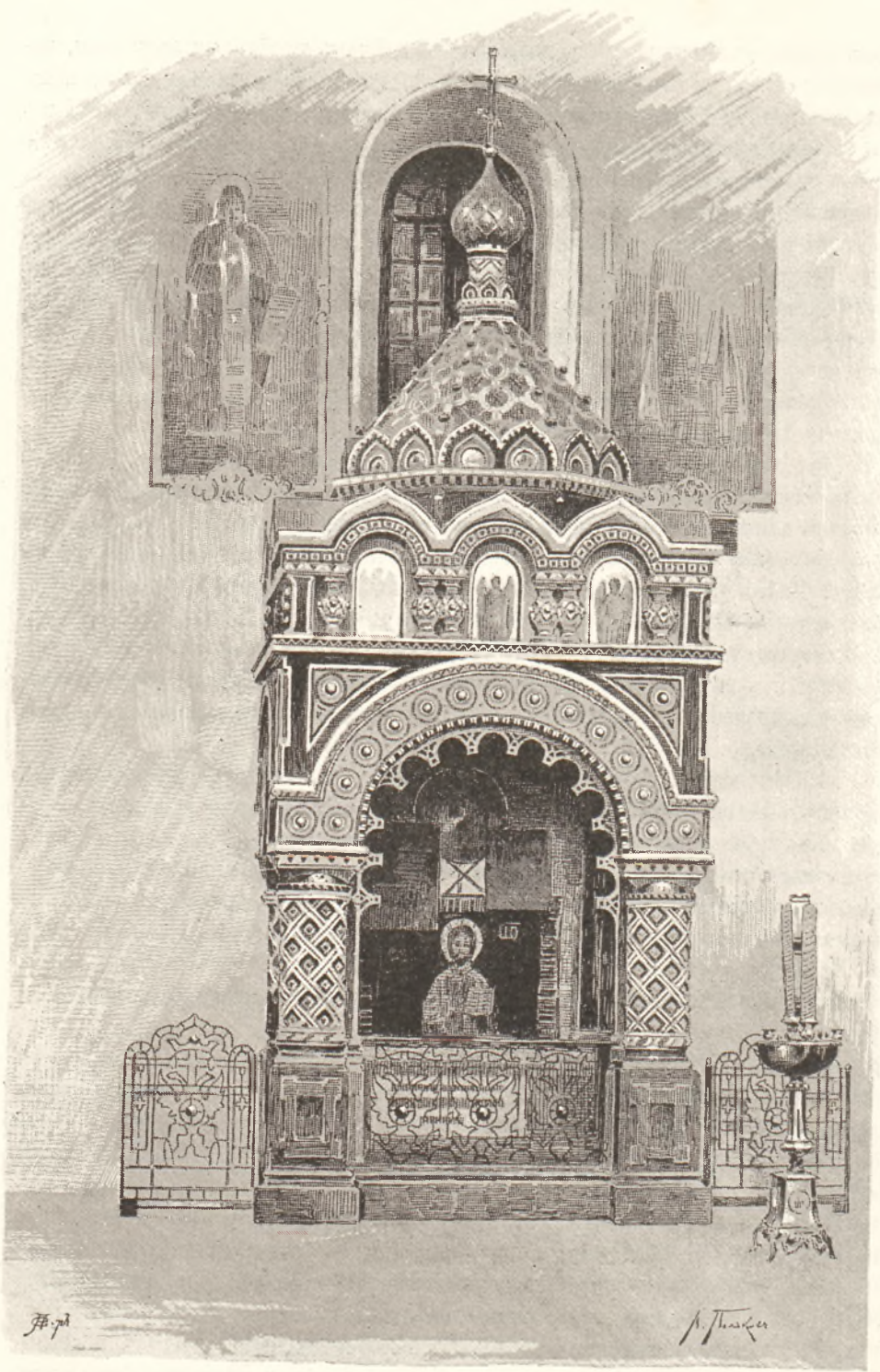
Ярмарочный Главный Домъ, центръ обращенія тѣхъ милліардовъ, которые за все время существованія ярмарки перешли черезъ Нижній, служить во время ярмарки постояннымъ мѣстопробываніемъ губернатора, такъ какъ губернаторскій домъ находится отсюда въ шести верстахъ, въ Кремлѣ, за Окой. При томъ безустанномъ наплывѣ всякаго народа, при пестротѣ и количествѣ массъ его, которая имѣютъ мѣсто, присутствіе представителя власти въ центрѣ самой ярмарки необходимо. Новый Главный Домъ очень красивъ и своеобразенъ. Старый однимъ фронтономъ съ колоннами выходилъ на площадь, другимъ

былъ обращенъ въ сторону бульвара и густо отѣненъ столѣтними осокорями, тянувшими вѣтви свои къ его окнамъ. Подъ самымъ домомъ въ галлерейхъ происходитъ торговля и будто выползаютъ отсюда по всемъ направленіямъ на цѣлыхъ шестнадцать квадратныхъ верстѣ ярмарки, выползаютъ на волжскіе и окскіе лески, вплоть до неисчислимыхъ хлѣбныхъ, чайныхъ и рыбныхъ каравановъ, на нихъ пріотившихся. Но шестнадцать квадратныхъ верстѣ—это еще не все пространство, занятое ярмаркою, потому что вплотную къ пескамъ подтянуты бесчисныя суда, непосредственно соединяемыя сходнями; за судами въ глубокой водѣ стоятъ пароходы, и все это—та же ярмарка, знаменитая ярмарка, когда-то Макарьевская, существовавшая у монастыря этого имени, но съ 1817 года перенесенная въ Нижній-Новгородъ. Въ 1885 году въ ярмарочномъ районѣ значилось 2.694 судна, и занятую ими поверхность надо прибавить къ этимъ шестнадцати квадратнымъ верстамъ.

Для посѣщенія Преображенскаго собора, путникамъ предстояло подняться отъ низменной ярмарки къ самой вершинѣ кремля. Внушительная декорація Нижняго высилась передъ ними во всей ея высотѣ и широтѣ. Отъ Главнаго Дома до собора, находящагося подлѣ дома начальника губерніи, около шести верстѣ. Ѣхать приходится Нижнимъ-Базаромъ и подниматься Зеленскимъ спускомъ, глубоко вѣзанномъ въ самое тѣло кремлевской горы. Съ грохотомъ колесъ экипажей пронеслись путешественники подъ воротами старинной стѣны и, выйдя изъ нихъ, очутились въ глубокой тишинѣ городского Преображенскаго кафедральнаго собора: влѣво отъ входа виднѣлась подъ красивою сѣнью могила Минина.

Соборъ построенъ въ 1221 году, но много, много разъ перестраивался. Въ немъ имѣется церковь верхняя и церковь въ подвальной этажѣ. Въ верхней свѣтло поблескиваютъ шесть стройныхъ, облицованныхъ алебастромъ столбовъ; синими кассетами расписаны изгибающіяся надъ ними арки; по стѣнамъ—фресковыя изображенія; изнутри видны все пять куполовъ, обильно снабженные окнами; въ главномъ корпусѣ окна въ два свѣта. Въ соборѣ почиваютъ многіе изъ великихъ князей и княгинь нижегородскихъ, цѣлый рядъ митрополитовъ и между ними Питиримъ, такъ много извѣстный въ судьбахъ поволжскаго раскола.

Гробница Минина поставлена по проекту архитектора Даля, строителя ярмарочнаго собора, и сдѣлана удачно. Великій гражданинъ Нижняго почиваетъ въ подвальной церкви, къ которой сходятъ внизъ по сторонамъ очень красивой шатровой сѣни, высящейся въ верхней церкви. Узорчатая размалевка внутреннихъ и вѣншихъ частей мавзолея строга, выдержана и вполне соответствуетъ характеру сооруженія. Немного нужно было усилій воображенія, чтобы вспомнить то лихолѣтье, когда прозвучалъ голосъ челоуѣка, почивающаго теперь въ этой могилѣ, подъ сѣнью знаменъ ополченій 1812 и 1856 годовъ. Петръ I и многія державныя лица, посѣщавшія соборъ, поклонялись этому праху «Миновича», покоящагося здѣсь «избавителя Россіи». Полусвѣтъ подвального этажа только способствуетъ ясности воспоминанія, и мѣсто это, безусловно, одно изъ святыхъ мѣстъ нашей Россіи.

Н. Новгородъ. Гробница Минина въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ.

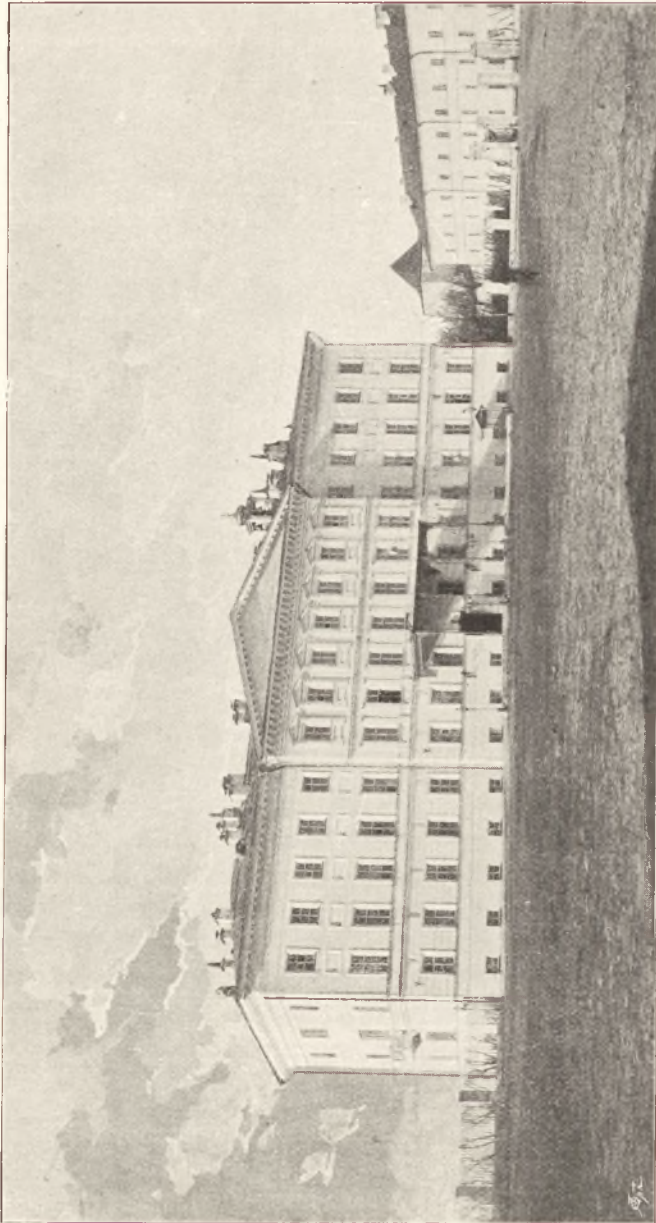
Въ разведенномъ въ 1871 г. скверѣ на берегу горы помѣщенъ памятникъ Минину и Пожарскому, поставленный въ 1826 году; памятникъ представляетъ обелискъ на гранитномъ пьедесталѣ. Этотъ памятникъ поставленъ вза-мѣнъ того, который теперь находится въ Москвѣ, но раньше предназначался для Нижняго-Новгорода.

Н. Новгородъ. Церковь св. Георгія.

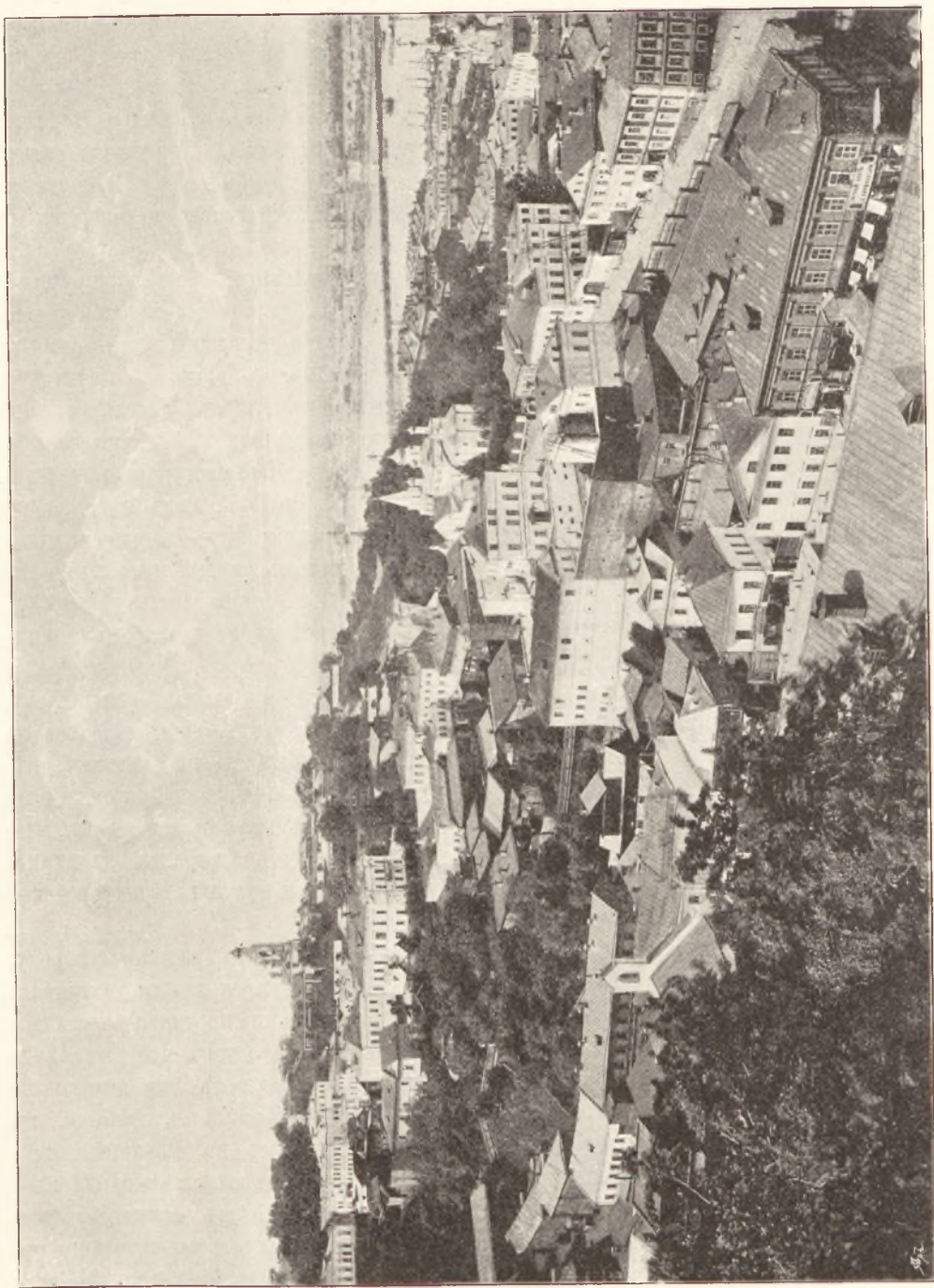
Въ сосѣдствѣ собора, въ кремлѣ, находится нижегородскій графа Аракчеева корпусъ, куда вѣдѣ затѣмъ и направились путники. Корпусъ этотъ былъ помѣщенъ по волѣ императора Николая I въ двадцати восьми верстахъ отъ Новгорода, въ четвертомъ округѣ военныхъ поселеній. На содержаніе корпуса, кромѣ суммъ, ассигнованныхъ изъ Государственнаго Казначейства, поступали: часть процентовъ съ 2¹/₂ милл., пожертвованныхъ дворянствомъ двадцати семи губерній на устройство губернскихъ кадетскихъ корпу-

совъ, и проценты съ 300.000 руб., внесенныхъ графомъ Аракчеевымъ. Это былъ первый изъ губернскихъ корпусовъ. Черезъ мѣсяць по открытіи корпуса графъ Аракчеевъ скончался; чрезъ двѣ недѣли послѣдовалъ указъ, чтобы до-

Н. Новгородъ. Дворецъ въ Кремлѣ.

ходы съ Грузинскаго имѣнія графа шли всегда на воспитаніе юношей этого корпуса. Корпусу переданы библіотека графа и многія изъ его вещей, хранящихся въ корпусѣ и понынѣ.

Н. Новгородъ. Видъ на верхнюю часть города съ Ильинскаго провъзда.

Изъ числа вещей, оставшихся послѣ графа Аракчеева, слѣдуетъ упомянуть объ очень хорошемъ портретѣ его, во весь ростъ, писанномъ масляными красками, и о бронзовомъ бюстѣ; ни въ томъ, ни въ другомъ графъ не польщенъ; бюстъ, по плечи, безо всякаго одѣянія, и на шеѣ виситъ, отлитый съ нимъ заодно, медальонъ, съ изображеніемъ императора Александра I. Много воспоминаній вызывалось взглядомъ на стеклянный бокаль и такую же рюмку, которыми чокнулись въ Тильзитѣ императоры Александръ I и Наполеонъ. Въ Нижній-Новгородъ кадетскій корпусъ графа Аракчеева переведенъ въ 1866 г.

Переѣздъ отъ корпуса къ Новодѣвичьему монастырю, составлявшему слѣдующій пунктъ посѣщенія, былъ довольно далекъ. Крестовоздвиженскій перво-классный общежительный дѣвичій монастырь лежитъ въ густой зелени старыхъ деревь своихъ, за такими же старыми стѣнами. Онъ основанъ въ концѣ прошлаго столѣтія; церквей въ немъ три, и купола ихъ глядятъ вилотную одинъ подлѣ другого въ обильной лѣствѣ. Монахинь и послушницъ 174, на испытаніи находилось 55; должно быть, между ними много было мастерицъ рукодѣлій, потому что работы, разложенныя на одномъ изъ столовъ, свидѣтельствовали объ этомъ несомнѣнно. Средства монастыря достаточны; это—благотворители и вкладчики, родственники которыхъ погребаются или въ самомъ монастырѣ, или на монастырскомъ кладбищѣ. При монастырѣ—училище на десять дѣвочекъ.

Еще болѣе далекъ отсюда былъ обратный переѣздъ къ центру ярмарки—къ выставкѣ, главной причинѣ посѣщенія города. Кустарно-промышленная и сельско-хозяйственная выставка помѣщалась въ особомъ зданіи — павильонѣ, устроенномъ на ярмарочномъ обводномъ каналѣ, на сваяхъ. Она, находясь въ центрѣ ярмарки, нисколько не стѣснила ея и, такъ сказать, не занимаетъ мѣста. Конкурсъ предоставилъ постройку архитекторамъ Лемке и Григорьеву на коммерческомъ правѣ за 21.000 руб. Павильонъ, очень красивый, занималъ площадь въ 400 кв. сажень. Весь расходъ по устройству простирался до 27.000 руб. и покрытъ губернскимъ земствомъ и городскими думами Нижегородской губерніи, а также доходами съ самой выставки.

Кустарное производство въ Россіи вообще настолько привилось народу, такъ развито, даетъ заработки огромной массѣ людей, проявляетъ удивительныя способности нашего простолюдина производить вещи поразительныхъ достоинствъ инструментами самыхъ первобытныхъ свойствъ, такъ что выдвинуть его впередъ, выдвинуть совершенно самостоятельно и оказать ему всевозможную помощь—крайне необходимо. На выставкахъ въ Москвѣ и, кажется, въ Петербургѣ имѣлись отдѣлы кустарнаго производства; здѣсь, въ Нижнемъ, впервые вошло оно даже въ названіе выставки. Должно надѣяться, что оно проявится, наконецъ, и вполне самостоятельно. Починъ сдѣланъ Нижегородскою губерніею. Что если бы испытать всероссійскую выставку исключительно кустарную, безъ примѣси фабричнаго производства? Здѣсь, въ Нижнемъ, въ особенности вызывается надежда на это. То, что дала здѣсь одна губернія,—дала далеко не полно и не въ подобающемъ правдѣ количествѣ, узаконяетъ надежду о возможности будущей выставки, существующей, пока что, только въ мечтѣ.

но способной вызвать безсчетное множество самых благотворных послѣдствій. Наше кустарное дѣло—дѣло народное; оно чрезвычайно велико, и почину Нижняго-Новгорода надобно желать всевозможнаго благополучія.

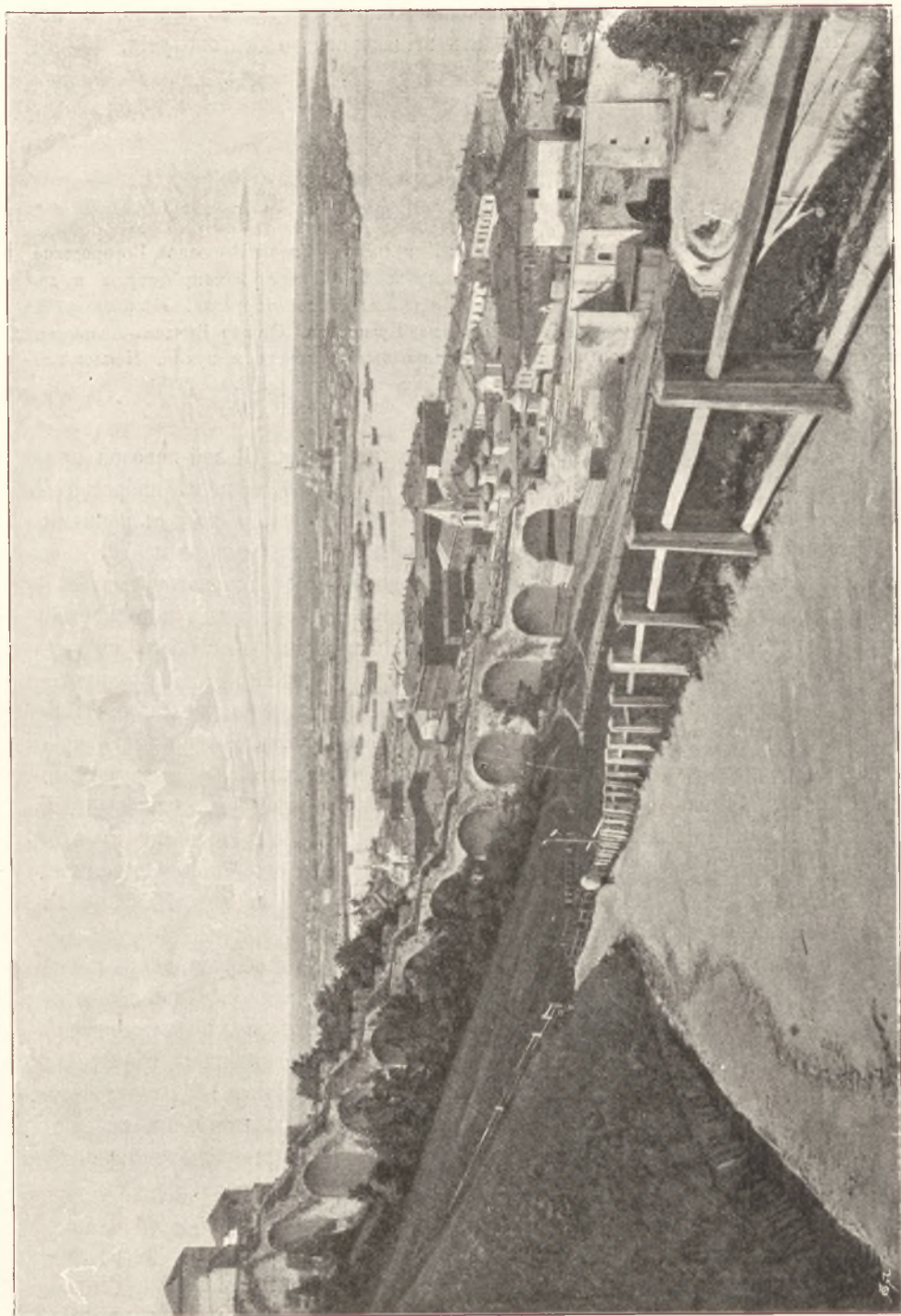
* *
↑

Осмотръ ярмарки. Мануфактурныя производства: Никольское—Саввы Морозова, Богородское Глуховское товарищество Викулы Морозова, товарищество Тверской мануфактуры и др. Чайная торговля Губкина-Кузнецова. Характеръ и нужды чайной торговли. Мѣховое дѣло Сорокоумовскаго и Козлова. Фарфоры и фаянсы Кузнецова. Стекло Нечаева-Мальцева. Склады Караванъ-Сарая. Поѣздка по Самокату. Народныя столовыя и кухни. Ночлежныя дома. Сибирская пристань. Пески, желѣзо и рыба.

Осмотръ Нижегородской ярмарки—задача не легкая. Волей-неволей приходится придерживаться только крупныхъ чертъ, только общихъ набросковъ; 25-го августа закроется ярмарка, спустится флагъ, сведутся концы съ концами, и тогда получатся опредѣленныя цифры. Цифры эти уже намѣчены довольно четко: какой бы ни былъ исходъ ярмарки, но она все-таки центральное, русско-европейско-азиатское всероссійское торжище; отъ него протошаны историческія тропы до Тибета и Амура съ одной стороны, до Америки на западъ съ другой. Что бы ни сказали будущія цифры, сколько бы векселей ни было протестовано, но вѣрно то, что существуютъ уже рынки ситцевого, льняного, фаянсового, чайнаго товара, отвоеванныя нашимъ купечествомъ; есть предметы производства, не исключая кустарнаго, къ которому привѣшиваются иностранныя пломбы иностранцами и продаются намъ же за произведенія чужой земли. Какъ ни мелка стала Волга, какъ бы ни становились могучи пески въ ней, но наша народная торговля и производительная сила еще могущественнѣе, еще упорнѣе. Не такіе дурные годы переживали мы, и не изъ Нижняго ли пошли и Мининъ, и Пожарскій?

Въ два дня посѣщенія ярмарки путники объѣхали и обошли всѣхъ крупнѣйшихъ представителей производствъ и торговли. Начали съ одной изъ старѣйшихъ, почтеннѣйшихъ фирмъ, или, лучше сказать, съ трехъ самостоятельныхъ крупныхъ фирмъ, трехъ братьевъ Морозовыхъ, преемниковъ извѣстнаго Саввы Морозова, основавшаго мануфактурное производство въ 1797 году; этотъ Савва Морозовъ былъ когда-то помощникомъ ткача, съ жалованьемъ по пяти рублей въ годъ; началъ онъ съ того, что поставилъ семь станковъ; теперь ихъ многія тысячи, и десятки тысячъ людей живутъ ими, и глубоко въ Азію шествуетъ нашъ мануфактурный товаръ и одолеваетъ англійскій.

Потомкамъ Саввы Морозова принадлежатъ въ настоящее время три громадныхъ производства: 1) «Никольская мануфактура Саввы Морозова Сынъ», Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, работаетъ и отдѣлываетъ въ годъ свыше милліона кусковъ товара, даетъ занятіе 18.125 рабочимъ и на жало-

Н. Новгородъ. Ивановскій сѣздъ и Ивановскія ворота

ванье имъ расходуетъ 2.035.000 рублей; 35 паровыхъ котловъ въ 1.078 лошадиныхъ силъ двигаютъ механизмы; веретень около 128.000; самоткацкихъ станковъ свыше 1.950; въ вѣчномъ владѣнн товарищества 35.555 десятинъ земли, изъ нихъ 20.000 строевого и дровяного лѣса; кромѣ того имѣется 1.088 десятинъ торфяныхъ залежей; при фабрикахъ двѣ больницы на 210 кроватей, два училища съ 600 учениковъ, имѣются ремесленные курсы, дѣтскіи пріютъ съ колыбельней и богадѣльня; отъ Орѣховской станціи московско-нижегородской желѣзной дороги на фабрику проведена своя вѣтвь; на фабрикѣ два артезианскихъ колодца, дающіе воды въ день свыше 465.000 ведеръ. 2) «Компанія Богородско-Глуховской мануфактуры» въ Москвѣ; фабрика при сельцѣ Глуховѣ имѣеть около 83.000 веретень и 1.700 механическихъ станковъ; рабочихъ около 10.000 человекъ; паровые двигатели въ 700 лошадиныхъ силъ; больница на 300 человекъ, училище съ 800 учащихся, пріютъ, убѣжище для сиротъ; годовой сбытъ около 10 милліоновъ рублей. 3) «Товарищество мануфактуръ Вигула Морозова съ сыновьями» въ мѣстечкѣ Никольскомъ; 40.000 веретень, 1.260 механическихъ станковъ, работаетъ около 5.000 человекъ; годовой оборотъ около 5 милліоновъ рублей, больница на 60 кроватей, школа—на 250 человекъ. Изъ приведеннаго бѣлаго перечня видно, что одни потомки Саввы Морозова даютъ заработокъ свыше чѣмъ 33.000 рабочихъ. Всѣ эти неоглядныя полосы ситца, зефира, тика, демикотона, миткалей, бархатовъ, рипсовъ, пики, со всѣми ихъ безконечными подраздѣленіями, способныя опоясать землю, тянутся отъ названныхъ мануфактуръ далеко въ Сибирь, Персію, Бухару, Хиву, Китай, Мервъ, не забывая ни Россіи, ни Царства Польскаго, ни Финляндіи. Роскошь и достоинство отдѣлки безупречны, рисунки и колера безпрестанно совершенствуются.

Не менѣ внушительны производительныя силы другихъ мануфактуристовъ. Крупнѣе прочихъ является, начавшее свое дѣло въ 1859 году, «Товарищество Тверской мануфактуры»; оно имѣеть около 74.000 прядильныхъ веретень и 2.185 ткацкихъ станковъ, рабочихъ 6.000 человекъ, школу на 1.200 человекъ, больницу на 100 коекъ, колыбельню, пріютъ, родильный пріютъ, богадѣльню; продажа товаровъ достигаетъ суммы 6.000.000 рублей. Изъ числа другихъ видныхъ дѣятелей этой отрасли нашей производительности въ дѣлѣ ситцевъ, бархатовъ, шелковъ, льняного товара посѣщены были: Третьяковъ и Коншинъ, Носовы, Лабзинъ, Осиповъ, Сапожниковъ, два Барановыхъ и др. Безконечными вереницами тянулись куски замѣчательнѣйшихъ матерій всѣхъ видовъ, цвѣтовъ, размѣровъ, достоинствъ, начиная отъ восьми-копеечныхъ ситцевъ до златотканыхъ парчей и матерій на бухарскіе халаты въ тридцать пять рублей аршинъ. И все это вытаскивалось изъ необозримыхъ грудъ, въ которыхъ и разобраться-то трудно. Хотя нѣкоторое специализированіе работъ и существуетъ (напримѣръ, обширныя мануфактуры, работающія только красныя миткали), но въ общемъ многія производства идутъ рука-объ-руку, и, право, трудно сказать: кто и въ чемъ отстаетъ одинъ отъ другого.

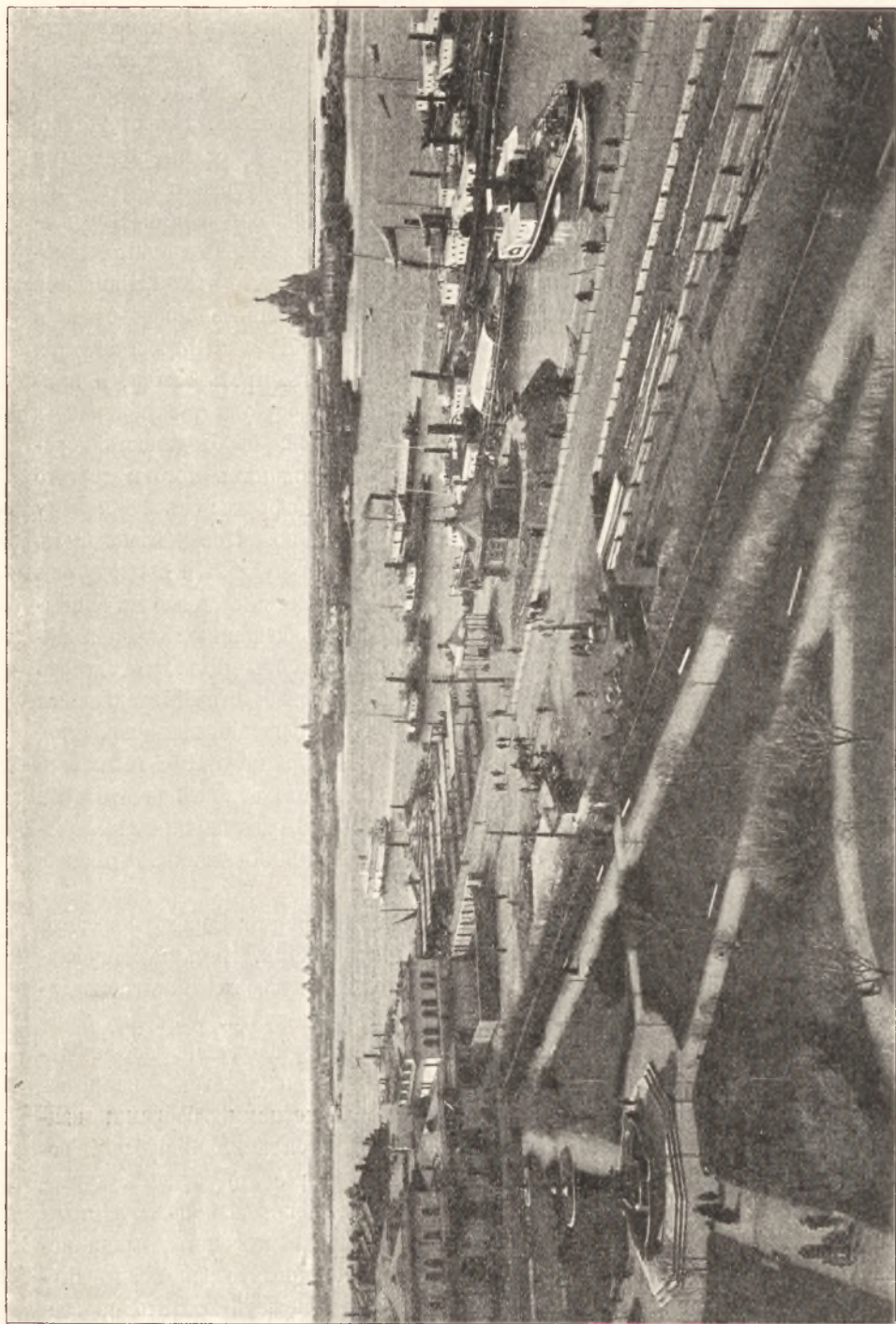
Во главѣ нашей чайной торговли стоитъ домъ А. Губкина; наследникъ его Кузнецовъ. Ящики и цибикъ громоздятся стѣнами, выполняютъ во внутрен-

Нижегородская ярмарка. Главный домъ.

ніе дворы, пмѣють свои неизсякаемыя источники подлѣ Сибирской пристани, гдѣ въ характерныхъ, рогожевыхъ павильончикахъ обрѣтаются приказчики, пробуются и раскупаются различные чаи. Стальной совокъ пробуравливаетъ цибикъ, щепоть чая кладется въ особый небольшой чайничекъ, держится въ кипяткѣ ровно пять минутъ—и стоимость цибика опредѣлена. Нижегородскіе склады находятся въ прямой, непосредственной связи съ русскими торговыми домами Токмакова, Молоткова, Пяткова, Молчанова, Родіонова и К^о, крѣпко сидящими въ самомъ Китаѣ и не боящимися какой-либо конкуренціи. Все чайное дѣло, несмотря на разнообразіе сортовъ чая, дѣлится на два главные, такъ-сказать, органическіе отдѣла: байховые чаи, рассыпные, тѣ, чтѣ распиваются нами, и кирпичные, плиточные чаи, дешевые, потребляемые инородцами и идущіе въ простой народъ—что ни годъ, то больше. На два отдѣла дѣлится оно и по характеру ввоза: чай, идущій сухимъ путемъ, чрезъ Кяхту, и привозимый моремъ черезъ западную границу; тутъ, по вопросу о доставкѣ, чернымъ призракомъ поднимается, по словамъ торговыхъ людей, необходимость пересмотра и установленія большей соразмѣрности въ пошлинахъ того и другого пути. Настоятельность пересмотра изображается въ цифрахъ: въ 1865 году нашъ отпущекъ мануфактурныхъ товаровъ въ Китай по оптовой мѣновой въ Кяхтѣ торговлѣ достигалъ почтенной суммы: 4.775,000 руб.; въ 1884 году онъ понизился до 1.552.000 руб. Горячее пожеланіе кучества состояло въ описываемое время въ томъ, чтобы сдѣлана была разница въ пошлинахъ за чай, покупаемый нами у китайцевъ на деньги и вымѣниваемый отъ нихъ. Не сдѣлать этого значитъ понизитъ все наше мануфактурное производство, находящееся въ тѣснѣйшей связи съ чайнымъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, Правительствомъ уже приняты надлежащія мѣры. На ярмарку 1885 года было привезено кяхтинскаго ханькоускаго чаю 65.000 ящичковъ отъ 123 до 160 руб., кирпичнаго мелкаго 30.000 ящичковъ отъ 77 до 80 рублей и кирпичнаго зеленого 23.000 ящичковъ отъ 65 до 67 рублей. Около 100.000 ящичковъ пришло чрезъ Сибирь, остальные изъ Одессы и Лондона.

Большой интересъ представляло также посѣщеніе фирмъ: Сорокоумовскаго, основанной въ 1793 году, и Козлова, торгующихъ мѣхами. Какъ въ мануфактурныхъ складахъ вытягивались безконечныя аршины кусковъ, такъ громоздились здѣсь различныя мѣха, поочередно закрывая другъ-друга. Къ концу осмотра лежали цѣлыя курганы мѣховъ. Дешевыя шкуры оленей, лосей, бѣлыхъ волковъ, свѣтлыхъ лисицъ, шкуры изъ лапокъ и головокъ накрывались цѣннѣйшими соболями, черными лисицами, песцами, бобрами; связочка очень небольшая, изъ десяти штукъ соболей, стоитъ 2.000 рублей, ротонда изъ совершенно черной лисицы—3.000 руб. И все это гудами, курганами. Цѣлыя мозаики мѣховъ завѣшивали стѣны, покрывали полы и столы помѣщеній; кунцы, норки, горностаи, выхухоли, медвѣди, еноты, ильки пестрѣли въ глазахъ, перебывая другъ дружкѣ дорогу, удовлетворяя всеѣмъ вкусамъ, всеѣмъ требованіямъ. Тепла въ этихъ мѣхахъ можетъ хватить на всевозможныя полярныя зимы. Все сырые пушные товары, идущіе съ Амура и изъ областей Якутской и Забайкальской, доставляются въ Москву, главнымъ

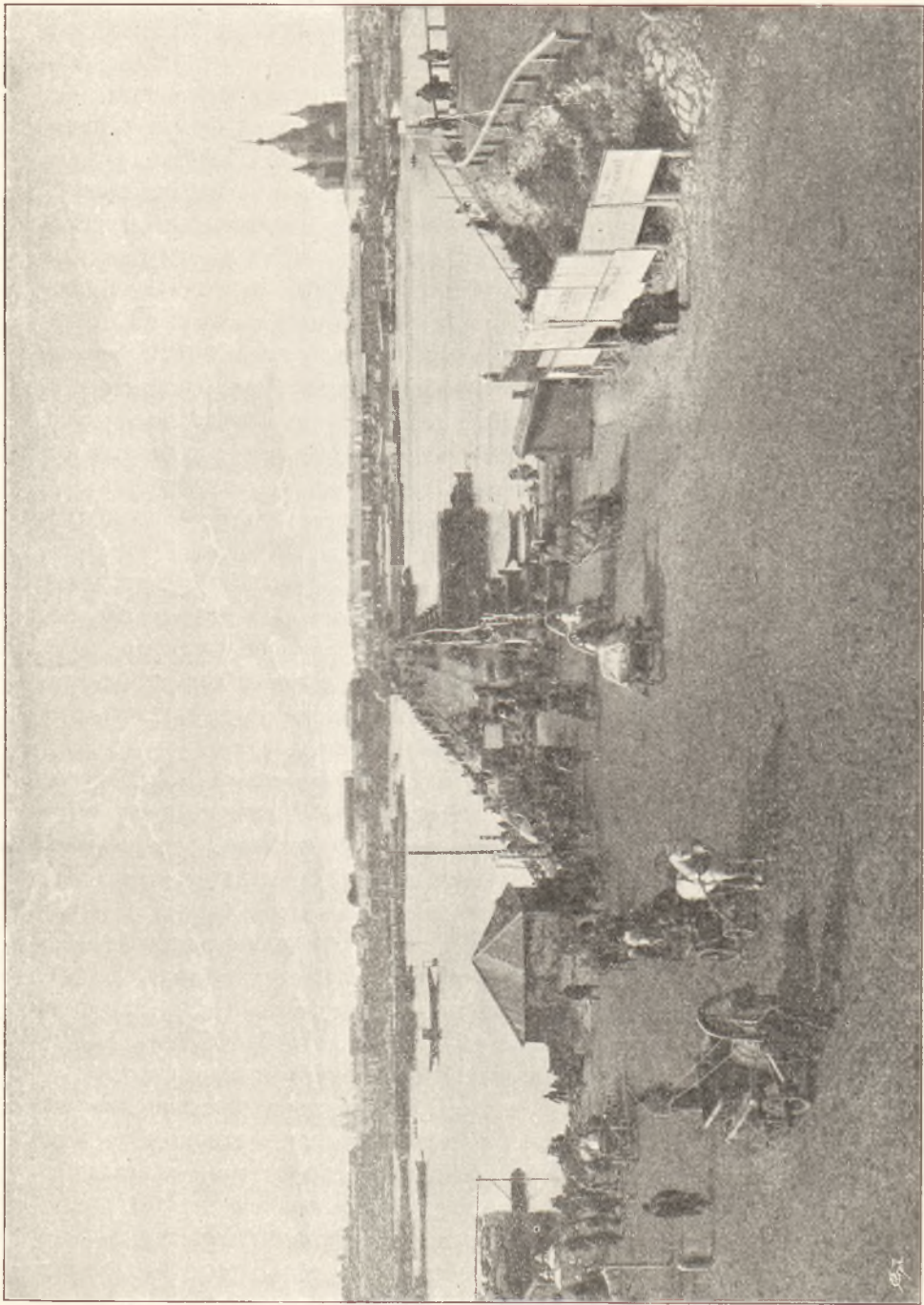
Н. Новгородъ. Софроновскій скверъ на Нижнемъ Базарѣ и видъ р. Оки.

образомъ почтою, и поступаютъ въ московскую таможенную, которая, какъ объясняютъ купцы, не признавая яко-бы этотъ товаръ за русскій, взимала съ него за свой родной продуктъ отъ пятнадцати до тридцати рублей золотомъ съ пуда.

Фарфоры и фаянсы Кузнецова наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что и эта отрасль нашей промышленности дѣлаетъ успѣхи. Всякихъ чашекъ, начиная отъ характерныхъ персидскихъ и бухарскихъ, шествующихъ глубоко въ Азію, здѣсь имѣлось какъ разъ столько, чтобы распивать безсчетные цибики всякихъ часовъ. Фирма Кузнецова существуетъ съ 1832 года и имѣетъ четыре фабрики въ губерніяхъ: Владимірекой, Тверской и Харьковской и въ городѣ Ригѣ. На нихъ 4.000 рабочихъ, при каждой школа на сто человѣкъ и больница на двадцать коекъ; фарфоровую глину добываютъ на собственномъ заводѣ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ. Годовой оборотъ около 3.000.000 рублей; 80% производства идетъ въ Россію, а 20%—въ Персію и Среднюю Азію. Особенно утѣшительно то, что фирма Кузнецова нашла себѣ путь въ Прибалтійскій край, прочно утвердился въ Ригѣ, гдѣ имѣетъ свои центральные склады. Она отвоевала себѣ и дальнѣйшую дорогу, потому что изоляторы телеграфныхъ проводовъ для Голландіи были изготовлены ею и фигурируютъ въ мануфактурныхъ центрахъ самой промышленной страны Европы. Это хорошій признакъ, добрый починъ. Стекло Нечаева-Мальцева—тоже одно изъ громкихъ дѣлъ—не только отѣсниетъ, но уже отѣснило заграничные товары; тяжелые свинцовые хрустали фирмы могутъ выдержать всякое сравненіе. Особенно ходокъ какъ у нея, такъ и у Кузнецова, такъ называемый дешевый товаръ; онъ находитъ сбытъ самый широкій, самый полезный и вполне удовлетворяетъ требованіямъ того огромнаго рынка, который имѣетъ передъ собою.

Для подробнаго обозрѣнія, избраны были, конечно, только самыя характерныя, самыя разнообразныя торговли и производства. Многія изъ нихъ имѣли своихъ представителей на Антверпенской всемірной выставкѣ, привлекавшей десятки тысячъ народа и вызвавшей со стороны европейскихъ цѣнителей тотъ отзывъ, что «мануфактурная часть русскаго отдѣла—самая богатая и разнообразная и составляетъ славу Россіи». Кромѣ перечисленныхъ фирмъ, посѣщены были: складъ зеркалъ Смольяниновыхъ, торговля скучнымъ товаромъ Титова, существующая болѣе ста лѣтъ; Кудринъ, товарищество на паяхъ, служащее обмѣну всякихъ товаровъ съ Центральною Азіей; дома Хлѣбникова, Корниловыхъ, Немирова-Колодкина, занимающіеся ювелирнымъ и серебрянымъ производствомъ; бухарецъ Солейбай-Алемжанъ съ его туркестанскими коврами, «каракулями»—овчинками, шелковыми и полупшелковыми халатами и особымъ, специфическимъ запахомъ помѣщенія; обойдены были нѣкоторые изъ складовъ Караванъ-Сарая, съ тѣмъ же запахомъ, тѣми же товарами, и осмотрѣнъ внутренний дворъ его, съ фонтаномъ для омовеній посрединѣ. Глубоко грязны были нѣкоторые переходы, но жизни, движенія, кликовъ, флаговъ было еще больше.

Путники проѣхали по Самокату. Это, такъ-сказать, подвальный, самый населенный, этажъ чудовищной ярмарки. Самокатъ расположенъ на самой окраинѣ, за татарскою мечетью, за соединительнымъ каналомъ, близъ Мещерскаго озера,

Н. Новгородъ. Общій видъ ярмарочной стороны и мостъ изъ города на ярмарку.

того озера, изъ котораго запрещено брать воду не только для питья, но даже и для прачечныхъ. Тутъ вѣчные балаганы, вѣчные трактиры, тутъ ночной разгулъ и надзоръ полиціи. Прежде—такъ сообщаютъ—мало проходило ночей безъ убійствъ; за послѣдніе годы ихъ нѣтъ вовсе, что должно приписать отчасти уменьшенію разгула и, конечно, умѣлой концентраціи этого разгула. Обѣздъ Самоката былъ очень живописенъ, несмотря на непролазную грязь и то и дѣло возобновлявшійся дождикъ. Русская архитектура любитъ балкончикъ; балкончиками всѣхъ длинъ, высотъ и ширины обведены, обвѣшены деревянныя дома, трактиры и другія заведенія Самоката. Этюды для художника кишмя кишѣли отовсюду; но непролазной грязи, слѣша, быстро пробирались впередъ женщины и мужчины, русскіе, татары, бухарцы, люди пестрые, темные, заплатанные, которыхъ нельзя было отнести къ какой-либо національности. Пестротѣ картины много способствовали рисунки и фигуры, красовавшіеся на лицевыхъ сторонахъ балагановъ, всѣ эти драконы, полулюди, сирены, волшебники.

Путешественники посѣтили народную кухню, чайную и народную столовую, безспорно полезнѣйшія учрежденія. Этихъ заведеній нѣсколько. Въ кухню, заплативъ 3 коп., вы можете готовить свое кушанье; за 8 коп. получаете вы 2 блюда; за 5 коп.—щепотку чая и сахаръ. Здѣсь же кормится масса всякихъ сидѣльцевъ, рабочихъ, крющниковъ, возчиковъ, за которыхъ уплачиваютъ хозяева отъ десяти до двадцати рублей и болѣе, за все время ярмарки. Эти заведенія—маленькіе бараки. Ночлежный домъ на Самокатѣ (другіе существуютъ въ самомъ городѣ) построенъ въ 1881 году, стоилъ 40.000 руб. и можетъ пріютить 528 человекъ ночлежниковъ; это огромное желѣзное полуцилиндрическое зданіе; нары въ немъ тоже желѣзныя, въ два яруса.

На Сибирской пристани была произведена пожарная тревога. Благоустройство этой части болѣе чѣмъ важно, и надо отдать справедливость разумности этого устройства. Существующія пожарныя части съ каланчами и выѣздными бочками, и бочки, стоящія въ разныхъ мѣстахъ, ничто въ сравненіи съ паровыми трубами. Благодаря пожарнымъ пароходамъ, находящимся постоянно подъ парами, и длинѣ пожарныхъ шланговъ, можно въ полномъ смыслѣ слова залить ярмарку въ данномъ мѣстѣ; струи воды изъ двухъ и болѣе шланговъ могутъ быть сведены къ центру ярмарки, на крышу театра. Случаевъ пожара бывало много, но они немедленно прекращались въ зародышѣ. Сибирская пристань служить, между прочимъ, складомъ чаевъ и хлопка.

На паровомъ катерѣ проѣхали путники по Окѣ, на Пески, къ складамъ желѣза и рыбы. Надо было маневрировать съ великою ловкостью, чтобы пройти между всѣхъ этихъ баржъ, барокъ, полубарокъ, косовыхъ и даже древнихъ коноводокъ, чтобы добраться до Песковъ, чтобы не задѣть за причалы и не коснуться громадныхъ неуклюжихъ рулей, скрывающихъ свои широкія боковыя поверхности подъ водой. Всего привезено было въ 1885 году на ярмарку около 8.215,500 пудовъ желѣза. Желѣзные ряды тянутся въ безконечность. Вы шестуете вдоль цѣлыхъ формаций металла, вытянутыхъ изъ нѣдръ Уральскихъ горъ и положенныхъ на мягкую песчаную поверхность. Желѣзо сортовое, ли-

стовое, литье чугунное, чугунъ, сталь томленая, желѣзная проволока, гвоздь, все это чередуется передъ глазами, правильно разложенное и установленное. Имена самыхъ крупныхъ производителей, извѣстныхъ по всей Россіи: Демидовъ, Стенбокъ-Ферморъ, Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, Яковлевъ, Балашевъ, Сергинско-Уфалейцы и др. чередуются съ именами торговыхъ фирмъ Журавлева, Рукавишниковъ, Пастухова и т. д., значащихся на черныхъ дощечкахъ бѣлою прописью. Это трауръ, если хотите, и онъ справедливъ, какъ выраженіе состоянія нашего желѣзнаго рынка. Какъ, почему и чѣмъ помочь — вопросы существенныя.

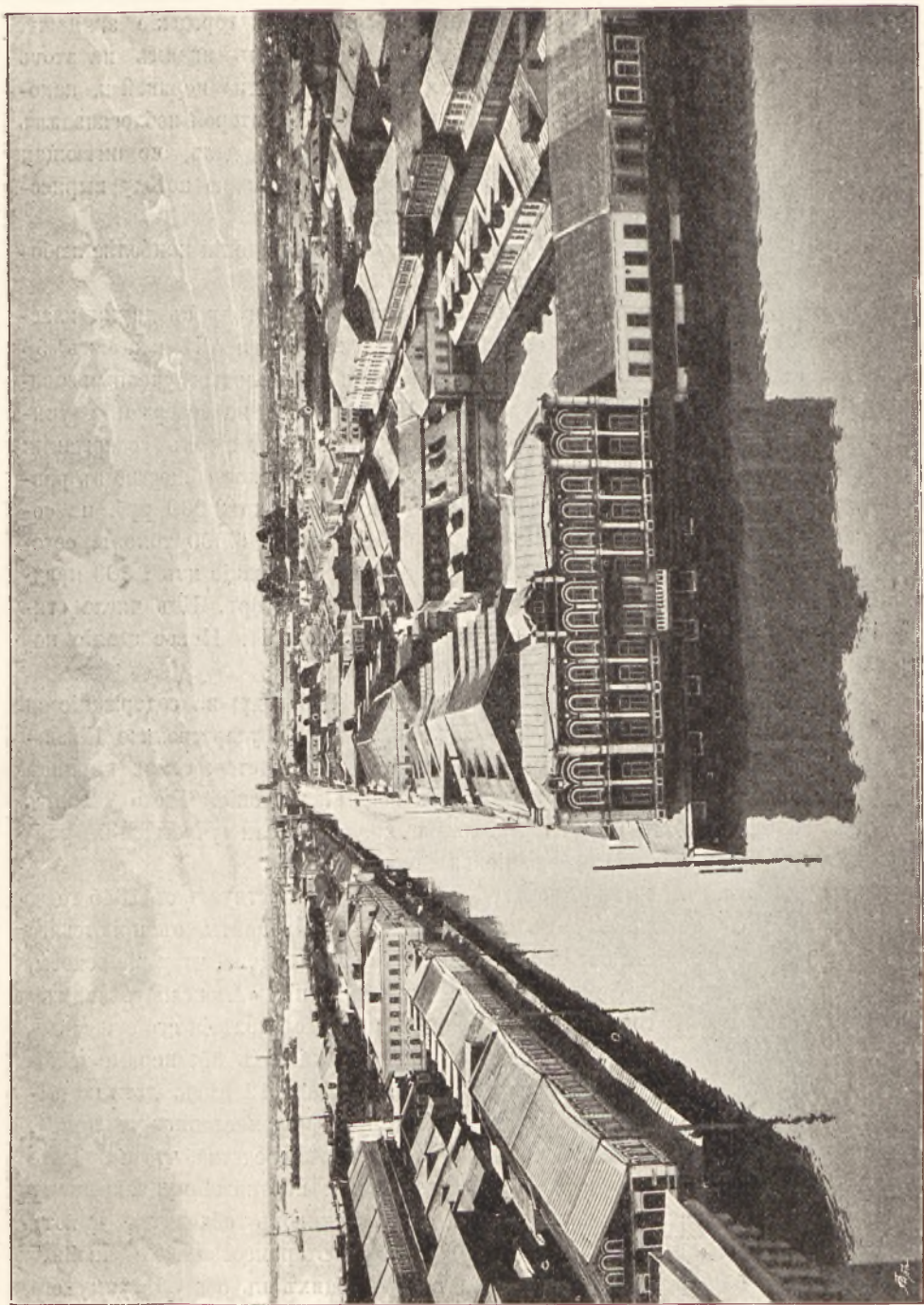
* * *

Лучшіе виды Нижняго. Посѣщеніе различныхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учреждений. Реальное училище. Маріинская женская гимназія. Александровскій дѣтскій пріютъ. Маріинскій институтъ. Маріинское родовспомогательное заведеніе. Второй дѣтскій пріютъ. Дворянскій институтъ императора Александра II. Цифровыя данныя о ярмаркѣ. Вопросъ о торговлѣ съ Китаемъ. Закрытіе ярмарки. Борьба съ обмелвнѣемъ.

Очень характерною чертою жизни Нижняго-Новгорода является обмѣра-ніе самаго города, лежащаго на высотахъ, на все время ярмарки, расположенной глубоко внизу за Окою. Видъ на ярмарку съ высоты удивительный. Лучшими видами надобно признать, безъ сомнѣнія, два: видъ изъ двухъ угловыхъ оконъ третьяго этажа губернаторскаго дома и видъ изъ сада, окружающаго домъ, принадлежавшій когда-то бывшему генераль-губернатору Огареву, расположеннаго на самомъ краю Нижняго, вверхъ по Окѣ.

Красиваго вида сдѣлать нельзя: онъ родится съ тою или другою мѣстностью и присущъ ей, какъ ея геологическій характеръ. Наслажденіе видомъ, какъ чувство вполне самостоятельное, насколько подсказываетъ исторія, родилось въ челоуѣчествѣ сравнительно довольно поздно; оно сказалось ясно только съ того времени, когда, въ началѣ Возрожденія, въ Италиі, пѣвецъ Лауры, мечтательный Петрарка, сталъ восходить съ этою цѣлью на горы. Въ исторіи искусства пейзажная живопись, имѣющая тотъ же источникъ, родилась гораздо позднѣе прочихъ, за Возрожденіемъ.

Тѣ два вида, о которыхъ упомянуто, относятся, безспорно, къ самымъ блестящимъ, самымъ роскошнымъ въ Россіи. Предпочтеніе слѣдуетъ отдать виду изъ губернаторскаго дома; хотя оба они очень похожи одинъ на другой, но послѣдній имѣетъ то преимущество, что въ немъ участвуютъ два элемента, отсутствующіе въ Огаревскомъ: башни и стѣны кремля, находящіяся на первомъ плащѣ, и близость Волги съ пристанями пароходныхъ обществъ и безконечностью панорамы низовой стороны ея. Общее обоимъ видамъ: ярмарка, раздѣленная на прямоугольники съ нумерованными линиями, занимающая почти прямой уголъ слиянія Волги и Оки; безконечное побережье Сибирской пристани,

Н. Новгородъ, Видъ со стрѣлки на ярмарку во время весенняго разлива.

тянущейся вдоль Волги и Песковъ, расположенныхъ по Окѣ, нагруженныхъ товарами, тюками всѣхъ сортовъ и величинъ, бочками, разсыпанными безъ числа, между которыми снуютъ тысячи людей, ломовики и городскіе экипажи, кажущіеся съ высоты такими маленькими; общее обонмъ видамъ на этотъ людской муравейникъ—вереницы судовъ, маковки множества церквей и, наконецъ, эта необозримая даль лѣсовъ, луговъ и полей, по которой поблескиваютъ мѣстами гдѣ Волга, гдѣ Ока, а гдѣ и небольшое озеро, даль, не имѣющая границы, на тающихъ голубыхъ тѣняхъ которой въ хорошую погоду вырисовывается отстоящая отсюда за тридцать верстъ Балахна.

Изъ мѣстныхъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній наиболѣе любопытны слѣдующія.

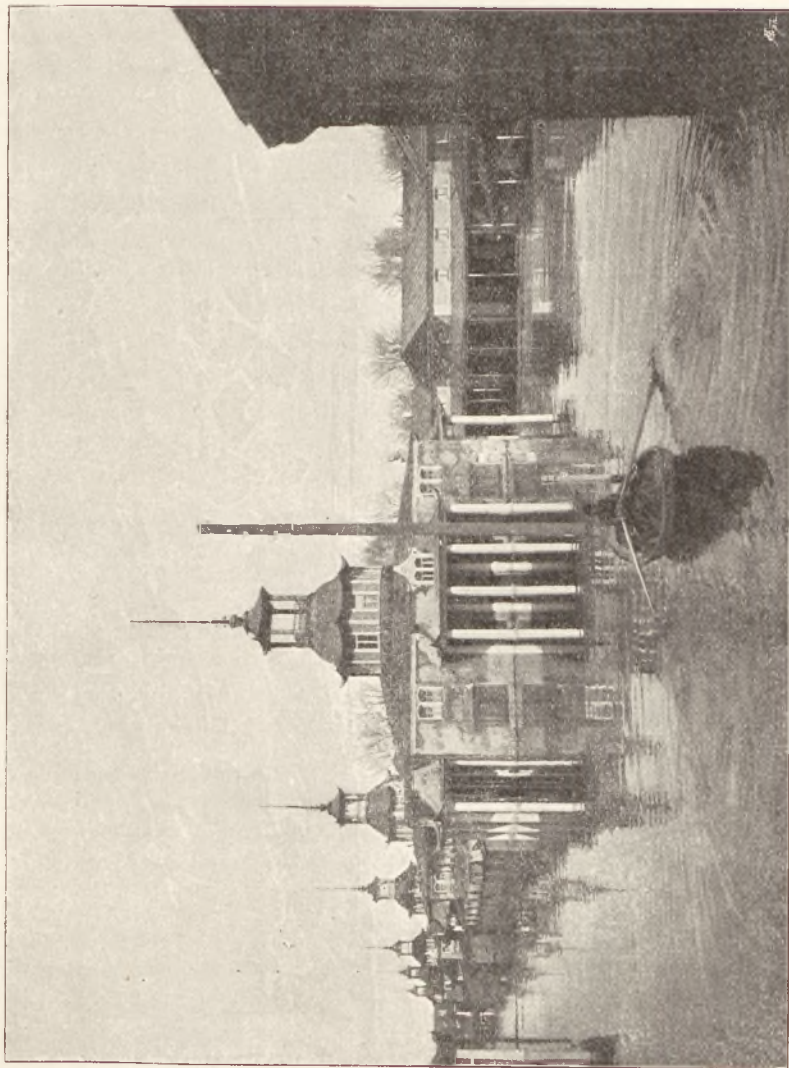
Нижегородское реальное училище—открыто въ 1877 году съ двумя классами, теперь ихъ семь; всего окончило курсъ въ VI и VII классахъ 56 учениковъ, изъ которыхъ 24 поступили въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Къ 20-му августа въ немъ состоялось 182 ученика; на содержаніе училища въ 1884 году издержано 25.300 рублей; участвуютъ въ содержаніи: Государственное Казначейство, губернское земство и городское общество въ равной части, и кромѣ того городское общество отпускаетъ по 2.000 руб. на содержаніе училищнаго дома. При училищѣ библіотека съ 6.000 томовъ, естественно-историческій кабинетъ и химическій классъ, состоящіе изъ 1.500 предметовъ и приборовъ; въ физическомъ кабинетѣ 381 приборъ. Изъ числа стипендій десять—имени Александра I и двѣ—Александра II. Новое зданіе построено роскошно, просторно, удобно.

Маринская женская гимназія открыта въ 1859 году; на содержаніе ея расходуются около 22.000 руб.; участвуютъ въ этомъ: Государственное Казначейство, губернское и уѣздное земства и городское общество; самая крупная часть сборовъ, 8.500 руб., составляется изъ платы за ученіе. Число ученицъ 412. Въ попечительномъ совѣтѣ находятся представители учреждений, участвующихъ во взносахъ на содержаніе гимназіи.

Нижегородскій Александровскій дѣтскій пріютъ существуетъ съ 1845 года, помѣщается въ собственномъ домѣ и содержится на проценты съ пріютскаго капитала 100.000 руб., доходы съ Главнаго Ярмарочнаго Дома, членскіе взносы, взносы городской управы и единовременныя пожертвованія. «Александровскимъ» называется онъ съ 1885 года, со дня исполнившагося сорокалѣтія его существованія. Мальчиковъ, живущихъ въ пріютѣ, 40; приходящихъ 35; первые обходятся пріюту по 90 руб., вторые по 30. По достиженіи 12 лѣтъ, дѣти по выдержаніи экзамена, переводятся въ состоящее при пріютѣ «ремесленное училище», существующее съ 1878 года. Оно содержится на тѣ же средства, что и пріютъ; въ немъ 30 мальчиковъ, обучающихся мастерствамъ: портняжному, сапожному и переплетному; содержаніе каждаго изъ воспитанниковъ обходится пріюту до 100 руб.; курсъ пятилѣтній; годовой заработокъ въ ремесленномъ училищѣ по всѣмъ тремъ мастерскимъ—4.200 руб., поступающихъ въ общую сумму его расходовъ.

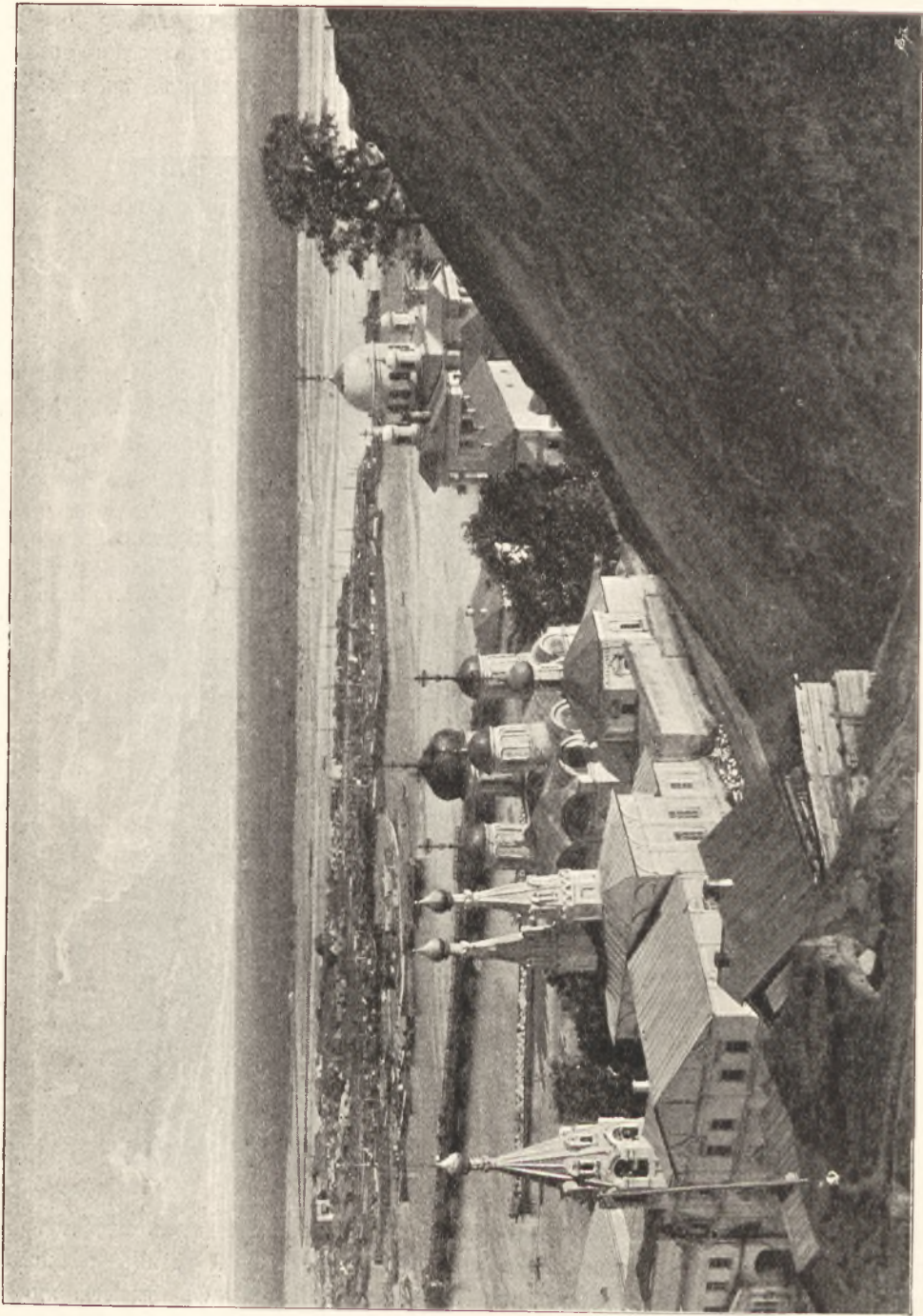
Нижегородскій Маринскій институтъ благородныхъ дѣвицъ основанъ дво-

рянствомъ въ 1852 году, въ ознаменованіе дня бракосочетанія императора Александра II. Въ 1858 году помѣщенъ институтъ въ то зданіе, въ которомъ находится и которое построено опять-таки на средства нижегородскаго дворянства. Въ 1875 году онъ преобразованъ изъ закрытаго трехкласснаго въ семиклассный, съ допущеніемъ полуансіонерокъ и приходящихъ. Въ немъ

Н. Новгородъ. Китайскіе ряды на ярмаркѣ во время наводненія.

260 дѣвиць. Проценты съ капиталовъ и сборы съ учащихся даютъ институту до 53.000 руб. въ годъ; недостающія на содержаніе его 6—9 тысячъ рублей приплачиваетъ управленіе учрежденій Императрицы Маріи. Съ открытія института окончили курсъ 304 дѣвицы, изъ нихъ съ шифрами 26. Моложе десятилѣтнихъ въ институтѣ нѣтъ.

Н. Новгородъ. Благовѣщенскій монастырь.

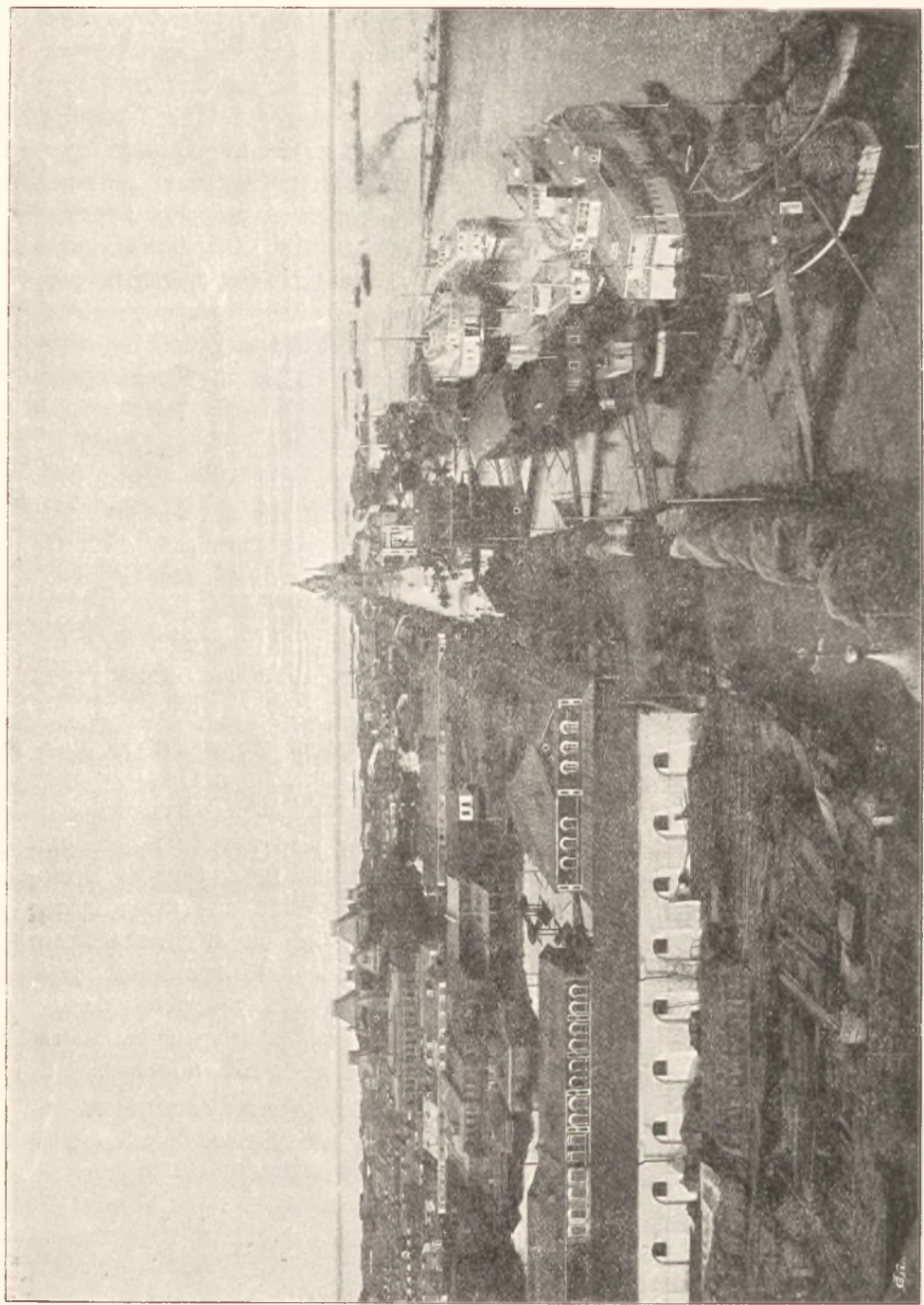
Посѣщенное вслѣдъ затѣмъ Маріинское родовспомогательное заведеніе съ сиропитательнымъ отдѣленіемъ открыто въ 1869 году въ память посѣщенія послѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и цесаревной Маріей Ѳеодоровной. Зданіе, въ которомъ оно помѣщается, сооружено городомъ и освящено въ 1882 году. Сиропитательное заведеніе открыто въ 1878 году. Въ 1884 году въ заведеніяхъ было: въ родовспомогательномъ 181 роженница, въ сиропитательномъ 31 питомецъ. Содержится заведеніе на городскія средства; кроватей въ заведеніи 25, изъ нихъ только три для платящихъ. Пріютъ назначенъ для родившихся и осиротѣвшихъ въ родовспомогательномъ заведеніи младенцевъ; въ немъ содержатъ ихъ до десятилѣтняго возраста, а затѣмъ опредѣляютъ въ учебныя заведенія. Стоимость содержанія заведенія и пріюта около 8.000 рублей въ годъ. Тутъ же находится Александровская бесплатная лѣчебница для приходящихъ, учрежденная въ память 25-лѣтія царствованія императора Александра II. Число больныхъ ежедневно отъ 30 до 50; лѣкарства бесплатны.

Нижегородскій второй дѣтскій пріютъ, съ Высочайшаго соизволенія, называется «Маріинскимъ»,—именемъ посѣтившей его въ 1885 году Великой Княгини Маріи Павловны. Онъ существуетъ съ 1852 года, помѣщенъ въ зданіяхъ, ему принадлежащихъ, и содержится на проценты съ пріютскаго капитала 100.000 руб., доходы съ Главнаго Ярмарочнаго Дома, членскіе взносы, средства, отпускаемая городскою управой, и единовременныя пожертвованія. Дѣвочекъ въ пріютѣ 155; приходящія платятъ по 30 руб., живущія въ немъ, 105 дѣвочекъ,—по 90 руб. При пріютѣ существуетъ мастерская для обученія рукодѣліямъ.

Послѣднимъ былъ посѣщенъ Нижегородскій дворянскій институтъ императора Александра II, основанный въ 1884 году, въ память пріѣзда въ 1837 году въ Нижній наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, впоследствии императора Александра II. Институтъ имѣетъ широкою цѣлью доставить воспитывающемуся въ немъ юношеству всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія, кромѣ не-христіанъ, общее образованіе и служить приготовительнымъ заведеніемъ для поступленія въ университеты и другія высшія заведенія. Институтъ этотъ классическій, восьмиклассный, при немъ существуетъ пансіонъ. Онъ содержится на счетъ суммъ нижегородскаго дворянскаго банка, до 43.000 руб. ежегодно, изъ процентовъ съ небольшихъ капиталовъ и платы съ пансіонеровъ. Воспитанниковъ въ немъ 250 человекъ.

Ярмарка 1885 года принадлежитъ къ числу посредственныхъ. Вотъ нѣкоторыя любопытныя цифры, ея касающіяся. Съ начала навигаціи по 21-е августа грузилось и отпавилось:

Пароходовъ	1.037
Баржъ	438
Прочихъ судовъ	935
	2.410

Н. Новгородъ. Видъ ярмарки и р. Оки съ Александро-Невской улицы.

Пришло и разгрузилось:

Пароходовъ	807
Баржъ	783
Прочихъ судовъ	1.695
	2.285

Объявленная стоимость товаров достигала 30.953.000 руб.; въ 1884 году—30.729.000 руб.; такъ замѣчательно близки обѣ приведенныя цифры!

Полицейскихъ чиновъ на ярмаркѣ было 394; изъ нихъ петербургскихъ и московскихъ по 73 человѣка. Тутъ же находился батальонъ новоингерманландскаго полка и сотня казаковъ. Этими силами поддерживался вполне удовлетворительный порядокъ.

Въ Нижнемъ особенно рѣзко бросается въ глаза великая, можно сказать всероссійская, нужда, огромныя отмели Волги, лежащія тяжелыми, хотя и розовыми пластами по всей ширинѣ и длинѣ рѣки. Кому случалось видѣть нашу великую рѣку прежде, тотъ не могъ не сознаться, что такого обмелѣнія, такой «тигристости» не бывало никогда. Вода 21-го августа 1884 года была на три вершка ниже уровня 21-го августа 1882 года, а этого совѣсьмъ достаточно, чтобы характеризовать положеніе дѣла. Пески продвинулись на такихъ мѣстахъ, по которымъ пскони вѣковъ бѣжала вода, и съ вышины кремля видѣлись они всюду, во всю безконечную даль. Капитальныхъ работъ для улучшенія Волги не производится; для расчистки фарватера имѣются только временно полезныя приспособленія: подвижныя плотины Янковскаго, землечерпательныя машины, Базеновскіе аппараты и грабли Быкова. Необходимо регулировать матушку Волгу, прекратить возможность размыванія береговъ и ихъ обвалы устройствомъ въ необходимыхъ мѣстахъ дамбъ. Очень сочувственно отнеслось наше купечество къ мѣрѣ, разрѣшенной министерствомъ путей сообщенія, чтобы дамбы строились изъ старыхъ, затопленныхъ судовъ; эта временная мѣра не пропадетъ безслѣдно и въ томъ случаѣ, если рѣшено будетъ перейти къ системѣ капитальныхъ улучшеній. До того слѣдуетъ во всякомъ случаѣ—и надо прибавить, что этому вполне сочувствуетъ крупное купечество—сдѣлать надзоръ за плаваніемъ болѣе внушительнымъ. Неправильно веденное, остановившееся поперекъ фарватера, судно тотчасъ же обусловливаетъ заносъ; обычный порядокъ обращенія къ мировому судѣ, когда навигация кипитъ и по рѣкѣ двигаются миліоны, едва ли удовлетворителенъ; цѣлесообразнѣе было бы административное наложеніе штрафовъ. Стоитъ взять въ руки списокъ перекатовъ Волги, составленный въ вѣдомствѣ путей сообщенія, чтобы ужаснуться ихъ количеству; чудесными розовыми иллюстраціями къ нему являются тѣ пески, которые проступили массами въ описываемомъ году и могутъ проступить еще въ большемъ количествѣ въ будущемъ.

Другая существенная нужда, представляющаяся именно здѣсь,—это жгучій вопросъ о китайскихъ и среднеазиатскихъ рынкахъ. Фабрики у насъ есть; онѣ работаютъ удивительно, онѣ огромны; имъ необходимо не только обезпеченіе, но и регулированіе сбыта. При этомъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ упу-

скать изъ виду той глубокой связи, которая существуетъ между всѣми отраслями торговли. Напримѣръ, связь между чайною и мануфактурною торговлей въ Кяхтѣ такъ сильна, что какое-либо распоряженіе, касающееся одной изъ нихъ, неминуемо касается другой, не говоря уже о мѣстномъ населеніи, живущемъ на длинныхъ путяхъ этой торговли. Возчики до Кяхты зарабатываютъ ежегодно до двухъ милліоновъ рублей; они везутъ въ Россію чай, изъ Россіи—мануфактурные товары. Путь отъ Кяхты на Иркутскъ, Томскъ, Тюмень, Екатеринбургъ, Пермь считаетъ въ числѣ заинтересованныхъ не только возчиковъ, но также многія пароходныя и желѣзнодорожныя общества, и все то, что съ ними такъ или иначе связано.

До сихъ поръ, насколько помнится, устройство каравановъ принимали на себя исключительно торговые люди; тутъ, конечно, не могло быть единства, и правительственное воспособленіе сказывалось только въ общихъ чертахъ. Регулированіе этого важнаго дѣла, упорядоченіе кровообращенія между рынкомъ и производителемъ со всего азіатскаго Востока на весь русскій Западъ—потому что относительно Азіи Россія—западъ—подлежало бы давно не только обсужденію, но и приведенію въ исполненіе. Въ настоящее время, какъ извѣстно, вопросъ этотъ нашель себѣ разрѣшеніе въ великой сибирской желѣзной дорогѣ.

Послѣдній день пребыванія путниковъ въ Нижнемъ, 25-го августа, совпалъ съ днемъ закрытія ярмарки. Погода хмурилась, но не разражалась дождемъ, и десятки тысячъ людей съ непокрытыми головами, осѣнявшіеся крестнымъ знаменіемъ, въ великомъ порядкѣ и съ подобавшимъ благочестіемъ, стояли шпалерами или шли за длинною вереницею образовъ и хоругвей, собранныхъ отъ многихъ церквей нижегородскихъ. Когда спущенъ былъ флагъ, ровно въ полдень, путники покинули Нижній, направляясь къ городу Владиміру.

Владиміръ.

Историческое о городѣ и храмахъ. Посѣщеніе собора. Хозяйничанье съ древностью въ прошломъ вѣкѣ. Фрески. Реставрація послѣднихъ лѣтъ. Неожиданныя открытія. Могильныя ниши. «Комары». Усыпальницы великихъ князей и святителей. Огненная жертва 1237 года. Великая княгиня Агаѳія и ея семья. Епископъ Митрофанъ. Келарь священникъ Патрікій. Торжество 3-го ноября 1884 года. Легенды. Общее впечатлѣніе.

Вѣльнѣе, чѣмъ гдѣ въ Россіи, кромѣ одного только Кіева, путешествующій окружается цѣлымъ міромъ внушительнѣйшихъ воспоминаній, не только преданіями и легендами, а правдой бытописанія, именно во Владимірѣ. Относительно него даже Москва—и та юница. Семьсотъ двадцать семь лѣтъ тому назадъ, въ 1158 году, повѣствуетъ лѣтописецъ, св. благовѣрный князь Андрей Боголюбскій, сынъ Юрія Долгорукаго, поставилъ соборный храмъ Успенія. Такъ высится онъ и понынѣ, съ тою только разницей, что, 27 лѣтъ спустя послѣ его построенія, вслѣдствіе пожара, Всеволодъ Георгіевичъ, тогда уже не князь, а великій князь, распространилъ храмъ, раздвинулъ его стѣны, устроивъ въ прежнихъ арки для выхода въ пристройки, такъ что Андреево построеніе находится, такъ сказать, въ одѣяніи построенія Всеволодова; онъ же прибавилъ къ одному луковичеобразному золоченому куполу еще четыре незолоченные, и такъ и красуются они понынѣ въ своей исторической пестротѣ. Много ли во всей Европѣ однолѣтковъ Владимірскаго собора, много ли сохранившихся цѣлостно настолько, какъ онъ? Кромѣ того, тутъ почиваютъ цѣлые ряды мучениковъ великокняжескихъ и духовныхъ; затѣмъ, здѣсь совершилась великая драма гибели великой княгини Агаѳіи, одна изъ богатѣйшихъ картинъ нашей исторіи, никогда и нигдѣ, если не ошибаемся, не воспроизведенная нашими художниками.

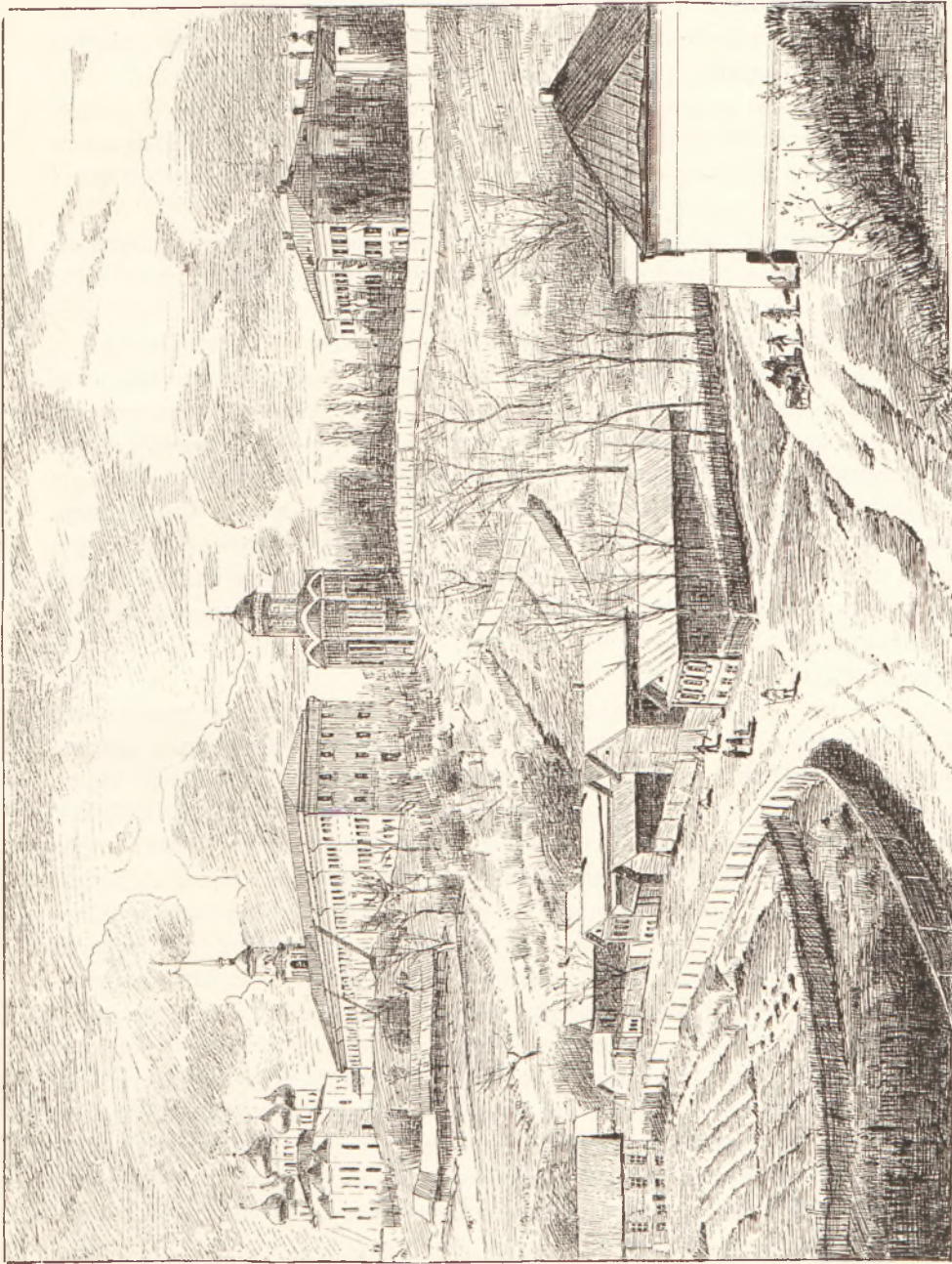
26-го августа, въ памятный день Бородинской кровавой битвы, утромъ, поѣздъ остановился у Владимірскаго вокзала, отъ котораго видъ на высокій кремль, на его стѣны и церкви очень красивъ. Погода была не особенно хороша; въ городъ, по довольно крутому подъему, путники проѣхали прямо въ соборъ, и, приложившись ко кресту, направились поклониться мощамъ великихъ князей Андрея, Георгія и Глѣба, почивающихъ въ богатыхъ ракахъ.

Массивныя крыши ихъ были подняты, и очертанія почивающихъ святыхъ видѣлись совершенно ясно. Преосвященный приподнялъ лежащую на груди Глѣба Андреевича руку. Когда, много лѣтъ назадъ, императоръ Павелъ посѣтилъ соборъ, съ великими князьями Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ, то приподнималъ эту руку и, подозвавъ великихъ князей, сказалъ имъ: «Поглядите, руки князя какъ живаго». При посѣщеніи собора императоромъ Николаемъ было сдѣлано то же самое. Вслѣдъ за поклоненіемъ мощамъ послѣдовалъ продолжительный, внимательный, полный высокаго интереса обходъ собора.

Впечатлѣніе, производимое соборомъ, удивительно цѣльно и величественно. Цѣльность была бы полною, если бы не высокій, чуть ли не шести-ярусный рѣзной, золоченый иконостасъ въ итальянскомъ вкусѣ, съ италіанизированными образами. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, послѣ посѣщенія собора Екатериною II, и на средства, ею данныя, два епископа, Павелъ и Иеронимъ, отступили отъ прямого смысла рескрипта императрицы, «рекомендовавшей» древность сего зданія сохранить и поддержать наилучшимъ образомъ. Все, что было сдѣлано ими, сдѣлано въ стилѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ нашимъ, русскимъ; таковъ именно иконостасъ. Но было нѣчто и хуже этого: многіе оклады и вѣнцы съ древнихъ образовъ и многіе предметы ризницы пошли на сплавъ, и получено 5¹/₂ пудовъ серебра, изъ котораго сдѣланы лампы и потиръ. Какова должна была быть художественно-историческая цѣнность погибшихъ вещей! Того же глубоко-прискорбнаго пріема, практикуемаго, къ позору нашему, и теперь во многихъ мѣстахъ Россіи, придержались и въ 1810 году, когда снесли поврежденную молніей въ 1806 году древнюю колокольню и построили новую, имѣющую претензію на готическіе мотивы. Все это звучитъ глубокою фальшью, и если бы не значеніе и объемистость всей дѣйствительной древности собора, въ которой эти художественныя неурядицы какъ бы тонуть, то мы утратили бы безвозвратно одинъ изъ роскошнѣйшихъ памятниковъ до-московской Россіи.

Всѣ пять куполовъ и многія окна въ стѣнахъ обильно заливаютъ соборъ свѣтомъ. Древняя живопись тоже очень свѣтла по своему тону. Если вспомнить малое количество свѣта, отличающее московскіе и кievскіе соборы, темноту ихъ ликовъ и мракъ, залегающій по вершинамъ сводовъ, то не трудно придти къ заключенію, что наша древнѣйшая до-московская архитектура и живопись были гораздо ближе къ своему византійскому источнику—къ обилію свѣта и простора.

Соборъ весь сіяетъ древними ликами и не только одиночными, но изображеніями цѣлыхъ сценъ Священнаго Писанія. Еще въ 1859 году академикъ Солнцевъ нашелъ подъ известью и штукатуркой остатки фресковыхъ изображеній XII вѣка. Когда, въ 1882 году, преосвященный Теоностъ задумалъ его обновленіе и воссозданіе, приступлено было къ подробнымъ розыскамъ древней живописи. Находки на стѣнахъ храма, подъ штукатуркой за иконостасомъ, были поразительны, какъ по количеству, такъ и по свѣжести того, что сохранилось, и вызванные сюда члены московскаго археологическаго общества не замедлили

Владиміръ. Видъ на Успенскій и Дмитріевскій соборы.

признать въ нихъ стѣнопись XII вѣка, время великаго князя Андрея Боголюбскаго, живопись чистѣйшаго византийскаго пошиба. Лѣтопись сообщаетъ, что соборъ былъ расписанъ въ 1161 году; въ 1408 году великій князь Василій Дмитріевичъ повелѣлъ дополнить это расписание русскимъ художникамъ Иконину и Рублеву, и этимъ внесенъ въ соборъ второй существенный вкладъ другихъ людей, другого древняго времени. Начавшаяся съ 1882 года реставрація производилась подъ наблюдениемъ особой комиссіи, подъ предѣдательствомъ такого авторитетнаго лица, какъ Забѣлинъ; возстановленіе самой живописи поручено было иконописцу села Палеха, Вязниковскаго уѣзда, Сафонову.

Пока шли эти работы, случай открывалъ одинъ за другимъ памятники еще болѣе высокаго значенія, свѣянныя временемъ и засоренныя мусоромъ, а именно цѣлый рядъ гробницъ великокняжескихъ, княжескихъ и высшихъ дѣятелей духовенства. Въ настоящее время, если вы стоите посрединѣ собора, то находитесь въ цѣломъ кольцѣ могилъ, каменныхъ гробовъ, взирающихъ на васъ изъ-подъ своихъ надписей; большинство этихъ гробовъ расположено въ небольшихъ нишахъ — «комарахъ», устроенныхъ, вѣроятно, великимъ княземъ Всеволодомъ при расширеніи храма, указавшимъ, гдѣ, какъ и кого погребать и перенесшимъ многихъ изъ почившихъ сюда въ новыя ихъ усыпальницы. Если, какъ сказано, свѣтла была древняя русская живопись, свѣтлы были и соборы, то подъ стать имъ и впечатлѣніе этихъ простыхъ каменныхъ бѣлыхъ гробницъ; мысль о смерти, хотя вы въ полномъ смыслѣ слова окружены смертью, отъ васъ чрезвычайно далека, и вы сознаете, что почившіе не умерли, а только переселились.

Печалень былъ видъ этихъ могилъ до ихъ возстановленія; многія были совсѣмъ задѣланы, другія разбились; въ отверстія навалился мусоръ и щебень, и пришлось выбирать ихъ оттуда, освобождая кости усопшихъ; на нѣкоторыхъ изъ княжескихъ мощей, увидѣвшихъ вторично на краткій срокъ свѣтъ Божій, при перемѣнѣ на гробницахъ ихъ камней, видны были одежды, ткани, обувь, нѣкоторые полупотлѣвшіе предметы, даже пучечекъ красной вербы съ сохранившимися бѣленькими росточками. Освобождены были и гробницы святителей, и при совершеніи заупокойныхъ литій бранные останки ихъ одѣты новыми пеленами. Прототиномъ для возстановленія всѣхъ «комаровъ» послужила гробница епископа Луки, сохранившаяся вполне, такъ какъ она была заложена наглухо въ очень давнее время: это—бѣлокаменный гробъ о двухъ скатахъ крыши подъ невысокою полукруглою арочкой въ стѣнѣ; такіе гробы глядятъ на васъ отовсюду, словно бѣлыя очи изъ-подъ полукруглой арки и надписи, означающейся темною бровью. Мрачности въ этомъ царствѣ смерти нѣтъ никакой. Да и откуда взяться ей, этой мрачности, когда передъ вами всплываютъ одни за другими такія внушительныя, полныя блеска воспоминанія, какъ огненная жертва великокняжеской семьи 1237 года? Вотъ она.

Татары исполосовали Россію. Многострадальнѣе всѣхъ былъ именно Владиміръ, потому что въ тѣ дни это былъ городъ великокняжескій, первопрестольный городъ, почти первый по пути татаръ, городъ устроенный, богатый,

съ храмами, полными сокровищъ, «яко тогда знаменитѣйшій и столичный великихъ князей градъ», гдѣ восходили они на княженіе (преимущество, перенесенное впоследствии въ Москву). Соборъ былъ такъ богатъ, что ланикадиламъ и сосудамъ золотымъ и серебрянымъ не было числа; безъ числа были и порты, питія золотомъ и жемчугомъ; по словамъ лѣтописи, «яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви, отъ Золотыхъ Воротъ до владычныхъ сѣннй, въ двѣ же верви чудныхъ».

Поручивъ защиту Владиміра двумъ сыновьямъ своимъ и покинувъ семью, благовѣрный князь Георгій съ племянниками сталъ станомъ на берегахъ рѣки Сити, собирая войско противъ татаръ. Батый тѣмъ временемъ взялъ Владиміръ и пожегъ, и порубилъ его. Нетронутымъ оставался только соборъ. Тяжелыя двери его были заперты, и долго должны были ломиться въ нихъ татары. Весь помостъ собора былъ полонъ людьми, запершимися въ немъ, передъ образомъ Владимірской Божіей Матери, тогда еще не перенесеннымъ въ Москву (святая икона эта была писана евангелистомъ Лукой и перенесена въ Москву только въ 1395 году; на мѣстѣ ея имѣется теперь точная, старинная копія). Видѣлись тутъ, на помостѣ, бояре и боярыни, народъ, старцы и дѣти, и много ихъ было, и все молились подъ страшные звуки ломившихся въ двери татаръ. А наверху, на восточныхъ палатахъ, пребывала великая княгиня Агаоія со своею дочерью, снохами и внучатами, большая великокняжеская семья въ трехъ поколѣніяхъ, окруженная боярскими женами. Тутъ же находился епископъ Митрофанъ. Подъ неустанный грохотъ въ дверяхъ соборныхъ, подъ стenanія колѣнопреклоненной на помостѣ церковномъ толпы, облекалъ святитель великокняжескую семью въ монашескій образъ, въ схиму, и приобщалъ Св. Таинъ.

Когда двери соборныя уступили, наконецъ, усиліямъ татаръ и все, находившееся на помостѣ церковномъ, было посѣчено и истерзано, а сокровища разграблены, замѣтили татары и великокняжескую семью, находившуюся высоко, на палатахъ. Къ нимъ велъ потайный ходъ; тамъ, думалось татарамъ, имѣются главныя сокровища. Ласки и угрозы не открывали имъ хода наверхъ. Тогда натасканъ былъ въ храмъ хворостъ и зажженъ, и все погбло въ пламени, все—кромѣ иконы Божіей Матери... На берегахъ Сити тѣмъ временемъ сложилъ свою вѣнчанную голову и великій князь Георгій.

Духовное, невидимое присутствіе этой огненной жертвы ясно сознавалось въ живомъ разказѣ преосвященнаго Феогноста, обводившаго посѣтителей по собору и указывавшаго мѣсто палатъ. Въ бѣлыхъ «комарахъ» почивали кругомъ вещественныя доказательства благо—многострадательныя мощи.

И много, много было такихъ страданій во Владимірскомъ соборѣ. Вотъ еще одно. Въ 1485 году, уже на самомъ исходѣ татарскаго ига, Владиміръ былъ взятъ ордынскимъ царевичемъ Талычемъ; нижегородскій бояринъ, измѣнникъ Карамышевъ, тайно провелъ ихъ окрестными лѣсами. Въ городѣ, по словамъ лѣтописи, не было даже намѣстника, и онъ былъ взятъ и разграбленъ. Соборному ключарю, священнику Патрикію, поручены были сокровища храма; онъ скрылъ ихъ; и не узнали татары, гдѣ они, несмотря на то, что палили

священника огнемъ, забивали ему подъ ногти спицы, сдирали кожу и, продѣвъ насквозь его веревку, влчили, привязавъ къ конскому хвосту, по городу. Замученъ былъ Патрикій, но не выдалъ достоянія церковнаго; тѣло его почиваетъ на границѣ Рязанской и Владимірской губерній, на озерѣ Святѣ. Какъ не перенести его въ соборъ?—вѣдь это его достояніе! Кажется, что это слѣдовало бы сдѣлать непременно.

Сколько видѣлъ соборъ Владимірскій вѣнчаній на великое княженіе! Сколько разъ оглашался онъ звуками свадебныхъ и похоронныхъ пѣсень духовныхъ! Еще недавно, въ 1884 году, видѣлъ соборъ одну изъ чрезвычайно рѣдкихъ, высокохудожественныхъ службъ церковныхъ. Когда окончено было возобновленіе его, то мощи трехъ святыхъ великихъ князей, Георгія, Андрея и Глѣба, перенесенныя на два съ половиною года въ Георгіевскій соборъ, возвращались въ свое завѣтное обиталище. Это было 3-го ноября. Въ глубокую зиму вѣяло тогда надъ Владиміромъ вѣчною весною православія, когда, покачиваясь на плечахъ тѣхъ людей, между которыми, нѣтъ сомнѣнія, въ тяжелую годину могутъ проявиться и проявятся отцы Патрикій, богатые раки святыхъ, одна за другою, втянулись въ соборъ и заняли свои мѣста. Налѣво отъ входа между столбовъ почиваетъ Андрей Боголюбскій; направо противъ него—Георгій; подлѣ алтаря съ правой стороны—Глѣбъ.

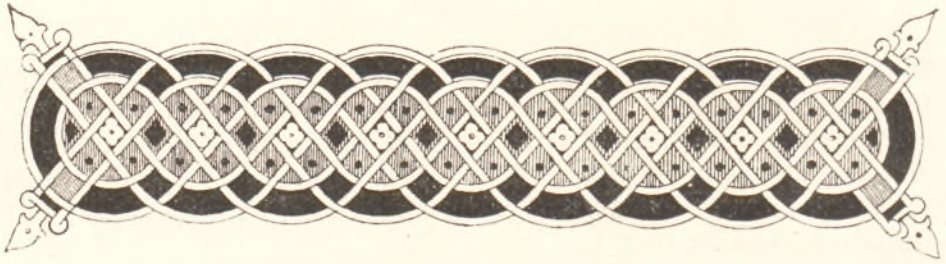
И какъ спокойно свѣтель, какъ одухотворенъ возсозданный соборъ. А вѣдь было же это когда-то и не разъ, что среди него, опустѣваго и ограбленнаго, птицы вили свои гнѣзда и гулялъ вѣтеръ. Такимъ былъ онъ еще въ началѣ XVIII вѣка, ко времени открытія мощей Андрея и Глѣба. Теперь это одна изъ внушительнѣйшихъ святынь земли Русской. Нужны не дни, а недѣли, чтобы подробно ознакомиться съ соборомъ, съ его вещественными сокровищами, съ его историческимъ и легендарнымъ богатствомъ. Какъ красиво преданіе о томъ, что при Іоаннѣ Васильевичѣ, во время нашествія Девлетъ-Гирея, благовѣрные князья поднимались изъ гробовъ своихъ и уносились на брань на снѣговидныхъ коняхъ. Очень любопытны стихи на гробницахъ княжескихъ; тѣ, чтò читаются надъ Георгіемъ и Андреемъ, согласно преданію, сочинены императрицей Екатериной II; надъ гробницей епископа Платона, умершаго въ 1757 году, читается очень длинное стихотвореніе и—что очень рѣдко, примѣръ едва ли не единственный, — акrostихъ очень хитростнаго сложенія, первыя буквы строкъ котораго, въ перемежку чрезъ строку, изображаютъ слова: «преосвященный епископъ Платонъ». Какъ умилительно хорошо письмо этого Платона императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, писанное въ 1753 году, о «переоблаченіи» мощей великокняжескихъ въ новыя одѣянія, въ «бѣлые пристойныя хитоны», въ великокняжескія порфиры парчевыя, обшитыя вмѣсто горностаея «подобнымъ бархатомъ»; какъ подъ святые главы мощей положены были три золотого глазета подушки; «да на главы же и лица ихъ святопочивающія сдѣланы изъ бѣлаго шолковаго фліору три капи; на нетлѣнныя же руцѣ съ таковоже фліору такожь и на носъ сдѣланы пристойныя каптурки». Эти фліоры, капи и каптурки посѣтители разглядывали и приложились къ бережно одѣтымъ мощамъ. Превжнія одѣнія ихъ, темные доскуты, разложенные по бѣлому полотну,

были тоже показаны. Къ этому времени яркіе лучи осенняго солнца, осиливъ непогоду, глянули во всю силу свою сквозь многія окна стѣнъ и куполовъ, и ветхій деньми соборъ, играя всѣми красками живописи, всѣми оглавіями бесчисленныхъ ликовъ и матовыми отблесками бѣломраморныхъ гробницъ, благолѣпно окружалъ и нависалъ надъ путешественниками въ молчаливомъ, но со знательномъ величіи.

Слѣдуетъ сказать, что возобновленному собору посчастливилось и тѣмъ, что въ средѣ его духовенства нашелся и хорошій описатель—это протоіерей Виноградовъ; благодаря яснымъ и мастерскимъ указаніямъ его, въ «Исторіи Владимірскаго кафедральнаго собора» можно легко разобраться съ тѣмъ обильнымъ историческимъ и археологическимъ матеріаломъ, который присущъ собору. Если бы всѣ наши главныя святыни обладали такими описателями, путешествующій былъ бы счастливъ и вразумленъ.

Послѣ окончанія осмотра собора, посѣтивъ начальную ремесленную школу, находящуюся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, земскую гимназію, домъ дворянства и находящееся въ немъ дворянское училище, путешественники выѣхали обратно въ Петербургъ.

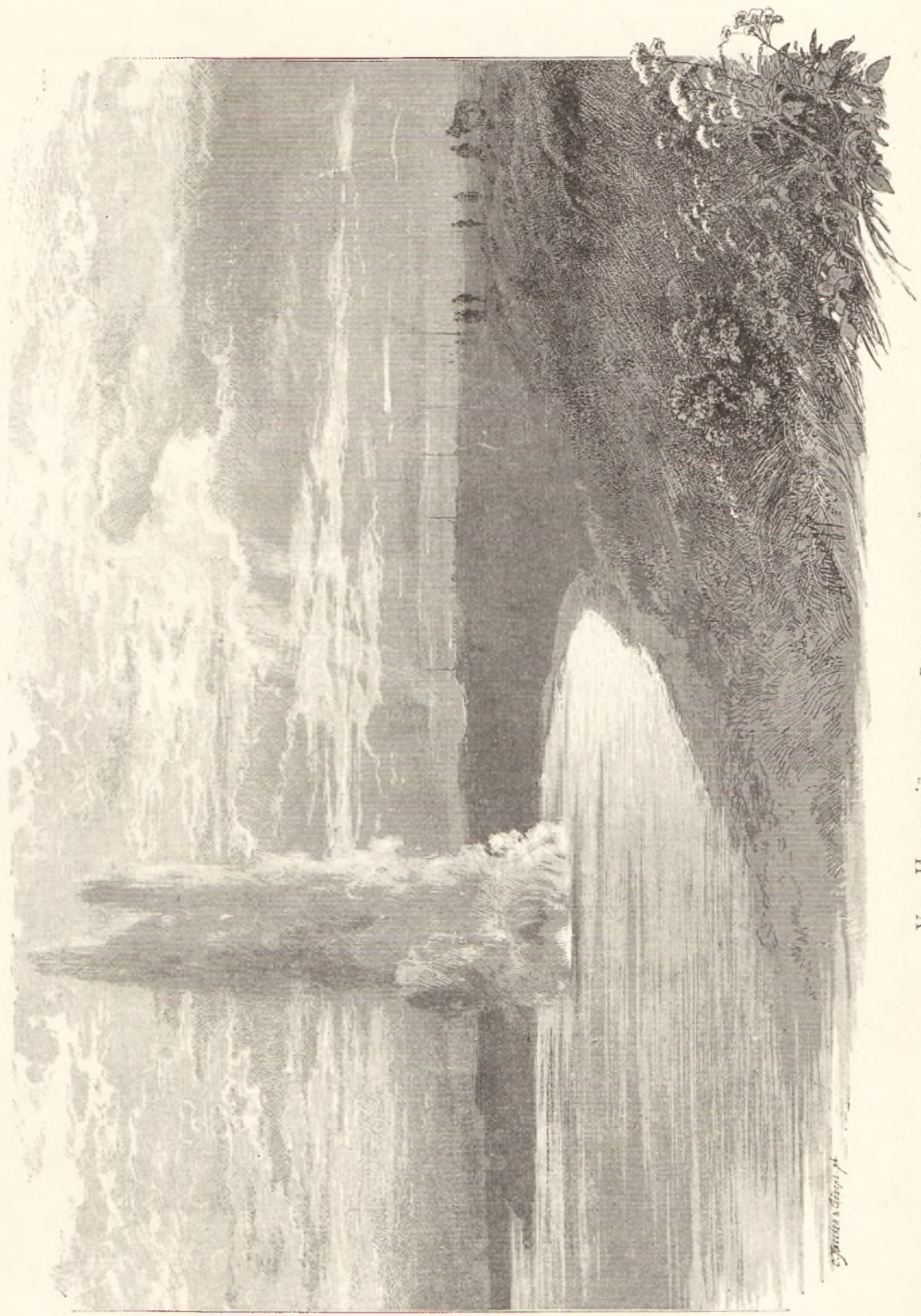
Усть-Ижорскій лагерь.

У о мѣсто, на которомъ теперь на берегу Невы, въ 25-ти верстахъ отъ Петербурга, раскинуть Усть-Ижорскій саперный лагерь, представляло лѣтъ тридцать тому назадъ пустырь съ чахлою травкою, влачившею свое жалкое существованіе между безсчетными ямами, изъ которыхъ на сосѣдніе кирпичные заводы вынуты были массы глины и песку. Значительная часть этого песка, преобразившись въ кирпичи, пошла на постройки въ Петербургѣ, на новые дома и надбавки этажей, которыя, за послѣднее двадцатилѣтіе, сдѣлали многія улицы столицы неузнаваемыми. Мѣсто это принадлежало графу Шувалову и только очень недавно уступлено въ собственность военному вѣдомству. Когда рѣшено было перевести саперный лагерь изъ Петергофа, съ Бабьихъ-Гонь, гдѣ онъ издавна находился, выбрано было подъ новый лагерь именно это мѣсто, представлявшее много удобствъ для артиллерійской стрѣльбы и саперныхъ работъ.

Лѣтъ двадцать пять стоятъ тутъ саперы, и мѣста этого не узнать, какъ не узнать окрестностей Краснаго-Села и Дудергофа. Между правильно разбитыми садиками и насаженными аллеями бѣлѣютъ постоянныя барачныя постройки, а на лѣтнее время разбиваются палатки. Утромъ видны тутъ молчаливыя саперныя работы и слышатся могучая пальба артиллерійскихъ орудій и взрывы, а вечеромъ—наша беззавѣтная солдатская пѣсня. Барабанъ призываетъ на молитву утромъ, призываетъ вечеромъ, и все это съ такою же точностью, съ какою восходитъ и заходитъ солнце.

Особенно характерно подъѣзжать къ лагерю, не отъ Невы, на берегу которой онъ раскинуть, но съ которой не виденъ, а отъ Колпинской станціи желѣзной дороги. Здѣсь, вправо отъ дороги поднимаются разныя крѣпостныя и полевыя укрѣпленія, а влѣво, подлѣ самаго лагеря, будто красивенькія игрушки, но въ натуральную величину, тѣснясь другъ къ другу, виднѣются безчисленныя и разнообразныя, всевозможныя военныя работы саперъ: бараки, избы, мосты, печки, сапы, изгороди, плетни, траншеи, блиндажи и многое другое. Правильность этихъ работъ можетъ поспорить только съ серьезностью того

Усть-Ижорскій лагерь. Взрывъ подводной мины.

С. И. Савицкий

значенія, которое могут онѣ имѣть въ примѣненіи къ военному времени. Сколько жизней поддержать и спасти онѣ, сколько фатальныхъ неприятностей нанесутъ неприятелю? А въ чемъ-же, какъ не въ этомъ, значеніе сапернаго дѣла, которое за послѣднее время выдвигается впередъ все болѣе и болѣе! Войска, какъ учитъ современная тактика, находятся въ военное время только въ трехъ положеніяхъ: въ движеніи, въ бою или на отдыхѣ, и во всѣхъ трехъ инженерное искусство является въ качествѣ радѣтеля о другихъ родахъ войскъ, о своихъ собратяхъ. Въ этомъ служеніи собратьямъ, не говоря о значеніи для неприятеля, сказывается, если можно такъ выразиться, особенная симпатичность военно-инженернаго дѣла. Осмотромъ Усть-Ижорскаго лагеря закончилось третье путешествіе.

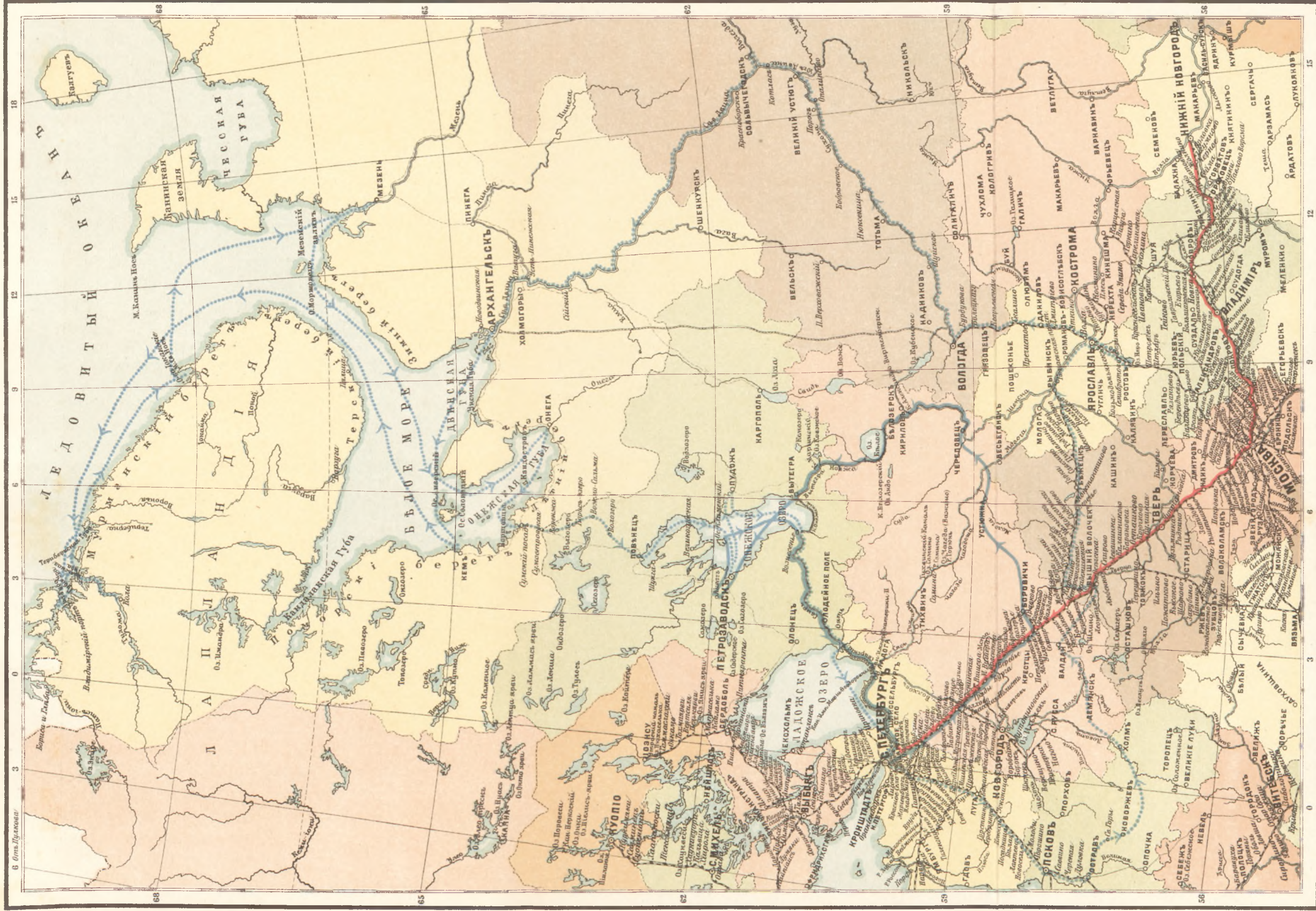

Конецъ перваго тома.

КАРТА СѢВ. ГУБЕРНІЙ ЕВРОП. РОССІИ

СЪ ОБОЗНАЧЕНІЕМЪ МАРШРУТА ТРЕХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ
совершенныхъ въ 1884 и 1885 годахъ.

Изданіе и собствен. А. Ф. Маркса въ С. П. Б.

Масштабъ главной карты 125 вер въ дюймъ

версты 125 100 75 50 25 0 25 50 75 100 125

до версты

Печат. въ картогр.-арт. зав. А. Ф. Маркса.

..... Путешествіе первое (1884 г.)
— Путешествіе второе (1885 г.)

Оглавленіе

I тома

„По Сѣверо-Западу Россіи“.

	стр.		стр.
Отъ автора	1	Рѣка Сухона до Тотмы. Тотма	174
Путешествіе первое (1884 г.)	3	Устюгъ Великій	185
Очеркъ пути	5	Отъ Устюга до Сольвычегодска	196
Грузино	10	Рѣка Вычегда. Сольвычегодскъ	201
Боровичи	20	По древнему Заволочью	208
Устюжна	32	Холмогоры	215
Череповецъ	36	Архангельскъ	226
Кирилловъ	39	Соловецкій монастырь	245
Вѣлозерскъ	49	Отъ Соловокъ до Кеми. Кемь	274
Вытегра	54	Отъ Кеми до Териберки	284
Петрозаводскъ	62	Териберская губа	292
Поѣздка на Кивачъ	69	Отъ Териберки къ Арѣ-губѣ	304
Охота на Климецкомъ островѣ	78	Арскій китобойный заводъ	313
Вознесенъ. Лодейное Поле	83	Еретики въ Урской губѣ	326
Новая Ладога. Шлпсельбургъ	90	Кольская губа	333
Путешествіе второе (1885 г.)	95	Кола	338
Очеркъ пути	97	Обратный путь вдоль Мурмана	348
Городъ Островъ	101	Юканская гавань	355
Святогорскій монастырь	104	Мезенскій заливъ. Мезень	362
Новоржевъ	110	Отъ Мезени къ Овегѣ	372
Холмъ	112	Конецъ морского пути. Сумскій посадъ	386
Демянскъ	115	Отъ Сумскаго посада до Петров- скаго Яма	397
Валдай	118	Отъ Петровскаго Яма къ Повѣн- цу. Повѣнецъ	405
Вышній-Волочекъ	125	Цудожь	412
Бѣжецкъ	132	Путешествіе третье (1885 г.)	417
Рыбинскъ	135	Нижній-Новгородъ. Ярмарка	419
Волга отъ Рыбинска до Яро- славля	142	Владиміръ	447
Ярославль	148	Усть-Ижорскій лагерь	454
Ростовъ Великій	158		
Вологда	165		

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ сочиненію

„ПО СЪВЕРО-ЗАПАДУ РОССИИ“.

Томъ I.

„ПО СЪВЕРУ РОССИИ“.

	стр.		стр.
Абакумово	140	Алепа и Уліанія	39
Абрамова пахта	336, 337	Алій Кайбуловичъ, въ крест. Михаилъ	39
Абрамовъ, изслѣд. раскола	400	Альбертовъ, Андрей	200
Авраамій Палицынъ (см. Палицынъ).		Альфредъ, король англо-сакс.	209
«Авраамовскія постройки»	146	Амосовъ, судостроитель	230
Авраамъ, преосвящ. ярославскій	146, 152	Ананій Васильевичъ, юродивый	111
Агафія, вел. княгиня	447, 451	Анастасія, первая жена Грознаго	211
Агафія, сестра Шереметева Большого	39	Англичане	209,
Адмиралтействъ-коллегія	379	230, 257, 268, 276, 320, 321, 338	
«Адъ»	363, 370	Анда, рѣчка	381
Азарій, келарь соловецкій	270, 271	Анда, селеніе	381
«Азовъ», корабль	99	Андрей Александровичъ, вел. князь	210
Адріанъ Ондрусовскій	60	Андрей, князь можайскій	44
Акакій, епископъ тверской	46	Анзерская спасательная станція	244
Аксинья Полузимница	79	Анзерскій островъ. 123, 247, 254, 263, 375	
Акулы промыселъ	327	Анисимовъ взвозъ	200
Акулы	327, 328, 339, 340	Аничковъ, воевода соловецкій	281
Александровскій заводъ въ Петроза- водскѣ	62, 65, 68	Анна Іоанновна, императрица	93, 286
Александръ I, императоръ	11,	Анна-Корга	336
13, 33, 36, 79, 102, 107, 113, 115,		Анна Леопольдовна	221
127, 169, 171, 213, 221, 234, 321, 406,		Анны святой плюсъ	53, 54
408, 415, 428, 440, 448		Антоній и Пимень, угодники; ихъ мощи	165
Александръ II, императоръ	62,	Антоній, святой	264
73, 93, 99, 111, 120, 127, 169, 211,		Антоній Сійскій	60, 213
255, 257, 408, 440, 441, 443		Антонъ, сынъ Марфы Борецкой	209
Александръ III, императоръ	37,	Антонъ-Ульрихъ, принцъ	409
154, 191, 286, 443		Аполицы, погостъ	115
Александръ Свирскій, свят.	272	«Априкосъ»	214
Александръ, яросл. удѣльн. князь	154	Ара-губа (см. Арская губа).	
Алексѣвская гора	56	Аракчеева гробница	11
Алексѣвскій сухой докъ	37	Аракчеева домъ въ Грузинѣ	13
Алексѣй Александровичъ, Вел. Князь	169,	Аракчеева завѣщаніе	11, 18
176, 183, 221, 255, 393		Аракчеева часы	13—15
Алексѣй Михайловичъ, царь	28,	Аракчеевскій кад. корп. въ Н.-Новго- родѣ	425, 428
44, 65, 93, 116, 117, 122, 123, 230,		Аракчеевскія военныя поселенія	6
248, 263, 267, 268, 338		Аракчеевъ, графъ	6,
Алексѣй Петровичъ, царевичъ	169,	11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 426, 428	
231, 254, 398		Арефа Печерскій	178

	стр.		стр.
Арзубьевъ, посадникъ	254	Березовскій баръ	334
Арина Родіоновна, няня Пушкина	107	Берингово море	247, 320, 374
Аристархъ, отецъ, священникъ	162	Беринговъ проливъ	238, 244, 247
Арсеній, грекъ	270	Бетанкуръ, архитекторъ	422
Арсеньевъ, историкъ	169	Биронъ, герцогъ	94, 150
Арская губа	100, 304, 307, 322, 335	Битепакъ	94
Арская губа. Китобойный заводъ (Рисунокъ)	311	Біармія	98, 165, 208, 209, 220
Арская губа. Туши китовъ близъ за- вода (Рисунокъ)	312	«Благовѣстникъ», колоколь	99, 257
Арскіе острова	307	Бобовскіе, паны	43
Арскій китобойный заводъ. 314—325, 332, 348	348	Бобровское, село	176, 186
Архангельская губернія	97,	«Богоизбранная двоица»	251
169, 190, 192, 281, 294, 296, 303, 379, 380, 397, 401	380, 397, 401	Богородичное село (Валдай)	122
Архангельская таможня	226, 237	Богородско-Глуховская мануфактура	431
Архангельскъ	97,	Богоявленская улица	366
99, 169, 173, 174, 180, 189, 191, 192, 196, 199, 200, 210, 211, 215, 217, 220, 221, 223, 226—244, 255, 285, 286, 294, 301, 331, 334, 335, 336, 340, 367, 378, 385, 390, 398, 414	378, 385, 390, 398, 414	Божья рѣчка	38
Архангельскъ. Видъ набережной близъ собора (Рисунокъ)	227	«Волокъ кережный»	343
Архангельскъ. Выставка. Семья само- ѣдовъ (Рисунокъ)	242	«Большая слобода»	366, 367
Архангельскъ. Кресть Унскихъ Роговъ въ соборѣ (Рисунокъ)	229	Борецкая, Марфа	209, 254, 257, 266, 280, 281, 343, 394
Архангельскъ. Нѣмецкая слобода (Рис.)	232	Борецкій, посадникъ	254
Архангельскъ. Перегрузка трески (Рисунокъ)	239	Борисоглѣбскій погостъ	28
Архангельскъ. Смоляной буянь (Рис.)	236	Борисоглѣбекъ	144
«Архангельскъ», пароходъ	357	Борисъ Годуновъ (см. Годуновъ)	107
Ары-губа (см. Арская губа)		«Борисъ Годуновъ» Пушкина	107
Афанасій, еписк. арханг.	221, 231	Боровичи	6, 20—31, 91, 97, 127
Афанасія, игуменья	264	Боровичи, общій видъ города (Рисунокъ)	24—25
Афонъ сѣверный	247	Боровичи. Общій видъ выставки 1894 г. (Рисунокъ)	24—25
Бабій островъ въ Соловкахъ	247	Боровичи. Спасо-Преображенское клад- бище (Рисунокъ)	22
Бабій островъ на Сухонѣ	178	Боровичская жел. дор.	20
Бабьи-Гоны	454	Боровичскіе пороги	26
Баженинъ, судостроитель	340	Боровичскій, Іаковъ (см. Іаковъ Б.)	87
Баженины, посадскіе люди	215, 217, 230	Бородино	87
Базеновскіе аппараты	445	Бородинская битва	447
«Баканъ», шхуна	226, 286, 335, 363	Бородинъ, послушникъ соловецкій	271
Бакланъ, птица	309	Бояриновы	77
Балаха	440	Брантъ	379
Балашовъ, горнозаводчикъ	438	Брейдель, адмираль	334, 335
Балтійское море (Балтика)	87, 127, 200, 234, 334, 336, 409	Бруннеръ	268, 339
Барановскій	245	Брэмъ, зоологъ	331
Барановы	431	Брюсъ, графъ, ген.-губ. моск.	127
Барботъ де-Марини, геологъ	180	«Буй-на-Бую» въ Устюжѣ	33
Барещъ, мореплаватель	286	Бунге, докт. мед.	286
Барминъ, судостроитель	230	Буслаевъ, историкъ	41, 52
Барнаулъ	189	Бутенать	65
Барсовъ, историкъ	159, 160	Вухмейеръ	13
Барсуковъ, историкъ	45	Быковъ, инженеръ	199, 445
Барятинскій, князь, воевода	113	Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, горнозавод- чикъ	438
Ваторій, Стефанъ	102, 113	Бѣжецкая новгородская пятна	132
Батый	451	Бѣжецкій верхъ	134
Батюшковъ, поэтъ	171	Бѣжецкій уѣздъ	34
Бейшлотъ «заводскій» въ Вышн. Во- дочкѣ	127, 130	Бѣжець	97, 132—134
Беклешовъ, ген.-маіоръ	102	Бѣжець. Общій видъ его (Рисунокъ)	133
Березовская слободка	186	Бѣжицы, село	132
		Бѣжичи	132
		Бѣлая палата въ рост. кремль	158, 160, 162
		Бѣлы, порогъ	26
		Бѣлое море	65,
		78, 100, 123, 150, 167, 169, 187, 200,	209, 210, 230, 231, 244, 247, 257, 268,
		272, 276, 280, 284, 285, 286, 287, 288,	289, 307, 334, 347, 354, 356, 357, 361,

	стр.
362, 365, 374, 390, 396, 397, 398, 408,	409, 410, 415
«Бѣломорская компанія»	340
Бѣломорскій каналъ	406, 409
Бѣлуха	365, 374
Бѣлыя ворота въ Соловкахъ	271
Бѣлозерка	137
Бѣлозерская область	26
Бѣлозерскій каналъ	49, 52, 137
Бѣлозерскій каналъ; входъ въ него (Рисунокъ)	50
Бѣлозерскій, Кирилль (см. Кирилль).	
Бѣлозерскъ 37, 41, 49—53, 97,	137
Бѣлозерскъ (Рисунокъ)	51
Бѣлозерцы	137
Бѣломорскій каналъ	394, 396
Бѣломорскій островъ, Большой	247, 255
Бѣлоозеро	5,
41, 44, 49, 52, 91, 137, 167, 209	
Бѣлоозерское удѣльное княжество	52
Бѣльскіе	6, 44
Бѣлыны	140
Бавчуга, село	215, 217, 230
Вага	209
Вагинъ	286
Вагнеръ, естествоиспытатель	263
Вадса	320
Важины, сел. (Рисунокъ)	86
Вайгачъ	244, 363
Валаамъ	267
Валаамскій заводъ	68
Валда	122
Валдай 97, 117, 118—124,	125
Валдайскіе колокольчики	122
Валдайское озеро	118, 122, 123
«Валдайское Селище»	122
Валдайцы	123
«Вальфишъ», корабль	340
«Вальчагъ»	391
«Варахалль», корабль	233
Варенжа	397
Вардѣ-Хузъ	306
«Варна», судно	244
Варнихи, деревня	408
Варфоломей, настоятель Соловокъ	269, 270
Варяги	209
Василѣвское, село	140
Василій, архіепископъ	92, 93
Василій Блаженный	205
Василій Вуслаевъ	98
Василій Дмитріевичъ, вел. князь	44,
134, 210, 450	
Василій Ивановичъ Шуйскій, царь	34, 257
Василій Косой	134
Василій, святой, князь	150
Василій Солнворотъ	333
Василій, сынъ Іоанна III	135
Василій Темный 116, 134, 167,	210
Василь	422
Васильевская рѣчка	41
Василько, святой	162
«Васька», ключъ	176
«Вега», пароходъ	238
«Ведло»	178

	стр.
Великая, рѣка	101, 106
Великій Новгородъ	6,
26, 91, 97, 101, 116, 165, 190, 209,	210, 251, 254, 266
Великій океанъ	247
Великій-Устюгъ	52,
159, 174, 176, 185—195, 203	
Великій Устюгъ (Рисунокъ)	188
Великій Устюгъ. Домъ Грибанова (Рис.)	194
Великія Луки	110, 113
Велилы, погостъ	115
Велье	101
Вельевское озеро	118
Вельскій уѣздъ	237
Вересь, мысъ	322
Верже, рѣка	110
Верхотурье	367
Верши	182
Весельщикъ	297
Весь	98, 148, 209
Весьегонскъ	33
Виноградовъ, протоіерей	453
Виндгеймъ	98, 223
«Висѣлка»	180
Витсенъ, писатель	285
Витцы, порогъ	26
Витцы, порогъ (Рисунокъ)	21
Владимира шлюзъ (Рисунокъ)	55
Владими́ро-Мари́нскій академ. приотъ	130
Владими́ро-Мари́нскій приотъ (Рис.)	129
Владимірская губернія	429, 435
Владимірская улица	366
Владиміръ Александровичъ, Великій Князь	131, 154, 169, 186, 221, 255, 363
Владиміръ губернский	97, 446, 447—453
Внуковъ островъ	178
Водла, рѣка	412, 414
Водло-озеро	408
Водопадъ Гирвасъ (Рисунокъ)	8, 9
«Водяная команда» Мари́нской системы	137
Воейковъ, приставъ	211
Вожмосалма	398, 399
Вознесенская приставъ	69
Вознесенская слобода	83
Вознесенье	82, 83—89, 137, 414
Вознесенье, село. Истоки Свири (Рис.)	84
Войнакуринскій	113
Волга	26,
41, 54, 98, 101, 120, 127, 130, 135,	139, 140, 142—147, 148, 157, 199,
200, 210, 306, 333, 335, 422, 429,	438, 440, 445
Волга отъ Рыбинска до Ярославля	142—147
Волгино, село	30
Волго-Двинская жел. дор.	189
Волдай	122
«Волжская гривна»	135
Волжскій бассейнъ	56
Волковъ, Фед. Григ., родоначальн. русскаго театра	147
Вологда, городъ	52,
97, 150, 165—173, 174, 180, 187, 191, 195	
Вологда, гор. Домъ, гдѣ жилъ Петръ I (Рисунокъ)	170

	стр.
Голгофа въ Соловках	257
Голицынъ, Дмитрій, князь	93
Голицынъ, Михаилъ Михайловичъ, кн.	93
Головинъ, зять Ломоносова	223, 225
Гольфстремъ	289, 305, 306, 356
Гомъ	378, 379
Горицы	39, 43
Городецъ	132
«Городище» въ Устюжѣ	33
«Городище» въ Холмѣ	114
«Городокъ, что при Мстинскомъ плюзѣ».	131
«Городъ Архангельскъ», корабль	233
Горѣла, гора	337
«Государева дорога»	100, 398
Государевъ лугъ	180
Государевы ворота	93, 94
Гочисъ; его пушки	245
«Гралицы»	354
Грибановская мануфактура.	195, 196, 197
Грибановская мануфактура. Плясъ ра- бочихъ (Рисунокъ)	198
Грибановъ, В. И.	196
Грибановъ-Фонтейнесъ, торг. домъ	237
Григорьевъ, архитекторъ	428
Гримъ, проф.-зоологъ.	280, 319, 320, 360
«Громовыя стрѣлы»	77
«Громъ-камень»	180
Гротъ, академикъ	77
Грузино	6, 10—19, 426
Грузино. Домъ гр. Аракчеева (Рис.)	15
Грузино. Общій видъ съ р. Волхова (Рисунокъ)	16
Грузино. Памятникъ Александру I (Ри- сунокъ)	17
Грузино. Часы въ память имп. Але- ксандра I (Рисунокъ)	15
Грузинская волость	16
Грузинскій паркъ	12, 16
Груманта	79
«Грусна»	330
Грязовецъ	173
Губа Ары (см. Арская губа).	
Губбартъ, Джонъ	94
Губкинъ, А., торг. фирма	431
«Гузе! гузе!»	99, 233
Гулевичъ, В., изслѣд. Мурмана	334
«Гурп»	320, 356
Гурьево, деревня	414, 415
Гусь, воевода	220
Гутуевскій домъ (дворецъ).	28, 31
Гутуевъ, купецъ	28, 31
«Гюйсъ»	363
Давидъ Федоровичъ Святой, кн. яросл.	144
Давидъ, Федоръ и Константинъ, свя- тые князья; мощи ихъ	152
Далматъ	44
Даль, архитекторъ.	422, 423
Дальнй Кузовъ.	274
Даниловское пустынножителство	400, 401, 410
Даниловы, Андрей и Семень, расколъ- ники	400
«Дахи»	366, 367
Двина Сѣверная, Большая	65,
98, 99, 174, 176, 178, 187, 189, 191,	

	стр.
192, 193, 197 -- 199, 200, 201, 207, 208, 209, 210, 217, 220, 226, 228, 230, 231, 233, 234, 235, 238, 335, 357, 363, 370, 372, 379, 391	
Двина Сѣверная, Малая	178,
187, 195, 196, 197	
Двинская страна (земля)	208, 210
Двинскіе бояре	220
Двинскъ	102
Двойнишковъ, крестьянинъ-самоучка	182
«Дворцовая Ловецкая слобода»	135
Де-Витте	56
Девлетъ-Гирей	45, 452
Де-Воланъ	56
Деятинскій погостъ (Рисунокъ)	55
Деятины, село	56
Дегтярня	34
Деденевъ	56
Деисусъ	146
Де-ла-Гарди	122
Деманъ	116
Демидовъ, горнозаводчикъ	438
Демна гора	116
Демонъ	116
Демянское, село	116, 117
Демянскъ	77, 115—117, 118, 122
Денисовка	223
Денисовъ, Андрей, раскольникъ	400, 401
Денисовъ, Семень	271
Департаментъ военныхъ поселеній.	16
Деревская пятина.	116
Державинскій домъ въ Петрозаводекѣ.	77
Державинъ, Г. Р., поэтъ.	77, 171, 281
«Диана», судно	335
Дионисій, архим. Троицк. лавры.	267
Диориты	70
Дмитріево, село	176
Дмитріевская башня	34
Дмитрій Ивановичъ Донской, вел. кн.	26
171, 173, 210	
Дмитрій и Константинъ Борисовичи, князья ростовскіе	193
Дмитрій, князь звенигородскій	44
Дмитрій Прилуцкій, святой	171, 173
Дмитрій Ростовскій.	98, 158, 160, 162, 164
Дмитрій царевичъ	45, 205, 211
Долбѣжки	185
Долгія озера	408
Долгорукій, Василій, князь	93
Долгощельская волость	365
Долоцкъ	35
Донской, Дмитрій (см. Дм. I. Донск.).	
Дошикоуть	87
«Дорп»	303
Досифей, игуменья	127
Дубиха	31
Дубки	101
Дудергофъ	454
Дудлей, лордъ	313
Думна гора	116
«Дуракъ», островъ	70
Душегубки	185
Дымковская слобода	195
Дѣдовскій островъ	178

	стр.		стр.
Евдокія Феодоровна, 1-я супруга Петра I	178	Заостровье	115, 226
Егла, деревня; уголокъ въ ней (Рис.)	20	«Записка» Жукова по исторіи Новоржева	111
Егла, порогъ	26	Заруцкій	35
Егорьевскій погостъ	211	«Затворъ» ростовскій	98, 159
Едрово	125	Заячій островъ, Большой	248
Екатерина I, императрица	169	Заячьи острова	247
Екатерина II, императрица	28, 31, 85, 94, 107, 113, 123, 125, 127, 130, 131, 146, 147, 221, 320, 338, 378, 415, 422, 448, 452	Звозъ, деревня	37
Екатери́нинская гавань (бухта)	306, 320, 334, 335, 336, 339, 340, 348, 357	Зеленецкая губа	335
Екатерининская площ. въ Боровичахъ	28	Зеленскій съездъ	423
«Екатерининскіе рубли»	401	Земщина	45
Екатерининскій каналъ	199, 200, 406	Зимогорцы	123
Екатерининскій островъ	94	«Знаменитый», шлюзъ	176
«Елена», судно	317, 319, 329	Золотыя ворота во Владимірѣ	451
Елисавета Петровна, императрица	94, 123, 378, 452	Зосима, преподобный	251, 254, 260, 266
Елисей, подвижникъ	394	«Зуграфное мастерство»	260
«Елѹницы»	300	Зуево (село Михайловское)	109
Елчанинъ, дякъ	220	Зуйки	293, 297, 301, 321
Ельпики, островъ	220	Зыряне	165, 203, 363
Енисей	230, 285	Зырянская азбука	98, 159
Епифаній Премудрый	159	■Ивановскіе острова	411
Еретники въ Урской губѣ	310, 313, 322, 326—332, 335, 343	Ивановъ, Родіонъ, кормщикъ	285
Ермаковы	130	Иванъ, купецкій сынъ	79
Ермакъ	203	Игнатій, преподобный	162
Ермолай и Тимофей, карлики Петра Вел.	169	Иго татарское	41
Ершовъ, самоучка-судоостроитель	99, 234	Ижина, рѣчка	32
Ершovy, потомки Ломоносова	223	Ижора	91, 92
■Издани, село	30	Изборскъ	101
Жемчужница	280	Икона Архистр. Михаила въ Островѣ	103
Женщины съ Курострова (Рисунокъ)	222	Икона Благовѣщенія въ Сольвычегодскѣ	205
Живоносный источникъ въ Соловкахъ	273	Икона Божіей Матери въ Толгскомъ монастырѣ	144, 146
Жигули	333	Икона Владим. Божіей Матери во Владимірѣ	451
Жидятичъ порогъ	184	Икона Владим. Божіей Матери въ Ярославлѣ	152
«Житья»	231	Икона Знаменія Божіей Матери въ Соловкахъ	264—266
Жужмуй, островъ	375	Икона Иверской Божіей Матери въ Святозерск. мон.	123, 124
Жуковъ, Петръ Фомичъ, новорж. гражд.	111	Икона Іоанна Праведнаго въ Устюгѣ Великомъ	193
Жукъ, Мишка, поль	111	Икона Казанской Божіей Матери въ В.-Волочкѣ	127
Журавка, рѣка	414	Икона Одигитрии, Божіей Матери, въ Святогорск. мон.	104, 106
Журавлевъ, М. Н., заводч. въ Рыбинскѣ	140	Икона Одигитрии, Божіей Матери, въ Устюгѣ Великомъ	193
Журавлевъ, Н.	139	Икона Петра и Павла въ Повѣнци	406, 410
Журавлевъ, торг. фирма	438	Икона Прокопія Праведнаго въ Устюгѣ Великомъ	193
■Забіяка», крейсеръ	238, 244, 245, 246, 247, 274, 276, 283, 284, 286, 287, 288, 289, 293, 306, 309, 310, 329, 332, 336, 348, 355, 363, 374, 385, 387	Икона св. Василія въ Бѣлозерскѣ	41
«Заборъ» для ловли семги (Рисунокъ)	392	Икона св. Николая Чудотворца въ Нов. Ладогѣ	90
«Заборы» для рыбы	391	Икона «Сосновская» въ Соловкахъ	266
Забѣлинъ, историкъ	450	Икона Спаса Нерукотвор. въ Соловкахъ	248, 264
«Заводскій» бейшлотъ въ В.-Волочкѣ	127, 130	Иконникъ, художникъ	450
Заволочье	98, 116, 165, 167, 208—214, 218, 220	Илія, игумень соловецкій	269, 270
Загуляевъ, самоучка-судоостроитель	99, 234	Ильинское, село	217
Задонскій, Тихонъ	120	Ильмень, озеро	113, 116, 127
Замойскій, гетманъ	113	«Ингерманландъ», судно	235
Занежье	211	Иностранцевъ, геологъ	307, 408
		Ипатій, старецъ-раскольникъ	400

	стр.
Принархъ, преподобный	266
Приней Нестеровичъ, архіеп. иркут- скій	171
Прма	38
Исаія, преподобный	162
Исачка, сотникъ соловецкій	271
Ишгъ-горы	72
Иаковъ Боровичскій; его мощи въ Ивер- скомъ мон.	30, 123, 124
Иаковъ, святой; его мощи въ Яковл. монастырь	164
Геронимъ, епископъ владим.	448
Иоакимовскій звонъ	162
Иоакимъ	30
Иоаннъ Антоновичъ Ульрихъ	94
Иоаннъ Даниловичъ Калита	210
Иоаннъ, инокъ (Хабаровъ)	44, 45
Иоаннъ Иоанновичъ, царевичъ	213
Иоаннъ, князь углицкій	171
Иоаннъ III, король шведскій	113
Иоаннъ Лѣтвичникъ	264
Иоаннъ Многострадальный	178
Иоаннъ III, царь	116,
134, 135, 152, 167, 210, 220, 254	
Иоаннъ IV, Грозный	6,
32, 39, 43, 44, 45, 46, 60, 65, 94, 99,	
113, 114, 122, 144, 150, 165, 167, 169,	
171, 173, 180, 203, 207, 213, 230, 254,	
257, 266, 267, 422, 452	
Иоиль, настоятель Спасо-Преобр. мон.	154
Иоанка, рѣка	356
Иоканская гавань	354—361
Иоканскіе острова	336, 355, 356, 360
Иоканскій погостъ	358
Иомала	99, 203, 220
Иона, инокъ (Воротынский)	44
Иона, инокъ (Ив. Вас. Шереметевъ- Большой)	45, 46
Иона Климецкій	82
Иона, настоятель Соловокъ	254
Иона Сысоевичъ, митрополитъ	152, 160
Ионинскій звонъ	162
Иосифъ, архимандритъ	270, 271
Иосифъ Волоцкій (Волоколаменій)	47, 48
Иабестаны	139
Казанскій походъ	45
Казиміръ IV, король польскій	134
Кайра, птица	309
Калгуевъ	321, 363
«Калевала»	71
Калита, Иоаннъ Даниловичъ	210
Кама	200
Камбала	325
Кандалакскій берегъ	286
Кандалакскій заливъ (губа)	281,
283, 352, 374, 390, 391	
Кандалакна	296
Кандалука, губа	286
Кандійская земля	98
Канинская тундра	363
Канинь Носъ	286, 321
Капище Купалы	33
Караванъ-Сарай	435
«Каракули»	34, 35
Карамзинъ, историкъ	148, 150

	стр.
Карамышевъ, бояр. нижег.	451
Карголомъ	41, 43
Каргопольскій уѣздъ	381
Карелия	223
Карельскій берегъ	254
Карельское, село	381
Кармакуды, Малыя	260
Карское море	285
Касаковскій, полковникъ	34
Касатка	352, 354
Каспійское море (Каспій)	54,
127, 140, 336, 360	
Качаловъ	205
Качка (Рисунокъ)	8, 9
Каюки; ихъ проходъ черезъ шлюзы (Рисунокъ)	55
Кеврольскій станъ	366
Кегостровъ	199, 226, 244
Кексгольмъ (Корела)	92
«Кекурій»	320, 356
Кельтмы, рѣки	199, 200
Кемлянка (Рисунокъ)	279
Кемская волость	209
Кемскій уѣздъ. 281, 283, 313, 363, 380, 391	
Кемь, городъ	97,
255, 274—283, 284, 294, 329, 335, 337,	
340, 362, 385, 390, 409	
Кемь, городъ. Видъ отъ моста на р. Кеми. (Рисунокъ)	275
«Кемь», пароходъ	357
Кемь, рѣка	276, 277, 390
Кенскій, Пахомій	60
«Кережки»	345
Керетская волость	331
Кереть	354
Киверка	301
Кивачъ	69—77
Кивачъ, водопадъ (Рисунокъ)	74
Килевейнъ, архитекторъ	422
Киликийскій крестъ	171—173
Кильдинскій погостъ	301
Кильдинъ, островъ	304,
307, 327, 333, 335, 348, 349	
Кильмезь, рѣка	193
Кирилловская библиотечка	44
Кирилловцы	139
Кирилловъ, городъ	36, 39—48, 97
Кириллъ Бѣлозерскій. 6, 41, 43, 44, 52, 159	
Кириллъ, митроп. моск.	154
Кириладдія	209
«Кирьякъ»	391
Кислая губа	333
Киты	288, 340, 352, 354
Киты у Святаго Носа (Рисунокъ)	351
Кіевъ	41, 167, 400, 447
Кію, островъ	375, 386
Кію, островъ. Кладбищ. церковь (Рис.).	389
Кію, островъ. Крестный монаст. (Рис.).	388
Кладбище голландцевъ въ Девятинахъ.	58
Кларкъ	379
Клейнмихель, графъ	11
Климецкій, Иона	82
Климецкій островъ	78—82
Клингстень	233
«Клинская сторона» въ Холмѣ	114

	стр.		стр.
Княжје терема въ ростовск. кремль	160	Короцкал женская община	120
Кобыльй	101	Короцко	120
Ковда	182	Короцкое озеро	120
Ковжа 53, 54, 56, 98		Корочинская роща	116
Кожеезерскій, Никодимъ	60	Коскогорская спасательная станція	244
Козловъ, торг. фирма	433	Косой, Васильй	134
Койденская волость	365	Костомаровъ, историкъ 98, 195, 211	
Койницы, деревня	408	Костровъ, заводчикъ	195
Кокоревскія соляныя варницы	182	Кострома 26, 134	
Кола, городъ 97,		Костромская губернія	182
100, 296, 304, 306, 332, 334, 335, 337,		Котельный	101
338—347, 362, 366, 370, 378, 390		Котлазь 189, 193, 201, 207	
Кола. Выставка. Лопарскій чумъ (Рисунокъ)	344	«Котельковый неводъ»	302
Кола, полуостровъ 209, 280		Кошкино	116
Кола, рѣка 336, 337, 343, 356		Кошкинъ маякъ (Рисунокъ)	8, 9
Коленице	139	Кошковъ, серебряникъ	195
Коломенки	142	Коянскіе пѣмцы	281
Колонія на Мурманѣ	301	Коянъ	281
Колпинская станція	454	Крамъ, судостроитель	245
Колычевы, бояре 266, 267		Красное Село	454
Кольнишевскій, кошевой атаманъ	268	Красный	101
Кольская губа 319,		Крейсеръ, окруженный флотиліей бѣлужниковъ (Рисунокъ)	373
327, 332, 333—337, 339, 340, 348		Кремль нижегородскій	422
Кольскій уѣздъ	363	Крестининъ, историкъ Холмогоръ	218
Колынка за станціей (Рисунокъ)	346	Крестовоздвиженская часовня въ Боровичахъ	28
«Комары» 450, 451		Кривичи 113, 209	
Коммерцъ-коллегія	77	Кривой Поясъ	79
Компанія Онежскаго лѣсного торго	378, 379	Крохино	41
Конда	283	Крохинцы	137
Коноводки 139, 140		Крохинъ	137
Константина шлюзъ	53	Крымцы	45
Константинъ Всеволодовичъ, великій князь	152	Крымъ	358
Константинъ и Дмитрій Борисовичи, князья ростовскіе	193	Крыловъ, отст. унтеръ-офицеръ	268
Константинъ Николаевичъ, великій князь 254, 255		Ксенія Годунова	39
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ	102, 448	«Кубась»	297
Константинъ, святой, князь	150	Кубинское озеро 174, 176	
Константинъ Святославовичъ, князь муромскій	28	Кубакинская Выставка 184, 185	
Константинъ, Феодоръ и Давидъ, святые князья; мощи ихъ	152	Кубакинская Выставка (Рисунокъ)	183
Кончанское, село 31, 91		Кудринъ, торг. фирма	435
Кончезеро	70	Кузнецовъ, часторговецъ	431
Кончезерскій заводъ 65, 68, 77		Кузнецовъ, фарф. фабрикантъ	435
Кончезерскій заводъ (Рисунокъ)	76	Кузова, острова 247, 274	
Кончезерскія желѣзныя воды	77	Кузовъ, Дальній	274
Копань	123	Кузовъ, Нѣмецкій	274
Копылово	186	Кузовъ, Ольховый	274
Корела (Кексгольмъ)	92	Кузомена	283
«Корелка»	415	Кузоронда, деревня	410
Корелы 70, 71		«Куйвакса»	343
Кореля	91	Кулибинъ, механ.-самоучка	422
Кормищикъ	297	Кулой, рѣка 363, 365, 374	
Корнилий Комельскій	43	Кулойскій посадъ	366
Корнилий Палеостровскій	60	Кунья, рѣка	114
Корнилий, старецъ-раскольникъ	400	«Купецъ», пароходъ	174
Корниловы, торг. фирма	435	Курбскій, князь 45, 267	
Коровники	154	Курганы	12
Корось, озеро	397	Курмы	182
«Коротенька»	343	Курополка, рѣка	217
		Куростровъ	223
		Курочинъ, самоучка-судостроитель	99, 234
		«Курье»	196
		«Курьеръ», фрегатъ	217
		Кушелевъ, графъ	116
		Кушелевъ, путешеств. 340, 354, 357, 391	

	стр.		стр.
Кушмозеро	82	Лошкинъ, кормщикъ	285
Кушрѣка	385	«Луца»	82
Кыркаловъ, Фома, мезенець	367	«Луиза», судно	244
«Лабазы»	382	Лука, епископъ владим.	450
Лабзинъ	431	Лука, холмятиничъ	113
Лавинскій, ген.-губ. Вост. Сибири	171	Луковецъ, село	36
Лагорио, художникъ	91	Луковица, рѣчка	118
Ладо; празднованіе его	30	Лысково, село	322
Ладога	92	Львовъ, князь	270
Ладожскіе каналы	91	Лыной буянь въ Архангельскѣ	235
Ладожскій батальонъ	93	Лѣтница, порогъ	26
Ладожскій каналъ	127	Лѣтнегорская спасат. станція	244
Ладожское озеро	87, 90, 91, 92, 93, 409	«Лѣтникъ»	360
Лазаревъ, лейтенантъ	286	Любанъ	10
«Лайка» (собака)	79	Ляльскъ	195
Лампожня	98, 210	Магнусъ, король шведскій	92
Ландскрона	92	Маймакса	238
Левшинъ, нач. Яросл. губ.	160	Майновъ	398
Леденгскій солевар. заводъ	182	Макарій Вышкоозерскій	60
Ледовитое море (океанъ)	60,	Макаровъ, кабинетъ-секретарь	169
97, 100, 159, 223, 226, 228, 234, 238,		Макарьевская пустынь въ Соловахъ	263,
244, 246, 273, 284, 285, 286, 288, 289,			273
294, 304, 305, 306, 333, 334, 349, 352,		Макарьевская ярмарка	423
354, 358, 406, 408, 409		«Макса»	298, 327, 328
«Ледоколъ», пароходъ	85	Максимовъ, изслѣдов. Сѣвера. 199, 217, 225	225
«Леера»	289	«Малицы»	366, 367
«Лежа»	298	Малокрошечные, купцы	415
Лекса, монастырь	7, 82, 271, 401, 410	Малюта Скуратовъ	100, 267
Лекса, рѣка	401	Мангазея	230
Лемке, архитекторъ	428	Марбургъ	223
Леонтій, преподобный	162	Маргаритинская ярмарка	237, 294, 301
Лжедмитрій (Григ. Отрепьевъ)	34	Марина, жена Лжедмитрія	150
	150, 180, 195, 211	Маринская водная система	6,
Лиманъ	94	36, 41, 49, 54, 83, 98, 127, 135, 136	136
Линдесъ, торг. домъ	237	Марія Святой шлюзъ	56
Липицы, погость	118	Марія Нагая, жена Иоанна IV	36
«Липты»	370	Марія Павловна, Вел. Княг.	131, 443
Литва (литовцы)	43, 101, 113, 132, 146	Марія Федоровна, вдовств. Гос. Имп.	443
Литке, мореплаватель	285, 286, 366	Марія Федоровна, императрица	54
«Литовскія могилы»	32	Маркъ Гробоконатель	178
Литовскія озера	35	Мартинианъ	43
Лица, губа	335	Мартосъ, скульпторъ	223
Лобановъ, князь	116	Марфа Борецкая (см. Борецкая М.).	410
Лобно, погость	111	Марфа, инокиня, мать царя Михаила	408
Ловать, рѣка	112, 113, 114	Маселья	272, 398, 405,
Ловець жемчужинъ (Рисунокъ)	278	Матвѣйка, отрокъ Стефана Пермскаго	159
Логозеро	68	Матигоры	220
Лодейное Поле	7, 83—89, 97, 416	Маткоозеро	408
Лодейное Поле (Рисунокъ)	88	Маткоозерскій каналъ	56
Лодейнопольская верфь	87	Матюшкинъ, бояринъ	387
Ломоносовская площадь	238	Машозерка	399
Ломоносовская площадь и гимназія въ		Меглино, озеро	32
Архангельскѣ (Рисунокъ)	240	Мегля, рѣчка	32
Ломоносовское училище въ Денисовкѣ	223	Медвѣдецъ, порогъ	85
Ломоносовское училище въ Денисовкѣ		Медвѣдница, оврагъ	152
(Рисунокъ)	224	Медвѣдка, урочище	90
Ломоносовъ, Вас. Дороф., отецъ поэта	223	Медвѣжій островъ	320, 355, 356, 358
Ломоносовъ, Мих. Вас.	99, 213, 223	Межеумокъ	137
Ломоносовы	223	«Межники»	360
Лопари	345	Мезенскій заливъ	362—371, 372, 374
Лопарка съ коряжкой (Рисунокъ)	342	Мезенскій уѣздъ	52, 363
Лопарь съ болкомъ (Рисунокъ)	341	Мезень, городъ	97, 210, 347, 361, 362—371,
Лососинка, рѣчка	65, 68		372, 378
«Лось», камень	180	Мезень, городъ (Рисунокъ)	368
«Лохъ»	200, 391	Мезень. Новый соборъ (Рисунокъ)	364

	стр.
«Мезень», пароходъ	363, 372
Мезень, рѣка 209, 363, 370, 371, 372, 378, 379	
Мезень. Старый соборъ (Рисунокъ) . . .	369
Мелетій, настоятель Соловокъ	254
Мелиссино, островъ	12, 16
Меньшиковъ	13
Меря	98, 148, 209
Мещериновъ, воевода	271
Мещерское озеро	435
Милютины, братья, И. и В.	37
Миничъ	154, 267, 422, 423, 429
Минкина, Настасья	11
Митрофановъ, поморъ	237
Митрофанъ, еписк. владим.	451
Михаилъ, инокъ (Морозовъ)	44
Михаилъ Θεодоровичъ, царь	98, 135, 150, 154, 167, 211, 254, 257, 268, 338
Михайловское, дер. А. С. Пушкина	107, 109
Михайловское, село (Рисунокъ)	106
Михайловъ, писатель-путеш.	223, 281, 354
Мневскій порогъ	414
Многострадаальный, Иоаннъ	178
Могильная губа	335
Моисеевъ островъ	226, 228, 234
«Мойва», пароходъ	303
Мойва, рыба	298, 302, 340
«Мойвенный» артели	302
Мойка	65
Молога	26, 32, 33, 34, 35, 132, 134
Молотковъ, торг. фирма	433
Молчановъ, торг. фирма	433
Монастырь Александро-Невская лавра	221
Монастырь Архангельскій въ Архангельскѣ	226
Монастырь Архангельскій въ Устюгѣ Великомъ	193
Монастырь валдайскій Иверскій Свято-езерскій Богородицкій первоклассн.	117, 122, 123, 124
Монастырь валдайскій Иверскій (Рис.)	21
Монастырь Введенскій въ Бѣжецкѣ	134
Монаст. Введенск. въ Сольвычегодскѣ	201, 205
Монаст. Введенск. въ Сольвычегодскѣ (Рисунокъ)	206
Монастырь Владимірскій дѣвичій	39
Монастырь Волоколамскій	47
Монастырь Воскресенск. въ Череповцѣ	36
Монастырь Выксинская пустынь	36
Монастырь Горицкій женскій	38, 39
Монастырь Горицкій женскій (Рис.)	40
Монастырь Даниловскій раскольничій	7, 82, 271, 401, 410
Монастырь Задонскій Богородицкій	120
Монастырь Ипатъевскій	107
Монастырь Казанскій женск., въ Вышнемъ Волочкѣ	127
Монастырь Кирилло-Бѣлозерскій	6, 38, 41, 43, 44, 45, 46, 99, 144—146, 167
Монастырь Кирилло-Бѣлозерскій (Рис.)	42
Монастырь Кіево-Печерская лавра	203
Монастырь Климецкій	82
Монастырь Климецкій (Рисунокъ)	80

	стр.
Монаст. Короцкій Тихановскій дѣвич.	120
Монаст. Короцкій Тихановскій дѣвич. (Рисунокъ)	121
Монаст. Крестный на Кюстровѣ 385, 386, 387	
Монастырь Крестовоздвиженскій женскій въ Бѣжецкѣ	134
Монастырь Крестовоздвиженскій женскій въ Н.-Новгородѣ	428
Монастырь Лексинскій, раскольничій	7, 82, 271, 401, 410
Монастырь Медвѣдскій	90
Монастырь Никольскій, въ Арх. губ.	209
Монастырь Отрочъ, тверской	267
Монастырь Палеостровскій	82, 410
Монастырь Печенскій	60, 338
Монастырь Печерскій въ Н.-Новгор.	422
Монастырь Предтеченскій женскій въ Устюгѣ Вел.	187, 193
Монастырь Саввинъ-Сторожевскій	270
Монастырь Свирскій	272
Монастырь св. Василія въ Бѣлозерскѣ	41
Монастырь Святогорскій 103, 104—109, 110, 111	
Монастырь Святогорскій (Рисунокъ)	105
Монаст. Св.-Духовъ, въ Боровичахъ 30, 124	
Монастырь Св.-Духовъ, въ Боровичахъ (Рисунокъ)	29
Монастырь Сергіева пуст., на Сухонѣ	178
Монастырь Симоновъ, въ Москвѣ	43, 44
Монастырь Спозерская пустынь	35
Монастырь Сійскій	98, 211, 213, 238
Монастырь Сійскій (Рисунокъ)	212
Монастырь Соловецкій (Соловки)	19, 41, 97, 99, 209, 230, 231, 238, 245—273, 274, 281, 294, 335, 338, 339, 378, 386, 390, 394, 398, 400
Монастырь Соловецкій. Видъ съ угловой башни (Рисунокъ)	250
Монастырь Соловецкій. Внутренній дворъ. Колокольня «Благовѣтника» (Рисунокъ)	252
Монастырь Соловецкій. Общій видъ (Рисунокъ)	249
Монастырь Соловецкій. Одна изъ гостиницъ (Рисунокъ)	262
Монастырь Соловецкій. Оружейная палата (Рисунокъ)	269
Монастырь Соловецкій. Савватіевъ скитъ (Рисунокъ)	265
Монастырь Соловецкій. Скитъ Сѣкиръ-Гора (Рисунокъ)	272
Монастырь Соловецкій. Трапеза (Рис.)	261
Монастырь Соловецкій. Чайки (Рис.)	253
Монастырь Соловецкій. Часть стѣны за галъю (Рисунокъ)	255
Монастырь Соловецкій. Экипажъ спасательной лодки (Рисунокъ)	256
Монастырь Спасо-Мирожескій	106
Монастырь Спасо-Преображенскій въ Ярославлѣ	146, 152, 154
Монаст. Спасо-Прилуцк. въ Вологдѣ	171
Монастырь Спасо-Суморинъ Феодосіевъ, въ Тотмѣ	180
Монастырь Спасо-Суморинъ Феодосіевъ, въ Тотмѣ (Рисунокъ)	181

	стр.
Монастырь Старо-Ярославскій	270
Монастырь Суздальскій	178
Монастырь Толгскій . . . 144, 146, 152, 171	
Монастырь Толгскій. Придѣлъ Св. Феодора, Давида и Константина	146
Монаст. Троице-Сергіева лавра. 41, 171, 267	
Монаст. Троицкій, на р. Югѣ.	195, 196
Монастырь Успенскій женскій въ Холмогорахъ	218, 221, 301
Монастырь Успенскій женск. въ Холмогорахъ. (Рисунокъ)	219
Монастырь Ферапонтовъ	46
Монастырь Чуда Архангела Михаила. 228	
Монастырь Чудовъ, въ Москвѣ	248
Монастырь Юрьевъ, въ Новг. губ.	19
Монаст. Яковлевскій, близъ Ростова	164
Монаст. Янковскій, въ Устюгѣ Вел.	195
Моржи	313
«Морозники».	302, 303
Морозовъ (инокъ Михаилъ)	44
Морозовъ, Савва	429, 431
Морозовы, бояре	6
Морозовы, братья; торг. фирма	429
«Морское сало».	360
«Морскія звѣзды».	360
«Морянка»	360
Москва	43,
45, 87, 98, 99, 102, 116, 122, 127, 130, 131, 134, 140, 150, 152, 154, 158, 159, 167, 169, 190, 203, 210, 211, 220, 230, 266, 267, 268, 270, 289, 302, 325, 336, 357, 400, 422, 425, 428, 431, 433, 447, 451	
Московскій Кремль	203
Московскій (суздальскій) стиль	98, 160
Московское царство	201
Московско-петербургское шоссе	122, 125
Мотовскій заливъ	307
Мохченская волость	365
Моша, рѣка	381
Мста, рѣка	6,
20, 21, 26, 30, 127, 130, 131	
Мста, станція	130
Мстино, озеро (Мстинское)	21, 127, 130
Мстинскій шлюзъ	127, 130
Мудьюгская спасат. станція	244
Мудьюгскій маякъ	244, 385
Мудьюгскій островъ	234
Муксалма	147,
254, 255, 263, 266, 268, 273	
Муравьевская башня	422
Муравьевъ, лейтенантъ	286
Мурманъ	97,
100, 223, 230, 246, 247, 268, 274, 277, 281, 283, 289, 290, 294, 296, 300, 301, 303, 305, 306, 307, 313, 316, 320, 321, 322, 326, 327, 330, 331, 333, 334, 335, 336, 347, 348, 349, 356, 357, 358, 360, 362, 378, 379, 380, 394	
«Мурманъ», пароходъ	303
Мурома	209
Мурома, рѣка	398, 399
Муромъ	209
Мусинъ-Пушкинъ, воевода ярославскій	147
Мышецкіе, князья	400, 401

	стр.
Мягкозерская, рѣка	398
Мянь-горы	72
Мшадъ бездной (Рисунокъ)	8—9
Наживочникъ-зукъ	297
Назрѣцкій погостъ	313
Назь, рѣка	313
«Наледный» промыселъ	306
Намойные пески	83
На порогахъ (Рисунокъ).	8, 9
Нарема, село	176
Наримантъ Гедиминовичъ, литовскій князь	92
Настасья Минкина	11
На шнякъ. Зукъ, тяглець и весельщикъ (Рисунокъ)	295
«Наѣздникъ», крейсеръ	247
Неаполь	171
«Неблюй».	370
Нева	6,
85, 91, 92, 93, 94, 100, 127, 182, 200, 272, 306, 399, 414, 454	
Нева, Малая	217
Невка	404
Невскій бой на Ижорѣ	92
Неждановы, посадскіе люди	154
Незеленовъ	107
Немировъ-Колодинъ, торг. фирма	435
Ненокскіе соляные источники	303
«Нешгунусъ», судно.	235
Непѣя, Гіосифъ	65, 167, 169, 230
Неро, озеро	158, 164, 195
Неронинъ, кольскій мѣщанинъ	327
Нестеровичъ, Иринея, архіеп. иркутск.	171
Несторъ, лѣтописецъ . 6, 98, 113, 152, 208	
Неупоковъ, гидрографъ.	285
Нечаевъ-Мальцевъ	435
Нечеры	230
Нефловъ, воевода	367
Нижегородская губернія	428
Нижегородская ярмарка	197, 419—446
Нижегородская ярмарка. Видъ со стрѣлки (Рисунокъ).	439
Нижегородск. ярмарка. Видъ съ Алекс.-Невск. ул. (Рисунокъ).	444
Нижегородская ярмарка. Главный домъ (Рисунокъ).	431
Нижегородская ярмарка. Китайскіе ряды (Рисунокъ)	441
Нижегородская ярмарка. Общій видъ ярм. стороны и мостъ (Рисунокъ)	436
Нижній базаръ	423
Нижній-Новгородъ 35, 97, 120, 134, 419—446	
Нижній-Новгородъ. Благовѣщенскій монастырь (Рисунокъ)	442
Нижній-Новгородъ. Видъ съ Ильинскаго проѣзда (Рисунокъ).	427
Нижній-Новгородъ. Гробница Мипина (Рисунокъ).	424
Нижній-Новгородъ. Дворецъ въ Кремлѣ (Рисунокъ)	426
Нижній-Новгородъ. Ивановскіе съѣздъ и ворота (Рисунокъ)	430
Нижн.-Новгородъ. Нижневолжская набережная (Рисунокъ)	421

	стр.
Нижний-Новгородъ. Общій видъ города и Оки (Рисунокъ)	420
Нижн.-Новгородъ. Софроновскій скверъ и видъ Оки (Рисунокъ)	434
Нижний-Новгородъ. Церковь св. Георгія (Рисунокъ)	425
Никаноръ, архим. Савв.-Стор. мон. 270,	271
Никита Пустосвятъ	221
Никитинъ, Михаилъ, поморь	100, 281
Никифорово, село	35
Никодимъ Кожеезерскій.	60
Николай Александровичъ, покойный цесаревичъ	146
Николай, архимандритъ	106
Николай I, императоръ	16, 18, 99, 102, 107, 171, 257, 408, 425, 448
Никольская мануфактура	429
Никольскій погостъ въ Боровичахъ.	28
Никольскій рыбопроизводный заводъ	118
Никольское, мѣстечко	431
Никольское, село, на Сухонѣ	186
Никонъ, патріархъ.	44, 46, 117, 122, 123, 124, 146, 160, 268, 269, 270, 386, 387
Ниловицы.	38
Нилъ Сорскій	6, 41, 43, 46, 47, 48, 159
Новая Земля	100, 209, 238, 244, 247, 260, 281, 285, 286, 288, 289, 306, 313, 320, 321, 333, 347, 357, 363, 365, 367, 374, 385, 393
Новая Ладога.	7, 89, 90—94
Новгородка	103, 104
Новгородская Бѣжецкая пятина	132
Новгородская волость	209
Новгородская вольница	98, 209, 254
Новгородская губернія 70, 90, 91, 97,	125
Новгородская Деревская пятина	116
Новгородскія вѣчевыя владѣнія.	122
Новгородскія стариныя владѣнія	90
Новгородцы	91, 92, 98, 113, 116, 132, 134, 148, 208, 209, 210, 378
Новгородъ.	97, 98, 116, 122, 132, 134, 220, 254
Новгородъ Великій (см. Великій Новг.)	
Новоржевъ.	97, 103, 110—111, 117
Новосибирскіе острова	286
Новыя Холмогоры.	230
«Нодья»	382
Норвегія	26, 191, 288, 289, 304, 305, 306, 309, 316, 320, 321, 322, 335, 343
Норвежскій ромъ	321
Норвежцы.	209, 228, 298, 325, 327, 335, 349, 374
Норденшильдъ, мореплаватель	238
«Норденшильдъ», судно	238, 244
Нормандія.	358, 360
Норманны.	209
Норская мануфактура	144
«Норья»	382
Носовы	431
Нотеборгъ.	91
Ныровская волость	211
Нѣмецкій Кузовъ	274

	стр.
Нѣмецкія озера.	35
Нюксеницъ, село	186
Нюхацкая волость	254
Нюхацкій походъ. 100, 169, 231, 397, 399	399
Нюхча	375, 398, 399, 408
Обдорская земля	98
Обонежская пятина	6, 60
Образецъ, военачальникъ	210
Обратный путь вдоль Мурмана.	348—354
«Обская» экспедиція.	233
«Объ», рѣка	285, 286
«Объ», судно.	286
«Общество по Волгѣ», пароходство.	139
«Обѣдникъ»	276, 360
Обѣдъ судорабочихъ на волжской полу-баркѣ (Рисунокъ)	143
Огаревъ, ген.-губ. нежегор.	438
Огородниковъ, историкъ Архангельска.	230
«Озера»	174
Озерецковскій, академикъ	327
Озеровъ, воевода соловецкій	281
Ока	422, 437, 438, 440
Окладниковы, бояре новгор.	209
Олеги	107
Олений островъ	305
Олений Рогъ	286
Оленья губа	333
«Олеофраки»	289
Олонецкая губернія	62, 79, 87, 97, 169, 190, 294, 380, 401, 408, 415
Олонецкая губернія. Типъ крестьянской постройки (Рисунокъ)	71
Олонецкіе заводы	65
Олонецкій горный кряжъ	272, 398
Олонецкій край.	6, 7, 60, 62, 65, 78, 401, 409, 411
Олонечное пустынножителство	41
Олончане	79, 82
Ольга, княгиня	6, 26
Ольга Николаевна, великая княжна	102
Ольгины погосты	98
Ольховецъ, порогъ	408
Ольховый Кузовъ	274
Ондрусовскій, Адрианъ	60
Онега, городъ	97, 234, 255, 281, 335, 374, 375, 378, 380, 385, 386
Онега, городъ. Аида. Группа охотниковъ (Рисунокъ).	383
Онега, городъ. Общій видъ (Рисунокъ).	376
Онега, городъ. Соборъ (Рисунокъ)	377
«Онега», пароходъ. 61, 357, 375, 385, 410	390
Онега, рѣка . 378, 379, 381, 385, 386, 390	375
Онежскій заливъ	375
Онежскій льсопильный заводъ.	380, 381
Онежскій обводный каналъ.	83
Онежскій охотникъ съ лайкой (Рисунокъ).	384
Онежское озеро	54, 56, 59—61, 65, 68, 83, 100, 272, 375, 380, 396, 397, 398, 399, 405, 406, 408, 409, 410, 414, 416
Онежское побережье	60
«Опоки», порогъ	176, 186
Опоченскій посадъ.	26

	стр		стр
Опоченскій посадъ со стор. Боровичей (Рисунокъ)	23	Памятникъ открытiя Маринскаго ка- нала	56
Опоченскій рядокъ	26	Памятникъ офицерамъ Ростовск. грен. полка	11
Опочка 101, 111,	113	Памятникъ Петру I въ Лодейномъ Полѣ .	87
Опричина	45	Памятникъ Петру I въ Петрозаводскѣ .	62
«Опытъ», пароходъ	139	Паниловскiй погостъ	218
Орда	41	Паниль, «осадная голова»	113
Орлецы 214,	218	Параскева-Пятница 28,	111
Орловскiй Александровскiй институтъ .	18	Пароходъ «Олонецъ» (Рисунокъ)	8, 9
Орловскiй маякъ	286	Пароходъ по каналамъ (Рисунокъ)	8, 9
«Оростяги»	237	Парфенка	281
Орша	110	Паскевичъ, графъ	109
Ориго, озеро	110	Настуховъ, торг. фирма	438
Орѣховъ	92	Патрафѣвская волость	385
Орѣховъ островокъ	92	Патрикiй, ключарь владим. собора .	451, 452
Орѣшскъ 7, 91, 92,	93	Пахомiй Кенскiй 60,	264
Осиповъ	431	«Пахта»	333
Осиповы, семейство	107	Пельмъ 94,	211
«Осорки»	32	Переметы	182
Острова чаекъ (Рисунокъ)	350	«Пересвѣтъ», фрегатъ	234
Островичи 101,	102	Переславль	173
Островскiя легенды 101,	102	Пермская земля 98,	159
Островъ городъ 97,	101—103	Пермскiй, Стефанъ 98,	159, 187
Отерь	209	Пермь-Котласская жел. дор. 189,	190, 192,
Отечественная война	199, 233	193,	207
Отрепѣвъ, Григорiй (см. Лжедмитрiй I).		Пермь 193,	200, 446
Отрепѣвъ, Солмень	34	Пермяковъ, казакъ	286
Отъ Кеми до Териберки 284—	291	Перри	56
Отъ Мезени къ Онегѣ	372—385	Перскiй, Богданъ	34
Отъ Петербурга на Кивачъ. (Рисунокъ)	8, 9	Першица	281
Отъ Петровскаго яма къ Повѣнцу .	405—411	Пески въ Н.-Новгородѣ	437, 440
Отъ Соловокъ до Кеми	274—283	Песоцкiе, паны	43
Отъ Сумскаго посада до Петровскаго яма	397—404	Пестовка, рѣчка	120
Отъ Териберки къ Арѣ-губѣ	304—313	Пестовское озеро	120
Отъ Устюга до Сольвычегодска .	196—200	Песья Деняга, рѣчка	180
Охотское море 234, 320,	374	Песья Луда	248
Шавель, еписк. владим.	448	Петербургъ 62,	
Шавель I, императоръ 11,		65, 78, 87, 99, 100, 120, 125, 135,	
13, 18, 31, 113, 116, 406, 415,	448	147, 150, 169, 178, 180, 187, 189, 190,	
Павла святого шлюзъ	58	191, 200, 211, 221, 233, 234, 271, 289,	
Павла шлюзъ (Рисунокъ)	55	294, 302, 325, 335, 336, 357, 382, 391,	
Павловъ, лейтенантъ	286	394, 400, 401, 406, 408, 415, 416, 428,	
«Падающiя башни»	154	453, 454	
Падающiя башни (Рисунокъ)	155, 156	Петра св. шлюзъ	56
Пайсiй, игумень соловекскiй	267	Петрикъ, самозванецъ	34
Пайсiй, инокъ Сiйскаго монастыря . .	214	Петровскiй полкъ	10
Палеостровскiй, Корнилiй	56	Петровскiй ямъ 396, 397, 403,	404, 405
Палехъ, село	450	Петровскiй ямъ. Поселокъ (Рисунокъ) .	402
Палица	268	Петровскiй ямъ. Часовня (Рисунокъ) .	403
Палицынъ, Авраамiй 99, 211,	267, 268	Петровскiя сваи	405
Палицыны; родъ ихъ	268	Петровъ, холмскiй посадскiй человекъ .	114
«Палуха»	300	Петрозаводскiя горы	410
«Палтусовая карга»	325	Петрозаводскъ 7,	
Палтусъ, рыба	325	61, 62—68, 69, 77, 87, 406, 410,	411, 412
Памъ, волхвъ 98,	159	Петрозаводскъ. Александровск. заводъ (Рисунокъ)	66
Памятникъ Александру I въ Грузинѣ .	15	Петрозаводскъ. Домъ, гдѣ жилъ Дер- жавинъ (Рисунокъ)	75
Памятникъ Александру II въ Петроза- водскѣ	62	Петрозаводскъ. Общiй видъ города (Ри- сункъ)	63
Памятникъ Ломоносову въ Архангель- скѣ 223,	238	Петрозаводскъ. Памяти. Александру II (Рисунокъ)	64
Памятникъ Ломоносову въ Архангель- скѣ (Рисунокъ)	241	Петрозоро	70
Памятникъ Минину и Пожарскому въ Н.-Новгородѣ	425		

	стр.
Петръ, митрополитъ	205
Петръ I, Великій	6,
11, 13, 26, 28, 33, 52, 56, 58, 62, 65,	
77, 85, 87, 91, 92, 93, 94, 99, 100,	
102, 107, 122, 125, 130, 134, 158, 164,	
169, 170, 174, 176, 180, 190, 193, 215,	
217, 218, 221, 228, 230, 231, 233, 248,	
254, 257, 264, 306, 320, 336, 338, 340,	
363, 365, 367, 375, 379, 396, 397, 398,	
399, 400, 404, 405, 406, 408, 410, 422,	
	423
Печенга, губа	401
Печерскій, Арефа	178
Печерскій, Феодосій (см. Феодосій Печ.).	
«Печище».	113
Печки, порогъ	26
Печора.	286, 363, 365, 370
«Пешни»	374
Пидма	85, 416
Пиментъ и Антоній, угодики; ихъ мощи.	165
Пиментъ, инокъ (Щенятевъ)	44
«Пимы»	370
Пинга	365, 371
Пинежскій уѣздъ	237, 366
Пирсь, озеро	21
Питиримъ, митрополитъ	423
«Побережникъ».	360
Повѣнецкій уѣздъ	79, 400, 401
Повънецъ	65,
97, 100, 169, 231, 254, 272, 396, 397,	
398, 399, 405—411	
Повѣнецъ, Соборъ (Рисунокъ).	407
Повѣчанка	280, 406, 408, 410
Поданскъ	406
Подвысоцкій	343
Подозерная слобода	122
Подпорожье	412, 414, 415
Подсосенье	35
Подуженье, село	391
Подципаевъ, Фома	34
Пожарскій, князь	150,
152, 154, 257, 267, 268, 429	
Покровскій уѣздъ	429
Покровское, село	140
«Покровъ», китобойное судно.	317
«Покручники»	294, 296, 297, 298
Пола, губа	333, 334
Подневъ, мыловаръ	195
«Полканъ», пароходъ.	234
«Полуночникъ».	360
Полуночное солнце (Рисунокъ)	353
Полушкина роща	147
Полушкинъ	147
«Поляза», шлюзъ	53
Поляки	34, 35, 102, 113, 150, 154, 220
«Полярная Звѣзда», шхуна.	226, 335
Поморы	100,
280, 281, 291, 292, 296, 302, 380	
Поморье	246,
290, 291, 294, 296, 302, 303, 309, 321,	
325, 335, 357, 379, 390, 408, 409	
Поной	283
Попька, рѣка.	280
По порогамъ (Рисунокъ)	72
Попъ Мишка Жукъ	111

	стр.
Порогъ, село.	187
«Порогъ», семга.	390
«Пороки».	92
«Порочные мастера».	92
Порпорогъ	72
Порпорогъ (Рисунокъ)	8, 9
«Посадъ». Древн. часть г. Валдая (Рисунокъ)	119
Поспѣловъ, мореплаватель	286
Потемкинъ, свѣтлѣйшій князь.	127
Потерилицкая пристань	26
Правая часть Валдайск. озера (Рисун.).	119
Предтеченская часовня въ Соловкахъ.	263,
	271
Премудрый, Епифаній	159
Преображенская гора въ Шлиссельб.	91,
	93, 94
Преображенскій полкъ	94
Приказъ Большаго Двора	254
Прилуцкій, Дмитрій, святой	171, 173
Прионежье	60
«Припай» льдовъ	306, 329, 334
Пристань въ гор. Рыбинскѣ (Рисунокъ).	136
«Продольники».	325
Прокоповичъ, Феофанъ	160, 400
«Проконъ»	174
«Пролей-капу».	176
Прохоровы	144
Прохоровыхъ товарищество	130
Пругавинъ, судостроитель	230
Псковичи	101, 102
Псковская губернія	97, 115
Псковскій бунтъ	45
Псковъ	98, 101, 102, 104, 106, 110
Пугачевъ	422
«Пугачъ».	331
Пудоба, рѣка.	414, 415
Пудогъ, село	415
Пудожскій уѣздъ	79, 415
Пудожъ	97, 410, 411, 412—416
Пудожъ (Рисунокъ).	413
Пуль-озеро	398, 399
Пупокъ-гора	398
Пунырыши, порогъ	85
Пустьозерская волость	365
Пустьоржевскій уѣздъ	110
«Путикъ».	330, 382
Пухово	195
Пушкинъ, А. С., поэтъ	104,
	106, 107, 109, 111, 117
Пушкинъ, А. С. Крестъ на его могилѣ до постановки памятника (Рисунокъ).	105
Пушкинъ, Григорій Александровичъ	107
«Пыжикъ».	370
Пятковъ, торг. фирма	433
Пятъшевъ, купецъ	167
Рабо.	313
Разинъ, Степья	270, 422
Размысловъ, мореплаватель	286
Раковскія соляныя варницы	180
«Ракушница».	280
Раскольничій мятежъ въ Соловкахъ	269,
	271, 400
Растъ-Наволокъ.	296
Расшны	140

	стр.		стр.
«Ревуха»	331	Сафроновъ, арханг. вице-губернаторъ	339
Рейнеке, гидрографъ 285, 327, 334, 340,	355	Сашка, сотникъ соловецкій	271
Рига	435	«Сборники» монастырскіе	46—47
Родионовъ и К ^о , торг. фирма	433	Свирскіе каналы	91
Романова, Марфа	211	Свирскіе лоцмана	85
Романовъ, городъ	142, 180	Свирскіе пороги	85
Романовъ-Борисоглѣбскъ	97, 142, 144	Свирь	82, 83, 85, 87, 200, 272
Романовъ, Василій Никитичъ	211	Свирь. Истокъ ея (Рисунокъ)	84
Романовъ, Михаилъ Никитичъ	211	Свирь. Селеніе Важины (Рисунокъ)	86
Романовъ, Федоръ (Филаретъ) Ники- тичъ	98, 211, 213—214, 238	Своземцевы, бояре новгородскіе	209
Романовы, Царствующій Домъ	150, 211	Свѣтичная башня	94
Романъ Владиміровичъ, князь	144	«Святнаволоцкое товарищество»	380
Ромодановскіе	44	Святого Павла шлюзъ	58
Ростовская область	148	Святого Петра шлюзъ	56
Ростовскій, Дмитрій (см. Дмитрій Р.)		Святое озеро (Валдайское)	122
Ростовскій кремль	158, 160, 162	Святое озеро въ Соловкахъ	268
Ростовскій музей древностей	162	«Святое Пророчество», фрегатъ	231
Ростовъ Великій	97,	Свято-озеро	452
98, 150, 152, 157, 158—164, 195, 209		Святой Анны шлюзъ	53, 54
Ростовъ Великій. Бѣлая палата. (Рис.)	163	Святой, Давидъ Феодоровичъ, князь ярославскій	144
Ростовъ Великій. Видъ съ озера. (Рис.)	161	«Святой Духъ», фрегатъ	217
Росцо, озеро	110	Святой Маріи шлюзъ	56
Ртищевъ, воевода устюженскій	34, 35	Святой Носъ	287,
Рубежъ	56	288, 305, 306, 336, 352, 355, 356, 360, 362	
Рублевъ, художникъ	450	«Святой Павелъ», царскій корабль	231
«Рубленый» городъ	152	«Святой Петръ», яхта	230
Ружниковъ, мезенскій купецъ	367	Святой ручей	187
Рукавишниковъ, торг. фирма	438	Святославъ	107
Румянцевъ, министръ коммерціи	321, 340	Святославъ Ярославовичъ, кн. тверской	134
Русановскій заводъ	362—363, 366, 412	Святъ-Наволокъ	60
«Рухлядня» въ Соловкахъ	263	Святые Врата въ Соловкахъ	248
«Рыбакъ», общество	302, 303, 326	Святые Горы	103
Рыбанскъ	135	Селивестръ, сов. Іоанна IV (онъ же свѣц.-инокъ Спиридонъ)	44
Рыбачій полуостровъ	306, 307, 325	Селигеръ, озеро	120
Рыбинско-Бологовская жел. дор.	132, 137	Селижаровка	120
Рыбинскъ	37, 97, 134, 135—141, 142	Селище, селеніе	117
«Рыбная слобода»	135	Селищскій Рядокъ	117
Юрковна крѣпость	5—6, 91, 97	Сельги, горы	408
Юрикъ	41, 52, 150, 230	Сельдяной промыселъ	390
«Ябики»	393	Селуневъ, посадникъ	254
«Ябишки»	393	Семеновскій полкъ	93
Ярбоевъ	77	Семжа, деревня	365
Саватѣевъ, Иванъ	169	Семужій промыселъ	390
Савва, отецъ Тихона Задонскаго	120	Семь-Острововъ	301, 305, 335
Савватіева пустынь въ Соловкахъ	273	Сергіева пустынь въ Соловкахъ	263, 273
(Рисунокъ)	265	Сергіевъ мысъ	325
Савватій, блаженный	60, 251, 260, 266	Сергіи, архимандритъ	146, 270
Савватій, келарь соловецкій	270	Сергіи, преподобный	44
«Садъ Спасенія» книга	257	Сердюковъ	125, 127, 130
Сайда, губа	333	Серебренниковъ, купецъ	33
Сальный, островъ	355, 356, 358, 360	Сибирская пристань	433, 437, 438
Сальный, островъ. Лопарскіе олени (Рисунокъ)	359	Сибирь	77,
Самадовъ, матросъ	61	159, 180, 189, 191, 195, 201, 203, 230, 374, 385, 431, 433	
Самокатъ	435, 437	Сиверское озеро	43
Самоѣдская кочевка въ тундрѣ (Рис.)	243	Сиверсъ, губери. и намѣстн. новг.	43, 102
Самоѣды	363	Сигизмундъ III, король польскій	211, 267
Санниковъ, сѣверный промыслъ	286	Сиговець, порогъ	85
Сапожниковъ	431	Сидоровъ	356
Сапожничья гора	398	Синега, рѣчка	196
Сафоновъ, иконописецъ	450	Синеусова столица	91
Сафоновъ, командиръ шхуны	286	Синеусовъ курганъ	41, 98
Сафоновъ, купецъ лодейпопольскій	87		

	стр.		стр.
Синеусъ	5, 41,	Соборъ Успенскій въ Соловкахъ	260
Сипичьи горы	104	Соборъ Успенскій въ Сумскомъ посадѣ	394
Сирицусъ	94	Соборъ Успенскій въ Устюгѣ Вел. 187,	193
Сить, рѣка	451	Соборъ Успенскій въ Ярославѣ	150
Сицкіе	6	Соборъ Холмогорскій	218, 221
Сійскій, Антоній	60	Соборъ Холмогорскій. (Рисунокъ)	219
Сія	200, 211	«Совъ-Доръ»	203
Скоморошки	422	Соколиная гора	187, 193
Скоморошская ярмарка	35	Соколовъ, изслѣдователь Заволочья	220
Скопинъ-Шуйскій	33, 34,	Соколовъ, отст. колл. ассес.	268
Скорая Запись	193	Солебай-Алемжанъ, бухарск. торговецъ	435
Скородумъ, порогъ	178	Солнцевъ, академикъ	448
Скуратовъ, Малюта	100, 267	Соловарака	337, 338, 343
«Слава Россіи», судно	235	Соловецкіе острова	244,
Славяне	167, 209	247, 251, 254, 257, 273, 274, 276, 375	
Сліяніе Шексны съ Волгой. (Рис.)	138	«Соловецкій», пароходъ	248, 263
Смоленскъ	45, 122,	Соловецкое подворье въ Сумахъ	393, 394
Смоляниновы, торг. фирма	435	Соловки (см. Монастырь Солов.)	
Собакинъ, Варлаамъ	45	Соловьевъ, историкъ	419
Собачьи Пролазы	56	Соловьевъ, торг. фирма	99
Собачья Дыра, порогъ	85	Соломбала. 226, 228, 231, 233, 234, 235, 244	
«Соболиная» ярмарка	201	Соломбальская верфь	231, 233
Соборъ Андреевскій въ Грузинѣ. 10, 11, 12		Соломенное	68
Соборъ Архангельскій (въ Архангельскѣ)	226, 228, 231	Соломенное, погостъ. (Рисунокъ)	67
Соборъ Благовѣщенскій въ Сольвычегодскѣ	203, 204, 205	Соломенская брекчія	68
Соборъ Богоявленскій въ Мезени	367	«Соль»	203
Соборъ Борисоглѣбскій. (Рисунокъ)	145	Сольвычегодскій уѣздъ	197, 237
Соборъ Бѣлозерскій	52	Сольвычегодскъ. 97, 180, 196, 198, 201—207	
Соборъ Вышневолоцкій	127	Сольвычегодскъ. Общій видъ. (Рис.)	202
Соборъ Георгіевскій во Владимірѣ	452	Сопка, деревенька	112
Соборъ Дмитріевскій во Владим. (Рис.)	449	Сорка, рѣка	46
Соборъ Кемскій, новый.	276, 277, 280	Сорока	234, 283, 391
Соборъ Кемскій, старый	277	«Сороки»	345
Соборъ Нижегородскій ярмарочный	422	Сорокоумовскій, торг. фирма	433
Соборъ Новоладожскій	90	Соротъ, рѣка	106, 109
Соборъ Онежскій	378	Сороцкій заливъ	390
Соборъ Онежскій. (Рисунокъ)	377	Сорскій, Ниль (см. Ниль Сорскій)	
Соборъ Петропавловскій въ СПб.	120	Сосницкая пристань	10
Соборъ Петропавловскій (старый и новый) въ Повѣнцѣ	409	Сосновецъ, маякъ	286
Соборъ Петропавловскій (старый и новый) въ Повѣнцѣ. (Рисунокъ)	407	Софія Алексѣевна, царевна	68, 400
Соборъ Преображенскій въ Н.-Новг.	423	Спасскій погостъ	28
Соборъ Преображенскій въ Соловкахъ. 248, 257, 264, 266, 267		Спирidonъ, священно-инокъ (онъ же Селивестръ, совѣтникъ Іоанна IV)	44
Соборъ Преображенскій въ Соловкахъ. (Рисунокъ)	258	«Становица» на Мурманѣ	294, 301
Соборъ Преображенскій въ Соловкахъ. Царскія двери. (Рисунокъ)	259	Старая Ладога	91
Соборъ Рождества Богородицы въ Мезени	367	Старая Русса	113
Соборъ Соломбальскій	235	Старостинъ, поморь	283
Соборъ Софійскій въ Вологдѣ. 165, 166, 167		«Старый Бѣлозерскъ».	52
Соборъ Софійскій въ Вологдѣ. (Рис.)	172	Степбокъ-Ферморъ, горнозаводчикъ	438
Соборъ Тотемскій	180	Степъка Разинъ	270
Соборъ Тотемскій. (Рисунокъ)	179	Степановы, бояре новгородскіе	209
Соборъ Троицкій въ Вагдаѣ	120	Стефанъ Баторій	102, 113
Соборъ Троицкій въ Пудождѣ	415	Стефанъ Пермскій	98, 159, 187
Соборъ Успенскій во Владимірѣ	447,	Стефанъ, Преподобный	43
448, 451, 452		Стефанъ Яворскій	160
Соборъ Успенскій во Владим. (Рис.)	449	Стороженскій маякъ	89
Соборъ Успенскій въ Москвѣ	152	Стоянка шняки послѣ постановки яруса. (Рисунокъ)	299
Соборъ Успенскій въ Ростовѣ Вел. 160, 162		«Стоянки»	297
		Строгановъ, Аника	203
		Строгановы . 173, 180, 203, 205, 209, 338	
		«Стрѣлка» въ Устюжнѣ	33
		Суворовъ, А. В., полководецъ	31, 90
		Суворовъ, приказчикъ въ Устюжнѣ	34
		Судьбищи; битва при нихъ	45

	стр.		стр.
Суздальская земля	158	Тимофей, юродивый	104
Суздальскій (московскій) стиль	98, 160	Типы поморовъ (Рисунокъ)	282
Суздальскій пѣхотный полкъ	90	Титовъ, торг. фирма	435
Суль	327	Тихвинка (судно)	137
Сума (см. Сумскій посадъ).		Тихвинская водная система	91, 135, 137
Сума, рѣчка	280, 385, 390, 393, 394, 408	Тихонъ Задонскій	120
Сумкинъ, фабрикантъ въ Ляльскѣ	195	Тоболенцы, слобода	106
Сумлянка (Рисунокъ)	395	Товар-ство мануф. Викула Морозова съ сыномъ	431
Сумозеро	408	Товар-ство китоловства на Мурманѣ	310
Сумостровъ	397	Тоготь, сельцо	115
Сумскій порогъ	396	Токмаковъ, князь	104
Сумскій посадъ (Сумы)	97, 100, 209, 251, 255, 272, 385, 386— 396, 403, 408	Токмаковъ, торг. фирма	433
Сумскій рейдъ	390	Толвуйская волость	211
Суна	72, 73, 77	Толвуйскій погостъ	410
Суоярвскій заводъ	68	Толгоболка	144
Сухона	65, 98, 174—184, 185, 186, 187, 195, 196, 197, 203, 210, 302, 357, 372, 391	Толстикъ	309
Сухона. Кувакинская выставка. (Рис.)	182	Толстикъ (Рисунокъ)	308
Сухона. Село Бобровское. Церковь (Рисунокъ)	177	Толчково	154
Сухона. Спасо-Суморинъ монастырь. (Рисунокъ)	181	Топоруха	274
Сушени, село	28, 30	Торжокъ	116, 134
«Сѣверная» жел. дор.	228	«Торосной» промыселъ	329
Сѣверный океанъ (см. Ледовитое море).		Торось, островъ	333
Сѣверо-Двинская комп. парох.	234	«Торосы»	329, 334
Сѣдяха, порогъ	85	Торпачекъ	89
Сѣкирная гора	251, 255, 257, 273	Тотмичи	180
Сюзьма, рѣчка	280	Тотьма	97, 174—184, 195
Сясьскіе каналы	91	Тотьма. Соборъ отъ Рыночной площ. (Рисунокъ)	179
Сясьскіе Рядки	90	Треска	298, 300, 301, 302
Талапога-губа	403	Третьяковъ и Коншинъ, торг. фирма	431
Талычъ, ордынскій царевичъ	451	Трешкотъ (Рисунокъ)	8—9
Тарасій, старецъ	60	Тригорское, деревня	107
Татарское иго	41	Трифонъ, монахъ соловецкій	257
Татары	107, 113, 148, 180, 209, 450, 451	Трифонъ, основатель Печенгск. обит.	338
«Татинова сторона» въ Холмѣ	114	Трифонъ, преподобный	60
Тверецкій каналъ	127	Трифонъ, святитель; явленіе ему иконы Божіей Матери	144
Тверская губернія	97, 225, 435	Троица-Главица	112
Тверская мануфактура	431	Троица Новгородская	393
Тверскіи княжескіи владѣнія	122	Троицкая улица въ Архангельскѣ	226
Тверца	127, 130	Трускотъ	99, 223
«Тверь», судно	235	Тудерь, рѣчка	115
«Творила»	231	Тулома, рѣка	336, 337, 340, 356
Телекина, деревня	398, 399, 405	Турья гора	286
Телекинская, рѣка	408	«Тюкъ»	297
Телекинское озеро	408	Тюмень	189, 446
Темный, Василій (см. Василій Т.).		Тютчевъ, военачальн. московскій	210
Териберка, бухта (см. Териберская губа).		Тягинъ, штабсъ-капитанъ	260
Териберка, рѣчка	293, 301	Тяглець	297
Териберка, селеніе	289, 294, 297, 300, 301, 302	Углицкій уѣздъ	34
Териберская губа	283, 289, 290, 291, 292—303, 304, 305, 307, 325, 335	Угличъ	107, 211
Терскій берегъ	286, 305, 361, 362	Угловая башня въ Шлиссельб. крѣп.	94
Тиманская гундра	363	Угорская земля	98
Тимофеевъ, Антипъ, лодманъ	231	«Уединенный Пошехонецъ»	154
Тимофей и Ермолай, карлики Петра Великаго	169	Ужинское озеро	123
Тимофей, сродникъ Кирилла Бѣлозер- скаго	43	Ужма	391
		Узкое озеро	408
		Укшезеро	70
		Уліанія и Алена	39
		Умба	283
		Унжакъ	137
		Унградъ	209
		Унскіе Рога	228, 231, 254
		Ура-губа (см. Урская губа).	

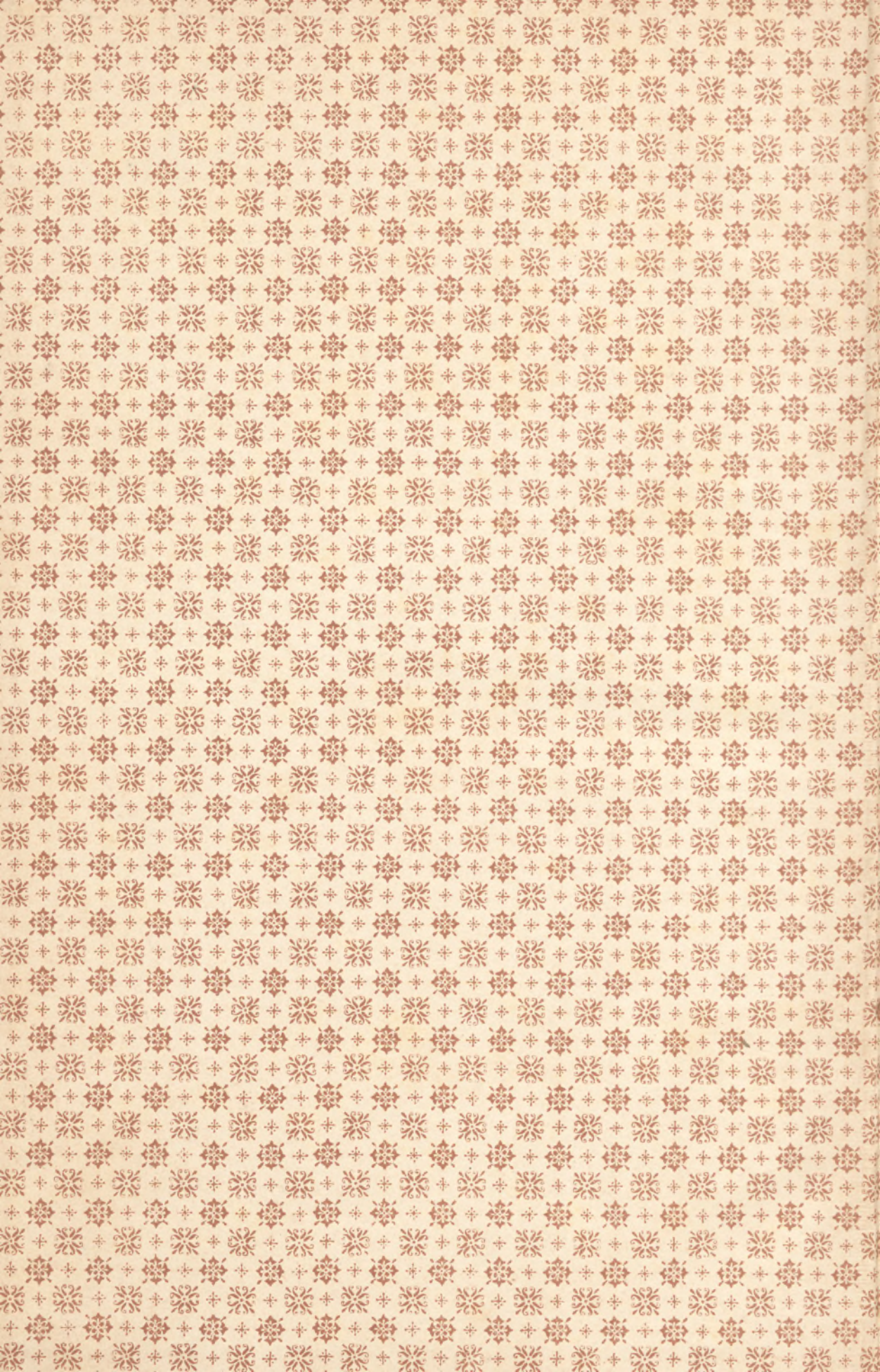
	СТР.
Уральск	83, 199, 367, 437
Уральская жел.-дор. линия	193
Урская губа	307, 322, 326, 328, 336
Урская губа. Еретики. Фактория (Рисунокъ)	323
Урская губа. Китобойные пароходы (Рисунокъ)	324
Урскій заводъ	332
Успенская башня въ Соловкахъ	268
Успенское, село	116
Устье, деревня	32
Устье-Юга	187
Усть-Ижорскій лагерь	454—456
Усть-Ижорскій лагерь. Взрывъ подводной мины (Рисунокъ)	455
Усть-Куломская волость	171
Усть-Пинега	215
Усть-Сысольскій уѣздъ	165, 171
«Устьянская волость»	378
Устьянскъ	286
Устюгскій уѣздъ	197
Устюгъ Великій	52,
159, 174, 176, 185—195, 196, 203, 215, 334	
Устюгъ Великій (Рисунокъ)	188
Устюгъ Великій. Домъ Грибанова (Рисунокъ)	194
Устюжане	195
Устюженскій уѣздъ	32
Устюжна	6, 26, 32—35, 37, 91, 97
Ушкуй	26
Ушкуйники	26, 98, 209, 210
Феликсъ, сынъ Марфы Борецкой	209
Феогность, еписк. владим.	448, 451
Феодора; ея странствіе въ преисподнюю	264
Феодоръ Алексѣевичъ, царь	146
Феодоръ, Давидъ и Константинъ, святые князья	152
Феодоръ Иоанновичъ, царь	43,
68, 169, 228, 267	
Феодоръ Черный, князь; его моги	152
Феодосій, инокъ (Шереметевъ)	44
Феодосій Печерскій	178, 180, 182
Феоктистъ, монахъ соловецкій	271
Феофанъ Прокоповичъ	160
Ферапонтъ	43
Филимониха	414
Филиппъ, митроп. моск.	60,
99, 254, 255, 257, 260, 266, 267	
Финляндія	92, 191, 382, 398, 409, 431
Фогель, пароходчикъ	414
Фойнъ	316, 317, 319, 320
Фомы шлюзы (Рисунокъ)	55
Форколье, негодіантъ	231
Фотій, архимандритъ	11, 171
Жабаровъ (инокъ Иоаннъ)	44, 45
Жабаровы	6
Харловка, губа	335
Хипагинъ, кольскій гор. голова	343, 345
Хлудовъ	144
Хлѣбало.	116
Хлѣбниковъ, торг. фирма	435
Холмогорка, рѣчка	217, 223
Холмогорская выставка скота	221
Холмогорскій уѣздъ	237

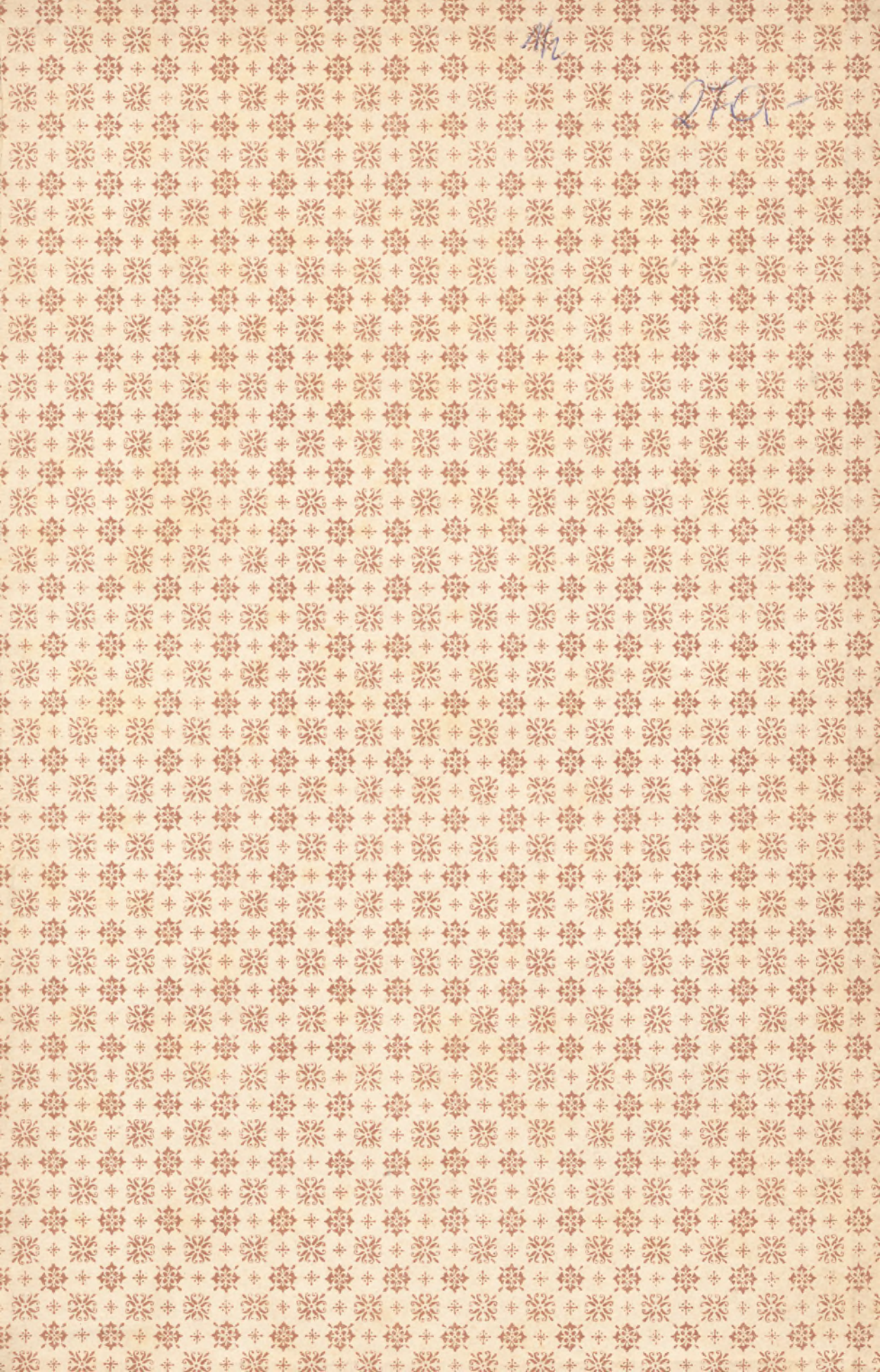
	СТР.
Холмогоры	97,
98, 99, 208, 209, 210, 215—225, 217, 226, 230, 244, 270, 378	
Холмогоры. Денисовка. Ломоносовское училище (Рисунокъ)	216
Холмогоры. Общій видъ (Рисунокъ)	216
Холмогоры. Соборъ и Успенскій монастырь (Рисунокъ)	219
Холмогоры, Новыя	230
Холмскій посадъ	113
Холмскій уѣздъ	112, 113
Холмъ	97, 111, 112—114, 115
Холопѣ	35
Хохлинъ, поморъ	237
Христофоръ, святой	43
Царева рѣчка	178
Царево, Ближнее, деревня	410
Царево, Дальнее, деревня	410
«Царская дорога»	65
«Царскіе торги»	231
«Церковище»	110
Церковь Алексѣя митроп. въ Устюгѣ Вел.	195
Церковь Благовѣщенія въ Соловкахъ	257
Церковь Больничная въ Соловкахъ	248
Церковь Бориса и Глѣба въ Сольвычегодскѣ	205
Церковь Варваринская въ Устюгѣ Вел.	195
Церковь Варлааміевская въ Устюгѣ Вел.	195
Церковь Василия Блажен. въ Москвѣ	154
Церковь Василия на Шексиѣ, въ Бѣлозерскѣ	41
Церковь Введенія въ Бѣжецкѣ	132
Церковь Введенія въ Толгскомъ мон.	146
Церковь Воскресенская въ Горицкомъ монастырѣ	39
Церковь Воскресенская въ Сольвычегодскѣ	207
Церковь Всѣхъ Святыхъ на Кюстровѣ	387
Церковь въ Коровникахъ въ Ярославлѣ (Рисунокъ)	155
Церковь въ с. Бобровскомъ, на Сухонѣ (Рисунокъ)	177
Церковь въ с. Шуйскомъ	178
Церковь Вытегорскаго погоста	58
Церковь Георгіевская, во имя св. Петра и Павла, въ Нов. Ладогѣ	90
Церковь Георгія въ Демянскѣ	116
Церковь Германа Преподобнаго, въ Соловкахъ	266
Церковь Григорія Богослова, въ рост. кремлѣ	158, 160
Церковь Дмитріевская въ Устюжнѣ	33
Церковь Дмитрія Царевича въ Горицк. монастырѣ	39
Церковь Зосимы и Саватія (Троицкая) въ Соловкахъ	248, 266
Церковь Ивана Праведнаго въ Пуховѣ	195
Церковь Ильинская въ Устюгѣ Вел.	195
Церковь Ильи Пророка въ с. Ильинскомъ	217
Церковь Иоанна Праведнаго въ Уст. Вел.	187, 193, 195
Церковь Иоанна Предтечи, въ Толчковѣ, въ Ярославлѣ (Рисунокъ)	156

	стр.
Церковь Иоанна Предтечи въ Устюгѣ Вел.	195
Церковь Иоанна Предтечи въ Ярославлѣ	154
Церковь Казанской Божіей Матери въ Роман.-Борисогл.	142
Церковь Кладбищенская въ Холмогорахъ	218
Церковь Климента въ Шлиссельбургѣ	91
Церковь Крестовая (Спасъ-на-Сѣняхъ) въ Ростовѣ Вел.	160, 162
Церковь Леонтьевская въ Уст. Вел.	195
Церковь Мирносицкая въ Уст. Вел.	195
Церковь Михаила Архангела на Кюстровѣ	387
Церковь Морозовская въ Уст. Вел.	195
Церковь Николаевская въ Уст. Вел.	195
Церковь Николая въ Корочкѣ	120
Церковь Николая въ Островѣ	101, 102
Церковь Николая Чудотворца въ Вологдѣ (Рисунокъ)	172
Церковь Николая Чудотворца въ Сумск. посадѣ	393
Церковь Николы въ Паниловск. погостѣ	218
Церковь Никольская въ Соловкахъ	271
Церковь Параскевы-Пятницы въ Боровичахъ	31
Церковь Петра въ Повѣнцѣ	65
Церковь Петра и Павла (Георгиевская) въ Новой Ладогѣ	90
Церковь Петра и Павла въ Петрозаводскѣ	61
Церковь Петра и Павла въ Устюгѣ Вел.	195
Церковь Пещерная въ ростовскомъ соборѣ	162
Церковь Прасковьи Пятницы въ Уст. Вел.	187
Церковь Прокофія Праведнаго въ Уст. Вел.	187, 193, 195
Церковь Рождественская въ Уст. Вел.	195
Церковь Св. Троицы въ Вологдѣ	167
Церковь Св. Троицы въ Горниц. мон.	39
Церковь Сергія Радонежскаго въ Дымковской слоб.	195
Церковь Симеона Столпника въ Уст. Вел.	195
Церковь Спаса Обыденнаго въ Вологдѣ (Рисунокъ)	172
Церковь Спаса у Холмогоръ	217
Церковь Спасообыденная всеградская въ Вологдѣ	167
Церковь Спасоубрусская въ Уст. Вел.	195
Церковь Терьерская	300
Церковь Трапезная (или Успенія) въ Соловкахъ	248
Церковь Троицкая въ Холмогорахъ	218
Церковь Троицкая, Зосимы и Савватія, въ Соловкахъ	248, 266
Церковь Успенія Бож. Мат. въ Опоч. Рядкѣ	26
Церковь Успенія въ Святогорск. мон.	104
Церковь Успенія (Трапезная) въ Соловкахъ	248
Церковь Феодора Стратилата въ Вологдѣ	169

	стр.
Цна	127, 130
Цнинскій каналъ	127
Цыльма, рѣка	367
Цыпъ-Наволокъ	301
Цадуевъ, сотникъ стрѣлецкій	271
Чайки	248, 251, 309, 352
Часовня въ Петровск. ямѣ (Рис.)	403
Часовня Ильи Пророка, близъ Кеми	276
Часовня Казан. Бож. Мат. въ Шлиссельбургѣ	94
Часовня Крестовоздвиженск., въ Боровичахъ	28
Часовня Предтеченская, въ Соловк. 263,	271
Часовня Чудопросфорная, въ Соловк.	263
Чаячій островъ	355
Ченслеръ	167, 230
Ченца, рѣка	193
Чердынъ	211
Черемха, рѣчка	141
Череповецъ	6, 36—38, 137
Черкасскіе	44
Черменино, деревня	176
Черная Лука	187
Черниговъ, селеніе	201
Черный Волокъ	408
Черный, Феодоръ, князь	152
«Чижевъ», пароходъ	357
«Чистикъ», птица	309
«Чортова рѣка	186
Чубала, островъ	220
Чудопросфорная часовня	263
«Чудскія могилы»	167
Чудь	98, 165, 167, 187, 209
«Чудь-была»	220
Чукчерма, село	217
Чумъ лопарскій	331, 332
Чучковъ, крест-самоучка	182
■■■■алимъ, островъ	322
«Шалоникъ»	360
«Шампуры»	345
Шарапова Кошка, островъ	285
Шаховской, князь	115
Шведы	45,
65, 87, 91, 92, 93, 94, 169, 231, 268,	283, 338, 363
Шевыревъ, историкъ	41,
43, 44, 46, 158, 160, 171, 173	6,
Шексна	36, 38, 39, 41, 49, 98, 135, 137, 139, 140, 200
Шелтопорожскій скитъ	401
Шельпинская губа	335
Шемяка	167
Шенглейнъ	378
Шенкурскій уѣздъ	237
Шереметевъ-Большой, Ив. Вас. (инокъ Юна)	45
Шереметевъ, Григорій	45
Шереметевъ (инокъ Феодосій)	44
Шереметевъ, Никита	45
Шереметевъ, фельдмаршалъ	93
Шереметевы	6, 45
Шилента, рѣка	210
«Шипишникъ»	330
Шипко, нечистый духъ	52

	стр.		стр.
Шлина	130	Эдигеръ, царь казанскій	268
Шлиппенбахъ	93	«Экспедиціонъ», судно	286
Шлиссельбургская крѣпость	91, 93	Югорскій Шаръ	286
Шлиссельбургская крѣпость (Рис.)	8—9	Югъ, рѣка	187, 195, 196, 197, 302
Шлиссельбургъ	7, 90—94, 97, 399	Юрій Даниловичъ, князь	92
Шлюзъ Владиміра (Рисунокъ)	55	Юрій Долгорукій	447
Шлюзъ Павла (Рисунокъ)	55	Юрменгъ, рѣка	176
Шлюзъ «Полюза»	53	Яванъ, рѣчка	118
Шлюзъ святого Павла	58	Яворскій, Стефанъ	160
Шлюзъ святого Петра	56	Ягорба, рѣка	37
Шлюзъ святой Анны	53, 54	Ягостровъ	274, 276
Шлюзъ святой Маріи	56	Яжелбицкій ямъ	122
Шлюзъ Фомы (Рисунокъ)	55	Яковлевское общество	380
Шляковъ, И. А.	160	Ямъ	91
Шняка	296	Янковскій, инженеръ	445
«Шпигаты»	289, 305	Яренскій уѣздъ	165
Шпицбергенъ	238, 283, 320	Ярославль	26,
Шредеръ	62	97, 98, 142, 144, 146, 147, 148—157,	158, 203, 267
Шуваловы, графы	226, 378, 454	Ярославль. Бульваръ и проѣздъ отъ	
Шуйская слобода	176	Волги (Рисунокъ)	149
Шуйскіе	44	Ярославль. Соборная площадь (Рис.)	151
Шуйскій, Вас. Ив., царь	34, 257	Ярославль. Спасопреображ. монастырь	
Шуйскій, Ив. Петр., князь	43	(Рисунокъ)	153
Шуйское, село	178	Ярославская губернія	97
Шумскій, сынъ гр. Аракчеева	19	Ярославская область	148
Шунга	410	Ярославскіе князья; ихъ усыпаль-	
Шунгская ярмарка	382	нища	152—154
Шуя, рѣчка	69	Ярославскій Демидовскій лицей	18
Шуя, село	69	Ярославъ, вел. князь	148, 152, 338
Шхуны	139, 226	Ярославъ III.	167
Щебериха, рѣчка	116	«Ярусъ»	297
Щельё, дер.	365, 374	Ярцовская пушка	65
Щенятевъ (инокъ Пиментъ)	44		

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

Biblioteka WSP Kielce

0159480